

УЧЕБНИК ДЛЯ ВУЗОВ

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ и АМЕРИКИ XVI-XIX века

В 3 частях

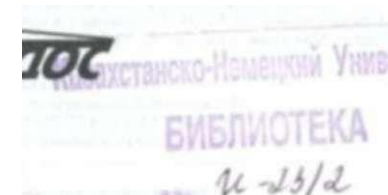
Под редакцией А.М. Родригеса,
М.В. Пономарева

Часть
1

Рекомендовано Министерством образования
и науки Российской Федерации в качестве
учебника для студентов высших учебных заведений

Москва

2005

УДК 94(4+7)"15/18"(075.8)
ББК 63.3(4)5я73 + 63.3(7)5я73
Н72

Содержание

Авторский коллектив:
Родригес А.М., доктор исторических наук, профессор - Введение;
Мельяцев В.А., доктор исторических наук, профессор - §1, 2
(в соавторстве с *Пономаревым М.Е.*);
Пономарев М.В., кандидат исторических наук, доцент - § 3, 6, 7, 9,10
(в соавторстве с *Каримовой Л.А.*, кандидат исторических наук);
Никонов О.А., кандидат исторических наук - § 4, 5;
Рафалюк С.Ю., кандидат исторических наук - § 8

Новая история стран Европы и Америки. XVI-XIX века. В 3 ч.
Ч. 1 : учеб. для студентов вузов / [А.М. Родригес и др.]; под ред.
А.М. Родригеса, М.В. Пономарева. - М. : Гуманитар, изд. центр
ВЛАДОС, 2005. — 528 с. — (Учебник для вузов).
ISBN 5-691-01419-6. ISBN 5-69-1-01420-X (4.1).
Агентство СІР РГБ.
Учебник посвящен истории стран Европы и Америки в XVI-XIX вв.
В нем рассматриваются важнейшие события и проблемы истории Нового
времени, анализируются основные тенденции социально-экономического
и государственно-правового развития западного общества в указанный пе-
риод, эволюция общественной мысли и культуры. Оригинальная структура
учебника позволяет использовать его как в рамках учебного процесса, так
и для самостоятельной подготовки студентов и аспирантов.
Учебник издается в трех частях. В первой части рассматриваются
основные тенденции общественного развития стран Европы и Америки
в Новое время. Учебник является частью учебного комплекта «Новая и
новейшая история зарубежных стран».

УДК 94(4+7)"15/18"(075.8)
ББК 63.3 (4)5я73+63.3(7)5я73

© Коллектив авторов, 2005
© ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС». 2005
© Серия «Учебник для вузов» и серийное оформление.
© ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС». 2005
ISBN 5-691-01419-6
ISBN 5-691-01420-X (4.1) © Макет. ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС». 2005

Учебное издание
Родригес Александр Мануэлевич, Мельяцев Виталий Альбертович,
Пономарев Михаил Викторович и др.

НОВАЯ ИСТОРИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ XVI-XIX ВЕКА

Учебник для студентов вузов

Зав. редакцией *Л. Р. Новоселова*; редактор *О. А. Шишкова*
Зав. художественной редакцией *И. А. Пшеничник*
Компьютерная верстка *А. И. Кудряцев*; корректор *Т. Я. Кокорева*

ООО «Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС».

Лицензия ИД № 03185 от 10.11.2000.

Санитарно-эпидемиологическое заключение № 77.99.02.953.Д.005490.08.04 от 26.08.2004.
Сдано в набор 20.10.04. Подписано в печать 14.02.05. Формат 60x90/16. Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 33,00. Тираж 20 000 экз. (1-й завод 1-10 000 экз.) Заказ А-353

Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС.
119571, Москва, просп. Вернадского, 88.

Тел. 437-11-11, 437-25-52, 437-99-98; тел./факс 735-66-25.
E-mail: vlados@dol.ru <http://www.vlados.ru>

Отпечатано в типографии ОАО ПИК «Идеал-Пресс».
420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

ВВЕДЕНИЕ.	4
РАЗДЕЛ I. ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В XVI-XIX вв.	
а I. Социально-экономическое развитие Запада в Новое время: от традиционного к индустриальному обществу.	11
§ 1. Материальная культура европейского общества и развитие капиталистических отношений в период мануфактурного капитализма.	11
§ 2. Промышленный переворот и формирование индустриальной экономической системы.	32
§ 3. Особенности социально-экономического развития западного общества на рубеже XIX-XX вв.	57
Глава II. Государственно-правовое развитие стран Европы и Америки в XVI-XIX вв.	92
§ 4. Предпосылки возникновения и эволюция абсолютизма в странах Европы.	92
§ 5. Становление конституционной модели государственности.	136
Глава Ш. Общественная мысль и культура в Новое время.	159
§ 6. Духовные искания в эпоху Возрождения и Реформации.	159
§ 7. «Ньютоновская картина мира»: научная мысль и общественное сознание XVII в.	205
§ 8. Общественная мысль, научные достижения и культура в век Просвещения.	255
§ 9. Научный прогресс и философско-мировоззренческие искания в XIX в.	327
§ 10. «Закат Европы»: социально-мировоззренческий кризис западного общества на рубеже XIX-XX вв.	440

ВВЕДЕНИЕ

Новое время является одним из наиболее насыщенных периодов мировой истории. Оно сопряжено с событиями глобального масштаба, определившими динамику складывания современной цивилизации. Эта эпоха неизменно вызывала повышенный, обостренный интерес у каждого поколения исследователей. Летопись Новой истории, неотделимо связанной с современностью и одновременно уходящей корнями в далекое прошлое, раз за разом становилась полем политизированных дискуссий, сильным аргументом в противостоянии враждебных мировоззренческих систем, важным средством обоснования правомерности любых идеологических доктрин.

История самого понятия «Новое время» несет отпечаток острого идеологического противоборства. Еще в эпоху Возрождения итальянскими гуманистами было предложено трехчленное деление всемирной истории на «высокую античность», «темные, или средние века» и «новое время, или возрождение». В дальнейшем вычленение Древней истории, Средних веков и Новой истории, отражающее присущий европейской историографии прогрессистский взгляд на характер исторического процесса, стало универсальным. Впрочем, жесткое хронологическое разграничение этих периодов не играло принципиальной роли. Более важным оказывался эпицентр проблемной нагрузки исследований, в частности, в области медиевистики — анализ развития феодального общества и христианской духовной традиции в средневековой Европе, при изучении Нового времени — анализ революционного становления буржуазного общества, утверждения капиталистических порядков и складывания системы международных отношений.

С течением времени в западной исторической науке, наряду с «новой историей», закрепляется и понятие «современная история». Предлагаемая датировка этого периода была весьма различной. В качестве рубежной даты рассматривались события 1815, 1871, 1900, 1918 гг. Каждое новое поколение историков, пытающихся проанализировать генезис современных форм общественной жизни и вычленить последний этап этого процесса в качестве «современности», оказывалось перед сложно разрешимой методологической проблемой — необходимостью обоснования принципиального различия основного содержания «новой» и «современной» истории. В конечном счете, приоритет в обобщающих исторических работах, по-

священных последним периодам развития западного общества, был отдан «вековым историописаниям» («история XIX века», «история XX века»). В рамках же аналитического подхода к анализу развития современного общества инициатива перешла к представителям социологической, политологической, экономической наук.

В марксистском общественном знании, в лоне которого сформировалась и современная отечественная историография, проблема периодизации Нового и Новейшего времени, а также точной характеристики предмета соответствующих дисциплин приобрела первостепенное значение. Это было связано прежде всего с формационной концепцией, в рамках которой каждый период истории отражал ключевые этапы процесса обобществления труда, смены общественно-экономических систем в результате борьбы антагонистических классов. Классовая борьба рассматривалась как «основное содержание» каждой эпохи и двигатель общественного прогресса. С этой точки зрения, Новое время трактовалось как эпоха торжества капиталистической формации, начавшаяся событиями Английской буржуазной революции XVII в. Внутренняя периодизация Новой истории отражала представления о переломном рубеже в развитии капиталистического общества, выходе на историческую арену нового прогрессивного класса — пролетариата. Соответственно, в качестве события, отделявшего «первый» и «второй» периоды Новой истории, рассматривалась эпопея Парижской коммуны (1870).

Вычленение особого периода Новейшей истории связывалось в марксистской традиции с динамикой формационного перехода от капиталистического общества к коммунистическому, завершением «предыстории человечества» и началом «подлинной истории». Точка зрения о Новейшей истории как периоде с самостоятельным формационным характером (впервые представленная в трудах проф. Б.Ф. Поршнева) первоначально не закрепились. В печально известном «научном» труде «Замечания И. Сталина, С. Кирова и А. Жданова о проекте учебника новой истории» (1934) содержалось понятие «третьего периода новой истории, или новейшей истории», который рассматривался в качестве этапа «упадка капитализма и победного строительства социализма». Позднее с этим понятием была соотнесена концепция «общего кризиса капитализма», разработанная идеологами Коминтерна. Со-

ответственно, формировалось и представление о внутренней периодизации Новой и Новейшей истории - их границей стал считаться 1917 год, Великая Октябрьская социалистическая революция, означавшая «начало торжества коммунизма во всемирном масштабе».

По вопросу рубежа между средневековьем и Новой историей в советской историографии возникла дискуссия между московской и ленинградской школами. Московские историки считали событием, разделившим две эпохи, Английскую буржуазную революцию (середина XVII в.), а ленинградские — Французскую (конец XVIII в.). Первая точка зрения со временем стала преобладающей, что нашло отражение и в монографической литературе, и в издававшихся на протяжении многих лет учебниках истории для вузов и средней школы.

В современной отечественной историографии дискуссия о хронологических границах средневековья, Нового времени и Новейшей истории не имеет столь важного значения. Принципиальная значимость придается смысловой трактовке этих периодов Мировой истории. Для цивилизации Запада границы Нового времени («Modern age», «Neuzeit») определяются процессом модернизации — переходом от традиционного, аграрного общества к индустриальному, капиталистическому. Причем, предпосылки этого процесса в Европе складывались в разное время, а сам процесс модернизации приобретал совершенно разную динамику и формы. Для анализа этих событий важно определить не степень приближенности Запада к некоей «современности», не поворотную точку «магистрального пути» исторического развития, а вычленение качественных этапов модернизации, постепенной эволюции традиционного общества и складывания принципиально новых общественных институтов.

Важно учесть, что понятие «Новая история» как период Всемирной истории является характеристикой, приемлемой как для стран Запада, так и для стран Азии и Африки. Естественно, содержание этого исторического периода для таких разных регионов земного шара представляется явно не однотипным: в передовых странах Запада происходило развитие, а затем и торжество капиталистических отношений; страны Азии и Африки, наоборот, вступали в длительную полосу кризиса своих феодальных структур, а затем стали легкими объектами для капиталистической экспансии со стороны капиталистических

стран Запада. Но все же существует нечто определяющее для периода Новой истории как в странах Запада, так и в странах Востока. В целом, это формирование колониальной системы, в рамках которой горстка стран-метрополий (Запад) и подавляющее количество зависимых стран (Восток) впервые в истории человечества вместе образуют единую систему мирового капиталистического хозяйства на базе сформировавшегося единого мирового экономического рынка.

В принципе, такой подход является достаточно распространенным и типичным для характеристики основного содержания периода Нового времени. Обобщая разные трактовки, можно выделить следующие периоды, образующие историческое пространство Нового времени: период меркантилизма, великих географических открытий и захвата торговых путей, первоначального накопления капитала и деформации традиционной социокультурной среды под влиянием Возрождения и Реформации; период буржуазных революций, становления капиталистической экономики, промышленного переворота и формирования базовых социальных и правовых институтов индустриального общества; период формирования монополистического капитализма, массового производства, завоевания Западом тотального мирового господства и, одновременно, зарождения глубинных социально-экономических и политических противоречий в развитии индустриального общества. Поиск выхода из этих противоречий и станет основной целью исторического развития в XX в.

Структура предлагаемого учебника имеет определенную специфику. Исходя из характеристики основного содержания Новой истории, в качестве хронологических рамок этого периода рассматриваются, с одной стороны, рубеж XV-XVI вв. (эпоха Великих географических открытий и «Высокого Возрождения»), а, с другой, — рубеж XIX-XX вв. (эпоха монополистического капитализма, или империализма).

Эпоха Великих географических открытий, начало которой положили плавания Христофора Колумба (1492) и Васко да Гамы (1498), коренным образом изменила не только географическую, но и экономическую, социальную, политическую картину всего мира. На Западе началась так называемая «революция цен», ставшая мощнейшим катализатором развития капиталистических отношений и, в конечном итоге, превращения большинства европейских держав в метрополии. На Вос-

токе, в свою очередь, тот же процесс вызвал противоположные последствия. Там многократно усилился кризис феодальных структур, замедлились темпы развития, что, в конечном итоге, превратило когда-то высокоразвитые восточные страны в колонии и полукolonии. Таким образом, произошли процессы огромной важности, приведшие к возникновению колониальной системы, в рамках которой возник общемировой экономический рынок (где страны Востока играли подчиненную роль), и впервые в истории человечества история стала единой.

Грань XIX и XX вв. также является переломной в истории развития не только стран Европы и Америки, но и всего мира. На Западе в конце XIX в. свободный капитал стал переформириться в монополистический, что совершенно изменило ситуацию в развитых странах. А на Востоке именно в конце XIX в. начинается развитие собственных капиталистических отношений, что, в свою очередь, вызвало процесс появления новых классов и групп общества, возникновения буржуазного революционного движения и последующие буржуазные революции («пробуждение Азии»), ставшие прологом к развалу колониальной системы. Кроме того, именно на грани XIX и XX вв. произошли первые межимпериалистические конфликты (испано-американская война 1898 г., англо-бурская война 1899-1902 гг. и русско-японская война 1904-1905 гг.), ставшие прообразом будущих мировых войн. Таким образом, хронология Нового времени предлагается в рамках XVI-XIX вв. Однако это не означает, что авторы отрицают право на другие точки зрения по данному вопросу.

Предлагаемый учебник включает три раздела. Первый раздел (составляющий первый том издания) посвящен анализу основных тенденций общественного развития стран Европы и Америки в XVI-XIX вв. Материал здесь распределен на три проблемных блока: социально-экономическое развитие Запада в Новое время, проблемы государственно-правового развития (включая анализ становления абсолютизма и конституционного типа государственности), а также эволюция общественной мысли, научных достижений и культуры в Новое время. Второй раздел (вошедший во второй том издания) посвящен истории международных отношений. Третий раздел (часть второго и третий том издания) построен по страноведческому принципу. В нем рассматривается история крупнейших стран и регионов Европы и Америки на протяжении XVI-XIX вв.

Раздел I

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ СТРАН ЕВРОПЫ И АМЕРИКИ В XVI-XIX вв.

Глава I Социально-экономическое развитие Запада в Новое время: от традиционного к индустриальному обществу

ВчП II Материальная культура европейского общества и развитие капиталистических отношений в период мануфактурного капитализма

Исторические предпосылки европейского процесса модернизации общества

Экономический рывок Западной Европы в доиндустриальную эпоху — один из самых любопытных и загадочных феноменов мировой истории. В самом деле, почему и как отсталая, бедная, полудикая периферия Евразии, какой, по существу, была Европа во второй половине первого тысячелетия н.э., сумела к началу промышленной революции значительно продвинуться вперед, догнав и перегнав другие, прежде могущественные империи и государства, обратив некоторые из них в колонии и зависимые страны? Эта проблема тесно связана с общей трактовкой периода Новой истории, с осмыслением исторической природы и сущности процесса модернизации.

В XIV-XV вв. европейское общество оказалось в состоянии системного кризиса, открывшего путь для коренного обновления всех сфер человеческой жизни. В эту эпоху складываются предпосылки для развертывания процесса модернизации — поэтапного перехода от общественной системы традиционного типа (аграрного, сословно-корпоративного) к индустриальному, или «современному обществу» (modern society).

Модернизация сопряжена с закреплением классовых форм социальной стратификации и партикуляризма (доминирования частных интересов), складыванием национальных сообществ, формированием основы конституционной государственно-правовой системы и электоральной модели политического поведения. Модернизация, с точки зрения экономической, — это

переход к капитализму западного типа, обеспечение свободного функционирования капитала и полного преобладания рыночных механизмов общественного воспроизводства. Шаг за шагом в ходе модернизации складывалась и особая духовная среда, основанная на индивидуализации ценностных ориентации, секуляризации и рационализации общественного сознания, преобладании научного типа познания. В ходе модернизации складывается новый тип идентичности европейского человека, основанный на инновационной, деятельной социальной активности, секуляризованном, «обмирщенном» мировосприятии и целесообразной, рационализированной мотивации. Модернизация разрушала традиционную картину мира с присущим ей восприятием человека как части нерушимого богоданного порядка вещей. Происходящая в ходе ее радикальная смена мировоззренческих установок и морально-этических норм носила в высшей степени драматический характер.

Динамика, сроки и формы модернизации в странах Запада и Востока имели огромную специфику. В Европе предпосылки для развертывания этого процесса складывались поэтапно. Уже в начале второго тысячелетия здесь возникли необходимые и достаточные условия для обеспечения ускоренного развития производительных сил, роста капиталовооруженности и, в конечном счете, — производительности труда. Ввиду климатических особенностей этой части Евразии ее народы (в отличие от народов Востока и Юга) в сравнительно меньшей степени были избалованы богатством естественных условий труда и средств существования, но в то же время и меньше зависели от «роковых капризов» природы. Вместе с тем Западная Европа располагала благоприятными возможностями для развития относительно дешевых, надежных и эффективных по меркам традиционных обществ средств коммуникаций (обилие судоходных рек, большая протяженность морских берегов), а также для наращивания основного капитала и энергетического потенциала (ввиду наличия не истощенных в результате длительного антропогенного воздействия макрорландшафтов с огромными лесными массивами).

В отличие от многих азиатских обществ, располагавших плодородными землями и сумевших найти в ходе длительного исторического развития относительно эффективные и адекватные своим природно-климатическим особенностям технологии (например, заливного риса), позволявшие им быть

в известной мере самодостаточными, а их элитам получать колоссальный прибавочный продукт, западноевропейский периферийный вариант даннического способа производства не был самодостаточен. Существовавшая на Западе система «человек — природа» была сравнительно малоэффективна. Достаточно сказать, что в средние века общая продуктивность земли там была как минимум в пять раз ниже, чем в странах Востока. Сложившиеся условия требовали «самоусиления» человека, подталкивали его к поиску новых средств и форм адаптации, к экспансии во всех возможных направлениях: в освоении новых территорий, технологий, в социально-институциональной и духовной сферах.

В известной мере благодаря географическому расположению Западной Европы (удаленность от основных мест дислокации кочевников), ее народам в целом удалось избежать или свести к минимуму последствия социально-политических шоков, связанных с завоеваниями кочевников. Уместно напомнить, что их набеги были отбиты не только силами западноевропейцев. Немалую роль сыграли стойкость и мужество восточноевропейских и южноевропейских народов, ослабивших натиск кочевников, но заплативших при этом дорогую цену: многие из них в результате отстали в своем развитии. В то же время многократные попытки объединения Европы изнутри силовыми способами, как известно, в конечном счете терпели неудачу. Ввиду разнообразных обстоятельств, многие из которых не даются в уточнении (географическая фрагментация, особенно — в позднем этногенезе), в Западной Европе постепенно сложилась своеобразная система более или менее равновесных конкурентно-контрактных отношений, препятствующая образованию губительной для прогресса монополии власти. Сформировались относительно независимые, децентрализованные источники силы: церковь, города, феодалы, университеты, гильдии и т.п. В средневековой Европе сложилась уникальная модель городских поселений с коммунитарным типом общественных связей. Система землевладения, а вслед за ней и вся структура феодального сословия оказалась децентрализована (что нашло выражение в принципе «вассал моего вассала — не мой вассал»). В ходе длительной эволюции был постепенно ограничен произвол королей и князей, которые в целях более успешной борьбы со своими соседями-конкурентами оказались вынуждены опираться на экономическую силу третьего, глав-

ным образом торгово-промышленного сословия, предоставив ему некоторые свободы и гарантии существования. Этому способствовал и дуализм двух высших сословий — как духовной и светской властей.

Наконец, яркой спецификой обладала и европейская средневековая духовная культура. Она основывалась на синтезе совершенно разнородных компонентов — античном наследии (концепция свободы, институты демократии, частное и публичное право, научно-технические изобретения, достижения в области литературы и искусства), «восточном» технологическом трансферте (заимствование и творческая адаптация европейцами ближневосточных, индийских и китайских инноваций), «германском» факторе (этническое обновление носителя европейской культуры, привнесение «свежей энергии»), широком распространении иудео-христианских традиций и системы ценностей. Иудео-христианская традиция придала особый импульс движению европейского исторического субъекта. В отличие от многих других религий и этических систем в иудаизме и христианстве время не циклично, а линейно, в известном смысле оно — вектор (ибо мир, согласно иудео-христианскому учению, был создан, имеет начальную и конечную точки), время господствует над пространством. Тем самым была заложена идея прогресса и возможности рационального освоения мира. В христианской культуре весьма сильно антропоцентричное начало: дух не растворен в природе, а сконцентрирован в самом Человеке, который создан по образу и подобию Божьему. Спасение возможно через созидание, через активную борьбу со злом в посяствующем мире. В отличие от античности, в христианском мире труд не проклятие, а важнейшая форма, источник спасения. Трудовая этика получила широкое распространение благодаря деятельности монахов (бенедиктинцев, цистерцианцев и др.), провозгласивших принципы «labour est oratio» («work is worship», «кто не работает — не ест») задолго до возникновения кальвинизма.

Сочетание всех этих уникальных особенностей предопределило особую динамичность европейского средневекового общества по сравнению с традиционными восточными цивилизациями. Уже в доиндустриальную эпоху в Европе складываются предпосылки для ускорения социально-экономического развития и формирования нового типа материальной культуры.

Доиндустриальный рост стран Запада: факторы, темпы, динамика

Вопреки еще сохраняющимся представлениям о так называемом средневековом застое (стагнации), Западная Европа в XI-XIII вв. в целом переживала период относительно быстрого экономического роста. По имеющимся оценкам, в 800-1000 гг. валовая урожайность возросла примерно на 20-30%, а чистая (за вычетом семян) — на 45-55%; в 1000-1300 гг. соответствующие показатели составили 35-45 и 60-70%. В эти столетия осуществлялся переход от двухполья к трехполью, начиная с XII в. происходила широкомасштабная распашка целинных земель. С конца XI по конец XIII в. общая площадь обрабатываемых земель в Англии, Франции и Германии увеличилась примерно на 35-55%, а объем условно чистой продукции сельского хозяйства в 1000-1300 гг. — на 180-260%. В XI-XIII вв. промышленное производство в странах Западной Европы возросло не менее чем на 110-280%, а доля населения, занятого в сельском хозяйстве, уменьшилась с 79-85% до 77-82%. Учитывая, что численность населения в регионе в 1000-1300 гг. увеличилась примерно на 90-95%, можно предположить, что подушевой национальный продукт возрос в среднем на 40-70%, а его среднегодовой темп прироста составил 0,13-0,16%.

Повышательный тренд обнаруживается и на основе демографических реконструкций. Потепление климата в Западной Европе, наступившее в VIII-XIII вв., снижение интенсивности распространения эпидемий, относительное уменьшение хаоса, вызванного последствиями великого переселения народов, способствовали хозяйственному и демографическому подъему (несколько приостановленному в результате рейдов викингов и венгров в 850-950 гг.). Численность населения стала быстро увеличиваться, возможно, с конца VII в., достигнув в 800 г. уровня 500 г. Затем темпы роста населения уменьшились в 800-1000 гг. вдвое по сравнению с 700-800 гг. — до 0,11-0,12% в год. В 1000-1100 гг. они составили 0,12-0,14% в год, затем возросли вдвое в 1100-1300 гг. Однако в 1300-1340 гг. темпы понизились до 0,2% в год. В целом, за 650-1340 гг. (т.е. предположительно речь может идти о 600-700-летнем мегапериоде) население увеличилось более чем в 4 раза, в том числе в Северо-Западной Европе — в 6 раз, в Испании и Италии — примерно в 3 раза.

Сверхдлинная волна 650-700/1300-1340 гг. состоит, таким образом, из двух макрокомпонентов — восстановительного периода и примерно трех столетий «чистого» роста. Эта длительная протяженность отмечена крупными изменениями в структурах производительных сил. Они связаны не только с собственными изобретениями европейцев, но и с широким внедрением и творческой адаптацией ими технических средств, созданных в античном мире, а также на Востоке. Трансферт знаний, технологий, культурных ценностей, потребительских стереотипов интенсифицировался в результате межцивилизационных контактов, в ходе реконквисты, крестовых походов, а также расширения евразийской сухопутной торговли вследствие установления Pax Mongolica в 1240-1340 гг. Западная Европа быстро впитывала нововведения, ибо, как отмечалось, ее социально-экономическая система в силу гетерогенности (и конкурентного начала), а также сравнительно низкой эффективности испытывала в них постоянную потребность.

К числу крупнейших инноваций в сельском хозяйстве можно отнести применение в Северо-Западной Европе тяжелого плуга (с VII в., заимствован, вероятно, у славян), введение трехпольной системы (с VIII в.), интенсифицировавшей использование живого труда, земли и скота; подковы (с IX в., ранее применялась кельтами); хомута (с IX в., вероятно, заимствован из Китая), увеличившего КПД лошади в 4-5 раз. Промышленная, транспортная и информационная «революции» средневековья связаны с появлением усовершенствованного ткацкого станка (середина XI в., Фландрия), повысившего качество продукции и увеличившего производительность труда в 3-5 раз; изобретением компаса (1090), очков (1285, Италия), механических часов (XIV в.), ставших, по-видимому, катализатором технологических и организационных изменений в европейском обществе; с широким применением тачки, строительством каналов; с достижениями в области кораблестроения, навигации, многими инновациями в горном деле, металлургии; с развитием книгопечатания. Значительно увеличились также энергетические возможности европейцев — это было вызвано распространением водяных и ветряных мельниц (соответственно с X и XI-XII вв.).

В итоге, несмотря на многие негативные обстоятельства (общая бедность преобладающей массы эксплуатируемого населения, паразитизм основной части светских и духовных

феодалов, частые войны, стихийные бедствия, например, пожары, недостаточная четкость прав собственности, в том числе наличие общих полей), европейское средневековое общество сумело в целом обеспечить известный рост массы и нормы производственных накоплений, создававших основу превращения простого (а временами и суженного) воспроизводства в расширенное. Этому способствовали климатические, геополитические и цивилизационные факторы, отмеченные ранее, а также социально-институциональные изменения, происходившие в западно-европейских обществах при переходе от раннего средневековья к его более зрелым фазам.

Экспансия роста XI-XIII вв. была прервана экологическим, социально-экономическим и политическим кризисом XIV в. Приращение новых обрабатываемых земель отставало от увеличения численности населения: в 1100-1300 гг. в среднем по странам Северо-Западной Европы, включая Англию, Францию и Германию, соответствующие показатели составили 35—55 и 65-75%. К концу XIII — началу XIV в. стали вовлекаться в оборот менее плодородные земли. Изменился климат: в 1300-1450 гг. он стал более холодным и сырым, чем прежде. Голодовки, которые стали более частыми с 1300-х гг., а также повторяющиеся эпидемии, войны, восстания, религиозные репрессии привели к значительному сокращению численности европейского населения — в 1330-1347/1380-1400 гг. примерно на 1/3, хотя в отдельных регионах и городах это падение было более существенным. Например, число жителей Венеции всего за 18 месяцев (с осени 1347 г. по весну 1349 г.) уменьшилось на 3/5. Погибали мастера, квалифицированные работники, сокращался спрос, производство оказалось в значительной мере дезорганизованным. И хотя некоторые отрасли, например, металлургия и строительство (ввиду эскалации войн), не переживали столь заметного спада, в целом период XIV-XV вв. стал временем экономического упадка.

Вместе с тем часть населения, избежавшая худшей доли, сумела поправить свое положение. Вследствие расширения практики дарений церкви и роста спроса на ее услуги, церковь в XIV-XV вв. аккумулировала немалые богатства. Повысились уровень и качество питания отдельных категорий рабочих, мастеров и ремесленников. В то же время падение ренты, а также цен на продукцию растениеводства при росте ставок зарплаты и удорожании промышленных товаров ослабило

позиции основной части феодалов, способствовало оттоку денежных и материальных ресурсов в пользу городов и сельских предпринимателей, сделавших ставку на интенсивное земледелие и животноводство (в том числе, путем осуществления огораживания). В XIV-XV вв. в ряде стран Западной Европы в ходе ожесточенной борьбы крестьяне получили свободу. Стали постепенно складываться условия, при которых было выгодно замещать относительно дорогой фактор (труд) другими, сравнительно более дешевыми ресурсами (при тогдашнем динамическом соотношении цен) — скотом и иными формами «первоначального» основного капитала.

Со второй половины XV в. в ряде стран Западной Европы начался экономический подъем, сопровождавшийся относительно быстрым ростом численности населения, которая к началу XVI в. превысила уровень 1300 г. Это было связано рядом обстоятельств, в том числе с улучшением климатических условий в 1450-1550-х гг., а также с великими географическими открытиями, с такими феноменами, как Ренессанс и Реформация. Великие географические открытия занимают в этом ряду особое место.

В 1492 г. испанский подданный генуэзского происхождения Христофор Колумб в поисках нового пути в Индию впервые достиг берегов Америки. В результате этого плавания были открыты Багамские острова и северные берега Кубы и Венесуэлы. Второе плавание Колумба 1493-1496 гг. открыло для европейцев Малые Антильские острова, Пуэрто-Рико, Ямайку и южный берег Кубы. В 1502-1504 гг. в результате его очередной экспедиции, направленной, как и прежде, на поиски золота, произошло открытие Карибского берега Центральной Америки. Началось активное освоение испанцами нового континента. Уже в 1508-1511 гг. были открыты Флорида, полуостров Юкатан и юго-восточное побережье Мексики. Участник нескольких испанских и португальских экспедиций (1499-1504) к берегам Южной Америки, Америго Веспуччи назвал эти земли Новым Светом и впервые предположил, что они представляют собой неизвестный материк. В начале XVI в. испанцы начали активное освоение южноамериканских территорий. Ими были открыты Гвиана, Венесуэла, Бразилия. В 1519-1525 гг. началось кровавое завоевание Мексики под руководством Ф. Кортеса. Вскоре началось и освоение португальцами Бразилии. В 1530-1535 гг. испанский конкистадор

Ф. Писарро завоевал Перу, а в 1535-1537 гг. Диего де Альмагро предпринял поход в Чили.

В результате экспедиции португальца Васко да Гамы 1497-1498 гг., обогнувшей Африку в поисках нового морского пути в Индию, был открыт доступ к богатствам Юго-Восточной Азии. В 1500 г. Д. Диаш открыл остров Мадагаскар близ африканских берегов. В 1519-1522 гг. португалец Ф. Магеллан осуществил первое в истории человечества кругосветное путешествие, открыв по пути Патагонию, Огненную Землю и пролив, отделявший последнюю от континента и названный впоследствии его именем. В первой половине XVII в. голландцы продолжили освоение азиатских территорий. Ими были открыты земли Индонезии, Австралии (Новая Голландия), Новой Зеландии, т.н. Вандименовой Земли и островов Тропической Океании.

Экспедиция Д. Кабота в 1497-1498 гг. сделала первые шаги по освоению англичанами североамериканских территорий. Корабли знаменитого британского пирата на королевской службе Ф. Дрейка во второй раз в мировой истории обогнули Земной шар (1577-1580). В 1534-1536 гг. была предпринята первая попытка колонизации Канады экспедициями Ж. Картье (Франция). В 1608 г. С. Шамплен основал Квебек и открыл Великие озера.

Эпопея Великих географических открытий положила начало системе колониализма, которая просуществовала вплоть до второй половины XX столетия. Первыми крупнейшими колониальными державами были Испания и Португалия, позднее лидерами этого процесса стали Голландия, Англия и Франция. Покорение новых территорий сопровождалось вывозом в Европу драгоценных металлов и различных экзотических товаров. В обыденную жизнь европейского населения, сначала высшего, а затем и всех остальных сословий, постепенно входят такие новые продукты питания, как картофель и помидоры, чай, кофе, какао, рис, сахар, различные пряности и т.д. На европейском рынке появляются ранее неизвестные табак, индиго и другие диковинные товары. Новым источником доходов предприимчивых европейцев также стала работорговля.

Открытие мира, резкая интенсификация морских коммуникаций придали огромный импульс экономическому развитию и самой Европы. За XVI в. объем сухопутных перевозок стран Северо-Западной Европы возрос вдвое, а морских — в 5-10 раз. В 1500-1700 гг. объем внешней торговли западноевропейских

государств увеличился в 3-5 раз, в том числе со странами Востока и Юга — более чем в 15 раз. Однако не стоит преувеличивать прямой эффект развития внешнеэкономических связей. В 1500-1800 гг. на долю экспорта пришлось в целом не более 1/4 прироста промышленной продукции стран Западной Европы. Расширение экономических контактов со странами Востока и Юга, нередко принимавших форму их прямого ограбления, играло важную, но все же не определяющую роль в накоплении финансового и физического капитала европейских государств (хотя Испания, Португалия, Голландия и Англия получали от этих «контактов» больше, чем, например, Франция, Германия и Италия). Доходы от эксплуатации новых территорий в XVI в. были в среднем эквивалентны 1% национального продукта стран Западной Европы. Доходы же от торговли со странами Азии, Африки и Латинской Америки в 1492-1789 гг. едва ли в целом достигали 1/5 валовых капиталовложений, реализованных в Западной Европе в XVI-XVIII вв.

Таким образом, ничуть не умаляя роль внешних факторов, следует отметить, что внутренние факторы, связанные с трансформацией экономической, социально-политической и культурной жизни западноевропейских обществ в XVI-XVIII вв., оказали решающее воздействие на масштабы накопления ими физического и человеческого капитала. Толчком к разительным изменениям в экономической организации европейского общества послужила «революция цен». Она была вызвана отчасти притоком драгоценных металлов из колоний, но в не меньшей мере и ростом численности населения в Европе. Наиболее ярким проявлением «революции цен» стал рост стоимости продуктов питания. Так, например, уже к 1601 г. в Испании цены выросли в 4,5 раза, в Англии — в 4, во Франции — в 2,5 раза, в Германии и Италии — в 2 раза. Общий объем монет на протяжении XVI в. увеличился в 4 раза, а потому упала стоимость самих драгоценных металлов.

Последствия «революции цен» ощущались на протяжении длительного периода — с конца XV и вплоть до первой трети XVII в. Но в разных странах они имели существенную специфику. Для Испании и Португалии, где приток драгоценных металлов из колоний был наибольшим, «революция цен» имела особенно разрушительный характер. Резкий взлет цен на производимые в этих странах товары привел к падению их конкурентоспособности на европейском рынке и повлек

за собой заметное падение производства. В Англии и Голландии «революция цен», напротив, способствовала процессу первоначального накопления, давая преимущество предпринимателям, по сравнению с получателями феодальной ренты, вызывая опережающий рост цен на промышленные товары, по сравнению со стоимостью сельскохозяйственной продукции и денежной оплатой труда наемных работников. Так, например, в Англии в XVI в. цены на товары массового потребления выросли на 155%, а зарплата наемных работников — лишь на 30%. В северо-итальянских и фландрских городах «революция цен» не столь жестко сказалась на уровне заработной платы благодаря традициям цеховой корпоративности. Но в итоге эти регионы не получили столь же ощутимый толчок для первоначального накопления капитала в промышленной сфере, и традиционные центры ремесленного производства здесь быстро пришли в упадок.

В целом «революция цен» ускорила переход к мануфактурному капитализму. Она вызвала перераспределение доходов между сословиями и обострила процесс классового образования. Еще большую роль в этом плане сыграла Реформация в странах Северо-Западной Европы. Она сопровождалась секуляризацией церковной собственности, относительным уменьшением непроизводительных и увеличением производительных расходов населения, укреплением трудовой этики, повышением активности человека и рационализацией его деятельности, способствовала накоплению капитала, повышению эффективности его использования. Жители многих западноевропейских стран стали придерживаться некоторых рациональных принципов регулирования рождаемости и планирования семьи, практикуя в зависимости от обстоятельств безбрачие (в среднем от 1/10 до 1/4 населения брачного возраста не имело семьи), более поздние браки, а также ограничение числа детей. Эти особенности демографического поведения жителей Западной, и прежде всего Северо-Западной, Европы в немалой мере способствовали увеличению сбережений, социальной мобильности населения, повышению его квалификационного и образовательного уровня.

Помимо прямого перераспределения собственности и роста уровня накоплений существовали и иные факторы «первоначального накопления капитала» — формирование т.н. «стартового капитала», необходимого для создания новых

предприятий. На раннем этапе этого процесса шло преимущественно накопление денежного капитала, формирование «денежного класса». Источниками его могли быть ростовщичество и практика откупов, государственные займы и обеспечиваемые государством монополии на те или иные виды торговли и производства, использование ресурсов колоний для неэквивалентного торгового обмена с метрополией, каперство и пиратство. Немалую роль играло использование крайних форм эксплуатации работников, особенно на фоне роста пауперизма. В качестве особого источника первоначального накопления капитала можно рассматривать и использование феодальных привилегий (землевладения, феодальной ренты и т.п.).

Большинство из этих факторов не были связаны с формированием устойчивых экономических институтов нового типа. Однако на ранней стадии модернизации они сыграли решающую роль в складывании экономических, а, главное, и социальных предпосылок формирования рыночной экономики. С этой точки зрения, важнейшей частью процесса первоначального накопления было не только формирование социального слоя предпринимателей, использующих различные средства для консолидации капитала, но и разрушение традиционной системы трудовых отношений — отделение работника от средств производства и превращение производителей в наемных рабочих. Основой этого процесса было, в первую очередь, насильственное обезземеливание крестьянства. Любопытную роль в складывании новой производственной культуры сыграла и Реформация. В протестантской Европе существенно сократилось число праздников, составлявших в Европе до XVI в. от 1/4 до 1/3, а в поздней Римской империи от 1/3 до 1/2 всех дней в году. Среднее число отработанных часов на одного занятого в год увеличилось в Европе с 2400—2600 в XII—XIII вв. до 2700—2900 в конце XVII — середине XVIII в.

Развертывание процесса первоначального накопления капитала обеспечило опережающее экономическое развитие тех стран и регионов, где торгово-финансовые, административно-политические и социальные факторы действовали в комплексе — Голландии, Англии, Северо-Восточной Франции и Северо-Западной Германии. Но «классической» можно считать именно английскую модель первоначального накопления капитала. Здесь эффективное включение в колониальную экспансию и обновленную систему межрегиональной торговли сочеталось

с массовым отрывом крестьянства от средств производства (земли) и вытеснением его на рынок труда. В результате т.н. «огораживаний», т. е. отторжения общинных или арендуемых земель и развития на них овцеводства, массы крестьян лишались привычного уклада жизни и пополняли растущую армию наемных работников. Тем самым, обеспечивалась социальная основа для развития мануфактурного производства.

Итак, уже в течение доиндустриального периода в странах Запада происходило относительно быстрое наращивание материально-вещественных компонентов производительных сил. В результате роста региональной и мировой торговли, секуляризации церковной собственности, расширения практики огораживания, а также повышения степени имущественной и личной безопасности купца и ремесленника, активизации предпринимательской деятельности вследствие Реформации и распространения протестантской этики, укрепления позиций третьего сословия в ходе буржуазных революций и реформ и колониальной экспансии европейских государств не только возросли размеры прибавочного продукта, но и уменьшилось его непроизводительное использование. В целом, в странах Западной и Северо-Западной Европы норма чистых капиталовложений (без учета изменения запасов) увеличилась с 1-2% в XIII в. до 3-4% в XVI-XVII вв. Средняя капиталовооруженность труда в Западной Европе возросла в XI-XVIII вв. примерно в 3 раза. Энерговооруженность труда также увеличилась в отмеченный период примерно в 3 раза. Еще более высокими темпами увеличивались энергоинформационный потенциал человеческого фактора и доступность средств коммуникации. Это и стало ключевым моментом в становлении «западной» модели социально-экономического развития.

Эпоха мануфактурного капитализма в Европе

Со второй половины XVI столетия в Европе начинается период длительного демографического и хозяйственного подъема, сменившего экономическую депрессию XIV-XV вв. В этот период не только значительно увеличилась численность народонаселения Европы, но и улучшились условия жизни основной его массы. Показателями экономического роста были расширение промышленного производства и увеличение про-

дуктивности сельского хозяйства. Но первенство по уровню экономической активности первоначально принадлежало торговле и финансово-кредитной сфере. Активизация внутренней и международной торговли, организация дорогостоящих колониальных экспедиций потребовали создания особой инфраструктуры, способной обеспечить потребность в денежном капитале и устойчивых каналах сбыта. Переживавшие в XIV-XV вв. расцвет италийские города-республики (прежде всего Генуя и Венеция) и города Ганзейского Союза постепенно утрачивали свою монополию. После завершения национально-освободительной войны лидером европейской торговли стала Голландия. Недостаток природных ресурсов, традиции судостроения и мореплавания, наличие многочисленных островов и удобных гаваней, выгодное расположение относительно океанских путей сообщения превратили голландцев в признанных лидеров мировой торговли. Освободившись от испанского господства, Голландия достигла уже к середине XVII в. торгового оборота в 75-100 млн флоринов в год. Голландский флот насчитывал в это время 15 тыс. кораблей, и строительство судов на голландских верфях обходилось в 1,5-2 раза дешевле, чем в Англии (не говоря о других странах Европы).

С конца XVII в. на лидирующие позиции в европейской торговле выходит Англия. Уже в эпоху королевы Елизаветы англичане с успехом включились в борьбу с испанцами и португальцами за господство на морских коммуникациях. События революции, гражданских войн и реставрации приостановили движение Англии к роли ведущей морской державы мира, но уже Навигационный акт 1651 г. показал готовность англичан бросить открытый вызов своим соперникам. Меркантилистские положения Навигационного акта впоследствии неоднократно подтверждались государственными законами и привели к тому, что большая часть колониальных товаров начала попадать в Европу именно на английских судах. Уже в 1700 г. в Лондон ежегодно прибывало свыше 1300 кораблей. Вторым по значению городом Англии стал Ливерпуль. Из французских городов в торговле наибольшее значение имели в это время Марсель, Гавр, Бордо, а также Париж — «всеобщая кладовая королевства, где совершается обмен произведений одних провинций на продукты других». Именно во Франции в XVII-XVIII вв. появляются новые виды торговых городов — порто-франко — портовые города, которые лежат

за таможенной границей государства. На порто-франко не распространялась политика протекционизма, активно проводимая в период первоначального накопления капитала (при ввозе во внутренние регионы привезенные товары облагались меньшими таможенными пошлинами).

Менялась и организация торговли. Ключевую роль в мировой торговле по-прежнему играли крупные компании. В XV-XVI вв. торговые компании создавались как монопольные объединения, контролирующие торговлю с определенной страной или регионом. При этом купцы, входившие в ту или иную компанию, зачастую вели торговые операции самостоятельно. Со временем появились и новые виды компаний — «полные товарищества», где купец участвовал как лично, так и своими капиталами, и «товарищества по вере», часть членов которых участвовали в торговле только своим капиталом. Наконец, начиная с XVII в. появляются и акционерные компании. Первоначально акции были только именными, поскольку так назывался весь пай акционера. Впоследствии, наряду с именными, появляются анонимные акции на предъявителя, одинаковые по номинальной стоимости, которые становились объектом свободной купли-продажи. Так зарождался акционерный капитал, сыгравший огромную роль в развитии не только торговли, но и промышленности.

Ярмарочная торговля постепенно утрачивала свое значение. Появление оптовых и специализированных ярмарок стало преддверием формирования целостной торговой инфраструктуры. Быстро развивались прямые связи с производителями, расширялась практика торговли со складов, нередко в виде аукционов (особенно в портовых городах). Все более четко прослеживалось разделение на внешнюю и внутреннюю, оптовую и розничную торговлю. Выделяются в самостоятельные виды торговой деятельности, формы, основанные на экспедиторских, комиссионных и транспортных функциях. Принципиально новой формой организации торговли стала биржа. Первая биржа появилась еще в конце XV в. в Брюгге (слово «биржа» связано с фамилией известной купеческой семьи фон дер Берзе; в Италии и Франции первоначально существовало другое название — «ложа»). В отличие от ярмарки, действовавшей лишь периодически, биржа функционировала постоянно, и здесь шла торговля по образцам товаров. В XVII в. утвердилась специализация биржевой торговли. В Антверпене и

Лионе впервые биржа была разделена на товарную и фондовую (вексельную). Оплата векселями, т.е. коммерческий кредит, приобретал в период первоначального накопления капитала все большее значение. В результате возник «вторичный» рынок векселей, когда вексель продавался за меньшую сумму другому лицу, которое и получало долг по истечении срока векселя. Вскоре на фондовых биржах стали проводиться операции и с государственными ценными бумагами. Крупнейшей в XVII в. стала фондовая биржа в Амстердаме, где широко продавались акции частных купеческих компаний.

Наряду с биржевыми операциями дальнейшее развитие получает и банковское дело. В дополнение к традиционным операциям банкиров (прием вкладов, выдача кредитов, обмен монет) появляется такая операция, как «учет векселей» (перевод векселя на имя банкира с получением уменьшенной суммы выплаты). Впоследствии банки начали выпускать и собственные «банкноты» — своего рода векселя банка, оплачиваемые банком по первому требованию. Банкноты принимали при платежах и лица, не имевшие вкладов в этом банке, так как их оплата гарантировалась. Еще одним новшеством стали банковские чеки, т.е. поручение вкладчика своему банкиру уплатить предъявителю известную сумму за счет его вклада в банке. Крупнейшим банковским центром уже в XVII в. стал Лондон. Одновременно начали образовываться и государственные банки (первый такой банк был создан еще в XV в. в Генуе). Многие государственные банки, в том числе Английский, Амстердамский, Гамбургский, участвовали и в частных коммерческих операциях.

Развитие торговой и банковской инфраструктуры обеспечило условия и для быстрого роста промышленного производства. Ремесленный труд, ориентированный на городской или региональный рынок, сменяется специализированным производством, обеспечивающим межрегиональную торговлю. Если в традиционных ремесленных мастерских работником, как правило, осуществлялся полный технологический цикл по производству того или иного изделия, то на предприятиях нового типа — мануфактурах — стало широко использоваться разделение труда. Первоначально широкое распространение получили т.н. «рассеянные мануфактуры», основанные преимущественно на надомной работе. Скупщик размещал заказы, нередко — предоставлял сырье для работы, брал на себя

обязанности по реализации продукции. Такая организация труда была гораздо эффективнее, чем традиционный труд ремесленника, хотя и не предполагала техническое и технологическое перевооружение производства. К тому же «рассеянные мануфактуры» не были связаны цеховыми уставами, что позволяло получать дополнительную прибыль от эксплуатации наемных работников.

В дальнейшем стали появляться и централизованные мануфактуры, которые зачастую представляли собой уже достаточно крупные предприятия с десятками и даже сотнями работников. Труд на них оставался по-прежнему в основном не механизированным, т.е. ремесленным. Но специализация работников, рост их квалификации, экономия на издержках перевозки сырья и деталей, ориентация на крупную оптовую торговлю обеспечивали мануфактурам гораздо большую эффективность, чем традиционным ремесленным мастерским. В отличие от «рассеянных мануфактур», распространенных прежде всего в текстильном деле, централизованные мануфактуры распространились в XVII-XVIII вв. в металлургии, судостроении, производстве стекла, оружия, селитры, картонном и полиграфическом деле.

Большую роль в распространении этой формы организации производства сыграло и государство. Проводя политику меркантилизма и протекционизма, государство брало на себя организацию и финансирование мануфактур в наиболее важных отраслях, поощряло привлечение иностранных мастеров. Для обеспечения достаточного рынка сбыта снижались или даже отменялись внутренние таможенные сборы, расширялось строительство дорог и каналов, практиковались налоговые льготы и монопольные привилегии. Все это стимулировало развитие промышленности и обеспечивало стремительный переход от индивидуального труда к малосерийному производству. Именно мануфактура стала основой для превращения капиталистических отношений в важнейшую часть общественной жизни, имевшую самые серьезные социальные и культурные последствия.

Утверждение мануфактурного капитализма, или «протоиндустриализация», было противоречивым процессом, с подъемами, откатами и спадами. Оно осложнялось войнами, восстаниями, демографическими спадами и другими факторами. Но в целом, в XVI-XVIII вв. промышленное производство в запад-

ноевропейских странах увеличивалось сравнительно быстро. В 1500-1750 гг. подушное производство железа, в среднем по региону, выросло в 1,7-1,9 раза. Среднегодовые темпы промышленного производства в расчете на душу населения достигали во Фландрии-Брабанте в 1510-1610 гг. — 0,16-0,20%, в 1610-1710 гг. — 0,40-0,42, в 1710-1812 гг. — 0,34-0,38%; во Франции в 1701-1710/1780-1790 гг. — 0,40-0,45%; в Великобритании в 1700-1760 гг. — 0,31-0,35%, в 1760-1780 гг. — 0,80-0,82%, в 1780-1800 гг. — 1,1-1,2%. В целом по Западной Европе в XVI-XVIII вв. среднегодовой темп прироста промышленной продукции в расчете на душу населения составлял 0,17-0,23%.

Очевидный подъем на протяжении XVII-XVIII вв. переживало и сельское хозяйство. Удар по системе феодальных отношений был нанесен «революцией цен». В условиях падения стоимости денег и роста цен фиксированные денежные оброки утрачивали свою былую привлекательность для собственников земли. Выгодным предприятием становилась передача земли в аренду или сбор в качестве оброка доли урожая (шампар во Франции). Аренда распространялась в нескольких вариантах — издольная (когда хозяин земли предоставлял в аренду не только надел, но и инвентарь, посевной материал, жилье, получая взамен определенную долю урожая), испольная (когда арендатор и землевладелец несли равные затраты и делили доходы поровну), денежная (арендатор вносил деньги за аренду). Ради получения арендной платы землевладельцы стремились согнать крестьян с их наделов. Подобный процесс активно проходил в Англии, Нидерландах и Северной Франции, где постепенно формировалась социальная прослойка фермеров-арендаторов, применявших в своем хозяйстве наемный труд и отдававших часть получаемой при этом прибавочной стоимости собственнику земли в виде ренты. Часть земель вообще изымалась из сельскохозяйственного производства и переориентировалась на нужды текстильной промышленности (овцеводство, производство технических культур).

С конца XI в. и до конца XVIII в. площадь обрабатываемых земель увеличилась в Германии в 3,5-4 раза, а в Англии в 2,5-3 раза. Но если учесть, что численность населения и в Англии и в Германии возросла за отмеченные семь столетий примерно в 6-6,5 раза, то площадь обрабатываемых земель в расчете на душу населения сократилась за этот период при-

мерно вдвое в Англии и на 50-70% — в Германии. Снизилась и доля занятых в сельском хозяйстве — с 77-82% в 1500 г. до 62-66% в 1800 г.

Сокращение занятости в сельскохозяйственной сфере и уменьшение показателя «приодообеспеченности» живого труда в определенной степени компенсировалось улучшением использования земли, капитала, энергии и, не в последнюю очередь, «человеческого фактора». Правда, техническая база аграрного производства оставалась прежней. Основными орудиями обработки земли были плуг, коса, серп, борона. Для удобрения почв использовались натуральные удобрения: навоз, торф, зола и т.п. Но в целом агрикультура значительно изменилась. Трехпольная система постепенно сменялась многопольем — вместо пара стали сеять кормовые травы и корнеплоды. Шире начали использоваться дренаж, минеральные удобрения. В практике скотоводства получил распространение стойловый откорм скота. Более ярко выраженный характер получила специализация сельскохозяйственного производства, особенно применительно к молочному скотоводству, тонкорунному экспортному овцеводству. Все это позволило существенно увеличить продуктивность сельского хозяйства. За период с конца XV в. по начало XVIII в. сельскохозяйственный продукт в расчете на душу населения увеличился более чем на 10%. А в XVIII столетии его среднегодовые темпы равнялись по Западной Европе уже 0,15-0,18%. Урожайность зерновых в среднем по ряду основных регионов Западной Европы увеличилась в XVI-XVIII вв. в 1,5-2 раза.

Процесс закрепления рыночных отношений в сельском хозяйстве имел значительную специфику в разных странах Европы. В Англии, Голландии, Швейцарии, Северной Италии он привел к полной ликвидации крестьянства в его традиционном, феодальном качестве. Уничтожение личной зависимости крестьян сопровождалось распадом общины. Беднейшая часть крестьян лишалась земли и пополняла ряды наемных работников — на мануфактурах или в хозяйстве богатых фермеров-арендаторов. В регионе к востоку от Эльбы, напротив, следствием появления в Европе капиталистического рынка стало так называемое «второе издание крепостничества» — желание помещиков увеличить товарность своего хозяйства вело к ужесточению барщины, увеличению феодальных и других повинностей. Промежуточный вариант был характерен для

Франции и Западной Германии — здесь аграрные отношения сохраняли большую разнородность, наряду с распространением аренды сохранялись и общинные порядки, огораживание не носило массового характера.

Различие моделей развития сельскохозяйственного производства было показательным для эпохи мануфактурного капитализма. Мера и специфика участия той или иной европейской страны в международном разделении труда и, следовательно, в обмене товарами была различна и зависела от способности производить пользующуюся спросом продукцию в необходимом количестве, приближенности к крупным морским торговым путям, степени развитости кредитно-банковской системы, особенностей политики государства и, наконец, от емкости внутреннего рынка и специфики трудовых ресурсов, что отражало действие не только экономических, но и социокультурных факторов. Тем не менее, для экономики всей Европы XVI-XVIII вв. стали поворотным периодом. С учетом динамики сельскохозяйственного и промышленного производства среднегодовой темп прироста подушевого продукта составлял в это время 0,12-0,14%. Оценивая общую динамику доиндустриального роста Западной Европы, можно сравнить показатели трех макропериодов: в 1000-1300 гг. подушевой ВВП Западной Европы увеличился на 50-60%, в 1300-1500 гг. — на 5-10% и в 1500-1800 гг. — на 45-55% (таким образом, в целом за 1000-1800 гг. он вырос в 2,3-2,7 раза, тогда как среднегодовой темп составлял 0,10-0,12%). Подобные темпы экономического роста не являлись уникальными — например, не менее масштабным был экономический «рывок» в танско-сунском Китае в 750-800/1050-1100 гг. Но если в Китае, Индии и на Ближнем Востоке в последующие столетия и, в частности в XVI-XVIII вв., не обнаружилось тенденции интенсивного роста, то в Западной Европе, напротив, за три столетия, предшествовавшие промышленной революции, совокупная производительность основных факторов производства выросла почти в 1,5 раза.

По данным о подушевом продукте Запад в XV в. в целом скорее всего еще отставал от ведущих стран Востока. В 1490-1500 гг. соответствующий индикатор в Китае составлял 550-600 дол. (в относительных ценах 1980 г.), а во Франции — не более 450-490 дол. Во Флорентийской республике в 1420-е гг. он равнялся 440-470 дол. Вместе с тем в Англии в начале XVI в.

ВВП в расчете на душу населения уже составлял 500-550 дол., а в Нидерландах того времени отмеченный индикатор был на 30-40% выше английского. Со второй половины XV в. Европа стала догонять страны Востока, в том числе Китай, который тоже не все время пребывал в состоянии застоя. Паритет в уровнях подушевого национального продукта Китая и стран Запада был достигнут во второй половине XVI в. В целом Запад начал обгонять Восток по относительным уровням развития вскоре после того, как Венецианская республика при поддержке испанского флота разбила турок в битве у Лепанто (1571). В дальнейшем разрыв в уровнях дохода волнообразно увеличивался, и к концу XVIII в. страны Запада по показателю подушевого национального продукта в среднем превосходили страны Востока и Юга уже примерно в 1,6-1,8 раза. Причем, речь идет не только об экономическом, но и о возросшем технологическом, военном и организационно-институциональном превосходстве западноевропейских стран, имевших менее иерархизированные структуры общества, способные более быстро и гибко реагировать на изменение внутренней и внешней конъюнктуры.

Итак, в доиндустриальный период (до конца XVIII в.) совокупный экономический потенциал (ВВП) крупных стран Запада увеличился весьма значительно — более чем в 15 раз, если сравнивать с уровнем XI в. Чтобы оценить реальный масштаб «европейского чуда», подчеркнем, что в Китае этот показатель вырос в 3,5-4 раза, в Индии — вдвое, а на Ближнем Востоке он сократился примерно на 1/3. Однако и к началу XIX в. суммарный производительный и потребительный потенциал Востока оставался по-прежнему весьма внушительным по мировым меркам. По экономической мощи Китай вдвое превосходил страны Запада, которые в совокупности уступали также и Индии. Ситуация еще более радикально изменилась в эпоху промышленного переворота, закрепившего историческую гегемонию Запада.

Промышленный переворот §2 и формирование индустриальной экономической системы

Экономический рост ведущих стран Запада в период промышленного переворота

Промышленный переворот, т.е. переход от инструментальной к машинной стадии производства (в центрах мирового хозяйства — конец XVIII — начало XX в.), представляет третью попытку стран Запада встать на путь быстрого, длительного, относительно устойчивого, самоподдерживающегося экономического роста (первая попытка была в XI-XIII вв., вторая — в конце XV-XVI в.). Как и в первых двух случаях, экономический подъем сопровождался и был отчасти обусловлен потеплением климата (в Западной и Северо-Западной Европе примерно с 1700 г.), что благоприятно сказывалось на состоянии сельскохозяйственного производства, а это в свою очередь стимулировало рост численности населения, увеличивало спрос, создавало общую благотворную психологическую атмосферу, способствовавшую техническому прогрессу и повышению уровня капиталовложений (ибо при прочих равных условиях уменьшало предпринимательские риски). К середине XVIII — началу XIX в. в ряде регионов Западной Европы был накоплен немалый экономический, социально-институциональный, научный и культурный потенциал, некая критическая масса, необходимая и достаточная для запуска механизма самоподдерживающегося роста.

Промышленный переворот в странах Запада привел к значительному — в 5-6 раз — ускорению общих темпов их экономического роста по сравнению с соответствующими показателями эпохи Возрождения и Просвещения: примерно с 0,3-0,4% в год в XVI-XVIII вв. до 1,8-2,2% в XIX — начале XX в. Несмотря на существенное повышение численности населения, многократно возросли и темпы роста подушево-

го ВВП. В период «промышленного рывка» они достигали в Великобритании (1785-1845) 0,5-0,7%, во Франции (1820—1869) — 0,9-1,1, в Германии (1850-1900) — 1,4-1,5, в США (1840-1890) — 1,4-1,6, в Японии (1885-1938) — 2,0-2,2 и в Италии (1895-1938) — 1,5-1,7%. Отличительной особенностью перехода к индустриальной экономической системе стало также значительное уменьшение нестабильности производственного процесса, свойственной большинству доиндустриальных обществ, весьма сильно зависевших от природно-климатических и иных экзогенных факторов. Каковы же были важнейшие источники индустриального роста?

Промышленная революция была бы невозможной без целой серии технических изобретений, сделавших возможной механизацию производства. Еще в 1733 г. ткач и механик Джон Кей изобрел так называемый «летающий челнок» для ткацкого станка, что значительно ускорило процесс изготовления тканей. В 1733-1735 гг. конструкторы Джон Уайет и Льюис Поль создали прядильную машину нового типа, рассчитанную на двигательную силу животных. Пальцы прядильщика в ней были заменены несколькими парами вытяжных валиков. Однако изобретение Уайета и Поля не получило распространения. Только в 1764 г. ланкаширскому механику Джеймсу Харгривсу удалось создать прядильную машину «Дженни», которую начали использовать в производстве. К 1788 г. в Англии уже насчитывалось 20 тысяч таких машин. Новая прялка имела ручную двигатель, приводивший в движение веретена, а вытяжные валики в ней были заменены вытяжным прессом. Харгривс, таким образом, механизировал операции вытягивания и закручивания нитей. Однако «Дженни» плела тонкую, но недостаточно прочную нить. Четырьмя годами позже (1769) появился новый прядильный станок. Он был построен Т. Хайсом, но патент на это изобретение получил Ричард Аркрайт. Именно с именем Аркрайта связано открытие первых фабрик-прядилен (с 1771 г.).

Ватерная машина Аркрайта (с приводом от водяного колеса), в отличие от прялки «Дженни», производила хотя и прочную, но грубую пряжу. Недостатки обоих изобретений были в конечном итоге устранены Сэмюэлем Кромптоном, сконструировавшим прядильную мюль-машину нового типа, которая выработывала прочную и тонкую пряжу. А Дж. Кеннеди к 1800 г. перевел это устройство на паровой двигатель. В 1825-1830 гг.

английский механик Ричард Роберте создал автоматическую прядильную мюль-машину — сельфактор — способную прясть нити разных номеров.

В 90-е гг. XVIII в. механизация охватила и ткачество. В 1792 г. было запатентовано изобретение Э. Картрайта — легко управляемый ткацкий станок. Все операции в нем были механизированы. В начале XIX в. станины и другие детали ткацкого и иных станков начали изготавливать из железа. Это позволило сделать оборудование более прочным. Механизация ткачества и прядения повлекла за собой техническое переоснащение других смежных отраслей. В 1793 г. американец Э. Уитни сконструировал хлопкоочистительную машину «Джин», что дало мощный стимул развитию производства хлопка в Америке. В 1823 г. англичанин Памер и француз Перро создали два типа ситцепечатных машин.

Вслед за хлопчатобумажной промышленностью технический переворот охватил и другие текстильные отрасли — льняную, шелковую, шерстяную. Первые льнопрядильные машины появились во Франции в 1810-1811 гг. (конструкция Ф.А. Жирара), однако, широкое применение они сначала получили в Англии. В 1804 г. лионский ремесленник Ж.М. Жаккар изобрел шелкоткацкий станок, ставший популярным как у французских, так и у английских производителей. Механизировались и отрасли, потреблявшие продукцию ткацкого и прядильного производства, — кружевная, вязальная и швейная.

Ключевую роль в техническом перевооружении производства сыграло изобретение универсального парового двигателя. В начале 80-х гг. XVIII в. английский изобретатель Джеймс Уатт создал свою знаменитую паровую машину двойного действия, получившую широкое распространение в промышленности и на транспорте (хотя приоритет в изобретении принадлежал русскому теплотехнику И.И. Ползунову). Двигатель этой системы имел один цилиндр. Пар работал последовательно то снизу, то сверху, а противоположная часть цилиндра в это время соединялась с конденсатором, куда и уходил отработанный пар. Передаточное устройство совершало теперь не возвратно-поступательное, а вращательное движение. В 1785 г. машина Уатта была впервые применена на прядильной фабрике. Позднее паровые двигатели стали использовать и в других отраслях промышленности. В 1800 г. в Англии насчитывалось 320 паровых машин, а в первой четверти XIX в. — уже 15 тысяч.

Кроме парового двигателя, применяемого в промышленности, повсеместно продолжалось использование мускульных, конных, ветряных и водяных двигателей, которые также усовершенствовались. Технологически фабрика того времени состояла из 3-х основных звеньев: двигателя, передаточного механизма и рабочих машин. До 1828 г. в фабричном производстве использовалась зубчатая передача, потом ее сменила ременная, имевшая большой КПД, но благодаря ее применению терялось около 80% производимой энергии. Из-за ограниченности энергетических мощностей и медленной эволюции рабочих машин на фабриках времен промышленной революции долго сохранялись многие ручные операции.

Важным направлением технического переворота стало усовершенствование металлургического процесса. А. Дерби еще в 1735 г. для получения высококачественного чугуна начал добавлять во время плавки к железной руде вместо древесного каменный уголь. Если выплавка чугуна в Англии в 1780 г. составляла 40 тыс. т, то к 1790 г. она поднялась до 90 тыс. т и еще раз удвоилась за последнее десятилетие XVIII в. Изготовление чугуна в подавляющем большинстве теперь осуществлялось на коксе. Конструкция доменных печей также была усовершенствована. Изменилась и техника дутья: оно стало горячим (воздух, подаваемый в домы, специально разогревался). Предпринимались попытки рационального использования газов, формировавшихся в печах в результате плавки и ранее уходивших в воздух. Опыты в этой области завершились изобретением английским инженером Эдуардом Каупером в 1857 г. воздухонагревательного аппарата.

Выработка железа, долгое время отстававшая от выплавки чугуна, также претерпела технологические изменения. В Англии в 90-х гг. XVIII в. количество производимого железа составляло лишь 20-30 тыс. т, поэтому его в связи с растущими потребностями производства ввозили из-за границы. Переворот в получении этого металла произвел метод пудлингования, изобретенный и запатентованный Генри Кортон в 1784 г. В процессе плавки чугуна в специальной отражательной печи происходило его преобразование в малоуглеродное тестообразное железо. Благодаря распространению метода пудлингования Англия вышла на первое место в мире по выпуску железа.

Качественным показателем технического переворота стало начало процесса производства машин машинами. Революцион-

ным изобретением в этой области был суппорт или резцедержатель. Его сконструировал в конце 90-х гг. XVIII в. английский изобретатель Генри Модели. Дальнейшее усовершенствование суппорта привело к созданию новых типов металлообрабатывающих станков — токарных, фрезерных, строгальных, сверлильных, шлифовальных. Так возникла новая отрасль промышленности — машиностроение. Прогрессу этого вида производства способствовала потребность в стандартных деталях машин, которые были бы взаимозаменяемы. Новые приемы обработки металлов позволили наладить выпуск таких деталей. Первые стандартные детали появились в военной промышленности, а в 1841 г. Уитворт установил стандартную нарезку машинных деталей, которая сохранялась в общем машиностроении еще более века.

Помимо технических нововведений и роста энергооборуженности производства важнейшим залогом индустриализации стало развитие транспортной системы — революция в средствах коммуникации, вызвавшая резкое удешевление перевозок при росте их скорости, надежности и качества. Это уменьшало предпринимательские риски, усиливало внутрихозяйственную интеграцию экономик и международное разделение труда, стимулировало интенсификацию потоков готовых продуктов, сырья, труда и капитала. Основой коммуникационной революции в конце XVIII — первой половине XIX в. послужило бурное, но во многом недооцененное исследованием развитие традиционных транспортных систем (активное строительство в западноевропейских государствах и США Амурского и речного парусного флота, портов, каналов, мостов и дорог). В 1860-1870-е гг. свыше половины морского, речного и сухопутного грузооборота ныне развитых стран приходилось на традиционные виды транспортных перевозок.

Промышленный переворот сопровождался насыщением экономики капиталом. В период «промышленного рывка» темпы роста капиталовооруженности труда, рассчитанной по динамике активной части основных фондов, составляли в Великобритании 0,8-1,0%, во Франции 1,6-1,7, в Германии 2,4-2,5, в Италии 3,2-3,3, в США 3,4-3,6 и в Японии 5,9-6,1%. В среднем они вдвое-втрое превышали общие темпы роста капиталовооруженности труда. Норма валовых капиталовложений (без учета изменения запасов) возросла на этапе перехода от доиндустриальной экономики к индустриальной

примерно вдвое — с 5-7% ВВП в XVI-XVIII вв. (в среднем по Западной Европе) до 12-14% в целом по странам Запада и Японии в 1800-1913 гг. Судя по данным о норме собственно производственных инвестиций (в Великобритании в период «промышленного рывка» 6-7% ВВП, во Франции — 10-11, в Германии — 10,5-11,5, в Италии — 11,5-12,5, в Японии — 13,5-14,5, в США — 15-16%), страны, позднее приступавшие к индустриализации, вынуждены были мобилизовывать для преодоления своей относительной отсталости более высокую долю национального продукта. Анализ воспроизводственной структуры накопления показывает, что на этапе промышленного переворота капитал в странах Запада во многом (в среднем на 45-48%) «самофинансировался» за счет фонда возмещения; доля изменения запасов составляла в целом 5-7%, а удельный вес чистых инвестиций достигал примерно 45-49% общего объема внутренних капиталовложений.

Небезынтересен также вопрос о соотношении внутренних и внешних источников финансирования индустриализации. Отток и перевод ресурсов из Индии в Великобританию в течение двух-трех десятилетий до начала и во время «промышленного рывка» мог обеспечить (в случае их производительной реализации) соответственно 40-45 и 20-25% всех чистых внутренних капиталовложений королевства. Существенен был также трансферт капитала из Франции и Голландии: в 1790-х — начале 1800-х гг. он был эквивалентен примерно 1/3 британских внутренних нетто-инвестиций. Отмеченные вливания облегчали многие проблемы, в том числе связанные с финансированием государственного долга, бюджета и немалых военных расходов Великобритании. Однако эта страна оставалась в целом чистым экспортером капитала. Его относительные размеры, составлявшие в 1761-1845 гг. в среднем 1/5-1/4 общего фонда нетто-сбережений, достигли в 1846-1870 гг. 2/5 и в 1871-1913 гг. — почти 3/5. В результате примерно с середины XIX в. доля чистых инвестиций в ВВП Великобритании стала постепенно сокращаться, опустившись в 1891-1913 гг. до уровня 3,5%. Повышавшаяся доля фонда амортизации могла только компенсировать это падение. Став крупнейшим заемщиком и экспортером капитала, «мастерская мира» обескровливала свою внутреннюю экономику: в конце XIX — начале XX в. общая норма капиталовложений в этой стране (около 9%) была намного меньше, чем у других

промышленно развитых держав (в США и Германии — 22–23% их ВВП).

Франция в период ее «промышленного рывка» была также чистым экспортером капитала (его вывоз был эквивалентен в 1820-1869 гг. примерно 18-20% национальных чистых сбережений, в 1870-1890 гг. — 11-13 и в 1891-1913 гг. — 33-35%). В ходе революционных и наполеоновских войн часть ресурсов, экспроприированных у других европейских государств, была, по-видимому, аккумулирована и материализована в производственных фондах, создавших базис для последующей индустриализации. Германия, много потерявшая в ходе наполеоновских войн, впоследствии оказалась вынужденной привлекать иностранный капитал, главным образом в период, предшествовавший ее «промышленному рывку» (до середины XIX в.). Существенной финансово-экономической «подпиткой» германской индустриализации были контрибуция и территориальные приобретения, полученные в результате франко-прусской войны. Но в целом Германия, начиная со второй половины XIX в., была чистым экспортером капитала, вывоз которого достигал в среднем 11-15% ее национальных сбережений.

В отличие от перечисленных государств, Италия и США оказались на этапе «промышленного рывка» в положении импортеров капитала. Его размеры достигали в Италии в 1895-1938 гг. 30-35% чистых внутренних капиталовложений (в 1861-1894 гг. — 15-20%). США в 1815-1914 гг. активно привлекали иностранный капитал. По оценкам, его общий объем возрос в 1820-1914 гг. более чем в 80 раз и достиг к началу Первой мировой войны 7,1 млрд дол. Это государство было тогда крупнейшим должником в мире. Но ввиду значительных масштабов национальной экономики размеры обязательств США другим странам были эквивалентны примерно 1/5 их ВНП. Что касается доли чистого притока иностранного капитала в финансировании нетто-инвестиций, то этот индикатор не превышал в целом 12-14% в 1800-1840 гг. и 7-9% в 1840-1890 гг.

Таким образом, роль внешнего финансирования экономического роста (за исключением некоторых малых и средних стран) в период «промышленного рывка» была относительно невелика. Однако на предмодернизационном этапе, который охватывает 20-30 лет до начала индустриализации, внешний

финансовый и технологический импульс был весьма важным стимулирующим фактором, во многом определявшим траекторию последующей хозяйственной эволюции.

Вклад экспорта в увеличение ВВП на стадии индустриализации был также весьма весомым. Он достигал в Великобритании в 1780-1800 гг. 37-39% (с учетом изменения условий торговли 43-45%), во Франции в 1850-1869 гг. 39-41% (35-37%), в Германии в 1850-1870 гг. 42-44% (39-41%), в Японии в 1900-1913 гг. 45-47% (44-46%). Таким образом, в период «промышленного рывка» за счет роста экспорта в Великобритании, Франции, Германии и Японии было получено не более 25-30% увеличения их ВВП, а в США и Италии — 7-8 и 5-7%. Но если сопоставить соответствующие данные XVIII в. и последующего столетия, можно обнаружить, что ускорение общеэкономического роста — с 0,5-0,7 до 1,8-2,2% в год (в Западной Европе — с 0,5-0,7 до 1,6-1,7%) — было лишь отчасти связано с увеличением прямого эффекта (вклада) внешнего спроса — с 4-5 до 12-14% (в Западной Европе — с 4-5 до 22-23%). Иными словами, вопреки весьма распространенным представлениям, ускорение экономической динамики на этапе промышленного переворота было преимущественно (в четверке крупных западноевропейских государств — на 2/3, а в целом по Западной Европе, США и Японии — на 5/6) вызвано развитием внутреннего рынка этих стран.

В отечественной и зарубежной литературе встречаются суждения о якобы существенном вкладе колониальных и зависимых стран (как импортеров готовой продукции) в индустриализацию ныне развитых государств. Это явное преувеличение. Судя по имеющимся оценкам, в XIX в. не более 6-14% всей продукции обрабатывающей промышленности стран Запада и Японии (составлявшей 2-3% их ВВП) реализовалось в периферийных странах, а в 1899-1938 гг. — соответственно 5-8 и 1,5-2,5%. Однако для некоторых западноевропейских государств, включая Великобританию, эти показатели на отдельных этапах развития были, быть может, в 1,5-2 раза выше, что, возможно, и явилось основой указанных суждений. Таким образом, рынки стран Востока и Юга служили важным, но дополнительным источником увеличения экспорта для большинства будущих капиталистических держав и вряд ли могли коренным образом повлиять на ход их индустриализации.

В целом, можно сделать вывод, что экономическое развитие в период промышленного переворота носило, вопреки еще встречающимся в литературе суждениям, преимущественно экстенсивный характер, поскольку за счет количественных затрат производственных ресурсов было получено в среднем 60-65% прироста их ВВП (вклад труда — примерно 28-30%, физического капитала — 18-20, используемых природных ресурсов — 15-16%). На долю интенсивных факторов приходилось соответственно 35-40%. С учетом уменьшения продолжительности рабочего времени (часов) этот показатель, возможно, был несколько выше — 43-47%.

В странах более ранней модернизации (Великобритания, Франция) и США (осуществлявших крупномасштабное инфраструктурное строительство, а также широкое освоение богатых природных и иных ресурсов) относительный вклад качественных составляющих роста (26-34%, или по уточненной оценке 31-40%) был ниже, чем в среднем по Германии, Италии и Японии (соответственно 40-54 и 48-62%). При всей условности этих расчетов можно предположить, что в целом рост эффективности в период индустриализации примерно на 1/5 был связан с изменением в отраслевых пропорциях распределения рабочей силы и физического капитала, на 1/4 — с ростом качества основных фондов (повышением доли активных элементов производственных активов) и более чем наполовину — с улучшением качества человеческого фактора производства.

Итак, в эпоху промышленного переворота произошли кардинальные сдвиги в структурах производства и национального богатства, позволяющие говорить о становлении качественно нового типа хозяйственной эволюции — индустриального экономического роста. За XIX век совокупный продукт ведущих западных стран вырос почти в 10 раз, в том числе на душу населения — в 3,3-3,7 раза. Это означает, что по сравнению с первыми восемью столетиями второго тысячелетия средний темп изменения душевого дохода увеличился на порядок. Возникла и сформировалась индустриальная цивилизация. Прогресс был достигнут как на основе расширения и углубления внутренних конкурентных рынков, так и в результате интенсификации внешних взаимосвязей стран, создания мирового капиталистического хозяйства. Вклад фактора эксплуатации периферии в осуществление индустриализации ныне развитых

государств был в целом, как показывает анализ, существенно меньше, чем считают некоторые леворадикальные ученые.

Стоит отметить и тот факт, что понятие «промышленный переворот» не вполне оправдывает свое название. В период промышленного переворота производство в новых отраслях увеличивалось сравнительно высокими темпами, и на этой основе сложился миф о феноменальном росте индустриального сектора в прошлом столетии. В самом деле, если в 1700 (1730)-1760 гг. среднегодовые индикаторы прироста продукции и черной металлургии и хлопковой промышленности Великобритании составляли 0,3-0,6 и 1,4-1,8% соответственно, то в 1760 (1780)-1830 гг. они достигли уже 4-5 и 6-8% (что привело к значительному удешевлению некоторых товаров, в частности, цены на хлопковые ткани в 1790-1850 гг. понизились более чем в 60 раз).

Возможно, ввиду своей относительной доступности эти и подобные им показатели по современному сектору индустрии широко использовались различными исследователями при конструировании индексов промышленного производства. Однако они в целом оказывались, как правило, завышенными, ибо, во-первых, нередко базировались на данных о потреблении сырья, материалов и энергии, а также валовых показателях. В то же время промежуточные затраты, как известно, росли обычно на начальной стадии индустриализации опережающими темпами по сравнению с выпуском конечной продукции.

Во-вторых, расчеты в целом недоучитывали размеры производства в традиционных отраслях промышленности (пищевой, шерстяной, льняной, шелковой, кожевенной и др.), в ремесленных предприятиях и в нерыночном секторе экономики. Между тем, вопреки распространенным суждениям, роль традиционного сектора в ныне развитых государствах на этапе промышленного переворота была весьма внушительна. Ускорение общих темпов экономического роста (примерно с 0,3-0,5% в год в 1500-1800 гг. до 1,8-2,2% в 1800-1913 гг.) было обусловлено увеличением вклада аграрных отраслей на 16-18%, промышленности и строительства — на 38-40, а третичного сектора — на 43-45%. Примерно такими же пропорциями определялось участие отмеченных секторов в повышении общей динамики занятости населения. Иными словами, важнейшую роль в эпоху промышленной революции играла не только индустриализация, но и сервисизация

хозяйства — относительно быстрое развитие торговли и сферы обслуживания, культуры и просвещения, а также различных средств и систем коммуникаций.

Таким образом, индустриальный рост был в немалой мере взаимосвязан с развитием сельского хозяйства и инфраструктурных отраслей. В целом, в странах Запада на этапе их «промышленного рывка» существовала достаточно тесная корреляция (коэффициент равен 0,78) между динамикой сельскохозяйственного и промышленного производства. Аграрная революция, отчасти предшествовавшая промышленному перевороту (началась в Англии в 1690-1700 гг., во Франции и США — в 1750-1770 гг., в Германии — в 1790-1800 гг.), во многом — по крайней мере до середины XIX в. — происходила на традиционной и полутрадиционной основе, т.е. без машин и химических удобрений, но на базе улучшения систем ротации культур, использования селекционных семян, более продуктивных пород скота, широкого применения органических удобрений, усовершенствованных орудий труда. Вместе с тем она обусловила в целом существенный рост эффективности сельскохозяйственного производства, который во многом определял его общую динамику.

На этапе промышленного переворота в странах Западной Европы в целом за счет экстенсивных факторов было получено 25-30%, а в результате интенсификации — 70-75% прироста аграрной продукции. В США эти показатели составили 85-87 и 13-15%. Иными словами, во всех рассматриваемых странах, за исключением США (переселенческое государство с обширными массивами неосвоенных земель), вклад совокупной производительности был весьма значительным. Подъем сельского хозяйства и его интенсификация (сначала на полутрадиционной, а затем на более или менее современной основе) способствовали не только росту численности населения, но и повышению (в тенденции) его жизненного уровня, относительному снижению издержек производства в несельскохозяйственных отраслях экономики, расширению емкости внутреннего рынка и в конечном счете обусловили перерастание protoиндустриального развития в индустриализацию.

Итак, сравнительно быстрая трансформация стран Запада определялась не только (а быть может, не столько?) масштабами вытеснения прежних форм производства, но и достижением органического синтеза современных и наиболее продуктивных

из числа традиционных факторов роста, роль которых в становлении индустриальной цивилизации и придании ей относительной устойчивости оказалась весьма значительной. В целом по странам Запада в период их «промышленного рывка» за счет увеличения затрат основных производственных ресурсов и повышения эффективности было в среднем получено соответственно около 3/4 и 1/4 прироста продукции вторичного сектора экономики. С учетом сокращения длительности рабочего времени индикатор вклада совокупной производительности достигал в среднем 28-32%, в том числе в Великобритании и США — 14-17%, во Франции и Германии — соответственно около 27-29 и 36-38, в Италии — примерно 42-44%. Таким образом, вопреки распространенным представлениям, индустриальный сектор развивался, в отличие от агросферы, преимущественно экстенсивным способом, получая при этом от нее немалую долю производственных ресурсов.

Немалой оставалась и роль традиционных технологий. Даже в 1860-х гг. — уже в преддверии новой полномасштабной перестройки экономического организма — в странах Запада 69-77% всех занятых в обрабатывающей промышленности приходилось на предприятия, использовавшие не машинные, а инструментальные (полуремесленные) технологии. И этот показатель едва ли оказался ниже 1/2 в 1913 г. В целом, по западноевропейским государствам и США в 1750-1913 гг. производство современных видов энергии (уголь, нефть, электроэнергия) возросло почти в 190 раз (т.е. в среднем ежегодно на 3,2-3,3%). Однако доля традиционных источников (дрова, торф, кизяк, сила ветра, воды, мускульная сила людей и животных) в общем объеме используемых энергоресурсов составляла в 1880 г. 46-47% и в 1913 г. — 41-43%. Поэтому суммарный показатель потребления (производства) энергии в странах Запада увеличился лишь в 13-14 раз (или на 1,5-1,7% в год). Доля современного сектора в общем объеме продукции обрабатывающей промышленности Западной Европы и США стремительно возрастала — с 2-4% в 1800 г. до 12-17 в 1830 г. и 29-36% в 1860 г. (без Великобритании — 1-3, 6-10 и 18-24%). Однако даже в 1880 г. она была ниже половины (без Великобритании — 30-38%) и лишь к 1913 г. достигла 60-65% (55-65%).

Разумеется, было бы неправильно недооценивать достаточно высокую степень конфликтности между стремительно «насту-

пающим» современным сектором и буквально «деградирующим» традиционным сектором экономики. Однако реальная картина была более сложной, ибо на самом деле существовал синтез, взаимообмен деятельностью. Развитие крупной промышленности не только разрушало, вытесняло прежние формы хозяйства в некоторых отраслях и производствах, но и стимулировало их возникновение и функционирование на традиционной и полутрадиционной основе в ряде других сегментов экономики (механизация ткачества обусловила быстрый рост «полутрадиционной» швейной промышленности, а создание сахарных заводов вызвало подъем производства бисквитной промышленности, полуремесленной-полумануфактурной по своему характеру, не говоря уже о развитии сопряженных с современной индустрией отраслей, использующих ручной труд в строительстве и сфере услуг). Быстрое развитие отдельных «очагов» хозяйства с новейшей технологией (в частности, в промышленности и на транспорте) имело, вплоть до последней трети XIX в., ограниченное — в территориальном и отраслевом плане — воздействие на общеэкономический рост. В Великобритании (1780-1860) индустриальный сектор, имевший темпы роста производительности труда втрое большие, чем традиционный сектор (соответственно 1,8 и 0,6% в год), производил в среднем на протяжении отмеченного периода лишь 1/5 ее национального дохода. Вот почему некоторые современники промышленной революции, в том числе А. Смит и Д. Рикардо, так ее и не заметили.

Социальные промышленного

Утверждение рыночных, капиталистических отношений как основы системы общественного воспроизводства, формирование механизма самоподдерживающегося экономического роста, создание целостной инфраструктуры промышленного, фабрично-заводского производства и крупного акционерного капитала привели к глубоким изменениям во всех сферах общественной жизни. Промышленный переворот стал переломным процессом в складывании индустриального общества, т. е. завершения процесса модернизации в историческом контексте Нового времени.

Важнейшими особенностями индустриального общества становятся биполярная классовая социальная структура и техногенный характер развития. Обновление технико-технологической базы производства и всей системы производственных отношений определяет динамику развития общества, в том числе его социокультурной сферы, семейных, этнических, половозрастных отношений. Причина заключается в изменившемся характере самой производственной системы. Движущей силой экономики становится капитал, воплощенный в технике и организации производства. Тем самым обеспечивается преобладание накопленного труда над «живым трудом». Человек функционирует в общественной системе как носитель труда, через товарно-денежные отношения привязан к процессу производства в любом из своих качеств и аспектов жизнедеятельности. Но при этом он оказывается обладателем только собственного «живого труда», либо труда накопленного (орудия, машины, технология и т.д.). Общество раскалывается на два главенствующих класса — наемных работников, распоряжающихся только собственным трудом, и капиталистов, собственников средств производства.

Естественно, что эта грань является достаточно условной. В индустриальном обществе сохранялись старые и появлялись новые социальные слои, представители которых объединяли качества трудящихся и собственников (например, ремесленники, фермеры, торговцы). С другой стороны, немало категорий собственников не являлись в полном смысле слова «капиталистами», не входили в предпринимательский класс (например, аристократия, рантье). Некоторые социальные группы вообще с трудом соотносились с классовой социальной структурой (например, духовенство, чиновничество, творческая интеллигенция). Тем не менее, с точки зрения формирования общественного сознания и культурной среды, правовой культуры и политических отношений индустриальное общество представляло собой биполярное социальное пространство с ярко выраженным противостоянием буржуазии и рабочего класса.

Формирование классовой структуры индустриального общества было отнюдь не безболезненным процессом. Во многих странах первые два поколения людей, живших в условиях промышленного переворота, заплатили немалую социальную и экологическую цену. Нарастивание капитала на этапе индустриализации происходило во многом за счет экономии

на оплате труда при относительном и нередко абсолютном ухудшении жизненных условий широких слоев населения. Так, например, доля верхних 5% британского общества в совокупном национальном доходе увеличилась с 29,9% в 1688 г. до 31,2% в 1759 г., 32,7% в 1801-1803 гг. и 46,0% в 1867 г. В то же время аналогичный показатель для бедных и средних слоев (90% населения) сократился с 55,6% в 1759 г. до 46,6% в 1867 г., а коэффициент Джини (измеряющий степень неравенства) возрос с 0,49-0,51 до 0,57-0,59. В Пруссии 5% общества увеличили свою долю в национальном доходе с 21% в 1854 г. до 30% в 1913 г. На начальном этапе индустриализации в Англии и Франции 1/5 населения сумела повысить свои «жизненные стандарты», у 1/3 сохранилось в целом статус-кво, а понижение уровня жизни затронуло примерно 40-50% всего населения. В XVIII — первой трети XIX в. доля нищих (и «очень бедных») достигала в среднем 10-15-20% всех жителей Англии, Франции, Бельгии и Германии. Однако этот показатель все же был несколько ниже, чем в средневековой Европе: в «нормальные годы» он составлял 20-25%, а в периоды бедствий — до 50% численности населения.

Тем не менее, в эпоху промышленного переворота общий уровень жизни обнаружил тенденцию к повышению. Об этом можно судить прежде всего по изменению структуры потребления. Доля продовольствия в общих потребительских расходах основной массы населения (показатель Энгеля), достигавшая, по имеющимся оценкам, в Западной Европе в XV-XVIII вв. 70-75-80%, понизилась во Франции с 66-68% в 1838 г. до 62-63% в 1880 г., в Германии — с 55-57 в 1850-1860 гг. до 51-53 в 1910-1913 гг., в Италии — с 69-70 в 1861-1880 гг. до 60-61 в 1921-1940 гг., в Великобритании — с 47-49 в 1880-1890 гг. до 42-44 в 1920-1938 гг. и в США — с 39-40 в 1870-1880 гг. до 32-34% в 1909-1928 гг. Произошли также позитивные сдвиги в структуре продовольственных расходов, в частности, уменьшился удельный вес зерновых (например, во Франции с 45-50% в 1840-е гг. до 24-28% в 1913 г.). Эти изменения оказывали немаловажное влияние на экономический рост. Так, в период индустриализации ныне развитых государств 20-30% прироста их подушевого ВВП было связано с улучшением питания и здоровья населения. Примерно с середины XIX в. стали заметно расти расходы на обучение, просвещение и науку, а также здравоохранение. Доля только государственных

расходов на нужды образования выросла в 1820-1830/1910-1913 гг. в Великобритании и Франции с 0,2-0,3% их ВВП до 1,3-1,5 и 1,6-1,7% соответственно, в Германии с 0,8-1,0% в 1860-е гг. до 2,1-2,3% в 1910-1913 гг., в США с 0,3% в 1840 г. до 1,4-1,6% в 1910 г., а в Италии и Японии соответственно с 0,8-0,9 и 1,2-1,4% ВВП в 1880-е гг. до 1,8-2,0% и 2,5-2,7% в 1930-е гг. Общие (учтенные) затраты на здравоохранение, просвещение и науку в 1910-1913 гг. были эквивалентны в Италии 2,0-2,3% ВВП, во Франции и Великобритании — 2,2-2,5, в США — 2,5-2,7 и в Германии — 3,1-3,4% ВВП.

Большую роль в повышении уровня жизни сыграли растущие инвестиции в систему здравоохранения и образования. Так, показатель средней продолжительности жизни, составлявший в начале XIX в. в Италии, Германии и Франции 30-32 года, а в Великобритании, США и Японии 35-36 лет, спустя столетие достиг в среднем по группе изучаемых стран 48-52 лет. Доля населения, охваченного теми или иными видами формального обучения, выросла в целом с 9-11% в 1830-1840 гг. до 15-17% в 1913 г. Однако как исходные, так и итоговые уровни существенно варьировали: в Италии отмеченный индикатор увеличился примерно с 3 до 11, во Франции — с 7 до 14, в Великобритании — с 9 до 15, в Германии — с 17 до 19, в США — с 15 до 22%. В отличие от других стран, в Германии и США более быстрыми темпами развивалось среднее специальное и высшее техническое образование. К 1913 г. число учащихся в средней и высшей школе в расчете на тысячу жителей составляло в Италии соответственно 6,9 и 0,8, во Франции — 4,1 и 1,0, в Великобритании — 4,6 и 1,2, в Японии — 10,7 и 0,9, в Германии — 16,4 и 1,3, в США — 11,6 и 3,9.

За XIX век страны Запады добились немалых успехов в ликвидации неграмотности. На заре промышленной революции доля грамотных среди взрослого населения превышала половину только в Германии (63-67%), Великобритании (53-57%) и США (56-60%). К началу XX в. в этих государствах, а также во Франции она составила уже примерно 9/10. В Италии эти показатели оказались ниже (58-62%), правда, стартовый уровень также заметно отставал от других стран. В силу интенсификации образования, развития средней и высшей школы, а также профессиональной подготовки, рост среднего числа лет обучения работников был более значительным, чем увеличение доли грамотных: в 1800-1913 гг. оно повысилось

в Италии с 1,1 до 4,8 года, во Франции — с 1,6 до 7, в Великобритании — с 2 до 8,1, в США — с 2,1 до 8,3 и в Германии — с 2,4 до 8,4 года.

Таким образом, несмотря на формирование двух ярко выраженных социокультурных моделей — «буржуазного» и «пролетарского» образа жизни, — индустриальное общество представляло собой достаточно целостную социальную систему. Утверждение капиталистических отношений влекло за собой внедрение новых технологий во все сферы общественной жизни, в том числе быстрое изменение бытовых условий, среды обитания человека. Развернулся масштабный процесс урбанизации — сосредоточения населения в городах, радикального обновления городской инфраструктуры. К концу эпохи промышленного переворота в городах проживало уже 40% европейского населения. Крупнейшим городом мира стал Лондон с населением более 0,5 млн человек. Урбанизация сопровождалась мощным демографическим подъемом. Если к 1800 г. население Европы составляло почти 200 млн человек, т. е. немногим более 1/5 населения планеты, то к 1900 г. оно превысило 400 млн человек, т. е. приблизилось к 1/4 совокупного населения мира. С учетом численности выходцев из Европы, проживавших в США, Латинской Америке и британских доминионах этот показатель был значительно выше.

Стремительный прогресс средств связи и транспортного сообщения, развитие системы образования и средств массовой информации способствовали формированию не только единого экономического пространства, но и совершенно новой коммуникативной культуры общества. Как мышление, так и сам язык приобретают более абстрактный, функционально ориентированный характер. Массовое сознание в значительной степени утрачивает гуманитарную направленность. Материализм и научно-технический рационализм становятся ключевыми принципами обновленной картины мира европейского человека, а практическая целесообразность, деловитость, стремление к успешности, потребительские интересы превращаются в основу этических и ценностных ориентиров. Важнейшими социальными характеристиками человека в индустриальном обществе становятся профессионализм, уровень квалификации, востребованность в системе производства. В западном обществе рождается тотальное преклонение перед достижениями научного и технического прогресса, за которым стояла

глубокая убежденность в ограниченности существующего социального порядка, его относительной ценности и неизбежном революционном обновлении.

Региональные индустриальной	особенности экономической	формирования системы
--	--------------------------------------	---------------------------------

Не все страны Запада были в равной мере готовы к «промышленному рывку». Развертывание промышленного переворота, его хронологические рамки и специфика, равно как и все остальные аспекты становления индустриального общества, были теснейшим образом связаны с историческими традициями той или иной страны, ее социокультурными особенностями, зачастую — с разнообразными перипетиями политической жизни и международных отношений. По характеру модернизационных процессов можно выделить две основные модели становления индустриального общества, для каждой из которых была свойственна и особая динамика промышленного переворота. В научной литературе они получили название «эшелонов модернизации».

«Первый эшелон» модернизации составили страны т.н. «старого капитализма» — Голландия, Бельгия, Англия, Франция, Швейцария. Сам термин «старый капитализм» весьма условен — например, в Италии и Северо-Западной Германии зарождение капиталистических отношений началось не позже, чем в Англии или Франции. Но в странах «первого эшелона» процесс модернизации обладал особой спецификой — он носил органический характер, протекал эволюционно. Преемственность в развитии основных форм производства и предпринимательства, гибкое, постепенное изменение социальной структуры предопределили особую прочность и сбалансированность общественных институтов, возникших в результате модернизации, обеспечили эффективное и насколько это возможно неконфликтное сочетание традиционных и индустриальных форм экономических отношений, адекватной политико-правовой организации и массовой психологии.

На первый взгляд, шансов стать лидером «первого эшелона» и страной, опережающей континент в динамике промышленного переворота, больше всего было у Голландии. Эта страна, свободная от феодальных, в том числе цеховых, ограничений,

в которой буржуазия находилась у власти, имела передовое сельское хозяйство, разнообразные мануфактуры, огромный морской флот, разветвленную сеть каналов, значительную энергетическую базу (многочисленные мельницы, торф), внушительный финансовый сектор, сравнительно высокий уровень урбанизации и образования населения. В конце XVII в. подушевой доход в Голландии был наполовину выше, чем у Англии, норма сбережений составляла примерно 11% национального дохода, в то время как в Англии и во Франции — 4%. Вместе с тем ведущая торговая держава не стала родиной промышленной революции. Преобладание торгово-финансовой, посреднической деятельности над непосредственно производительной, завышенный курс национальной валюты, сравнительно высокий уровень налогообложения и оплаты труда, возраставшие цены на торф, а также негативные последствия военного противостояния Франции и Англии, существенный отток капиталов (в том числе в Великобританию) и активной части населения в заморские территории (Ява) обусловили стагнацию хозяйственной системы Голландии уже в XVIII в.

Первой страной на континенте, куда пришла промышленная революция, стала Бельгия. Благоприятным фактором стало обладание природными запасами угля, железной руды, наличие многочисленных процветающих торговых центров и выгодное экономико-географическое положение между Францией и Германией. В эпоху революционных и наполеоновских войн Бельгия находилась в прямой зависимости от Франции, благодаря влиянию которой произошли радикальные буржуазные преобразования. Объявленная Наполеоном континентальная блокада, временно закрывшая путь в Европу британским промышленным товарам, способствовала расцвету хлопчатобумажной промышленности в Генте. Благодаря природным запасам коксующегося угля и железной руды шло развитие отраслей, связанных с их добычей. Развивалось сталелитейное производство и химическая промышленность в бассейне Самбра-Маас. В 1823 г. была построена первая доменная печь в Льежском угольном бассейне. Провозглашение независимости Бельгии в 1831 г. способствовало ускорению ее экономического развития. Однако экономический потенциал Бельгии оказался недостаточным для обеспечения роли промышленного лидера Европы.

Возвышение Англии, позволившее ей стать «мастерской мира», связано со многими факторами. Начиная с эпохи нормандского завоевания, Англия по уровню институциональной зрелости (меньшая степень феодальной раздробленности, более раннее создание национального государства) опережала ряд других западноевропейских обществ. В XVI-XVIII вв. страна постепенно перешла на другой виток самоорганизации, важнейшим принципом которой были уже не средневековые регламентации, а законы конкуренции. В эти столетия произошло укрепление частной собственности, расширение сферы наемного труда, увеличилась свобода перемещения основных факторов производства — труда и капитала.

Английское государство играло весьма существенную роль в создании стабильных и гибких институтов, в установлении и реализации четких законов, уходящих корнями в римское право, в формировании различных элементов инфраструктуры (транспорта, связи и т.п.), в совершенствовании тарифной системы. Английское государство вплоть до завершения первичной индустриализации (30-40-е гг. XIX в.) проводило жесткую политику протекционизма: стимулировало вывоз и ограничивало импорт готовых изделий, запрещало экспорт новейших технологий, регулировало уровень оплаты труда, цен и условия работы. Островной характер британского государства способствовал ограничению масштабов военных, непроизводительных расходов и разрушений на территории королевства, а также благоприятствовал развитию внешних связей и морских, т.е. наиболее эффективных, коммуникаций, которыми Англия прочно овладела в результате ряда войн XVI-XVIII вв.

Отмечая исторические, географические и иные особенности Великобритании, способствовавшие тому, что она стала «колыбелью промышленной революции», не следует забывать о соответствующей «помощи» континентальных держав — о немалом трансферте капиталов, технологий, квалифицированных специалистов и предпринимателей из Голландии, Франции, Германии и Италии, многие из которых у себя на родине были нонконформистами (например, гугеноты). В Великобритании в 1760-1830 гг. на долю религиозных меньшинств и диссидентов, составляющих 7% населения королевства, приходилось 41% ведущих предпринимателей и инноваторов. Среди иммигрантов и британских нонконформистов было

немало талантливых умельцев, внесших существенную лепту в национальный фонд изобретений, общее число которых после принятия патентного права в 1624 г. значительно выросло (в среднем за десятилетие) и составляло: во времена правления Вильгельма и Марии (1689-1701) — 80, королевы Анны (1702-1713) — 21, Георга I (1714-1727) — 70, Георга II (1727-1760) — 76, Георга III (1760-1820) — 801, Георга IV (1820-1829) — 1355 человек.

Помимо указанных факторов, действовавших в основном «на стороне предложения», промышленный переворот в Англии был обусловлен также ростом внутреннего и внешнего спроса (увеличением продуктивности сельского хозяйства, повышением уровня урбанизации, укреплением внешнеэкономических позиций королевства), а также усилением дефицита и удорожанием традиционных источников энергии и сырья (лес), относительно более высоким, чем в целом на континенте (хотя и не завышенным, как в Голландии), уровнем зарплаты, стимулировавшим замещение труда капиталом. Индустриальный «вызов» Великобритании его демонстрационный эффект, стремительное проникновение британских изделий на внутренние рынки других государств, а также общее расширение платежеспособного спроса в континентальных странах Европы и США, связанное с демографическим бумом XIX в. и ростом производительности аграрного сектора, способствовали сравнительно быстрой диффузии промышленной революции в ряд стран Старого и Нового Света. Имитация и творческая адаптация британских технологических достижений были во многом облегчены в силу близости культурных традиций и уровней экономического развития.

Во Франции условия промышленного переворота окончательно сформировались в эпоху Первой империи (1804-1814). Благодаря протекционистской политике наполеоновского режима, в т.ч. континентальной блокаде Великобритании, французская промышленность получила мощный толчок для развития и технологического обновления. Однако крах империи, огромные человеческие потери в революционных и наполеоновских войнах, выплата контрибуции и территориальные уступки не позволили Франции сравняться по темпам развития с Англией. Сказалось и тормозящее воздействие парцеллярного крестьянского землевладения, сохранявшего в деревне патриархальные экономические и социальные отноше-

ния. Заметный прогресс в промышленности наметился лишь к 20-м гг. XIX в., когда началось широкое технологическое переоснащение текстильного, а затем и металлургического производства. Так, например, выплавка чугуна и железа с использованием каменного угля началась во Франции только в 1818 г., но уже в 1825 г. почти треть всего произведенного металла была получена таким способом. Тогда же появились и первые машиностроительные предприятия, началось железнодорожное строительство. Пик французской промышленной революции пришелся уже на период после Июльской революции 1830 г. и охватил почти все отрасли промышленности. В середине XIX в. Франция уверенно занимала второе место в мире по промышленному производству после Англии, отличалась быстрым ростом банковской системы, особым размахом кредитно-финансовых операций. Захват Алжира символизировал и возвращение Франции в число лидирующих колониальных держав.

Для стран «второго эшелона» (Германия, Италия, промышленно развитые регионы Австро-Венгрии и России, а также Япония), вставших на путь индустриализации только в XIX в., был характерен совершенно иной тип модернизации. Процесс закрепления капиталистических отношений носил здесь менее сбалансированный характер, сопровождался реформаторскими рывками и консервативными «откатами». Это предопределило более значительную роль государства в активизации процесса индустриализации, в том числе в обеспечении ускоренного накопления финансового капитала, в строительстве инфраструктуры и сети коммуникаций, в стимулировании (и субсидировании) развития средств производства, а также в формировании человеческого капитала — в создании национальных систем образования и подготовки кадров. При этом, Германия, Италия, Россия были вынуждены форсировать свое развитие уже в условиях наиболее капиталоемкого витка промышленной революции. Поэтому доля государственных инвестиций в отдельные периоды достигала 20-25% всех капиталовложений.

Показательной для стран «второго эшелона» была динамика промышленного переворота в Германии. Ключевую роль для ускорения индустриализации здесь имело решение аграрного вопроса. Реформы в этой сфере начались в Пруссии еще в 1807 г. и в целом завершились лишь к середине века

(соответствующая модель аграрных преобразований получила впоследствии название «прусского пути» развития капитализма в сельском хозяйстве). Уничтожение сословной основы землевладения и установление свободного перехода земли от одного собственника к другому сопровождалось массовым изъятием крестьянских участков. «Освобождаясь», крестьяне не оказывались связаны огромными выкупными платежами, либо должны были уступить помещику от 1/3 до 1/2 своего участка. Барщина и другие повинности при этом сохранялись и переводились на денежную основу, приравняваясь юридически к государственным налогам. Естественно, что такими условиями «освобождения» смогло воспользоваться очень мало крестьян. Началось разорение основной массы крестьян, быстрое расслоение деревни, в том числе выделение фермерского слоя гроссбауэров. Но основная часть земельного фонда оказалась в распоряжении помещиков-юнкеров, использовавших дешевый труд батраков. Интеграция такого латифундиального хозяйства в капиталистическую систему производства происходило довольно медленно, но уже во второй половине XIX в. она принесла заметные результаты. Площадь посевных площадей достигла максимума (в начале XIX в. — 33,5% всей территории Германии, в 1878 г. — 48,3 %) . Произошел переход к интенсивному земледелию, в том числе механизация сельскохозяйственного труда, все более широкое использование минеральных удобрений, модернизация традиционной трехпольной системы. В итоге продуктивность сельского хозяйства выросла за XIX в. в 2-3 раза, а Германия превратилась в одного из лидеров мирового сельскохозяйственного экспорта.

Помимо решения аграрного вопроса промышленный переворот в Германии был подготовлен разрушением цеховой ремесленной системы, имевшей очень прочные традиции, ликвидацией внутренних таможенных ограничений (в т.ч. благодаря созданию в еще 1834 г. Таможенного союза 18 немецких государств), ускоренным строительством железных дорог (первая из них была создана в 1835 г., а в 1848 г. только в Пруссии протяженность железнодорожных линий составила уже 2363 км). Во всех этих преобразованиях ключевую роль сыграло государство. В 30-40-х гг. XIX в., несмотря на сложную внутривнутриполитическую ситуацию, в Германии начался решающий этап промышленного переворота. Механизация производства и строительство фабрик первоначально охватили

текстильную промышленность, затем металлургию, горное дело, химическую промышленность. Уже в 50-х гг. объем промышленного производства удвоился, а в 60-х гг. увеличился еще в полтора раза.

Специфический характер процесс индустриализации приобрел в США. Необычная для «старого капитализма» стремительная динамика общественных преобразований, в том числе ускоренный характер развития капиталистических отношений, дают основание отнести США к странам «второго эшелона». Однако модернизация в США не была форсированным, направляемым «сверху» реформаторским процессом. Она носила органический характер, была вызвана внутренними факторами развития американского общества. Быстрое преобразование экономической системы и социальной структуры не создавало глубоких противоречий, поскольку в стране отсутствовали прочные общественные институты и традиции доиндустриального периода.

Промышленная революция в США развернулась в середине XIX столетия. Важнейшей предпосылкой индустриального рывка была огромная емкость внутреннего рынка, мощная ресурсная база, наличие большого количества рек и лесов, обеспечивавших достаточную энергетическую базу (энергия пара господствующее положение заняла здесь только в 50-х годах XIX в.). Технический переворот в США был во многом подготовлен успешным использованием европейских достижений. Но важную роль сыграла и американская инженерная мысль (именно в США были изобретены ротационная типографская машина, фосфорная спичка, электромагнитный телеграф, буквопечатный аппарат, револьвер, пневматический тормоз, первая модель швейной машины).

Особый отпечаток на экономическое развитие страны наложила территориальная и отраслевая неравномерность. Исторически в США сложились три региона с особым типом хозяйства: промышленный северо-восток, сельскохозяйственный рабовладельческий юг и слабо освоенный запад. В эпоху промышленного переворота это предопределило растущую экономическую специализацию производства, в том числе ускоренное развитие промышленной базы на Северо-Востоке. Сложился и особый — «американский» — путь развития капитализма в сельском хозяйстве. Он подразумевал распространение мелких крестьянских хозяйств фермерского

типа. Решающие шаги в этом направлении были сделаны уже после гражданской войны между Севером и Югом. В 1862 г. был принят закон о гомстедах, предоставивший право любому гражданину страны, не участвовавшему в мятеже против Со—единенных Штатов и уплатившему пошлину в 10 долларов, занять гомстед — участок земли в 160 акров (64 га) под ферму на свободных землях. После 5 лет проживания на участке, его обработки и застройки он отдавался бесплатно в собственность. Это стало самым радикальным решением аграрного вопроса в мировой истории эпохи Нового времени.

3 Особенности социально-экономического развития западного общества на рубеже XIX — XX вв.

Технический прогресс в конце XIX в.

Основной чертой экономического развития стран Европы и Америки на рубеже XIX-XX вв. стал небывалый подъем производительных сил и глубокая перестройка всей системы общественного производства. За последние три десятилетия XIX в. объем мировой промышленной продукции вырос более чем в 3 раза, в том числе добывающей промышленности — почти в 4 раза, а обрабатывающей — в 3 раза. Добыча нефти увеличилась в эти годы в 25 раз, выплавка стали — в 56 раз. Благодаря росту производства и развитию транспортной системы оборот мировой торговли увеличился в 3 раза. Слагаемыми этого «экономического чуда» являлись ускорение технического и технологического прогресса, концентрация производства, наращивание его общей капиталоемкости. Но главной причиной стало завершение длительного процесса складывания индустриальной экономической системы. Промышленный переворот, произошедший на протяжении XIX в. в Англии, Франции и США, к концу столетия завершился также в Германии, Австро-Венгрии, России и Италии, в самом начале XX в. — в Японии. Индустриальная система воспроизводства, основанная на капиталистическом предпринимательстве, свободной рыночной конкуренции, использовании квалифицированной наемной рабочей силы, ускоренном технологическом прогрессе, динамичном экономическом росте, сопряженном с увеличением нормы накопления и быстрым расширением спектра производственных функций, стала преобладающей в масштабах западной цивилизации.

Торжество индустриальной экономической модели существенно изменило динамику научно-технического прогресса. Его темпы и направленность все в большей степени стали

определяться потребностями производства, ориентироваться на разработку новейшей промышленной технологии. Финансирование прикладных научно-технических исследований со стороны предпринимательских кругов и целенаправленный, ускоренный характер внедрения их результатов укрепляли эту тенденцию. В итоге, на протяжении всего нескольких десятилетий произошла качественная трансформация всей технико-технологической базы промышленности. Наиболее масштабные изменения коснулись отраслей группы «А», связанных с добычей и переработкой сырья, машиностроением, химическим производством, обеспечением транспортной инфраструктуры.

Использование с 70-80-х гг. бурильных машин, желатинового динамита, созданного в 1890 г. на основе исследований Д.И. Менделеева, конвейеров, электрических подъемных машин и новейших систем вентиляции позволило значительно усовершенствовать технологию горного дела. В 1901 г. впервые было применено глубокое вращательное бурение в нефтяной промышленности. Настоящий переворот в металлургии вызвало широкое внедрение мартеновского и бессемеровского способов производства стали (патенты на открытия П. Мартена и Г. Бессемера были зарегистрированы еще в 1864 и 1856 гг.). В 70-е гг. XIX в. немецкий химик В. Сименс сконструировал дуговую печь для варки стали, а английский изобретатель С. Томас предложил так называемый конверторный способ получения стали из чугуна. Изобретение в 1886 г. П. Эру (Франция) и Ч. Холлом (США) электролитического способа получения алюминия, а также изобретение в 1907 г. А. Вильмом (Германия) дюралюминия, позволило расширить технологическую базу машиностроения. В тот же период была значительно усовершенствована техника проката, позволившая получать листовое железо, трубы. Новая технология рельсопроката вызвала бум в железнодорожном строительстве. Важнейшее значение также имело изобретение в 80-е гг. русскими инженерами Н. Бенардосом и Н. Славяновым электросварки и газовой (автогенной) сварки металлов. Бурное развитие станкостроения, в том числе использование новейших моделей токарного, фрезерного, ткацкого станков, автомата для литья стеклотары, качественно повысило механизацию промышленного производства и создало основу для перехода к широкой стандартизации промышленной продукции. В химической

промышленности на рубеже XIX-XX вв. также произошла отраслевая технологическая революция, связанная с развитием производства искусственных материалов — синтезированного этилена, искусственного волокна (нитрошелка), синтетического каучука. Открытия американских химиков Л. Бакеманда и Дж. Хайетта позволили впервые наладить производство пластмасс, а исследования немецких химиков Р. Бона и А. Байера положили начало разработке синтетических красителей.

Революционные изменения произошли в области энергетики. Решение двух технических проблем — создание электрогенераторов и линий электропередач, позволило перейти к промышленному использованию электрической энергии. Важнейшее значение для этого имело также изобретение М. Доливо-Добровольским в 1888 г. системы трехфазного переменного тока и начало строительства электрических станций. Для развития системы электростанций стали широко применяться паровые турбины, изобретенные инженерами Ч. Парсонсом (Англия) и К. Лавалем (Швеция), и гидротурбины конструкции Л. Пельтона (США). После первых удачных опытов 70-х гг. начинается и широкое производство двигателей внутреннего сгорания. Наибольшее распространение получили двигатели, работающие на бензине (изобретение немецких инженеров Г. Даймлера и К. Бенца — середина 80-х гг.) и тяжелом жидком топливе (изобретение немецкого инженера Р. Дизеля — 1897 г.). Изменение энергетической базы не только резко повысило мощность всего промышленного производственного комплекса, но и привело к созданию целой отрасли — электротехники. Разработка методов передачи электромагнитных волн на расстояние позволила заложить и основы радиотехники, бурно развивавшейся уже в первое десятилетие XX в. Использование двигателей внутреннего сгорания, а также целый комплекс дополнительных технических изобретений (в том числе, карбюратора в 1870 г. Н. Отто, гусениц в 1871 г. Э. Буйеном, пневматических шин в 1884 г. Д. Дэнлопом, магнето в 1887 г. Р. Бошем, стартера в 1910 г. Ч. Кеттерингом) дало толчок для развития автомобилестроения. Первый автомобиль современного типа был сконструирован К. Бенцем и Г. Даймлером в 1886 г. В 1900 г. состоялся первый полет дирижабля конструкции Ф. Цепелина (Германия), а спустя три года братья У. и О. Райт (США) создали первый самолет.

	Процессы	концентрации	производства
и	централизации	капитала.	Образование
			монополий

Тенденция концентрации производства была очевидной на протяжении всего XIX в. Сама логика рыночных отношений создавала предпосылки для увеличения размера предприятий, как важного показателя их конкурентоспособности. Дополнительным фактором концентрации производства в тот период была и достаточно узкая отраслевая структура, обусловленная медленным ростом платежеспособного спроса и небольшими темпами накопления капитала. В ее условиях реинвестирование сосредотачивалось преимущественно в уже сложившихся отраслях, в рамках действующих производственных единиц. Наконец, укрупнению предприятий способствовал растущий отрыв ведущих стран Запада в экономическом развитии, их господство на мировом рынке — мелкие предприятия имели меньше шансов самостоятельно действовать на внешних рынках сбыта. Однако все эти факторы не могли превратить концентрацию производства в крупномасштабное явление, способное стать основой для формирования новой экономической модели. Ситуация коренным образом изменилась в результате технологической революции конца XIX в.

Широкое внедрение в производство новейших технических достижений и конвейерной системы, стандартизация продукции, создание принципиально новой энергетической базы и разветвленной транспортной инфраструктуры, стабилизировавшей поставки сырья и облегчившей доступ к новым рынкам сбыта, обеспечили крупным предприятиям необычайно высокую рентабельность. Но препятствием для дальнейшего наращивания темпов концентрации производства являлся одновременный рост его капиталоемкости. На прежних стадиях развития капиталистической экономики инвестирование осуществлялось преимущественно индивидуальными предпринимателями. Отсутствовала и развитая система долгосрочного кредита. Теперь же создание промышленных гигантов и постоянное обновление технологической базы производства требовало такой финансовой мощи, которая превосходила возможности даже наиболее состоятельных инвесторов. Это стало причиной широкого распространения в конце XIX в. акционерных обществ, позволявших аккумулировать капиталы мелких и средних собственников, направляя их на развитие

ведущих отраслей экономики. Значительно изменились и методы рыночной политики банков. Обладание контрольным пакетом акционерного общества позволяло банку определять стратегию развития производства, масштабы и характер инвестиций. Тем самым, происходило реальное сращивание банковского и промышленного капитала (возникшую новую форму капитала марксистские исследователи назвали «финансовым капиталом», в дальнейшем в экономической науке закрепилось название «промышленно-финансовая группа»). Прямое или косвенное участие банков в промышленных инвестициях увеличивало динамичность самого банковского капитала. Как следствие росла дифференциация банковского сектора экономики, происходило выделение крупнейших банков в элитарные группы, контролирующие большую часть инвестиционного рынка. Постепенно ведущие банки начали аккумулировать и большую часть мелких вкладов. Захват финансовых рынков сопровождался быстрым вытеснением или поглощением более мелких банков.

Результатом концентрации производства и централизации капитала стало образование монополий. Само стремление к вытеснению конкурентов и монопольному положению на рынке всегда было присуще капиталистической экономике. Но только в последней трети XIX в. возникли условия для образования монополий как особой формы организации производства и капитала. Укрупнение производственных единиц сокращало число конкурирующих предприятий и повышало возможность согласованной политики производителей на рынке сбыта. Стремительно растущая капиталоемкость современного производства создавала высокий инвестиционный барьер для организации новых предприятий, что также сокращало конкуренцию. Важным фактором монополизации стала уязвимость крупных предприятий с большим основным капиталом — горнодобывающих, нефтеперерабатывающих, металлургических, машиностроительных. Они оказались недостаточно маневренными по отношению к быстрым изменениям рыночного спроса, ориентированными на стабильное расширенное воспроизводство и нуждались в дополнительных гарантиях конкурентоспособности. Именно отрасли тяжелой индустрии с меньшей степенью специализации производства и его массовым, стандартизированным характером оказались основным очагом образования монополий. Наконец, большую

роль в монополизации сыграли банки, заинтересованные в получении контроля над целыми отраслями и способные обеспечить для этого необходимую финансовую базу.

Технически и организационно монополии далеко не всегда представляли собой некие крупные предприятия. Монополия конца XIX в. — это прежде всего соглашение об особой политике на рынке, договор, заключаемый с целью обеспечения контроля над рынком сбыта или сферой производства. Соответственно, различалось несколько типов монополий. Низшей формой являлись картели — договоры о регулировании объема производства, условий найма рабочей силы и сбыта продукции, заключаемые при сохранении полной производственной и торговой самостоятельности их участников. При ликвидации торговой самостоятельности и создании единой структуры сбыта монополистическое объединение приобретало форму синдиката. Трест формировал уже фактически единую систему производственного и торгового управления, но не ликвидировал финансовую самостоятельность его участников. Высшей формой монополистических объединений являлся концерн, создававшийся вокруг головного предприятия (холдинга) и связывавший своих участников системой финансирования, скоординированной производственной деятельности (хотя не обязательно совместной), единой рыночной стратегией. В рамках концернов часто сохранялась организационно-управленческая децентрализация, но интеграция капитала обеспечивала наиболее тесные связи по сравнению с другими формами монополистических соглашений.

В отличие от других типов монополий («закрытых» — защищенных юридическими ограничениями, и «естественных» возникших в силу специфики использования тех или иных ресурсов), новые монополистические объединения являлись «открытыми» — порожденными стихийными рыночными факторами, логикой конкурентной борьбы на рынке. Закрытые и естественные монополии существовали в капиталистической экономике перманентно, но являлись скорее исключением, нежели широкой практикой. Возникновение же открытых монополий отражало формирование особой модели организации производства, переход всей капиталистической экономики в стадию монополистического капитализма. Производственная и технологическая система, основанная на монополистической конкуренции, являлась принципиально новой модификацией

индустриальной экономической модели. В то же время она представляла собой результат всего предшествующего развития капиталистической системы, закономерный итог абсолютизации принципов свободного, неограниченного рынка.

Динамика развития монополистической экономики

Процесс монополизации протекал неравномерно, рывками, что прежде всего было связано с влиянием циклических кризисов перепроизводства. Каждый из них приносил образование новой волны монополий и сокращение немонополизированного сектора экономики. Отправной точкой существования монополий как широкомасштабного экономического явления можно считать мировые экономические кризисы 1873 и 1882 гг. С этого времени начинает формироваться новый тип рыночных отношений — на смену свободной конкуренции приходит монополистическая. Ее основу составила особая производственная стратегия — создание массового производства. Эта экономическая модель была не столько ориентирована на реальный рыночный спрос, сколько подчинялась логике максимального производства. Убытки, связанные с производством товарной массы, превышающей платежеспособный спрос, компенсировались вытеснением конкурентов — производственные гиганты получали возможность широко использовать демпинговые методы рыночной ценовой борьбы. Сокращению издержек массового производства также способствовали стандартизация и автоматизация производственного процесса, ускоренное внедрение новейших технических разработок. Конечной целью создания системы массового производства было полное вытеснение конкурентов, т. е. достижение монопольного преобладания на внутриотраслевом рынке. Когда эта цель оказывалась достигнута, монополисты могли уже перейти и в «наступление на потребителя» — вводить так называемые монопольные цены, нарушающие естественный баланс между предложением и спросом в пользу производителя.

Естественно, что организация массового производства и переход к монополистической конкуренции были теснейшим образом взаимосвязаны с процессами концентрации производства и централизации капитала. Если на первых этапах процесса монополизации преобладали низшие формы объ-

единений — картели и синдикаты, то с конца 80-х гг. XIX в. первенство перешло к трестам, начавшим реальную борьбу за монополизацию отраслей тяжелой индустрии. В отраслях с мелкосерийным производством, общедоступной и стабильной технологией, связанных с разнородным и трудноконтролируемым потребительским рынком, а также в сельском хозяйстве, монополизация первоначально не имела широких масштабов. Общая динамика монополизации достаточно точно отражала чередование циклов экономического роста и кризисов перепроизводства. Каждая волна таких кризисов давала преимущество наиболее мощным товаропроизводителям, обладавшим передовой технологической базой, тесно связанным с банковским капиталом, контролировавшим более широкий потребительский рынок. В положении же банкротов оказывались, как правило, мелкие, немонополизированные предприятия, неспособные проводить активную демпинговую политику в условиях кризиса и депрессии.

Рубежным в развитии капиталистической экономики стал циклический кризис перепроизводства 1900-1903 гг. Новая волна банкротств резко повысила удельный вес монополизированного сектора в экономике ведущих стран Запада. Массовое производство стало доминирующим в промышленной индустрии. Внутриотраслевая конкуренция была частично ликвидирована, частично — ограничена. Естественно, что абсолютное господство монополий в пределах целых отраслей было исключением. В основном складывалась ситуация, когда несколько ведущих монопольных групп боролись за контроль над отраслевым рынком. Такая модель получила название олигополии. Но в целом, механизм монополистической конкуренции и система массового производства стали определяющими в рамках экономической системы индустриального общества. Тем самым, сформировалась особая экономическая модель, изначально ориентированная на абстрактный массовый рынок, ускоренное расширение производства, достижение безудельного финансового могущества, безусловный и неограниченный экономический рост. Это и стало причиной того, что период существования монополистического капитализма был определен как стадия империализма — тотальной экспансии индустриальной системы.

Завершение перехода от так называемого «классического» капитализма свободной конкуренции к монополистическому

капитализму существенно изменило динамику экономического развития ведущих стран мира. Модель массового стандартизированного производства резко увеличила темпы экономического роста. Только за период одного цикла — с 1903 по 1907 г. — суммарная мощность промышленного производства возросла на 40-50%. В те же годы был совершен рывок в технологическом переоснащении производства. Два циклических кризиса 1900-1903 гг. и 1907 г. стали своеобразными «фильтрами», ликвидировавшими большую часть немодернизированных предприятий. Причем, темпы технологического прогресса были настолько велики, что к 1907 г. в ранг «устаревших» попали производства, оснащенные оборудованием 10-15-летней давности. Монополизация начала распространяться в этот период и на те отрасли, которые оставались оплотом «классического» капитализма, в том числе и на сельское хозяйство, переживавшее в последние десятилетия XIX в. хронический кризис. Отчасти причиной этого наступления была дальнейшая централизация банковской системы, распространение сферы влияния акционерного капитала на новые отрасли. С другой стороны, на смену господствовавшим в течение нескольких лет трестам стали приходить концерны. Эти межотраслевые объединения обеспечивали свободную перекачку капиталов в наиболее рентабельные отрасли и в большей степени были ориентированы на реальный спрос, нежели тресты.

Важным фактором изменения организационной структуры доминирующих промышленно-финансовых групп стала также государственная антитрестовская политика, направленная против наиболее жестких форм монополизма. Приоритет в этой сфере принадлежал США. Еще в 1890 г. Конгресс принял т.н. «Закон Шермана», ставший ядром антитрестовского законодательства. Согласно ему, «всякий договор, объединение в форме треста или любой иной форме или договор с целью ограничения коммерции или торговли между штатами или иностранными государствами» объявлялся незаконным. Однако принятие антитрестовского законодательства отнюдь не означало переход государства к активному вмешательству в экономику. Пресекались лишь наиболее радикальные попытки ликвидации внутриотраслевой конкуренции. Препятствием для согласованной политики на рынке небольших групп крупнейших производителей антитрестовское законодательство быть не могло. Равным образом, действие антитрестовского

законодательства не мешало и формированию межотраслевых монополистических объединений, мощных финансовых групп, переходящих к монополизации банковского сектора. Поэтому принятие «закона Шермана» фактически не привело к сокращению темпов монополизации в экономике США. Косвенно оно даже способствовало росту гибкости монополистического капитала, его рыночной маневренности. В европейских же странах переход к антитрестовскому законодательству произошёл значительно позднее.

Процесс монополизации стал причиной нового рывка в расширении международных экономических связей. Фактически речь шла о создании мировой капиталистической системы, поскольку модель массового производства, растущая концентрация капитала превратили все мировое пространство в единый потенциальный рынок для экономики немногих империалистических держав. Крупнейшие монополии уже в начале XX в. перешагнули национальные границы. Одним из наиболее доходных видов экспорта стал вывоз капитала, формирующий единый мировой финансовый рынок. Только за первые 13 лет XX в. объём зарубежных капиталовложений крупнейших западных стран удвоился и достиг 44 млрд дол. В тот же период начинается широкое образование международных монополий. Если первые подобные объединения — Международный синдикат по продаже стальных рельсов (1883), Североатлантический союз пароходов (1892), Международный динамитный картель (1896) — представляли собой лишь соглашения по вопросам торговой политики, то в начале XX в. влияние международных монополий начало распространяться и на определение условий найма рабочей силы, распределение инвестиций, распространение новейшей технологии, стандартизацию производства. Важную роль в интернационализации экономики сыграли международные отраслевые конференции и конгрессы промышленников (конгресс хлопчатобумажных фабрикантов в 1906 г., конференция морских компаний 1906 г., конгресс предпринимателей строительного дела 1912 г. и др.).

Ускоренными темпами развивалась всемирная транспортная сеть. Быстро росла протяженность железнодорожной сети — с 1900 по 1917 г. она увеличилась на 357 тыс. км, в том числе в США — на 109 тыс. км, в Британской империи — на 71 тыс. км, в Российской империи — на 30 тыс. км, в Германской империи — на 17 тыс. км. Вырос тоннаж торгового фло-

та. Если в 1900 г. тоннаж мирового парового флота составлял 13,9 млн, то в 1914 г. — уже 45 млн т. Бесспорным лидером в сфере морских транспортных перевозок оставалась Великобритания, обладавшая к 1914 г. 11,4 тыс. торговых судов (США — 2,3 тыс., Германия — 2,2 тыс., Россия — 1,2 тыс., Франция — 1,5 тыс.).

Однако триумф индустриальной системы оказался прологом к ее глубокому и, в конечном счете, фатальному кризису. Экономическая экспансия империалистических держав не только создавала единое финансовое и торговое мировое пространство, но и крайне обостряла международные отношения. Тотальная либерализация мировых экономических отношений, столь естественная с точки зрения предпринимательской психологии XIX в., все более явно вступала в противоречие с государственными интересами, подрывала стабильность национального экономического пространства. Поэтому на пороге XX в. все большее количество стран начинали предпринимать меры по протекционистской защите своих производителей. Некоторые из таможенных конфликтов, например «хлебные войны» России и Германии, оказывали самое негативное влияние на развитие всей системы международных отношений. Еще более негативными были последствия колониальной экспансии ведущих стран Запада. Растущая потребность в поставках сырья и новых рынках сбыта заставила Великобританию, Францию, Германию, Россию, Италию, Австро-Венгрию, Японию вступить в острое соперничество за окончательный раздел мирового пространства на зоны влияния. Причем колониальная экспансия в эпоху империализма приобрела новое качество — целью захвата колоний была уже не только их непосредственная экономическая эксплуатация, но и блокирование возможного усиления позиций других держав. В итоге, помимо важных в экономическом или стратегическом отношении колоний, поводом для ожесточенного противоборства стали и труднодоступные, малозаселенные территории. В течение двух-трех десятилетий на рубеже веков были практически поделены огромные пространства африканского и тихоокеанского регионов. Завершение же территориального раздела мира к началу

XX в. вело к новому витку борьбы — за перераспределение уже установленных сфер влияния. После серии локальных империалистических конфликтов мир оказался на пороге всеобщей войны.

Помимо обострения международной ситуации, эпоха империализма принесла и явные симптомы кризиса всей производственной системы западного общества. Монополистический капитализм, приведший к небывалому экономическому росту, сформировал комплекс глубоких внутренних противоречий, поставивших саму индустриальную модель на грань краха. Быстрое увеличение производственных мощностей в период формирования массового производства не было обеспечено адекватным ростом потребительского спроса. Ценовая политика монополий еще больше усугубляла эту проблему. Переход к широкой практике монопольных завышенных цен подрывал реальное соотношение спроса и предложения на рынке, искусственно ограничивал и без того достаточно узкий платежеспособный спрос, формировал предпосылки ускоренного перепроизводства.

Менялось и отношение монополий к проблеме технического и технологического обновления производственных мощностей. Ранее поддержка научно-исследовательских работ и ускоренное внедрение их результатов в производство были важными факторами борьбы с немонополизированным сектором. Но после ликвидации или ограничения внутриотраслевой конкуренции этот стимул исчез. Поскольку рост нормы прибыли обеспечивался теперь монополиями, а не конкурентными факторами, заинтересованность в дальнейшей модернизации производства оказалась минимальной. Сохранение морально устаревшего оборудования позволяло даже получить дополнительные прибыли за счет нецелевого использования амортизационных фондов. Помимо общей стратегической пагубности торможения дальнейшей модернизации и интенсификации производства, подобная политика монополий наносила удар по всей существующей экономической системе. Она резко сократила потребительский рынок отраслей, связанных с производством средств производства (металлургии, машиностроения, станкостроения) и, как следствие, добывающей промышленности.

В результате, монополизация экономики существенно изменила динамику обычных циклических колебаний спроса и предложения. Продолжительность цикла чрезвычайно сократилась. Стадия относительного перепроизводства достигалась в считанные годы. Короткие периоды стремительного наращивания объемов производства сменялись все более длительными паузами депрессии. В условиях такой нестабильной динамики рыночной конъюнктуры система монополизированного про-

изводства оказалась исключительно уязвимой. Во-первых, массовое производство не было рассчитано на гибкое реагирование в условиях изменения рыночного спроса. Монополии, обладая большим «запасом прочности» в финансовом отношении, как правило, не сокращали производство при появлении первых симптомов падения спроса. В условиях последующей так называемой «понижательной фазы» изменения рыночной конъюнктуры масштабы производства даже продолжали возрастать. Когда же относительное перепроизводство (т.е. падение реального спроса) становилось очевидным, следовало резкое сокращение производства, создававшее впечатление настоящего экономического обвала.

Второй фактор, осложнявший циклическую динамику развития монополизированной экономики, был связан с растущим влиянием банковской системы. Биржевой рынок, обеспечивающий систему акционерного капитала, не только позволил аккумулировать огромные средства, но и создал феномен финансовой игры. В игру на биржевых курсах (в спекулятивные операции с акциями) включились не только крупные дельцы, но и массы мелких и средних вкладчиков. Механизм котировки акций оказался под влиянием субъективных факторов, массовых настроений, искусных махинаций и, как следствие, превратился в настоящий детонатор финансовых взрывов и экономических кризисов.

Первым циклическим кризисом, продемонстрировавшим все эти особенности развития монополизированной экономики, был кризис 1907 г. Он завершил рекордно короткий трехгодичный цикл подъема и стал чрезвычайно разрушительным по уровню падения производства. В состоянии депрессии оказались целые отрасли. Толчком к нему послужил острый финансовый кризис, последовавший за биржевым крахом в США. Эта особенность имела важнейшие последствия: изменение инвестиционного климата вовлекло в кризис почти одновременно самые различные отрасли производства. В силу высокой интернационализации банковской сферы финансовый кризис в США вызвал цепную реакцию и в других ведущих странах Запада. Соответственно, циклический кризис 1907 г. начался почти одновременно в рамках всей мировой капиталистической системы и имел универсальную динамику. Синхронизация распространения кризисных явлений на различные отрасли и их проявления в разных странах, т. е. пре-

вращение циклических кризисов во всеобщие, мировые, стала отличительной чертой развития системы монополистического капитализма. В полной мере эта особенность проявилась уже после Первой мировой войны.

Кризис 1907 г. выявил и еще одну важную черту монополизированной экономики — несрабатывание обычного ценового механизма выхода из кризиса перепроизводства. Традиционно в условиях кризисной депрессии «выживали» наиболее мощные производители, обладающие финансовой базой, достаточной для продажи продукции по сниженным ценам. Это приносило минимальную прибыль, необходимую для обновления основного капитала, и оживляло потребительский спрос. В итоге циклические кризисы превращались в своего рода фильтры, приводящие к банкротству и «отсеванию» наименее конкурентоспособных предприятий, к повышению общей капиталоемкости производства и новому витку его технической модернизации. Циклические кризисы последней трети XIX в. оказались наиболее болезненными для немонополизированного сектора экономики, проигравшего соперничество с более мощными монополиями. Но в 1907 г. в условиях кризиса оказалась уже преимущественно монополизированная экономика. Понижение цены ведущими производителями не имело в такой ситуации смысла с точки зрения укрепления их монопольного положения. Оно даже угрожало господству монополий, так как создавало предпосылки для возобновления внутриотраслевой конкуренции. Поэтому в условиях кризиса складывался потенциал хронического недостатка деловой активности. Монопольные производители были склонны скорее нести убытки из-за длительного хранения товарной массы, нежели реализовывать ее по сниженной цене. Параллельно на рынке происходило и устойчивое снижение совокупного спроса: промышленного — в связи с уменьшением потребности в сырье и оборудовании в условиях резкого падения уровня производства, и потребительского — в связи с сокращением платежеспособности населения в условиях массовой безработицы и сохранением высокого уровня цен.

Таким образом, монополизация экономики блокировала естественные механизмы рыночной саморегуляции. В условиях кризиса перепроизводства предложение и спрос на рынке оказывались «заморожены» на минимальном уровне. Складывались предпосылки необычайно длительной и разрушительной

фазы депрессии, «ценовый» выход из которой был невозможен в условиях сложившейся экономической модели. Развитие индустриальной системы по пути увеличения рыночной свободы и независимости производителей подошло к такому порогу, за которым гипертрофированная реализация этого принципа, безраздельное господство монополий угрожали самим основам рыночной экономики. Антитрестовская политика, направленная лишь против наиболее жестких проявлений монополизма, не могла коренным образом изменить эту ситуацию.

Кризис 1907 г. впервые продемонстрировал всю опасность тотальной монополизации и необходимость вмешательства в рыночные отношения организованной силы, способной активно регулировать рыночное взаимодействие спроса и предложения. В такой роли могло выступить лишь государство. Однако рождение новой экономической стратегии в эти годы не произошло. Более того, полоса кризиса была пройдена неожиданно быстро, без длительной депрессии. Причиной стало изменение экономической конъюнктуры, связанное с новым витком гонки вооружений. Мир приближался к глобальной империалистической войне. Ведущие страны Запада начали реализацию грандиозных военных программ, принесших инвестиционный дождь в отрасли добывающей промышленности, машиностроение, ожививших прикладные научно-технические исследования и, в конечном счете, благодаря росту занятости и увеличению потребительского спроса, вызвавших общий подъем экономики. Следующий циклический кризис 1913 г. в такой ситуации превратился лишь в кратковременный локальный спад и был отмечен только по изменению отдельных показателей производственной статистики. Но оздоровление экономики в 1907-1913 гг. носило искусственный характер. Оно было неразрывно связано с милитаризацией и лишь откладывало решение структурных проблем монополистического капитализма на будущее.

**Региональные особенности
социально-экономического развития стран
на рубеже XIX-XX вв. Запада**

К концу XIX в. основу «первого эшелона» мировой капиталистической системы по-прежнему составляли Великобритания и Франция. По типу общественного развития к ним

были близки Нидерланды, Бельгия, Люксембург, Швейцария, а также Швеция и Дания. Не имея экономических, геополитических и культурных предпосылок для борьбы за лидирующие позиции в западном мире, эти «малые» страны достигли к началу XX в. вполне зрелых форм индустриальной организации. Особую группу, близкую к «первому эшелону», составили британские доминионы, Канада, Австралия, Новая Зеландия. Наконец, на рубеже XIX–XX вв. в группу стран «первого эшелона» стремительно входят и Соединенные Штаты Америки.

Стремительное наращивание темпов экономического роста на рубеже XIX–XX вв. позволило США не только закрепиться в группе ведущих стран, но и реально претендовать на роль ее лидера. Уже в 1860 г. США уверенно занимали второе место в мире по уровню промышленного производства (17%), отставая лишь от Великобритании (36%). В 1880 г. удельный вес американской и английской промышленности в мировом производстве сравнялся (по 28%). В 1890 г. США обеспечивали уже 31% мирового промышленного производства, накануне Первой мировой войны — 36% (соответствующие показатели Великобритании — 22% и 14%). Триумф американской экономики был связан с целым рядом факторов. Завершение гражданской войны 1861–1865 гг. создало возможность для окончательного складывания единого общенационального рынка. Консолидация экономического пространства огромной страны, в свою очередь, позволила с максимальным эффектом использовать богатейшие природные ресурсы. Немаловажную роль сыграл и «человеческий фактор» — на рубеже XIX–XX вв. США принимали колоссальный приток иммигрантов, в том числе выходцев из развитых стран Европы. Промышленность получала квалифицированную и недорогую рабочую силу. Среди иммигрантов также было много способных предпринимателей, талантливых ученых и изобретателей. В то же время с 70-х гг. XIX в. в страну был ограничен въезд иммигрантов из Южной и Восточной Европы, России, Азии, которые в большинстве своем составляли неквалифицированную рабочую силу. К началу XX в. в США значительно увеличился и приток капиталов из Европы. Иностранные инвестиции превысили 3,4 млрд долларов.

Сосредоточение финансовых и трудовых ресурсов, использование мощной сырьевой базы позволило в кратчайшие сроки добиться фантастических темпов развития американской

промышленности. К тому же большинство американских предприятий создавалось изначально на новейшей технологической базе, с учетом наиболее перспективных технических разработок. Именно в США впервые широко была внедрена конвейерная система. Активно шло внедрение в производство электрической энергии. Автомобильное производство становилось символом американской промышленной мощи. Столь же успешно развивалась и химическая промышленность, промышленная переработка нефти, станкостроение. Ускоренными темпами шел и процесс монополизации. Преобладающими формами монополистических объединений в США очень быстро стали тресты и концерны, сосредоточившие огромную производственную и финансовую мощь. Их отличительной особенностью стала значительная активность на мировом рынке, участие в создании транснациональных картельных организаций и синдикатов. Американский бизнес подавал пример во внедрении новейших методов организации производства и торговой деятельности. В начале XX в. в США возникают первые простейшие маркетинговые концепции, формируется понятие менеджмента как научно обоснованной системы управления производством. Нью-Йорк еще до Первой мировой войны превратился в признанный финансовый и деловой центр мира.

На фоне ошеломляющих экономических успехов США были особенно заметны нарастающие внутренние противоречия британской и французской экономики. На протяжении нескольких столетий Великобритания оставалась наиболее мощной промышленной державой. Роль «мастерской мира» сочеталась с преобладанием на мировых рынках, морских торговых коммуникациях, в сфере колониального соперничества. Но в конце XIX в. лидерство Великобритании вызов бросили страны, позднее завершившие промышленный переворот и создававшие индустриальную инфраструктуру на основе новейших технико-технологических разработок. В британской промышленности этому стандарту соответствовали лишь те отрасли, широкое развитие которых начиналось именно на рубеже XIX–XX вв. — энергетическая, химическая, сталелитейная, а также военное производство. В остальных, так называемых «старых отраслях» (горнодобывающей, металлургической, текстильной), сохранялись традиционные формы организации производства, его низкая капиталоемкость. Преобладали само-

стоите льные предприятия с небольшим уставным капиталом, обладающие меньшими инвестиционными возможностями, не ориентированные на постоянную модернизацию технико-технологической базы производства. Монополистические объединения, возникающие в этих отраслях, были немногочисленны и носили характер торговых ассоциаций.

Отставание в концентрации и модернизации производства пока не принимало форму глубокого кризиса или депрессии, но значительно осложняло положение Великобритании в системе мирового хозяйства. Британские товары с высокой себестоимостью уступали место более дешевым и, зачастую, более качественным американским и германским. Следствием стало быстрое ухудшение торгового баланса Великобритании и сокращение ее доли в мировой торговле (в 1870 г. — 22%, в 1900 г. — 19%, а в 1913 г. — 15%). Теряя позиции на мировом рынке, британская экономика все в большей степени нуждалась в защищенной сфере сбыта продукции и размещения капиталов, которую могла обеспечить колониальная империя. Уменьшенный предпринимательский риск торговых и инвестиционных операций в колониях делал экспорт капитала гораздо более привлекательным для британских финансовых кругов, по сравнению с прямыми производственными капиталовложениями внутри страны. Размещались британские капиталы и в перспективных отраслях американской, германской, российской экономики. К 1900 г. общая сумма британских инвестиций за границей достигла 2 млрд фунтов ст., в 1913 г. — уже 4 млрд фунтов ст. По этому показателю Великобритания занимала прочное первое место в мире. Но наращивание экспорта капитала создавало «инвестиционный голод» в британской промышленности, мешало ее технологическому обновлению. Пагубность зависимости экономики Великобритании от колониальных владений стала особенно очевидной уже после Первой мировой войны, когда в странах Востока начался рост национально-освободительного движения.

В столь же двойственном положении оказалась на рубеже XIX-XX вв. и экономика Франции. Здесь также интенсивно проходило формирование новых отраслей промышленности — алюминиевой, химической, цветных металлов. По объему продукции тяжелой индустрии Франция занимала тогда второе место в мире. Чрезвычайно бурно в эти годы развивалась черная металлургия. Началось все более широкое производствен-

ное использование электрической энергии, значительно увеличилась длина железных дорог в стране. Но все более заметным становилось и отставание Франции в темпах роста от новых промышленных лидеров Запада. За период 1870-1913 гг. французское производство в целом выросло в три раза, но в те же годы мировое производство увеличилось в пять раз. По этому суммарному показателю Франция переместилась со второго на четвертое место, уступив США и Германии. Основной причиной относительного замедления темпов экономического роста стала структурная специфика французской экономики. Несмотря на образование во Франции на рубеже XIX-XX вв. ряда мощных монополистических объединений, сохранялось преобладание мелкого производства — в 1900 г. 94% всех предприятий имели от 1 до 10 работников. Значительное место в отраслевой структуре занимало производство средств потребления. Ювелирные изделия, парфюмерия, обувь, мебель, текстильные изделия оставались наиболее предпочтительными видами экспорта. Лишь накануне Первой мировой войны, встав на путь милитаризации экономики, Франция достигла существенных успехов в наращивании продукции машиностроения, судостроения, строительной промышленности.

При явном отставании в концентрации производства, Франция уверенно лидировала по уровню централизации банковского капитала. Из 11 млрд франков общей суммы вкладов внутри страны 8 млрд сосредоточились в пяти крупнейших банках. Но основной разновидностью финансовых операций во французской банковской системе оставалось не промышленное инвестирование внутри страны, а экспорт капитала. Подобная тенденция была универсальной для эпохи монополистического капитализма, но во Франции она приобрела гипертрофированный характер. К 1914 г. из 104 млрд франков, в которые оценивались ценные бумаги на французском финансовом рынке, лишь 9,5 млрд приходилось на национальную промышленность. Остальная масса ценных бумаг предоставляла ссудный капитал, преимущественно — зарубежные капиталовложения. Доходность иностранных вложений (4,2%) превышала доходность внутренних ценных бумаг (3,1%). Неудивительно, что в таких условиях за период с 1880 по 1914 г. французские капиталовложения за границей утроились и составили 60 млрд франков. По этому показателю Франция вышла на второе место в мире после Великобритании. Характерно, что в структуре

капиталовложений преобладали централизованные ссудные займы, а не инвестиции в иностранную промышленность. Такое своеобразное ростовщичество стало отличительной чертой французской экономической системы в начале XX в.

Итак, в начале XX в. стало очевидным отставание стран «старого капитализма» от США в динамике экономического роста. Однако оно отнюдь не свидетельствовало о расколе в «первом эшелоне». Помимо целого ряда геополитических и дипломатических интересов, взаимное тяготение США и стран «старого капитализма» было связано с однотипностью их социально-экономического развития. Общие закономерности становления системы монополистического капитализма проявлялись здесь в наиболее «чистом», классическом варианте. Концентрация производства и централизация капитала вели к ускоренному вытеснению других экономических укладов, значительному сокращению масштабов мелкого и среднего предпринимательства, унификации экономической инфраструктуры и росту транснациональных производственных и торговых связей. Отраслевая структура экономики в этих странах отличалась сбалансированностью (при общем преобладании тяжелой промышленности). Сырьевая специализация внутренних периферийных районов, традиционная для ранних этапов индустриального развития, к началу XX в. была практически ликвидирована. Сложилась основа для формирования общенационального механизма экономического роста, преодоления региональных диспропорций, гибкого наращивания инвестиций в системе производства и транспортных коммуникаций. Быстрыми темпами возрастала мощь финансово-банковской системы, укреплялись ее связи с промышленным бизнесом. Благодаря широкому внедрению новейшей технологии, в том числе даже в таких традиционно «ненаукоемких» отраслях как легкая промышленность и сельское хозяйство, начался переход от экстенсивных к интенсивным формам развития. В результате этих процессов сложилась экономическая модель, которая отличалась большой эффективностью и значительным запасом прочности. Нарастание структурных противоречий, характерных для системы монополистического капитализма, создавало в такой ситуации не угрозу глобального экономического краха, а потенциал глубоких институциональных реформ на базе сложившейся либеральной социально-экономической системы.

Переход на стадию монополистического капитализма привел и к существенной унификации социальной структуры общества в странах «первого эшелона». Ведущим принципом стратификации (социальной дифференциации) окончательно стало классовое деление, основанное на отношении отдельных социальных групп к средствам производства и их роли в общественном воспроизводстве. Классовый принцип, значимость которого стремительно возрастала уже на ранних этапах развития индустриального общества, в период империализма приобрел самодовлеющее значение и превратил социальную структуру общества в достаточно точный аналог индустриальной экономической иерархии. Взаимоотношения классовых групп, отражающие сложившуюся систему трудовых отношений и структуру собственности, составили основу всего комплекса социальной мотивации. Модели потребления, образ жизни, уровень образования, профессиональная специализация, конфессиональная и этническая принадлежность, понятия престижа — то есть все обычные критерии статусной групповой стратификации оказались вторичными по отношению к экономическим факторам, классовой принадлежности.

Классовый статус распространился и на институт семейных отношений. Доминирующими типами стали буржуазная семья, обеспечивающая воспроизводство предпринимательской мотивации и психологии, аккумулирующая «семейный капитал» и блокирующая моральными запретами чрезмерное непроизводительное потребление, и пролетарская семья, образ жизни которой определялся характером психологической и физической нагрузки лиц наемного труда, способами и мерами его оплаты. Патриархальный стиль внутрисемейных отношений начинал лишаться своего традиционного значения. Главенствующее положение в семье занимает индивид, обладающий в силу рода своих занятий наиболее четким и устойчивым классовым, профессиональным статусом. Этот статус распространялся и на других членов семьи. По мере же вовлечения женщин в индустриальную производственную систему и приобретения ими равноправного профессионального статуса подобная роль перестает быть прерогативой мужчин. Возникает феминизм — комплексное социально-психологическое явление, связанное с изменением традиционной структуры семейно-половых социальных ролей.

Важнейшей причиной усиления классовых форм социальной стратификации на рубеже XIX–XX вв. стали и изменения во внутренней иерархии самих классов. В этот период заметно ускоряется консолидация класса буржуазии. Процесс монополизации, развитие новейших форм ассоциированного банковского капитала привели к ослаблению средней и мелкой предпринимательской буржуазии, стиранию отраслевых отличий буржуазных групп, формированию внутриклассовой олигополической элиты. Продолжался и процесс сближения буржуазных слоев со старой родовитой аристократией, унификация жизненных стандартов и поведенческих стереотипов высших социальных групп, их идеологических ориентиров и духовной культуры. Это создавало предпосылки образования единой социальной элиты, консолидации всех имущих слоев как целостного класса, обладающего общими экономическими интересами и претендующего на политическое главенство в обществе.

В структуре рабочего класса на рубеже XIX–XX вв. также произошли значительные перемены. Из люмпенизированного аморфного слоя городской «трудовой бедноты» с недифференцированными доходами, низкой квалификацией и заработной платой, позволявшей лишь поддерживать физическое существование, рабочий класс превратился в мощную социальную группу, способную выработать собственные мировоззренческие ценности и организованно бороться за свои права. Технологическое обновление производства, внедрение конвейерной системы привели к оптимизации труда рабочих и повысили требования к их квалификации. Значительно повысился сам спрос на рабочую силу. В то же время расширение фабрично-заводского законодательства, практика коллективных договоров, рост профсоюзного движения (только за полтора десятилетия перед Первой мировой войной — в 3–7 раз) позволили рабочим устойчиво улучшать условия труда, организованно бороться за повышение заработной платы и даже добиться сокращения рабочего времени. В 1890–1910 гг. в ведущих странах Запада средняя продолжительность рабочей недели сократилась на 10–15%. После Первой мировой войны происходит постепенный переход к 8-часовому рабочему дню и 48-часовой рабочей неделе, появляется практика оплачиваемых отпусков для некоторых категорий рабочих. В результате прежний революционно настроенный пролетариат, отличавшийся негативным

отношением к своему социальному статусу, превращался в востребованный обществом класс наемных работников преимущественно физического труда, заинтересованный в сохранении и улучшении своего социального и экономического положения.

Индустриальная модель стратификации, превратившая буржуазию и рабочий класс в базовые социальные группы общества, привела к заметному численному сокращению и снижению общественной роли традиционных средних слоев — крестьянства, ремесленников, мелких торговцев. Развитие производственной системы монополистического капитализма подорвало экономические основы существования этих групп. Вместе с тем, в период империализма происходит стремительный рост рыночного спроса на лиц наемного нефизического труда — категория служащих становится основой городских средних слоев. По сравнению с рабочими, служащие обладали рядом важных преимуществ: более устойчивым спросом на рынке труда (в силу квалификации и образовательного уровня), имели меньшую продолжительность рабочего времени, систему льгот, в том числе оплачиваемых отпусков, пенсий, пособий, большей свободой в организации труда. Однако они уступали рабочим по организованности в защите своих интересов, постепенно сокращался и разрыв в уровне оплаты труда. Так, например, в США в начале XX в. заработная плата рабочих была меньше в 2,5 раза, а к концу 20-х гг. — только в 1,8 раз. Невысока была еще и внутренняя дифференциация служащих по уровню доходов и социально-производственному статусу. Как и рабочий класс, этот социальный слой оказался интегрирован в индустриальную производственную систему в качестве массовой наемной рабочей силы. В то же время в составе городского населения начинается и рост т.н. «нового среднего класса», отличавшегося внутренней статусной дифференцированностью, привилегированным имущественным положением, значительным общественным влиянием. В начале XX в. к нему относили себя уже около 10% населения промышленно развитых стран — главным образом, юристы, врачи, преподаватели, растущий слой «белых воротничков» (высококвалифицированные инженеры, банковские клерки, служащие частных компаний и государственной администрации).

Значительную эволюцию претерпели в этот период и сельские слои населения. Крестьянство оказалось в чрезвычайно

сложном положении к концу XIX в. В результате глубоких преобразований в аграрном секторе, произошедших в эпоху промышленного переворота, общий объем сельскохозяйственной продукции существенно вырос. Развитие мировой транспортной системы способствовало организации широкого экспорта продовольствия из регионов, где его производство было наиболее рентабельным (американское и русское зерно, новозеландская говядина и т.д.). Результатом стало драматическое для западноевропейских производителей падение цен на сельскохозяйственную продукцию и начало многолетней стагнации аграрного сектора в этих странах. Выход из этого кризиса мог быть найден только в коренной перестройке всей системы сельскохозяйственного производства, что было, в свою очередь, сопряжено с радикальными социальными изменениями. На смену традиционному крестьянству постепенно приходит фермерство.

Процесс фермеризации сохранял семейное хозяйство в качестве основной единицы сельскохозяйственного производства. Однако его техническая и технологическая база существенно меняется — происходит механизация труда, внедрение новейшей агротехнологии. Через систему кредита фермерское хозяйство оказывается связанным с общей структурой межотраслевого финансово-инвестиционного рынка. Организация централизованного снабжения и сбыта, развитие кооперации формирует новую систему агробизнеса. Тем самым, значительно повышается общая производительность сельскохозяйственного труда, освобождается значительное количество рабочей силы. Это приводит к новому и самому значительному витку урбанизации, массовому оттоку населения в города. Существенно меняется демографическая модель воспроизводства сельского населения — на смену многодетным патриархальным крестьянским семьям, состоящим из нескольких поколений, приходят «малые» фермерские, включающие, как правило, супружескую пару и несовершеннолетних детей. Все это позволяет фермерскому слою достаточно органично интегрироваться как в производственную систему, так и в социальную структуру индустриального общества.

Итак, социальная структура, сложившаяся в странах «первого эшелона» в период империализма, в целом носила достаточно жесткий биполярный характер. Ее относительная недифференцированность, общее сокращение численности и

общественной значимости средних слоев оставляли лицом к лицу два основных класса индустриального общества — буржуазию и наемных работников. Тем самым, до предела усиливались предпосылки глобального социального конфликта, порожденного классовой формой стратификации — столкновения имущих и неимущих слоев общества. Однако появление «новых средних слоев», процесс фермеризации, рост «рабочей аристократии» (прослойки квалифицированных, получающих высокую оплату рабочих), появление акционерного капитала, создававшего основу для увеличения слоя средних собственников, отражали новые тенденции в развитии социальной структуры западного общества, качественной трансформации всей индустриальной модели. В области общественной психологии эти процессы привели к образованию так называемого «антиреволюционного синдрома» — устойчивой ориентации массового сознания на ненасильственные, эволюционные формы общественного развития, приоритет базовых либерально-демократических ценностей, сохранение классических атрибутов «западного образа жизни».

«Второй эшелон», или полупериферию индустриальной цивилизации составили на рубеже XIX-XX вв. страны «молодого капитализма» — Германия, Россия, Австро-Венгрия, Италия, Япония. Большинство из них встали на путь модернизации еще задолго до эпохи монополистического капитализма. Однако укрепление капиталистического уклада в экономике этих стран в значительной степени зависело от целенаправленной государственной политики. Подобные преобразования носили достаточно спонтанный характер, отражали политическую конъюнктуру, а результаты их были локальны и обратимы. Ситуация коренным образом изменилась на рубеже XIX-XX вв., когда мировой империализм превратился из газетного лозунга в экономическую реальность и политическую философию.

Упрочение международного экономического пространства, растущая торговая и финансовая экспансия ведущих держав, решающий виток колониального соперничества не оставляли иллюзий относительно будущего тех стран, которые не могли претендовать на лидирующие позиции в мировой иерархии. Экономическое отставание начинало непосредственно угрожать национальному суверенитету даже крупнейших европейских империй. В свою очередь, достижение любых масштабных военно-политических целей, укрепление геополитического

положения страны оказывалось связано с необходимостью радикальной модернизации всей индустриальной базы. В итоге, на рубеже XIX и XX столетий, вне зависимости от особенностей внутриполитической ситуации, все страны «второго эшелона» встали на путь ускоренного индустриального развития. Оно было инициировано «сверху» и носило неорганический характер. Противоречивыми оказались и его последствия.

Форсированная модернизация в странах «второго эшелона» сопровождалась созданием высокомонополизированной индустрии, складыванием общенационального рынка, формированием разветвленной банковской системы, началом аграрных преобразований, бурным развитием транспортной инфраструктуры. В ведущих отраслях промышленности широко внедрялись новейшие технические и технологические достижения. Относительно невысокая внутриотраслевая конкуренция и ускоренная централизация производства способствовали не только быстрой монополизации экономической системы, но и распространению высших форм монополистических объединений. Однако общая структура национального промышленного и финансового капитала оставалась недостаточно развитой. Это создавало предпосылки для широкого государственного вмешательства в развитие экономики. Государство выступало не только крупнейшим инвестором, но и основным инициатором структурных преобразований. Большую роль в развитии индустриальной базы стран «второго эшелона» играл и зарубежный капитал, в первую очередь французский и английский.

Ускоренный экономический рывок на рубеже XIX-XX вв. позволил странам «второго эшелона» существенно приблизиться по уровню развития к лидирующим державам Запада, включиться в складывание мирового торгового и финансового пространства, принять участие в борьбе за перераспределение сфер колониального влияния, включиться в гонку вооружений, развернувшуюся в преддверие Первой мировой войны. Особенно заметными были успехи Германии. К 1913 г. она вышла на второе место по уровню промышленного производства (16%). Среднегодовые темпы роста за период 1870-1913 гг. составили 2,9% (в США — 4,3%; в Великобритании — 2,2%). Ключевую роль в развитии германской экономики играли новейшие отрасли индустрии — электротехническая и химическая. К 1913 г. доля Германии в экспорте продукции этих отраслей составляла 50%. Динамично развивалось машино-

строение, металлургия, производство железнодорожного оборудования. Германская промышленность отличалась высокой энергоемкостью. Только за первые десять лет XX в. мощность электростанций увеличилась в Германии в 100 раз. Изобретения немецких инженеров и ученых сыграли исключительную роль в интенсификации производства, расширении технологической базы индустрии. Передовая технология и широкая механизация производства обеспечили беспрецедентные темпы роста производительности труда на германских предприятиях — ежегодно в среднем на 2,6% (в США — 1,5%; в Великобритании — 0,6%), относительно низкую себестоимость немецких товаров, их высокое качество. Как следствие, Германия на рубеже XIX-XX вв. превращается в одного из ведущих экспортеров промышленной продукции. Только за период 1900-1903 гг. объем внешней торговли удвоился: объем экспорта вырос с 4,6 до 10 млрд марок, импорта — с 5,7 до 10,7 млрд марок.

Германия активно включилась в мировой рынок разделения труда. В 1897 г. германские предприниматели участвовали в 40 международных соглашениях и картелях, в 1909 г. — уже в почти в 100. В самой Германии процесс монополизации особенно активно происходил с середины 90-х гг. XIX в. Накануне Первой мировой войны в немецкой промышленности существовало уже более 600 монополистических объединений. Опорой монополизированного производства была высокоцентрализованная финансово-банковская система. Еще в начале 70-х гг. XIX в. Германию охватила волна грюндерства — массового образования акционерных обществ, банков и страховых компаний с широкой эмиссией ценных бумаг, ростом биржевой активности. Это позволило в кратчайшие сроки сосредоточить огромные инвестиционные средства. К 1909 г. девять крупнейших банков сосредоточили 83% всего капитала в стране. Основным направлением капиталовложений оставалось прямое промышленное инвестирование внутри страны. В отличие от стран «старого капитализма», для германской экономической системы вывоз капиталов так и остался менее значимым, чем товарный экспорт. Во многом это было связано с небольшими масштабами колониальных владений Германии. К 1913 г. они составляли 3 млн кв. км, что было в 11 раз меньше британских и в 4 раза меньше французских.

Успешные реформы в странах «второго эшелона» позволили значительно изменить соотношение сил на мировой арене.

Но одновременно происходил и быстрый рост внутренних противоречий в социально-экономической системе этих стран. Причиной стала несбалансированность модернизационных процессов, их форсированный характер, который не отвечал объективному уровню развития общества. Все более очевидным становился разрыв между стремительным развитием производственных сил и не столь быстрым ростом покупательной способности населения. Потребительский рынок стремительно терял емкость. Отрасли, ориентированные на личное потребление (легкая, пищевая, текстильная), испытывали значительные проблемы со сбытом. Эти отрасли были также очень незначительно охвачены процессом монополизации. Отставание в концентрации производства в них приводило и к замедлению темпов технологического обновления. В целом, в промышленности и торговле сохранялось сочетание разнородных форм производства, свойственных разным стадиям развития индустриальной экономической модели. Индустриализация была локализована и географически — внутренние регионы оказались охвачены этим процессом в неравной степени.

Специфические формы в европейских странах «второго эшелона» приняли процесс фермеризации. Его основой стало не столько качественное обновление технической и технологической базы производства, сколько социально-экономическая дифференциация сельского населения, выделение зажиточной крестьянской верхушки, способной вести рентабельное хозяйство, и обезземеливание остальной части крестьянства. При отсутствии притока инвестиционных средств (в силу неразвитости системы кредита), сохранении децентрализованной патриархальной структуры сбыта сельскохозяйственной продукции основным источником прибавочного продукта становился труд батраков, наемных сезонных рабочих. Это способствовало консервации сложившейся деформированной модели сельскохозяйственного производства, а также сокращало приток рабочей силы в городскую промышленность. Еще одной особенностью сельскохозяйственной производственной структуры стало сохранение латифундий, а также остатков сословных привилегий крупных земельных собственников.

Недостаточно сбалансированная отраслевая структура, незначительная емкость внутреннего потребительского рынка и острая конкуренция на мировом, незавершенность складывания финансовой инфраструктуры делали экономику стран

«второго эшелона» чрезвычайно зависимой от государственно-го патернализма. Причем наращивание темпов экономического роста не снижало, а наоборот лишь увеличивало роль этого фактора. Государство несло бремя огромных финансовых расходов на развитие транспортной инфраструктуры, инвестиционную поддержку стратегически важных отраслей, в том числе военно-промышленного комплекса, проведение аграрных преобразований. Происходило все более очевидное сращивание системы частного предпринимательства, финансово-банковского сектора со структурами государственного управления. Противоречивый по своему характеру и последствиям процесс ускоренной модернизации был еще больше осложнен результатами Первой мировой войны.

Итак, в результате растянувшегося на несколько десятилетий процесса ускоренной модернизации в странах «второго эшелона» произошла глубокая структурная перестройка всей экономической системы. Однако входе этого форсированного, во многом искусственного рывка сложилась деформированная экономическая модель, которая не только воспроизводила механизм общего структурного кризиса монополистического капитализма, но и дополняла его новыми противоречиями. Чрезвычайно негативное влияние ускоренная модернизация оказала и на социальную структуру общества в этих странах. Насильственная, искусственная ломка экономического механизма подрывала положение многочисленных традиционных средних слоев. Образовывался целый ряд социальных групп, не востребованных обществом, лишенных перспектив на будущее, но все еще сохраняющих свои позиции в существующей социальной структуре. Быстрый рост буржуазных и пролетарских слоев населения не мог сформировать достаточный противовес этой негативно настроенной среде. Городская и сельская буржуазия еще не имела достаточной экономической мощи и социальной солидарности, чтобы претендовать на роль бесспорно доминирующего класса. В составе общественной элиты по-прежнему сохранялись сословные (дворянство, духовенство), корпоративные (чиновничество, офицерство), профессиональные группы, обладающие собственными интересами, статусными отличиями и политическими притязаниями. Рабочий класс, напротив, был минимально дифференцирован и представлял собой классический пролетариат индустриальной эпохи.

Широкая практика экономии на социальных издержках производства, отсутствие или ограниченность фабричного законодательства чрезвычайно ужесточали эксплуатацию наемной рабочей силы и приводили к политизации профсоюзного движения. Пролетариат потенциально оставался революционным классом, воспроизводящим негативное отношение к собственному социальному статусу. В чрезвычайно сложном положении оказалась интеллигенция. Как основной носитель общественной ценностной ориентации она вынуждена была приспособляться к стремительному изменению социально-экономической модели, появлению новых стандартов социального поведения. Росла зависимость интеллигенции от позиции основных индустриальных классов, усиливалась угроза превращения ее в «прослойку» классового общества, утверждения «обслуживающих» функций.

Обострение классовой борьбы, принимавшей антагонистические формы, происходило на фоне зарождения еще одного глобального общественного конфликта, угрожавшего охватить практически всю социальную иерархию. В основе его лежали причины не только экономического, но и психологического характера. Ускоренная модернизация предполагала радикальную смену базовых социальных ориентиров общества — переход от преобладания традиций к инновационной активности, от религиозной легитимации общественного порядка к ее светским формам, от «очеловеченного» производства, ориентированного на удовлетворение реальных потребительских нужд, к системе расширенного воспроизводства, обладающей собственной логикой развития и отчуждающей человека.

Тем самым, ускоренная модернизация подрывала основы доминировавшей ранее модели социального поведения, создавала принципиально новые ценностные стандарты и поведенческие стереотипы. Структурные изменения экономической системы обеспечивали рост социальной мобильности. Традиционная система социального неравенства, жестко ранжированная сословными, корпоративными привилегиями, сменялась более гибкой классовой системой. Индивид получал возможность более свободного продвижения по социальной лестнице, выбора путей достижения успеха, менее зависел от первоначально приобретенного социального статуса. Все это требовало глубокой и достаточно длительной трансформации массовой психологии. Пока же новая экономическая реальность скорее разрушала

сами основы общественной ценностной системы. Кроме того, процесс ускоренной модернизации психологически противопоставлял основную часть населения тем группам, которые позитивно воспринимали происходившие изменения. Общество оказалось охвачено массовым процессом маргинализации.

Маргинальность (лат. *marginalis* — находящийся на краю) — это «промежуточное» социально-психологическое состояние групп и отдельных людей, связанное с изменением их положения в общественной структуре. Основу ее составляет ценностный и ролевой дуализм, возникающий при переходе в новую социальную среду, когда прежние ориентиры уже теряют актуальность, но еще в значительной степени определяют психологический настрой личности, а новые порождаются внешними требованиями и не воспринимаются личностью как естественные, правомерные. Если изменение социального положения является результатом самостоятельного выбора индивида (например, решение об изменении места жительства или рода занятий), то маргинальная реакция носит позитивный характер, представляет собой временный невроз, преодолеваемый по мере естественной адаптации к новым условиям. Если же человек оказывается в положении маргинала невольно, в силу внешнего хода событий, то формируется потенциал негативной маргинальности, устойчивое ощущение тревоги, неприкаянности, разочарования. Негативная маргинальность преодолевается гораздо сложнее, так как новая социальная среда психологически отторгается человеком.

Растянувшаяся на десятилетия ускоренная модернизация предполагала радикальный слом традиционной модели поведения человека. На смену созерцательности, инерционности, неторопливости должны были прийти мобильность, предприимчивость, психологическая гибкость. Происходил насильственный разрыв привычных социальных отношений. Рушился понятный и знакомый мир, а новый нес вместе со свободой необходимость личной ответственности за свою судьбу, постоянного выбора, борьбы за существование. Под угрозой оказался привычный уклад жизни сотен тысяч людей, не готовых к происходящим преобразованиям. Даже представители тех социальных групп, которые были востребованы новой системой, долгое время испытывали дискомфорт и психологическую нервозность, возникавшие при быстрых изменениях внешних условий жизни. В результате, негатив-

ная маргинальность оказалась массовым психологическим явлением, перешагнувшим классовые и сословные границы. Воспроизводимая в течение десятилетий, она стала основой для формирования устойчивого психологического типа с деформированными ценностными установками и поведенческими реакциями. В сочетании с последствиями мировой войны это дало толчок для возникновения тоталитарных политических движений в странах «второго эшелона» и предопределило цивилизационный раскол Запада в XX в.

Особый характер носило социально-экономическое развитие «периферийных» регионов европоцентристской цивилизации (Португалия, Испания, южные районы Италии, Сербия, Болгария, Греция, Румыния, значительная часть Австро-Венгрии, России и скандинавского региона, страны Латинской Америки). Неразрывно связанные с общей исторической эволюцией Запада, включенные в систему мирохозяйственных связей, они обладали собственной динамикой развития, значительно отличавшейся от «классического» образца.

К началу XX в. модернизационные процессы уже в определенной степени повлияли на социально-экономическую систему стран «периферии». Этот регион стал важным объектом для мирового экспорта капитала. Только в Латинской Америке к 1914 г. иностранные инвестиции достигли 9 млрд долларов. Ускоренными темпами развивалась транспортная инфраструктура, экспортные отрасли промышленности и сельского хозяйства. Однако модернизация экономической системы носила здесь чрезвычайно локальный и ограниченный характер. Промышленный сектор значительно уступал по масштабам занятости и объемам производства сельскому хозяйству. Его рост происходил замедленными темпами, неравномерно в отраслевом отношении. Модернизация промышленности ограничивалась и чрезвычайно узким потребительским рынком, и неразвитой финансовой системой. Сфера потребления по-прежнему отражала запросы «реального человека», определяемые сословными нормами потребления, стереотипами престижности, статусными запретами и ограничениями. Тем самым, обращение товара оказывалось в зависимости не только от чисто экономических факторов (трудовой и потребительской стоимости товара), но и от сложной иерархии групповых статусных различий. К началу XX в. в «периферийных» странах не завершилось складывание единого национального

рынка, сохранялись очаги регионального ярмарочного товарообмена. Национальная финансово-банковская система сохраняла патриархальный характер. Преобладали ростовщические операции, а не производственное инвестирование. Особенности системы потребления предопределяли сохранение большой роли ремесленного производства. Несмотря на общий рост численности лиц наемного труда, значительная их часть оставалась занята не в «реальном секторе» экономики, а в сфере услуг.

На более современной основе развивались экспортные отрасли промышленности, ориентированные на мировой рынок. Именно они становились объектами иностранных инвестиций, получали возможность устойчиво наращивать масштабы производства. Но в таком положении оказывались лишь отрасли добывающей промышленности. К тому же в большинстве «периферийных» стран сформировалась очень узкая экспортная специализация, охватывавшая не более одной-двух отраслей (например, для Чили — поставки меди и селитры, Боливии — олова, Венесуэлы — нефти). Многие страны Латинской Америки и практически все «периферийные» регионы Восточной и Южной Европы вообще могли представить на мировой рынок только продукцию сельского хозяйства.

Аграрный сектор, несмотря на растущую интеграцию в мировой рынок, сохранял многие традиционные элементы, в том числе крупное латифундиальное хозяйство, некоторые формы феодальных поземельных отношений (фиксированная рента, ограничение купли-продажи земли, элементы общинного землепользования). Фермерская прослойка была очень невелика. Наращивание объемов производства достигалось преимущественно экстенсивными методами, ужесточением условий труда, кабальными формами аренды и найма. Как в промышленности, в сельскохозяйственном экспорте преобладала монокультурная ориентация. Так, например, Аргентина превратилась в поставщика на мировой рынок мяса и зерна, Бразилия и Колумбия — кофе, страны Центральной Америки — тропических культур. Таким образом, в эпоху монополистического капитализма экономическая система стран «периферии» представляла в своей основе традиционную модель с простым, а не расширенным воспроизводством, низкой наукоемкостью, технологическим консерватизмом, сбалансированностью природных и искусственных произво-

дительных сил, неразвитой структурой коммуникаций, сохранением значительной роли нетоварного хозяйства.

Модернизация в минимальной степени затронула и социальную структуру общества в «периферийной» зоне. Человек здесь был уже, как правило, освобожден от всех форм личной зависимости. Все большую роль играл классовый принцип стратификации, место человека в системе общественного разделения труда. Однако социализация личности, базовые «координаты» мировосприятия по-прежнему строились на основе принадлежности к закрытым социальным группам (этносам, конфессиям, сословным группам, общине, церковному приходу, клану и т.п.). Самосознание человека оставалось корпоративным, партикулярным. Он был прикреплен к группе регламентированным ролевым поведением, языковой культурой, верованиями, этическими ценностями, нравами, ритуалами, этикетом. Группа выполняла роль попечителя и гаранта стабильности, благополучия личной жизни, но ограничивала индивидуальную свободу, возможность спонтанного выбора действий. Таким образом, доминирующие формы социальности в «периферийном обществе» строились на солидаристских, коммунитарных принципах, с минимальным значением личностного фактора. В такой ситуации степень социальной мобильности оставалась чрезвычайно низкой, а ее новые формы оказывались связаны не столько с экономическим поведением человека, сколько с продвижением во властной, административной структуре, на военной службе.

Важнейшим фактором, препятствующим развертыванию процесса модернизации в странах «периферии», стала специфика массового сознания. Его основу по-прежнему составляли представление о человеке как части естественного и, в конечном счете, справедливого порядка вещей, вера в простоту, понятность, обозримость и неизменность окружающего мира. Базовыми ценностями этого общества оставались стабильность, защищенность, уверенность в будущем. Традиция воспринималась как критерий истины, естественный регулятор общественных отношений. Мотивация социального поведения основывалась прежде всего на этических категориях, априорных предписаниях. В качестве доминирующего сохранялся психологический склад «недеятельного человека», склонного к созерцательности и инерционности. Духовной основой подобной общественно-психологической ориентации являлась

не «леность души», не стремление «жить сегодняшним днем», а преобладание долговременных мировоззренческих установок, смысловой интерпретации целей человеческого существования. Развитие альтернативного типа социального поведения с динамичностью, мобильностью поведенческих реакций, склонностью к предпринимательству, разного рода новациям, ярко выраженной индивидуальностью выбора, преобладанием ситуационной этики воспринималось большей частью общества критически, как результат внешнего влияния. Социальные группы, формирование которых было связано с процессом модернизации, оказывались в двойственном положении. Рост их материальных возможностей, влияния, численности сочетался с полумаргинальным социальным статусом. Элитарные слои торгово-финансовой буржуазии, крупных латифундистов и промышленников, связанных с экспортными отраслями, приобретали черты замкнутой компрадорской группы (от исп. *comprador* — покупатель). Они были не только посредниками в связях с иностранным капиталом, но и представителями нового образа жизни, вступающего в противоречие с традиционной системой общественных ценностей. В социальной структуре общества формировались два противостоящих полюса, контуры которых образовывались уже не классовыми и сословными отличиями, а социокультурной ориентацией, моделями социального поведения. Ситуация изменилась лишь после заметного экономического рывка 1920-х гг.

Глава II Государственно-правовое развитие стран Европы и Америки в XVI-XIX вв.

§4 Предпосылки возникновения и эволюция абсолютизма в странах Европы

Становление и генезис абсолютных монархий

На рубеже XV-XVI вв. европейский регион оказался на переломной стадии своего развития. Развертывание процесса модернизации вело к трансформации социальной структуры и экономических институтов традиционного общества, возникновению новых форм социальной мотивации, формированию новой картины мира европейского человека. Политическая эволюция общества была связана, прежде всего, с возникновением новых форм государственности, в том числе с образованием в недрах сословно-представительных средневековых монархий институтов абсолютистской государственности.

Предпосылки складывания абсолютизма коренятся в социально-экономических переменах, проходивших в условиях активного пересмотра устоявшихся средневековых догм и мировоззренческих концепций. Несмотря на то, что возникновение политических структур не имеет жесткой зависимости от конкретной экономической ситуации, исторический анализ показывает, что именно наличие «готовности» к новым капиталистическим отношениям, в определенной степени детерминирует степень развития новых социальных структур, характер самого абсолютизма, его формы и условия существования. Возникновение абсолютистских монархий стало отражением временного баланса формирующихся буржуазных и разлагающихся феодальных социальных сил.

Генезис капитализма проходил в Европе неравномерно, что в первую очередь как раз и отражалось на эволюции государственно-политической системы. В странах Восточной и значительной части Центральной Европы новые политические

§ 4. Предпосылки возникновения и эволюция абсолютизма в странах Европы

структуры строились в условиях укрепления старых феодальных поземельных отношений. «Второе издание крепостничества» в Польше, Пруссии, Австрии придали консервативный, охранительный характер укреплявшимся монархиям. Замедленное развитие скандинавских государств предопределило причудливый симбиоз абсолютной власти и элементов представительного правления, феодальных и буржуазных явлений. Ускоренное развитие северо-западной части континента, напротив, способствовало раннему установлению сильных форм абсолютной власти монарха (Тюдоры в Англии, Людовик XIV во Франции, Карл V в Испании) и, соответственно, более раннему началу их политического кризиса. Подобное развитие событий вело либо к революционному свержению монарха (Английская революция 1640-1660 гг., Нидерландская 1568-1609 гг.), либо к формированию более гибких форм правления, развертыванию реформ в духе «просвещенного» абсолютизма.

Начальным периодом становления абсолютных монархий стал рубеж XV-XVI вв. К этому времени в основном закончилось формирование устойчивых территориальных границ ведущих европейских государств. К Англии были присоединены северные графства и Уэльс, Франция вернула Бретань, после заключения с Великим княжеством Литовским Люблинской унии (1569) сформировалось государство Речь Посполитая, а события «Стокгольмской кровавой бани» (1520) позволили Швеции заявить о своей независимости. Процесс формирования национальных границ сопровождался крушением так называемых «универсальных» идей, обосновывавших европейское единство приоритетом христианских ценностей. Распад традиционной социальной структуры и кризис средневековой сословно-корпоративной этики резко ускорили процесс внутренней дифференциации европейского общества, способствовали все более заметному расколу в правящей элите государств («новое» и «старое» дворянство) и самым негативным образом сказались на авторитете папства. Принадлежность к единому христианскому миру под покровительством Святого престола перестала рассматриваться как необходимое условие существования государства. Прямым следствием появления новой идеологии стала деградация средневековой идеи Священно-Римской империи, которая все больше ассоциировалась только с германскими княжествами.

События Реформации создали для абсолютизма уникальную возможность отделения самой идеи государства от католической догматики. В период «распыленной» средневековой государственности церковь приобрела черты властного института, зачастую более могущественного, чем государственный аппарат или сам монарх. Любому монарху было просто невозможно укрепить собственную власть, не нарушая церковных постановлений. Вместе с тем, само папство претерпело существенные изменения. Поочередно сменяя друг друга на посту понтифика, представители аристократических родов Медичи, Борджиа, Орсини фактически превратили Святой престол в инструмент международной политики или удовлетворения собственных амбиций. Падение престижа Ватикана отразилось и на облике клира. Кардинал Караффа, один из наиболее ортодоксальных прелатов, в письме Папе Клименту VII в 1532 г. писал: «Не найдется ни одного разбойника, ни одного ландскнехта, который был бы более бесстыден и порочен, чем духовные лица». Начавшийся процесс Реформации дал европейским монархам действенный инструмент для укрепления своих политических позиций. Не последнюю роль в борьбе за освобождение короны от церковной зависимости сыграли труды французских мыслителей Жана Бодена, Пьера де Беллуа и др. Мысль англичанина Генри Брактона: «Король находится под богом, но не под человеком», — стала лозунгом королевской реформации.

В ходе реформации королевские режимы Англии, Дании, Швеции, части германских княжеств получили возможность не только избавиться от опеки Ватикана, но и ослабить политические позиции оппозиционной части дворянства. Присвоив право назначать глав национальных конфессий, корона лишила церковь имущественной независимости, введя церковные уставы (1536 г. — в Англии, 1545 г. — в Дании, 1527 г. — в Швеции). Национальная церковь превращалась в часть государственной структуры. Но самое главное, монархия перехватывала из рук церкви монополию на идеологию. Не случайно, что первые реформационные законы были столь суровы именно к носителям старого мировоззрения. «Шести-статейный статут» 1539 г. в Англии предписывал смертную казнь за соблюдение «римского обычая» вероисповедания. Исполнение реформационного постановления 1530 г. в Дании было возложено на генерала Вальтера Рантцау. По всей стране

прокатилась волна преследований и массовых казней священников и монахов. Оставшиеся в живых представители клира быстро «осознали» себя зависимыми от короля, согласившись на замену разнообразных церковных доходов фиксированным государственным содержанием.

Распространение реформационных учений укрепило позиции короны и в странах с устойчивыми традициями католицизма. Болонский конкордат, заключенный в 1516 г. Франциском I, позволил французскому королю назначать епископов (за папой сохранилось право введения в сан, т. е. утверждение предложенных креатур). В Испании была введена «терция» — налог с церковных доходов непосредственно в королевскую казну. В испанских колониях Нового Света к 1523 г. удалось создать систему патроната, и император Карл I получил возможность назначать там епископов. Однако все подобные меры монархи проводили только по специальному согласованию с Ватиканом.

В регионах, где реформационное и контрреформационное движения принимали особенно радикальные, конфликтные формы, государству грозила опасность нарушения территориальной целостности. Лозунги «единый католический мир» и «единый протестантский мир» несли в себе одинаково деструктивный заряд. Английские индипенденты, или французские гугеноты, стремясь создать сеть независимых конгрегации, по существу создавали внутри стран собственную церковную иерархию, не являющуюся опорой государственного режима. Эту опасность осознавали все монархи. Людовик XIV, например, преследовал реформатов до призыва их духовного лидера Антуана Кура в 1715 г. к союзу с властями. Вместе с тем, только вмешательство папского нунция Роберти не позволило Людовику XIV предпринять ряд мер против сторонников ортодоксального католицизма.

Победа Реформации в ряде европейских стран значительно ускорила их политико-правовое развитие. Упрочение контроля государства над церковью сопровождалось централизацией всего административного аппарата, постепенной перестройкой сословно-корпоративной судебной системы, активизацией протекционистской политики в торговле и промышленности. Несмотря на отмену средневековых городских вольностей и прав, буржуа нуждались в стабильности королевского режима, а поэтому выступали первоначально последовательными сто-

ройниками короны в ее борьбе против дворянского сепаратизма. Наиболее показательным примером здесь может служить осада Копенгагена в 1658 г., когда столичные буржуа, а не дворянство и клир, встали на защиту национального суверенитета и монарха. Именно они позволили Фредерику III двумя годами спустя совершить бескровный абсолютистский переворот и установить наследственную власть. В целом, поддержка зажиточных городских слоев позволила королевской власти освободиться от зависимости со стороны аристократии, в значительной степени выйти из-под опеки религиозных структур, укрепить собственную армию и бюрократию.

Для представителей дворянской среды централизация государственности не несла с собой столь очевидные выгоды. Попытки новых социальных групп снизить значимость традиционных сословных привилегий вызывали негодование большей части дворянства. Многие аристократы с презрением относились к распространению «предпринимательского духа» и интересам «торгашеского сословия». Однако усиление самой королевской власти воспринималось в дворянской среде как процесс, в конечном счете, естественный и легитимный. И в средневековой этической традиции король априори наделался высшим достоинством, честью и знатным происхождением. Его полномочия как политического и военного лидера были неоспоримы. Поэтому процесс формирования в аморфных средневековых государствах основ национального самосознания и, как следствие, расширение поддержки централизации государственного аппарата охватывали и значительную часть дворянства. В дальнейшем, подавляя сепаратизм вельмож и ограничивая притязания торгово-промышленных кругов, корона стала выступать в качестве арбитра между противоборствующими группами дворянства и буржуазии.

Важной опорой формировавшегося абсолютизма становилась королевская армия. С развитием городов и появлением возможности вооружать легкие отряды вспомогательных войск (лучников, арбалетчиков) в армии начинает расти недворянский элемент. На первых порах подобные формирования использовали как отряды самообороны, но с появлением пушек и мушкетов характер армий в Европе изменяется окончательно. Тяжеловооруженная конница, состоящая из сеньоров и васалов, была уже не в состоянии удовлетворить потребности государства как в силу своей малочисленности, так и в силу

безнадежного военно-технического отставания. Ее численность и обязанности на поле боя меняются. Так, например, в 1528 г. дворянская конница во французской армии уже составляла всего 1/11 часть. Примерно в это время папа Лев X так определил обязанности дворянской кавалерии: «Прикрывать войска, обеспечивать доставку провианта, наблюдать и собирать разведывательные сведения, беспокоить неприятеля по ночам» т. е. вести все дела, кроме собственно сражений.

Войны, особенно международные, стали серьезным стимулом для укрепления единоличного правления. Для Испании — это, в первую очередь, войны Реконквисты (против Гранадского эмирата), колониальные захваты в Новом Свете и борьба с революционным движением в Нидерландах; для Франции — итальянские войны, франко-испанские, франко-голландские, не говоря уже о Тридцатилетней войне, ставшей испытанием для всех государств Европы. Военные конфликты поставили перед государством задачу содержать регулярную профессиональную армию, изменили характер ее комплектования, а в более широком смысле, потребовали кардинального переустройства всей исполнительной ветви власти. Ополчение в любом виде (ландвер, милиция) было реорганизовано в отряды правопорядка.

Последствия подобных сдвигов сказались и на увеличении королевской армии. В Испании к середине XVII в. она увеличилась в 6 раз, во Франции к концу правления Людовика XIV в 10 раз (около 300 тысяч сухопутных войск), даже в территориально небольшой Пруссии к концу первой четверти XVIII в. насчитывалось около 90 тысяч штыков. Неуклонное падение военного авторитета, сопровождающееся сокращением доходов от военной добычи и традиционных сеньориальных владений, привело в конечном итоге и к сокращению влияния дворянства на государственные дела в целом. Служилое сословие все больше стало зависеть от королевской щедрости, которая принимала форму различных денежных субсидий, пенсий, придворных должностей. Так, штат придворных во Франции достиг к предреволюционному периоду 15 тысяч человек.

Естественно, что абсолютизм не стремился к уничтожению политической роли дворянства, а тем более аристократии как таковой. Уничтожению или политическим преследованиям подвергались представители сепаратистских, центробежных тенденций. Именно этим следует объяснить физическую

расправу над лордами Уорвиком, Линкольном, Суффолком в конце XV в. в Англии и громкие политические процессы во Франции, связанные с заговором Гастона Орлеанского в 1632 г. и казнь обер-шталмейстера Сен-Мара в 1639 г. Подобная двойственность отношения монархии к дворянству проявлялась на протяжении всего периода Нового времени. Объективно, позиция короны отражала реальный раскол в данном сословии, противостояние «старого» и «нового» дворянства. Менталитет аристократа отличался значительной консервативностью. Любопытный пример — французский пэр с пренебрежением относился к дворянам «пера и чернилницы». В прусском табеле о рангах 1713 г. маршал (аристократ) был на 5 ступеней выше министра — гражданского чиновника, тоже дворянина, но вышедшего из буржуа. Даже орден нищенствующих францисканцев гордился наличием в своих рядах в разное время эрцгерцогов, герцогов, маркизов и графов. Эволюционируя, второе сословие стало источником аппарата управления.

Первым шагом по пути создания центральных органов, непосредственно зависимых от королевской воли, стало формирование из лиц, приближенных к королю, различного рода государственных («тайных», «узких») советов, ставших прообразом будущих кабинетов министров. Так, в Англии подобный совет был создан Генрихом VII на базе нерегулярно собиравшегося Королевского совета и к 40-м гг. XVI в. превратился в постоянно действующий орган. Аналогичный совет появился во Франции при Франциске I. В Испании 106 лет просуществовал без изменений созданный в 1480 г. Королевский совет. В Швеции в 1538-1543 гг. при Густаве I Вазе также возник постоянно действующий Государственный совет — регентсрод. В задачу подобных институтов входил широкий круг полномочий: финансы, армия, вопросы внешней и внутренней политики, судебный арбитраж, даже «искоренение пороков и общественных грехов» (Испания). Как правило, они комплектовались из представителей пэрства и высших прелатов королевства по личной инициативе короля. Из их числа назначались ответственные чины королевства — гофмаршалы, гофмейстеры, казначеи, канцлеры. Зачастую эти советы становились синекурой для избранных аристократов. Так, в частности, фаворит испанского короля Филиппа IV граф Оливарес получал от занимаемой должности 422 тысячи дукатов в год. Наличие фаворитов в ближайшем окружении

монарха стало бичом многих начинаний государственного строительства. Герцог Бекингем, лорд Пемброк, герцог Лерма, граф А. Оксеншерн, граф А. Мольтеке, барон И. Бернстоф и им подобные, долгие годы фактически являлись первыми лицами администрации, блокируя и интерпретируя по-своему многие королевские начинания.

Первоначально государственные советы были крайне малочисленны (9-10 человек) и разрастались крайне медленно. В Англии при Стюартах число допущенных в «личные замыслы короны» достигло 40-42 персон, во Франции при Ришелье совет состоял из 35 вельмож. Большое количество родового дворянства в этих советах скорее объясняется желанием монархов иметь носителей старых традиций под непосредственным контролем, чем реальной необходимостью. В процессе дальнейшего реформирования процент знатного дворянства неукоснительно сокращается.

Одним из самых решительных и последовательных субъектов в реализации подобной практики стал французский абсолютизм. Целенаправленное отстранение пэрства от власти стало одной из основополагающих доктрин во французском государственном строительстве. По регламенту 1584 г. из 33 должностей Государственного совета 21 место отводилось родовому дворянству, 6 прелатам и 6 так называемым робенам — дворянам мантии, получившим личное или наследственное дворянство в силу занимаемых государственных постов. По регламенту кардинала и первого министра Франции Ришелье от 1628 г. из 35 советников только 8 мест отводилось клирикам и аристократам. Правительственный кризис 1643 г., вызванный смертью Людовика XIII и необходимостью формировать регентский совет (по завещанию из числа «достойных» в нем значился только герцог Орлеанский), убедил дофина в правильности проводимой предшественниками линии. В Государственный совет 1657 года вошло 26 робенов и только по 3 поста досталось дворянам шпаги и церковным иерархам. При этом на доверенных постах нельзя найти ни одного отпрыска древнего рода. Все «аристократическое» крыло было укомплектовано представителями дворянства 3-4 поколения. Людовик XIV в «Мемуарах в назидание дофину» утверждал, что не в интересах короля искать слишком знатных советников.

Так же решительно в борьбе с аристократией и ее самоуправством повели себя Карл XI в Швеции и Фредерик III в Дании.

Последний вполне осознанно позволил торгово-ростовщическим представителям потеснить родовую аристократию. Он создал новые рыцарские ордена (Слона и Даннеброга), ввел европейские титулы графа и барона, попутно сформировав окружение, верное новым идеалам. Более скромные успехи можно констатировать в Испании. Единственным достижением «христианских величеств» стало количественное ограничение «рикосомбрес» (дословно — «верхушка дворянства») главами родов: Арагон, Гусман, Мендоса, Веласкес.

В Англии и Дании этот процесс шел медленнее. После войны Роз, сопровождавшейся целенаправленным истреблением Йорков и Ланкастеров, английское пэрство пострадало, как ни одно другое в континентальных странах. Ко времени Генриха VII представителей старых аристократических фамилий в парламенте осталось всего 29 человек. Перед короной встала проблема укрепления столь необходимой опоры. Пэрство стало пополняться из числа худородных провинциалов. Елизавета I Тюдор довела их число до 61, Яков I Стюарт до 91. К началу Английской буржуазной революции 1640 г. более половины английского парламента были новыми людьми, носившими старые фамилии. К концу XVII в. в предках лорда Тильнейского и лорда Беринга значились суконщики, а в прадедах лорда Лонсдейла — купец. Однако попытки расширить социальную базу абсолютизма на английской почве дали прямо противоположный результат. За столетие периферийное дворянство настолько обуржуазилось, что, привлекая к управлению этих лиц, корона автоматически вводила во власть представителей Нового времени. Так, за лордом Конвей скрывался клан оптовиков Шортеров, за герцогом Бьюфордом — суконных магнатов Чайльдов.

Датская аристократия традиционно представляла собой крайне малочисленную узко корпоративную группу. Вес благородного сословия не превышал 0,2% от общего числа жителей. Законодательно запретив пополнение второго сословия за счет высшего чиновничества и городской элиты, датское дворянство настолько ослабило собственные позиции в государстве, что по существу собственными руками спровоцировало монархический переворот.

Несмотря на свою большую политическую значимость, созданные государственные советы оказались в административном плане слишком малоэффективными перед лицом

грандиозности поставленных задач. Поэтому в дальнейшем система советов подверглась реорганизации. Из специальных секторов советов формировались отделы (канцелярии) с собственным штатом секретарей и клерков. Во Франции, начиная с 1547 г., на основе небольших бюро, развивалась система министерств (военное, иностранных дел, двора, флота), в которых служили наемные чиновники. Среди таких органов, особенно со второй половины XVI в., важнейшим становится финансовое ведомство во главе с интендантом. Интендант считался королевским комиссаром и мог быть в любой момент уволен. Однако господство во Франции ростовщической кредитной системы позволяло занять пост интенданта только очень состоятельному человеку, что в известной степени сохраняло ему свободу воли. В дальнейшем во Франции была построена целая система интендантств — специальных агентств короны при губернаторских советах в провинциях учреждены должности интендантов юстиции, финансов и полиции.

Со второй четверти XVII в. Швеции и Дании оформляется коллежская система, до середины XIX в. ставшая эталоном для многих европейских стран. Камер-, берг-, статс-, мануфактур-, армии и флота, иностранных дел коллегии за столетие создали стройную систему управленческого аппарата, охватившую все сферы деятельности государства. Фогты, бургомистры были выведены из-под сеньориальной юрисдикции, подчинены королевским губернаторам. Они составили слой провинциальной администрации, получавший твердое жалование от короля.

Любопытная деталь — там, где прослеживалась неспособность выйти из кризиса собственными силами, или ощущалось активное сопротивление приверженцев старого порядка, корона не стеснялась приглашать специалистов со стороны. Заслуга в проведении первых мероприятий в Швеции в конце 30-х гг. XVI в. принадлежит известному немецкому юристу Конраду фон Пюхю. Ранние реформы суда и ленного института в Дании связаны с именами немецкого профессора А. Карлштада и голландки Сигбриг Виллумсен. В дальнейшем в качестве известных реформаторов выступали во Франции — шотландец Лоу, в Испании — ирландец О'Рейли, в Дании — швейцарец Э. Ревердиль и французский граф К. де Сен-Жермен. Будучи иностранцами, все они не имели социальных корней и соответственно были не только активными, но и преданными слугами в проведении монаршей воли.

Обратной стороной процесса формирования королевской бюрократии, стало неуклонное ущемление старых сословно-представительных институтов, как на государственном, так и на провинциальном уровне. Перестают собираться всесословные национальные собрания, проводившие свои заседания в присутствии короля. В 1615 г. закрылись Генеральные штаты во Франции, в 1652 г. — Большой ландтаг в Бранденбурге, с 30-х гг. XVI в. в Дании перестают созываться херредаги. Постепенно перестают испытывать нужду в постоянном присутствии кортесов испанские короли. С 1490 г. кортесы еще собирались 1-2 раза в год, а впоследствии — только в случае крупных политических кризисов. Даже в Англии, где существование Парламента освящалось традицией, появляются периоды беспарламентного правления короны. На местах отменяются общие сельские тинги и городские советы.

Реформы затронули основы местной власти — провинциальные парламенты. Задачи этих структур заключались в вотировании налогов, в осуществлении судебных функций, обеспечении безопасности территории. Большая часть прерогатив (сбор ополчения и охрана границ, муниципальное законодательство) ко второй половине XVI в. в значительной степени превратилась в фикцию. С другой стороны, осуществляя непосредственный контакт с податным сословием, т. е. отвечая перед короной за сбор налогов, при сохранении судебной юрисдикции за сеньорами — членами этих самых парламентов, провинциальные органы оказались способными к адаптации. В Испании до 1707 г. провинциальные кортесы управляли самими же созданными внутренними таможнями (около 200), а милицию и коммунальные службы контролировали вплоть до революции 1813 г. В Австрии, сословные ландтаги просуществовали до 1788 г. Реформа представительных органов в Швеции явила собой пример компромисса. Запретив в 20-х гг. XVII в. земельные ригсдага и передав их функции наместникам — губернаторам, монархия узаконила существование общенационального четырехсословного ригсдага.

Падение престижа и значимости провинциальных органов проходило на фоне создания нового административного деления государств. Появляются территориальные округа, во главе которых стоят назначаемые королем чиновники: губернаторы, бургомистры, фогты, коррехидоры (главы муниципалитетов). Переход от ополчения к профессиональной регулярной армии

привел к появлению военных округов. Наместники короны отвечали за ход рекрутских наборов и формирование территориальных полков. Первым реформы провел шведский король Густав II Адольф, и его опыт в дальнейшем использовали многие монархи: датский — Фредерик IV (1701), Фридрих-Вильгельм I в Пруссии (кантональный регламент 1733 г.) австрийский — Иосиф II (1782 и 1785).

Столь масштабное государственно-административное строительство потребовало значительных затрат. Обеспечить материальное благополучие и создать финансовый резерв для проведения реформ стало насущной проблемой для всех ранних форм абсолютизма. Решить подобную задачу можно было двумя способами: совершенствуя налоговую систему страны и укрепляя ряды податного сословия.

Самым распространенным методом, призванным улучшить материальное положение короля, с одной стороны, и обеспечить расширение социальной опоры абсолютизма, с другой, стала организация под протекторатом короны различного рода торговых предприятий. Помимо чисто меркантильных интересов, подобные компании способствовали упорядочению всей хозяйственной жизни страны в интересах самого монарха. Первый опыт организации монопольной торговой компании был проведен датским королем Кристианом II. В 1520 г. предполагалось создать на основе монопольного патента Общескандинавское купеческое общество со стапельным правом. В условиях королевского контроля над сбором Зундской пошлины, взимавшейся за пользование северными морскими проливами, и ластовыми сборами, осуществлявшимися чиновниками в Копенгагене, появление монополиста на внутреннем рынке позволяло бы существенно пополнить казну. Однако первой жизнеспособной компанией стала не датская, а английская Московская компания, организованная в 1554 г. В дальнейшем на аналогичных принципах были учреждены Балтийская (1579), Левантийская (1581) и Ост-Индская (1600) компании. Монопольные компании было гораздо легче контролировать. На них можно было возложить ответственность за организацию и охрану грузов в пути и на складах. Учитывая высокую доходность таких торговых предприятий, в частности в начале XVII в. доходы Московской компании достигали 90, а Ост-Индской 500% на вложенный капитал, корона, присваивая часть прибыли в виде налогов и продавая патенты на монопольное

ведение дел, получила необходимые средства для собственных нужд. В дальнейшем по схожему пути прошли почти все монархии Европы. В 1666 и 1670 гг. появляются Вест-Индская и Ост-Индская датская, в 1664 г. Ост-Индская и Вест-Индские французские компании. В XVIII в., в связи с освоением новых территорий, созданы различные «азиатские», «африканские» и прочие фирмы, главными принципами существования которых, оставались государственный протекционизм и монопольный патент. Иным путем пошли испанские императоры, открыв для заокеанской торговли девять портовых городов и взяв под контроль королевской казны доходы от эксплуатации колоний.

Другим направлением государственного протекционизма стали промышленность и ремесла. Самый грандиозный европейский проект связан с именем Жанна Батиста Кольбера, но и прочие европейские монархии использовали схожие схемы. Создание королевских мануфактур, ограничение цеховых регламентов, запретительная импортная и льготная экспортная политика. Оказывая протекционистские услуги, абсолютизм помимо материальных выгод, увеличивал таким способом защиту государственных интересов на мировой арене. Опираясь на государство, национальный капитал стал активнее участвовать в колониальном освоении мира.

Заработанные средства с помощью протекционистской политики стали базой для реструктуризации финансово-банковской системы. При поддержке короны открываются частные (Гамбургский в 1619 г., «Ассигнационный, Вексельный и Заемный банк» в Дании в 1736 г.), затем государственные и акционерные банки. В 1668 г. в Швеции появился старейший в Европе национальный банк. В дальнейшем аналогичные институты были созданы в других государствах (Берлинский — в 1765 г., Банк Дании и Норвегии — в 1791 г.). Эти структуры стали серьезным инструментом международной и внутренней политики абсолютизма.

Там, где элементы средневековья оказались наиболее живучи, будь то в духовной, или экономической жизни, монархия не редко попадала в финансовую зависимость от иностранцев. В Испании, где сохранялся религиозный запрет на ростовщичество, к 1601 г. не осталось ни одного национального кредитного учреждения. До 1557 г. династия ходила в должниках у аугсбургских Фуггеров, до 1627 г. — у генуэзцев, затем у голланд-

дев и англичан. В схожем положении находились Стюарты (Английский банк возник в 1694 г.), французские Бурбоны и австрийские Габсбурги. Получая внешние, в основном через Амстердамский банк, кредиты, монархия была вынуждена уступать взамен политические инициативы, государственные территории, или национальные сокровища. Так, Генриетта Мария Английская и Максимилиан Баварский, закладывали коронные драгоценности, Карл II — остров Силли.

Реформировать налоговую систему оказалось не в пример сложнее. Для достижения цели надо было решить традиционную дилемму: как перенаправить налоговые потоки из карманов феодала в государственную казну, и не уничтожить дворянство как класс. Традиционная независимость сеньора основывалась на праве собирать налоги и корректировать их нормы. Лишая дворянство этого права, монарх неизбежно втягивался в пересмотр всей системы сеньориальной юрисдикции. При отсутствии единых правовых традиций на территориях новообразованных государств, решить вопрос унификации суда, права, налогового кодекса и прочих юридических основ представлялось делом невероятным. Дело в том, что на значительной части Европы еще сохранялись общинные нормы юрисдикции: гуфное право — в Германии, кутюмное — во Франции, ландслаг — в Швеции, зеландское — в Дании. На юге Франции и Германии сохранились элементы римского права. Поэтому реформы суда и налоговой системы в Европе взаимосвязаны.

Простейшим выходом из создавшейся ситуации было назначение королевских чиновников, ответственных за каждую провинцию или графство. Однако во Франции, при наличии дворянства мантии, устоявшейся системе откупов, появление королевских чиновников не реформировало, а дублировало систему, увеличив бюрократию и не улучшив механизм. Налоговое бремя возросло, а пополнение казны осталось на прежнем уровне. Назначение герцогом Ришелье финансовых интендантов в провинции, с последующим правом устанавливать размер налогов, запоздало. XVI век для французского королевства оказался тяжелым. Не успели восстановить разрушенное в ходе Итальянских войн (1494-1559) хозяйство, как в 1572 г. разразилась почти тридцатилетняя религиозная война, расколовшая страну на два лагеря. В таких условиях королевская власть была вынуждена пойти по традиционному

пути. Так возникли «Компания пяти больших откупов», отвечавшая за таможенные сборы (1598), «Компания большой габели» (1598), «Компания эда» (1604). Другие налоги собирали более мелкие компании или субкомпании провинций. Каждая такая компания имела разветвленную систему налоговых инспекторов, сборщиков и конторских служащих. Единственное, что в тот период удалось королевской власти, — узаконить талью, эд, габель в качестве прямых государственных сборов. Такое признание урезало права провинциальных представителей, ранее занимавшиеся их вотированием. Засилье офисье в управлении государством сделало невозможным дальнейшее переустройство. Закономерно, что предложения Кольбера о кодификации земельных угодий и стандартизации налогов не прошли. Поэтому в дальнейшем вся политика монархии свелась к попыткам адаптировать существующую налоговую систему к новым условиям и потребностям государства.

Более серьезный подход продемонстрировали в Дании. Здесь провели реформу всей ленной системы. О степени сопротивления королевским инициативам можно судить по событиям 1521 г., когда гофмейстер Кристиана IIM. Гойе, проверяя счета ленсманов, брал с собой в сопровождение палача. Расширяется Камера, — так ранее назывался главный финансовый орган. В ее составе были выделены два отделения. Первое — камера доходов, ведавшая сбором налогов и расходами. Вторая — счетная палата, контролировавшая финансовые ведомости местных чиновников — фогтов, которые стали назначаться королем. Во главе Камеры был поставлен камеральный совет (казначейский совет), первоначально состоящий из 3 человек. Страна подверглась новому административно-финансовому делению. Вместо средневековых ленов вводится амт во главе с чиновником из центра. Вершиной налоговой реформы стал введенный в 1688 г. единый земельный кадастр. Аналогичный способ решения вопроса был выработан в Швеции.

Третий вариант решения проблемы предложил Фридрих-Вильгельм — курфюрст Бранденбургский. С 1660 г. в курфюршестве создается система комиссаров — штейератов, отвечавших за сбор налогов и акцизов. Но подчинены они были не гражданскому чиновнику, а генерал-кригскомиссару. Опираясь на мощь военной машины, корона за два десятка лет укрепила свое право, лишив провинциальные ландтаги возможности влиять на сбор налогов.

Разрушение основ экономической зависимости податного сословия от сеньоров привело к кодификации всей системы Юридическо-правовых норм. В 1683 г. в Дании появляется единый свод законов. Верховная судебная власть переходит в руки королевского суда. В Швеции единое общешведское уложение, вместо городского закона и ландслага, было разработано еще в 1686 г. королем-реформатором Карлом XI, но удалось утвердить его только после окончания Северной войны. Свод, состоящий из 9 частей, увидел свет в 1734 г. Он включал уголовный, гражданский, процессуальный и прочие кодексы. Наиболее долгий срок унификации законодательной базы прошли монархии в Польше, Австрии и Франции. В первой — из-за господства дворянской олигархии и самовластия провинциальных собраний. Польская конституция была выработана только накануне очередного раздела, в 1791г. В Австрии — из-за сохранявшихся национальных парламентов — общегосударственные гражданский и уголовный кодексы появились в 1786 и 1787 гг. Во Франции гражданский и уголовный кодексы были созданы еще во второй половине XVII в.

Таким образом, в процессе эволюции государственных институтов и формирования абсолютистских режимов прослеживаются две основные тенденции. Во-первых, укрепление центральных органов власти с опорой на дворянство и буржуазию, при параллельном ущемлении прав представительных органов средневековья (парламентов). Во-вторых, подавление всеми доступными средствами сепаратистских тенденций аристократии и клира. Такое единство представителей буржуа и дворянства было возможным до определенной степени. Усиление первых привело к появлению так называемого просвещенного абсолютизма.

Являясь ответом на кризисные симптомы, такой абсолютизм не имеет ярко выраженных хронологических и территориальных параллелей. Как правило, проводить реформы новые правительства вынуждала необходимость консолидации внутренних ресурсов перед лицом угрозы национальному суверенитету и целостности страны. Характерное для средневековой Европы и Европы Нового времени представление о легитимности существования правительств базировалось на двух Незыблемых основаниях: преемственности монархического строя и признании Божественного закона (соблюдение государственной религии). Не случайно, что многие «конституции»

абсолютистских режимов подчеркивали обязанность короны соблюдать устоявшиеся правовые нормы, при относительной свободе в остальных сферах деятельности. XVIII век, с этой стороны, стал периодом наибольшего испытания традиционных порядков и мировоззрения.

Династические проблемы в Испании и Австрии вылились в международные войны за испанское наследство (1701-1714) и австрийское наследство (1740-1748). Перед шведским абсолютизмом задача реформ вытекала из необходимости ликвидации последствий «Эры свобод» (1720-1772), приведшей к власти дворянско-олигархический блок. Элементы просвещенной монархии можно обнаружить в Пруссии, Франции, Дании.

Стремление ликвидировать промышленное отставание, в условиях развития капиталистических отношений в Европе, при относительной слабости национальных экономик, вынуждал монархов идти на широкое допущение предпринимательской инициативы, на участие буржуазных элементов в управлении государством. Разрабатываются программы финансовой поддержки предприятий, в Восточной и Центральной Европе распространяется практика найма иностранных специалистов на современные мануфактуры и фабрики. В Австрии и Пруссии принимаются, так называемые, урбаральные законы, положившие начало ликвидации крепостного состояния крестьянства. В Швеции реформа 1783 г. завершила правовое оформление крестьянской частной собственности. Вместе с тем реформы были принуждены укрепить монархические устои. Другими словами, это была попытка приспособить элементы индустриального общества к уже существующим системам государственного управления.

Объективным обстоятельством эволюции абсолютизма стало распространение научных знаний и реальное падение престижа церковных институтов. Начиная с 1715 г., и особенно после 1750 г., европейское общество обогатилось трудами французских просветителей. Период охарактеризовался появлением трудов Руссо и Монтескье, Дидро и Д'Аламбера, Гельвеция и Вольтера. В германских и австрийских землях разрабатываются труды по экономике и праву. Публикуются английские трактаты по сельскому хозяйству В. Маршалла и А. Юнга. Наступил поистине «век просвещения». Призыв просветителей «дерзай познать» стал нормой поведения и мышления в обще-

стве. Это стало возможным благодаря расцвету книжного дела. Так, просветитель Анж Гуд ар отмечал тенденцию увеличения книгоиздания на французском языке. По его сведениям, в Амстердаме насчитывалось таких издательств — 40, в Гааге — 20, Антверпене — 4, Базеле — 16, Лондоне — 36, Женеве — 6, Лозанне — 16, Базеле — 12, Милане — 5 и в Венеции — 40, и это, не считая изданий на национальных языках. Появляются частные и общественные библиотеки, доступные для всех слоев общества. В 1774 г. обороты книгоиздателей Парижа, по данным синдикальной камеры печати, составили 45 млн ливров, вчетверо больше, чем обороты лондонских печатников. И это не случайно, дух коммерции и наживы, царивший в английском обществе не оставлял места для занятий «убыточным» делом.

Потребности дорожного строительства, мануфактурного производства, флота, заставили открывать все большее количество школ, как общих, так и специализированных. Во Франции в 1698 г. был издан указ об открытии начальных школ и обязательном бесплатном образовании детей до 14 лет. На родителей, запрещавших обучаться своим детям, распространялся штраф. Аналогичная мера принята в 1717 г. прусским монархом. В австрийской народной школе Иосиф II ввел обязательное 7-летнее образование и двойной налог на родителей, не пускавших детей в школу. Увеличивается количество высших учебных заведений как инженерных, так и гуманитарных. Расширяется состав прогрессивной профессуры. На кафедры приходят последователи Готфрида Лейбница и Христиана Вольфа: Свитен, Риггер, Мартини, Эйбель, Снеedorф. В качестве обязательных дисциплин вводятся история, естественное и государственное право, родной язык. В 1752 г. декан кафедры «немецкого красноречия» Венского университета Иоганн Валентин составил грамматику немецкого языка (примечательно, что прусский и австрийский двор говорили только на французском языке, а датский двор — на немецком).

Распространение гуманитарных основ в обществе сопровождается широкой социальной программой. Вольтер стал инициатором либерализации уголовного законодательства. В Дании, Австрии и землях империи по его просьбе отменены пытки заключенных и жестокие формы смертной казни. В качестве воспитательной меры применяется полезный труд: при

турьямах, особенно женских, создаются пошивочные мастерские, вводятся трудовые и гражданские кодексы, ограничивающие продолжительность рабочего дня, особенно для детей. Распространяется практика оказания врачебных услуг для работников мануфактур. Даже в копенгагенских публичных домах вводится обязательный медицинский осмотр. В семейных отношениях появляется брачный контракт, призванный законодательно защитить самую бесправную категорию предыдущего периода — бастардов.

Парадоксально, но в то время как континентальные монархии проводили гуманитарные преобразования, основанные на эмансипации личности, в самой передовой стране Европы — Англии, продолжали существовать худшие формы эксплуатации человека. На 142 фабриках было занято в 1788 г. 35 тысяч детей в возрасте от 4-х лет (для сравнения: 26 тысяч мужчин и 31 тысяча женщин). Француз, герцог де Ларошфуко Лианкур, совершивший поездку по английским текстильным предприятиям, был возмущен формой организации детского труда: партии, работавшие по 12 часов, по очереди сменяли друг друга у станков и в койках. На шотландских рудниках сохранилась практика продажи рабочих вместе с копиями. Проект закона 1792 г., предложенный королем Георгом III, о взимании штрафов за жестокое обращение с детьми на производстве, так и остался на бумаге.

Реформы «просвещенного абсолютизма» были во многом взаимосвязаны с крушением религиозного догматизма. Благодаря государственной власти, реформационные процессы получили дополнительный стимул. Пионерами антицерковной политики выступили германские клирики. Николас Хонтгейм, служивший заместителем трирского архиепископа, в книге «Настоящее состояние церкви и законная власть римского понтифика», сформулировал новую доктрину, получившую название регализм. Суть доктрины — преобладание светской власти над церковью. В 1786 г. немецкие князья и церковные иерархи развили существующую теорию, опубликовав «Тезисы Эмса». Корона воспользовалась сложившейся ситуацией. Людовик XV во Франции закрыл 500 монастырей. Под давлением власти белое духовенство во Франции в 1762-1763 гг. запретило иезуитский орден. В Австрии Иосиф II подчинил церковь государству, закрыл 700 мужских и 2000 женских монастырей, конфисковав церковной собственности на 60 млн

флоринов. Запрещалась связь местных орденов со своими генералами, подача жалоб или прошений Папе, минуя королевские инстанции. Такие же реформы провел его брат — тосканский герцог Леопольд, и Венецианская республика. Борьба за примат светского начала в государстве затронула даже самое сердце католической реакции — Испанию. По настоянию председателя Кастильского совета графа Аранды, в 1767 г. орден иезуитов также был запрещен, его имущество конфисковано, а члены высланы из страны. Затем аналогичные действия последовали в колониях.

Борьба против господства папской курии сочеталась в политике «просвещенного абсолютизма» с распространением веротерпимости. Начиная с 1685 г. в Пруссии, с 1726 г. в Швеции, 1781 г. в Австрии представителям других конфессий (кальвинистов, лютеран, униатов, православных, католиков) разрешили открывать свои школы, строить свои кирхи или церкви. Даже иудеям — сторонникам самой презираемой в средневековой Европе религии, разрешили строить синагоги и получать образование.

Специфика европейских абсолютных монархий

Несмотря на универсальность процесса становления абсолютных монархий, в границах европейского общества можно выделить ряд вариантов такого государственного строительства. Условно их можно разделить на северо-западный, юго-западный (средиземноморский), скандинавский, центрально-европейский и восточно-европейский абсолютизм.

Под северо-западным вариантом абсолютной монархии традиционно понимают государственный строй, возникший в дореволюционной Англии и во Франции XVII в.

На путь формирования абсолютной монархии Франция встала раньше остальных европейских стран. Уже в середине XV в. корона получила право собирать экстраординарные налоги без согласия сословного представительства. Причиной этого раннего начала стала Столетняя война, которая потребовала от короны выступить в новом качестве — опоры национального единства. Но именно поэтому у французских королей не было аналогичного опыта соседних держав, и темпы складывания абсолютизма оказались замедленными, опирающимися на

значительный авторитет и законодательство традиций. Так, на первом этапе административные функции короны тесно сочетались с другой важнейшей функцией любого сюзерена — судебной. До середины XVI в. глава судебного ведомства, канцлер Франции, был одновременно и главой гражданской администрации. Королевский совет был одновременно и судебным и административным органом. Он не переставал судить даже после того, как из первоначального состава выделилась специальная судебная палата — Парижский парламент, и после появления Большого Совета в XV в. Аналогичная система объединения судебных и фискальных функций действовала и на местах.

В XVI в. распространилось повсеместно новое явление: продажа не только финансовых должностей (продажа на откуп налоговых должностей — явление, характерное для всей средневековой Европы), но и чисто судебных должностей. Для короны это было выгодно по двум причинам. С одной стороны, корона получала внутренний источник финансирования, с другой, вербовала чиновников для государственного аппарата, не связанных со старейшими феодальными родами. В 1604 г. собственность на должности была закреплена. Если чиновник уплачивал «полетту» — специальный сбор, названный в честь финансиста Поле, его должность становилась наследственной. Появилась и особая категория — дворянство мантии, представители которой занимали должности в различных магистратах, контролировавших в жизнь королевских указов (парижский парламент и парламенты провинций, баляжные суды и элю). Вместе с тем, дворянство мантии нельзя назвать подлинными чиновниками в современном понимании этого слова. Для данной категории существует особый термин — «офисье». От современного чиновника «офисье» отличало многое. Владение должностью, отсутствие необходимости в выслуге лет и дисциплине позволяли ему не опасаться потери своего места. Сместить «офисье» можно было, только выкупив его патент. Такие случаи были единичны, и серьезно сократить штат этих чиновников корона не могла. Сложилась узко корпоративная группа, фактически независимая от короны и зачастую сильно ей мешающая.

Есть определенная закономерность в появлении столь большого аппарата. Дело в том, что Франция оказалась наследницей разных типов права: римского, кутюмного и до-

кального. Свести все это многообразие к единому правовому пространству не представлялось возможным всем французским законникам. Законодательство базировалось на т.н. больших ордонансах: Орлеанском (1561), Блуасском (1579), кодексе Марийяка (1629). Поскольку они составлялись по приказам Генеральных штатов, то обладали большой эклектичностью. Для унификации законодательства Людовиком XIV была создана специальная комиссия, в результате деятельности которой появился Гражданский ордонанс. 35 статей фиксировали все королевские указы в качестве законов. Парламенты имели однократное право, и то ограниченное по срокам, на подачу ремонстрации королю. В дополнение к Гражданскому ордонансу, в 1670 г. появился Уголовный ордонанс, закрепивший приоритет королевских судов над сеньориальными и кутюмами и обязательное юридическое образование для судей. Таким образом, удалось создать единую надстройку, в процессуальном вопросе подчиненную непосредственно королю. Но сократить число бюрократов, а соответственно и сроки реализации государственных программ, французская монархия оказалась не в состоянии. По подсчетам современников, в сфере юстиции к середине XVII в. насчитывалось 70 тысяч человек, не считая 30 тысяч юристов обслуживающих финансы.

Дополнительные трудности в укреплении центральной власти возникали на почве экономической географии. В отличие от Англии, где к началу XVII в. Лондон превратился в крупнейший торгово-экономический центр, на который замыкались все (особенно хлебный) периферийные рынки и каботажный транспорт, во Франции подобное единство отсутствовало. В условиях тотального бездорожья транспортные перевозки осуществлялись, прежде всего, по рекам (Луаре, Сене). Поэтому основные производящие районы были сорентированы не на административные центры, а на ближайшие рынки. Например, парижане вели торговые операции с Гентом и Брюсселем чаще, чем с Нормандией, а из южных партнеров только с ближайшим Орлеаном. Бордо на 71 % вел торговлю с голландцами, а Лион — с генуэзцами. Не имея прочных связей с центром, крупные города во Франции, и особенно их финансовая и политическая элита, чувствовали себя в привилегированном положении по отношению к правительству. Особенно такой взгляд на действительность был характерен для парижан.

Таким образом, в руках столичных и периферийных чиновников сосредоточилась огромная власть и финансовые возможности, преодолеть которые не всегда было можно только с помощью королевской воли. Беда Франции заключалась как раз в том, что при всей многочисленности чиновничества, уровень его компетенции оставался крайне низок. Одним из самых последовательных противников разросшегося аппарата выступал Кольбер. В 1659 г. в докладной записке на имя короля он с горечью отмечал, что из главнейших парижских муниципалитетов можно привлечь на службу ограниченное количество людей: 5-6 человек от парижского парламента, 3-4 — из Большого совета и 1-2 — из Палаты косвенных сборов, все прочие коррумпированы и ни на что не годны.

Кольбер считал, что все занятия подданных, насколько это возможно, необходимо свести к полезной для государства деятельности: сельскому хозяйству, торговле, службе в армии и флоте. И наоборот, по возможности запретить вредные занятия: финансизм, юстицию и монашество. Эдикт 1661 г. о сокращении чиновников финансового ведомства был призван уменьшить число финансовой номенклатуры более чем в 3 раза. Реформа 31 мая 1665 г. была призвана сократить количество судебных должностей. С ноября 1661 г. вступила в действие Палата правосудия. Ее главной задачей было наказание наиболее активных финансовых спекулянтов. За период ее деятельности к ответственности привлекли более 400 человек. В 1666 г. была предпринята попытка подойти к проблеме сокращения штатов с другой стороны. Специальная комиссия начала программу по проверке дворянских титулов. Интенданты, назначенные в провинции, получили право судить как трибуналы последней инстанции. Однако результаты оказались не столь впечатляющими. Только в Бретани число таких дворян сократилось на 20%. Спустя три года Кольбер признал эту попытку полностью провальной. Любопытно, что почти в то же время и с тем же результатом закончилась попытка законодательно ограничить процесс аноблирования буржуазии в Испании. Запрет на получение дворянского достоинства и соответствующих иммунитетов (1611), спровоцировал к 1664 г. неприкрытую спекуляцию титулом «дон» («на одну жизнь», «на две жизни», «навечно»).

В Англии классический вариант абсолютизма сложился в период правления Тюдоров. Король имел право распоряжаться

войсками, решать вопросы войны и мира, контролировал институты церкви, суда и городских магистратур, административные учреждения типа Звездной палаты, палаты феодальных сборов, опеки. С позиции властных полномочий король держал в руках исполнительную, судебную и частично законодательную власть, а также отвечал за основные функции государства: внешнюю политику, торговлю и промышленность, оборону государства. Однако на практике для абсолютизма существовала потенциальная опасность в лице английского Парламента. Созданный в средневековый период, как гарант «традиционных английских вольностей», первоначально он не отражал реальных настроений английского общества. Социальная принадлежность депутатов нижней палаты варьировалась от городского бюргерства до мелкопоместного дворянства. Верхняя палата была более однородной, аккумулируя волю аристократии и князей церкви.

Ситуация изменилась в связи с распространением реформационных учений. Стремясь обрести широкую социальную поддержку, корона перевела Палату общин в Вестминстер, где находился король и палата лордов. В 1529 г. представительный орган впервые получил практику постоянных заседаний. «Реформационный» Парламент просуществовал семь лет. Тогда же возросло число депутатов — с 296 до 462. При Генрихе VIII в Парламенте появились депутаты из графств Уэльса и Чешира. При Эдуарде VI таких провинциалов стало 35, при Елизавете I — 62. Таким образом, парламент не только стал более представительным, но и менее управляемым.

В 1559 г. спикер Томас Гергрейв впервые получил право неприкосновенности для себя и депутатов Парламента на период исполнения ими депутатских обязанностей, а также освобождение от ответственности за действия или слова в стенах Парламента. В XVII в. депутаты ограничили функции спикера Палаты, являвшегося креатурой короны, и провели закон об импичменте королевских министров. С 1621 по 1688 г. депутаты пользовались этим правом более 40 раз. В число опальных министров в свое время попали лорд-канцлер Бэкон, наместник Ирландии лорд Стаффорд, архиепископ Кентерберийский Лод и другие лица, преданные лично королю и монархическому государству. Естественно, что подлинной свободы слова не существовало. В 1593 г. Елизавета I очертила ее параметры: «не говорить кто что слышал, или что в голову взбрело, а при-

вилегия говорить «да» или «нет»». Именно Елизавета I четко обозначила пределы интересов короны: регулирование торговли, раздача монополий, дела церкви, вопросы наследования, внешняя политика. Однако не были подвергнуты пересмотру уже завоеванные парламентариями права, особенно в области налогообложения. Эта прерогатива — утверждать налоги с правом решающего голоса, была закреплена за Парламентом еще Эдуардом III, и в XVII в. считалась одним из положений общего права. При отсутствии писаной конституции, основным источником английского права являлся прецедент — норма, сформулированная судьями и изложенная в судебных решениях. Таким образом, прерогативы Парламента стали юридической основой для ограничения деятельности короля.

Стеснения в фискальной области серьезно подорвали возможности абсолютизма в строительстве военной и административной структуры государства. Вся королевская гвардия насчитывала 200 человек, а королевский флот не превышал 50 судов. Чиновничество не оплачивалось, а рекрутировалось из местных, далеко уже не зависимых от феодальных доходов сеньорий людей. Процесс распродажи королевского домена (с 1550 по 1600 г. было продано угодий на сумму около 6,5 млн фунтов ст.), сопровождавшийся огораживаниями, привел к смене в каждом третьем маноре старых феодальных владельцев новыми — джентри.

Взросшее на этой почве число имущественных тяжб потребовало дополнительных специалистов — правоведов общего права. Появляется профессия барристера — адвоката, в короткие сроки ставшей очень престижной и доходной. Они обучались в одном из четырех английских учебных заведений, что фактически делало их замкнутой корпорацией. В дальнейшем они занимали посты сержантов округов и графств, королевских судей в Вестминстере (судьи общих тяжб, казначейства) и места в королевской канцелярии. Из среды юристов вышли наиболее активные сторонники законодательного ограничения абсолютной власти: Эдвард Кок, Томас Эллистер, Томас Овербери.

Дополнительным источником для королевского беспокойства стал пуританизм, совместивший кальвинистское учение с ценностями зарождающейся буржуазии. Индепенденты и пресвитериане в разных пропорциях в начале XVII в. объединяли 27,5% торговой буржуазии, 22,2% джентри, 18,7% духовенства, 78,1% бюргерства от общего числа верующих. Не

способность последних Стюартов разрешить конфликт Парламента и короны привела к усилению влияния пуританизма в обществе. Таким образом, к 1640 г. значительная часть Парламента Англии, королевских судов и администрации графств стала носителем антиабсолютистских настроений. Революция, свергнув Карла I, заложила основы для парламентского пути развития государства.

До момента возникновения единого Испанского королевства на Пиренейском полуострове существовало несколько независимых друг от друга государств, имеющих не только языковые (диалектные), культурные особенности, но и разные государственные традиции, а именно: Астурия, Леон и Галисия, Кастилия — готские традиции (восточные); Наварра, Арагон, Каталония — франкская традиция (западная). С 874 г. в состав будущего королевства вошло графство Барселонское, населенное басками. До 1640 г. частью страны считалось зависимое от Леона и Галисии королевство Португальское. В силу исторически сложившейся традиции государство формировалось в условиях ярко выраженного внутреннего сепаратизма, некоторой самостоятельности в устройстве государственных (судебных, законодательных, административных) институтов. Этот сепаратизм не был изжит до конца XIX в.

Испания — одна из тех европейских стран, на которых особенно губительно отразился внешнеполитический фактор. Постоянные войны и конфликты в Европе, борьба с внешними (алжирцы, мавры) и внутренними (мориски, мараны) противниками, колониальные захваты существенно изменили всю систему социального и экономического развития Испании. Войны Реконкисты воспитали широкие массы народа в духе политической активности и ответственности, способствовали росту национального самосознания. На местном уровне создавались органы самоуправления, в виде различных магистратур зачастую не ограниченных никакими центральными институтами, или законами. В силу слабой координации и господства неэффективных средств связи между отдельными частями страны, города присваивали себе различные привилегии — «фуэрос». Параллельно аналогичными привилегиями (иммунитетами) одаривалось дворянство, прежде всего, его «лучшая часть».

До 1520 г. в Испании насчитывалось двадцать пять аристократических родов, главы которых именовались грандами:

герцог Гандиа, герцог Альба, герцог Медина-Сидониа и др. В дальнейшем их число увеличилось. В процессе государственного строительства корона наделила их огромными привилегиями. Их нельзя было сажать в тюрьму за долги, подвергать пыткам, нельзя было брать имущество в залог, если они, конечно, не были должниками короля. Под стражей гранд должен был содержаться в отдельной тюрьме. В зависимости от типа сеньории они собирали в свою пользу дорожные и товарные пошлыны, пользовались даровым постоем и выморочным имуществом, назначали судей, взимали штрафы и издавали административные распоряжения. Наконец, они могли не снимать шляпу в присутствии короля и называть его братом, или родственником. Запреты касались ограниченного круга вещей. Высший суд признавался только за королем. Нельзя было освобождать от королевских налогов, противоречить королевским законам и указам, отнимать вассалов у менее сильных сеньоров и чеканить собственную монету. Вторые сыновья — сегундос, составляли непривилегированное дворянство — кабальеро и идальго, и до 1611 г. имели приставку «дон». Не имея ни титула, ни земель и вынужденные наниматься на службу, они, тем не менее, обладали схожими, но в меньшем объеме, привилегиями.

Существенным отличием аристократии Испании от второго сословия других европейских стран была их фактическая экономическая независимость от монарха. Такое положение также развилось из «фуэрос». В XIV-XV вв. миграционное скотоводство развивалось параллельно оседлому. Тогда же сложилась общеиспанская система перегона стад. Летом овцы паслись в горах старой Кастилии и Леона, зимой шли тремя дорогами домой. 1329 г. вошел в историю Испании как начало становления Месты (Братства), как привилегированного сословия. В том же году было запрещено перепахивать овечьи дороги под посевы, а все скотоводы освобождены от дорожных пошлыны. До 1633 г. (закон о суммировании всех ранее достигнутых преимуществ) члены Месты имели право порубки леса по пути следования стада, использования общинных и частных полей. Городским советам и сельским общинам с 1525 г. предписывалось поить, кормить и предоставлять ночлег тем, кто сопровождает стадо. Энтрегадор, т. е. тот, кто прокладывает пути следования, имел право вмешиваться в дела местных судей. В 1501 г. вступил в действие закон о владении, дававший

право члену Месты захватывать частные пастбища. Всего к середине XVIII в. в стадах насчитывалось до 5 млн овец, из них 4 млн голов принадлежали грандам и церкви. Среди наиболее крупных членов значились девять церковных корпораций, маркиз де Вилья-Алегре, которому принадлежала вся область Херес, Маркиз Веламазан и др. К 30-м гг. XVIII в., по данным коррехидоров и алькальдов, общинные земли вследствие подобной практики исчезли в Испании окончательно. Все были захвачены, а это 1/3 пахотных земель. В центре страны засеивалась всего 1/6 часть угодий.

Открытие Нового Света укрепило имперские амбиции Испании и претензии на европейскую гегемонию. Отказавшись от сеньориального ополчения, испанские монархи не стали создавать регулярную национальную армию. Приток драгоценных металлов позволил пойти по пути привлечения наемников — волонтеров из Германии, Италии. В 1560 г. налоги давали 1600 тысяч дукатов, в 1598 г. — 4800 тысяч дукатов, из которых до 70% были именно налогами с колоний. Но расходы на поддержание великодержавной политики были фантастическими. В том же 1560 г. на финансирование производства и торговли было потрачено 86 тысяч дукатов, а на содержание армии в 19 раз больше. Позднее, по тому же принципу, нанимали бродяг и нищих для службы в пехоте, артиллерии и кавалерии. Галерный испанский флот комплектовался за счет местных тюрем. В 1666 г. главнокомандующий герцог Санлукар говорил о таких солдатах, что они идут в армию за одеждой и куском хлеба, и убегают прежде, чем попасть на фронт. Не случайно некогда считавшаяся непобедимой испанская пехота именно в середине XVII в. потеряла свое почетное звание.

С 1599 г. почти непрерывно Испания участвовала во всех европейских конфликтах. В результате военных неудач были потеряны Руссильон, Артуа, Люксембург, Кремона, Ямайка, Минданао, Молуккские острова. В 1640 г. о сецессии объявила Португалия, в 1714 г. англичанам уступлен Гибралтар. С 1598 по 1660 г. на военные авантюры было потрачено свыше 200 млн дукатов. Таким образом, открытие Нового Света и активная внешняя политика ввергли страну в полосу длительной стагнации, превратив Испанию в своего рода «насос» по выкачиванию денег. К 1700 г. золота было вывезено приблизительно на 3 млрд 800 млн пиастров. Однако, когда в том же году умер Карл II, его не на что было хоронить. Общий внешний долг к

этому периоду перевалил 300 млн. Приблизительно каждые 20 лет (1557, 1575, 1596, 1607, 1627, 1647) государство объявляло себя банкротом. За этот период без соответствующего государственного финансирования пришли в упадок или попали в руки иностранцев старейшие ремесла и финансы. Национальной торгово-промышленной буржуазии, которая могла бы стать опорой абсолютизма, не возникло.

В результате Реконквисты церковь, как наиболее последовательный защитник христиан, получила в Испании непрекаемую поддержку и авторитет в глазах всех сословий. Произошло укрепление религиозных орденов и институт монашества. К концу XV в. церковь добилась в Испании серьезной экономической и политической самостоятельности. Совокупные доходы белого духовенства и епархий достигли в год 4 млн дукатов, не считая земельных владений. С возникновением в 1478 г. новой инквизиции начался процесс сращивания королевского аппарата с церковной структурой. Теологи и священнослужители вошли в качестве оидоров (правоведов) в государственный совет, легистов — в постоянные депутации кортесов, арбитристов — в королевский финансовый совет. Кроме того, Тридентский собор 1545-1563 гг. постановил все предписания церкви считать обязательными государственными законами.

Вмешательство церкви во внутреннюю политику негативно сказалось на экономическом развитии Испании. Гонения на морисков и маранов, начавшиеся с 1501 г., привели к сокращению численности населения с 10 млн человек до 6,5 млн. Пришли в упадок многочисленные ремесла, которые только за их счет развивались в Испании. Не пострадали от великого исхода только крупнейшие гранды страны, скупив имущество бежавших. Герцог Гандиа приобрел недвижимость в размере четырех городских кварталов, где при желании можно было поселить 60 000 душ, герцог Осуна на вырученные средства приобрел собственную эскадру. Центральные области обезлюдели. Абсолютная монархия оказалась заложником аристократов — крупных земельных собственников и церкви.

Отличием скандинавского абсолютизма стала рано обозначившаяся независимость монарха от высших сословий. Государственная реформация, начавшаяся в 1520-х гг., привела к конфискации в пользу короны земельных владений католической церкви и угодий дворян, активно боровшихся с люте-

ранством. Периодические попытки со стороны «благородных» расширить свои земельные владения и укрепить феодальные права сурово пресекались королевскими постановлениями при активном содействии со стороны бюргерства и городских магистратур. В Швеции борьба с дворянской оппозицией, вылилась на практике в известный «спор сословий» 1650 г.

По социальному составу Швеция и Дания были странами феодальными, но здесь не существовало крепостничества, а крестьяне в основном были государственными. После ликвидации церковного землевладения выделяются три категории крестьян: частновладельческие (фрельсовые, фестеры), коронные и свободные (скаттовые). Несмотря на постепенное выравнивание юридического положения этих категорий, личная свобода крестьян долгое время оставалась неотъемлемым атрибутом сословия (в Швеции она никогда полностью и не исчезала).

Помимо прямых фискальных обязанностей в пользу государства, на две последние категории крестьян распространялась масса вспомогательных функций. На них возлагались подводная повинность (перевозка чиновников и солдат, государственных грузов); замковая повинность (работа по ремонту и строительству государственных крепостей и зданий); выплата ямских денег (на содержание подстав для королевских курьеров); селитряная подать (на приобретение пороха для королевской артиллерии) и др. Королевские регламентации (в Швеции это «Четвертная» 1655 г. и «Большая» 1680 г. редукции) обеспечили баланс собственности в стране. На крестьян, дворян и корону приходилось по 1/3 всех пахотных угодий. Тенденция сокращения крупных поместий с иммунитетными правами сохранилась и в XVIII в. К 1760 г. доля владельцев угодий с буржуазными корнями составляла 6,7%, дворянскими — 4,9%, все остальные собственники — крестьяне.

В Дании распространение барщинно-фольварочного хозяйства короне сдержать не удалось, но ленные реформы XVI в., закон 1688 г. (единый земельный кадастр) и военная реформа 1701 г. изменили характер земельной собственности. Помимо короны и дворянства, 1/4 часть земель стала принадлежать бюргерству. Бюргерское владение заложило основы формирования крупных фермерских хозяйств. Обратной стороной этого процесса стало превращение бондов и фестеров (свободных держателей и помещичьих крестьян) в хусманов и индерстер,

т. е. в поденщиков и батраков — сельских пролетариев. Окончательно ликвидировать остатки крепостной зависимости удалось только земельными регламентациями второй половины XVIII в.

Положительную роль в ограничении феодальных отношений играли и некоторые правовые нормы: приходское самоуправление; система низовых уездных судов, где в качестве судебных заседателей присутствовали крестьяне. В Швеции дополнительной защитой крестьянских свобод стал четырехсословный риксдаг, куда входило зажиточное крестьянство с правом голоса. По традиции крестьяне не имели право обсуждать только вопросы внешней политики. На деле наличие представительного органа не стало серьезным препятствием для провозглашения наследственной монархии. В 1682 г. именно по предложению риксдага сословия оставили за собой право только совещательной инициативы, а в 1693 г. была провозглашена «Декларация о суверенитете» — своего рода конституция абсолютизма, где сословия провозглашали короля в силу божественного права единственным самодержцем.

Третье серьезное отличие монархий скандинавского типа вытекает из специфики образования новых классов. К моменту торгово-промышленного бума, вызванного открытием Нового Света, в Швеции промышленности как таковой не существовало. Несмотря на богатые залежи меди и железа, лесных запасов, способствовавших росту добычи древесного угля, обилие горных рек, обеспечивавших предприятия дешевой энергией, в старейшем металлургическом производстве было занято не более 4% всего населения. С другой стороны, экстенсивное сельское хозяйство, небольшая плотность населения, отсутствие элементарных денежных средств не позволили сложиться и укрепиться в городах цеховому строю, с присущими ему регламентациями и ограничениями предпринимательской инициативы. Городское ремесло сохранилось там, где требовались квалифицированные специалисты: каменщики, ювелиры, плотники. Поэтому здесь развиваются брукки — частные предприятия. Государственные мануфактуры также строились на рубеже XVI-XVII вв., но с 1619 г. государство стало передавать их в аренду или продавать в частные руки. Новыми хозяевами становились помещики, горожане.

События Тридцатилетней войны не только стимулировали появление оружейных и пушечных мануфактур, но и рас-

ширили круг буржуазных владельцев за счет иностранных предпринимателей. Среди наиболее ярких личностей значатся выходец из южных Нидерландов Лодовейк де Геер, немцы Радемахер и Кристофер Полхем. Именно благодаря переселенцам в 1619 г. был основан Гетеборг, развились Йенчепинг, Кальмар, Стокгольм. Существенным отличием новых мануфактур от аналогичных предприятий в Европе, было использование вольнонаемного труда. Хотя попытки прикрепить рабочих к определенным производствам и предпринимались владельцами, однако в таких случаях вмешивались специальные королевские коллегии. Отличали шведские мануфактуры и сравнительно приемлемые условия труда. Так рабочий день был с 5 утра до 6 вечера, с 2-х часовым перерывом (на завтрак и обед). Во многих европейских государствах подобная продолжительность стала возможна только в XIX в.

Несколько иная картина наблюдается во владениях Ольденбурггов. Датские буржуа развились на почве торгового капитала. Договоры о нейтралитете с Алжиром, Тунисом, Турцией, Марокко, не говоря о собственных колониях и торговых миссиях в Вест-Индии, Ост-Индии и Африке, на фоне европейских войн, позволили превратиться им в международного торгового посредника. Поскольку подавляющее большинство морских кампаний было сосредоточено в Копенгагене, то уже с первой четверти XVI в. прослеживается сращивание крупнейших капиталов с бюрократическим аппаратом королевства. Постановление 1660 г. и «табель о рангах» 1671 г. (впервые в Европе) закрепили за буржуазией право занимать любые государственные посты. Огромные финансовые возможности торгово-промышленной буржуазии придали вес данному классу в политической жизни стран, позволили стать стабилизирующим фактором абсолютизма. Таким образом, процесс становления монархии в Швеции и Дании сопровождался, с одной стороны, усилением абсолютистской тенденции в политическом оформлении государства, а, с другой, — зарождением капиталистических отношений в экономической жизни.

При всей совокупности различий, проявившихся в развитии государственности и абсолютизма Польши, Австрии и Германии, наблюдается определенная схожесть условий возникновения монархических режимов. Все эти государства в той или иной степени испытывали серьезное внешнее давление в ходе войн и международных конфликтов. В результате, огромный

вес во внутренних делах здесь приобретают дворянство и армия, что, в свою очередь, ведет к милитаризации государственных институтов и всего абсолютистского строя в целом. Немалую роль играл и многонациональный состав населения центрально-европейского региона, где славяно-германское противостояние выливалось в разнообразные сепаратистские движения или национально-освободительные восстания.

Германский абсолютизм развивался в форме регионально-го, или княжеского. Первым примером такого типа монархии стала Бавария, где с 1612 г. перестает собираться местный ландтаг. Во второй половине XVI в. процесс централизации власти ускорился, и к концу XVII в. княжеский абсолютизм сложился здесь не только как тип государственного устройства, но и как целостная политическая концепция. Классическими образцами княжеского абсолютизма считаются Бранденбург, Бавария, Пфальц.

К началу Нового времени Германия представляла собой пестрый и запутанный клубок больших и малых княжеств. Из почти трех сотен субъектов часть имела статус имперских земель, часть из них считалась самостоятельными государствами. 1470 владений было в руках у рыцарей в различной юрисдикции. Помимо феодальных угодий в состав Священной-римской империи входило 150 городов с разным статусом: имперских и вольных. Длительное существование этих владений в рамках империи способствовало укреплению местного сепаратизма. Габсбурги, занимавшие престол империи, начиная с короля Альбрехта II, привнесли в германские земли новую идею. Говоря словами Эрнандо де Асуна, «один монарх, одна империя и один меч». Идея универсальной монархии, будучи наднациональной, в принципе не способна была привести страны Германии к объединению. Империя была призвана предотвратить политический эгоизм и борьбу между отдельными членами, поэтому малые княжества в тот период принимали равное участие в делах. На практике это размывало естественные границы и не позволяло оформиться единому политико-административному и экономическому центру.

События XVI-XVII вв. еще более замедлили процесс национально-государственной консолидации. Религиозный конфликт между католиками и протестантами быстро приобрел политический характер. Реформация становилась в германских землях средством защиты местных свобод не

только от католической церкви, но и от имперских притязаний Габсбургов. Попытки императора Карла V восстановить вселенское католическое единство способствовали росту сепаратизма в дворянской элите. О моральном облике властителей в 1523 г. Лютер в трактате «О светской власти. В какой мере ей следует повиноваться» писал: «Знай также, что с сотворения мира мудрый князь — птица редкая, и еще более редок князь благочестивый. Обыкновенно они либо величайшие глупцы, либо крупнейшие злодеи на земле; всегда нужно ждать от них наихудшего — редко чего-либо хорошего». Однако именно князья, заинтересованные в укреплении собственных позиций, оказались способными противостоять натиску контрреформации. Личные амбиции, в совокупности с действиями Карла V, подтолкнули и католических и протестантских князей к союзу против подобной политики. Воплощением идентичности позиций католиков и протестантов стал Аугсбургский религиозный мир (1555), закрепивший принцип «чья власть, того и вера». Впоследствии, несмотря на решения Тридентского собора, даже в католических княжествах церковные учреждения оказались под властью территориальных князей.

Возрастанию роли князей способствовали многочисленные военные конфликты. Не считая Тридцатилетней войны, в период от Вестфальского мира 1648 г. до окончания Северной войны в 1721 г., германские княжества с разной долей участия были втянуты в десять крупномасштабных войн, общая продолжительность которых составила 65 лет. Кроме того, на ее территории разразились две крестьянские войны: 1625-1626 гг. — в Баварии и Верхней Австрии; в 1679 г. — в Богемии. Общие демографические потери от Тридцатилетней войны и связанных с нею эпидемий составили в Померании и Мекленбурге не менее 40% населения. По обе стороны от линии Базель — Штеттин лежала 100 километровая полоса, где каждая провинция потеряла по 60-70% обитателей. В таких условиях росла внутренняя миграция, население тянулось из деревни в город, под защиту стен. В итоге, если в 1623 г. в Вюртемберге плотность населения составляла 43 человека на квадратный километр (это приблизительная плотность для всех княжеств), то в 1700 г. в Померании она составила 8, Наймарке — 9, Восточной Пруссии — 12 человек на квадратный километр. Но несмотря на рост городов, доля буржуа в составе населения оставалась минимальной.

Опорой местных монархов в таких условиях стало чиновничество, сформировавшееся из высокообразованных юристов. Преподаватели Галльского, Иенского, Хельмштедтского и других университетов заняли посты советников князей по правовым вопросам (Филипп фон Хемниц в Саксонии, Людвиг фон Зекендорф в Бранденбурге). Как знатоки международного права они выполняли дипломатические поручения. Профессура составила влиятельную группу так называемой территориальной буржуазии, которая начала отделяться от городской торгово-промышленной буржуазии уже в середине XVI в., поставив свое благосостояние в зависимость от крепости княжеской власти. Их трудами была подготовлена юридическая база княжеского абсолютизма, основанного на естественном, а не римском праве. На рубеже XVI—XVII вв. в университетах государственное право стало преподаваться как самостоятельная дисциплина. Возникла теория «камерализма», т. е. меркантилизма на территориальном уровне. Сложилась естественная патриархальная иерархия: Бог — земельный господин — глава семьи. Она строилась на принципе защиты одним человеком (князем) слабых индивидов.

Другой опорой абсолютизма стала армия, прежде всего офицерский корпус. Для мелкопоместных дворян, разорившихся от многочисленных потрясений, служба в княжеской армии стала единственным способом поправить свое благополучие. Военная профессия открывала перед ними возможность замещения государственных должностей, освобождения от фискальных сборов, приобретения имущества. Милитаризация юнкерства привела, в конечном счете, к формированию военно-государственного союза дворянства и монархии. Безоговорочное подчинение дворян интересам князя компенсировалось широкой программой государственной поддержки на местах. К тому же последствием войн стало распространение наемничества. Собственные войска сдавали герцог Брауншвейгский, графы Ганау, Анспах, Вальдек и другие. Доход казны на местах в общей сложности составил 33 млн талеров. После того, как ландграф Гессенский во время войны американских колоний за независимость сдал Англии своих солдат, население княжества сократилось на 8%.

До 1806 г. Габсбурги, стремясь сохранить видимость единства империи, вынуждены были идти по пути редуцирования центральной имперской власти. В 1658 г. Леопольд I даровал

право на самостоятельную политику курфюрстам. Высшими по положению считались восемь курфюрстов. С 1692 г. появился девятый — Ганноверский. Если на съездах курфюрстов ранее проходили только выборы императоров и составлялись так называемые избирательные капитуляции, разграничивавшие компетенции курфюрстов и императора, то теперь они получили право решения всех вопросов общеимперского характера. Кроме того, курфюрстам по наследству принадлежали и некоторые имперские должности. Деятельность сейма, созданного в 1663 г., продолжалась до 1806 г., отчего он фактически институировался в общегерманское государственное устройство. Три курии: курфюрстов, князей и городов — решали вопросы раздачи чинов (генеральских и высших судебных), определяли монетные и таможенные регалы, имперские финансы. С неуклонным падением влияния бюргерских депутатов вся власть сосредоточилась в руках курфюрстов и 98 аристократов — 62 светских и 36 церковных. Так как по традиции столицей империи считалась Вена, а имперский сейм собирался в Регенсбурге, имперский суд — в Ветцларе, то со временем все текущие вопросы стали решаться на местах. В 1658 г. вторая курия провела решение о запрете созыва местных ландтагов и запрете жалоб в общегерманский Рейхстаг. Таким образом, административное подчинение на местах полностью было передано на региональных князей.

В итоге, на территории Германии сложился княжеский абсолютизм с наличием распыленных мелких самостоятельных государств. В Вестфалии на территории в 1200 квадратных миль располагалось 52 государства. Во Франконии на 484 квадратных милях было 29 государств, аналогичная картина и в Швабии. За редким исключением, каждое суверенное государство не превышало площадь в 8 квадратных миль, что, впрочем, не мешало каждому суверену пользоваться всей полнотой власти.

Австрийская держава развивалась как сложный симбиоз народов, правовых и государственных традиций. С конца VIII в. данная территория входила в орбиту франкских интересов, с начала X в. — немецкой колонизаторской политики. Затем путем покупки земель и сложной системы династических браков в состав нового государственного образования вошли районы со славянским, итальянским, французским и голландским населением. В итоге здесь появились соответствующие

традиции, юридические нормы и этнические особенности. На внутреннем рынке отсутствовал метрический стандарт, существовали разнообразные формы земельных отношений, имели хождение различные денежные единицы: австрийские фунты и шиллинги, голландские и венгерские гульдены, немецкие талеры, зальцбургские дукаты. Перед австрийскими монархами, таким образом, стояла почти неразрешимая задача: унифицировать нормы права и государственные институты, традиции, включая языковые.

Участие в различных военно-политических конфликтах, возникших в результате династических или союзнических обязательств, стало постоянным фактором развития австрийской монархии. Прямым следствием подобной практики была крайняя зависимость монарха от состояния казны, а точнее, от ростовщиков и банкиров. Предоставленные кредиты корона гасила раздачей государственных должностей, природными ресурсами и ленными владениями. Представители банкирских домов Фуггеров, Кохштеттеров, Вальзеров, Имхофов, Оппенхаймеров со временем превратились в мощную олигархическую прослойку, ставшую серьезным сдерживающим фактором развития и капитализма, и абсолютной монархии. Обратной стороной процесса стало господство в промышленности и торговле не национального капитала, а в основном немецкого (ганзейского). Одна из первых собственно австрийских мануфактур по переработке шерсти открылась в Линце только в 1672 г. В 1676 г. году возникла первая частная табачная мануфактура в Энее, в 1697 г. — фабрика по производству шелка в Вене. Еще медленнее развивались окраины. Так в Словакии в 1825 г. значился единственный мануфактурист словак, а в Венгрии и Трансильвании национальной промышленной буржуазии не возникло. Все это приводило к неравномерности экономического развития отдельных частей страны, консервации феодальных отношений в деревне и корпоративному строю в городах. В целом слабое развитие новых социальных слоев усиливало влияние на абсолютизм старых сословно-феодальных институтов.

Становление австрийского государства, как единого территориального образования, традиционно связывают с именем эрцгерцога Максимилиана. Объединенные им земли и стали называться собственно Австрией. Обладание потенциально самыми большими экономическими и людскими ресурсами Европы, объективно выдвигало австрийских монархов на роль

политического гегемона Европы. Вследствие этого возникала некая двойственность государственного строительства. Оно развивалось по пути укрепления наследственных владений и по пути создания универсальной Священной Римской империи. Отчасти склонность к универсализму объяснялась слабостью национального, собственно австрийского, элемента в политической элите страны. Самого Максимилиана вряд ли можно назвать «чистокровным» австрийцем. Среди пяти поколений его предков значатся 30 иностранцев, включая итальянцев, французов, англичан, русских, португальцев, немцев, литовцев и поляков.

Чтобы укрепить внутреннее единство государства, корона была вынуждена либо германизировать окраины за счет передачи сеньорий австрийским и немецким дворянам, либо расширять привилегии местных землевладельцев. Круг льгот, предоставленных монархом второму сословию, был довольно широк. Оно было освобождено от уплаты налогов, несения обязательной воинской службы, обладало правом личной неприкосновенности, монополией на занятие высших должностей, избирательным правом. До 1680 г. монархи не вмешивались во взаимоотношения крестьян и помещиков. Города, находящиеся в ленных владениях, если они не считались имперскими, попали в фактическую или юридическую зависимость от феодалов. На местах дворянство сохранило средневековые земские институты: государственные собрания и комитаты в Венгрии и Трансильвании, сабор в Хорватии, сейм в Чехии и Галиции. Несовершенство центрального административного аппарата привело к значительной самостоятельности и экономической независимости аристократии: Кауницы, Коловраты, Ауэрспеги, Турны — в Австрии и Чехии; Бетлен, Эстерхази, Телеки, Банффи Каройи, Палффи — в Трансильвании и Венгрии (всего в Австрии насчитывалось около 500 знатных родов). Постепенно укрепляя свои позиции, они тем самым препятствовали этно-национальному и экономическому объединению страны. Силезское, моравское, чешское, венгерское дворянство долгое время сохраняло земские интересы.

Специфической стороной развития Габсбургской монархии стало увеличение роли религиозных общин при относительной самостоятельности последних от государственной власти. Такое положение сложилось в результате активной миссионерской деятельности церкви в союзе с королем. Укреплялись и создава-

лись новые монастыри и другие центры католицизма. До первой половины XVIII в. в этих землях насчитывалось 250 монастырей, коллегий, резиденций различных католических орденов: иезуитов, бенедиктинцев, не считая белого духовенства. Наиболее мощным был орден иезуитов, имевший в австрийских землях 26 коллегий, 25 семинарий, 13 резиденций, 12 комиссий. Зачастую церкви на местах являлись единственным источником культурных связей между населением. Однако до середины XVIII в. австрийская католическая церковь не стала по-настоящему государственной структурой. До 1690 г. курия подчинялась непосредственно Ватикану. Первым ограничением стал патент Леопольда I, обязавший все католическое духовенство выплачивать в казну часть податей. И только в период просвещенного правления Марии Терезии и Иосифа II церковь была поставлена под контроль государства.

С другой стороны, для защиты своих границ Габсбурги использовали народы, пострадавшие от турецкого нашествия. Из них формировались, так называемые, граничарские полки. Такими народами стали сербы, хорваты и вlahи. В конце XVII в. на юге Венгрии было поселено 200 тысяч человек во главе со своим патриархом Арсением Черноевичем. Так возникли Сербска Краина, Воеводина. Сербскому духовенству были даны имперские привилегии на создание собственных школ, церквей и монастырей. Православному клиру были пожалованы земельные владения, предоставлен ряд льгот в налоговом обложении. Там, где не удавалось консолидировать местное население вокруг католического клира, определенную поддержку государства получали протестанты. Так, в Венгрии и Трансильвании обосновались кальвинисты и лютеране. Для контроля и руководства этими приходами было создано специальное государственное учреждение — консистория. Наличие многих конфессий в католическом, по существу, государстве стало реальностью. Корона сознательно пошла на законодательное оформление льгот, включая религиозные свободы. Лишив себя важных инструментов усиления власти — налогов и идеологии, Габсбурги закрепили средневековые магистратуры и административный аппарат. Структура общества в австрийской монархии юридически сохранила сословный характер с сопутствующим ей партикуляризмом вплоть до революции 1848 г.

С XVI в. в Восточной Европе складывается модель так называемой шляхетской демократии. Польша — не единствен-

ная страна, где существовали предпосылки для появления государства такого типа. В начале XVI в. схожая ситуация складывалась в Чехии, Венгрии, Валашских княжествах, Саксонии и даже Бранденбурге. Главная проблема Польши вращалась вокруг централизации. Однако здесь существовало два уровня противостояния. Первый — между Польшей и национальными меньшинствами: литовцами, белорусами и украинцами. Второй, как и у любого другого европейского абсолютистского режима, — между государственной властью и произволом вельмож. Одной из главных причин верховенства олигархических группировок над монархией стал специфический процесс социальных преобразований.

Из-за господства ганзейских купцов в патрициате польских городов, собственного польского бюргерства не возникает. Отличаясь языком, культурой и обычаями, защищая, прежде всего, интересы своего союза, а не польского государства, эта категория самоустранилась от политической жизни страны. Этим воспользовалось дворянство, запретив приобретать в городское или частное владение фольварки и близлежащие деревни. Тем самым была закреплена исключительно цеховая организация в городе и пресечена возможность развития мануфактурного производства за его стенами. Наконец, в 1496 г. магнаты и шляхта получили монопольное право на производство и продажу основных статей польского экспорта — хлеба и спиртных напитков, одновременно освободившись от всех видов таможенных сборов. Таким образом создалась сильнейшая внутренняя конкуренция, приведшая в конечном итоге к упадку городов Великой Польши. Если через Гданьск в начале XVII в. только хлеба вывозили до 100 тысяч ласт в год (200 тысяч т), то к концу века эта статья не превышала нескольких т.

Экономические и политические привилегии способствовали росту удельного веса шляхтичей в социальной структуре общества. В XVIII в. шляхтичей насчитывалось уже до 8-10% от общего числа граждан. При всех внутренних экономических и политических разногласиях шляхта обладала ярким сословным самосознанием. Ян Длугош, Матвей Маховский, Бернард Вановский, Мартин Вельский, Матвей Стрыйковский и другие мыслители заложили основы особой шляхетской идеологии, основанной на мифе сартитизма (представлении о сарматском происхождении польских дворян). Шляхта проповедовала

этническую и религиозную ксенофобию, культ «шляхетских вольностей», ретроградность в быту и поведении, представляемому как «благородный образ жизни».

Господство дворянства при разорении бюргерства поставило Польшу на путь затяжного экономического кризиса. Одним из его проявлений стало усиление феодального гнета. Первыми пошли по этому пути монастыри. Во второй половине XV в. Сецеховский монастырь перевел на фольварочную систему 8 из 24 деревень, Звезжинский — 8 из 33, Тынцевский — 28 из 74 и Краковское епископство — 49 из 225. В 1518 г. сеймик Вилюньской земли предписал крестьянам один день в неделю отрабатывать барщину. Торуньский и Быдгошский сейм 1519—1520 гг. распространили подобную практику — еженедельную барщину на все земли королевства — дворянские, коронные, монастырские. С 1543 г. свободный переход крестьян — кметов стал совсем невозможен.

При последних Ягеллонах возможности короны не отличались от схожих прав других монархов Европы. Смерть короля, не оставившего наследника мужского пола, стала началом деградации королевских прерогатив. В то время как для любой монархии преемственность является главным критерием легитимности власти, новый король был избран. Чтобы обрести опору, Сигизмунд Август был вынужден искать союзников в группировках. Обычно в странах Западной Европы опорой короля была родовитая знать, зачастую родственники, что позволяло использовать ресурсы страны в династических интересах. Сигизмунд сделал ставку на самую богатую часть общества. В совокупном исчислении это были не магнаты, а среднепоместная шляхта. Но именно она стала носителем идеи «экзекуции прав» короны.

Следующий кризис власти совпал с Реформацией. Сигизмунд III, чтобы не допускать возможного религиозного раскола, наделил шляхту новыми льготами. Очередной король был французским принцем. Генрих Валуа обязался предоставить максимальные льготы всем лицам, его поддержавшим. Так родились «Генриховы артикулы». В этих условиях шляхте удалось суммировать свои права и вольности, закрепив их законодательно. Ограничив сферу власти короны, шляхта из своего общегосударственного представительства — сейма, создала главный законодательный орган контролирующий короля. Шляхта вывела из-под контроля государства суды, создав, как

высшие инстанции, в 1571 г. трибуналы сейма. В сейме были установлены крайне негативные процессуальные нормы. Среди них: единогласное принятие решений, не установленный порядок заседаний, многочисленные инструкции, регулировавшие поведение и деятельность депутатов. Все решения принимали провинциальные сеймики, хотя при этом отсутствовали механизмы взаимодействия государственного сейма и местных структур. Король не имел права без одобрения сейма решать вопросы внешней политики, иностранные миссии не имели постоянного представительства при дворе, военная власть осуществлялась только на поле боя. Эти ограничения фактически парализовали процесс создания исполнительных органов государства. Институт сенаторов — резидентов, только через два века превратился в постоянный совет при короле. Совет был не велик — всего 4 человека. Сейм 1538 г. запретил короне без одобрения выборных принимать законы, а сейм 1563-1564 гг. запретил короне содержать постоянную армию и взимать на ее содержание налоги. В итоге доходов казны хватало во второй половине XVI в. только на 4 тысячи иностранных солдат, в 70-х гг. XVII в. — на 18 тысяч, в 20-х гг. XVIII в. — на 24 тысячи. Сверхнаемных войск у Польши были нерегулярные, так называемые, реестровые казачьи части. Таких частей, собранных по курениям, Польша могла набрать несколько десятков тысяч. Но так как казна не успевала оплачивать их содержание, очень скоро казаки перестали отзываться на коронные призывы к войне. Еще одной составляющей войска было шляхетское конное ополчение. Оно собиралось от случая к случаю, и его численность колебалась от нескольких тысяч до нескольких сотен.

Реально в польском государстве сложилось двоевластие: созданный по конституции 1505 г. сейм и король. О силе монархии в XVII в. спорили многие видные дипломаты. Представители Франции считали, что она слаба, папские дипломаты утверждали, что власть сильна. Но точнее всех сказал итальянский политик Джованни Ботеро: «Король имеет столько власти, сколько дает ему собственная изворотливость и ум». Основания для такого утверждения были. Во-первых, король созывал сейм и без его присутствия ни один написанный и принятый закон не имел силы, хотя формально все законы издавались от имени короля. Во-вторых, король назначал на должности, дающие право на сенатское кресло, а это были воеводы и каштеляны областей и провинций. Сначала таких должностей было

87, затем, после присоединения к Польше Мазовии — 94, после Люблинской унии 1569 г. число сенаторов достигло 140, и, наконец, к началу XVII в. таких сенаторов стало 150 человек. Обычно эти должности распределялись между магнатскими родами. Должности эти считались пожизненными, а изгнание из сената и лишение управления землей было обусловлено только государственной изменой, что фактически делало сенаторов независимыми после назначения. Однако воеводства и каштелянства не являлись равными по авторитету и доходу, которые приносили своим правителям. Король мог продвигать свою креатуру от пожалования к пожалованию, делая ее заинтересованной в поддержании короны.

Схожие возможности открывались при назначении в 16 епархий. Епископу подчинялись все местные ксендзы — проповедники, учителя и наставники шляхты. Именно ксендзы отвечали за моральный климат в среде провинциального дворянства. Епископы, обладавшие большими поместьями, сдавали их в управление местной шляхте, что ставило последних в материальную зависимость. Принимая во внимание авторитет церкви, подкрепленный солидными имущественными владениями (16% прусских деревень, 14% малопольских и 9% мазовецких), то отношение церковной курии к короне становится одним из определяющих факторов королевского влияния в обществе. И, наконец, все 16 епископов заседали в сенате. Формально епископа утверждали капитулы, но король мог указать желаемого кандидата. Таким образом, король располагал значительным числом государственных должностей. Кроме того, король мог влиять и на рядовых депутатов. Так как в административном устройстве Польши, а именно, в землях, воеводствах и поветах существовали сотни так называемых титулярных должностей, король мог награждать шляхту этими должностями. Например, стольники, подстольники, чашники, подчашие, войские и т.п. С точки зрения политического авторитета или материального благосостояния, все эти должности ничего не значили, но были исключительно важны для шляхетского самосознания. Как писал Адам Мицкевич: «Борзой пес без хвоста, как шляхтич без должности».

Король владел 1/6 всей пахотной территории и мог даровать имения за хорошую службу. Эти пожалования были пожизненные, но не вечные. Для мелкой шляхты существовали солтыства (деревеньки), предприятия (мельницы, плавильни).

Однако уже в первой половине XVI в., в силу несовершенства налогового аппарата, корона начинает распродавать королевский домен. К концу века в казне осталось не более 10% всех пахотных земель, и одаривать сторонников монархии стало нечем. В целом, чтобы лавировать между различными группировками и проводить собственную политику королю были необходимы и известная дальновидность, и хитрость.

Антиподом абсолютизму выступал двухпалатный сейм, состоящий из сената и посольской избы. По традиции палаты назывались двумя сословиями (третьим сословием в сейме считался король). Действовало правило единогласного решения вопросов, а с 1661 г. это правило, включая «либерум вето», было распространено и на местные сеймики, превратив законодательный орган в арену политической борьбы магнатских группировок. Таким образом, на протяжении XVII-XVIII вв. сохранялась тенденция усиления магнатской олигархии, что фактически привело к превращению единого государства в конгломерат феодалных провинций. В результате при слабых королях, именно магнатские круги определяли внешнюю и внутреннюю политику государства, и способствовали, в конечном счете, потере политической самостоятельности и развалу страны. Избрание на трон Станислава Понятовского («плебей» на троне), стало поводом для первого раздела Польши между Россией, Пруссией и Австрией.

Рубеж XVIII-XIX вв. явился периодом сильнейших потрясений для абсолютистских режимов в Европе. Французская буржуазная революция привела к крушению старейшей монархии. Революционные войны и походы Наполеона I ликвидировали наследственную власть в Швеции, и напротив, восстановили монархический режим в Голландии. С политической карты как независимое государство исчезла Польша. Век индустриализации выдвинул на ведущие позиции в обществе представителей промышленно-финансового капитала, заставляя монархии обрести различные буржуазные институты: хартиями, конституциями, кодексами. Сохранившиеся монархии эволюционировали. В ряде стран абсолютные монархии превратились в дуалистические, где за парламентами закрепилась законодательная, а за короной исполнительная инициатива. В XIX в. процесс модернизации политических структур продолжился, приведя к возникновению парламентарных монархий, при которых «король царствует, но не правит», и различных буржуазных республик.

5 Становление конституционной модели государственности

Предпосылки формирования конституционализма, как нового типа государственно-правового устройства общества

В XVIII-XIX вв. в западной традиции государственного строительства оформилась либерально-конституционная модель. Становление либерального конституционализма явилось результатом длительной эволюции правовых и политических основ общества. Он был порожден процессом модернизации и отражал глубинные изменения в системе социальных отношений, правосознании и политической психологии. Складывание гражданского общества, эмансипация личности и индивидуализация сознания выдвинули на первый план идею освобождения гражданина от угрозы деспотических режимов и внешнего вмешательства в частную жизнь, утверждения договорного характера государственности и закрепления принципа народного суверенитета.

Динамика формирования либерально-конституционной системы правоотношений зависела от скорости и специфики утверждения капиталистических отношений и новых социальных структур. В тех странах и регионах, где исторически сложились прочные сословно-корпоративные отношения и традиционное понимание законов и свобод, развитие конституционализма оказалось замедленным или вообще неосуществимым. И, наоборот, в странах, где отсутствовал единый политико-образующий центр, или которые первоначально существовали как колониальные владения других государств, и власть «не обросла» собственной бюрократией, армией, централизованной системой судопроизводства, парламентские формы оформлялись значительно быстрее. Не случайно, что именно Швейцария и Соединенные Провинции Нидерландов,

находившиеся до начала XVI в. в составе Священной Римской империи, английские колонии в Северной Америке и латиноамериканские колониальные владения Испании и Португалии стали «плацдармом» в закреплении новых форм государственности и правоотношений.

Основы парламентного устройства зародились в недрах сословно-представительных монархий. Еще до XVI в. проблемы происхождения и сущности власти, прерогатив королевской власти и права народа на отстаивание своих «вечных свобод» были в центре полемики европейских мыслителей. Изначально, представление об исключительности королевской власти объединяло как сторонников абсолютизма, так и тираноборцев. Для первых эта идея означала принципиальный отказ от любых форм народного суверенитета, для вторых — подчеркивала особую ответственность монарха перед обществом и право народа на восстание против тиранов, отказавшихся выполнять «договор». Многие христианские идеологи доказывали, что высшая духовная власть была передана Христом именно Церкви, как сообществу верующих, а потому государство вообще не может рассматриваться как суверенный институт, независимый от норм морали и требований Божественного закона.

В качестве важной предпосылки формирования конституционализма могут рассматриваться и традиции обычного права, сохранявшиеся во многих регионах Европы даже в период ранней модернизации. Именно обычное право, нерегламентированное законом и отражающее исторически укорененные нормы взаимоотношения людей, стало благодатной почвой для утверждения идеи естественных прав и свобод. Огромную роль в этом процессе сыграли английские традиции «общего права» и «права справедливости». Не случайно, что еще в 1215 г. Великая хартия вольностей впервые юридически закрепила право человека на освобождение от ареста, лишения собственности и изгнания без судебного приговора пэров и в нарушение законов страны.

Швейцарским вариантом закрепления подобных «исконных вольностей» может служить решение Швицкого мирского схода 1294 г. Желая защитить общину от посягательств со стороны дворянства и духовенства, его участники постановили под угрозой изгнания запретить передачу земельной собственности иностранцам и монастырям, включая перерас-

пределение имущества между общинниками. После событий Реформации и наполеоновских войн новые регламентации 1814 г. закрепили принадлежность земель только за потомками исконных обитателей. Тем самым традиционные вольности были законсервированы на уровне внутриобщинных отношений.

В североамериканских колониях первым прообразом закрепления естественных свобод стал договор 1620 г., заключенный «отцами-основателями» в поселении Новый Плимут. Он предусматривал жесткую систему коллективных отношений, признание за «гражданским обществом» права на оформление законодательной базы, включая свободы совести, слова, волеизъявления и прочее.

Для утверждения конституционной модели государственности важное значение имело сохранение традиций коллегиального законотворчества, возникших еще в средневековых сословно-представительных парламентах и магистратах. Даже в условиях перехода от сословно-представительной к абсолютной монархии парламенты и магистраты сохраняли свою значимость. Их деятельность позволяла говорить о постепенном формировании смешанного типа правления, где парламент олицетворял собой принцип представительного правления, а монарх — единоличного.

В Швейцарии смешанное правление, по большей части формальное, выражалось в наличии императорской власти. В Нидерландах представительное правление формировалось в Генеральных Штатах, а единоличное отождествлялось со стадхаудерами — наместниками Испанского короля. Политическое управление в колониях отражало политическую действительность метрополий. Король и губернаторы олицетворяли монархическую ветвь власти, колониальные ассамблеи — представительную. По понятиям XVIII в. подобное правление могло быть названо даже республиканским. Согласно широко распространенному мнению, республикой считалось государство, в котором носителем власти был не один, а два и более субъектов.

В Северной Америке демократические начала «смешанного» правления были ограничены в большей степени. В канун войны за независимость только в небольших корпоративных владениях Род-Айленд и Коннектикут власть губернатора была выборной, в остальных они утверждались короной и собственниками

колоний. Губернаторы наделялись правом абсолютного вето, могли созывать и распускать по своему усмотрению ассамблеи, назначали или утверждали по представлению нижних палат советы провинций, т. е. располагали рядом прерогатив, которые корона к тому моменту утратила в самой Англии. Вместе с членами советов губернаторы часто выступали в качестве верховной судебной власти провинции.

Второй ветвью были провинциальные советы — верхние палаты ассамблей. Они были крайне немногочисленны — от 12 до 18 человек в каждой. Двухпалатные законодательные ассамблеи сложились в Северной Америке не сразу. Поначалу в некоторых из них советы заседали совместно с нижними палатами. Однако социально-политическая элита по мере своего укрепления в провинциях попыталась добиться отдельного представительства в верхних палатах. Так, в Массачусетсе члены совета выделились из ассамблеи (Всеобщей палаты) в 1644 г., в Мэриленде — в 1650 г. В канун революции советы выделились в аристократическую ветвь власти, которая совместно с губернатором представляла небольшую, но имущую категорию граждан с полным набором политических привилегий. При этом в экономически более развитых штатах, а это Массачусетс, Коннектикут, Род-Айленд, верхние палаты были более свободны, так как их члены не зависели в денежном отношении от своего губернатора. Нижние палаты, так называемая «демократическая» ветвь власти, в сравнении с советами были гораздо более многочисленны. Так в Массачусетской Всеобщей палате насчитывалось около 100, в Вирджинийской палате бургесов (самой старой Ассамблее, основанной в 1619 г.) — около 75, в палате делегатов Мэриленда — около 50 человек. Но от выборов в законодательное собрание были отстранены женщины, слуги, рабы и индейцы, составлявшие 3/4 населения колоний.

Предпосылкой создания парламентских форм государственной власти следует признать сохранение в ряде стран народного представительства на местах и закрепление за этими органами законотворческих инициатив.

С момента возникновения союза в так называемых вольных землях (Ури, Швиц, Обвальден, Нидвальден, Герсау, Гларус, Аппенцель) зарождается народное законодательство в Швейцарии. С XIII-XIV вв. население этих земель вырабатывало свои законы на мирских сходах. Поскольку мирские сходы были

одновременно сходом общинников, т. е. экономически равноправных, то за ними закрепилась почти полная экономическая и политическая независимость. На месте существования одной общины в дальнейшем сложился один кантон, а мирской сход стал государственным органом.

Второй тип сходов был распространен в больших провинциях. Свое начало они берут с 1439 г. в земле Берн. В результате Цюрихской войны, когда выросли долги городаерна общинникам близлежащих деревень, город был вынужден взамен предоставить народу право на участие в управлении территориями. В XVI в. эти представительства оформились законодательно. Они решали вопросы союзов с иностранными государствами, реформации и веры, безбрачия священников и другие проблемы, имеющие отношение к повседневной жизни. В собрании участвовали все мужчины с 14 лет, но голосовали только «за» или «против». Каждому округу — амту, не зависимо от числа проживающих в нем людей, принадлежал один голос. Послы от амтов, приезжая на общий совет, передавали, таким образом, общее решение народа. Только после общего схода проекты принимали вид законов, обязательных для всех. Такой порядок просуществовал здесь до 1653 г., когда в результате победы над землей Во город по сравнению с провинцией усилился, и советы были ликвидированы. Аналогичная система сложилась в Валлисе. Вся территория была разбита на так называемые десятки, или на державные земли (12 субъектов). В каждом субъекте общий сход обсуждал вопросы, вынесенные на голосование. Затем делегаты на общем сходе объявляли о принятом на местах решении. Равное представительство (один голос) в кантональном сходе было обусловлено тем фактом, что еще с древних времен на территории Валлиса проживали десятки малых народов, говоривших на столь различных немецких диалектах, что порой возникали сложности в понимании друг друга. В землях сложились разные обычаи и занятия. Что в одном десятке делали только женщины и считалось несовместимым с мужским достоинством, то в другом десятке делали только мужчины и т.п. Равенство голосов, таким образом, было призвано сдерживать внутреннюю неприязнь и соответствующий сепаратизм. В кантоне Граубюнден, который представлял собой не что иное, как союз трех земель, и в Цюрихе распространилась похожая схема.

Реформационные учения также внесли свою лепту в процесс консервации низовых представительных органов. Кальвинистское учение о предопределении доказывало, что участь всякого христианина определена Богом, и верующий ни собственными силами, ни с помощью церкви не в силах изменить предопределение. Божье избрание обрекает одних на спасение, а других на вечное мучение. Избранные являются «рукою Господа», а в их деятельности вершится Божий промысел. Тем самым, кальвинизм создавал в общинах верующих совершенно новый эпицентр власти, несвязанный ни с государством, ни с церковью. Персонификация ответственности перед Богом требовала персонификации плодов собственного труда, а в политической жизни — индивидуального участия. То есть ни церковь, ни король, а только сами верующие, в том числе через представительные органы, могли обезопасить себя и свои семьи. Закономерно, что парламентские основы утвердились в регионах с преобладающими реформационными учениями: Англия, Швейцария, Нидерланды, США.

**Становление
модели
в эпоху
либерально-конституционной
государственности
буржуазных революций**

Эпоха буржуазных революций принесла с собой оформление новых государственных органов и политических концепций. В этой связи особое место занимает период XVII-XVIII вв. В северных провинциях Нидерландов по завершении войны за независимость закрепился республиканский государственный строй. В Англии две революции, так называемые «кровавая» и «славная», привели к оформлению парламентской модели монархии, сохранившийся по сей день. В США и Латинской Америке в ходе войн за независимость были заложены основы республиканского федерализма. Синхронные революции XIX в., совпавшие с завершением промышленного переворота, способствовали окончательному оформлению новых форм государственного устройства. По итогам этих революций формируются два типа государств, пришедших на смену абсолютистским конструкциям: первый — конституционные (парламентские) монархии, второй — представительные республики.

Английская революция завершилась победой индепендентов. Провозглашенный ими республиканский строй вскоре сменился режимом протектората. Малый парламент прекратил свое существование 12 декабря 1653 г. На следующий день Совет офицеров армии по договоренности с Кромвелем представил Государственному совету проект конституции, которая вошла в историю как «Орудие управления». В соответствии с этим документом, 16 декабря 1653 г. Оливер Кромвель был признан лордом-протектором Англии. В правовой традиции европейского общества впервые законодательно оформился один из основополагающих принципов парламентаризма — разделение властей.

В соответствии с новой конституцией, исполнительная власть в лице протектора получала широкий спектр полномочий. Протектор мог назначать должностных лиц, объявлять помилования (кроме лиц, обвиненных в государственной измене), издавать указы, имеющие силу закона, созывать и распускать парламент. При этом с формальной точки зрения власть протектора была серьезно ограничена. Он занимал свою должность после утверждения в Государственном совете, не мог без согласия Совета распоряжаться вооруженными силами, решать важнейшие вопросы внешней политики: заключать союзы, объявлять войну и прочее. На деле взаимоотношения были иными. Протектор имел решающий голос при формировании самого Совета, что, естественно, не мешало ему назначать туда лиц истинно ему преданных. Законодательная власть находилась в руках парламента. Используя старую формулу о народном суверенитете, конституция провозглашала верховными ветвями власти протектора и народ, представленный в парламенте.

Однако в английской традиции республиканские устои не прижились, и 25 апреля 1660 г. конвенционный парламент принял решение, что в соответствии с древней конституцией королевство Англия должно состоять из короля, лордов и представителей общин.

Одна из причин возврата к монархическим формам государственного устройства коренится в специфике английского права. Основным источником английского права является прецедент — норма, сформулированная судьями и изложенная в судебных решениях. Английское общее право развивалось по принципу «право там, где есть защита». При этом сложи-

лась практика, что парламентские процедуры сами по себе являются «специфическим правом» — законом парламента. Спикер палаты, принимая решения, выступал как судья, тем самым создавался прецедент, становившийся также одним из положений общего права.

На первых порах корона пыталась сохранить видимость «смешанного правления». Для этих целей 31 мая 1660 г. создается Тайный совет, куда вошло сначала 24, а потом 50 человек. Совет считался официальным собранием королевских министров и в нем были выделены комитеты: парламентских процедур, иностранных сношений, торговли, адмиралтейства, флота, милиции и прочие. Подбор кандидатур на министерские посты осуществлялся на паритетных началах: половина — от палаты лордов и палаты общин, а половина — «независимые» лорды. Все члены правительства должны были обладать независимым состоянием и репутацией.

Законодательное оформление деятельности парламента связано с конкретными актами. «Трехгодичный акт» 1641 г. ограничил трехлетним сроком перерыв между созывами депутатов. В дальнейшем этот закон дважды подвергался редактированию (1664 и 1694). В последнем варианте корона несла персональную ответственность за созыв с точным определением сроков сессии. В 1716 г. при Георге I был установлен семилетний срок работы парламента. Эти акты позволили встроить парламент в систему государственных институтов, сделать его постоянно действующим. В 1696 г. парламента взял на себя обязательства шестимесячного правления по смерти короля, т. е. до созыва нового парламента.

Параллельно с реорганизацией государственных органов, дальнейшее оформление получили нормы права. В 1673 г. парламентарии приняли так называемый «Тест-акт», смысл которого сводился к введению обязательной присяги для всех занимающих важные государственные должности. С четвертой попытки был принят «Habeas corpus act». Он вносился на обсуждение в 1668, 1670, 1673, и только новое вигское правительство утвердило его в 1679 г. Этот акт, развивая принципы Великой хартии вольностей, требовал, чтобы в случае ареста, любому задержанному было предъявлено обвинение. Каждый арестованный (кроме совершившего тяжкие уголовные преступления: убийство, поджог и государственную измену) мог требовать судебное предписание и разбор дела. Кроме того,

разрешалось отпускать под залог до суда (кроме обвиненных за долги) и запрещалось ссылать английских граждан в колонии (на деле в последующие годы было принято около десятка законов, позволявших ссылать осужденных по различным статьям; наиболее одиозным был закон 1718 г., который постановил, что все «лица без занятий в возрасте моложе 21 года, которые могут оказаться ворами» подлежат ссылке в колонии).

1688 год подвел итоги радикальных общественных изменений в Англии. «Славная революция» высветила не только уже сложившийся новый баланс собственности, о чем в свое время рассуждал Гаррингтон, но и наличие единства, правда, построенного на компромиссе, в среде политической и экономической элиты страны. И земельная аристократия, и новое дворянство, и торгово-финансовая буржуазия доросли до осознания общности интересов. Важнейший компромисс воплотился в «Билле о правах» 1689 г., закреплявшем всю полноту законодательной власти за парламентом, лишавшем короля каких-либо законодательных прерогатив. Идеологический компромисс выразился в «Двух трактатах о правительстве» Джона Локка. Они были написаны задолго до революции, но получили огласку и были признаны как господствующая идеология после 1688 г. В трактатах как естественное и неотъемлемое право людей признавалось право собственности и право формировать правительства.

Взаимоотношения короны и парламента в XVIII в. достигли своего законченного вида. В соответствии с «Биллем о правах», король лишился права абсолютного и суспензивного вето. «Акт о мятеже», принятый в 1689 г. и подтвержденный вновь, запрещал королю набирать армию в мирное время. «Акт об устройении» 1701 г. пресекал какие-либо возможности восстановления династии Стюартов, а в более глобальном значении поставил корону в прямую зависимость от парламента. После 1660 г. контроль за расходованием бюджетных средств также взял на себя парламента. Корона получала от парламента фиксированное содержание. В 1697 г. появляется так называемый «цивильный лист», который входил отдельной статьей в государственные расходы. В 1760 г. при Георге III доходы государства были отделены от доходов монарха окончательно, и «цивильный лист» приобрел законченную форму. Он содержал примерно 100 статей, где конкретно обозначались суммы на содержание фамилии: 100 тыс. — на содержание двора,

40 тыс. — на дипломатическую службу, 80 тыс. — на жалование и пенсии, начиная с лорд-канцлера. За двести лет объемы содержания сократились в четыре раза. Если Карлу II выплачивали 1 млн 200 тысяч, то королеве Виктории, на чье правление приходится расцвет Британского государства, — всего 385 тысяч на мелкие прихоти. Другими словами, королевская власть стала зависеть от правительства и в финансовом отношении. Таким образом, в английском варианте оформилась парламентская монархия, при которой «король властвует, но не правит».

Другая форма государственности — республиканская, возникла на американской почве. К середине XVIII в., английские колонии в Северной Америке, представляли результат специфического развития экономической и социальной среды. С отправки в 1617 г. первого рейса с американским табаком, колонии были втянуты в чрезвычайно выгодную океанскую торговлю, вследствие чего процесс капитализации экономики здесь был выше, чем в Европе. Отсутствие устоявшихся феодальных отношений в обществе стимулировало столь же быстрое формирование новых классов и аккумуляцию в руках промышленников, торговцев и землевладельцев солидных капиталов. Кроме того, значительное число переселенцев из континентальной Европы принесло с собой остро негативное отношение к любым монархическим формам правления.

Первым юридическим документом нового государства считаются Статьи конфедерации, принятые Континентальным конгрессом 15 ноября 1777 г. и вступившие в силу 1 марта 1781 г. Поскольку еще майская резолюция 1776 г. континентального конгресса даровала «каждому штату такую форму правления, которая благоприятствует всему американскому народу», то, естественно, в каждом штате была принята собственная конституция. У всех этих конституций, между тем, прослеживается целый ряд общих положений. В них полностью исключался принцип «смешанного правления», так как ликвидировались аристократические элементы власти — королевские губернаторы. Кроме того, подверглись пересмотру принципы разделения властей. В отличие от «смешанного правления» в монархиях, где власть была рассредоточена между разными социальными слоями, разделение властей предполагало отделение исполнительной, судебной и законодательной власти друг от друга без учета социальной принад-

лежности представительных лиц. В колониальный период это означало подавление исполнительной властью других ветвей. Конституции штатов пересмотрели данный принцип в сторону максимального возвышения законодательной ветви. Избиратели округа Бусбей штата Массачусетс доказывали, что должности губернатора и вице-губернатора «излишни в свободном государстве». Естественно, что все штаты отвергли идею центральной исполнительной власти. Вместо этого в каждом штате создавался исполнительный совет. В Нью-Йорке, Вермонте, Род-Айленде, Пенсильвании и Коннектикуте главы исполнительной власти избирались законодательным собранием.

Американские губернаторы колониального периода контролировали деятельность ассамблей при помощи абсолютного вето. Большинство конституций штатов лишили теперь исполнительную власть не только абсолютного, но и суспензивного вето. Более того, конституции штатов одновременно передали легислатурам многие традиционные для исполнительной власти функции: объявление войны и заключения мира, назначение должностных лиц, в том числе казначея, членов исполнительного совета, судей, право помилования. В большинстве штатов вводились максимально частые выборы. В Пенсильвании, Делавэре и Нью-Йорке — раз в три года, в Южной Каролине — раз в два года, во всех прочих ежегодно. Аналогичное отношение к исполнительной власти было закреплено и на общегосударственном уровне. Отождествляя любую форму центрального правительства с деспотизмом, многие американцы соглашались закрепить за континентальным конгрессом — общеамериканским органом, только минимальные полномочия. На континентальном конгрессе 1776 г. для выработки национального соглашения была создана комиссия под представительством Диксона, где специально оговаривались границы национального института власти. В результате получился документ, декларирующий, что «каждый штат сохраняет суверенитет, свободу и независимость» в осуществлении прав «определенно не делегированных Соединенным Штатам». Поскольку о верховенстве Конфедерации в проекте не упоминалось, штаты получили практически полную независимость. На бумаге у конфедеративного конгресса были внушительные полномочия. Это так называемые «исключительные права». К ним относились: решение вопросов войны и мира, вступление в международные соглашения, определение

курса и количества, находящихся в обращении денег, — все они были перечислены и строго оговорены. Вместе с тем, для реализации «исключительного права» требовалось согласие 10 из 13 штатов. Центральный орган был лишен права вводить новые налоги и ввозные пошлины, что превращало этот орган во власть без кошелька, и ставило его в роль постоянно-го просителя. У центрального органа было право арбитража всевозможных споров между штатами, но он не располагал средствами принуждения к исполнению своих решений, и был вынужден полагаться на добрую волю местных правительств. Только в 1781 г. конгресс отважился в обход статей конфедерации создать иностранный, военный, военно-морской и финансовый департаменты. Во главе каждого был поставлен постоянный секретарь. Сам конгресс состоял из одной палаты, ее депутаты (от 2 до 7 человек от штата) ежегодно сменялись легислатурами, и могли быть в любой момент отозваны.

На деле сложилось не одна страна, а конфедерация независимых государств. Объективно конфедерация как форма государственного устройства не может развиваться самостоятельно длительное время. Как правило, такое устройство без единой армии, законодательства, администрации, публичной власти, судов, со временем либо распадается на ряд суверенных государств, либо вынуждено менять правовые основы своего существования. Однако появление подобных союзов взамен полновесных государств вполне закономерно на раннем этапе строительства представительных структур.

В Швейцарии и Нидерландах одно время, по существу, действовали схожие формы. Наличие подобной организации стало прямым следствием социально-экономического различия и политического «веса» объединившихся субъектов. По Коньякскому договору от 1526 г., когда впервые официально Швейцария была названа независимым союзом, в него вошло 13 полностью самостоятельных кантонов, полукантоны Герсау, Сен-Гален и зависимые от них фогства и общие волости (Во, Локарно, Лугано). Кроме того, городской патрициат управлял отдельными городами, а общины — державными землями.

Утрехтская Уния 1579 г. положила начало объединению Соединенных провинций в одно государство. В состав республики вошли семь провинций, не похожих между собой своими законами и общественным устройством: герцогство Гелдерн, приморские графства Голландия и Зеландия, провинции Утрехт,

Фрисландия, Оверэйссел и Гронинген. Положения унии, рассматривались как основной конституционный документ, в соответствии с которым члены унии обязывались сообща бороться против внешних врагов, иметь собственные вооруженные силы, укреплять города и их гарнизоны, устанавливать налоги на содержание армии и флота. Но реально лишь две статьи предотвращали центробежные стремления, регулируя экономику республики: статья 12 предписывала общее регулирование монетной системы, а статья 18 запрещала провинциям приносить вред друг другу установлением пошлин и акцизов. Корпоративность и сепаратизм проявились не только в законодательной сфере, но и в создании республиканского аппарата. Центральными органами управления республики являлись Генеральные Штаты и Государственный совет — 12 депутатов, отвечавших за военные дела и финансы.

Каждая провинция присылала своих депутатов в Генеральные Штаты — представительное собрание, заседавшее постоянно в Гааге. Число депутатов не было ограничено, но каждая провинция имела один голос. В целом, таких депутатов набиралось 30 человек, заседавших круглый год. Генеральные Штаты заботились об охране страны от неприятельских нападений, заключали договоры с иностранными державами. От них зависело решение всех дел унии. Но могущество это было кажущимся, потому что верховная власть находилась в руках населения провинций: депутаты были обязаны исполнять волю своих избирателей на основе императивных мандатов, что ставило их в зависимость от своих доверителей.

Кроме того, существовали провинциальные штаты и магистраты городов. Единой системы выборов магистратов и депутатов не существовало. На западе городские регенты обладали практически неограниченной властью. В Дренте, Оверейсселе, Гелдерланде важное место в управлении сохранило рыцарство. В других городских магистратах имели большое влияние представители гильдий и зажиточные бюргеры. У этого процесса есть и обратная сторона: постоянные стычки между городами. Особенно известна борьба Амстердама с Антверпеном, но были выступления Гауды и Гарлема против Роттердама из-за права торговли сельдями в Европе, выступления Зволле и Девентера против Кампена из-за канала, соединявшего Зволле с побережьем. Сюда можно добавить длительную борьбу Амстердама с Роттердамом и Остенде из-за почтового права.

Отражением борьбы городов стала борьба провинций. Голландия против Зеландии, так как у первых — балтийские интересы, у вторых — океанические и так далее. Фоном подобного соперничества служила непрекращающаяся борьба сторонников унитарного монархического государства во главе с династией Оранских-Нассау и голландских республиканцев, объединившихся вокруг ратпансионария. После того, как Статхаудер Вильгельм III в 1689 г. был избран королем Англии, экономика и внешняя политика республики потеряли свою самостоятельность. Единственное, что осталось от бывшего политического престижа — Гаага, ставшая перекрестком всех европейских слухов, политических махинаций и центром дипломатических представительств большинства европейских государств.

Взаимоотношения независимых кантонов строились на системе многосторонних договоров, при полном отсутствии центральных органов власти. Государственный строй кантонов различался в основном по степени и форме участия граждан в решении кантональных законодательных и важнейших административных вопросов. В связи с этим различали кантоны с ландсгемайнде, где важнейшие вопросы решались всем народом, т. е. всеми политически полноправными гражданами (активными бюргерами), и кантоны с представительным образом правления — репрезентативные. Первоначально в качестве координирующего центра выступал союзный сейм. От 13 кантонов в нем участвовало по 2 делегата. По одному представителю посылали Базель и аббатство Сен-Гален, мирские сходы и городские советы. Однако все эти делегаты, также как и в Нидерландах, действовали на основе императивных мандатов, в соответствии с наказом верховных владык и решением общин. В 1655 г. Цюрих сделал предложение объединить по примеру голландцев все союзные соглашения и договоры в один, но оно было отвергнуто. Единственный договор, реально регулирующий взаимоотношения субъектов союза, оформился после восстания 1653 г. Кантоны обязались помогать друг другу в подавлении восстаний. В зависимости от характера социальных сил, широкие полномочия сохранились в руках собрания граждан — с вечевыми формами решения общественных дел, и в руках городского патрициата. Кантональные советы, в основном, занимались разработкой проектов законов, с последующим вынесением на референдум. Большая роль в обществе принадлежала религиозным общинам. До времени

принятия союзной конституции 1848 г. в Швейцарии отсутствовало общее правительство, армия, суд, т. е. атрибуты единого государственного образования. Сложившаяся конфедеративная система государственного устройства привела к серьезному экономическому кризису, который усилился с эксплуатацией более сильными членами союза своих соседей. В знаменитом «Дневнике путешествия по Швейцарии» в 1777 г. Иоганн фон Мюллер писал: «Везде зрелище не то что бедности, а голодной нищеты. В них (фогствах), по-видимому, даже победители вымерли».

Таким образом, конфедеративная система была не в состоянии обеспечить благоприятный режим развития страны. В конце XVIII в. и на протяжении XIX в. во всех этих странах конфедерации подвергаются изменениям.

Для этой цели в Соединенных Штатах Америки был созван первый и единственный Конституционный конвент, куда съехались 55 делегатов от 12 штатов (единственный штат, не участвовавший в дебатах, был Род-Айленд). Он проходил с 25 мая по 17 сентября 1787 г. в Филадельфии, в здании законодательного собрания Пенсильвании, и собрал приличный форум. Среди прочих участвовали Д. Вашингтон, Д. Мэдисон, А. Гамильтон. В условиях фактического развала конфедерации перед учредителями конституции стояла тройная задача: остановить дальнейшее развитие революции; создать более совершенный союз; надежно гарантировать права собственников. Показателен в этой связи социальный состав делегатов и лиц, участвовавших в прениях: 15 плантаторов-рабовладельцев, 24 ростовщика и банкира, 14 землевладельцев и торговцев недвижимостью, 12 судовладельцев, промышленников и оптовиков.

Новый вариант конституции закрепил политическое господство победившей буржуазии. В ней был совершен кардинальный шаг по пути формализации права, отделения бюрократии от процесса законотворчества. Важнейшим, в данной связи, становится отход от традиционных для Европы прецедентных норм. Делегаты, вслед за Т. Пейном, пришли к пониманию важности писаной конституции. В памфлете «Права человека» он писал, что там, где конституции не видно, там ее нет. Именно на ней должны зиждиться государственная власть, ее структуры и полномочия, способ избрания, продолжительность существования парламентов и других представительных

органов. Конституция определила полномочия судебной и исполнительной власти в государстве. Таким образом, американская конституция заложила основы для развития здесь правового государства, основанного на верховенстве закона. В ней были законодательно закреплены важнейшие принципы конституционализма: разделения властей, сдержек и противовесов, супрематии федерального над местным правом, республиканизм, пропорциональное представительство, ответственность правительства и прочее.

Носителем законодательной власти стал конгресс, состоящий из двух палат. Палата представителей избиралась населением, т. е. избирательным корпусом, а сенат — легислатурами штатов. Президент избирался коллегией выборщиков, которые, в свою очередь, избирались населением. Верховный суд формировался совместно президентом и сенатом. Согласно конституции, органы государственной власти имели различные сроки полномочий: палата представителей — два года, сенат каждые два года обновлялся на 1/3. До 1913 г. срок службы сенатора был равен шести годам, президента — четырем. Члены Верховного суда и иных федеральных судов занимали свои посты «пока ведут себя безупречно», т. е. пожизненно. Впервые в истории прерогативы властных структур были сбалансированы. Так, конгресс был вправе заблокировать законопроекты президента, сенат мог отклонить любую кандидатуру, вносимую президентом на должность в государственном аппарате и отвергнуть заключенный президентом договор. Конгресс мог привлечь президента к ответственности в порядке импичмента и, в случае признания его сенатом виновным, отстранить от должности. Верховный суд имел право, как высший конституционный надзор, отклонить вообще любой закон — как принятый президентом, так и конгрессом. За президентом закреплялась должность верховного главнокомандующего, за конгрессом — все средства казны.

Вместе с тем, новая законодательная основа была весьма далека от подлинного демократизма и равноправия. Но именно американская конституция стала «правовой библией» для многих государств.

Законодательные акты 1848 и 1874 гг. в Швейцарии закрепили новый принцип устройства государства. 22 кантона, в которых сохранялись собственные конституции, правительства и парламенты, провозгласили создание федеративной

парламентской республики со столицей в городе Берн. Теперь права кантонов были ограничены федеральным законом и общенациональными органами власти. Законодательная ветвь сосредоточилась в руках двухпалатного федерального собрания. Центральная исполнительная власть была передана Федеральному совету. Был учрежден союзный суд. К исключительной компетенции союзной власти были отнесены защита прав кантонов, монетная политика, вопросы войны и мира, политических союзов. Конституции провозглашали свободу слова, печати, но главное — равенство граждан перед законом.

В двадцати республиках, возникших на месте испанских колоний, новые конституции были списаны с американского образца: президент, две палаты, узкий круг избирателей. Конституция Бразилии (1891) не только копировала государственный строй США, но и федеративное устройство. Официальным названием государства стало — Соединенные Штаты Бразилии. 20 штатов получили некоторую административную и судебную свободу. Но в действительности прочные конституционные традиции в латиноамериканских странах так и не сложились. Захват власти различными диктаторами (каудильо) приводил к тому, что конституции неоднократно переписывались в угоду конкретным лицам. С 1820 г. в латиноамериканских странах сменилось до 125 конституций, в том числе в Эквадоре — 13, Боливии — 19, Венесуэле — 15.

Переход к консервативным режимам (диктатурам, протекторату, аристократическим республикам) — явление вполне закономерное. Установление сильной, даже жесткой центральной власти стало итогом практически всех ранних буржуазных революций. Английская революция 1640 г. прошла через протекторат к реставрации, Великая Французская революция — через консульство, к империи. Война за независимость в США первоначально установила пожизненное президентство Д. Вашингтона, и лишь потом сложилась федеративная республика с жесткой системой разделения властей. В Латинской Америке республиканские режимы прошли период военных диктатур (Хуан де Росас в Аргентине, Антонио де Санта-Ана в Мексике, Габриэль Морено в Эквадоре и т.д.). Таким образом, все ранние буржуазные революции проходят по схожему сценарию — сначала подъем, передел собственности и государственной машины, затем установление сильной центральной

власти, ограничивающей эскалацию революционного движения, и, наконец, либерализация и даже некоторый возврат к прошлому. Подобный ход революций был обусловлен, прежде всего, тем обстоятельством, что впервые в истории широкие общественные массы, не имеющие ни политического опыта, ни образования, участвовали в радикальном обновлении государственного строя. Естественно, что в этих условиях происходила максимально возможная декларация демократических прав и свобод. Однако угроза реставрации, а также нарастающий политический хаос заставляли прибегать к диктаторским методам упрочения нового общественного порядка. К тому же, перестройка социальной структуры и зарождение все новых общественных конфликтов в условиях быстрого развития капиталистического производства не позволяли государству получить прочные демократические основания.

Авторы конституционных проектов, как в Америке, так и в Европе, осознавали и угрозу «диктатуры низов». Исходя из идеи народного суверенитета, рассматривая гражданское общество как главный источник власти, идеологи конституционализма стремились свести к минимуму непосредственное участие масс в государственном управлении. Попытки защитить интересы общества от «демократического деспотизма», как говорил Д. Мэдисон, привели к складыванию элитарных режимов с жесткими цензовыми ограничениями избирательного права.

Формирующиеся в ходе революций представительные органы были далеки от системы народного представительства в современном понимании. В английском парламенте 1640 г. созыва заседали 149 светских и духовных лордов, 70 делегатов торгово-промышленных кругов лондонского Сити, а остальные представляли мелкопоместное дворянство: сквайров, рыцарей и джентльменов. Уже в ходе революции дискуссия левеллеров и индепендентов о естественных правах закончилась признанием политических прав только за лицами, обладающими экономической самостоятельностью. Как утверждал полковник Рич на конференции в Пэтни, «в Англии соотношение собственников и не собственников 1:5, и если дать право всем, то к власти придут нищие, которые в законном порядке потом переделают собственность». Большинство людей, работающих по найму, в том числе рабочие, подмастерья, домашние слуги были лишены права голоса. Не изменился характер электората

и в дальнейшем. В период протектората О. Кромвеля был закреплен избирательный ценз в 200 фунтов стерлингов, благодаря чему представительный орган стал форумом для крупной и средней буржуазии. На 2/3 он формировался из представителей графств — землевладельцев, а на 1/3 из представителей городов и парламентских местечек, т. е. из представителей торгово-промышленной буржуазии и подставных лиц. Во времена реставрации лидер парламентской оппозиции граф Шефтсбери предложил закрепить право на управление страной только за палатой лордов, предлагая увеличить избирательный ценз до 10 тысяч фунтов стерлингов. Уже после Славной революции, в соответствии с законом 1710г., депутатом от графств мог быть только владелец земли с доходом не менее 600 фунтов стерлингов в год, что давало право на избрание представителям не более полутора тысяч семей. В 1717 г. английский парламент снова повысил имущественный ценз, по итогам которого число избирателей сократилось до 250 тысяч, что составило всего 5% населения страны.

Серьезными цензовыми ограничениями для избирателей и депутатов была обременена и новая американская конституция. Так, член палаты представителей должен был достичь возраста в 25 лет, быть гражданином США не менее 7 лет и жителем штата, от которого избирался. Сенатор — достичь возраста 30 лет, быть гражданином не менее 9 лет и быть жителем штата, от которого баллотировался. Помимо этого, вводился и имущественный ценз. В Массачусетсе и Нью-Гемпшире необходимо было владеть собственностью не менее 60 фунтов стерлингов, в Коннектикуте — владеть недвижимостью на сумму не менее 134 долларов, или выплачивать не менее 7 долларов налога в год. В Южной Каролине правом голоса обладали только белые, владевшие 50 акрами земли. Похожие ограничения существовали во всех 13 штатах. В итоге, правом голоса в США пользовались только 120 тысяч человек (из более чем трех миллионного населения страны). Шансов быть избранным конгрессменом и сенатором было и того меньше. Женщины, независимо от благосостояния, политическими правами не обладали совсем.

В Италии, после объединения страны, основным законом стал Пьемонтский конституционный статут, принятый в 1848 г. В 1882 г. избирательное право было дополнено цензом грамотности. Кандидаты, не имеющие диплома об образо-

вании, сдавали экзамен специальной комиссии. В условиях аграрного развития и поголовной неграмотности в крестьянской среде, депутатский корпус формировался из буржуазии, что составляло не более 7% проживающих в стране.

В Нидерландах, в городах провинций Гронинген, Оверейсел и городе Мидделбурге, депутатов и магистратуры выбирали только зажиточные жители. В городе Дордрехте восемь депутатов выбирали торговые и ремесленные корпорации, а остальных депутатов — так называемые «именитые граждане». В Амстердаме сами советники выбирали себе замену. Обычно таких советников в городе насчитывалось чуть более двадцати человек.

В Швейцарских кантонах власть принадлежала либо городскому патрициату, либо прямым потомкам «первых» общинников (в горных кантонах). Например, в Берне политическими правами обладали только представители 77 родов, из которых 14 родов занимали половину мест в совете, состоящем из 299 членов. В Люцерне места в совете стали пожизненными и наследственными. Кресла депутатов распределялись среди 29 родов. Во Фрейбурге действовала так называемая «тайная палата» из 24 пожизненных членов: она назначала Большой и Малый советы и сама избирала себе нового члена взамен умершего. В Женеве все полноправные граждане, не считая «урожденных и простых обывателей», имели право на участие во всеобщих собраниях и голосование за принятие законов. Но при этом не допускалось предварительное общественное обсуждение законопроектов.

Там, где конституции провозглашали всеобщее избирательное право, в качестве инструмента давления использовался принцип открытого голосования (прусская конституция 1849 г., имперская конституция 1871 г. в Германии). Цензовая система и отсутствие ротации депутатов привели к крайне негативным явлениям в комплектовании представительных органов.

Накануне революции выборы в американских колониях повсеместно осуществлялись посредством открытого голосования. Как правило, избирателей вынуждали отдавать предпочтение экономическому и политическому (религиозному) патрону своего округа. Во всех колониях утвердилась практика покорного голосования избирателей за определенную фамилию из уважения и почтения к ней. Это позволило вы-

сокопоставленным семьям править бесценно, из поколения в поколение, наследуя, таким образом, и исполнительную, и законодательную власть. Оценка, данная одним из лидеров патриотов Р. Ли системе управления Виржинией, в которой по его словам, «две трети законодательной, вся исполнительная и вся судебная власть оказались сосредоточены в одних руках, что на практике вылилось в тиранию», может быть распространена с теми или иными оговорками и на другие колонии. Конституция 1787 г. на практике мало что изменила в политической жизни.

Административная реформа в Англии, разрешившая замещать должности церковных старост, лорд-мэров и олдерменов «по желанию», при расходах на предвыборную кампанию в 100-200 фунтов стерлингов, привела к неприкрытой спекуляции с выборными должностями и коррупции. В английском парламенте появился своего рода «семейный подряд». Так, у графа Кларендона и лорда Ковентри здесь присутствовало два сына. Лорд Денби сумел провести в парламентскую палату общин двух сыновей, брата, трех шуринов, зятя и нескольких дальних родственников. Как говорил сам граф, «лучше иметь 99 молчаливых законников, чем одного говорливого». В 1739 г. в зависимости у премьер-министра Уолпола находилось 110 лордов (из 161) и 224 депутата (из 558), готовых голосовать по его предложениям.

Прусская конституция 1849 г. закрепила в королевстве особую систему выборов и комплектования парламента — курительную. Избиратели — все мужчины определенного возраста, делились на три класса — курии. При равном представительстве депутатов от каждой курии, корона добилась преимущества для имущих слоев. Из 350 членов собрания — 250 были государственными чиновниками и юнкерами. Конституция 1850 г. и новый избирательный регламент 1852 г. закрепили за буржуазией и чиновничеством привилегии заседать в верхней палате.

Во всех этих государствах, а особенно в Англии и США, образуется слой политической элиты, оторванный от электората. Проводя олигархическую политику, данная категория граждан постепенно превратилась в профессиональных политиков, ставших почвой для формирования обязательной структуры парламентаризма — политических партий. С 1791 г., благодаря деятельности Джефферсона, Медисона, Галатина и под-

держке нью-йоркских семей Клинтон и Левингстонов, появляется организация, получившая в дальнейшем название республиканской партии. С этого момента начинается история строительства двухпартийной системы в США, завершившейся в ходе гражданской войны середины XIX в.

В период с 1675 по 1760 г. сформировались политические партии тори и виги в Англии. Конечно, они были еще несовершенны, представляли собой скорее узкие фракции, озабоченные лишь собственными корыстными интересами, борьбой за власть и государственные должности. Но их существование позволило Э. Верку выдвинуть смелую по тем временам идею партийно-политического плюрализма. Он доказывал, что соперничество массовых партий, с полноправной идеологией и с заявленными целями не только не вредит, но даже помогает успешному проведению в жизнь национальных интересов. Во второй половине XIX в. партийное строительство захватило все европейские страны. Обратной стороной данного процесса стало распространение гласности, «открытости» власти. Все государственные решения, а также прения по их поводу в обязательном порядке освещались в печати.

В результате политической борьбы партий формируется новый механизм государственного регулирования, основанный на взаимодействии правительства с политическими силами. Победившие на выборах партии составляли большинство в парламентах и формировали правительство. Выдвижение на пост спикера стало происходить также от политических партий. При потере этого большинства правительство уходило в отставку. Такой механизм стал нормой политической этики. Так, в 1742 г. ушел в отставку премьер-министр Уолпол, хотя его лично поддерживал английский король Георг III.

Под влиянием Великой Французской и серии европейских революций XIX в., конституционно-либеральная модель государственного устройства пополнялась новым содержанием. В 1791 г. в США были приняты десять поправок, вошедшие в историю как «Билль о правах». Они гарантировали свободу совести, слова, печати, защищали личность от необоснованных обысков и арестов. За каждым гражданином закреплялось право на владение частной собственностью, на защиту и справедливый суд. Наконец, государство разрешало все действия, не запрещенные конституцией (запрещено, по американской конституции, вести антигосударственную деятельность и со-

вершать насилие против личности). Новый принцип — все разрешено, что не запрещено, — стал вершиной либерального развития гражданского общества. В той или иной степени данные гражданские свободы вошли во все европейские конституции.

В 1831 г. швейцарский кантон Сен-Гален внес в местную конституцию принцип «народного вето», поддержанный затем в кантонах Граубюнден и Валлис. Если в определенный срок большинство граждан высказывалось за отмену какого либо закона, он считался недействительным. Однако референдум был факультативным, необязательным, что снижало реальные возможности прямого волеизъявления народа. В 1845 г., после признания данного права в одном из самых крупных франкоязычных кантонов — Во, а затем и в Берне, народный референдум, как законодательная санкция, или запрет, даваемый всеми политически активными гражданами, стал частью государственного права. Союзная конституция 1848 г. закрепила это право на местах.

Таким образом, конституционно-либеральная модель государственного устройства утвердилась к концу XIX в. в большинстве стран Запада. Под ее воздействием элементы конституционализма (основной закон, всеобщее избирательное право, представительные органы, партийные организации, гражданские свободы) были внесены в политические структуры монархических европейских режимов — Австро-Венгрии, Италии, Германии, Испании.

Глава

III

Общественная мысль и культура в Новое время

§6

Духовные искания в эпоху Возрождения и Реформации

Эпоха Возрождения — мировоззренческая революция
на пороге Нового времени

В XIV-XV вв. европейское общество оказалось в состоянии истемного кризиса, открывшего путь для развертывания процесса модернизации. Помимо разнообразных экономических, социальных, политико-правовых аспектов этот кризис был связан с деформацией самого стиля мышления европейского человека, преодолением ключевых категорий традиционной картины мира.

Традиционный тип ментальности основывался на восприятии человека и общества как части простого, справедливого и, в сущности, неизменного порядка вещей. Ощущение стабильности, защищенности и уверенности, ключевое для человека традиционного общества, обеспечивалось корпоративной социальной структурой, сословным типом общественных связей с присущими им регламентирующими нормами. Консерватизм и относительная инертность мышления, восприятие традиции как хранилища истины, сакральная легитимация существующего социального строя сочетались с созерцательным психологическим складом, высокой эмоциональностью, подверженностью вспышкам религиозной экзальтации.

Все эти ментальные особенности были характерны и для европейского средневекового общества. Однако в отличие от китайско-конфуцианской или индо-буддийской цивилизаций, христианская духовная традиция сформировала достаточно противоречивую социально-этическую и поведенческую модель. Она обладала высоким мобилизующим потенциалом, ярко выраженной мессианской направленностью, но, одновременно, предполагала идеи греховности человеческой природы, противопоставление светского и духовного начал, дуализм

авторитета Церкви и государства. К тому же в средневековой Европе сложилась и очень специфическая социально-экономическая модель с характерной дифференциацией трудовых ресурсов, форм собственности, корпоративных сообществ. Все это создавало предпосылки для усиления центробежных тенденций в европейском обществе и, в конечном счете, привело к глубокому социально-психологическому кризису.

Участившиеся в XIV-XV вв. крестьянские войны и городские восстания, кровавая резня европейского рыцарства в период Столетней войны и Войны роз, падение Константинополя и неудачи последних крестовых походов, морально-политическое фиаско Святого престола во время «Авиньонского пленения» и понтификата Пия II, «черная смерть» 1348-1349 гг., унесшая треть населения континента, и первая эпидемия сифилиса после 1494 г., нарастающая угроза нравственной и политической анархии образовывали в восприятии современников единую цепь трагических событий, не только подрывающих существующий порядок, но и доказывающих его изначальное несовершенство, неестественность. Складывались предпосылки для радикального перелома в развитии общественного сознания, формирования «этики индивидуального спасения», попыток переосмысления самих основ общественного бытия. Радикально изменилась система исторического мышления. В ней закрепились триада «Древность — Средние века — Возрождение», соединившая иудео-христианское представление о линейности исторического процесса с античной идеей цикличности развития. Пафос возрождения античной духовной традиции и отрицание наследия «мрачного средневековья», в том числе острая критика догматизма и стяжательства церкви, стали лейтмотивом мировоззренческой революции на рубеже Нового времени.

Понятие «Возрождение» («Ренессанс») для обозначения новой эпохи впервые употребил художник и архитектор Джордже Вазари (1511-1574) в книге «Жизнеописание наиболее знаменитых живописцев, ваятелей и зодчих». Античность воспринималась его современниками как своего рода «золотой век» человечества, бессмертный идеал свободы философских и эстетических исканий, торжества человеческого гения. Однако становление ренессансной культуры отнюдь не означало тотального разрыва с христианской традицией. Среди мыслителей Возрождения было немало искренно верящих людей,

не только воспитанных в лоне церкви, но и весьма близких к высшим иерархам Святого престола. В ренессансной космологии и натурфилософии нашли отражение теологические дискуссии позднего средневековья, а библейские образы оказали огромное влияние на художественное творчество гуманистов. Даже Святой престол оказался вовлечен в развитие гуманистического движения. Начиная с понтификата папы Николая V (1447-1455) и вплоть до разграбления Рима в 1527 г., покровительство гуманизму являлось одним из важнейших средств восстановления светского авторитета церкви. Таким образом, Ренессанс стал периодом духовного обновления европейского общества, чрезвычайно радикального, но происходящего в русле преемственного развития христианской цивилизации.

Античное наследие оказалось важным для становления духовной атмосферы Возрождения, поскольку оно было способно наиболее эффективно стимулировать индивидуальный духовный поиск в условиях девальвации корпоративных этических ценностей и поведенческих стереотипов. Ответы на ключевые для кризисной эпохи вопросы: «кто я?», «во имя чего я живу?», «что окружает меня?» — не могли быть найдены в трудах древних философов. Однако античность являлась ярким символом стремления человека понять себя, осознать связь с природой и обществом на основе собственного опыта и разума. Наследие древнегреческой философии составляло всеобъемлющую систему координат для становления нового метода познания. Не случайно, что основная канва философских исканий эпохи раннего Возрождения была связана с дискуссией последователей Аристотеля (перипатетиков) и Платона (неоплатоников). Наследие Аристотеля воспринималось как образец логичной, строго систематизированной системы взглядов и доказательств, философствование Платона — как доказательство познавательной важности человеческого воображения, фантазии, творческого поиска прекрасного и гармоничного. На основе синтеза этих двух начал формировалась идея рационального познания мира, основанного на творческой интерпретации результатов чувственного, эмпирического восприятия.

Немалую роль в становлении ренессансного типа мышления сыграло влияние религиозно-философской концепции номинализма, сформировавшееся в XIV в. в условиях нарастающего в христианской среде скептицизма и поисков новых

форм обоснования веры. Представители номинализма Уильям Оккам (ок. 1300-1349), Жан Буридан (ок. 1300-1358), Альберт Саксонский (ум. 1390), Никола Орем (ок. 1323-1382) и др. пытались обосновать необходимость строгого разделения теологии, опирающейся на Откровение, и философии, основанной на разуме и эмпирическом опыте. Номиналисты рассматривали познание в качестве процесса интуитивного оформления человеческих представлений о предметах окружающего мира. Предмет познания и представление о предмете являлись для них двумя разными реальностями, что заставляло отдавать предпочтение эмпирическому опыту как более надежному способу познания каждой реальной субстанции, в отличие от любых метафизических теорий. Номинализм, не выходящий за рамки теологических дискуссий, подготовил интеллектualmente почву для зарождения принципиально нового типа философствования — секуляризованного, свободного от жесткой дилеммы «верить для того, чтобы знать» или «знать для того, чтобы верить». Познание, основанное на эмпирическом опыте, но избегающее его метафизического обобщения, сопряженное с человеческим воображением и образным мышлением, открывало путь для расцвета интеллектуального творчества, индивидуального самовыражения свободного разума.

Мыслители XV-XVI вв. еще более упрочили ориентацию теории познания на постижение естественного, реального мира. Именно в этом они видели возможность преодоления эклектики разрозненных впечатлений и перехода к единому знанию. Ключевую роль в формировании обновленной методологии познания сыграл кардинал Николай Кузанский (1401-1464). В своих трудах он отстаивал парадоксальную для традиционного мышления идею о принципиальном отсутствии противоположности между единым и беспредельным, конечным и бесконечным. В бесконечности он видел результат сочетания, совпадения этих противоположностей. Тем самым отвергалась обычная для античного и средневекового мировосприятия иерархия упорядоченного космоса, построенная на соподчинении абсолютных «вершин», «идей» и низшей бесформенной материи с их промежуточными ступенями. Учение Николая Кузанского открывало путь для самых смелых умозаключений о мире, чье «движение и его формулу постичь невозможно», о потенциально бесконечной Вселенной — универсуме с постоянно ускользающей целостностью, единством, воплощенном лишь в Боге-абсолюте.

Решающий шаг в опровержении аристотелевско-птолемеевской геоцентрической картины мира сделал польский ученый, монах Николай Коперник (1473-1543). Движение он рассматривал как естественное свойство небесных и земных объектов, подчиненное законам механики. По мысли Коперника, тела, находящиеся «в своем природном месте и целостности», имеют наиболее простую форму движения — круговую, что и создает впечатление покоящихся тел. Прямолинейное же движение характерно для тел, «отделенных от своего целого и покинувших его единство». Эмпирическое восприятие человеком таких природных процессов относительно и требует строго научного расчета. Астрономические наблюдения и математический анализ привели Коперника к выводу о том, что Земля отнюдь не является центром мироздания и «Солнце, как бы восседающая на Царском престоле, управляет вращающимися вокруг него семейством светил». Коперник считал, что такая гелиоцентрическая система окружена неподвижным звездным сводом. Но, в отличие от античной традиции, он трактовал именно подвижность как свойство конечных предметов. Тем самым, доказывая движение Земли в неподвижном своде, Коперник подтверждал тезис о бесконечности самой Вселенной.

Активным сторонником учения Коперника являлся итальянский мыслитель Джордано Бруно (1548-1600). Однако он считал, что звездное небо не является неподвижным куполом. Универсум включает бесчисленные мировые системы, а Солнце с окружающими его планетами — лишь одна из них. Бесконечная Вселенная рассматривалась Бруно как абсолютная возможность всего сущего, не имеющая ничего вне себя, единая и неподвижная, поскольку «сама является всем». Бруно полагал, что ключом к формированию верной картины мира является понимание истинной природы материи. Античные мыслители видели в «первой материи» предельно абстрактную возможность, некое пассивное начало, которое приобретает сущность лишь благодаря форме. Тем самым, материя рассматривалась как беспредельно делимое конечное, а материальный мир — в качестве гармоничной иерархии простых и сложных форм. С точки зрения Бруно, материя, напротив, сама содержит в себе формы, является «развертывающей то, что содержит в себе свернутым». Это связано с тем, что каждая из эмпирически воспринимаемых вещей является сочетанием телесной и духовной субстанций, иными словами, в каждой из

существующих вещей непременно наличествует божественное начало как ее «формирующая причина, внутренняя сила». Божественный абсолют Бруно воспринимал как высшее единство возможности и действительности, которое неизмеримо, бесконечно, беспредельно многообразно и охватывает при этом собою все бытие. Следовательно, материальный мир является необходимой экспликацией Божества, и каждая конечная вещь, как часть мироздания, представляет собой выражение бесконечного.

Пантеизм учения Дж. Бруно, т. е. отождествление божества с мирозданием, был одной из наиболее характерных черт духовных исканий эпохи Возрождения. Эти же идеи пантеистической натурфилософии развивали Пьетро Помпонаци (1462-1525), Джероламо Кардано (1501-1576), Бернардино Телезио (1509-1588), Франческо Патрици да Керсо (1529-1597). Их учения преодолевали дуализм духовного и телесного начал, свойственный христианскому мышлению. Разрушая христианское представление о мире как творении Бога, наделяя саму природу всеми атрибутами божественности, мыслители Ренессанса делали важный шаг к секуляризации общественного сознания. Основой обновленной гносеологии становилось понимание универсальной взаимосвязи всех частей мироздания. Восприятие материи, как однородного, неизменного в своем количестве, но не имеющего конечных границ физического целого, подводило к выводу о наличии всеобщих законов изменения материи, которые обусловлены лишь действием неких внутренних сил (в силу отсутствия каких-либо внешних). Постигание этих механических взаимосвязей, а также порожденных ими закономерностей могло быть основано на эмпирическом опыте человека.

Первое достаточно полное обоснование роли опыта в установлении истины сформулировал один из величайших деятелей итальянского Возрождения Леонардо да Винчи (1452-1519) — человек энциклопедических знаний, уникальный по широте проявлений своего таланта. Он активно занимался математикой и физикой, астрономией и космологией (в том числе, одним из первых высказал гипотезу о том, что Земля не является центром мироздания). В письменном наследии Леонардо сохранились блестяще выполненные анатомические рисунки, эскизы изобретенных им прототипов ткацкого станка, парашюта, плавильных печей, разнообразных машин. Но в своем творчестве он остался

прежде всего практиком, экспериментатором. Леонардо исходил из необходимости сочетания математических методов познания с механикой, как искусством экспериментального установления природных правил и взаимодействий. Таким образом, механика не воспринималась им как теоретическая наука, но рассматривалась в качестве ключевого компонента всей онтологической системы.

Концептуальные изыскания Николая Кузанского и Леонардо да Винчи, Николая Коперника и Джордано Бруно готовили почву для настоящей научной революции. Они отражали становление нового типа мировосприятия, для которого неоднозначность, новизна, «запредельность» не являлись пугающими. Упорядоченный и гармоничный Космос уступал место в воображении человека бесконечной, полной многообразия и противоречий Вселенной. Однако ренессансная культура в своем развитии так и не пришла к формированию целостной онтологической и гносеологической системы. Пафос Возрождения питался отрицанием схоластического догматизма и корпоративной солидарности, а не становлением нового позитивного социального идеала. Его источником было многообразие событий и впечатлений, порожденных распадом привычного порядка вещей. Эта была эпоха ранней модернизации, которая в большей степени разрушала прежний духовный склад личности, нежели создала новый. Как следствие, ренессансная культура стала символом освобождения человеческого духа, новаторских мировоззренческих исканий интеллектуальной элиты, но не складывания устойчивых ментальных основ новой общественной системы. Отсюда ее противоречивая, но неразрывная связь с духовной ситуацией позднесредневекового общества, социальная элитарность и локальность распространения в пределах европейского континента.

Очагом духовных исканий раннего Нового времени стала Италия — страна с наиболее изменчивым и многообразным политическим, культурным, экономическим пространством. Здесь уже в XIV в. появились фигуры, признанные по масштабу своей деятельности и таланту величайшими деятелями Возрождения. В поэзии Данте Алигьери (1265-1321) и Франческо Петрарки (1304-1374) были предприняты первые попытки обоснования нового этико-социального идеала. Их эстафету подхватили Колуччо Салютати (1331-1406), Леонардо Бруни (1374-1444), Джаноццо Манетти (1396-1459),

Джованни Пико дела Мирандола (1463-1494), Маттео Пальмиери (1406-1475), Лоренцо Валла (1405-1457), Леон Баттиста Альберти (1404-1472), Кристофоро Ландино (1424-1498), Анджело Полициано (1454-1494). Их творчество стяжало общеевропейскую известность и позволило определить уже XV столетие как время расцвета итальянского Ренессанса. В XVI в. итальянское Возрождение представляло собой мощное культурное направление, объединяющее творчество поэтов, художников, живописцев и скульпторов. Публицистические произведения Леонардо да Винчи (1452-1519), Джованни делла Каза (1503-1556), Франческо Верни (ок. 1497-1535), Бенвенуто Челлини (1500-1571), Франческо Гвиччардини (1483-1540) стали новым шагом в обосновании этических принципов и эстетических канонов Ренессанса.

Расцвет гуманизма в других странах Европы начался позднее — с конца XV в. В философско-мировоззренческом отношении наиболее плодотворным оказалось ренессансное движение в Германии, где огромную известность приобрели произведения Эразма Роттердамского (1469-1536), Конрада Целтиса (1459-1508), Себастьяна Бранта (ок. 1458-1521), Иоганна Рейхлина (1455-1522). Фигурами европейского масштаба стали и французские мыслители Мишель Монтень (1533-1592), Франсуа Отман (1524-1590), Лефевр д'Этапль (1450-1536), англичане Роджер Эшем (1515-1568), Джон Стоу (1525-1605), Томас Мор (1478-1535), испанские, швейцарские, голландские гуманисты.

Большинство мыслителей Возрождения не являлись философами. Многие из них были публичными политиками и общественными деятелями, занимали посты в системе государственного управления и даже в высшей церковной иерархии, оказывались вхожими в торгово-предпринимательские круги. В этой интеллектуальной элите так и не сложилась та духовная атмосфера, которая была бы способна создать тип подлинного ученого, стремящегося к построению целостной системы научного поиска и воспроизводства знаний. Ренессансное мышление основывалось скорее на риторике, нежели философии. Его стихия — ораторский пафос, свободное публицистическое и художественное творчество. Отрицая фундаментальность аристотелевской научности и схоластики томизма, ренессансное мышление приобретало эссенцистический и диалогический характер, превращалось в свободную игру ума, а не построение

целостной метафизической или натурфилософской картины мира. Поэтому, признавая за разумом возможность постичь основы мироздания, ренессансный гуманизм все же сосредоточил духовные искания на фигуре самого человека. Человек, «словно некий смертный бог» (Дж. Манети), оказывается в глазах гуманистов подлинным центром универсума. Космология уступала первенство антропоцентризму.

В противовес христианской культуре, устремленной к достижению блаженства души в ее загробном существовании и отрицающей духовную ценность мирской жизни, Ренессанс возродил античный идеал гражданской доблести и физической красоты. Человек Возрождения вновь открывал реальность и ценность земного существования, в том числе собственную телесность и чувственность. Подавление естественных человеческих склонностей, жизнь, подчиненная культу страдания и вины, лишенная радости и наслаждения, рассматривались как преступление против разума и природы. Образцом гуманистического эпикуреизма стала концепция итальянского философа Лоренцо Валла. Он решительно выступал против идеалов монашества и аскетизма, рассматривал телесное наслаждение и материальное благополучие в качестве важных частей полноценной жизни. Однако гедонистические и натуралистические мотивы отнюдь не исчерпывали ренессансное представление о человеке. Гуманистический антропоцентризм опирался на представление о неразрывной связи телесных и духовных потребностей человека, о возможности формирования на этой основе принципиально нового типа личности.

Леонардо Бруни, впервые употребивший слово «гуманист» (от лат. humanistas — человечность, человеческая природа), соединил в нем представление об учености с идеей воспитанности и нравственного достоинства. Тема классического образования и воспитания оказалась принципиально важна для ренессансной культуры. С точки зрения гуманистов, уважения достойны лишь человек, способный не только использовать дарованный ему природой и Богом разум, но и развивать, совершенствовать его. Равным образом, и человеческое достоинство усматривалось в возможности самостоятельно предпринимать что-либо, иметь собственную точку зрения, развивать собственную личность. Таким образом, идеалом Возрождения становится неповторимая и уникальная, духовно богатая и всесторонне

развитая Личность, символизирующая единство и гармонию телесно-чувственного и духовного начал.

Антропоцентризм идеологии Возрождения придавал особую значимость вопросу о свободе воли человека. Отстаивая независимость личности, право человека жить собственным разумом, страстями и волей, гуманисты решали эту проблему вполне однозначно. Многие из них пытались обосновать естественность индивидуалистической этики. Показательны в этом отношении трактаты К. Салютати, впервые связавшего идею свободы воли с дуализмом фортуны и фатума. Перед лицом фатума, т. е. сверхъестественной божественной тайны, человек оказывается ведом обстоятельствами, а свобода его воли лишь отражает божественное провидение. Фортуна, которая зачастую воспринимается в качестве такой же фатальной силы, имеет на самом деле совершенно иную природу. Она отражает условности, правила, ограничения, зависимости возникающие в человеческих взаимоотношениях. Люди, не способные к самостоятельному поведению, воспринимают стечение этих обстоятельств как непреодолимую силу. Но человек разумный и достойный перед лицом фортуны, в сущности, свободен.

Гуманистический идеал человека, свободного в суждениях и поступках, надеющегося на собственные силы и возможности, вступал в противоречие с поведенческими нормами сословно-корпоративного общества. В трудах многих мыслителей Возрождения проводилась и идея принципиального равенства людей в возможностях использования своей свободы, подчеркивалась независимость судьбы человека от его социального происхождения. Но, в целом, ренессансное мировоззрение оставалось чуждым любому бунтарству, революционности. Индивидуалистический принцип сочетался в нем с идеями социальной гармонии и гражданственности, непреходящей ценности дружбы и любви. Самореализация человека в искусстве, науке, политике, предпринимательстве рассматривалась одновременно как наилучшая форма служения обществу. Социальная и политическая эклектичность подобной позиции затухала нравственным императивом гуманизма, верой в способность разумного человека создать достойное его общество.

Сформированный Ренессансом образ человека предвосхитил тот тип личности, который станет символом западной цивилизации спустя несколько столетий. О. Шпенглер в своей системе

мировой культуры определил его как фаустовский — «деятельный, борющийся, преодолевающий», вечно неудовлетворенный собой и миром, противоположный покою, желанию остановить мгновение. Гуманистический антропоцентризм открыл дорогу новому отношению к природе. Стремление понять окружающий мир сменяется желанием изменить его. Человек впервые начинает осознавать себя творцом, чье предназначение — созидание, а не созерцание. Ренессанс создает настоящий культ творческой личности как основной действующей силы мироздания, способной отразить в своих поисках гармонии единство природного и божественного. Жажда проявить собственный талант, стремление превзойти окружающих, неуемная энергия самореализации и яркий темперамент становятся важнейшими характеристиками «человека Возрождения». Живопись и скульптура, поэзия и архитектура превращаются в подлинную науку и философию Ренессанса.

Ренессансная западноевропейская культура

Становление и развитие культуры Возрождения прошло несколько этапов. Основанием для периодизации этого процесса является итальянская традиция, в соответствии с которой выделяются художественные эпохи дученто («двухсотые годы» — вторая половина XIII — начало XIV в.), треченто («трехсотые» — XIV в.), кватроченто («четырехсотые» — XV в.), чинквиченто («пятисотые» — XVI в.).

Проторенессанс, время первых шагов по становлению новых художественных методов и эстетических канонов, охватил эпохи дученто и треченто. Вершиной его является литературное творчество Данте Алигьери (1265-1321), Франческо Петрарки (1304-1374) и Джованни Боккаччо (1313-1375). Данте стал родоначальником поэтической традиции, известной как «новый сладостный стиль» и посвященной идеализированному воспеванию духовной любви к женщине, добродетели и мудрости. Его произведения были образцом «поэтической теологии», синтеза духовных исканий новой эпохи с мистическими и схоластическими мотивами. Поэтическое творчество Петрарки и Боккаччо обозначило постепенный переход к секуляризованному нравственному идеалу, торжеству эстетики чувственной любви и наслаждения красотой реального мира.

Центральной фигурой изобразительного искусства дученто стал флорентийский живописец Джотто ди Бондоне (1267-1337). Он сыграл решающую роль в замене мозаичной техники на фреску, позволяющую более реалистично передавать объем и плотность изображаемых объектов. Джотто возродил известный с античности эффект оптического моделирования (*rilievo*), основанный на восприятии человеком светлых тонов как более близких. Новая техника живописи позволяла создавать эмоционально насыщенные, близкие к реальным пропорциям произведения.

В период треченто становление ренессансной культуры приостановилось. Это было вызвано растущим влиянием готического искусства, особенно заметным в архитектуре и живописи. Впрочем, последняя волна развития средневековой культуры уже сама являлась предвестником эстетической революции Возрождения. «Пламенеющая готика» XIV в. привнесла в искусство красочность, изысканность, экзальтированность. Она несла отпечаток куртуазности и утонченности аристократического стиля позднего средневековья.

Особенно важные новации коснулись в XIV в. музыкального творчества. Здесь сформировалось особое течение — «*ars nova*» («новое искусство»), родоначальниками которого были Франческо Ландини, Пьетро Казелла, Гираделло. На смену монополии григорианского хора, канонизированного церковью, пришла светская профессиональная музыка и новая певческая культура. В отличие от церковной полифонии, опирающейся на три одновременно звучащих голоса, поющих самостоятельные мелодии с отдельными текстами, композиторы «*ars nova*» объединили мелодию, гармонию и ритм в одну систему. На смену господствовавшим в средневековой музыке мессе и церковным мотетам пришли новые вокально-инструментальные жанры — мадригал, баллада и качча. Они опирались на поэтику гуманистической литературы. В последующие столетия вся музыкальная культура Возрождения развивалась в русле «*ars nova*».

Флорентийское кватроченто стало символом ранней ренессансной культуры в Италии. Ключевые изменения, произошедшие в этот период, коснулись изобразительного искусства и архитектуры. При становлении нового эстетического канона в живописи и скульптуре определились две основные линии, первая из которых отражала влияние античного искусства,

а вторая — преемственность со стилистикой средневековой живописи. К первому принадлежали Донателло (Дonato, 1386-1466) и Мазаччо (Томмазо ди сер Джованни ди Моне Кассани, 1401-1427), а также Андреа дель Верроккьо, Пьеро делла Франческа, Учелло. Характерной чертой этого направления стало стремление отразить единство физической гармонии тела и духовной, нравственной возвышенности человека, точная передача динамики движений, эмоционального состояния, рельефной пластики человеческих движений. Второе направление представляли Беноццо Гоццолли, фра Беато Анжелико, фра Филиппе Липпи, Доминико Гирландайо. В их творениях воспроизводились традиции византийской средневековой живописи с характерным акцентом на формирование яркой цветовой гаммы, колоритное изображение пейзажей, цветов и животных. Еще одним символом эстетики кватроченто стала флорентийская архитектура, в том числе т.н. «инкрустационный стиль», основанный на комбинировании материалов различного цвета и фактуры при оформлении поверхностей строений и декораций, свободном использовании ордерного мотива в композиционных решениях. Ярким представителем этого архитектурного направления являлся Филиппо Брунеллески (1377-1446).

Период итальянского Высокого, или классического Возрождения пришелся на несколько десятилетий рубежа XV-XVI вв. Отличительной чертой творчества этой эпохи был переход от принципа натуральности, подражания природе к созданию идеальных художественных образов. Восторжествовало представление об искусстве как особом способе познания мира. По образному выражению Леонардо да Винчи, в творении художника «все тайны мира извлекаются из самых потаенных глубин и предстают в загадочно-целостном образе реальности, в такой картине мира, в которой все в единый миг раскрывается и в то же время оказывается сокрытым». Образцами художественного стиля Высокого Возрождения стали поздние произведения Леонардо да Винчи (1452-1519) и Сандро Боттичелли (1445-1510), творения Рафаэля Санти (1483-1520), Микеланджело Буонарроти (1475-1564), Тициана Вечеллио (1477-1576). Они были посвящены созданию динамичных образов, переедаче героики, трагизма, романтики человеческих поступков и эмоций. Основное внимание уделялось не столько сюжетной основе произведений, сколько изображению конкретной

личности, передаче пластики движений, нюансов мимики, переживаний, настроений. Значительно выросло и мастерство построения пространственных композиций. Пейзажный фон, напротив, утратил художественное значение.

Отличительной чертой художественной стилистики Высокого Возрождения являлась гармонизация архитектурного и изобразительного искусства. Леон Баттиста Альберти (1404-1472) и Донато Браманте (1444-1514) стали основоположниками нового архитектурного стиля — «римского классицизма». Его отличительной чертой была подчеркнутая рациональность, уравновешенность форм, симметричность и центричность композиции, широкое использование круглой купольной постройки при полном отказе от элементов готики. Некоторая обезличенность таких зданий компенсировалась созданием фресковых циклов с блестящими пространственными решениями. Самым ярким проявлением подобного синтеза архитектуры и живописи являлись работы Рафаэля и художников его мастерской: Перино дель Вага, Джованни да Удине, Полидоро да Караваджо, Джованни Романо.

Культура итальянского Позднего Возрождения несла отпечаток военных и политических потрясений первой трети XVI в., ужесточения позиции Святого престола, роста социальных проблем. Лишь в Венеции, сохранившей в этот период независимость и экономическое могущество, сложилась своеобразная художественная школа. Основы ее эстетических канонов сформировались еще в поздних работах Тициана Вечеллио (1477-1576), а также произведениях Джорджоне (1476-1510) и Лудовико Ариосто (1474-1533). Вершиной венецианского чинквеченто стало творчество художников Паоло Кальери (1528-1588) и Тинторетто (Якопо Робусти, 1518-1594), архитекторов Андреа Палладио (ди Пьетро, 1508-1580) и Пьетро Ломбардо (1435-1515). Венецианский стиль отличался яркой декоративностью, живописностью, красочным колоритом. Большое влияние на него оказала восточная и византийская эстетика. Венецианские художники вновь обратились к искусству мозаики и художественного стеклоделия, в интерьерах широко использовали ткани и каменную резьбу. С учетом специфики климата они писали преимущественно не фрески, а панно на холстах масляными красками. Стилистика венецианского чинквеченто уже предвещала скорый закат ренессансного классицизма и тождество новых стилей — маньеризма и барокко.

На конец XV — начало XVI в. пришелся недолгий расцвет ренессансной культуры в других странах Европы. Голландское, германское и французское Возрождение получило название Северного. Его основной чертой стал последовательный натурализм, буквальное следование пантеистическому идеалу. Подчеркнутая реалистичность ценилась больше, чем идеальность форм и образов. Искусство Северного Возрождения отказывалось от спокойной гармонии античных образов и органично развивало традиции средневековой готики. Выразительность и динамичность произведений обеспечивались характерными элементами готической стилистики — четким линейным контуром, экспрессивностью образов, напряжением пространственных решений. Традиции готики прослеживались также в нарочитой деформации идеальных форм, эстетике чувственного «надлома», мистической экзальтации, богатстве аллегорий и символов.

Ключевую роль в развитии изобразительного искусства Северного Возрождения сыграли голландские и немецкие художники. В XV в. возникла франко-фламандская (бургундская) школа. Ее представители: Робер Кампен (1378-1444), Ян ван Эйк (1390-1441), Рогир ван дер Вейден (ок. 1400-1464), Хиронимус Босх (1460-1516), Питер Брейгель (1525-1569), усовершенствовали технику масляной живописи и способствовали ее распространению в Европе. Особенностью их творчества было большое внимание к бытовым сюжетам. Немецкие художники Альбрехт Дюрер (1471-1528), Матис Грюневальд (1470-1528), Ханс Гольбейн (1498-1543) активно работали в жанре гравюры, создали школу реалистичной портретистики.

Французская ренессансная живопись отчасти тяготела к фламандской школе, отчасти — к итальянскому искусству. В рамках первого направления сформировалась парижская школа миниатюрной книжной живописи. Наиболее видным представителем второго направления был Жан Фуке (1420-1477), внесший большой вклад в становление эстетики сенсуализма. Более самобытной была французская ренессансная архитектура. При Франциске I началась активная перестройка средневековых замков в долине Луары. В ходе ее традиционные готические формы соединялись с элементами строгого классического декора. Тогда же под руководством Жюля Лебретона началось строительство дворцового комплекса в Фонтенбло. Эти работы положили начало формированию особого художественного

«стиля Фонтенбло». Но по своей эстетике он был уже ближе к маньеризму, нежели ренессансному искусству.

Огромную роль для становления культуры Северного Возрождения сыграло зарождение национальной литературы. Поворотным моментом стало изобретение Иоганном Гутенбергом в середине XV в. печатного станка. В следующем столетии печатное искусство значительно усовершенствовалось. Книги становились более дешевыми, меньшего формата, снабжались иллюстрациями. Стремительно расширялся жанровый спектр светской литературы. Новеллы и лирическая поэзия, философско-религиозные произведения и публицистические трактаты, пасторальные и авантюрные романы были объединены общим духом мировоззренческих исканий, утверждения нового этического идеала. Изменился и сам литературный язык. Многие гуманисты писали свои произведения на родном языке, а не на латыни, пытались преодолеть многообразие диалектов. Формирование общенационального языка рассматривалось ими как важнейший фактор консолидации наций и их культурного развития.

У истоков французской ренессансной литературы стояли поэты и писатели из кружка Маргариты Наваррской, сестры Франциска I. В их творчестве сочетались традиции французской куртуазной лирики и влияние итальянской литературы Возрождения. Сама Маргарита Наваррская была автором шумевшего сборника новелл «Гептамерон», написанного в подражание Боккаччо. В XVI в. олицетворением французской литературы стало творчество поэтов из группы «Плеяда» («Семизвездие»), лидером которой являлся Пьер де Ронсар (1524-1585). Поэзия «Плеяды» отличалась большим жанровым и тематическим разнообразием. Любовная лирика соседствовала с произведениями пантеистической направленности, одами философского и гражданского звучания, прославляющими национальное единство и величие Франции. Поэзия «Плеяды» сыграла важную роль в превращении северофранцузского диалекта в основу литературного французского языка. Трактат «Защита и прославление французского языка» участника «Плеяды» Жоашена Дю Белле стал первым в Европе научным трудом о значимости национального языка.

Особое место в истории французского Возрождения занимает литературное творчество Франсуа Рабле (1494-1553). Его роман «Гаргантюа и Пантагрюэль» был образцом сочетания на-

родного юмора, антиклерикальной сатиры и гуманистического идеализма. В художественной форме Рабле ставил важнейшие вопросы гуманистической философии — о свободе воли, сущности добродетели, роли религии и церкви, предназначении политической власти, этике войны и мира. Жесткая социальная позиция автора, пафос разума, перед которым сняты все моральные, общественные запреты, сочетание карнавальной веселости с нарочитым натурализмом предвещали скорый переход к позднеренессансному мышлению.

Символом переломного этапа развития французского гуманизма, кризиса его идеалов в условиях нравственного раскола общества стала философия Мишеля Монтеня (1533-1592). В его произведениях внутренний мир личности фактически противопоставляется обществу. Монтень не только критиковал деспотизм, стяжательство и схоластический догматизм, но и выражал сомнение в возможности метафизического познания мира и уверенность в относительности любых нравственных и религиозных идеалов.

Схожие мировоззренческие установки были характерны для творчества многих голландских и немецких гуманистов. В произведениях Эразма Роттердамского (1469-1536), Иоганна Рейхлина (1455-1522), Себастьяна Бранта (ок. 1458-1521), Ульриха фон Гуттена (1488-1523) сатирически изображалось общество, где торжествуют человеческие пороки — высокомерие, невежество, тщеславие, стяжательство. С особым сарказмом и гневом обличались моральное разложение церковного клира, преступная жестокость междоусобных войн. Особенностью мировоззренческих исканий многих представителей Северного Возрождения стало большое внимание к религиозным проблемам. Эразм Роттердамский стал основателем теологического рационализма. Опровергая многие догматы католической церкви, он призывал обратиться к евангелическим традициям раннего христианства. Эразм считал, что человека нельзя рассматривать как изначально порочное существо, но свободная воля человека зачастую идет вразрез с прямым воздействием Бога. Свобода выбора может привести человека как к благодати, так и к пороку, а потому и создает основу для его нравственного возвышения. Эта дилемма не сможет быть осмыслена в духе религиозного мистицизма или смиренного чувства зависимости от воли Божьей. По мнению Эразма, лишь Разум, здоровый скептицизм и критическое сознание открыва-

ют путь к истинному пониманию предназначения человека как творения Бога. Подобные рассуждения оказывались уже далеки от традиции ренессансного философствования и готовили интеллектуальную почву для реформационного движения.

Расцвет светской литературы сыграл ключевую роль в становлении испанского Возрождения. Объединение страны под властью Изабеллы Кастильской и Фердинанда Арагонского, а затем и включение Испании в огромную империю Габсбургов вызвали всплеск общественных дискуссий и формирование гуманистически настроенной интеллектуальной элиты. Философские неоплатонистские трактаты Леона Эбрео (1469–1535), натурфилософские и антропоцентристские работы М. Сервета (1511–1553) и Х. Уарте де Сан Хуана (1529–1588), трактаты Симона Абвиля (1530–1589) и А. де Небриха (1442–1522), посвященные становлению национального языка, были созвучны духовным исканиям итальянских и французских мыслителей. Гуманистическую направленность имели многие художественные произведения, в особенности появившиеся в середине XVI в. пасторальные и плутовские романы. Особую известность приобрело романтическое творчество Мигеля де Сервантеса Сааведры (1547–1616). Особенностью испанской литературы было также появление нового лиро-эпического жанра — романса. Так назывались небольшие поэтические произведения, которые часто напевались под музыкальный аккомпанемент. Этот жанр отличался большим разнообразием и включал новеллические, летописные, лирические, бурлескные (шутливые) романсы. Их популярность способствовала бурному развитию драматургии и театрального искусства. Испанский театр впервые в Европе преодолел характерное для средневековья разделение на придворное и народное течения. «Театр для всех» сочетал традиции античной драмы, народных романсов, гуманистической трагедии и комедии. Основателем испанской драматургической традиции стал Лопе де Вега (1562–1635), разработавший классические принципы сочинения комедий.

Развитие испанской архитектуры и изобразительного искусства эпохи Ренессанса было менее революционным. В начале XVI в. здесь зародился особый стиль — платереск (от лат. *platego* — серебро), основанный на синтезе черт готического, византийского, мусульманского искусства. По живописности, яркости и красочности он был близок к эстетике венецианского чинквенто. К концу столетия платереск сменился более

строгим классическим стилем, получившим название эрререско (по фамилии архитектора Хуана де Эррера (1530–1597), создавшего комплекс дворца Эскориал).

Становление культуры Возрождения в Англии происходило в особых условиях — фактически одновременно с разрывом Реформации и на фоне ускоренной эмансипации социальных групп, связанных с рыночными отношениями. Распространение новых эстетических канонов изобразительного искусства и архитектуры оказалось здесь весьма локальным. Гуманистическое движение приобрело ярко выраженный публицистический, мировоззренческий характер. Уже с 30-х гг. XVI в. особую популярность приобретает жанр политического памфлета, позволяющий в самой острой форме ставить вопросы о сущности государственной власти, природе абсолютизма, пределах свободы, истоках благосостояния нации. Влияние двух ведущих университетских центров — Оксфорда и Кембриджа, придало английской публицистической литературе просветительские черты. Они были характерны и для творчества поэтов-гуманистов — Томаса Уайета (1503–1542), Генри Говарда Сарри (1517–1547), Филипа Сидни (1554–1586), Эдмунда Спенсера (1552–1599). Но вершиной английской ренессансной культуры стал расцвет национальной драматургии и театра.

Английская драма наиболее полно отразила нравственную направленность Позднего Возрождения. Она отличалась реалистичностью, подчеркнутым вниманием к социально-политическим и духовным проблемам общества. Драматургов Джона Лили (1554–1606), Роберта Грина (1558–1592), Томаса Кида (1558–1594), Кристофера Марло (1564–1593) называли «университетскими умами» за стремление не веселить, а поучать публику. Очень характерной была эволюция настроений и тематики художественных произведений Уильяма Шекспира (1564–1616). Ранний, «оптимистический» период его творчества был сопряжен с созданием веселых комедий, а также гениальной романтической драмы «Ромео и Джульетта». Более поздние произведения — «Гамлет», «Отелло», «Король Лир», «Макбет», уже отражали трагическое мироощущение, раздумья о противоречивом сочетании в человеке силы и слабости, величия и низости, о беспредельном одиночестве благородных и честных людей в обществе, где царят зло и лицемерие. Свообразным итогом творческих исканий

английских гуманистов стала сатирическая драматургия Бен-джамина Джонсона (1573-1637), обличающая власть золота, лжи и лицемерия.

Развитие духовной культуры Позднего Возрождения особенно остро продемонстрировало трагическое противоречие между высокими нравственными устремлениями гуманизма и социальной действительностью. Возрождение оказалось не способным сформировать реалистичный идеал обновления общества. Устойчивым лейтмотивом мировоззренческих исканий становятся скептицизм, жесткая сатира и, все чаще, нескрываемое разочарование в возможностях человека. Попытки же сохранить в искусстве жизнерадостность, эстетику праздника, оптимизм вызвали к жизни новые художественные стили, не имевшие глубокой философской основы.

Предвестником постренессансной эпохи стал маньеризм (от итал. *manierismo* — вычурность), зародившийся в Италии уже в середине XVI в. Основной вклад в формирование художественного метода маньеризма внесли Якопо Понтормо (Карруччи, 1494-1557), Джулио Романо (1492-1546), Пармиджанино (Франческо Маццола, 1503-1540). Стремление художников отразить идеалы красоты за счет виртуозной техники привело к преобладанию формы над содержанием. Образы маньеризма — нарочито изысканные, лишённые искреннего психологизма, были подчинены культуре пластики обнаженного тела. Их характерной чертой стало изображение чрезмерного, напряженного движения, не мотивированного сюжетом, но позволяющее максимально использовать линии силуэта. Отдельным направлением в развитии живописи маньеризма стал новый жанр парадной портретной живописи. Его основателем считается Анджело Бронзино (1503-1572). Парадный портрет отразил стремление маньеристов к эстетизации малейших элементов, деталей композиции, созданию утонченных художественных произведений.

Вершиной итальянского маньеризма стало творчество Бенвенуто Челлини (1500-1571), прославившегося ювелирной обработкой поверхности скульптур. При участии Челлини и других итальянских мастеров было осуществлено декоративное оформление дворца Франциска I в Фонтенбло. Эти работы положили начало развитию архитектурно-декоративной «школы Фонтенбло». Ее крупнейшими представителями были Россо Фьорентино (1493-1541), Франческо Приматиччо (1504-

1570), Жан Гужон (1510-1568), Пьер Леско (1515-1578). Архитектура маньеризма отличалась не пространственной, а орнаменталистской эстетикой, эклектичным сочетанием традиций романского и готического ордера, стилизацией под естественные, природные конструкции. Франко-итальянская «школа Фонтенбло» оказала большое влияние на формирование стиля испанского романизма, ярким представителем которого был Эль Греко (1541-1614). В начале XVII в. краткое господство маньеризма сменилось зарождением нового общеевропейского художественного стиля — барокко, ставшего основой постренессансного искусства.

Политическая	теория	Н.	Макиавелли.
Социальные	утопии	эпохи	Возрождения

Формирование ренессансного идеала личности имело огромное значение, превосходящее представления самих гуманистов. Их нравственно-эстетические искания, лишь в редчайших случаях бросавшие открытый вызов церкви и государству, готовили почву для глобальной мировоззренческой революции. Пафос внутренней свободы и плюрализма человеческого воображения пестовал новую социальную философию. Осознанная индивидуальность в корне разрушала традиционные, корпоративные формы самоидентификации. Но обожествленный человек оказывался асоциальным. Воспеваемая гуманистами свобода формирования собственного «Я» легко переходила грань самоизмышления. Фигура Человека-творца, способного к самосовершенствованию и обладающего неограниченной волей, ставила под сомнение всеислие Бога-творца. Дискредитация религиозно-корпоративной этики без реальной мировоззренческой альтернативы, освобождение от диктата церкви при отсутствии иных духовных авторитетов открывали путь для интеллектуальной, нравственной, социальной анархии. В итоге диалектика свободы и вседозволенности оказалась фатальной проблемой для общественной мысли эпохи Возрождения. Символом ее стала политическая теория Н. Макиавелли.

Никколо Макиавелли (1469-1527), известный политик флорентийской республики, был автором нескольких научных трудов, в том числе трактатов «Государь», «История Флорен-

ции», «Рассуждения о первой декаде Тита Ливия», «О военном искусстве». Его взгляды основывались на представлении о человеке как природном существе, чьи стремления определяются эмоциями и аффектами, в том числе страхом, любовью, вожделениями, страстями. Поэтому Макиавелли считал, что человек зол и эгоистичен, если его поступки не сдерживаются извне. Этика, мораль, добродетель и даже религия не могут преодолеть природный индивидуализм, поскольку являются производными от человеческих интересов и получают ту или иную форму лишь благодаря человеческому разуму. Но рациональное желание людей избежать насилия и зла со стороны окружающих приводит к появлению понятий справедливости и законности. Добиться их реализации, обеспечить спокойствие и единство общества может лишь государство («*stato*») — система публичной власти.

Вслед за античными мыслителями, Макиавелли рассматривал преобладающие в обществе настроения как основу круговорота простейших форм государства. Монархия способна обеспечить порядок и стабильность, но единовластие открывает путь к коррупции и тирании. Монархическое престолонаследие порождает аристократию, которая из-за человеческих вожделений и властолюбия перерастает в олигархию. Протест народа против олигархов приводит к созданию демократии, которая из-за неумения большинства людей пользоваться свободой неизбежно перерождается в анархию. Усмирить же толпу и воссоздать государство может лишь монархия. «Сила создает покой, покой — праздность, праздность — беспорядок, беспорядок — разруху, а из нее возникает порядок, из порядка — сила», — писал Макиавелли. Эта игра страстей и стремлений вечна. Но, по мнению Макиавелли, политическое искусство способно приостанавливать тяготение людей к порокам, возрождать и длительное время поддерживать мир и спокойствие. Неумелое же властвование, напротив, поощряет самые низменные черты человеческой природы. Эта дилемма исчерпывающе характеризует подлинные цели политики, главной из которых является сохранение и упрочение самой власти как гаранта единства народа, порядка и социального мира.

Рассматривая две основные модели властвования — республику и монархию, Макиавелли отдает предпочтение первой. Именно республика, возлагающая бремя ответственности на всех граждан, может быть политически наиболее эффективной.

При этом идеи Макиавелли были далеки от пафоса народо-властия. В городской массе, плебсе (*la plebe, il vulgo*) он видел лишь угрозу смуты, хаоса, вожделений и пагубных страстей. Государственная власть, на его взгляд, должна опираться на патрициев (*i patrizi, i nobili, il popolo grasso*) — имущие городские слои с постоянными, «реальными» интересами. Поддержка же всего народа (*il popolo*) важна лишь в противостоянии правителей с аристократической знатью, основным источником интриг и эгоистического честолюбия. Подобная позиция позволила Макиавелли преодолеть противопоставление республики и монархии, рассматривая принципы политического искусства как универсальные для обеих систем властвования. Выбор же формы правления, по его мнению, должен определяться конкретными задачами, стоящими перед тем или иным народом и государством.

Макиавелли считал, что возглавлять государство могут лишь люди, обладающие особым качеством — доблестью (*virtu*), т. е. способностью преодолевать обстоятельства, подчинять себе фортуна. Поступки правителя должны быть рациональными и свободными, основанными на принципах практичности и целесообразности. Мораль и религия, напротив, не могут быть основанием правильной политики. Макиавелли полагал, что поскольку человек представляет собой существо природное, подчиненное своим вожделениям и аффектам, то его нравственные и религиозные установки формируются под влиянием извне. Государство само должно пестовать те или иные моральные ориентиры. Правителю же надлежит исходить во всех случаях из соображений полезности, быть искренним лишь в своем стремлении к укреплению власти и порядка. Он должен не останавливаться перед применением силы, при необходимости быть жестоким и коварным, «не отклоняться от добра, если это возможно, но уметь вступать на путь зла, если это необходимо». Макиавелли сравнивал хорошего правителя с лисицей, распознающей западни, и львом, устрашающим своих врагов. Любые его действия могут быть оправданы, если они приводят к необходимому результату.

Макиавелли отнюдь не являлся безусловным сторонником насилия. Он подчеркивал, что правление, основанное на законах, более предпочтительно. Однако сила может оказаться более эффективной при необходимости противостоять интригам или радикально менять общество. Не менее важным

политическим средством Макиавелли считал обеспечение моральной поддержки со стороны народа. Для этого важно внушать подданным как любовь, так и страх. Репутация правителя должна способствовать формированию в обществе необходимых моральных устоев. «Нет необходимости князю обладать добродетелями, — писал Макиавелли, — но непременно должно казаться, что он ими наделен. Больше того, ... если он их имеет и всегда согласно с ними поступает, то они вредны, а при видимости обладания ими они полезны; так, должно казаться милосердным, верным, человечным, искренним, набожным, должно и быть таким, но надо так утвердить свой дух, чтобы при необходимости ты мог бы стать иным. Князь не может соблюдать все, что дает людям добрую славу, так как он вынужден ради сохранения государства поступать против верности, против любви к ближнему, против человечности, против религии».

Теория Макиавелли стала одним из первых развернутых обоснований политического имморализма. Она отразила специфику нравственно дезориентированного, утратившего органическую цельность общества. Однако, доказывая несовместимость политического искусства с какими-либо априорными ценностями и идеалами, Макиавелли отнюдь не призывал к беспринципности. Напротив, он весьма четко сформулировал принцип ответственной политики, подчиненной единой цели — приоритету государственного интереса (*ragion di stato*). В его трудах последовательно проводится идея сильного национального государства, опирающегося не на единство веры (*fides*), а на согласие народа (*consensus*). Подобные представления о системе публичной власти будут востребованы в европейской общественной мысли значительно позднее. Сам же Макиавелли мало стремился к теоретическому обобщению своих представлений о политике. Он пытался сформулировать сугубо практические рекомендации, наставления, призванные направить усилия власть имущих в наиболее эффективное и целесообразное русло. Практичность и утилитарность его предложений явно диссонировали с пафосом гуманистической философии. Макиавеллизм стал символом всей противоречивости ренессансного антропоцентризма. Образ сильной личности, способной бросить вызов фортуне, обрел в трудах Макиавелли реальные черты, но оказался противопоставлен человеку естественному, эгоистичному и ничтожному в своих помыслах.

Откровенная элитарность макиавеллизма, его цинизм в решении проблемы «сильной личности» оказались неприемлемы для большинства мыслителей эпохи Возрождения. Но осознание несовершенства общества, где индивидуальный интерес, погоня за властью и наживой становились основной гарантией благополучия, заставляло многих гуманистов чрезвычайно скептически относиться к современникам. Как следствие, ведущим направлением гуманистической мысли на рубеже XVI-XVII вв. становится скептицизм. Его представителями были Эразм Роттердамский (1469-1536), Себастьян Кастеллион (1513-1563), Мишель Монтень (1533-1592), Франсуа Санчес (1552-1632), Пьер Гассенди (1592-1655).

Наиболее ярким образцом ренессансного скептицизма является миропонимание Мишеля Монтеня. Он полагал, что те моральные и религиозные нормы, которые люди воспринимают как естественные и непреходящие, на самом деле являются правильными лишь для тех, кто в них верит. Поэтому сомнение в предмете любой веры, стремление «все взвешивать и все оценивать разумом» является непременным качеством человека. Естественность человека должна выражаться не в попытках уподобиться божеству, а в признании собственной ограниченности, в стремлении «жить умеючи», согласовывать общественные правила с собственной природой. Следуя подобной логике, скептицизм XVI в. делал решительный шаг к этике индивидуализма, преодолевающей традиции ренессансного антропоцентризма. Альтернативой подобному развитию ренессансного скептицизма стала утопическая мысль раннего Нового времени.

Название жанру утопической литературы дало самое известное произведение английского писателя и политического деятеля Томаса Мора (1478-1535). Греческое слово «утопия» (и — «нет» + *topos* — «место») Мор буквально переводил как «Нигдея», или «место, которого нет». Таким образом он назвал вымышленный остров, находящийся в Южном полушарии. Описание жизни жителей этого острова позволило Мору не только раскрыть свой общественный идеал, но и указать на Источники зла в современном государстве. Важнейшей особенностью жизни утопийцев Мор считал исключение эгоизма и неравенства. Здесь нет частной собственности, и все граждане работают по шесть часов в день. Физический труд ценится больше, причем для всех утопийцев обязательно участие как в сель-

скохозяйственных, так и ремесленных работах. Время работы, отдыха и сна одинаково для всех. Дома на Утопии одинаковы, и каждые десять лет жители меняются своими жилищами. Утопийцы одеваются в одинаковые одежды (отличающиеся лишь для мужчин и женщин). Деньгами они не пользуются. Питаться могут дома, но предпочитают общественные дворцы, равно как и лечатся в основном в общественных больницах. Семейная жизнь подчинена патриархальным правилам и строгой морали, но без нарочитого аскетизма. Таким образом, население Утопии живет в соответствии с законами природы, полагая, что удовольствие, доставляемое разумной жизнью, есть наивысшее благо для человека.

Мор описывал государственное устройство Утопии, основанное на многоступенчатых, тайных выборах. Должностные лица и священники избираются из особой группы людей, расположенных к научной деятельности и поэтому освобожденных от физического труда. Мор особо подчеркивал, что в такой роли может оказаться любой утопиец, так что никакого противостояния между гражданами не возникает. Исключения составляют рабы, в число которых попадают осужденные за позорные деяния граждане. Главой государства является пожизненно избираемый князь, который может быть смещен за стремление к тирании. Государство Утопии миролюбиво, но может участвовать в войнах для защиты своей территории, своих союзников, а также для освобождения других народов от тирании. Характерной чертой является стремление Утопии вести войны с помощью наемников, чтобы не приучать своих граждан к насилию.

Автором еще одной известной утопии под названием «Город Солнца» являлся итальянский гуманист Томмазо Кампанелла (1568-1639). Он описал устройство вымышленного города-государства, где отсутствовала частная собственность и все жители представляли собой единую общину. Избираемые гражданами должностные лица образовывали особую иерархию, возглавляемую четырьмя высшими магистратами. Три из них — Мощь, Мудрость и Любовь, отвечали за военную, научную и профессиональную деятельность. Верховный правитель — Метафизик — являлся главой и светской, и духовной власти. Он не избирался народом, а занимал свой пост как наиболее достойный гражданин. Кампанелла подробно описывал жизненный уклад соляриев, отмечая планомерный характер

их хозяйства и досуга, регламентирующую роль государства в воспитании граждан, распределении благ и даже продолжении рода.

Схожие идеи были характерны и для других утопических произведений эпохи Позднего Возрождения, в том числе романов Людовико Цукколо, Франческо Патрици, Людовико Агостини, Альберто Дони, а также более поздних произведений — «Новой Атлантиды» Ф. Бэкона, «Республики Океания» Дж. Гаррингтона, «Путешествия в Икарию» Э. Кабэ, «Путешествия Гулливера» Д. Свифта. В большинстве из них отражался эгалитарный идеал социальной справедливости, изображалось общество, лишенное противостояния личного и социального начал, построенное по принципу единой общины, но с иерархичной и влиятельной государственной организацией. Подобное представление о социальной гармонии отражало кризис гуманистического антропоцентризма, разочарование в обожествленной Личности. Но подлинной смысловой основой любой утопии становится противопоставление двух миров, один из которых является несовершенным, погрязшим в противоречиях и пороках, а другой — олицетворяет мечты о справедливости.

Критика окружающего общества, основанная на выдвигании альтернативного («утопического») социального проекта, неизбежно подводила к мысли о необходимости радикального изменения существующей действительности. Формировалось убеждение в том, что люди способны собственными силами создать и сохранить идеальный социальный порядок. При этом утопизм опирался на своего рода «инженерный» подход к анализу общества. В утопических романах неизменно прослеживается трансляция неких универсальных принципов справедливости и эффективности на разнообразные аспекты общественного устройства. В результате образ идеального общества утрачивает роль ценностного ориентира и приобретает форму вполне определенного социального, экономического, правового проекта, элементы которого могут быть рационально определены и воссозданы.

Окончательный шаг к переходу от утопии, как игры воображения, к «практической теории», от мировоззренческих «вечных» идеалов к политической идеологии, основанной на принципах целесообразности и рационализма, произойдет уже эпоху Просвещения. Непременным условием этого духовного

переворота являлось формирование нового типа научного познания, основанного на механистическом восприятии мироздания, на своего рода «инженерном» отношении к обществу и природе. Но закрепление самой веры в возможность преобразования существующего общества на началах высшей справедливости и естественности было сопряжено с глубинными изменениями в христианском мироощущении. Ключевую роль в этом процессе сыграла Реформация.

**Реформация и Контрреформация:
движение за духовное обновление
христианского общества**

В XVI в. в лоне западноевропейского христианства развернулось широкое реформационное движение за обновление церкви. Его сторонники получили название протестантов (от лат. protestantis — «публично доказывающий»).

Реформация, как и Возрождение, стала следствием нарастающего распада сословно-корпоративного порядка. Оба движения были сопряжены с попытками осмыслить причины упадка традиционных духовных ценностей, роста социальной напряженности, дискредитации общественных институтов. В обоих случаях лейтмотивом мировоззренческих исканий являлись попытки постичь смысл человеческого существования, основы истинной веры, таинство приобщения человека к высшей природе. Но гуманизм был движением духовной элиты европейского общества, опирающейся на интеллектуальные способы познания и художественные формы самовыражения. Столкновение высоких идеалов гуманизма с реальной действительностью общества, находящегося в состоянии духовного смятения, неуравновешенности и нравственной дезорганизации, закономерно завершилось торжеством скептицизма и утопизма.

Подобно гуманизму Реформация изначально не являлась «народным движением». У истоков ее стояли выдающиеся мыслители-богословы, стремящиеся на теоретическом уровне доказать правомерность своих взглядов на основы и формы вероисповедания. Но одновременно Реформация была порождением и массовой психологии. Она ярко отразила особенность маргинального типа сознания, формирующегося в

условиях резкого изменения уклада жизни, нравственных устоев и поведенческих стереотипов. Маргинальность — это особое социально-психологическое состояние, основанное на ценностном и ролевом дуализме. В переходном обществе оно характеризует не столько люмпенизированные слои («низы»), сколько представителей вполне социализированных групп, чей статус, занятость, общественные связи меняются в новых условиях быстрее, чем собственная самоидентификация. Это состояние «промежуточности» и порождает устойчивое ощущение тревоги, неприкаянности, растерянности.

Модернизация придает маргинальным реакциям особую остроту. Возникает проблема «маленького человека», не способного легко и органично интегрироваться в мир индивидуальной ответственности, состязательного образа жизни, рационального и критического отношения к авторитетам. Такая личность приобретает специфическое мировосприятие, основанное на категориях силы и борьбы. Сила, дисциплина, подчинение привлекают в качестве фактора стабильности и спокойствия. Наличие мифического или реального «врага» избавляет от необходимости анализировать реальное положение вещей, нести ответственность за выбор поведения. Агрессивность маргинала является защитной реакцией, за которой скрывается внутренняя неуверенность и слабость. Лейтмотивом поведения становится стремление «устоять», «сохранить верность заветам». В итоге маргинализованный человек оказывается склонным одновременно и к социальному нигилизму, и к искренней вере в некие «высшие» идеалы и ценности. Служение «высшим» идеям, фанатичная вера в «подлинную правду», равно как и уверенность в том, что жизнь «на самом деле» подчиняется и определяется внешними, сторонними силами, обеспечивают для него комфортное психологическое состояние.

Реформация стала своеобразным ответом на маргинализацию массового сознания. В этом качестве она была сопряжена не столько с мировоззренческим новаторством, сколько с построением предельно простой, стройной и понятной системы Ценностей и мотивации. Провозглашая непримиримую борьбу за возрождение евангелического христианства, бескомпромиссно бросая вызов авторитету римско-католической церкви, протестантские движения сами проповедовали идеи жесткой Духовной самодисциплины, упорядоченного образа жизни,

почти монашеского аскетизма. Для их адептов было характерно чувство абсолютного единения, сплоченности, фанатичная вера в собственную правоту и крайнее неприятие оппонентов. Это позволяло преодолеть ощущение одиночества и растерянности, утрату веры в справедливость.

Удовлетворяя психологические потребности маргинализованных слоев общества, Реформация одновременно была связана и с совершенно иной тенденцией — укреплением нового социального порядка, эмансипацией общественных групп, вовлеченных в развитие предпринимательства и торговли, формированием национальной государственности. Протестантизм, конечно, не предполагал прямой проповеди ценностей гражданского общества. Более того, его фанатизм и безапелляционность явно противоречили идеям толерантности и свободы личности, уверенности человека в собственных силах и разуме. Однако именно для протестантов актуальными оказались вопросы, отражающие рост гражданского самосознания — о духовной ценности существующего социального порядка, о роли богатства и бедности в жизни человека, о смысле «мирских» усилий и значении достигнутого в обществе успеха, о взаимоотношениях человека и власти, сущности и функциях государства, возможности неподчинения подданных неразумным требованиям властей.

Формирование социальной доктрины протестантизма было связано с преодолением традиций католической сословно-корпоративной идеологии. Католицизм освящал сословный принцип общественного устройства не только с точки зрения корпоративных интересов церкви. Христианское сообщество воспринималось как состоящее из трех взаимосвязанных, но принципиально отдельных частей: *oratores* (те, кто молится), *bellatores* (те, кто сражается) и *laboratores* (те, кто трудится). Духовная и светская власть первых двух сословий рассматривалась как сакральное служение всему сообществу, ответственность за которое они несут перед Богом. Считалось, что третье сословие не имеет подобной миссии, но выполняет свою роль в мирской жизни и является частью всего социального организма. Таким образом, католическая идеология основывалась не только на признании безусловного приоритета целого над частным, но и на восприятии общего как гармонии составляющих его частей. Личность в этой связи рассматривалась не в качестве подчиненного начала, а как

неотъемлемая часть сообщества, способная к самореализации лишь в его рамках.

Признавая общее благо естественным законом человеческой жизни, католицизм принципиально отказывался видеть в нем результат рационального договора, а в человеческом сообществе — совокупность борющихся за свои интересы индивидов и групп. Поэтому католическая традиция предполагала политическую и гражданскую индифферентность личности, реализующей себя лишь в высшей миссии служения. Однако крах сословно-корпоративного порядка вел к формированию принципиально нового социального пространства, объединенного экономическим укладом, территориально-политическими границами, внесословной государственно-правовой системой, этнической языковой культурой, национальным самосознанием. Формировалось многомерное гражданское общество, не связанное каким-либо универсальным коммуникатором, подобным католической церкви. Протестантизм, выступив против корпоративных интересов церкви, втягивался в этот процесс помимо собственных доктринальных установок. Кроме того, борьба протестантов с эзотеризацией латыни, внедрение ими богослужения на «родных» этнических языках и распространение переводов Библии стали мощным катализатором развития национальных языковых культур — одного из ключевых факторов формирования гражданского общества.

Развертывание реформационного движения было обусловлено и внутрицерковными доктринальными противоречиями. Изначально христианство опиралось на идею свободы воли, признавая право каждого человека на выбор веры. Однако эта идея противоречила представлению о едином и абсолютном Боге, творце всего сущего и отце рода человеческого. Противоречие снималось благодаря догмату о божественном предопределении, впервые развернуто сформулированном в сочинениях Аврелия Августина. Основу его составила мысль о существовании высшего предвечного закона, определяющего ход событий по воле Бога-отца. Свобода человеческого поступка принципиально ограничена этим законом, поскольку сам человек и его жизнь есть творение Божье. Августин доказывал, что свободная воля «достаточна для греха, но слишком мала для спасения». Спасение же возможно лишь с помощью божьей благодати.

Догмат о божественном предопределении позволил Августину сформулировать идею двух градов — Божьего и земного (*civitas Dei* и *civitas terrena*), принадлежность к которым предопределена для каждого человека Богом. Впоследствии, католическая церковь признавала, что добродетель, достоинства, «добрые дела» важны для спасения человеческой души, но не являются достаточными. Спасение может быть даровано лишь Богом, а пастырская миссия самой церкви заключается в распространении божьей благодати на паству. Эта идея подчеркивала и святость иерархии клира в самой церкви, как основанной на преемственности духовной власти римских первосвященников. Встав на путь формализации религиозной жизни паствы, католицизм предполагал сосредоточение духовного и мистического опыта в лоне самой церкви как единственной носительницы божьей благодати и божьего слова. Это стало причиной нарастающего противоречия между вполне толерантным отношением раннего католицизма к мирским, отнюдь не аскетическим проявлениям человеческой природы с проповедью покорности и покаяния как основ веры человека. В эпоху позднего средневековья это противоречие отразилось уже и во внутрицерковной жизни. В это время началась активная интеграция клира в социальные, политические и даже экономические отношения. Но подобные явления вызвали нарастающее недовольство в самой католической среде. Ответной реакцией стало мистическое движение монашествующих орденов, а впоследствии и образование многочисленных сект и диссидентских движений, апеллирующих к традициям раннего христианства. Свободомыслие и самобытность этих духовных течений грозили перерасти в конфессиональную анархию. Именно в такой ситуации и появляется идея Реформации — т. е. коренной реформы самой церкви, призванной удалить из религиозной практики все несоответствующее истинному духу христианства.

Предтечами Реформации стали христианские мыслители XIV-XV вв., впервые поставившие вопрос об условности авторитета церкви. Так, например, Джон Уиклиф (ок. 1330-1384), английский священник и преподаватель Оксфорда, использовал христианскую идею служения для обоснования прерогатив королевской власти в ущерб властным и имущественным притязаниям церкви. В своих рассуждениях о вере Уиклиф опирался на свое толкование догмата о предопределении. Но

он полагал, что божественной благодатью изначально обладает каждый человек. Совершение смертного греха отнимает возможность спасения, но искреннее раскаяние и вера могут вернуть ее. Таким образом, спасение верой рассматривается исключительно как внутренний духовный акт, для которого посредничество церкви не обязательно. Уиклиф отрицал святость заупокойной мессы, целибата, исповеди, отпущения грехов, почитания святых и их реликвий. Высшим авторитетом для верующих он считал лишь Библию, т. е. Священное Писание, а не Святое предание самой церкви.

Еще одним ярким представителем Ранней Реформации был чешский проповедник Ян Гус (1371-1415). В отличие от Уиклифа, он не отрицал таинство богослужения, но высказывал сомнения в высшем авторитете папской духовной власти. Гус являлся ярким представителем национального движения в лоне католической церкви, борцом против политических притязаний папства. В своих проповедях он одним из первых выдвинул идеал «евангельской бедности» церкви, призывая к отказу не только от стяжательства, но и от роскоши в убранстве католических храмов. Эта характерная для будущей Реформации идея отнюдь не была связана с психологией «бюргерской бережливости». Гус ратовал за новую эстетику богослужения, ориентирующую людей на внутренние, сокровенные переживания, а не мобилизующую их чувства в едином экзальтированном порыве. Идея «бедной церкви» закрепляла, таким образом, приоритет внутренних свидетельств веры, авторитет личного убеждения вопреки принудительным внешним авторитетам. Участие в Констанцском соборе 1414 г. закончилось для Гуса обвинением в ереси, арестом и казнью на костре.

Джон Уиклиф и Ян Гус, гуманисты Ульрих фон Гуттен и Эразм Роттердамский предвосхитили многие основные идеи Реформации. Однако при всей схожести идеологической платформы ранней и зрелой Реформации между ними существовало принципиальное различие. Ранняя Реформация отразила прежде всего нарастающий скептицизм в отношении признанных авторитетов, разочарование в способности Церкви сохранить нравственные устои общества. Переход к зрелой форме этого духовного движения был связан не только появлением новых ярких идеологов, но и с формированием

^в всего комплекса социально-психологических и экономических

предпосылок, превращающих Реформацию в созидающее, конструктивное явление.

Первое мощное реформаторское движение возникло в Германии в начале XVI в. на гребне волны городских и крестьянских восстаний, конфликтов между рыцарскими группировками, имперской и княжеской властями. Рубежным событием стало выступление виттенбергского священника Мартина Лютера (1483-1546) в октябре 1517 г. с «95 тезисами» против продажи индульгенций. Спустя три года он издал три программных сочинения: «К христианскому дворянству немецкой нации», «О вавилонском пленении церкви» и «О свободе христианина», сформировавших основу протестантского вероучения. Ответом на них стала папская булла об отлучении Лютера от церкви. Лютер публично сжег ее текст, а в 1521 г. на рейхстаге в Вормсе решительно отверг требование императора Карла V отречься от своих взглядов. С этого времени Лютер превращается в признанного лидера немецкой Реформации.

Опираясь на догмат о божественном предопределении и спасении верой, Лютер проповедовал глубоко личностное, духовно-интимное отношение каждого человека к Богу. Он считал, что послушание Богу является долгом сыновней любви, а не накоплением заслуг для спасения. Поэтому общение с Богом — это дело совести, а не плод разума или дисциплины. Лютер подчеркивал зависимость веры от глубочайшего раскаяния, «сокрушения сердца». Лишь дойдя до полного смирения перед божьей волей и готовности принять любое ее решение, человек может обрести спасающую помощь божьего милосердия. Таким образом, обретение справедливости и спасения является исключительно индивидуальным процессом, в основе которого лежит вера — непостижимый разумом и нерасчленимый духовный опыт.

Оказываясь всецело в воле Бога, человек обретает, с точки зрения лютеранства, широкую свободу в своей «внешней» жизни. Не имея подлинной потребности ни в одной вещи, он оказывается способен ценить любую вещь как богоданное благо. Каждая профессия или род занятий, каждый добрый поступок, не являясь личной заслугой перед Богом, воспринимаются как божий дар. «Наша вера во Христа, — писал Лютер, — освобождает нас не от дел, но от ложного представления о делах». С точки зрения лютеранства, не только духовная, но и мирская жизнь человека во всем ее многообразии приобретает высшую

ценность. Важно лишь тщательно избегать в ней греховности, которая, по мнению Лютера, является для людей «неизлечимой проказой и несмываемой скверной».

Отстаивая оправдание человека лишь по Божьему предначертанию, Лютер приходит к отрицанию посреднической роли церкви. Спасаясь только верой, а не делами и заслугами, обретая божественную благодать лишь по воле и милосердию самого Бога, каждый человек должен обращаться к Богу непосредственно, а не через религиозную общину или церковь. Обосновывая таким образом идею «всеобщего священства», Лютер отрицал высший авторитет папства, смысл всей иерархии католического клира, обетов, целибата, монастырской системы, а также канонического права. Лютер отвергал и большую часть таинств католической церкви, отстаивая лишь два из семи (крещение и евхаристию). Единственным авторитетом в делах веры он считал Священное писание, и прежде всего Евангелие, а не Ветхий завет. Негативное отношение к иудейскому наследию сформировало у Лютера жесткую антисемитскую позицию.

Доказывая отсутствие различия между мирянами и священниками перед Богом, Лютер не отрицал необходимости самой церкви. С его точки зрения, церковь из «внешней», облеченной властными полномочиями и утверждающей каноническое право, должна превратиться во «внутреннюю», сугубо духовную организацию. Такая «евангелическая» церковь должна выполнять миссию наставницы людей в религиозной жизни, помогать человеку в достижении смирения, разъяснять Священное Писание. В эту духовную миссию не вправе вторгаться светская власть. Однако, если сама церковь оказывается не способна вернуться к евангелическим принципам, то эту задачу должно выполнить государство. Лютер считал, что крещеный правитель, как и все верующие, разделяет «священничество» и выполняет Божью волю. Поэтому, не используя власть в религиозных целях, он должен защищать церковь, равно как и право каждого человека на веру.

Принцип этатизма (от фр. *etat* — «государство»), т. е. активной государственной политики во всех сферах общественной жизни, стал одним из важнейших для лютеранства. Лютер подчеркивал, что именно в государстве, помимо брака и семьи, дан божественный порядок. Светское государство руководствуется лишь своими законами. Оно представляет собой «бич и меч

Божий», охраняя общество от хаоса и войны, человеческой злобы и эгоизма. В этом качестве государство вправе решать вопросы собственности и даже жизни человека. Лютер призывал государство бороться против пьянства и разврата, роскоши и злоупотреблений. Однако внутренняя духовная жизнь человека, по его мнению, неподвластна государям. Подданные же должны отвечать уважением к власти государей. Восставший против христианского государства, по мнению Лютера, становится врагом всего божественного порядка.

Опорой протестантского движения стали магистраты многих германских городов. Идеалы лютеранской Реформации разделяла часть немецкого рыцарства, участвовавшая в неудачном восстании против князей в 1522—1523 гг. под руководством Ф. Зиккингена. Важную роль в разворачивании реформаторского движения сыграла и Крестьянская война 1524-1525 гг., духовный лидер которой Томас Мюнцер (1490-1525) выдвинул идеи всеобщего духовного переворота во имя праведной веры и свержения власти «безбожных тиранов». Нарастание политического экстремизма в немецкой Реформации было остановлено решением Шпейерского рейхстага 1526 г., когда имперские государи получили возможность до церковного собора действовать в религиозных вопросах по своему разумению, «как если бы они были ответственны только перед Богом и его императорским величеством».

Препятствием для окончательной консолидации евангелической, т. е. протестантской церкви в Германии стала острая дискуссия Лютера с лидером швейцарской Реформации Ульрихом Цвингли (1484-1531). Свои основные идеи Цвингли высказал в «67 тезисах» (1523) и работах «О божественной и человеческой справедливости» (1523), «Об истинной и ложной вере» (1525), «Изложение христианской веры» (1531). Подобно Лютеру, Цвингли доказывал принципы «оправдания верой» и «всеобщего священства», отрицал авторитет Священного предания и католического клира. Однако расхождение в трактовках некоторых догматов, в том числе таинства причастия, привели к их острой дискуссии. Так, например, Лютер сохранял представление о реальном присутствии Тела и Крови Христа в момент таинства, а Цвингли понимал причастие лишь как символ искупительной жертвы Христа.

Цвинглианство в еще большей степени, чем лютеранство, объединяло религиозно-догматические идеалы с нормами

социальной этики. Соглашаясь с необходимостью формирования евангелической церкви, Цвингли боролся за утверждение евангелических принципов во всех сферах общественной жизни. Для него вера была не только духовным актом каждого отдельного человека, но и высшим законом общественной жизни. Главнейшей задачей государства и церкви он считал обеспечение совместной жизни стремящихся к этому идеалу христиан. Не отрицая частную собственность или военную службу, Цвингли доказывал, что они связаны лишь с природной сущностью человека. К совершенному состоянию человек приближается не отказываясь, но преодолевая эти склонности, идя по пути братской любви, терпимости, благотворительности. В государстве Цвингли не видел силы, способной реализовать подобный идеал. Показательно, что в отличие от Лютера, он являлся сторонником республики как самоуправления христианского народа. Решающую роль в развитии цвинглианской Реформации сыграли религиозные общины. Их внутренняя жизнь строго регламентировалась, нередко в соответствии с суровыми ветхозаветными предписаниями. Пастыри наделялись большими полномочиями, хотя избирались самими верующими.

После гибели Цвингли в битве при Каппеле во время войны протестантских и католических кантонов, лютеранство стало быстро распространяться в городских общинах Верхней Германии. Важный шаг в формировании общегерманской евангелической церкви сделал соратник Лютера Филипп Меланхтон (1497-1560). В 1530 г. он представил имперскому рейхстагу текст «Аугсбургского исповедания» с изложением основных идей лютеранской доктрины, а спустя год — его «Апологию». Образование в 1531 г. Шмалькальденского союза, объединившего протестантские коммуны и княжества, привело к окончательному укреплению позиций лютеранства в вестфальских и ганзейских городах, в Пруссии и Северо-Восточной Германии. В 30-х гг. протестантам удалось добиться заключения религиозного мира внутри Священной Римской империи, а также остановить распространение анабаптизма — эгалитарного реформационного учения, отрицающего церковное устройство. Религиозный мир между немецкими католиками и протестантами был закреплен в 1555 г. решениями Аугсбургского рейхстага, установившим право суверенов определять конфессию своих земель («чья власть, того и вера»).

В 30-40-х гг. XVI в. королевская Реформация победила в Дании (включая Норвегию и Исландию) и Швеции (включая Финляндию). Духовными лидерами скандинавских протестантов были Г. Таусен, И. Бугенхаген, М. Агрикола, признававшие безусловный авторитет Лютера. Возникшие здесь евангелические церкви были национальными, но основывались на общей догматике. В 1577 г. все основные варианты лютеранских исповеданий, в том числе трактаты Лютера и Меланхтона, были собраны в единый комплекс. Он получил название «Формулы согласия» и был опубликован в 1580 г. под названием «Книга согласия». Последним отголоском религиозного раскола Центральной и Северной Европы стало образование Протестантской Унии в 1608 г. и Католической лиги в 1609 г. Вошедшие в их состав государства приняли активное участие в Тридцатилетней войне (1618-1648).

Идеологические основы еще одного мощного реформационного движения заложил французский теолог Жан Кальвин (1509-1564). После обучения в университетах Орлеана, Буржа и Парижа он получил степени магистра искусств и доктора права. Увлечшись идеями лютеровской Реформации, Кальвин был вынужден эмигрировать из католической Франции и уехать в Швейцарию. С 1536 г. и до самой смерти он фанатично укоренил протестантизм в Женеве, превратив ее в центр реформационного движения европейского масштаба. К 1536 г. относится и первое издание фундаментального труда Кальвина — «Наставление в христианской вере». Первоначально эта книга создавалась как последовательное изложение и комментарий лютеранских взглядов. Однако в ходе дальнейших переработок трактат увеличился с шести до восьмидесяти глав и приобрел оригинальный по содержанию характер. Окончательная редакция «Наставлений», опубликованная в 1559 г., стала наиболее полным отражением доктрины кальвинизма.

Ключевой идеей учения Кальвина было представление о Боге как абсолютном и непостижимом Величии. Кальвинизм предполагает, что Бог не только является творцом мира, но и активно управляет всем сущим. Только божественная воля определяет ход событий, предназначение предметов и судьбу людей. Вселенная лишена какой-либо гармонии форм или ценностей, помимо самого величия Бога. При этом логика божественной воли непостижима для людей. Человеку остается недоступным подлинное значение того или иного события.

Ему дана лишь возможность приобщения к божественной добродетели, но только в том случае, если этот дар совершается самим Богом.

Как и Лютер, Кальвин считал, что спасение души происходит через личное обращение к Христу, т. е. на основе веры. Однако он полагал, что человек абсолютно несвободен в этом выборе. Лишь сам Бог определяет одних к спасению, а других к вечным мукам. Даруя немногим спасение, Бог всецело принимает на себя кару за их греховность. Поэтому жизнь избранных праведников подчинена не только любви к Всевышнему, но и безусловному служению божественной воле. Отверженные сохраняют свое изначальное греховное состояние. Они могут совершать добрые дела лишь в силу внешнего принуждения (мнения людей, требований церкви или государства), а также исходя из расчета или соблазна, соображений совести или чувства прекрасного. Но и в этих поступках проявляется божественная воля, преследующая собственные цели, а не пытающаяся дать шанс для спасения.

Согласно кальвинистской трактовке догмата о предопределении, божественная воля не только наделяет избранных благодатью и спасением души. В праведниках Бог реализует свою волю, через их деятельность он активно управляет своим творением. Тем самым праведники фактически участвуют в реализации божественных замыслов, и свидетельством этого «соучастия» является их успешность в мирских делах, уважение со стороны окружающих, влиятельное положение в обществе. Но эта успешность является не вознаграждением за благодетель человека, а мощным императивом для его последующей деятельности. Задачей праведника становится приложение всех сил в той сфере, где его успех продемонстрировал расположение Бога.

Кальвин окончательно отказался от идеала созерцательной причастности человека к божественному порядку, присущего как католической схоластике, так и лютеранству. Кальвинизм призывает человека не к примирению с миром, а к его активному преобразованию. Праведная человеческая воля отождествляется с волей Бога. Ощущение гармонии и осмысленности божественного порядка сменяется представлением о неоднородности, несовершенстве мира как незавершенного и постоянно развивающегося божественного творения. Отрицая творческую свободу человека, Кальвин абсолютизирует его

созидательную волю, а также тот порядок, который создается благодаря усилиям «избранных». «Человек достоин исключительной чести, — писал он. — В качестве представителя Бога он осуществляет власть над миром, как если бы она принадлежала ему по праву».

Кальвин разделял наиболее ортодоксальные протестантские представления о роли и устройстве церкви. Отрицая роль церкви как института спасения, кальвинизм рассматривает ее как общину верующих. Из семи христианских таинств кальвинистская церковь сохранила крещение и евхаристию, отказавшись также от поклонения иконам, мощам, святым местам. В качестве абсолютного авторитета признавалась лишь Библия. Отрицая идею клира, основанную на таинстве священничества, кальвинистская церковь сохранила достаточно жесткую внутреннюю иерархию. Всех лиц, избираемых на церковные должности, Кальвин предлагал разделить на четыре категории: пасторов, пресвитеров, диаконов и проповедников. Все вместе они составляли высший коллегиальный орган — конгрегацию, или коллегия. Кроме того, особую роль в кальвинистских общинах играл совет старейшин (консистерия), куда входили все проповедники общины и представители мирян. Консистории возлагали на себя функции жесткого контроля над нравственностью, умеренностью жизни, воспитанием детей и т.п. Во многих гражданских вопросах они фактически превращались в судебные инстанции. В целом, церковь в представлении кальвинистов приобретала черты меча — посредством ее праведники должны управлять греховным миром и реализовывать Божий замысел.

Признавая исключительную роль церковного сообщества, Кальвин считал неверным вмешательство его в юрисдикцию государства. Государство он рассматривал как естественное образование, возникающее благодаря социальным побуждениям человека. Само стремление человека к образованию сообществ даровано ему Богом. Объединившись люди могут достигать общих целей, стремиться к благоденствию и справедливости. Государство располагает силой закона и власти для решения таких задач. Его роль особенно важна в греховном мире, где нравственность, вера, церковь, семья нуждаются в защите. Выполняя эту христианскую миссию, государство приобретает исключительное влияние на человека. Предоставляя каждому одинаковые права и возможность свободно реализовывать свое

предназначение, публичная власть требует полной покорности законам, реализующим богоданные принципы общежития, защищающим от греха и соблазна, злобы и жестокости. Но огромные полномочия государства, с точки зрения Кальвина, предполагают и высокие требования к правителям. Власть, не выполняющая свои функции, препятствующая праведным действиям, должна быть безусловно уничтожена. Право на восстановление кальвинизм закрепляет не за народом (в большинстве своем состоящим из грешников), а за общиной верующих.

Таким образом, Кальвин привнес в доктрину протестантизма не только обновленное представление о Боге, основах веры и путях спасения, но жесткую логичность, последовательность рассуждений и доказательств, сочетаемые с глубоким религиозным вдохновением и ортодоксальной фанатичностью. Подобный синтез позволил кальвинизму в наибольшей степени отразить не только идеологическую направленность, но и социально-психологические истоки Реформации. Кальвинистский идеал высоконравственной, экономной, деятельной жизни приобрел характер политической программы, легко переходящей в открытую борьбу против любого инакомыслия. Как следствие, кальвинизм превратился в мощный катализатор общественной борьбы в наиболее динамично развивающихся регионах Европы — Швейцарии, Нидерландах, Англии, Южной Франции.

Швейцария стала первым очагом распространения кальвинизма. Под влиянием общин Женевы и Цюриха швейцарская национальная церковь окончательно сложилась уже к 1566 г. В развитии нидерландской Реформации первоначально более значительную роль играли анабаптисты с их эгалитарными убеждениями. Но уже с 50-х гг. инициатива перешла к сторонникам кальвинизма. В 1561 г. был опубликован официальный символ веры голландских кальвинистов. В крупнейших городах Нидерландов возникли консистории, активно втягивавшиеся в борьбу против испанского господства. Иконоборческое восстание радикальных кальвинистов в 1566-1567 гг. положило начало Нидерландской революции. После Эмденского синода 1571 г. в нидерландском кальвинизме возобладало наиболее ортодоксальное направление. Под его влиянием сложилась жесткая система догматов и иерархическая церковная структура. Попытка смягчения доктринальных основ нидерландского кальвинизма была предпринята сторонниками «ре-

монстрационного движения» уже в начале XVII в. Несмотря на их осуждение Дордрехтским синодом 1619 г., во многих провинциях Нидерландов кальвинистская церковь сохранила определенную специфику.

Во Франции растущее влияние идей Кальвина было связано с жестким противостоянием протестантов (гугенотов) и католических кругов, близких к престолу. Первый национальный синод протестантских общин прошел нелегально в 1559 г. Дальнейшее усиление гугенотского движения и втягивание его в династический конфликт привели к кровавым религиозным войнам 1562-1598 гг. После восшествия на французский престол Генриха IV была окончательно закреплена католическая конфессиональная принадлежность правящей династии, но по Нантскому эдикту 1598 г. гугенотам гарантировалось равноправие. Постепенное вытеснение их из политической и гражданской власти происходило на протяжении всего XVII в. Большая часть гугенотов эмигрировала из страны, а движение за образование национальной (галликанской) церкви зародилось уже в лоне французского католицизма.

Под непосредственным влиянием швейцарского и нидерландского кальвинизма происходило зарождение протестантского движения в Шотландии и Англии. В Шотландии кальвинизм стал известен благодаря деятельности Джона Нокса (1505-1572), несколько лет прожившего в Женеве. В 1557 г. здесь был создан Конвент (Союз реформированного дворянства), а в 1560 г. парламент учредил национальную пресвитерианскую церковь. В Англии Реформация приобрела двойственный характер. С одной стороны, еще в правление Генриха VIII произошел разрыв с Римом и образование англиканской церкви. Реформационный парламент, заседавший в 1529-1536 гг., законодательно закрепил национальный характер церкви, главенство в ней монарха, проведение богослужения на английском языке, ликвидацию монастырей и некоторых католических догматов. Но англиканская церковь сохранила епископат как основу иерархии клира. С конца XVI в. в Англии начала формироваться религиозная оппозиция — движение за очищение церкви (пуританизм). Более радикальное пуританское движение индепендентов изначально выступало за формирование ортодоксальной церкви кальвинистского типа. Умеренное движение пресвитериан носило в большей степени политический характер. Оба они сыграли решающую роль в

развертывании Английской революции XVII в. Поражение революции и реставрация монархии возродили в стране англиканскую церковь.

Итак, Реформация стала общеевропейским явлением, спровоцировавшим в XVI-XVII вв. многочисленные религиозные войны и конфессиональный раскол континента. Но в истории европейской цивилизации возникновение протестантизма сыграло исключительно важную роль. Протестантское миропонимание основывалось на принципиально ином понимании человеческой личности. Идея божественного предопределения, будь то лютеранское «всеобщее священство» или кальвинистская богоизбранность, приобретала ярко выраженный социальный характер. Основой мотивации человека становилось ощущение индивидуальной успешности и общественного признания. В отличие от умозрительного творческого самовыражения «человека Возрождения», протестантизм пестовал уважение к обыденному труду, профессиональной занятости, предпринимательскому успеху. Богатство и власть, доставшиеся честно и используемые во благо, начинают рассматриваться как общественно полезный и праведный труд, а не средство для удовлетворения тех или иных потребностей. Кальвинизм добавляет в эту палитру новых социальных настроений проповедь нравственной дисциплины, решительности и волевого настроения, деловитости и бескомпромиссности в достижении целей. В сочетании с фанатичным идеализмом и ортодоксальностью все эти черты превращали протестантизм в мощное политическое и идеологическое явление, способное стать катализатором первой волны антифеодалных революционных выступлений. В дальнейшем протестантская культура стала основой для формирования особой модели гражданских и политических отношений, тесно связанной со становлением правового государства, институтов гражданского общества, классовой социальной структуры.

Успех Реформации поставил католическую церковь перед необходимостью серьезных внутренних преобразований. Не менее важной проблемой было обмирщение самого католического клира. С конца XV в. папство оказалось втянуто в серию международных конфликтов. Папы фактически превратились в светских государей. Многие из них выступали в роли меценатов. Причем, для оплаты строительства великолепных церковных сооружений в Риме была введена скандальная практика

продажи индульгенций. Все чаще продавались и церковные должности. Особенно низко пал престиж Святого престола в период господства семейных кланов Борджа и Медичи. Во время понтификатов Льва X (1513-1521) и его племянника Климента VII (1523-1534) папство вызывало уже всеобщее презрение и ненависть.

Моральной оппозицией папству стали неформальные духовные движения в среде католического клира. Особую известность приобрел орден театинцев и его лидеры Гаэтано да Тьене и Жан Пьеро Карафа. Первый из них был ярким поведением францисканских идей — обета бедности, идеалов нестяжательства и духовности церкви, приоритета убеждения в вопросах распространения веры. Проповедь театинцев во главе с да Тьене нашла широкий отклик среди приходского клира и монашества. Ее поддержал и орден капуцинов, возникший в 1528 г. на основе ордена францисканцев.

Деятельность сторонников католического обновления получила название религиозного Возрождения. Своего пика она достигла во время понтификата папы Павла III (1549-1555). Именно он сформулировал принцип: «Папе, как представителю Бога, не надлежит извлекать какую-либо денежную пользу из власти, завещанной ему Христом». Эта идея противостояла не менее известному высказыванию папы-сикстуса Льва X: «Давайте будем наслаждаться папством, которое ниспослал нам Бог». Павел III создал в 1542 г. комиссию по обновлению церкви, которая начала подготовку Вселенского собора и борьбу против стяжательства представителей курии.

Постепенно среди сторонников обновления инициатива перешла к более радикальному крылу. Его лидером был Жан Пьеро Карафа. Он призывал не только к непримиримой борьбе против протестантов, но и отказу от компромисса с гуманизмом. Эта линия получила название теоцентризма — стремления к сохранению высшего таинства и безусловного авторитета веры. По настоянию Карафы папа учредил в 1542 г. Римскую инквизицию, призванную добиваться сохранения чистоты веры. Это стало символом смены церковного Возрождения на Контрреформацию. Причем, очагом ее становится не Италия, а Испания, сохранившая фанатично настроенное и энергичное духовенство.

Ключевой фигурой в истории Контрреформации стал Игнатий Лойола (1491/1493-1556), основавший в 1540 г. орден

иезуитов. Этот орден «воинствующей Церкви» был уподоблен боевому отряду, каленным железом (в прямом и переносном смысле) выжигавшем «скверну» в католическом мире. Особый обет предписывал членам ордена предоставлять всю свою жизнь в распоряжение папы для выполнения этой миссии. Члены ордена отбирались самым тщательным образом. Они получали очень хорошее образование и подвергались исключительно муштре для воспитания выдержки, воли, дисциплины. Орден был сплочен не только абсолютной властью пожизненно избранного генерала, но и духом братства, религиозным фанатизмом.

Лойола проповедовал культ послушания, как высшей добродетели. Он считал, что величайшей опасностью для души верующего является злоупотребление ложно понятой свободой, и эта опасность неизмеримо возрастает с появлением реформационных учений о свободе веры. Лишь подчинение, открывающее путь к контролю над собой и власти над другими, Лойола считал спасительным в пору всеобщего смятения. Вместо пастырского попечения о спасении душ он требовал от иезуитов использовать все доступные методы и средства для укрепления власти папы и влияния ордена. Не случайно, что деятельность иезуитов быстро приобрела политический характер, а их образ превратился в синоним цинизма и расчетливости.

В 1545 г. состоялось открытие Тридентского Вселенского собора, посвященного церковной реформе. Деятельность собора протекала в три этапа: при Павле III — в 1545-1547 гг., при Юлии III — в 1551-1552 гг. и при Пие IV — в 1562-1563 гг. Перерывы были связаны с растущим разочарованием в обновленческих идеях. Характерно, что Карафа, ставший папой в 1555 г. под именем Павла IV, во время своего понтификата вообще не стал возобновлять собор. В результате, Тридентский собор завершился полной победой сторонников наиболее консервативного крыла духовенства, а его решения носили сугубо схоластический характер. Восторжествовал старый принцип католической традиции: Церковь призвана защищать догматы от ложных толкований путем уточнения их смысла новыми, не вызывающими разночтений формулировками.

Решения Тридентского собора подтвердили равенство Священного писания (Библии) и Священного предания как источников веры, утвердили догматы о главенстве папской духовной

власти над авторитетом Вселенского собора, о семи таинствах, чистилище, первородном грехе и спасении верой. Был также подтвержден порядок осуществления мессы, исповеди, поклонения святым, отменена продажа индульгенций. Особые предписания касались мер по восстановлению религиозной дисциплины духовенства.

После завершения Тридентского собора католическая церковь превращается в одну из наиболее консервативных общественных сил в Европе. Контрреформация приобрела воинствующий характер. Папа Пий V (1566-1572) дал свое благословение террору инквизиции в Испании и Португалии и вооруженной борьбе с гугенотами во Франции. Развязкой стала кровавая Варфаламеевская ночь в Париже в 1572 г. Папа Григорий XIII (1572-1585), известный своими инициативами по реформированию календаря, приложил немало усилий для укрепления влияния в церкви иезуитов. Под их руководством оказалась вся система обучения и подготовки священнослужителей. Своего пика Контрреформация достигла при папе Сиксте V (1585-1590), когда была обновлена структура и организация кардинальского корпуса, усилена власть самого папы и модернизирована управленческая система Папского государства. На протяжении всех этих лет Святой престол активно участвовал в межгосударственных отношениях, борясь против королевской Реформации в странах Европы.

§7

«Ньютоновская картина мира»: научная мысль и общественное сознание XVII в.

Научная революция XVII в.

В XVII столетии процесс модернизации европейского общества носил еще достаточно противоречивый характер. Экономические и политические новации охватили в это время далеко не все страны континента, а новые социальные силы смогли укрепиться лишь в нескольких наиболее динамично развивавшихся регионах. Но именно в XVII в. произошли глубинные изменения в духовной культуре европейского общества, был совершен прорыв в распространении новых форм познания. Лейтмотивом этих изменений стала научная революция, закрепившая господство классической механики и математики, индуктивного рационализма и эмпирического опыта в качестве основы человеческого познания.

Складывание предпосылок научной революции XVII в. происходило на протяжении всего Позднего средневековья и эпохи Возрождения. Николай Кузанский и Леонардо да Винчи, Николай Коперник и Джордано Бруно сделали важнейший шаг к формированию метафизического восприятия Вселенной, представлению о механических закономерностях развития материи, утверждению духа прагматичного рационализма и взгляда на опыт как основу познания.

Переходными фигурами, завершающими эпоху гуманистических исканий и открывающими период построения фундаментальной системы научного познания, стали итальянский ученый Галилео Галилей и английский философ Френсис Бэкон. Их исследования отразили глубинные перемены в мироощущении и социальной психологии европейского общества. Перманентная изменчивость, стремительность и динамизм жизни начинали восприниматься как естественная и закономерная реальность, а не проявление хаоса. Научные

изыскания утрачивают прежний бунтарский пафос. Борьба с догмами, ниспровержение схоластических представлений о божественной гармонии бытия сменяются поиском нового, столь же всеобъемлющего объяснения порядка вещей.

Галилео Галилей (1564-1642) в своих опытах и математических расчетах впервые доказал, что динамика — т. е. движение, перемещение, изменение, может рассматриваться как основа природных процессов. Таким образом, на смену органическому объяснению объективных законов природы Галилей выдвинул естественно-механистической. Этот разрыв со всей космологической, натурфилософской и религиозно-мировоззренческой традицией человечества был уникальным европейским феноменом. Философия Нового времени начала развиваться на основе комплекса естественно-научных категорий и методов. Тем самым, вся система представлений о природе и обществе, базовые мировоззренческие координаты европейского сознания утрачивали прежнюю связь с эзотерическими представлениями о глубинном таинстве мироздания и иррациональной сущности человеческой души.

Уже Галилей заявлял о природе, как «книге, написанной на языке математики», и обществе, представляющем собой физический континуум. Основой представления о материи становятся понятия атома, как неделимого «бесконечно малого», и абсолютного максимума — как «бесконечно большого», единого и целостного в своей бесконечности. Закреплялась мысль о том, что любая конечная величина (предмет, явление или процесс) может быть рассмотрена как сочетание определенного количества атомов и, одновременно, как проявление некоего абсолютного принципа, метафизической бесконечности, чья сущность определяется лишь конфигурацией и взаимодействием составных частиц.

Исходя из своей атомической теории, Галилей предлагал использовать для познания «резольтивный» (аналитический) метод, расчлняющий исследуемое явление на наиболее простые составные элементы, и «композитивный» (синтетический) метод, гипотетически выводящий из анализа элемента тот общий принцип или закон, который обеспечивает исследуемому явлению его целостность и качества. Подобный механистический принцип построения картины мира мог быть легко распространен и на анализ общества, восприятие человеческих отношений, определение новых художественных и эстетических канонов.

Ключевую роль в утверждении идеи систематизации научных знаний сыграл Фрэнсис Бэкон (1561-1626). Он призывал к «великому восстановлению наук», т. е. приведению научного знания в соответствие с изменившимися условиями человеческого бытия и расширившимися границами представлений о мире. Бэкону принадлежит один из самых известных в истории афоризмов: «Знание — это сила». Но само представление Бэкона о науке было достаточно своеобразным. Он считал, что научными являются все упорядоченные формы человеческого восприятия и отражения действительности.

Классификация наук, предложенная Бэконом, основывалась на различии трех начал человеческой души — памяти, фантазии и разума. Поэтому тремя основными отраслями научного знания Бэкон называл историю, поэзию и философию. Под историей он понимал описание фактов и событий, причем как общественных, так и природных. Поэзией Бэкон называл отражение действительности сквозь призму человеческого воображения и эмоций. Философия, по Бэкону, призвана изучать теологические, метафизические и антропологические проблемы. Единство же исторического, поэтического и философского познания Бэкон усматривал в конечной общности их задач — познании предметов и явлений через анализ их формы, т. е. структуры и порядка составляющих их мельчайших частиц, и на основании этого — открытии формы самой природы, т. е. законов, обуславливающих ее свойства и источники развития.

Таким образом, механистический и атомический взгляд на мироздание подводил Бэкона к идее единства научных и художественных форм восприятия действительности. Универсальный метод познания («истолкования Природы»), предложенный Бэконом, основывался на индукции — постепенном и последовательном построении общих умозаключений на основе единичных наблюдений, «выведении аксиом из ощущений и частных». Решающую роль в отборе фактов, служащих для аналитического обобщения, Бэкон отводил экспериментальному опыту. В отличие от пассивного наблюдения, эксперимент, в его понимании, предполагал активное вмешательство в рассматриваемый процесс, устранение незначимых условий и частных. Идеал экспериментального познания позволял Бэкону говорить о науке как основе всей деятельности человека.

Тесная взаимосвязь методологических и этических взглядов Бэкона, его стремление к сочетанию научных и художественных форм познания действительности блестяще проявились в сочинении «Новая Атлантида» (1624). Утопический роман Бэкона стал первой попыткой изображения идеала техногенного общества, чье развитие всецело основывается на успехах науки. Бэкон считал, что механические изобретения окажут огромное влияние на человеческую жизнь, превосходящее роль любых духовных факторов. Жителям Новой Атлантиды он приписывал любовь к богатству и роскоши. Но источником благоденствия станет неизмеримо возросший уровень техники и науки.

Бэкон изобразил своего рода технополис, в котором человек подчиняет и преобразует природу. Особенно подчеркивалась способность науки новых атлантов усовершенствовать и даже выводить совершенно новые породы животных и сорта растений. Представление о глубинном единстве элементарных частиц материи позволило Бэкону мечтать о выращивании новых растений без семян путем комбинирования почвы, зарождении «из воздуха» или «из гнили» простейших форм животных и насекомых с преобразованием их затем в более высокие виды. Бэкон подробно описал роль коллегиального правительства Новой Атлантиды — «Соломонова дома», объединявшего сообщество ученых. Важнейшей задачей «Соломонова дома» Бэкон называл «познание причин и скрытых сил всех вещей и расширение власти человека над природой». Поэтому именно ученые, в представлении Бэкона, призваны руководить всей жизнью общества. Власть над людьми, подчеркивал он, может получить лишь тот, «кто поймет до конца природу человека».

Бэконовский идеал научного сообщества был характерным явлением своего времени. В Европе сложилась целая плеяда выдающихся ученых и мыслителей: Иоганн Кеплер, Рене Декарт, Пьер Гассенди, Блез Паскаль, Барух Спиноза, Христиан Гюйгенс, — закрепивших механистический принцип анализа любых явлений и процессов. Для них природа являлась объектом познания, эксперимента, опыта, а человек — субъектом, призванным прочесть «великую книгу мира». Путь к знанию рассматривался прежде всего как наращивание количества познанных истин. Отдавая отчет в ничтожности человеческого знания по сравнению с подлинным величием природы,

принципиальной недостижимости для человеческого разума абсолютной, высшей истины, философы XVII в. ввели в мир — понимание европейцев жесткую формулу причинности, закономерности любых событий, математичность и рационализм доказательств, преклонение перед научным прогрессом.

Немецкий астроном и оптик Иоганн Кеплер (1571-1630) принадлежал к поколению Галилея и Бэкона. Развивая идеи Коперника, Кеплер выдвинул собственную теорию движения небесных тел. Он сформулировал три закона о движении планет, ставшие впоследствии основой теоретической астрономии и получившие развитие в механике И. Ньютона. Кроме того, Кеплер разработал теорию солнечных и лунных затмений, предложил способы их предсказания, уточнил величину расстояния между Землей и Солнцем. Он изобрел зрительную трубу, состоящую из двух положительных линз, и придумал систему линз для телескопов. Теоретическое обобщение этих разработок позволило выявить закономерности в зрительном восприятии предмета в зависимости от его расположения и освещенности.

Большую роль в разработке основ математического анализа, в том числе начал аналитической геометрии, теории чисел, теории вероятностей, сыграл французский лингвист Пьер Ферма (1601-1665). Он сформулировал и одну из самых знаменитых в истории науки теорем — уравнение $x^n + y^n = z^n$, где $n > 2$ не имеет целых положительных корней. Доказательство «великой теоремы Ферма» было получено лишь в 1994 г.

Аналитическая геометрия и алгебра стали основой научных исследований еще одного французского ученого — Рене Декарта (латинизированное имя Картезий, 1596-1650). Именно он предложил использовать общепринятые теперь знаки для обозначения переменных величин (x , y , z) и буквенных коэффициентов (a , b , c), создал метод прямолинейных координат. С исследованиями Декарта связан ввод таких понятий, как «координаты», «произведение», «парабола», «лист», «овал». В области физических исследований Декарт ввел понятие «силы» (меры), «движения» (количества движения), сформулировал закон сохранения движения (количества движения) и закон инерции, развил представления о явлении магнетизма. На основе математического анализа Декарту даже удалось уточнить ошибочную формулировку закона преломления, предложенную Кеплером.

Математическую точность Декарт считал обязательным требованием для всей системы познания. Под математичностью исследований он понимал стремление опираться в формулировании и доказательстве любых положений и выводов на очевидную, всеми признанную истину. При этом Декарт подчеркивал, что речь идет именно об универсальном методе, а не едином знании. «Метод, — рассуждал Декарт, — это тот фундамент, на котором сооружается здание науки... Вся философия подобна дереву, корни которого — метафизика, ствол — физика, а ветви, исходящие из этого ствола, — все прочие науки, сводящиеся к трем главным: медицине, механике и этике». Математические истины, по Декарту, могут быть единственной общепризнанной методологией, поскольку они вытекают из природы самого интеллекта.

Декарт сформулировал четыре правила рационального метода познания: **1)** в качестве истинных допускать только такие положения, которые представляются ясными и отчетливыми, не могут вызвать никаких сомнений; **2)** делить каждую сложную проблему на составляющие ее частные проблемы или задачи; **3)** решать проблему в определенном порядке, начиная с простейших предметов, и восходить, как по ступеням, до познания наиболее сложных, допуская существование порядка даже среди тех явлений, которые в естественном ходе вещей не предшествуют друг другу; **4)** не допускать никаких пропусков в «перечне рассуждений», т. е. в логических звеньях исследования.

Избирая правильный метод познания, человек, по мнению Декарта, руководствуется интуицией и дедукцией. Интуиция — «понимание ясного и внимательного ума, которое порождается одним лишь светом разума», позволяет человеку верно определить аксиомы, т. е. априорные истины, не подлежащие доказательству. С помощью дедукции истина последовательно выводится из достоверно известных аксиом. К сфере интуитивного знания Декарт относил представления о человеческом духе и Боге. В остальном же познание нуждается в дедуктивном рассуждении, а, следовательно, порождается сомнением.

Декарт считал, что помимо априорных истин все многообразие «внешнего мира» и даже существование собственного тела является поводом для сомнения со стороны здравого разума. Таким образом, стремление к рациональному познанию, выраженное в сомнении, это единственно достоверное свидетельство

существования самого человека. «Cogito ergo sum» («Я мыслю, следовательно, существую») — утверждал Декарт.

Рассматривая истинное бытие («субстанцию») человеческого мира как мыслящее, рациональное начало, Декарт столь же последовательно доказывал материальность «внешнего мира». Материальную субстанцию Декарт определял как протяженность. Все иные свойства вещей (цвет, запах, форму, вес) он считал вторичными. Протяженность образуется перемещением частиц материи — инертных, пассивных и бесконечно делимых масс. Это движение есть лишь результат толчка, сообщаемого одному телу другим. Поэтому мировая материя (пространство) беспредельна и однородна. Она не имеет пустот и делима до беспредельности.

Отождествляя материю с протяженностью и признавая лишь механическое движение, Декарт предлагал взгляд на всю Вселенную как на огромный механизм, подчиняющийся строгим законам сохранения количества движения и принципу инерции. Первоначальный импульс существованию этого мира, по мнению Декарта, дал Бог. Но в дальнейшем его существование определяется внутренними метафизическими закономерностями. Возникновение растений, животных и даже человека Декарт связывал с действием тех же механических законов. И лишь человеку, обладающему душой, разумом и речью, дано выйти за пределы этого механического движения и привести в мир разумную субстанцию.

Научно-философские труды Декарта имели колоссальный резонанс в Европе. Сам стиль мышления, основанный на рациональном познании и логических умозаключениях, получил название «картезианского». Под влиянием Декарта в середине XVII в. произошло возрождение французской традиции скептицизма. Это явление получило название «нового пирронизма» («пирронизм» — учение античного философа Пиррона, в широком смысле трактуемое как скептицизм). В отличие от нигилизма скептиков XVI в., «новые пирроники» не выражали сомнения в способности разума познать основы мироздания. Они отрицали лишь догматичность в познании, превращение тех или иных идей в непререкаемые истины. «Новые пирроники» отстаивали идеал непрекращающегося научного поиска, постоянного углубления и расширения знаний. Крупнейшими представителями «нового пирронизма» были французские Мыслители Пьер Гассенди и Блез Паскаль.

Пьер Гассенди (1592-1655) разработал радикальный вариант атомистской теории. В своих сочинениях он ратовал за рассмотрение атома как реального физического тела, а не метафизической или математической категории. В отличие от Декарта, Гассенди отрицал идею непрерывности материи (т. е. «сплошной заполненности» мира материей). Он писал о Вселенной, которая состоит из пустоты и атомов. Пустота, как бестелесное пространство, является важнейшим условием движения атомов. Она неосязаема и лишена плотности, неспособна ни воздействовать на что-либо, ни подвергаться воздействию. Атомы движутся и взаимодействуют в ней благодаря собственной силе тяжести и инерции устойчивых сцеплений различных атомов (молекул). В таком мире всякое целое есть лишь механическое соединение частей, закономерное и, одновременно, случайное, стихийное по своему характеру.

Гассенди считал, что сугубо материальный, телесный характер мироздания не оставляет места для независимого существования человеческой мысли. Познание есть лишь результат внешнего воздействия на человека. Познание и восприятие, понятие и образ для Гассенди были тождественны. Чувственный опыт он рассматривал как единственное объективное основание разумного осмысления мира. При этом, Гассенди указывал на неизбежную ограниченность познания, связанную с невозможностью человека всеобъемлюще воспринимать реальность. Поэтому абсолютное, исчерпывающее знание Гассенди сравнивал с мечтой о бессмертии — принципиально недостижимой, но заставляющей пытаться все новыми средствами продлить жизнь. «В познании, — писал он, — исследование истины не является тщетным, ибо хотя доступ к ней и мал, однако и он представляет собой великую ценность».

Французский математик и физик Влез Паскаль (1623-1662) стал известен как основоположник гидростатики, автор одной из основных теорем проективной геометрии и конструктор «суммирующей машины». Но особенно важное место в его научном творчестве занимали философско-гносеологические проблемы. Паскаль отрицал декартовскую теорию аксиом. Он считал, что никакого априорного, «прирожденного» знания не существует, и истина постигается человеком исключительно в ходе эмпирического познания. Паскаль называл два условия, позволяющие получить абсолютно достоверное знание:

все утверждаемые положения должны быть строго доказаны, а ни одно из них не может содержать термины, нуждающиеся в дополнительных пояснениях.

Паскаль отмечал, что попытки достичь такого абсолютного знания в конечном счете оказываются неудачными. Любая научная дефиниция может быть подвергнута сомнениям, а новые опыты неизбежно доказывают ограниченность результатов предыдущих. Но при этом Паскаль отнюдь не отрицал целесообразность научного познания. Он стремился доказать, что наука призвана шаг за шагом приоткрывать «сокрытые истины» мироздания, опираясь на строгие правила «опыта и рассуждения». Математически точное и проверенное знание становится фундаментом для последующих исследований, хотя никогда не может рассматриваться как исчерпывающий ответ на тот или иной вопрос.

Развивая идею относительности познания, Паскаль отвергал пафосное возвеличивание человеческого разума. Для него познающий человек — это «мыслящая тростинка», окруженная безбрежным океаном Вселенной. Мышление возвышает человека над Вселенной, придает ему уникальную роль в природе. Опыт и разум обеспечивают человеку неограниченные возможности познания, которые возрастают с каждым поколением. Но рациональность, по мнению Паскаля, не исчерпывает характеристику человеческой природы. Чувства человека, его страсти и инстинкты провоцируют неразрешаемые противоречия и конфликты, отражающиеся и в познании мира. Преодолеть эту «бесконечную бездну» можно лишь с помощью подлинно «бесконечного и неизменного», т. е. Бога.

Во второй половине XVII в. в европейской интеллектуальной элите возрастает стремление к фундаментальным естественнонаучным исследованиям. Метафизическое философствование все в большей степени уступает место систематизированному, математически точному знанию. Сама научная деятельность постепенно становится профессиональной. Важным шагом в этом направлении стало создание академий. Первая из них была образована в 1660 г. в Англии под названием Лондонского Королевского общества. Его членами стали выдающиеся Ученые, связанные с самыми различными сферами исследований. Девизом общества стала фраза — «nullius in verba» («ничего со слов» — перефразировка одной из строк Горация). Она символизировала отказ от априорных идей, стремление к

проверке любых знаний с помощью опытов и экспериментов, установлению точной истины.

Лидером Лондонского Королевского общества, а в 1680–1691 гг. и его президентом, стал Роберт Бойль (1627–1691). Бойль являлся одним из основоположников физики и химии, основанной на механистической методологии. Механистическую натурфилософию Бойль называл корпускуляризмом (т.е. атомической теорией). С точки зрения Бойля, механическое взаимодействие частиц материи (их «симпатии» и «антипатии», т.е. притяжение и отталкивание) обуславливает почти все качественные определенности природных объектов и процессов. Подобно Декарту, Бойль видел основное свойство материи в протяжении. Но движение материи он считал не только происходящим, но и постоянно зависящим от высшего, божественного начала. Протестант Бойль был убежден, что законы мироздания поддерживаются благодаря непрерывному содействию божественной воли. Поэтому в атомах он видел не самостоятельные субстанции, мельчайшие «кусочки вещества», а вторичные явления, чье качество зависит от формулы движения и взаимодействия, их расположения (situation) и сочетания (texture). Изменение структуры и качества любого предмета, по мнению Бойля, лишь отражает изменение типа движения и взаимодействия атомов.

Бесспорным лидером Парижской Академии наук, созданной Кольбером в 1665 г. по примеру Лондонского Королевского общества, был голландский ученый Христиан Гюйгенс (1629–1695). Под влиянием Гюйгенса деятельность французской Академии была направлена прежде всего на исследование проблем математики, механики, астрономии, естествознания (биологии). Сам Гюйгенс был талантливым изобретателем. Именно он сконструировал маятниковые часы со спусковым механизмом и новую форму окуляра для телескопов (что позволило ему открыть кольцо у Сатурна и спутник этой планеты Титан), совместно с Р. Гуком установил постоянные точки термометра.

Гюйгенс участвовал в активной полемике с картезианцами. Он выдвинул теорию «твердых атомов», как нерушимых материальных частиц. Взаимодействие таких атомов под влиянием взаимных ударов Гюйгенс считал основой всего движения. Удар абсолютно упругих и совершенно одинаковых тел рассматривался Гюйгенсом и как модель движения света.

Такого рода движение он называл волновым. Установив, что для движущихся тел физическое значение имеет только их относительная скорость, Гюйгенс стал первым ученым, сформулировавшим принцип относительности движения.

Основателем Берлинской Академии наук и ее первым президентом стал Готфрид Лейбниц (1646–1716). Подобно многим своим коллегам, он с успехом сочетал фундаментальные исследования с конструкторскими и прикладными разработками. Самым известным изобретением Лейбница стала уникальная счетная машина, способная производить сложение, вычитание, умножение и деление. Специально для нее ученый разработал двоичную систему счисления. Лейбницу принадлежат важнейшие открытия в области теоретической математики. Лейбниц ввел много математических терминов, впоследствии вошедших в научную практику — дифференциальное исчисление, дифференциальное уравнение, алгоритм, функция, дифференциал, абсцисса, ордината, а также знаки дифференциала и интеграла.

Научно-философское учение Лейбница отразило влияние платонизма. Ключевой категорией в нем стало понятие монады (от греч. «монас» — единица) — мельчайших элементов мироздания, своего рода первокирпичиков бытия. Лейбниц считал, что монады представляют собой движущий принцип, «изначальную силу», самодовлеющую и самодостаточную. Поэтому в человеческом представлении они предстают скорее как идеальные, мыслимые частицы, а не реально существующие атомы. Каждая монада, по мнению Лейбница, это индивидуальный феномен, сконцентрированное отражение единой и бесконечной Вселенной. Поэтому в качестве субстанции монады определяют и первоосновы природного бытия, и сущность человека, и источник познания.

Опираясь на теорию монад, Лейбниц выдвинул идею универсальных принципов познания (так называемых «принципов-законов»). К подобной категории Лейбниц отнес принципы всеобщей взаимосвязи; законосообразности, необходимости и порядка; различий, или индивидуации; тождества, или закон противоречия; достаточного основания; непрерывности; предустановленной гармонии; совершенства созданного Богом Мира. Все эти принципы, по мнению Лейбница, не являются априорными идеями, равно как и результатом научного обобщения. Они очерчивают реальные механизмы вселенского

движения и отражают всю сложность сотворенного Богом мира. Отсюда их взаимная противоречивость и, одновременно, глубокая взаимосвязь.

«Монадология» Лейбница и его методологические идеи существенно отличались от большинства научно-философских концепций второй половины XVII в. Лейбниц подошел к метафизическому обоснованию принципа диалектики, в том числе отказу от сведения качественного к количественному, целого — к совокупности составляющих частей. Бесконечное многообразие мира раскрывалось им в сочетании категорий необходимости и возможности, причинности и случайности. Единство знания в таком случае основывалось на формально-логичных основаниях, на принципах аналитического рассуждения. Но подобный подход был неприемлем для большинства философов XVII в., абсолютизовавших эмпирическую сторону исследований. В европейской науке восторжествовал механистический принцип, основанный на сведении сложного к простому, объяснении всех природных явлений с помощью принципов движения материи, представлении об обратимых во времени фундаментальных законах мироздания, которые подлежат экспериментальному установлению и математическому описанию.

Решающий шаг в закреплении механистической картины мира сделал английский ученый Исаак Ньютон (1643-1727). Публикация его самой известной работы «Математические принципы натуральной философии» в 1687 г. стала символом последнего этапа научной революции XVII в. Ньютон сформулировал три закона, фиксирующие основные характеристики механистической концепции движения: 1) всякое тело продолжает удерживаться в состоянии покоя или равномерного и прямолинейного движения, пока и поскольку оно не понуждается приложенными силами изменить это состояние; 2) изменение количества движения пропорционально приложенной движущей силе и происходит по направлению той прямой, по которой эта сила действует; 3) действию всегда есть равное и противоположное противодействие, иначе — взаимодействия двух тел друг на друга между собою равны и направлены в противоположные стороны. Суммарный принцип получил название ньютоновского закона всемирного тяготения: два тела взаимно притягиваются друг к другу с силой, прямо пропорциональной их массам и обратно пропорциональной квадрату расстояния между ними.

Казалось бы, Ньютон предельно сужает содержание механистических принципов в ущерб их общефилософскому пафосу. Однако мировоззренческое значение ньютоновской теории оказалось огромным. Доньютоновская наука развивалась под большим влиянием деизма — религиозно-философской концепции, признававшей сосуществование объективных закономерностей в развитии природы и высшей божественной воли. Атомически устроенная материя рассматривалась как пассивное начало, которое приобретает то или иное качество прежде всего за счет движения и взаимодействия внутренних частиц. И это подводило к мысли о том, что существует некий высший источник самого движения, высшее начало или мировая душа, обеспечивающая связь всего сущего.

Сам Ньютон всегда считал, что мироздание создано по единому плану Творца. Но он пытался исключить из своих концептуальных построений рассуждения о божественной воле и абсолютизировал механико-астрономические закономерности, по которым функционирует материя. Понятия «абсолютное пространство» и «абсолютное время», предложенные Ньютоном, характеризовали космический механизм как стабильную и самодостаточную в своей внутренней динамике систему. Мировоззренческий пафос такой теории был связан с убежденностью в принципиальной способности человеческого разума достаточно точно понять и сформулировать эти универсальные законы, а также использовать их для активного преобразования человеческой жизни. Принципиальная непознаваемость Бога, с точки зрения ньютоновской механики, ни в коей мере не препятствует научному познанию и не снижает степень истинности его результатов. Религия в системе ньютоновского миропонимания окончательно превращалась в глубоко интимное, духовное явление жизни отдельного человека, тогда как наука приобретала черты рациональной и в сущности материалистической теории.

Итак, «ньютоновская картина мира» основывалась на констатации фактов, эмпирически доказанных, математически сформулированных и потому воспринимаемых как неоспоримые. Она сводилась к описанию некоего естественного порядка, равновесного и простого в своей основе. Закономерные процессы рассматривались как обратимые во времени,

т. е. атемпоральные, качественно независимые от времени. Случайные же необратимые процессы воспринимались как

малозначимое исключение из общего правила. Тем самым природа, т. е. естественный порядок, лишалась историческо-го времени и становилась символом некоей вечной истины, сокрытой от человека, но увлекающей его на путь познания. Все многообразие окружающего мира виделось сквозь призму неизменности его первооснов, а динамичность рассматривалась как строго детерминированное и механистическое по своему характеру движение. Поэтому «ньютоновский» тип познания представлял собой поиск неких естественных, всеобъемлющих, универсальных схем, объясняющих причинность, детерминированность любых явлений. Эта модель мышления нашла отражение и в сфере социально-политической идеологии.

	Школа	естественного	права
и	социально-политическая		идеология
в	эпоху	становления	абсолютизма

Развитие правовой и социально-политической идеологии в XVII в. происходило в условиях радикальных перемен в государственном устройстве европейских стран, последнего витка религиозных войн и первой волны ранних буржуазных революций, складывания новой системы международных отношений. За уникальным многообразием этих событий и процессов стояли глубинные изменения в мировоззрении европейского общества, в системе социальных взаимосвязей, экономической деятельности, этических и эстетических представлений. Политико-правовая мысль XVII в. отразила не только новые реалии общественной жизни, но и те методологические принципы, которые разрабатывались в европейской философии. Ведущим направлением концептуальных разработок в области проблем государства, политики и права стала школа естественного права.

Основателем естественно-правовой школы считается голландский юрист Гуго Гроций (1583-1645), автор многочисленных произведений по истории и теории государства и права, истории и этнографии, античной литературы и культуры. Появление мыслителя такого уровня именно в Голландии было обусловлено уникальной исторической обстановкой, сложившейся в этой стране на рубеже XVI-XVII вв. Многолетняя

освободительная война, переросшая в буржуазную революцию, превратила голландское общество в оплот новой социальной психологии, стимулировала экономическую модернизацию и складывание внесловных политико-правовых институтов. Буржуазная революция в Нидерландах еще питалась пафосом религиозного противостояния. Ее идеологическая программа основывалась на принципах радикального кальвинизма. Но в начале XVII в. здесь складываются условия и для возникновения светской политико-правовой идеологии.

Правовая теория Гуго Гроция была изложена в трактатах «О праве добычи» (1609), «О древности и строе Батавской республики» (1610), «О праве войны и мира» (1625), «Введение в изучение права Голландии» (1631). Во взглядах Гроция отразилась специфика переходного периода в развитии голландского общества, когда революция уже разрушила старый социально-политический порядок, но формирование нового еще только начиналось. Как следствие, для Гроция оказался свойственным своего рода политический нигилизм и подчеркнутое внимание именно к проблемам права.

Под политикой Гроций имел в виду сферу целесообразности и пользы, а правовые отношения он считал реализацией принципа справедливости. Для вычленения основ правопорядка и определения категории «справедливости» Гроций использовал аристотелевский принцип классификации права на естественное и волеустановленное. Поэтому в категорию «политики» он отнес не только текущую государственную деятельность, но и те правовые нормы и акты, которые «имеют своим источником волю» и, соответственно, различаются в тех или иных странах. Справедливым же Гроций называл тот общественно-правовой порядок, который «возник путем установления от того, что вытекает из самой природы», т. е. естественное право, «право в собственном смысле слова».

Говоря о естественном праве, Гроций не имел в виду некие предустановленные правила или приращенные права. Он отмечал, что нормы естественного права также формулируются людьми. Но их источником является не чья-то воля, интерес или выгода. Естественно-правовые отношения отражают подлинную природу человека — его разумность. Именно разум заставляет людей искать общения с себе подобными и благодаря этому общению обеспечивать на взаимовыгодной основе собственные интересы.

Формулируя нормы естественного права, люди не преследуют определенные цели и не создают тот или иной социальный строй. Они лишь закрепляют разумный порядок вещей, универсальные нормы взаимодействия, порожденные самой человеческой природой. Поэтому, с точки зрения Гроция, естественное право можно рассматривать не только как «предписание здравого разума», но и моральный императив. Волеустановленное право, напротив, отражает практические интересы и может быть средством достижения как справедливых, так и недостойных целей.

В волеустановленном праве Гроций выделял две сферы, которые в принципе не противоречат естественному праву. Это божественное право — установленное Богом и имеющее исключительно форму моральных предписаний, а также право народов, возникающее путем взаимного соглашения между всеми или большинством государств в общих интересах. В жизни людей преобладание естественного права сохранялось лишь на догосударственной стадии. По мере усложнения общественной жизни, обособления частных и групповых интересов естественное право неизбежно дополняется волеустановленным. С возникновением же государства появляется возможность использовать волеустановленное право как борьбы с несправедливостью, так и во имя эгоистических интересов.

Несмотря на нигилистическое отношение к сфере политики, Гроций отмечал, что государство по своей природе отнюдь не противоречит нормам естественного права. Это человеческое творение, и оно должно быть использовано для укрепления разумных принципов общественной жизни. Для этого необходимо отказаться от использования государства в чьих-либо интересах, т. е. от узурпации государственной власти. Как следствие, Гроций отрицал идею сословно-корпоративного государства и предельно ограничивал принцип народного суверенитета. Ни одна из социальных групп, ни сам народ не могут рассматривать государство как основу собственной власти. Суверенитет, т. е. высшая власть, по Гроцию, принадлежит самому государству. Суверенитет же народа реализуется лишь при создании государственности и выборе формы правления.

Форма правления, с точки зрения Гроция, не имеет существенного значения: «Народ может избрать любой образ правления, ибо тот или иной правопорядок следует оценивать

не с точки зрения преимуществ его формы, а с точки зрения осуществления в нем воли людей». В своих работах Гроций упоминал царскую (единодержавную) власть, власть знатнейших вельмож, свободную гражданскую общину и демократическую республику. Отмечая негативные последствия любой тирании, Гроций все же выступал за централизацию власти и, соответственно, отдавал предпочтение единоличной и аристократической формам правления. Особое внимание Гроций уделял тезису о необходимой лояльности подданных верховной власти — «закону о непротавлении», отступление от которого допустимо лишь в случае крайней необходимости.

Гроций стал основателем теории международного права. В «праве народов» он видел реализацию тех принципов, на которых строится естественное право. Отношения народов, как и людей, должны быть в основе своей разумны и справедливы. Но обособление народов в рамках различных государств и формирование понятия государственного интереса привносит в международные отношения эгоизм. Вступают в силу неизбежные противоречия интересов. Гроций рассматривал эту проблему на примере права войны и мира. Война определяется им как «состояние борьбы силой как таковое». Это радикальное «волеустановление», не приемлемое внутри сообщества (государства), но возможное среди государств, поскольку они не объединены в союз. Поэтому война не противоречит естественному праву. Она может быть справедливой, если связана с защитой интересов и прав того или иного государства. Несправедливые войны, преследующие захватнические или грабительские цели — то есть нарушение прав.

Иное обоснование теории естественных прав разработал Барух (Бенедикт) Спиноза (1632-1677). Он происходил из еврейской семьи, бежавшей в Голландию от испанской инквизиции. Научно-философские и мировоззренческие взгляды Спинозы были изложены в «Богословско-политическом трактате» (1670), «Этике, доказанной геометрическим методом» (1675) и «Политическом трактате» (1677). В этих работах Спиноза выступал сторонником концепции Декарта. Он считал, что в богосозданном мире весь порядок вещей подчиняется принципам строгой причинности и закономерности. Познание человека может быть основано лишь на эмпирических наблюдениях и их рациональном обобщении — на «геометрическом методе». Спиноза делил все «постижимые вещи» на те, которые «за-

конно доказываются», и те, которые принимаются на основе «моральной достоверности», поскольку «никак не могут быть доказаны». С помощью таких моральных аксиом закрепляется прежде всего человеческий опыт.

Спиноза пытался доказать, что при внешней свободе поведения и рассуждений люди едины в своих побуждениях. Это объясняется тем, что в своих природных, т. е. естественных проявлениях человек также является частью строго закономерного порядка вещей. Естественное право человека — быть собою и защищать собственные интересы. И, несмотря на схожесть естественных потребностей и прав, люди неизбежно оказываются в состоянии взаимной вражды, отстаивая собственные интересы. В этой борьбе действует единый естественный закон — стремление к самосохранению, желание «остаться в своем состоянии, и притом не считаясь ни с чем другим, а только с собой».

Состояние «естественной вражды» люди могут преодолевать благодаря уникальному дару — разуму и способности общаться. Спиноза считал, что, преодолевая свои аффекты (страсти) и стремясь жить в соответствии с требованиями разума, люди неизбежно приходят к состоянию общественного договора. Это не чья-то идея или волеустановленный акт. Общественный договор, по мнению Спинозы, есть результат осознания людьми естественного порядка вещей и взаимовыгодной основы отношений. Участие в общественном договоре является результатом свободного выбора каждого, кто видит в таком общении наиболее надежный способ удовлетворения и защиты своих собственных интересов.

Благодаря общественному договору человеческое сообщество переходит из естественного состояния в гражданское. Жизнь человека начинает регламентироваться гражданским правом, но оно по своей природе и сущности все еще является естественным правом, отражающим изначальные интересы каждого отдельного человека. Гражданское право обеспечивает благо каждого путем преодоления крайностей эгоизма, но состояние общественного договора открывает путь к достижению и более масштабных целей. Объединенная воля гражданского сообщества может стать основой для обеспечения общего блага — не делимого на частные и не являющегося усредненным значением интересов отдельных людей. Понимание общего блага зависит уже не от природных потребностей человека,

от тех целей и задач, которые он рационально формулирует и свободно выбирает.

Спиноза считал, что именно осознание общего блага заставляет людей стремиться к созданию верховной власти (*imperium*) и ее «тела» — государства (*civitas*). Верховная власть порождается суверенной волей всего гражданского сообщества, а не только тех граждан, которые поддерживают общественный договор. Именно исходя из понимания общего блага, а не интересов отдельного человека, верховная власть формулирует моральные предписания. Они приобретают форму религиозных принципов или правовых норм. Государство призвано добиваться выполнения этих законов, обеспечивать безопасность лояльных к ним граждан и наказывать пренебрегающих законами.

По мнению Спинозы, в основе любого государства лежит принцип народного суверенитета, а выбор формы государственности зависит лишь от ее эффективности. Во всех случаях надлежит добиваться централизации государственной власти, но при этом избегать ее узурпации. Монархия, с точки зрения Спинозы, является лишь скрытой формой аристократического правления, поскольку полное единовластие никогда невозможно. Демократия также приводит к власти не весь народ, а ограниченное число лиц. Таким образом, и для монархии, и для демократии, и для аристократии существует единый принцип обеспечения эффективности государственного управления — наличие достаточно широкого правящего совета, избираемого или представляющего все слои общества.

Формулируя свою концепцию государства, Спиноза столкнулся со сложной проблемой возможного конфликта между властью и человеком. Спиноза считал, что создание общественного договора и государства отнюдь не приводит к уничтожению индивидуальных интересов и естественного права на их защиту. Поэтому в рамках гражданского сообщества естественное право находит новое выражение в «частном гражданском праве», основанном на «свободе каждого сохранять себя в своем состоянии». Реализация такого права может вступить в противоречие с предписаниями верховной власти. Залог Решения этой проблемы, как полагал Спиноза, заключается

в разуме государства и человека. Поскольку люди являются лишь частью естественного и закономерного порядка вещей, то противоречия между индивидуальными и коллективными

интересами проистекают прежде всего из неверного толкования этих интересов. Законы, основанные на здравом разуме, напротив, будут вполне сочетаться с разумным выбором каждого человека.

В случае же возникновения конфликта между человеком и государством Спиноза отдавал предпочтение воле государства. Законы чаще оказываются более разумны, нежели индивидуальные помыслы людей. Отстаивая общее благо, государство вправе ограничивать частные гражданские права. Право на сопротивление государству граждане приобретают лишь в том случае, если сами государственные законы идут вразрез с требованиями разума, т. е. нарушают то самое общее благо, ради которого государство и создавалось. Но такое восстание будет уже не вызовом верховной власти, а борьбой за восстановление подлинного общественного договора.

События Английской буржуазной революции XVII в. придали новый импульс развитию общественно-политической мысли. Формирование противоборствующих политических группировок сопровождалось активной парламентской полемикой и расцветом жанра публицистической литературы. В дискуссии принял участие даже король Яков I Стюарт (1603-1625). Его трактаты «Царский дар» (1599) и «Истинный закон свободной монархии» (1603) были посвящены утверждению идеала абсолютной монархии. Яков I считал королевские prerogatives единственным источником права, а парламент — лишь выразителем политической воли монарха. Суверенный характер королевской власти Яков I обосновывал ее божественным происхождением, а также патерналистской ролью в обществе. «Подумайте, — рассуждал он, — не было бы для детей чудовищным и неестественным подняться против отца, контролировать его по своему усмотрению, а когда они сочтут это удобным, убить его или изгнать и принять вместо него другого, который им понравится». В том же ключе идею абсолютной монархии отстаивал и советник Якова I философ Френсис Бэкон.

В период правления Карла I (1625—1649) дискуссия о природе и границах королевской власти приобрела юридический характер. Роялисты апеллировали к традициям английской дуалистической системы права («общего права» и «права справедливости»), сформировавшейся в противовес корпоративному и каноническому праву. Подразумевалось, что король

являет исключительную prerogative преодолевать те или иные правовые нормы, исходя из требований общего блага или высшей справедливости. Верховенство короля над парламентом в этом свете рассматривалось как необходимая гарантия против любых проявлений политического, корпоративного и конфессионального сепаратизма. Уже незадолго до падения монархии был анонимно опубликован трактат епископа Джона Годена «Образ короля. Портрет его священного величества в одиночестве и страданиях». Это сочинение заложило основу целого цикла политической литературы, повествующей о мудром и достойном короле, боровшимся против смуты и избравшем мученическую судьбу во имя своей высшей миссии.

Наиболее известным политическим писателем в лагере английских роялистов стал Роберт Филмер (ум. 1653). В 1648 г. были изданы его трактаты «Необходимость абсолютной власти всех королей» и «Анархия ограниченной или смешанной монархии», а в 1652 г. — «Замечания на "Политику" Аристотеля, касающиеся форм правления» и «Замечания на [выступление] Мильтона против Салмазия». Наиболее известная книга Филмера — «Патриарх. Защита естественной власти королей против неестественной свободы народа», которая была написана в 1637-1638 гг., но увидела свет лишь в 1680 г.

Подобно многим мыслителям своего времени, Филмер опирался на идею естественного происхождения человеческого общества. Однако он отказывался видеть естественное начало в эгоистическом стремлении человека к отстаиванию собственных интересов. Человеческая природа, по мнению Филмера, предполагает прежде всего соподчинение, иерархию. Она проявляется в заботе родителей о детях и подчинении детей родителям. Сама патриархальность, согласно Филмеру, является богоданным законом, ибо первым патриархом рода человеческого стал Адам, и любая власть в человеческом сообществе несет печать унаследованного авторитета прародителей.

Филмер доказывал, что государственная власть также является по своему происхождению патриархальной и поэтому может иметь только монархическую форму. Она основывается на божественном, а не гражданском праве. Филмер отрицал саму возможность какого-либо общественного договора, считая невозможным его заключение на практике. Суверенность и легитимность власти монарха обеспечивается династическим Принципом престолонаследия. По мнению Филмера, каждый

монарх является наследником власти, передающейся многими поколениями, начиная с прародителя Адама, поэтому королевская власть не может иметь никаких ограничений. Парламент существует лишь по воле самого монарха, и властвование заключается в том, что «король повелевает, лорды советуют, а общины изъявляют согласие».

Парламентская оппозиция периода правления Карла I не пыталась выступать против королевской власти, но отрицала ее неограниченный характер. Эта позиция разнообразно интерпретировалась в многочисленных парламентских петициях предреволюционных лет («Апология палаты общин», «Петиция о праве», «Петиция о корне и ветвях», «Великая ремонстрация» и др.). Большую роль в обосновании идеи ограниченной монархии сыграл один из ведущих английских юристов XVII в. Эдуард Кок (1552-1634). Он доказывал, что королевские прерогативы проистекают из законов, а не наоборот. Законом же следует считать прежде всего устойчивый правовой обычай, проверенный временем и отшлифованный юридической практикой. В этом смысле, и полномочия короля, и деятельность парламента в равной мере ограничивались прерогативами судебной власти и традициями системы «общего права». Та же мысль о верховенстве права проводилась в трактате «Монархия человека» блестящего парламентского оратора Джона Элиота (1590-1632). Элиот провозглашал право «королем и правителем всего сущего» и критиковал притязания королевских советников на неограниченное правление.

В годы революции республиканские идеи последовательно высказывались лишь представителями движения левеллеров. Их лидером стал публицист Джон Лилберн (1614-1657). В своих памфлетах «Вопль Ионы», «Разоблачение обманщиков», «Новые цепи Англии», «Манифест узников Тауэра» Лилберн не только широко использовал религиозные и историко-правовые доводы, но и стремился апеллировать к чувствам своих сторонников, использовать эмоционально насыщенный и понятный простому человеку язык.

Политическая концепция левеллеров исходила из радикальной трактовки понятия естественных прав человека. Лилберн и его единомышленники считали, что каждый человек обладает прирожденными и неотчуждаемыми правами. К этой категории относились права на жизнь, личную свободу и безопасность, справедливое обращение, свободу вероиспове-

дания. Торжество естественных прав, по мнению левеллеров, может быть обеспечено лишь в условиях общественного договора — формирования государственного и общественного строя в ходе реального волеизъявления всего народа. Исходя из этой идеи, левеллеры считали идеальной формой государства республику с однопалатным парламентом и широким избирательным правом. Характерно, что избирательного права, с их точки зрения, должны быть лишены женщины, лица, не достигшие 21 года, а также слуги и нищие — то есть все люди, которые в силу пола, возраста или рода занятий не способны реализовывать естественное право на свободу.

Более умеренные позиции в годы революции занимали представители индипендентов. Политическая программа этого движения была составлена Генри Айртоном (1611-1651). Она исходила из той же идеи естественных прав человека, но в более классическом варианте. Идеологи индипендентов считали, что естественная основа существования человека заключается лишь в праве на жизнь, «на воздух» и на свободу передвижения. Все иные права и обязанности человек приобретает в качестве участника гражданского и политического сообщества. Исходя из этого Айртон доказывал целесообразность ограничения религиозной свободы, ввода имущественного и избирательного ценза, сохранения элитарности системы государственного управления. Индипенденты полагали, что необходимым условием общественного благополучия является не широкая свобода и равенство граждан, а прочность власти и стабильность законов. Выбор республиканской формы правления был связан для них лишь с наказанием преступного короля, но не отрицанием самой идеи монархии.

К политическому движению индипендентов принадлежал самый яркий представитель английской литературы середины XVII в. Джон Мильтон (1608-1674). Его перу принадлежали многочисленные стихотворные произведения, отличавшиеся характерными для пуританских кругов морализаторством и проповедью нравственного аскетизма. Трактаты и памфлеты Мильтона были посвящены проблеме свободы — религиозной, частной и гражданской. В произведениях «О реформации» и «О епископате» (1641-1642) он критиковал англиканскую церковь, ратуя за свободу веры и совести, за отделение церкви от государства. Тогда же Мильтон сформулировал и революционную для своего времени идею о праве супругов на развод, если в браке

отсутствуют любовь и согласие. Среди гражданских памфлетов Мильтона особое место занимает «Ареопагитика» (1644) — блистательная речь в защиту свободы слова и печати.

В 1649 г., когда был казнен король Карл I и провозглашена независимая республика, Милтон активно выступил с поддержкой этого решения. В памфлетах «Обязанности государей и правительств» и «Иконоборец» он обосновывал новую версию теории общественного договора и право народа на тираноубийство. Отрицая божественность происхождения власти, Милтон считал, что если правителем не выполняются условия общественного договора, если монарх руководствуется лишь собственными интересами и страстями, то народ вправе его судить и казнить. Впоследствии он написал на латыни три апологии казни короля: «Защита английского народа» (1651), «Повторная защита» (1654) и «Оправдание для себя» (1655). В годы правления О. Кромвеля и после реставрации монархии Стюартов Милтон опубликовал еще несколько дерзких памфлетов в поддержку политических традиций пуританизма и республиканской идеологии — «Трактат об участии гражданской власти в делах церковных», «Соображения касательно уместнейших способов к удалению наемников из Церкви», «Скорый и легкий путь к установлению свободной республики».

К индепенденским кругам был близок и Джеймс Гаррингтон (1611—1677). Он представлял ту плеяду мыслителей, которая пыталась создать рациональную социально-философскую и политическую теорию, столь же доказательную, как математика. Он придавал ключевое значение анализу исторической эволюции общественных институтов и выдвинул новую идею зависимости государственных форм от характера распределения собственности в обществе. Гаррингтон полагал, что отношения собственности зачастую определяются государственной властью, а не наоборот. Но история демонстрирует, что правильная форма правления всегда опирается на баланс отношений собственности и политических, властных отношений. В этом смысле наилучшим государственным устройством Гаррингтон считал республику, разумно и беспристрастно служащую общему благу.

Свои общественные идеалы Гаррингтон описал в опубликованной в 1656 г. утопии «Республика Океания». Власть в этой вымышленной стране принадлежит Сенату и народному представительству, избираемому большинством населения. Сенату принадлежит право обсуждения вопросов и разработки предло-

жений. Народное собрание может эти решения принять или отклонить, но не вправе обсуждать их. Государство контролирует церковь через совет по делам религии, а национальная форма богослужения определяется актом парламента. Население делится на категории свободных и слуг. Свободные люди подразделяются на «всадников» и «пеших» в зависимости от размеров дохода. Все они голосуют на выборах в Народное собрание и Сенат, но в сенат избираются только «всадники», а из семи депутатов в собрание трое также должны быть всадниками. Слуги лишены права голоса. Подобная аристократическая система рассматривается Гаррингтоном как наиболее эффективная с точки зрения народовластия, т. е. защиты общего блага.

Радикальный вариант политического и социального утопизма представляли произведения идеолога диггерского движения Джерарда Уинстэнли (1609-1660). Его перу принадлежали памфлеты «Свет, сияющий в Букенгемшире», «Еще раз о свете, сияющем в Букенгемшире», «Новый закон справедливости», «Закон свободы». В них Уинстэнли выступает прежде всего как мистик, исповедующий культ «внутреннего света». Его взгляды были близки к деизму, т. е. восприятию Бога как мировой гармонии, жизненной силы, пребывающей в любых явлениях. Попытка Уинстэнли осмыслить сочетание высшего, божественного начала жизни с реальностью общества, находящегося в состоянии острого социально-психологического и политического кризиса, приводит к идее активного обновления человеческих отношений во имя ценностей истинной веры. Уинстэнли верил в возможность торжества великого закона Любви и Справедливости в реальной жизни людей и призывал своих последователей к революции духовной, а не политической, к отказу от насилия и искреннему исповедованию принципов равенства и справедливости каждому человеку.

После реставрации монархии Стюартов проблема абсолютизма вновь стала центральной для английской политико-правовой мысли. Огромное влияние на умонастроения общества в эти годы оказали воззрения философа Томаса Гоббса (1588—1679). Необычайно длительная жизнь Гоббса совпала с несколькими эпохами в истории Англии. Он родился в тревожные дни, когда вся страна со страхом ожидала приближения испанской Великой Армады, учился в школе в последний период царствования Елизаветы I, закончил университет и начал преподавательскую деятельность при Якове I, приступил к философским исследо-

ваниям в годы правления Карла I, был в опале при Кромвеле и превратился в одного из самых модных литераторов Англии в годы Реставрации.

На становление общественно-политических и философских взглядов Гоббса большое влияние оказало общение с Френсисом Бэконом. Вслед за своим старшим коллегой Гоббс выступил в поддержку нового образа философствования, основанного на экспериментальном, опытным познании. От Бэкона Гоббс воспринял и роялистские убеждения. Во время своего европейского путешествия в 1628 г. Гоббс близко познакомился с Декартом, Гассенди, Галлеем и увлекся математическими науками. В геометрии он увидел универсальный метод изложения взглядов на любые проблемы в виде неопровержимых доказательств. Идеал знания, которое привносит в жизнь людей разумное начало, преодолевает анархию и рознь, придает обществу развитию ясную и последовательную логику, стал основой мировоззренческих убеждений Гоббса и придал его научно-философской концепции общеевропейское значение. Гоббс наиболее последовательно распространял принципы механики и геометрической дедукции на социальные теории.

На фоне острых общественных дискуссий в Англии в 1640 г. Гоббс опубликовал трактат «Начала закона, естественного и политического», в котором доказывал необходимость единой и неделимой власти суверена. Роялистские идеи Гоббса не нашли тогда поддержки, а угроза гражданской войны вынудила его эмигрировать во Францию. Именно там Гоббс подготовил наиболее известные свои работы «Философское начало учения о гражданстве» (1642, 1651) и «Левиафан, или Материя: форма и власть государства церковного и гражданского» (1651).

В основу социально-философской концепции Гоббса была положена идея единства механических законов движения любых форм материи. Любое тело, по мысли Гоббса, занимает определенное пространство и существует под влиянием двух основных сил — влечения и отвращения, т. е. притягивания или отталкивания от других тел. Эти универсальные законы определяют и человеческое поведение. Предмет своего желания люди считают добром, предмет отвращения — злом. Желание, переходящее в действие, называется волей, а счастье заключается в непрерывном переходе желаний от одного предмета к другому. Поскольку основным средством реализации желания является власть, то постоянным лейтмотивом человеческих

действий становится борьба за власть. Гоббс полагал, что в этом вечном движении страстей нет каких-либо упорядоченных закономерностей, которые искали древние философы — универсально лишь эгоистическое стремление каждого человека к собственному счастью.

Гоббс полагал, что в естественном состоянии человек руководствуется лишь интересами собственного блага и в этом стремлении имеет право (*jus*) на все. Справедливое, или правое, в жизни общество (*justum*) определяется исключительно требованиями здравого разума, предписывающего человеку бороться любыми средствами за собственное, а не чужое благо. Так рождается состояние «войны всех против всех» (*bellum omnium contra omnes*). Но оно лишь на первый взгляд сочетается с естеством человека. Всеобщее соперничество неизбежно порождает всеобщий страх и начинает угрожать счастью человека, препятствовать поиску собственного блага. Во имя самосохранения человек вынужден искать гражданского примирения.

Гражданский мир, по Гоббсу, согласуется с требованиями здравого смысла, но не естественными порывами людей. Поэтому единственным способом примирения является заключение договора (*contractus*), согласно которому каждый уступает часть своих неограниченных прав и отказывается от использования любых средств для достижения своего блага. Но тот же здравый смысл подсказывает, что благо может быть достигнуто не только при отсутствии угрозы со стороны окружающих, но скорее при их помощи. Необходимо, чтобы люди стали союзом (*unio*). В таком сообществе действует единая воля, вынуждающая людей не только соблюдать условия договора, но и действовать сообща в тех случаях, когда речь идет об общем благе. Сосредоточением этой воли является государство.

Гоббс определяет государство как гражданское сообщество (*civitas*), образуемое по естественному договору. Но он подчеркивал, что люди, создав государство, полностью уступают ему часть своих естественных прав. Государство получает собственную жизнь, а люди становятся его подданными. Гоббс называет государство Левиафаном (морское чудовище, описанное в Книге Иова), подчеркивая его независимость от человеческой воли и абсолютный характер власти над людьми. Лишь такой монстр в состоянии водворить порядок между людьми, «помешать человеку делать то, что пагубно для его жизни, Упускать то, что является наилучшим средством для сохра-

нения жизни». В этой роли верховная государственная власть является и высшим судьей, и толкователем нравственности, и хранителем веры. Гоббс также уточнял, что, независимо от формы правления, власть государства всегда является абсолютной, но именно монархия наиболее естественна в этой роли.

Во Франции, охваченной на рубеже XVI-XVII вв. острейшим религиозным конфликтом, проблема государственного единства и гражданской лояльности оказалась не менее актуальной. Основателем французской теории абсолютизма считается юрист Жан Воден (1530-1596). Свой первый и наиболее известный трактат «Метод легкого познания истории» (1566), а также последующие сочинения «Об универсальном праве» и «Парадоксон» Воден посвятил анализу сущности государства и права с точки зрения их исторической эволюции.

Воден считал, что граждан нельзя рассматривать только как людей, руководствующихся личными интересами и эгоистическими помыслами. Наиболее естественной и исторически первой формой человеческого сообщества он называл семью, объединенную родственными отношениями и авторитетом главы. Со временем к семейной организации добавился общинный уклад, затем городские корпорации и, наконец, государственные объединения. По мере развития роль кровнородственных связей уменьшалась, а значимость публичного авторитета возрастала. Воден подчеркивал, что государственная власть в этом отношении уникальна — только она носит верховный, т. е. суверенный характер.

Понятие суверенитета стало центральным для концепции Бодена. В качестве важнейших черт суверенной власти Воден называл ее постоянство (принадлежность государю всецело и бессрочно), неограниченность и неделимость. При этом принципиально важно, чтобы власть государства использовалась в соответствии с ее предназначением. Воден считал, что в исключительном ведении государя находятся вопросы принятия, отмены и обнародования законов, назначения должностных лиц и определения их обязанностей, объявления войны и заключения мира, осуществления высшей судебной власти и права карать и миловать.

Из возможных форм правления Воден однозначно отвергал тиранию, олигархию и охлократию. В каждой из них он видел преобладание тиранического начала, пренебрежение законами и истинным предназначением государства. В демократии, ари-

стократии и монархии он отмечал как позитивные, так и негативные черты. Демократия, основанная на идеях равенства и отсутствии привилегий, наиболее созвучна естественным законам природы. Именно демократия наиболее близка к идеалу республики, т. е. общего блага и общего дела. Однако демократия способна уничтожить суверенность власти, поскольку она опасна многообразием мнений и интересов. «Может ли народ, зверь многоглавый и лишенный рассудка, постановить что-нибудь хорошее? — писал Воден. — Обращаться к нему — значит спрашивать совета у безумных».

Равным образом Воден усматривал недостатки аристократии в ее же достоинствах. Вверяя власть немногим наиболее достойным, аристократия может создать наилучшие условия для правления. Однако не существует гарантий от узурпации власти в интересах правящего меньшинства и перерождения аристократии в олигархию. К тому же власть богатых и знатных всегда вызывает ненависть народа и провоцирует гражданские конфликты.

Наилучшей же формой правления Воден считал монархию. Неизбежные опасности и неудобства, связанные с единовластием, не более опасны в условиях монархии, нежели аристократии или демократии. Но власть монарха гораздо стабильнее и ответственнее. Сама природа суверенной власти требует ее сосредоточения в одних руках. Воден писал о том, что в любом государстве могут господствовать две разновидности «правды» (т. е. два направления политики) — уравнивающая и распределяющая. Но лишь монархия, на его взгляд, способна гармонично объединить эти два начала. Лишь монархия может одновременно стать гарантом свободы граждан и основой для возвеличивания наиболее достойных из них. «Этим способом великие связываются с малыми, богатые с бедными, знатные с простолюдинами, — писал Воден. — Этим устанавливаются мир и общая гармония всех частей».

Воден придавал особое значение необходимости проводить политику национального согласия и религиозного примирения. Идеального монарха он считал гарантом государственного единства и взаимного сотрудничества трех сословий. Такое политическое устройство, по его мнению, наиболее созвучно устройству Вселенной, где власть всемогущего Бога объединяет разнообразные элементы мироздания в одно гармоническое Целое. Подобные взгляды не находили широкой поддержки

во время разгула религиозной розни. Но уже в начале XVII в. политические идеи Бодена были востребованы в условиях становления во Франции абсолютистского строя.

Важную роль в развитии теории абсолютизма во Франции сыграл Арман Жан дю Плесси, герцог де Ришелье (1585-1642). Приняв участие в работе Генеральных Штатов как депутат от духовенства и в течение нескольких лет занимая пост государственного секретаря по иностранным и военным делам, Ришелье в 1622 г. получил сан кардинала, а в 1624 г. стал первым министром короля Людовика XIII. В течение последующих восемнадцати лет он являлся фактическим властителем Франции. В трактате «Политические максимы, или Политическое завещание» Ришелье изложил свое видение сущности государства и его задач.

Ришелье одним из первых европейских мыслителей Нового времени отказался рассматривать государство как некое искусственное образование, противостоящее обществу. Для него государство являлось неотъемлемой частью самого человеческого сообщества, проживающего в той или иной стране, неразрывно связанной с культурой и традициями, верованиями и разнообразными интересами. Поэтому Ришелье отвергал идею идеального государства и предпочитал говорить лишь о сугубо практических принципах и задачах властвования.

Видя в государстве общенациональный институт, гарантирующий прежде всего общественные интересы и потребности, Ришелье отнюдь не отрицал сам принцип сословности. Он лишь подчеркивал, что власть не является привилегией. В аристократии он видел именно служилое сословие, призванное жертвовать личными интересами во имя государства. Во главе государства, по его мнению, должна находиться нравственная и интеллектуальная элита, способная нести ответственность за судьбы всего общества, быть оплотом моральных ценностей и социального мира. Человек, преследующий эгоистические интересы, не способен по мнению Ришелье, выдержать испытание властью. Характерно, что подобные требования Ришелье предъявлял ко всей государственной элите и не выделял особым образом фигуру монарха. В абсолютизме он видел не столько принцип единственности, сколько полное сосредоточение самой государственной воли, преодоление любого сепаратизма и корпоративности.

Ставя превыше всего благо государства, как выражение интересов всего народа, Ришелье призывал к созданию систе-

мы разумного и максимально эффективного правления. Он сформулировал девять условий, необходимых для обеспечения благоденствия страны: необходимость правителей следовать нормам христианской морали и добиваться их исполнения поданными; править «разумно», такими способами, которые позволяли бы избежать утрашения и насилия и привели бы поданных к добровольному подчинению; исходить из народной пользы, как единственной цели верховной власти; проявлять дальновидность и предусмотрительность; следовать справедливости при наказании и поощрении; проявлять осторожность и осмотрительность при заключении договоров, но неизменно сохраняя преданность данному слову; назначать на должности лиц, обладающих всеми необходимыми качествами, вне зависимости от личных симпатий и привязанностей; избегать опасностей лести, клеветы и корысти. В качестве девятого условия Ришелье предлагал подробное описание предпочтительных методов укрепления государственной границы, армии, флота и обороны, финансов, торговли.

Ришелье неизменно подчеркивал, что единственное предназначение верховной власти — короля и Государственного совета, а также всех ее представителей — обеспечивать благо страны и народа. Эта цель выражается в безусловном приоритете соображений государственной пользы во всех сферах общественной жизни. Пренебрежение интересами государства ведет к бесчисленным бедствиям, анархии и конфликтам. Основой государственной стабильности Ришелье считал разумность правителей, а также строгость и жесткость законов. Он фактически сформулировал принцип верховенства права, доказывая, что закону должны быть подчинены все граждане государства без исключения, вне зависимости от их сословного происхождения и имущественного положения.

Символом торжества французского абсолютизма стала эпоха «короля-солнца» Людовика XIV (1643-1715). Сам монарх оставил впечатляющий письменный источник, раскрывающий его взгляды на природу государства и роль королевской власти. На протяжении нескольких лет он вел записи, которые легли в основу «Наставлений, или Мемуаров», обращенных к наследнику престола.

Людовик XIV считал, что солнце является наилучшим символом королевской власти. Монархия подобна Солнечной системе, где вечно царит светило, а его тепло дает жизнь и

движение всему сущему. Людовик XIV особенно подчеркивал, что главным достоинством монархии должно быть ее величие, слава. Власть абсолютна лишь тогда, когда внушает не только уважение или страх, но и благоговение, восторг. Разум, политическое мастерство, практичность — все эти качества непременно важны и для министров, которые участвуют в управлении. Но лишь сам монарх олицетворяет подлинное величие государства.

Людовик XIV характеризовал царствование и как своего рода ремесло, «большой труд», поскольку только королю принадлежит право принимать решения в государстве, определять задачи и направление политики. Опираясь на преданных, честных и по возможности талантливых министров, король все же лично несет ответственность за судьбы своего народа. Легендарная фраза Людовика XIV — «Государство — это я», подразумевала именно это. Высшую цель государственной политики Людовик XIV видел в заботе о благе и достоинстве всех подданных. «Мы должны думать о благосостоянии подданных больше, чем о своем благосостоянии, — напутствовал он своего сына. — Они составляют часть нас самих, потому что мы — голова целого тела, а они — члены его. Только исходя из их собственных выгод, мы должны дать им законы, и та власть, которую имеем над ними, должна нам служить лишь для того, чтобы работать все эффективнее для их счастья».

Утверждение концепции просвещенного абсолютизма неизбежно ставило вопрос о единстве власти и веры. Для Франции, испытавшей всю тяжесть религиозных войн, эта проблема была особенно важной. Идея национальной церкви (галликанской) возникла здесь еще в XIV в. Франциск I навязал Святому престолу в 1516 г. подписание конкордата, закрепившего особые полномочия монархии в религиозной сфере. В XVII в. укрепление духовных прерогатив королевской власти нашло и концептуальное обоснование.

В 1631 г. был издан трактат Эдмона Рише «О церковной и политической власти», ставший своеобразным манифестом политического галликанства. Рише выступал против исключительных прерогатив епископов в определении вероучения и наставлении в вере. Считая, что это право принадлежит всем священнослужителям, Рише ратовал за разделение управленческих и духовных функций клира. В этом случае наиболее

логичным принципом управления национальной церковью было бы сочетание административного главенства королевской власти и приоритета папы как первосвященника. Людовик XIV всецело поддержал эти идеи. После многолетней дискуссии с папским престолом он санкционировал созыв в 1681 г. ассамблеи духовенства Франции. На ней было принято «Заявление галликанского клира о церковной власти», получившее затем силу государственного закона.

Автором декларации был один из ведущих католических идеологов Франции XVII в. Жак Боссюэ (1627-1704). Он последовательно отстаивал идею единства истинной веры и государственной власти. Закрепление же духовной власти короны было несовместимо с папским абсолютизмом. На ассамблее 1681 г. Боссюэ предложил четыре тезиса, призванных решить эту проблему: признание власти папы только духовной, верховенство мнения собора над мнением папы, осуществление власти папы в соответствии с канонами церкви и учет мнения всей церкви в решении папы вопросов о вероучении.

Галликанская реформа привела к длительному конфликту французского государства и Святого престола. Со времен Реформации она стала наибольшей опасностью для папской власти. Однако окончательный разрыв был невыгоден обеим сторонам. Абсолютистская монархия остро нуждалась в церкви, как институте, способном поддержать авторитет власти и сохранить в обществе единый эпицентр духовной жизни. Добившись права контролировать назначение церковных иерархов во французских епархиях, Людовик XIV пошел на примирение с Ватиканом и отказался от любых попыток ограничения духовной власти пап. С этого времени французская монархия становится важнейшим политическим союзником папства, а католическая церковь — мощной идеологической силой, выступающей в поддержку идеи абсолютизма.

Художественная культура XVII в. в поисках новой эстетики

Развитие европейской культуры в XVII в. было сопряжено с формированием двух художественных направлений — барокко и классицизма. Каждое из них особым образом отражало те радикальные изменения, которые происходили в этот период

в общественном сознании, системе познания и образе жизни европейцев.

Стиль барокко (итал. *barocco* — странный, причудливый) зародился в начале XVII в. в лоне постренессансной культуры. По своим истокам он был тесно связан с традициями маньеризма. Оба стиля объединяло стремление к декоративности, иллюзорности, изысканности. Но, в отличие от маньеризма, искусство барокко не являлось лишь средством художественного самовыражения. Оно основывалось на целостной эстетической концепции и было связано с глубинными изменениями в ментальности европейского общества. Динамизм и темпераментность барокко отразили мироощущение переломной эпохи, несущей ломку привычных представлений о природе, преодоление инертности и замкнутости человеческой жизни. Сочетание в художественных формах барокко мягкости и изящества с нарочитой пышностью и величием символизировало тягу человека XVII в. к призрачной, неясной и увлекающей красоте. Уравновешенная гармония гуманистического искусства, стремящегося подражать природной естественности, сменилась яркой живописностью, напряженной эмоциональностью и метафорической поэтикой.

Особенности художественной философии барокко превратили его в своеобразную альтернативу аскетической эстетике протестантизма. И по своей экспансивности, возвышенности, яркости, и по конфессиональной принадлежности большинства архитекторов, скульпторов и художников искусство барокко было преимущественно католическим. Многим произведениям, выполненным в стилистике барокко, был присущ тот мистический, экзальтированный эмоциональный настрой, который всегда отличал католическую духовную культуру. Поэтому неслучайно, что этот стиль получил распространение именно в католических странах — Италии, Испании, Бельгии (Фландрии), Австрии, Южной Германии, Чехии, Польше. Но нельзя и переоценивать религиозность художественной философии барокко. Католическая Контрреформация не ставала идею восстановления духовной дисциплины, укрепления нравственных основ христианского сознания. Яркое жизнелюбие и чувственное упоение барокко отнюдь не соответствовали этой тенденции.

Господствующими жанрами искусства барокко стали архитектура, живопись и скульптура, позволявшие наиболее полно

отразить яркость и многогранность этого стиля. Символом «высокого барокко» стали архитектурные творения итальянских зодчих Джакомо делла Порта (1540-1602), Карло Мадерна (1556-1629), Лоренцо Бернини (1598-1680), Франческо Борромини (1599-1667), Джованни Батиста Сориа (1581-1651), Пьетро да Кортона (1596-1669). Под их влиянием сложился совершенно новый стиль дворцовых и церковных построек, планировки и застройки городских площадей. Для него было характерным стремление к преодолению закрытости любого пространства, искусному подчеркиванию перспективы, изощренной игре фантазии в подборе декоративных элементов и в оформлении внутреннего убранства. Ф. Борромини ввел характерную традицию использовать сильно изгибающийся вовнутрь и вовне контур фасада здания, а П. да Кортона разработал технику создания величественных потолков с разлощенной и переплетающейся лепниной. Самым же величественным творением «римского барокко» стал измененный облик собора Святого Петра, выполненный Л. Бернини.

Итальянские традиции оказали решающее влияние на формирование барочной архитектуры в Испании, Бельгии и Германии. Родоначальником испанского барокко считается Хуан Гомес де Мор, а его последователями были Фрай Франсиско Баутиста и Фелипе Беррейрос. В Гранаде сформировался и специфический национальный стиль, близкий к барокко. Его характерной чертой было использование в качестве основных декоративных элементов разного рода «висячих» форм и, прежде всего, пластин с зубчиками листа. Ведущим представителем этого стиля считается Алонсо Кано (1601-1667).

В Бельгии (Фландрии и Брабанте) искусство зодчества развивалось преимущественно в рамках церковного строительства и воплотило все характерные черты итало-испанского стиля. Спецификой бельгийской архитектуры стало тяготение к более индивидуализированному отбору декоративных орнаментов и отдельных фрагментов зданий, что нередко нарушало общую соразмерность архитектурных ансамблей. Ведущими архитекторами бельгийского барочного стиля были Венцеслав Кебергер (1560-1630), Жак Франкар (1577-1651) и Лука Федерб (1617-1697).

В Германии архитектурный стиль барокко формировался в тесной связи с национальными традициями эпохи Позднего Ренессанса. В начале XVII в. признанными лидерами в стро-

ительстве церковных и светских зданий здесь были Пауль Франке (1538-1615), Генрих Шикгардт (1558-1634) и Элиас Гольд (1573-1646). Однако дальнейшее развитие немецкой архитектуры прервалось событиями Тридцатилетней войны. Лишь в самом конце XVII в. в Германии возрождается национальная архитектурная школа, испытавшая огромное влияние итальянских и французских мастеров. Стилистика барокко сочеталась в ней с элементами «ложного классицизма».

В контексте развития барочной архитектуры и декоративно-прикладного искусства скульптура утратила свое самостоятельное значение и, наряду с орнаменталистикой и живописью, превратилась в часть грандиозных ансамблей. Пластика скульптуры барокко стремилась к отражению силы чувств, богатства эмоционального восприятия величия и роскоши. Искусство ваяния окончательно ушло от изображения спокойных фигур, статичных композиций. Именно в таком стиле работали итальянские скульпторы Пьетро Такка (1580-1640), Алессандро Альгарди (1602-1654), Доменико Гвиди (1628-1701), Филиппо Пароди (1640-1701), а также великий Лоренцо Бернини, известный своими скульптурными работами не менее, чем архитектурным новаторством.

Испанские скульпторы XVII в. Грегорио Фернандес (1570-1636), Хуан Мартинес Монтаньес (1580-1649), Педро де Мена (ум. 1693) приобрели известность как создатели уникальных деревянных статуй, раскрашенных или золоченных. Больших достижений достигли бельгийские скульпторы XVII в., развивавшие традиции декоративной пластики. Творения Артуса Квеллинусса Старшего (1609-1668), Петера Фербруггена Старшего (1609-1686), Ромбоута Фергюльста (1624-1696), Жана Делькура (1627-1707) редко отличались индивидуальностью и сюжетной концептуальностью. Однако они являлись идеальным примером гармоничного и одновременно исключительно насыщенного, нарочитого украшения барочных церквей и светских зданий.

Символом расцвета живописи барокко стало творчество мастеров фландрской школы и, прежде всего, Питера Пауэля Рубенса (1577-1640). Его работы были образцом яркого, подчеркнуто живописного изображения человека и природы. Отказ от четких контуров рисунка компенсировался в картинах Рубенса броским цветом, а грандиозность композиций гармонично сочеталась с большим количеством деталей. «Живая»,

«плотская» живопись Рубенса ярко передавала единство чувственной и духовной природы человека. Вычурность поз, чрезмерное нагромождение мускулистых тел, залитых золотистым цветом, характерные для многих полотен Рубенса, были следствием настоящего упоения телесной красотой и стихийной страстностью. Но величие и мощь изображения Рубенс умело сочетал с лиризмом. Он неизменно оставался восторженным ценителем человеческого счастья, избегая в своих произведениях нарочитого психологизма и бытового натурализма.

Стиль Рубенса оказался весьма эффективен в самых различных жанрах. Его ученики и последователи с успехом создавали ландшафтные полотна, кабинетные и парадные портреты, мифологические и исторические картины, изображения животных и цветов. Они были приняты при всех влиятельных дворах Европы и оказали огромное влияние на развитие живописи в большинстве западноевропейских стран. Но исполинский талант Рубенса практически не оставил в этой плеяде мастеров ярких индивидуальностей. Из фландрских учеников Рубенса лишь Антонис ван Дейк (1599-1641) приобрел репутацию вполне самостоятельного художника. Его творчество развивалось преимущественно в жанре парадного портрета. Ван Дейку не удавалось достичь той пылкости и темпераментности, которые были характерны для творений его учителя. Он пытался передавать человеческие черты и эмоции подчеркнуто мягко и элегантно, нередко облагораживая и идеализируя изображаемых людей.

Во второй половине XVII в. в бельгийской живописи зародилось несколько школ, сочетающих национальные традиции с итальянским, голландским и французским влиянием. Якоб Йордане (1583-1678) основал течение бельгийского реализма, не столь известное и популярное в свое время, но показательное с точки зрения общеевропейских тенденций развития живописи. Жерар Дюффе (1594-1660) стал лидером римско-бельгийского стиля, тяготеющего в французскому классицизму. В этот период расцвет переживала и мелкофигурная жанровая живопись, развивавшаяся бельгийскими мастерами в тесной связи с голландскими живописцами. Особую известность в этом жанре приобрели работы художников из многочисленной семьи Тенирсов (основатель династии — Давид Тенирс, 1582-1649), стремившихся к реалистичному изображению картин народной жизни.

Стремительно развивалась в XVII в. барочная живопись в Испании. Крупнейшей фигурой переходного периода стал грек Доменико Теотокопули (творивший под псевдонимом Эль Греко), проживший долгое время в Мадриде и Толедо (1548-1614). Его созерцательное творчество, манерность в изображении человеческих фигур и мимики, новаторство в цветовых решениях оказали большое влияние на становление целой плеяды испанских мастеров. Школа Франсиско Рибальта (1555-1628) из Валенсии и севильская школа, основанная Герреро эль Виейо (1576-1656), привнесли в испанскую живопись богатый колорит, сочетание реалистичных форм с высокой эмоциональной напряженностью. Произведения ведущих мастеров севильской школы Франсиско Сурбарана (1598-1662), Алонсо Кано (1601-1667), Педро де Мойя (1610-1666) воплотили характерные для испанских живописцев идеалы мужественного величия и истовой веры.

В Севилье началось и творчество самого великого испанского живописца XVII в. Диего Родригеса де Сильва Веласкеса (1599-1660). Впоследствии он стал основателем мадридской школы. Для художественного стиля Веласкеса было характерно сочетание ключевых особенностей живописи барокко — яркого колорита, смелых цветовых решений, использования разнообразных жанровых форм с реалистической и даже натуралистической манерой письма. Лишь в последний период его творчества проявилась тяга к более утонченным формам и отказу от традиций национальной колористики. В ином направлении традиции испанского барокко развивались в картинах Бартоломе Эстебана Мурильо (1618-1682). Будучи талантливым колористом, Мурильо попытался разработать свою систему передачи душевных настроений через различные формы светотеней и цветовую гамму произведения. Его картины тяготели к трем основным стилям — «estilo fino», «calido» и «varogoso» («холодный» «теплый» и «туманный»). Подобная техника в большей степени соответствовала идеализму барокко, нежели формировавшимся в творчестве Веласкеса реалистическим мотивам.

Итальянская живопись XVII в. не достигла такого пика развития, как фландрская или испанская. Однако и здесь сформировалась мощная школа, развивавшая традиции барокко. Ее возглавил Лодовико Каррачи из Болоньи (1555-1619), предложивший в качестве основы творческого метода

сочетание трех начал — «forza», «grazia» и «decoro» (сила, грация и изящество). Каррачи работал преимущественно в жанре монументальной фресковой живописи — плафонной и купольной. Его наиболее известным творением стали фрески большой галереи палаццо Фарнезе в Риме. Последователи Каррачи — Гвидо Рени (1575-1642), Франческо Альбани (1578-1660) и Джованни Ланфранко (1580-1647) с успехом использовали технику своего учителя для создания станковых полотен, выполненных масляными красками.

Особое место в развитии итальянской живописи XVII в. занимает творчество Микеланджело Меризи да Кавараджо (1569-1609) — основателя первой итальянской реалистической, или натуралистической, школы. Его жанровые картины отличались выбором нарочито угловатых и даже аскетических «народных» типажей, отказом от эстетизации композиции и стремлением к точному отражению действительности. Художественные принципы, разработанные Кавараджо, приобрели большую популярность среди европейских художников. Однако в самой Италии уже с конца XVII в. формируется направление, близкое к эстетике рококо — с тягой к легким, воздушным, подчеркнуто изящным композициям. Первыми представителями этой новой школы стали Марко Антонио Франческини (1648-1729) и Доменико Пиола (1629-1703).

Несмотря на ключевую роль изобразительных жанров в развитии искусства барокко, новая художественная философия отразилась и в литературном творчестве, развитии театрального и музыкального искусства. Общей особенностью литературы и театральной драматургии барокко было сочетание динамизма и экспрессивности выразительных средств с резкой контрастностью образной системы, стремлением к изображению многочисленных ярких и живописных деталей, не связанных с общей сюжетной композицией. Литература барокко в наибольшей степени сохранила связь с традициями маньеризма. Художественные средства рассматривались как способ преодоления унылой, однообразной и вульгарной действительности. Это вело к нарочитой театральности и декоративности литературного искусства, показной усложненности и интеллектуализации авторского языка.

Теоретическое обоснование литературного и театрального стиля барокко представили испанский писатель Бальтасар Грассиан в трактате «Остромыслие, или искусство быстрого ума»

(1642) и итальянец Эмануэле Тезауро в трактате «Подзорная труба Аристотеля» (1665). Эти произведения, приобретшие общеевропейскую известность, характеризовали словесное искусство как проявление особой способности ума к интуитивной деятельности, систему художественного творчества, не связанную с какими-либо универсальными принципами и логическими построениями. Искусство трактовалось этими авторами скорее как проявление вкуса, утонченности, а не метод познания.

Литературное творчество в стилистике барокко развивалось в большинстве европейских стран. Наиболее зрелые формы это направление приобрело в Испании. В русле барочной художественной философии здесь сложилось две литературные школы. Одна из них, получившая название культизма, была основана Луисом де Гонгора-и-Арготе (1561-1627). Ее представители проповедовали так называемый «темный стиль», основанный на усложнении текста метафорами, перифразами, неологизмами. Поэтические произведения Гонгоры, а также Хуана де Тасиси-Перальта (1580-1622), Франсиско де Трио-и-Фигероа (1620-1680) заслужили репутацию «ученой поэзии», обращенной к интеллектуальной элите общества. Их противники объединились в течение концептистов, возглавляемое Франсиско де Кеведо-и-Вильегасом (1580-1645). Концептизм опирался на стремление к раскрытию реальной сложности жизни, показу существующих, а не надуманных противоречий. Если поэзия культистов поражала многообразием художественных средств, то проза концептистов тяготела скорее к лаконизму, оставляя читателю право судить о смысловой насыщенности текста. Наиболее распространенным жанром творчества концептистов стал плутовской роман с его двусмысленной сатирой и памфлетной риторикой. Помимо Кеведо известными романистами были Висенте Эспинель (1550-1624), Бальтасар Грасиан-и-Моралес (1601-1658), Луис Белес де Гевара (1579-1644).

Испанская драматургия и театральное искусство XVII в. также развивались в русле барочного стиля. В эту эпоху еще сохранялись основы драматургической поэтики, заложенные великим Лопе де Вега. Его последователи Хуан Руис де Аларкон-и-Мендоса (1681-1639) и Тирсо де Молина (1583-1648) с успехом работали в жанре «комедии интриги», «комедии характеров», «комедии святых». К середине века под дав-

лением католических кругов театральная жизнь в Испании оказалась в условиях все более жесткой регламентации. Сокрытие театральных трупп и постепенное вытеснение публичных городских театров вызвало и смену преобладающих драматургических жанров. Наибольшее распространение получили пьесы-феерии на пасторальные и мифологические темы. Лидером нового поколения испанских драматургов стал Педро Кальдерон де ла Барка (1600-1681). Для его стиля были характерны особая интенсивность развития сюжета, концентрация действия вокруг немногочисленных центральных персонажей, олицетворяющих определенные идеи или начала человеческих стремлений. Морализаторский и несколько схематичный психологизм особенно ярко проявился в любимом жанре Кальдерона — «драмах чести». Наиболее популярным автором трагедий и сатирических комедий в это же время выступал Франсиско де Рохас Соррилья (1607-1648), а лидером «исторической драматургии» — Агустин Морето-и-Каванья (1618-1669).

Во Франции литературная традиция барокко преобладала в начале XVII в. Ведущим жанром в этом стиле стал «прециозный», т. е. «изысканный», «утонченный» роман, ярко представленный в творчестве Оноре д'Юфре (1568-1625) и Мадлен де Скюдери (1607-1701). Прециозная романистика опиралась преимущественно на пасторальные и героико-галантные сюжетные линии. Та же тематика была характерна и для прециозной поэзии Венсана Вуатюра (1598-1648), чрезвычайно популярной в аристократических салонах Франции начала XVII в. Своеобразной альтернативой «галантному» литературному творчеству стала поэзия и проза «либертинов» («вольнодумцев»), выступавших с дерзкими сатирическими произведениями и бросавших вызов общепризнанным авторитетам и нормам морали. Среди авторов этого направления наибольшую известность приобрел Теофиль де Вио (1590-1626). К течению либертинов был близок и автор нашумевших утопий Сирано де Бержерак (1619-1655), а также ведущие представители реально-бытовой романистики, в том числе Поль Скаррон (1610-1660) и Шарль Сорель (1602-1674).

В начале XVII в. новое поэтическое направление, близкое по художественным принципам к стилю барокко, сложилось в Англии. Оно получило название «метафизической школы». Это название подчеркивало переход от жизнерадостной и жизнелю-

бивой лирики Раннего Возрождения к размышлениям о судьбе человека в меняющемся мире, подлинных основах мироздания и смысле человеческой жизни. Основоположителем школы был Джон Донн (1572-1631). В своих стихотворных циклах он воспевал страстные чувства и плотские вожелания, высмеивал ханжество и жадность. В произведениях Донна и других «метафизиков» ярко проявились характерные черты литературы барокко — резкие контрасты эмоций, мистические настроения, философские размышления, смешение конкретных явлений с абстрактными понятиями, сложность риторического стиля. Подобная поэзия отличалась интеллектуальной сложностью и была популярна среди элитарных слоев общества.

Эпоха становления и расцвета барокко оказала огромное влияние на культурное развитие европейского континента. Она стала символом пафосных творческих исканий, экспрессивной динамики и эмоциональной насыщенности общественной жизни. В этом качестве многие направления культуры более поздних периодов получали название «нового барокко» или «необарокко».

Альтернативным направлением культурного развития XVII в. являлся классицизм. Подобно барокко, этот стиль также имел не только конкретно-историческое, но и универсальное значение. Характерными чертами классических произведений искусства, создававшихся в любые исторические эпохи, являлись пропорциональные композиции, простые художественные формы, эмоциональная уравновешенность, стремление к отражению гармоничного и упорядоченного идеала, основанного на представлении о красоте как объективном качестве. Классицизм канонизировал общие, типичные особенности объектов в ущерб их индивидуальному своеобразию. В сочетании с возвышенностью, чувственной приподнятостью художественного языка классического искусства это обеспечивало этическую назидательность и гражданский пафос. В рамках художественного направления классицизма культура приобретала ярко выраженную воспитательную функцию, превращаясь в иллюстрацию императивных моральных истин, упрощенных и упорядоченных эстетических идеалов. Поэтому преобладание в художественной культуре той или иной эпохи классической эстетики свидетельствует не только о внутренних тенденциях развития искусства, но и об укреплении в этот период в массовом сознании рациональной,

гармоничной в своем внутреннем содержании мировоззренческой системы.

Сосуществование в европейской художественной культуре XVII в. столь разноречивых направлений, как барокко и классицизм, было весьма показательным феноменом. Если барокко отражало эклектику умонастроений революционной эпохи, особое эмоциональное состояние общества, то расцвет классицизма был связан с более глубинными мировоззренческими переменами, радикальным обновлением картины мира европейского человека. В сочинениях Бэкона и Декарта, Спинозы и Лейбница искусство трактовалось прежде всего как способ выражения научных истин и этических идеалов, уникальное средство пробуждать в человеке саму тягу к истине. Умеренность художественного языка, преодоление смысловой усложненности в сочетании с примитивизацией форм и достижением их математической пропорциональности рассматривались как важнейшие достоинства искусства. Декарт утверждал, что принципы художественной гармонии подчиняются универсальному природному закону: «Подобное стремится к подобному». Гоббс считал, что «разум зависит от идей, идеи — от воображения, а воображение — от движения телесных органов». Таким образом, фантазия художника, порыв творческого воображения ассоциировались с быстротой и легкостью движения жизненных сил, динамикой созидательной души. Подобный взгляд сочетался с механистическими принципами ньютоновской картины мира и открывал дорогу творческим исканиям в духе классицизма.

Признанным центром культуры классицизма в XVII в. стала Франция. Новый стиль формировался здесь в условиях торжества абсолютизма и нес на себе яркий отпечаток помпезности и патетичности эпохи «короля-солнца» Людовика XIV. Иной была стилистика классического искусства в Англии и Голландии, странах с утвердившейся протестантской культурой. Художественные явления в стиле барокко возникали здесь редко, а искусство классицизма носило более строгий, лаконичный по эстетике характер.

Архитектура классицизма во Франции в значительной степени подражала древнеримским образцам купольных зданий и прямоугольных базилик с внутренними двухэтажными галереями на колоннах. Подобные сооружения создавались Саломоном де Броссом (1552-1626), Жаком Лемерсье (1585-

1654), Франсуа Мансаром (1598-1666) еще в период царствования Людовика XIII. Расцвет классицизма в архитектуре во второй половине XVII в. был связан с именами Луи Лево (1612-1670), Клода Перро (1613-1688) и Жюль д'Ардуэна Мансара (1646-1708). Их работы создали «французский стиль» с характерным преобладанием горизонтали над вертикалью в пространственных решениях, соблюдением строгой симметрии относительно оси здания (трехчастное деление фасада с укрепленным центральным и двумя меньшими боковыми ризалитами, либо сочетание фасада с выступающими по бокам двумя флигелями), тяготением всех пространственных форм к квадрату или прямоугольнику. Величественность зданий подчеркивалась преобладанием центрального корпуса с высокими прямоугольными окнами, мощными ионическими колоннами, открытыми террасами и промежуточными флигелями. Все эти черты были характерны для стилистики, называемой «архитектоникой» — ориентированной на создание впечатления «единства в многообразии», четкое разделение целостного образа постройки на составные, симметричные и равновесные элементы.

Важной особенностью архитектуры классицизма стал переход к так называемому «регулярному градостроительству». Основным способом организации городского пространства становилась замкнутая прямоугольная площадь, замкнутая похожими домами и симметрично разомкнутая улицами. В дворцовых постройках закрепилось стремление к созданию целостных архитектурных ансамблей и сложных комплексных ландшафтов. Андре Ленотр (1613-1700), создатель великолепного паркового ансамбля Версаля, стал одним из основоположников «регулярного» стиля садово-паркового искусства, которое дополняло строгую пропорциональность классической архитектуры.

Голландская архитектура начала XVII в. развивалась под влиянием амстердамской школы, основанной Гендриком де Кейзером (1565-1621). Ее «кирпично-каменный» стиль отличался эклектикой в подборе пространственных и декоративных решений, сочетанием простоты и строгости планировки с элементами барочных орнаментов и надстроек. Во второй трети века в Голландии укрепился классический стиль архитектуры, причем даже в более строгой форме, нежели во Франции. Ключевой вклад в развитие голландской архитектуры клас-

сицизма внесли Якоб ван Кампен (1598-1657), Питер Пост (1598-1668), Филипп Вингбоонс (1608-1675). Их творчеству не было присуще стремление к пафосу и величественности. Основной тип построек голландского классицизма — это дома зажиточных бюргеров и дачи аристократов.

Английский архитектурный классицизм формировался под влиянием венецианской школы Андреа Палладио (1508-1580). Первым английским последователем Палладио и родоначальником собственно английского классицизма стал Иниго Джонс (1573-1652). Он был сторонником принципа простоты и целесообразности внутреннего пространства и внешнего убранства зданий, отказа от нарочитой эстетизации построек. Джонс разработал классический тип английской усадьбы, призванный удовлетворить прежде всего стремление к комфорту и удобству жилища. Его усадьба представляла собой прямоугольное в плане здание с покатой крышей, прямой линией карниза и равноудаленных друг от друга окон. Этот макет одинаково годился как для загородного дома, так и для городского особняка. В окончательном варианте архитектурный стиль английского классицизма сложился в творчестве Кристофера Рена (1632-1723). Он в значительной степени отражал влияние французских традиций, но с широким использованием готических контуров и барочного декора. Отклонение от канонов классицизма еще больше закрепилось в работах Дж. Вэнброу, Дж. Вуда, Н. Хоксмора, которые относились уже к своеобразному «барочному классицизму».

Скульптура классицизма, подобно барочной, развивалась в XVII в. прежде всего в контексте декоративных задач. Скульптуры, барельефы, надгробия, выполненные в галло-римском стиле и основанные на античных сюжетах, были важным дополнением к строгой и величественной атмосфере классических зданий и парков. От чувственной скульптуры барокко классическое влияние отличалось меньшим психологизмом, стремлением к продуманной, несущей определенные идеи композиции. Эти черты были характерны для творчества французских скульпторов Франсуа Жирардона (1628-1715), Робера де Лоррена (1662-1747), Никола (1658-1733) и Гильома Кусту (1677-1748). В Голландии и Англии искусство ваяния в стиле классицизма не получило столь широкого распространения. Реформированная церковь в этих странах отрицала пластические образы как элемент убранства культовых сооружений.

Поэтому основным жанром, в котором работали голландские и английские скульпторы, было создание надгробных памятников.

Живопись приобрела в традиции классического искусства особое значение. Пропорциональная строгость классической архитектуры, отказ от нарочито роскошных и разнообразных декораций делали картины ключевым компонентом внутреннего убранства зданий. Французские художники начала XVII в. Жак Калло (1592-1635), Симон Вуз (1590-1649), Жак Бланшар (1600-1638) еще испытывали заметное влияние традиций итальянской живописи эпохи позднего Ренессанса. В полной мере художественный стиль классицизма сформировался лишь в творчестве Никола Пуссена (1593-1665). В его картинах отразились принципы римской эстетики, с характерной для нее четкостью, ясностью, убедительностью изображения. Продуманность сюжета сочеталась с жесткой очерченностью линий, отказом от полутонов и дополнительных деталей композиции. Особую славу Пуссену снискали произведения на библейские и исторические темы. Клод Желе (1600-1682) распространил те же художественные принципы на пейзажную живопись, а Филиппе Шампань (1602-1674) — на церковную. В конце XVII в. во французской живописи классицизма сформировались два противоборствующих направления — реалистическое, особенно влиятельное в портретистике и батальной живописи, и колористское, тяготеющее к жанровой живописи и предвещающее торжество эстетики рококо.

Самобытная школа живописи сложилась в XVII в. в Голландии. По своей стилистике она занимала промежуточное положение между барокко и классицизмом. Принципы построения композиции и жанровое многообразие сближали голландскую живопись с традициями барокко. Однако в творчестве голландских художников отсутствовали тяготение к пышности и великолепию, нарочитость цветовой гаммы и вычурность сюжетов. Они создавали картины, понятные и близкие по эстетике представителям «среднего класса». Это предопределило особую популярность ландшафтной, портретной, архитектурной живописи, а также настоящий расцвет искусства репродукции. Признанными мастерами в этих жанрах были Абрахам Блумарт (1564-1651), Герард ван Хонтхорст (1590-1654), Ян Вееникс (1640-1719), Франс Хале (1580-1666), Якоб ван Рейсдал (1628-1682), Филипп Вуверман (1619-1668).

Вершиной в развитии голландской живописи XVII в. стало творчество Рембрандта Харменса ван Рейна (1606-1669). Его произведения отразили идеал естественной и жизненной красоты, далекой от чувственности барокко и упорядоченности классицизма. При этом, в отличие от многих голландских мастеров, Рембрандт смело обращался к внутреннему миру своих героев, стремился к передаче нюансов различных чувств и психологических состояний. Портреты Рембрандта приобретали мощное эмоциональное воздействие, разительно отличаясь от парадной портретистики XVII в. В многочисленных исторических и ландшафтных полотнах Рембрандта проявилось и его блестящее искусство светотени, способность придать картине особое цветовое звучание.

Литературное и театральное искусство занимало в культуре классицизма гораздо более важное место, нежели в традиции барокко. Торжество здравого смысла и рациональности, отказ от аллегоричности мышления в пользу его образности и предметности, культ механицизма и нормативности стали важнейшими особенностями литературы классицизма. Эстетика классицизма требовала от литератора безусловного следования жанровым канонам, стремления к гармонии и соразмерности частей произведения, стройности и лаконизму композиции, простоте сюжетных линий и ясности авторского языка. Принципиальную важность сохраняло разделение жанров литературного творчества на «высокие» (эпопея, трагедия, ода) и «низкие» (сатира, басня, комедия).

Рациональный взгляд на человека, предпочтение общего по сравнению с частным, противопоставление разума чувству вело к формированию в литературе классицизма традиции жесткой типизации характеров. Бытовые детали, исторический контекст и иные «частности» исключались из психологического анализа. Персонажи классицизма предстают как цельные символы человеческих страстей, переживаний, идей и душевных движений. Их этические искания неизменно сопряжены с жестким противопоставлением добра и зла, возвышенного и низменного, страстей и разума, долга и потребности. В этом зеркале литература классицизма формировала нормативно упорядоченную систему ценностей, своего рода композицию человеческих стремлений и помыслов.

Принципы классицизма нашли наиболее полное выражение в творчестве французских писателей, поэтов и драматургов.

Пьер Корнель (1606-1684) и Жан Расин (1639-1699) стали основоположниками жанра классической трагедии, разитель— но изменившей атмосферу литературной и театральной жизни Франции. Особенностью их произведений было строгое соблюдение правила «трех единств» — единства места, времени и действия. Сюжет концентрировался вокруг одного главного события, а персонажи изображались с одной явно доминирующей чертой характера. Это придавало действию некоторую статичность, но обеспечивало подчеркнутый психологизм, этическую направленность произведений. Сюжетные линии, как правило почерпнутые из древней мифологии и истории, были ориентированы на воспевание доблести и благородства, величия и героизма. С драматическими пьесами Корнеля и Расина на французские театральные подмостки пришло и новое поколение актеров. Складывалась особая школа исполнительского мастерства, основанного на мощных вокальных данных, патетической и, одновременно, сдержанной мимике и пластике. Актерские приемы в исполнении трагедий сохранили элементы декламации, в «комедиях нравов» — приближались к естественной бытовой манере. Богатую публику особенно привлекало появление в театральных труппах актрис.

Не меньшей популярностью во Франции пользовались и «низшие» жанры классической литературы. Благодаря гению Жана-Батиста Поклена, известного под псевдонимом Мольер (1622-1673), совершенно новые черты приобрел жанр комедии. Комедии Мольера сместили зрителя фарсовыми перипетиями, но при этом ставили не менее глубокие проблемы, нежели трагические и эпические драмы. Мольер обличал лицемерие и социальный конформизм, безжалостно критиковал общество, порождающее человеческие пороки. Жанр сатирической басни с успехом был возрожден в творчестве Жана де Лафонтена (1621-1695). Критический пафос и морализаторство были характерны и для французской прозы классицизма. В XVII в. начинается расцвет эпистолярного жанра. Франсуа де Ларошфуко (1613-1680), Блез Паскаль (1623-1662), Жан де Лабрюйер (1645-1696) и другие моралисты придали памфлетной публицистике и ораторской прозе подлинно философское звучание.

В русле классицизма развивалась во второй половине XVII в. и английская литература. Уже в годы революции поэтическое творчество Джона Мильтона (1608-1674) продемонстрировало

растущее тяготение к классическим сюжетам, строгому соблюдению принципа единства времени, места и действия как основе правдоподобия, формированию цельных, завершенных образов, характеризующих основные начала человеческой души. Литература периода Реставрации приобрела большее жанровое разнообразие, но сохранила ярко публицистический характер. Приверженцы противоположных политических принципов нередко обращались к сатире и памфлетной публицистике для выражения своих взглядов. Наиболее показательным в этом отношении было творчество Джона Беньяна (1628-1688) и Сэмюэля Батлера (1612-1680). После Славной революции 1688 г. пафос общественной полемики несколько смягчился и развитие английской литературы стало определяться уже более жестким следованием основным принципам классицизма. После долгого периода забвения возрождается драматургия. Ключевую роль в этом сыграли Джон Драйден (1631-1700), Натаниэл Ли (1653-1692), Томас Отвей (1652-1685), Джордж Этеридж (1634-1691).

Критические трактаты Д. Драйдена стали важным шагом в теоретическом обобщении европейского культурного опыта. Драйден пытался найти компромисс между стилем драмы, выработанным эпохой Возрождения, и французским классицизмом. Он разделял стремление классицистов к изображению возвышенных стремлений, но оставлял за драматургией право на бурное, стремительное действие. Подобный взгляд отражал специфику английской театральной жизни конца XVII в. Новые театры, открытые после нескольких десятилетий запрета, уже значительно отличались от «театра Шекспира». Доминирующим сценарным жанром стала «комедия Реставрации». Возводя в культ свободомыслие и насмешливое остроумие, новая комедия нарочито бросала вызов набожности и благочестию пуритан. Мастерство комедийной интриги, блеск юмористических диалогов, острота в обрисовке персонажей стали ключевыми особенностями английской «комедии Реставрации» и имели много общего с французской комедийной драматургией.

XVII век стал переломным для развития музыкального искусства. В кратчайшие, по историческим меркам, сроки произошла эволюция от прикладной, церковной музыки, через развлекательно-бытовую к собственно светской музыке, имеющей самостоятельную художественную ценность. Зна-

чительно обогатилась исполнительская техника, расширился круг художественных образов, ранее недоступных инструментальным формам. В этот период возникли новые вокальные и инструментальные жанры — оперы, оратории, кантаты, сюиты, прелюдии, токкаты, фуги. Вокруг ведущих европейских композиторов — Клаудио Монтеверди (1567-1643), Алессандро Скарлатти (1659-1725), Жан Батиста Люлли (1623-1687), Арканджело Корелли (1567-1613), сложились самобытные оперные школы.

Стремительное развитие и исключительное разнообразие форм художественного творчества в сочетании с революционными изменениями в системе научного познания и философского осмысления мира придали XVII в. уникальный характер. При этом, XVII столетие осталось в исторической памяти скорее как переходный этап от Возрождения к Просвещению, нежели самодостаточная эпоха. Его ключевой особенностью стало не торжество определенной системы этических и эстетических ценностей, а духовный синтез, феноменальная многоликость и терпимость в отношениях между представителями противоположных направлений художественного творчества. В условиях острой политической и религиозной борьбы это культурное взаимодействие стало уникальным опытом обеспечения преемственности и диалогичности в развитии общества. Poleмика представителей различных стилей и направлений литературного, музыкального, изобразительного творчества, адептов противостоящих научных школ и философских концепций превращались в основу для формирования той уникальной атмосферы культурной полифоничности, в которой и сложился феномен европейского Просвещения.

Общественная мысль, научные достижения и культура в век Просвещения

Эпоха

Просвещения

XVIII столетие вошло в историю как «век Просвещения». Эта эпоха принесла с собой невиданное ускорение темпов социального и духовного развития европейского общества. Все более четкими становились контуры экономической модели, формировавшейся в ходе модернизации. Менялись формы государственного устройства, закреплялись новые элементы правового сознания и политической культуры. Ведущие представители интеллектуальной элиты европейского общества стремились осмыслить все эти процессы, сформировать целостный взгляд на перспективы развития цивилизации, роль человеческого разума в истории, проблемы взаимодействия общества с природой. Мировоззренческие искания XVIII в. привели к разительному обновлению самого стиля философствования, привнесли в него яркий полемический пафос, стремление к «просветительству», повышению роли науки в общественной жизни.

Само понятие «Просвещение» и хронологические рамки этого исторического явления достаточно условны. Просветительское движение возникло еще в конце XVII в., а последние очаги его угасли лишь в начале XIX в. Такая растянутость во времени объясняется нарастающей неравномерностью в темпах развития западных стран, существенной спецификой социальной базы и культурного контекста просветительского движения в различных регионах Европы и Северной Америки. В то же время прослеживается яркая преемственность в формировании и распространении ведущих просветительских идей. Сохраняя национальную специфику, Просвещение превратилось в подлинно общеевропейский духовный феномен.

Значительное влияние на формирование просвещенческой идеологии оказали события двух первых европейских буржу-

азных революций — Нидерландской и Английской. В XVIII в. взгляды просветителей стали идейным знаменем стремящейся к власти буржуазии, что особенно ярко проявилось в период войны за независимость североамериканских колоний и в годы Великой Французской революции. Однако широкий спектр идей и концепций, выдвинутых просветителями, не ограничивался потребностями рождавшегося буржуазного общества. Под эгидой Просвещения формировался новый целостный взгляд на философию, политику, педагогику, литературу, живопись, эстетику.

От традиций гуманистической мысли просветители унаследовали напряженный интерес к человеку, его нравственной и физической природе, преклонение перед достижениями культуры, интеллектуальным творчеством. Гуманистический антропоцентризм в философии Просвещения был дополнен осмыслением места человека в обществе, анализом его социальной природы. Как и гуманизм эпохи Возрождения, просветительское движение было прежде всего явлением салонной элитарной культуры. Однако идеи просветителей отражали уже не только духовные искания интеллектуальной элиты, но и радикальные перемены в самой картине мира европейского человека. Просветители осознанно стремились к популяризации своих идей. Впервые произведения крупных ученых и философов издавались значительными по тем временам тиражами, шаг вперед сделала система образования. В итоге, просветительские идеи еще не стали достоянием более широких масс, но оказали реальное влияние на складывание новых общественных институтов, в том числе на осуществление реформ * просвещенного абсолютизма».

Существовала и определенная взаимосвязь Просвещения с итогами Реформации. Протестантизм не только сформировал новую конфессиональную среду в европейском обществе, но и дал толчок для переосмысления привычных этических категорий. Новое толкование Кальвином догмата о божественном предопределении и земном призвании, рождение «протестантской этики» с ее подчеркнутым практицизмом и ориентацией на жизненный, в том числе материальный, успех создали предпосылки для формирования нового типа личности. Рожденное в русле этой духовной традиции уважение к частной жизни человека и его успеху, свойственное протестантам «священное» отношение к собственности и фанатичная уверенность в

правоте собственных взглядов стали характерными чертами просветительской идеологии и философии.

Просвещенческие научные традиции тесными узами были связаны с естественно-научными и философскими достижениями предшествующей эпохи. Мыслители XVIII — начала XIX столетий опирались на интеллектуальные достижения Р. Декарта и И. Ньютона, Ф. Бэкона и Б. Паскаля, Б. Спинозы и Т. Гоббса, Дж. Мильтона и Дж. Гаррингтона, Г. Гроция и П. Гассенди, П. Бейля и др. У ученых XVII столетия просветители унаследовали рационалистический подход к знанию, представление о единстве и взаимосвязи природных законов, смелость в отстаивании собственных воззрений. Однако научная мысль XVIII в., за редким исключением, по-прежнему оставалась во власти метафизических представлений о природе, человеке и обществе. В сфере философских исканий эта эпоха также не принесла серьезных концептуальных прорывов. Исключение составило лишь творчество И. Канта, Дж. Беркли и Д. Юма, по своей направленности связанное уже не столько с веком Просвещения, сколько с последующей эпохой.

Несколько упрощенно выглядели историософские концепции просветителей, краеугольным камнем которых стало представление о текущей действительности как о вершине исторического процесса. Сама история воспринималась просветителями как восходящее поступательное движение общества от состояния дикости к цивилизации, от несовершенства к совершенству. Подобные воззрения основывались на ярко выраженном прогрессизме просветительской идеологии. Большинство мыслителей XVIII в. «цивилизация» и связанные с нею расцвет науки, литературы и искусства воспринимались как безусловное благо, а деятельный человеческий разум рассматривался как важнейший источник общественного развития. Синтез механистической картины мира и антропоцентризма породил в идеологии Просвещения веру в возможность «человека разумного» изменить мир на основе рационально построенной модели. Себя же просветители считали миссионерами, призванными вести борьбу против главных источников бедствий и ошибок человечества — разного рода суеверий, религиозного фанатизма, невежества. Прогресс разума неразрывно связывался ими с раскрытием внутренних нравственных добродетелей человека. «Цивилизация — есть смягчение нравов», — утверждал в 1757 г.

в своем трактате «Друг народа» французский просветитель Рикети де Мирабо.

Идея деятельного, преобразовательного разума в философии Просвещения была предельно взаимосвязана с культом естественности. Философы-просветители широко оперировали терминами «естественный закон», «естественное состояние», «естественные права». Однако просвещенческий взгляд на идею естественности принципиально отличался от античного и средневекового. На смену обожествлению или созерцательному восхищению природой пришло понимание тесной взаимосвязи природного и социального. Просветительская мысль исходила из идеи естественного состояния, как гармонии этих двух начал. Популярной стала мечта об «исправлении» общественных нравов на основе восстановленной «естественной» гармонии. Одновременно начинает зарождаться и деятельное, преобразовательное отношение к природе, которое уже в следующее столетие приведет к появлению идеи «покорения» природы. По мнению большинства философов XVIII в., вышедшее из «природного состояния» человечество бесповоротно связало свою судьбу с гражданским обществом, которому неуклонно сопутствует прогресс наук, искусств и ремесел. Даже те из них, кто отстаивал точку зрения о пагубности подобного развития, не видели перспективы обратного хода истории и окончательного возвращения к природному состоянию. Диалектическое соотношение понятий природы и цивилизации, противостоявших и одновременно дополнявших друг друга, являлось отличительной чертой философии Просвещения.

Итак, Просвещение стало новым этапом в духовной модернизации европейского общества. Соединив и развив многие идеи Гуманизма и Реформации, унаследовав результаты научной революции XVII в., просветительская мысль подготовила масштабную секуляризацию европейской культуры, радикальное обновление картины мира, рождение принципиально новых форм интеллектуального и социального творчества. В этом качестве Просвещение можно считать концентрированным отражением самого духа Нового времени. Выдающийся немецкий философ И. Кант одним из первых дал историческую оценку эпохе Просвещения, охарактеризовав ее как «выход человека из состояния своего несовершеннoлетия» под девизом «Supere aude!» («Живи собственным умом!»).

Просветительская идеология обладала яркой критической направленностью. Объектом критики просветителей становились проблемы существующего правления, основы официальной идеологии, теория и практика систем образования и воспитания, цели и задачи культуры и искусства. Одну из своих конечных целей просветители видели в усовершенствовании существующего строя, в подготовке и реализации реформ в самых различных сферах общественной жизни. В то же время, просветители пытались дать ответы и на интересовавшие современников вопросы о дальнейших перспективах цивилизации, о сущности человека как индивида и общественного субъекта. Крупнейшими достижениями XVIII в. стала детальная разработка теорий естественных и гражданских прав человека, общественного договора и возможности сопротивления угнетению, народного суверенитета и разделения властей.

**У истоков Просвещения.
Английская общественная мысль XVIII в.**

Просветительское движение зародилось в Англии в последней четверти XVII в. Но его основные идеи уходили своими корнями в далекое прошлое. Одним из источников просветительской доктрины можно считать Великую хартию вольностей 1215 г., которая впервые провозгласила невозможность преследования человека или лишения его собственности без решения суда. В период революции XVII в. в английской политико-правовой мысли закрепились идеи естественных прав человека и национального суверенитета. После «Славной революции» 1688-1689 гг. были заложены основы конституционного строя, основанного на принципах разделения властей, парламентаризма, независимости судебной власти.

Особый характер имело и конфессиональное развитие английского общества. Несмотря на официальный статус короля как главы англиканской церкви и ожесточенную борьбу пуритан за искоренение «остатков папизма», уже к концу XVII в. в Англии сложились условия для преодоления религиозной нетерпимости и складывания толерантного стиля межконфессиональных отношений. Англия стала прибежищем для сотен эмигрантов из самых различных стран Европы. В то же время в английском общественном сознании закрепились черты, при-

сущие именно протестантской этике и политической культуре. Протестантизм пробуждал личную инициативу человека, его упорство в достижении поставленных целей, позитивное отношение к светской, мирской жизни, практицизм и расчетливость. Общественное поведение человека, с точки зрения протестантской культуры, считалось способом самореализации индивида, формирования и развития жизненного пространства конкретной личности.

Английские просветители стояли у истоков идеала энциклопедической учености и взгляда на развитие науки как основу человеческого прогресса. Рационалистическая форма мышления, подчеркнутая логичность и прагматизм, материалистическое миропонимание стали важнейшими чертами их философского стиля. В воззрениях многих английских мыслителей проявлялось и нарочитое морализаторство, стремление соотнести ключевые категории естественно-научной картины мира с постулатами «моральной философии», утвердить особое видение человека как существа «естественного» и, одновременно, социального, деятельного, неразрывно связанного с гражданским обществом.

Нравственную основу имела и концепция «общего блага», ставшая ключевой для социально-политических воззрений английских просветителей. Избегая узкой, сугубо утилитарной трактовки человеческого индивидуализма, просветители доказывали равнозначность частного и общественного интереса, разумность и важность их сочетания. В то же время английское Просвещение избегало радикальных общественно-политических идей. Большинство его представителей вполне лояльно относились к сложившейся государственно-правовой системе, равно как и не вступали в открытый конфликт с англиканской церковью. Для английской интеллектуальной элиты не был свойственен тот дух вольнодумства, который будет питать французское Просвещение, и тот политический радикализм, который даст толчок для зарождения просветительской мысли в Америке. Английское Просвещение оставалось прежде всего интеллектуальным, философским, мировоззренческим движением, умеренным в политических амбициях, но чрезвычайно мощным в своем творческом потенциале.

Родоначальником английского Просвещения стал Джон Локк (1632-1704), современник Ньютона и Лейбница, получивший известность как философ лишь в конце своей жизни.

Важнейшие труды Локка, в т.ч. «Письма о веротерпимости», «Опыт о человеческом разумении», «Трактаты о правлении», были опубликованы после «Славной революции» и сыграли огромную роль в формировании нового поколения английских политиков, ученых, общественных деятелей. Локк стал одним из первых европейских мыслителей, кто попытался в своих философских рассуждениях преодолеть традиции как теологического мышления, так и метафизики. В этом плане Локк продолжал традиции «английской учености», восходящие к Дунсу Скоту и Оккаму и связанные с приверженностью прагматичному рационализму, четкому разделению методов познания, предпочтению опыта перед теоретическим рассуждением. Локк доказывал, что разум человека — это не столько данность, сколько возможность. Человеческое сознание, согласно Локку, является чистым листком, доской (*tabula rasa*), на которой можно запечатлеть доступные знания. Поэтому ключевую роль приобретает реальный опыт человека, его способность понимать и обобщать собственные ощущения. «Нет ничего в уме, чего прежде не было бы в ощущении», — утверждал Локк.

Доказывая тезис об опыте как первооснове знания, Локк стал одним из основоположников философии эмпиризма (аналогичный латиноязычный термин — сенсуализм). В качестве источника человеческих знаний он рассматривал лишь чувственный опыт — как внешний (ощущения), так и внутренний (рефлексия). Локк утверждал, что образы чувственно воспринимаемых объектов складываются в разуме человека в виде «идей». В ходе познания важно выявить самые простые идеи, отражающие неотъемлемые свойства вещей и процессов («первичные качества»). Сложные же идеи, согласно концепции Локка, представляют собой лишь комбинации простых. Следовательно, любой догматизм, мистическое или метафизическое восприятие реальности совершенно бессмысленны.

Философия Локка стала символом культа здравого смысла, веры в отсутствие непогрешимых истин, проповеди свободного и критического разума. В ней человек разумный предстает как человек сомневающийся и человек деятельный, а самое главное — как человек, совершенно практичный в своих мотивах, побуждениях и мыслях. Неслучайно, что Локк стал и основоположником политической идеологии нового типа. Естественные и неотчуждаемые права индивида, безусловная

свобода мысли и целесообразность подвергать сомнению любые общественные истины, суверенитет народа и договорной характер государства, система разделения властей и гражданское самоуправление, правые основы политической власти и едва ли не священный характер частной собственности — все эти компоненты локковской политической философии станут впоследствии ключевыми категориями либеральной идеологии.

В социально-политических воззрениях Локка особое место занимало понятие «естественного состояния» человеческого общества, или «состояния полной свободылюдей в отношении их действий и в отношении распоряжения своим имуществом и личностью». Подобно многим мыслителям XVII в., Локк рассматривал естественное поведение человека как осознанный эгоизм, стремление к собственному благу. Однако, в отличие от Т. Гоббса, утверждавшего, что естественное состояние неизбежно порождает «войну всех против всех», Локк подчеркивал изначальную ограниченность естественной свободы законами природы и разума. К тому же в «естественном состоянии» Локк видел не столько определенную стадию исторического развития человечества, сколько характеристику особого типа отношений, построенных на представлении о прирожденных и неотъемлемых правах человека. Разум заставляет людей искать наиболее безопасные способы защиты этих прав. Поэтому от «естественного состояния» человечество неизбежно переходит к гражданскому, основанному на признании правовых и политических ограничений естественной свободы. Этот переход Локк трактовал как «общественный договор», посредством которого каждый человек «надевает на себя узы гражданского общества... для того, чтобы удобно, благополучно и мирно совместно жить, спокойно пользоваться своей собственностью и находиться в большей безопасности, чем кто-либо не являющийся членом общества».

Исходя из своей концепции «общественного договора», Локк трактовал и проблему государственно-правового устройства. Сочетание индивидуальных и общественных интересов, по его мнению, требует признания верховенства закона в качестве основополагающего принципа государственности. «Первым и основным законом всех государств» Локк называл законодательную власть, которая может быть ограничена в своих действиях лишь «общественным благом». Он также считал важным отделение функций законодательной власти,

выполняемых парламентом, от полномочий исполнительной власти (контроль за соблюдением законов) и федеральной власти (внешняя политика). Принцип разделения властей получил дальнейшее развитие в работах многих английских мыслителей XVIII в. — государственных чиновников У. Темпля, Дж. Сомерса, лорда Галифакса, журналистов Дж. Аддисона и Р. Стиля, писателя Д. Дефо.

Философские воззрения Локка повлияли и на складывание этической концепции английского Просвещения. В рамках своей естественно-правовой теории Локк доказывал, что целью человеческой жизни является достижение счастья, т.е. максимальное получение удовольствий и сокращение числа возможных страданий. Поэтому и в основе морали, по мнению Локка, лежат принципы целесообразности и полезности. Именно благодаря своей утилитарной природе морально-нравственные ценности могут быть представлены как совокупность твердо установленных общеизвестных правил, которые в силу своей разумности значительно важнее, чем любые индивидуальные мотивы.

Уже в начале XVIII в. «философия морали» стала одним из ключевых направлений в развитии английской просветительской мысли. Ученик Локка Энтони Эшли Купер, граф Шефтсбери (1671-1713) посвятил этой проблеме трактаты «Письма об энтузиазме», «Моралисты», «Общее чувство», «Рассуждения об искусствах» и др. Он полагал, что человек обнаруживает истинную гармонию, сочетающую начала красоты и добродетели, в созданном Богом природном мире. Для постижения этой гармонии требуется особое «моральное чувство», выступающее «посредником» между ощущениями и разумом. Благодаря «моральному чувству» ощущение красоты побуждает человека переходить в чувственном опыте от следствия к причине, от внешнего к внутреннему. Таким образом, благодаря восприятию природной красоты или гармонии, переданной в произведениях искусства, человек утверждает в глубинных нравственных основах. Вместе с тем, Шефтсбери отрицал нарочитое морализаторство, видя в нем доктринерство и идейную одержимость. Он стал автором уникальной «теории насмешки», проповедуя юмор в сочетании со здравым смыслом как лучшее лекарство от любых социальных проблем.

Своеобразным ответом на концепцию Шефтсбери стала сатира Бернарда Мандевиля (1670-1733). Мандевиль высме-

ивал тех моралистов, которые мечтали о перевоспитании человеческого общества, не замечая сколь «человечны» по своей природе искореняемые « пороки и неудобства». Мандевиль в радикальном варианте представил локковский идеал «естественного состояния», порождающего не только добродетели, но и все человеческие недостатки. В своей басне «Ропщущий улей, или Мошенники, ставшие честными» Мандевиль описывал «улей», наглядно уподобленный человеческому обществу, весьма успешный и «плодовитый», но полный ханжества, продажности, шарлатанства и плутовства. Попытка пчел искоренить пороки привела к исчезновению их процветания. В столь аллегорической форме Мандевиль пытался доказать, что «естественное состояние» предполагает равновесие нравственных сил в обществе, а потому единственным гарантом прогресса может быть только свобода человека.

В позднем английском Просвещении не было фигур европейского масштаба, сравнимых по значимости своего творчества с Локком или Шефтсбери. Однако сама традиция английской просветительской мысли развивалась достаточно динамично. В центре научной и общественной полемики оставались вопросы натурфилософии, морали, религиозного опыта, политического устройства. В эти годы сложилась целая плеяда английских философов-материалистов. Представители этого течения Джон Толанд (1670-1722), Антони Коллинз (1676-1729), Дейвид Гартли (1705-1757) активно выступали против общественной роли церкви, религиозного догматизма, морального ханжества. Толанд стал основателем группировки «свободомыслящих» — философов и публицистов, выступавших против церкви с самой радикальной критикой.

Наиболее известным противником материализма в просветительской среде стал ирландский епископ Джордж Беркли (1685-1753). Он был горячим сторонником идей «здорового смысла» и локковского эмпиризма, но одновременно оставался искренним приверженцем теизма и противником материалистического взгляда на человеческую природу. Беркли использовал идею Локка о приоритете чувственного восприятия действительности, доказывая, что эмпирически ощущаемый человеком мир есть единственная реальность. По его мнению, чувственное восприятие окружающего мира происходит вне зависимости от воли человека и его разумного выбора. Мир

дан человеку в его ощущениях, и эта данность есть элемент богоданного мироздания.

В зрелом английском Просвещении сложилось и несколько политических группировок. Наиболее влиятельной среди них были «новые республиканцы», или «истинные виги». Их первыми лидерами стали Роберт Молсуорт (1656-1725) и Уолтер Мойль (1672-1721). Обновленная вигская традиция предполагала почти полный отказ от теории «общественного договора» и переосмысление естественных прав с точки зрения суверенитета личности, а не «гражданского состояния». Как следствие, виги начали рассматривать в качестве основного естественного права частную собственность, способную гарантировать человеку независимость от диктата общества и государства. Виги внесли новые черты и в теорию разделения властей. В отличие от французских и американских просветителей второй половины XVIII в., они исходили из идеи «смешанного правления», а не уравнивания ветвей власти («сдержек и противовесов»). «Смешанное правление» основывалось на принципе верховенства парламента, отражающего суверенные права английского народа. При этом Корона (монарх и королевские министры) и обе палаты рассматривались как части британского парламента, а разделение властей трактовалось как четкое распределение их полномочий. Особое значение английские просветители по-прежнему придавали идее независимости правосудия как «внегосударственного» института, опирающегося в своей деятельности на толкование естественных прав, и судебные прецеденты, а не государственные законы.

Вигская традиция стала важнейшим источником для формирования идеологии британского либерализма на рубеже XVIII-XIX вв. Уже в самом конце XVIII в. начинает складываться и консервативное направление британской общественно-политической мысли. Его родоначальником стал Эдмунд Бёрк (1729-1797), автор трактатов «В защиту естественного общества», «Мысли о причине нынешнего недовольства», «Примирение с колониями», «Размышления о революции во Франции», «Письма о мире с царевубийцами».

Отталкиваясь от обычного для английских просветителей недоверия к доктринерству и «метафизическим спекуляциям», Бёрк предложил совершенно иную социально-политическую концепцию. Он отрицал идеи естественного права, «обществен-

ного договора», народного суверенитета, считая их абстрактными, умозрительными схемами. Бёрк рассматривал общество и государство как результат естественной эволюции, а не рационального выбора человека, и доказывал, что в основе любых явлений лежит изначальный, богоданный порядок вещей. Человек может постичь эти основы жизни лишь инстинктивным «вчувствованием», а не разумом. Чувствами, по мнению Бёрка, люди руководствуются и в общественной жизни. Бёрк выделял три основных естественных мотива — сочувствие, подражание и честолюбие. Сочувствие заставляет человека проникать в чувства других людей, сопереживать, остро воспринимать страдания и боль. В основе подражания лежит столь же естественная тяга ощутить сопричастность к силе, красоте, жизненности. Честолюбие же означает стремление к идеалу. Оно пестует соревновательный дух, жизненные силы человека, но может стать причиной торжества самых разрушительных стремлений, опасного властолюбия и эгоизма. Большое влияние на воззрения Бёрка оказали события Американской и Французской революций.

Просветительское движение в Шотландии

Зарождение и развитие шотландского просветительского движения было тесно связано с влиянием английской общественной мысли. Однако присоединение Шотландии к Соединенному королевству в соответствии с Унией 1707 г. дало толчок и для возрождения националистических настроений в шотландском обществе, стремления к сохранению культурной и религиозной самобытности. Это придало шотландскому Просвещению особенно демократический характер. Значительную роль в распространении просветительских идей сыграли не только университеты Шотландии, но и аристократические салоны, любительские кружки, клубы и научные общества.

Центром развития шотландской просветительской мысли стало философское общество Эдинбурга, впоследствии послужившее основой для создания Королевского научного общества Шотландии. Среди выдающихся представителей эдинбургской научно-философской школы были философ А. Фергюсон, экономист А. Смит, анатом А. Монро, хирург У. Каллен, химик

Дж. Блэк. Первым секретарем философского общества Эдинбурга был избран известный историк, экономист и литератор Дэвид Юм (1711 - 1776), заслуживший репутацию «Ньютона моральной философии».

В своих произведениях «Трактат о человеческой природе» (1740), «Философские опыты о человеческом познании» (1748), «Исследование о принципах морали» (1751), «Моральные и политические эссе» (1748) и др. Юм пытался представить целостный взгляд на человеческую природу как основу философской и научной методологии. «Почти все науки охватываются наукой о человеческой природе и зависят от нее», — рассуждал он. Юм доказывал, что привычное разделение разума и эмпирического опыта неверно. Он полагал, что человеческий опыт носит сложную чувственно-рациональную форму — основывается на особых «впечатлениях» (impressions), которые, в свою очередь, опираются на уже имеющиеся в душе «живые восприятия» (т.е. представляют собой рефлексию). Разум способен преобразовать их в «менее живые восприятия», т.е. создать «идеи» (ideas). Но связывать смутные впечатления и строгие, формализованные идеи, т.е. воспринимать мир единой и упорядоченной реальностью, человеку позволяет не разум, а особое внутреннее «ассоциирующее качество», некая «мягко действующая сила», «магическая способность» человеческой души. Именно она, по мнению Юма, убеждает человека в наличии причинно-следственной связи между объектами. Осознание этой связи Юм называл верой, которая не может быть предметом доказательства, но обнаруживается только в опыте.

В воззрениях Юма человек предстает как существо скорее чувствующее, чем рассуждающее. Однако шотландский философ подчеркивал, что человеческая природа предполагает прежде всего разумность и общительность — активное восприятие идей, привычек, нравственных норм и обязательств, что обогащает духовный мир личности и расширяет основу для самого рационального мышления. Признавая естественность человеческого эгоизма, Юм доказывал значительно большую значимость «благорасположения» к другим людям, которое выполняет в социальном поведении ту же основополагающую роль, что вера в познании. «Вид радости другого... совершен — но как свет солнца, как вид хорошо обработанного поля... причиняет нам радость, тайное удовлетворение, — писал

он. — И наоборот, вид несчастья, подобно мрачному облаку или бесплодной пустыне, распространяет на наше воображение колорит печали».

Рассуждая о глубокой укорененности морали в человеческой природе, Юм видел в ней основу и исторического прогресса. Идею «общественного договора» он называл «философской фикцией» и считал, что в основе подлинного единения людей лежит кропотливое и медленное усвоение «социальных добродетелей». В эссе «О национальных характерах» Юм одним из первых европейских просветителей попытался объяснить национальную специфику именно с точки зрения различия общественной морали, исторически сложившихся систем общественного воспитания.

Большое внимание к проблемам этики стало характерной чертой творчества большинства шотландских просветителей. Фрэнсис Хатчесон (1694-1747) стал известен как автор теории «морального чувства». Вслед за Шефтсбери он полагал, что человек по своей природе предрасположен к восприятию красоты и добра. Эти «высшие чувства» бескорыстны и независимы от внешнего влияния. Именно они, по мысли Хатчесона, являются основным стимулом для совершения добродетельных поступков. Врожденное «моральное чувство» позволяет человеку судить о добродетельности или порочности самого себя и окружающих людей. Оно же лежит в основе общественного прогресса. Хатчесон подчеркивал, что, несмотря на различную трактовку красоты и добра в те или иные исторические эпохи, существуют принципы, составляющие ядро общечеловеческой морали, сущность любой религиозной или культурной традиции. Они едины у всех народов и основываются на естественности «морального чувства» людей.

Адам Смит (1723-1790), снискавший славу одного из родоначальников либеральной экономической теории, был учеником Хатчесона и известным философом-моралистом. В 1759 г. он опубликовал книгу «Теория нравственных чувств», а после длительного путешествия по Европе и знакомства с французскими экономистами-физиократами написал свой самый известный труд «Исследование о природе и причинах богатства народов». Смит рассматривал человека как существо эгоистическое, основным мотивом которого является стремление улучшить собственную жизнь. В то же время Смит отмечал, что, несмотря на естественный эгоизм, в каждом человеке

присутствует симпатия к другим людям. Это чувство сопереживания, которое усиливается не общностью интересов, а искренностью поведения, схожестью эмоционального настроя. Помимо естественной радости от разделенных чувств и взаимного общения, симпатия и доверие к другим людям важны для самооценки самого человека. Объективное мнение о себе, о собственных интересах и возможностях человек может составить, лишь встав на позицию стороннего и беспристрастного наблюдателя, «принимая приговор воображаемого суда». Таким образом, пытаясь улучшить собственную жизнь, человек должен считаться с теми, кому он симпатизирует, доверяет. Поэтому эгоизм, по мнению Смита, на практике предполагает не максимизацию собственной пользы, а стремление к свободному общению, обмену мнениями.

Принципы своей теории нравственности Смит распространил и на анализ общества. Он считал, что главной опасностью является не эгоизм отдельных людей, а торжество корпоративных, групповых интересов, нарушающих порядок «естественной свободы». Они деформируют свободное общение людей, позволяют человеку со спокойной совестью причинять зло, прикрывая свои поступки «высшими интересами». С этой точки зрения, в экономике принципиально важно не допустить нарушения свободной конкуренции, а в политической жизни — обеспечить единство прав людей и беспристрастность государства. Смит отмечал, что большую роль играют и эстетические потребности человека. Они помогают установлению взаимопонимания между людьми, обеспечивают эмоциональную атмосферу, располагающую к проявлениям симпатии, взаимного доверия.

Традиции «нравственной философии» Хатчесона и Смита были развиты представителями шотландской философской школы «здорового смысла» Томасом Ридом (1710-1796), Адамом Фергюсоном (1723-1816), Джеймсом Витти (1735-1803), Дагальтом Стюартом (1753-1828). Они стремились соединить идеал экспериментального познания, строгого анализа причинных связей между явлениями с признанием важнейшей роли «здорового смысла» (common sense), как априорного восприятия окружающего мира. Понятие «здорового смысла» позволяло преодолеть жесткие принципы эмпиризма и доказать существование «интуитивного предзнания» — естественной способности человека полагаться на сумму очевидных прин-

ципов мышления, не нуждающихся в постоянной опытной проверке. «Наша вера в постоянное действие природных законов выводится не из разума, — рассуждал Т. Рид, — она есть инстинктивное предзнание операций самой природы. На этом принципе покоится не только прирожденное восприятие, но и индуктивное рассуждение, а также всякое рассуждение по аналогии». К очевидным принципам мышления Рид и его последователи относили достоверность самосознания и воспоминания, субстанциальность (принцип «мыслящего Я» как постоянного и неизменного субъекта), ключевую роль рефлексии в самопознании, представление о сходной разумности людей и единообразии явлений природы. Под воздействием этих принципов мышления человек опирается в познании не только на чувственный опыт, но и на недоказуемые, принимаемые на веру положения («основные законы веры» — «fundamental laws of belief»). Развивая идею очевидных принципов мышления, представители школы «здорового смысла» пытались сформулировать «золотое правило нравственности» — очевидные основы нравственной оценки поведения человека, отражающие сущность морали и единые для всех народов.

Французское

Просвещение

Во Франции сложилось одно из наиболее мощных течений просветительской мысли. Его характерными особенностями были тесная взаимосвязь философской и общественно-политической проблематики, острая социально-политическая и антиклерикальная направленность, обращение к проблемам исторического прогресса, государственно-правового строительства, экономического развития. На становление французской просветительской мысли большое влияние оказали традиции европейской гуманистической философии, идеи крупнейших английских и голландских мыслителей XVII в., а также картезианский стиль философствования, укоренившийся во французской интеллектуальной элите.

Уникальный творческий прорыв, который французские просветители совершили в самых различных сферах познания, был тесно связан с той общественной атмосферой, которая сложилась во Франции в XVIII в. «Старый порядок», основу которого составляли абсолютистская государственность,

сословно-корпоративный строй и католическая церковная культура, все больше вступал в противоречие с динамикой развития французского общества. Просветительская мысль стала предтечей революционной идеологии «третьего сословия». В то же время французское Просвещение формировалось прежде всего в рамках салонной аристократической культуры, с характерным для нее сочетанием фрондерства, нарочитого вольнодумства со скептическим, несколько циничным рационализмом.

Основоположниками французского Просвещения являлись Ш.Л. Монтескье и Вольтер (Ф.М. Аруэ). Шарль Луи де Секонда, барон де ля Брэд и де Монтескье (1689-1735) был автором первого литературного произведения, написанного в духе просветительских идей. В 1721 г., вскоре после издания «Тысячи и одной ночи» в переводе Антуана Галлана, Монтескье опубликовал «Персидские письма» — сатирический роман в эпистолярной форме. Популярную в обществе «восточную» тему он использовал для язвительного высмеивания политического строя и социальных порядков абсолютистской Франции. От лица вымышленных персидских путешественников Монтескье рассуждал о нелепости религиозного фанатизма и аристократической спеси, осуждал всеисилие откупщиков и прожектерство королевских министров. Еще одно ранее произведение Монтескье — «Размышления о причинах величия и падения римлян» (1734), стало важным шагом к выработке просветительской историко-философской концепции. Монтескье полагал, что в основе развития общества лежит цепь причин и порожденных ими поворотных событий. Установление их позволяет «достичь мудрости» и избежать многих ошибок прошлого.

Наиболее подробно философские и общественно-политические взгляды концепция Монтескье были раскрыты в трактате «О духе законов» (1748). «Я начал с изучения людей и нашел, что все бесконечное разнообразие их законов и нравов не вызвано единственно произволом их фантазии, — рассуждал Монтескье. — Я установил общие начала и увидел, что частные случаи как бы сами собой подчиняются им, что история каждого народа вытекает из них как следствие, и всякий частный закон связан с общим законом или зависит от другого, более общего закона». Под «законом» Монтескье понимал «необходимые отношения, вытекающие из природы

вещей», и полагал, что следует различать законы, характерные для каждого «существа»: божественные законы, законы материального мира, мира животных, человеческие законы. Монтескье считал также, что особые законы имеет Разум, «стоящий выше человека».

Рассуждая о специфике общественных законов, Монтескье исходил из дуализма человеческой природы — физической и моральной. Он доказывал, что в общении людей, как физических существ, устанавливаются естественные законы, не связанные с осознанным выбором — стремление к миру, необходимость добывать себе пищу, желание общения, желание жить в обществе. Под воздействием развития знаний и роста неравенства совершается переход из естественного состояния в общественное. На смену естественным законам приходят позитивные, порожденные осознанными действиями людей и установленные политической властью. Государственная организация является ключевым фактором в оформлении позитивных законов.

Монтескье выделял три формы правления — республиканскую, монархическую и деспотическую, в основе каждой из которых лежит особый «принцип правления» (сосредоточение важнейших социальных отношений) и влияние природных факторов. Республика, с его точки зрения, выражает господство гражданских добродетелей: патриотизма, братской солидарности, социального равенства, и особенно прочна в условиях небольших государств с холодным климатом. Монархия связана с отношениями «чести», характерными для дворянского сословия, и также наиболее приемлема для больших и средних по размерам стран с умеренным климатом. Деспотия, по мнению Монтескье, возникает в больших странах с жарким климатом, где в социальных отношениях ключевую роль приобретает страх подданных перед властью и установление жесткого господства.

При всем различии форм правления Монтескье считал, что, за исключением самых крайних проявлений деспотии, все они связаны с утверждением политической свободы — «права делать то, что разрешают законы». Важным примером достижения этой цели он считал политическую систему Великобритании с присущим ей принципом разделения властей. Но именно в концепции Монтескье была впервые сформулирована классическая версия принципа разделения властей на

три ветви — законодательную, исполнительную и судебную. Причем, сам Монтескье полагал, что разделение властей не столько обособляет и ослабляет их, сколько защищает общество от угрозы тирании.

Философские воззрения Вольтера (Франсуа Мари Аруэ, 1694-1778) стали символом наиболее парадоксальной черты французского Просвещения — сочетания яркого вольнодумства с назидательным морализаторством, гражданского мужества с политическим доктринерством. Вольтер был исключительно плодовитым литератором. Первое собрание его сочинений в известном издании Молана составило пятьдесят томов почти по шестьсот страниц каждый, восемнадцать из которых включили эпистолярное наследие — более десяти тысяч писем. Вольтер стяжал славу талантливого драматурга. Он был автором эпических поэм, написанных в стилистике классицизма, а также ироничных философских повестей, полных мировоззренческих аллегорий и нравственного подтекста.

Вольтер не выдвинул целостной философско-мировоззренческой концепции, но в его размышлениях о человеке и обществе отразились важнейшие черты просветительской идеологии. В полемике с Паскалем Вольтер рассматривал извечное человеческое стремление к благополучию («любовь к себе») не как разъединяющую общество черту, а, напротив, как его «связующее звено». Эта идея легла в основу просветительской трактовки взаимоотношений между людьми как в историческом контексте, так и в чисто бытовом понимании. Вольтер утверждал, что нравственное поведение человека связано не с его религиозностью, а с естественной потребностью жить в мире и согласии с другими людьми, а также со страхом земного наказания.

Самыми яркими чертами мировоззрения Вольтера были его ненависть к воинствующему клерикализму, фанатизму и политическому произволу. Будучи деистом и признавая существование Бога, Вольтер считал необходимым уничтожить Церковную организацию как один из наиболее лживых, догматичных и нетерпимых общественных институтов. Вольтер выступал с критикой королевского деспотизма и отстаивал важность естественных прав человека, в том числе неприкосновенность личности и собственности, свободу совести и свободу слова. Проявлением естественных прав Вольтер также считал получение каждым человеком той доли общественного

богатства, которая пропорциональна услугам, оказанным им обществу. На этом основании Вольтер отрицал как систему наследственных привилегий, так и принцип эгалитаризма. «Равенство является одновременно самым естественным и самым химерическим состоянием» — подчеркивает он.

Подобно Монтескье, Вольтер указывал на необходимость обеспечения политической свободы в обществе, но подразумевал под свободой «подчинение только закону». Он отрицал возможность политической борьбы «третьего сословия» за свои права и возлагал надежды на деятельность просвещенного монарха, «философа на троне», способного проводить справедливую, рациональную политику, вопреки вмешательству церкви и аристократии.

К старшему поколению просветителей относился и Жан Мелье (1664-1729). Будучи сельским священником Мелье создал единственное литературно-философское произведение под названием «Завещание». На его страницах Мелье выступил защитником интересов наиболее угнетенных и бесправных слоев «третьего сословия». Он довольно смутно представлял себе будущее политическое и экономическое устройство общества, подчеркивая лишь, что власть должна быть передана «добросовестным, умным и дальновидным управителям», а основой социального общежития станет «владение всем сообща», т. е. ликвидация частной собственности. Мелье считал необходимым и ниспровержение религии, освящающей существующий несправедливый строй. Его идеи дали толчок для развития атеистического направления во французском Просвещении.

В 40-50-х гг. XVIII в. в общественно-политической жизни Франции активно заявило о себе второе поколение просветителей. Наиболее ярким событием этого времени стало издание 35-томной «Энциклопедии, или Толкового словаря наук, искусств и ремесел» (1751-1780). Ее душой и основателем был Дени Дидро (1713-1784), снискавший уже своими первыми трактатами «Рассуждение о достоинстве и добродетели» и «Философские мысли» славу самого дерзкого вольнодумца и непримиримого скептика. В дальнейшем многие работы Дидро подвергались запрету и даже публичному сожжению, а сам философ неоднократно обвинялся церковью и властями в пропаганде атеистических идей, подрыве нравственности и морали.

«Энциклопедия» первоначально была задумана как перевод известного словаря Э.Чемберса (1728), но усилиями Дидро и Ж.Л. Д'Аламбера превратилась во всеобъемлющее обозрение современных естественно-научных и философских знаний. Новинкой стала используемая авторами система перекрестных ссылок, позволивших соединить удобное для читателя алфавитное построение структуры текста с проблемным подходом. Сам Дидро был не только составителем, но и автором многих статей. В этих работах, также как и в других своих произведениях («Разговор Д'Аламбера с Дидро», «Монахиня», «Плещанник Рамо», «Мысли об объяснении природы»), Дидро последовательно развивал идеи материалистической философии. Вслед за английскими учеными Дидро утверждал взгляд на материю как находящуюся в постоянном состоянии движения, бесконечную в пространстве и вечную во времени основу всех явлений. Взаимодействие молекул, по мысли Дидро, обуславливает все многообразие форм материи, вплоть до социальных и духовных явлений. Дидро полагал, что природная взаимосвязь людей обуславливает и процесс складывания общества. В основе его лежит естественное право, выражающее «общую волю человеческого рода». Натурализм человеческих проявлений, природную справедливость, эстетику естественных порывов и склонностей Дидро противопоставлял ханжеской религиозной морали, ложным законам сословного общества.

Среди авторов «Энциклопедии» были многие крупнейшие французские философы-материалисты XVIII в. — Клод Адриан Гельвеций (1715-1771), Поль Анри (Пауль Генрих Дитрих) Гольбах (1723-1789), Жан Лерон Д'Аламбер (1717-1783), Жюльен Офре де Ламетри (1709-1751) и др. С «Энциклопедией» сотрудничали Этьенн Бонно де Кондильяк (1715-1780) и Жан Антуан Николаде Кондорсе (1743-1794), являвшиеся последователями Дж. Локка и развивавшие теорию эмпиризма. В 1754 г. Кондильяк опубликовал «Трактат об ощущениях», в котором доказывал мысль о том, что именно ощущения являются единственным источником знания человека об окружающем мире.

Математик и социолог Кондорсе отстаивал теорию исторического прогресса, в основе которой лежало развитие человеческого разума. В труде «Эскиз исторической картины Прогресса человеческого разума» (1794) он сформулировал Идею цивилизационного развития человечества как единого

исторического пути, на котором одни народы могут опережать другие, но неизменной целью общего движения становится торжество разумной и добродетельной природы человека, его свободы руководствоваться собственным разумом, а также равенства людей в этом праве на свободу.

Многие французские просветители уделяли большое внимание вопросам этики. Широкое распространение среди них получили идеи утилитаризма, представление о естественности человеческого стремления получать удовольствия и инстинктивно избегать страданий. Подобная установка дополнялась скептическим отношением к религиозным идеалам, оправданием усилий человека по достижению мирского успеха и частной пользы. Так, например, Гельвеций доказывал, что в основе всех человеческих страстей лежит частный интерес и залогом общественного прогресса является совпадение личного блага с общественным.

Совершенно в ином ключе решал философско-этические проблемы Жан-Жак Руссо (1712-1778). Он утверждал, что такие качества, как справедливость, добродетель, способность к состраданию, свойственны человеку от природы, а их сохранение и развитие является делом правильного воспитания. Люди рождаются свободными и равными, но возникновение частной собственности на заре человечества и дальнейший прогресс цивилизации, с присущим ей социальным неравенством и политическим угнетением, способствовали «порче» общественных нравов. Характерной чертой воззрений Руссо стало фактическое противопоставление науки, искусства и общественного морали «естественному воспитанию» человека. В романе «Эмиль, или О воспитании» (1762) Руссо сформулировал важнейшие принципы «естественного воспитания», призванного покончить с «ложными богами». Руссо настаивал на том, что развитию интеллекта необходимо уделить должное внимание, но лишь на той стадии, когда это может иметь смысл. Ребенок должен познавать окружающий мир не с помощью механического запоминания, а прежде всего на основе собственного опыта. Это позволит развить его индивидуальность и предостеречь от ложных догм.

Рассуждения Руссо о том, что цивилизация ведет к моральному и физическому вырождению людей, существенно отличались от воззрений большинства просветителей. Но представление о «естественном состоянии» как отправной точке истории обще-

ства, в том числе складывания государственных форм и системы права, являлось характерной чертой просветительской идеологии. Руссо придал этой мысли ярко выраженный демократический характер. В своих основных произведениях («Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства между людьми», «О политической экономии», «Об общественном договоре», «Проект конституции для Корсики») он доказывал, что появление государства было результатом добровольного общественного договора, заключенного людьми ради обеспечения гражданских прав и достижения благополучия. При этом Руссо отрицал роль насилия в формировании государства и считал, что общественный договор позволяет достичь состояния гражданской свободы. В отличие от свободы естественной, гражданская свобода не противопоставляет людей, а предполагает их тесное сотрудничество, формирование гражданской ассоциации. «Каждый из нас передает в общее достояние и ставит под высшее руководство общей воли свою личность и все свои силы, — рассуждал Руссо, — в результате для нас всех вместе каждый член пре- вращается в неразрывную часть целого».

Руссо считал, что поскольку государственная власть имеет договорную природу, то под сувереном следует понимать народ как единое целое. Это целое он называл Республикой, или Политическим организмом. Сформулировать принципы общественного договора, по мнению Руссо, призван Законодатель, выражающий общую волю всех граждан, а не сумму отдельных интересов. Основной задачей Законодателя является поиск такой формы гражданской ассоциации, которая бы защитила личность и имущество каждого его члена, обеспечив, тем самым, справедливость для всех и свободу для каждого из граждан. Руссо отрицал свободу, достигаемую вопреки гражданской ассоциации. Признавая важность общественной защиты института собственности, он подчеркивал опасность имущественного неравенства. Руссо полагал, что именно появление частной собственности стало толчком для формирования гражданского общества, но противостояние богатых и бедных привело к искажению общественного договора и к формированию незаконных деспотических режимов.

В теории общественного договора Руссо большое внимание уделялось проблеме морали. Преодоление частных эгоистических настроений и подчинение общественным интересам рассматривались Руссо как важнейшие основания общественного

благоденствия. Руссо мечтал о введении особой «гражданской» религии в духе деизма. Отвергая все существующие религиозные системы, как противоречащие общественному договору, он призывал поставить на службу обществу и государству естественную веру человека в верховное божество, бессмертие души, справедливость, неизбежное наказание зла и поощрение добра.

В еще более радикальном варианте принцип социальной справедливости обосновывал Габриэль Бонно де Мабли (1709—1785). Он полагал, что залогом общественного благополучия должно быть не только уравнение политических прав, но и собственности. Схожие идеи раскрывались в опубликованном анонимно в 1755 г. трактате «Кодекс природы, или Истинный дух ее законов». Моррелли, автор этого трактата, доказывал, что торжество свободы, равенства и братства несовместимо с сохранением самого института частной собственности. Воззрения Мабли и Моррелли стали прообразом идей утопического коммунизма.

Особое течение просветительской мысли во Франции составили представители экономической школы физиократов, в том числе Франсуа Кенэ (1694-1767), Анн Робер Жак Тюрго (1727-1781), Виктор Рикети Мирабо (1715-1789), а также В. Дюпон де Немур, П. Мерсье, Г. Летрон, Н. Бодо и др. Физиократы разделяли представление о развитии социального и морального порядка на основе «естественного состояния». Но под естественным порядком вещей они подразумевали сочетание всеобщих, неизменных законов, подчиняющих каждое частное явление общему. Соответственно, в естественном состоянии человека физиократы видели прежде всего подчинение индивида законам сообщества — отношениям собственности, свободы, безопасности. Собственности физиократы придавали особое значение в формировании гражданского общества, поскольку именно этот институт является ключевым в складывании экономической организации, в обеспечении изобилия предметов потребления и, в конечном счете, человеческого счастья. Признавая также принципиальную роль труда в системе общественных отношений, физиократы не рассматривали труд в качестве самостоятельной сферы активности человека и считали его лишь средством достижения богатства.

Считая собственность важнейшим естественным правом человека, физиократы считали, что с точки зрения обществен-

ного блага различные формы собственности могут существенно отличаться. Физиократы принципиально различали собственность, формируемую в сельском хозяйстве, промышленности и торговых операциях. Особенностью сельского хозяйства они считали сочетание основного капитала (стоимости земли) и затрат на само производство. Тем самым, работник производит не только товары для продажи, но «чистый продукт», отчуждаемый в форме земельной ренты в пользу земельных собственников. В промышленности рыночная цена товаров определяется только затратами по их производству, а торговый оборот и денежная масса вообще не могут рассматриваться как особый источник собственности, поскольку представляют собой механизм для эквивалентного обмена товаров. Исходя из этой логики, физиократы считали основой национального богатства сельское хозяйство, а общественные группы, занятые в других сферах экономики, называли «бесплодным классом».

Важнейшим средством повышения общественной эффективности собственности и труда физиократы считали освобождение их от опеки со стороны государства, от влияния монопольных торговых компаний, земельных сервитутов и монопольных прав сеньоров — баналитетов. Одновременно физиократы выступали и против эгалитарных принципов общественной жизни. Они доказывали естественный характер имущественного неравенства и рассматривали «общественный договор» как солидарное решение людей по взаимной гарантии их частных интересов и собственности. Установление политической власти и формирование государства, с этой точки зрения, связано с необходимостью защиты экономической свободы как основы общественного блага.

Американское

Просвещение

Американская просветительская идеология формировалась в условиях развертывания национально-освободительного Движения в переселенческих колониях Англии, начала складывания единой североамериканской нации, развертывания Конституционно-правового строительства и оформления политической системы принципиально нового типа. По своим истокам американское Просвещение было тесно связано с европейским. Под влиянием английских просветителей и

публицистов — Д. Локка, У. Блэкстоуна, А. Сиднея, Д. Юма, Г. Болингброка, американские просветители восприняли основные постулаты доктрины естественных прав человека, теорий общественного договора и «смешанного правления». Благодаря знакомству с трудами Вольтера, Ш.Л. де Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, Ф. Кенэ представители американской политической и интеллектуальной элиты утвердились в значимости принципов разделения властей, народного суверенитета, неотчуждаемости личной свободы и собственности.

Среди американских просветителей были влиятельные политические и общественные деятели, естествоиспытатели и ученые. Всех их объединяла убежденность в праве человека самостоятельно выбирать жизненный путь и отстаивать собственные ценности, сопротивляться тирании и бороться за свободу. Тесная связь философских исканий с участием в общественной полемике по актуальным политическим вопросам стала характерной чертой творчества большинства американских просветителей. Для многих из них был присущ и тот особый склад мышления, который формировался в условиях пуританских общин Новой Англии — убежденность в особой избранности американцев, в воле Проведения, предопределяющей судьбу колонистов.

В предреволюционные годы в среде американских просветителей сложилось три течения, представители каждого из которых ратовали за различные принципы урегулирования отношений колонистов с метрополией. Умеренное течение возглавили Джеймс Отис (1724-1783) и Джон Дикинсон (1732-1808), выступавшие за укрепление экономической независимости североамериканских колоний при сохранении государственного суверенитета британской Короны. Отис, один из самых известных и авторитетных юристов того времени, считал, что важно сохранить преемственность английских правовых традиций как основу развития гражданского общества и важнейшую гарантию свободы личности.

Ведущий идеолог радикального крыла Томас Пейн (1737—1809), напротив, доказывал необходимость борьбы за полную независимость колоний и невозможность решать подобные вопросы «в судах». В памфлете «Здравый смысл» (1776) Пейн утверждал, что единственным основанием для государственного строительства является практическая целесообразность и экономические интересы. «Общество создается нашими по-

требностями, а правительство — нашими пороками, — писал он. — Первое способствует нашему счастью, положительно объединяя благие порывы, второе же — отрицательно, об— уздывая наши пороки; одно поощряет сближение, другое поощряет рознь». Наиболее разумным, с точки зрения интересов народа, Пейн считал республиканское устройство и полагал, что американский опыт даст толчок для утверждения нового строя в других странах.

Большинство американских просветителей первоначально занимали умеренную позицию в вопросе отношений с метрополией и поддерживали идею гомруля (home rule), т.е. самоуправления североамериканских колоний в составе Британского государства. Так, например, известный ученый и книгоиздатель Бенджамин Франклин (1706-1790) доказывал, что Англия и ее переселенческие колонии являются равноправными и суверенными частями империи. Суверенитет каждой из таких частей заключается в праве ее населения на заключение «общественного договора» и самоуправление, в том числе на создание собственных конституций и выборы собственных ассамблей или парламентов. В 1769 г. Франклин впервые назвал североамериканские провинции государствами (states).

Идеи самоуправления были развиты в многочисленных патриотических памфлетах и философских трактатах 70-х гг. XVIII в. Американские просветители И. Аллен (1737-1789), К. Колден (1688-1776), Б. Раш (1745-1813) и Т. Купер (1759—1839) внесли большой вклад в развитие естественно-правовой теории и придание ей республиканского смысла. Естествоиспытатель и политический деятель Томас Джефферсон (1743—1826) в трактате «Общий обзор прав Британской Америки» (1774) выдвинул тезис о необходимости вернуть народу «права, полученные по законам природы». Характерно, что Джефферсон апеллировал к королю, как «главному чиновнику (chief officer) своего народа, назначенному законом и наделенному властью, чтобы ... приносить пользу народу». Но в условиях нарастающего политического кризиса во взаимоотношениях колоний и метрополии стремление к компромиссу быстро сменялось революционными настроениями. В годы войны за независимость американская просветительская мысль приобрела яркий революционный пафос, а ее крупнейшие представители стали «отцами-основателями» молодого государства.

Принятие Континентальным конгрессом 4 июля 1776 г. «Декларации независимости» стало переломным моментом в развитии американского Просвещения. С этого времени общественная полемика сосредотачивается вокруг вопросов конституционного строительства. В рамках американской политической элиты складывается две группировки, одна из которых ориентировалась на последовательную демократизацию общественного строя, а вторая отстаивала либеральные принципы конституционного строительства.

Лидерами демократического течения оставались Т. Джефферсон, Б. Франклин, Т. Пейн. Томас Джефферсон, автор проекта «Декларации независимости» и многих первых законодательных актов североамериканских штатов, отстаивал идею естественных прав человека как «прирожденных и неотчуждаемых». При обсуждении Декларации он настаивал на замене в знаменитой локковской триаде естественных прав («жизнь, свобода, собственность») права собственности на «стремление к счастью». Эти права в сочетании со свободой совести и религии, свободой печати и гарантированным правосудием присяжных должны быть, по мысли Джефферсона, гарантией не личного благополучия, а стремления к счастью всего народа. В индивидуальной же человеческой природе Джефферсон подчеркивал скорее ее несовершенство. «Следует ожидать того времени, а оно недалеко, когда коррупция в этой стране охватит правительство и распространится на основную массу нашего народа, когда правительство купит голоса народа и заставит его заплатить полной ценой, — писал Джефферсон. — Человеческая природа одинакова на обоих берегах Атлантического океана. Настало время остерегаться коррупции и тирании, пока они не завладели нами». Джефферсон полагал, что преодолеть эти опасности может лишь свободный дух народа, защищенный от тирании конституционным устройством. Он считал, что республиканские принципы должны последовательно пронизывать организацию и деятельность федерации, каждого штата, округа и прихода — в этом случае «каждому гражданину лично поручается часть управления народными делами».

В еще более радикальном варианте демократические идеи высказывали Франклин и Пейн. «Почему полномочия контроля, вопреки духу всех демократий, должны быть возложены на меньшинство, а не на большинство? — писал Франклин. — Или вы полагаете, что мудрость есть необходимое сопутствующее

качество богатых?». Франклин мечтал о будущем Америки как «страны труда», где люди живут в состоянии «счастливой умеренности». При этом он выступал против радикальных политических изменений и полагал, что произвол толпы может уничтожить достижения демократии. И Франклин, и Пейн уделяли большое внимание вопросам юридического оформления нового общественного строя и доказывали, что конституция представляет собой акт народной воли, учреждающей государственную власть в качестве системы самоуправления. «Истинной и единственно верной основой представительного правления является равенство прав, — писал Пейн. — Каждый человек имеет право на один голос и не более в выборе представителей. Богатый имеет не больше права лишить бедного права голосовать, избирать и быть избранным, чем бедный богатого; и когда бы это ни предлагалось с любой стороны, это вопрос силы, а не права».

Законодательное закрепление широкого круга прав и свобод американские просветители-демократы считали не только средством социальной политики, а самим «принципом существования власти». В ином ключе конституционное строительство рассматривали либерально настроенные политики, объединившиеся в группировку федералистов. Ее лидерами были Дж. Мэдисон (1751-1836), А. Гамильтон (1757-1804) и Дж. Джей (1745-1829). В 1787-1788 гг. они опубликовали сборник статей «Федералист», комментирующий новую конституцию.

Федералисты придерживались основных принципов естественно-правовой теории и соглашались с необходимостью ограничения политической активности государства с помощью системы разделения властей и федеративного устройства. Однако они предостерегали от чрезмерного увлечения идеей демократии. «Чистая демократия не имеет средств против бедствий, чинимых крамолой, — утверждал Мэдисон. — Общее увлечение или интерес во всех случаях будут владеть большинством, а поскольку широковещательность и единомыслие обуславливаются формой правления, нет ничего, что помешало бы расправиться со слабой стороной или каким-нибудь неугодным лицом. Вот почему демократии всегда являли собой зрелище смут и раздоров, всегда оказывались неспособными обеспечить личную безопасность или права собственности».

Ратуя за ввод системы избирательных цензов, в том числе признание особой общественной роли частной собственности,

федералисты настаивали на принципиальном различии самих понятий «демократия» и «республика». Под республиканским устройством они понимали государство, где власть передается небольшому числу граждан, что, в свою очередь, позволяет объединить в рамках одного государства большую территорию со значительным населением. «Общественные взгляды в республике возвышеннее и шире, ибо просеиваются отборным органом, состоящим из граждан, чья мудрость позволяет наилучшим образом определить интересы страны, а любовь к отчизне и справедливости с наибольшей вероятностью не допустит принести их в жертву сиюминутным и своекорыстным соображениям, — утверждал Мэдисон. — При республиканских порядках общественное мнение, выражаемое представителями народа, скорее окажется сообразным общественному благу, чем при демократических, где оно выражается самим народом, собираемым для этой цели».

Гамильтон в своих рассуждениях подчеркивал, что наиболее прочной основой государства являются интересы людей. Неисполнимый эгоизм людей делает необходимой систему контроля над государственной властью, но в этом качестве более эффективны судебные органы, нежели «воля народа». Примыкавший к группировке федералистов Джон Адаме (1735-1826), автор монографии «В защиту конституций правительственной власти в Соединенных Штатах Америки» (1788), доказывал, что эту функцию может выполнять и сама федеральная власть при условии последовательного разделения ее на три ветви. Адаме подчеркивал, что система «сдержек и противовесов» («checks and balances») более всего подходит для реализации принципа «правления законов, а не людей», а, следовательно, отражает господство естественных прав человека и защищает общество от любых проявлений деспотизма.

Уже в начале XIX в. на основе идей американских просветителей, «отцов-основателей» первой в истории конституции, сложилась целостная либерально-демократическая концепция общественного развития. В ней отразились основные постулаты теорий народного суверенитета и общественного договора, принципы верховенства законов и разделения властей, республиканизма и приоритета естественных прав человека. Но различие либерального и демократического течений американской политической мысли сохранилось и в последующие годы.

Итальянское

Просвещение

Несмотря на сохранение в XVIII в. политической раздробленности Италии и прочных позиций католической церкви распространение просветительских идей в этой стране имело большой общественный и политический резонанс. Европейскую известность приобрели имена миланских просветителей Пьетро Верри (1728-1798) и Чезаре Беккариа (1738-1794), неаполитанцев Антонио Дженовези (1712-1769), Гаэтано Филанджиери (1752-1788), Джузеппе Галанти (1743-1806). Широко издавались газеты и журналы просветительского толка. Философы были значительными фигурами в придворных кругах Ломбардии, Пармы, Тосканы, Неаполитанского королевства. Их влияние стало важным фактором развертывания реформ «просвещенного абсолютизма» с 60-х гг. XVIII в.

Особенностью итальянской просветительской мысли стал интерес к наиболее насущным проблемам общественного развития. Большинство просветителей (за исключением Людовико Антонио Муратори и Пьетро Верри) не ставили вопрос о необходимости национального и политического объединения страны. Но в просветительских кругах формировались многочисленные проекты переустройства общества на основе утверждения «новой философии», духовного обновления, воспитания гражданского и национального сознания.

Социально-экономические воззрения итальянских просветителей носили достаточно эклектичный характер и тесно переплетались с общими представлениями о путях нравственного оздоровления общества и этических проблемах личности. Наиболее актуальной для Италии большинство просветителей считало проблему преодоления сословных порядков в сельском хозяйстве. В итальянском обществе того времени под источником богатства понималась именно земельная собственность. Но, если французские физиократы рассматривали этот вопрос прежде всего с экономической точки зрения, то многие итальянские просветители считали крестьянское землевладение прочной основой не только хозяйственной, но и духовной жизни общества. В крестьянском труде (в «мелкой культуре») они видели торжество трудолюбия и свободы, отражение важнейших человеческих добродетелей, способ преодолеть господство богатых над бедными. Антонио Дженовези сформулировал эту идею в концепции «добраго обычая», рассматривая крестьян-

нина как основного носителя «личной добродетели» — ответственности и ответственности в любом деле, стремления к добросовестному труду и развитию своего мастерства.

Некоторые просветители (в т.ч. Ч. Беккариа и Дж. Пальмери (1721-1793)) пытались подойти к аграрному вопросу более прагматично и обращали внимание на растущую капитализацию сельского хозяйства, значимость капиталовложений и вовлечения земледельцев в свободные рыночные отношения. Особую позицию занимал Фердинандо Гальяни (1728-1787), не разделявший расхожие представления об определяющей роли сельского хозяйства в экономике, равно как и представления об универсальности принципа свободы торговли. В 70-80-е гг. XVIII в. в просветительских кругах все шире начала распространяться идея активного вмешательства государства в экономику, радикальных преобразований в системе земельной собственности.

В центре внимания просветительской мысли в Италии были и вопросы реформирования государственно-правовой системы. Большинство просветителей считали необходимым отказаться от устаревших элементов римского права и достичь эффективного сочетания естественно-правовых принципов и норм позитивного права. Они доказывали, что законы, основанные на естественном праве, соответствуют «универсальным принципам морали, общим у всех наций и у всех народов» (Г. Филанджиери). Как следствие, признавая важным соотносить законодательство со спецификой той или иной страны и исторического периода, итальянские просветители выдвигали идеал особых «мудрых законов», способных стать «опорой всеобщего счастья». Эта установка была тесно связана с представлением о естественном праве как сосредоточении всех универсальных черт человеческой природы, а не только неких неотъемлемых прав и свобод.

Выделяя в человеческой природе два начала — разум и страсти — просветители полагали, что их сочетание в каждом конкретном человеке специфично. Если для большинства людей характерно преобладание страстей, инстинктов, то в немногих просвещение открывает подлинные глубины Разума. Этот «избранный класс» (Ф.М. Джанни (1760-1822)) способен объединить естественные устремления людей и придать им форму совершенного законодательства. Впрочем, некоторые просветители совершенно по иному решали вопрос о способах достижения общественного блага. «Мы так превозносим разум,

а самые великие дела вызываются ошибкой, — писал Алессандро Вери. — Ошибка порождает энтузиазм, высшие страсти, а благодаря им совершаются великие предприятия».

Иное направление полемики вокруг проблем законодательной реформы попытался придать Чезаре Беккариа. Его сочинение «О преступлениях и наказаниях» (1764) стало первой попыткой распространения просветительских идей на сферу уголовного и процессуального права. Беккариа считал, что все законы «по существу не что иное как договоры свободных людей», а потому они имеют единственную цель — достижение «наивысшего счастья для максимально большего числа людей». Законы, соответствующие этому принципу, должны быть предметом неукоснительного исполнения, а их ясность, простота и недвусмысленность могут стать препятствием для злоупотреблений и неверного толкования. Беккариа не отрицал идеи естественного права, но призывал руководствоваться только строгими нормами законодательства. «Нет ничего опаснее банальной истины, предписывающей руководствоваться духом закона», — писал он.

Особняком в истории итальянского Просвещения стоит творчество пьемонтца Джамбаттиста Вико (1668-1744). В работе «Основания новой науки об общей природе наций» (1725) он попытался не только описать историю естественного права, но и составить целостную картину истории человечества. В отличие от большинства просветителей, Вико использовал циклический принцип. Согласно его концепции, Провидение шаг за шагом ведет человечество от варварства к цивилизации. Но это движение осуществляется циклами — например, от древнейших времен — до эпохи заката Рима, и вновь от нового варварства «темных веков» — к эпохе Просвещения. Схожие этапы наблюдаются и в истории каждой отдельной нации — первобытное состояние, при котором человек и его мировоззрение, по словам Вико, проникнуты «поэзией», а в общественных отношениях царит анархия, сменяется цивилизованным состоянием, а затем противоречия общества увлекают его к новому упадку, оборачивающемуся анархией. Таким образом, Вико пытался доказать наличие универсальных принципов истории, но не универсального, единого для всего человечества исторического движения. Он отрицал существование некоей изначальной, «естественной» природы человека, якобы обуславливающей единство принципов

общественного прогресса и благоденствия. Воззрения Вико не только существенно отличились от историософской доктрины европейского Просвещения, но во многом противоречили ей. Концепция Вико будет востребована уже на рубеже XIX-XX вв. в рамках совершенно новой парадигмы гуманитарного познания.

Просветительское движение в Испании

XVIII столетие стало переходной эпохой в истории Испании. Война за испанское наследство (1700 - 1714) завершила длительный процесс превращения этой страны из великой европейской державы в государство «второго ряда». Испания лишилась не только европейских владений, но и потеряла часть собственной территории. Смена правящей династии привела к обновлению аристократической элиты страны. Страна переживала затяжной экономический кризис. Оставаясь оплотом влияния католической церкви и центром огромной колониальной империи, Испания оказалась на пороге радикальных общественных преобразований. В этих условиях просветительское движение, несмотря на свою элитарность и незначительные по европейским меркам масштабы, стало важнейшим фактором обновления общественного сознания, духовной культуры, политической и правовой идеологии.

Деятельность первого поколения испанских просветителей развернулась в 30-50-е гг. XVIII в. Основоположителем испанского Просвещения был Б.Х. Фейхоо-и-Монтенегро (1676 - 1764). Его взгляды представляли собой причудливый сплав гуманистических традиций со средневековыми представлениями. Фейхоо провозглашал разум и опыт единственными критериями истины, решительно критиковал невежество, консерватизм и нетерпимость. Стержнем его социально-политической концепции стало представление о необходимости поддержания в стране централизованной, единоличной монархии, опорой которой должен служить счастливый процветающий народ. Идеи Фейхоо, близкие к концепции «просвещенного абсолютизма», нашли развитие в произведениях более поздних испанских мыслителей.

К началу 60-х гг. XVIII в. распространение идей Просвещения привело к формированию в испанской интеллектуальной

элите особого «типажа» просветителя — «*hombre ilustrado*» — интеллектуала и политика, приверженца передовых идей эпохи. К числу таких фигур относились видные писатели и государственные деятели периода правления Карла III — П. де Олаvide (1725-1803), Х. Кадальсо (1741-1782), А. Понс (1725-1784), граф П. де Аранда (1718-1798), П. де Кампоманес (1723-1803), Х. де Флоридабланка (1728-1808), Ф. Кабаррус (1752-1810), Х. Форнер (1756-1797), Х. Семпере (1754-1830). Их творчество совпало по времени с проведением реформ в духе «просвещенного абсолютизма». Некоторые из просветителей сыграли немалую роль в подготовке этих преобразований. Так, например, в основу реформирования системы управления, финансовой и колониальной реформ были положены идеи просветителя Х. Кампильо, министра короля Фердинанда VI. Под влиянием просветительской мысли были пересмотрены отношения церкви и государства, в том числе изгнаны за пределы Испании и ее колониальных владений члены ордена иезуитов (так называемая «политика регализма»). Просветителями поднимался и вопрос о реформе высшего образования, которое было передано под контроль светских властей.

Огромное значение просветители придавали изучению испанской истории, целью которого должно было стать сохранение так называемой «положительной», позитивной национальной традиции. Важнейшими особенностями испанского общества просветители считали благочестие и веротерпимость, склонность к научным занятиям и способность управлять обширнейшими территориями, «дух общительности», выразившийся в стремлении к далеким путешествиям, способность к созиданию, традиции представительной власти, воплощенные в системе кортесов, свободолюбие, вдохновлявшее движение Реконкисты.

К периоду правления Карла III относится зарождение в Испании периодической печати. Одним из самых радикальных изданий эпохи «просвещенного правления» был журнал «Цензор», образованный в 1781 г. Печатное слово представлялось испанским просветителям универсальным средством Распространения знания и закрепления результатов реформ. Большинство из них активно выступали не только на страницах периодической печати, но и являлись талантливыми литераторами. Обращаясь к читателю, просветители использовали разнообразные традиционные и новые художественные

формы — плутовского романа, эссе, философского романа в письмах, сатирической оды, памфлета, антологии.

Заметным явлением испанской общественной жизни того времени были так называемые тертульи — салоны, ставшие, подобно французским, средоточием передовой мысли эпохи. Центрами просветительского движения являлись и многочисленные «Экономические общества друзей отчизны», где обсуждались актуальные для Испании проблемы экономической политики. Эти общества развернули многообразную подвижническую деятельность, одним из направлений которой стала организация народных начальных школ полупрофессионального типа. В ряде этих учебных заведений практиковалось обучение детей обоих полов. При некоторых обществах создавались кафедры философии и экономики, сельского хозяйства и ботаники, естественного права и общественного права. Именно таким образом в 1794 г. был основан Королевский Астурийский институт в Хихоне. Все эти учебные заведения находились под покровительством монархии, стремившейся закрепить позиции государства в сфере образования.

Деятельность третьего поколения испанских просветителей совпала с периодом т.н. «просвещенного абсолютизма Годоя» (90-е гг. XVIII — начало XIX в.). На взгляды просветителей этого периода — Л. Аррояля (1755 - 1813), А. Капмани (1742 — 1813), Форнера, Каббаруса, Семпере — повлияли события Великой Французской революции и наполеоновских войн. Война с Францией фактически положила конец реформам, но деятельность многих просветителей продолжалась вплоть до принятия «Конституции кадисских кортесов» в 1812 г.

Крупнейшей фигурой позднего испанского Просвещения был Г.М. де Ховельянос (1744 - 1811), талантливый публицист, один из лидеров зарождающегося либерального движения. В его политической концепции ярко отразились представления испанских просветителей о договорном характере гражданского общества и договорном происхождении государственной власти. При этом Ховельянос подчеркивал тесную связь в развитии политико-правовых отношений и общественной морали. Под этической «максимой» он понимал учреждение взаимных нравственных обязательств ради «обретения в общей силе и разуме безопасности каждого». Политическую систему, основанную на гражданском договоре и отражающую этическую «максиму», Ховельянос называл «конституцией».

Подобно многим испанским просветителям, Ховельянос считал, что полное торжество принципов равенства и свободы в гражданском и политическом сообществе невозможно. «Если человек рождается в обществе, то, без сомнения, он не рождается полностью свободным, но подчиненным какому-то роду власти, — писал Ховельянос. — Без сомнения, он не рождается и равным себе подобным, поскольку не может существовать общество без иерархии и неравенство не только необходимо, но и присуще гражданскому обществу». В то же время Ховельянос отрицал незыблемость сословных границ. Он полагал, что юридически закрепленные сословные привилегии являются признанием особой общественной значимости тех или иных социальных групп. Так, например, возникновение дворянства в эпоху Реконквисты объясняется необходимостью защиты общества от анархии и укрепления государственности. Идеалом справедливого политического устройства, по мнению Ховельяноса, является таким образом не уравнение прав, а законодательное оформление тех задач, которые стоят перед основными социальными группами.

Продолжая традицию классического испанского Просвещения, Ховельянос доказывал, что подлинные социальные различия проявляются лишь в противостоянии трудолюбия и праздности. Публичное признание трудолюбия и ответственности как основных добродетелей и осуждение праздности делит людей на «благородных» и «низких». Но это является сугубо нравственной, а не социально-политической проблемой. Размышляя о путях духовного оздоровления общества, искоренения «низкого бесчестия» Ховельянос уделял огромное внимание проблемам образования. Естественные и точные науки он считал наиболее полезными, но принципиальное значение придавал изучению истории и теологии. Основой образования Ховельянос считал не заучивание известных истин, а творческий процесс, критические размышления, открывающие в человеке добродетели и общественное призвание.

Немецкое

Просвещение

Зарождение просветительского движения в Германии было тесно связано с процессом преодоления последствий Тридцатилетней войны. Вестфальский мир 1648 г. закрепил политиче-

скую раздробленность страны. Княжеские междоусобицы способствовали сохранению экономической отсталости германских государств, снижению их политического влияния в Европе. Анахронизмом выглядело существование «Священной Римской империи германской нации», территория которой включала более 300 самостоятельных государств, 50 имперских городов и около полутора тысяч мелких рыцарских владений. В этом пестром этническом и политическом пространстве сохранялась и конфессиональная рознь — еще со времен Реформации большая часть немецких земель стала оплотом лютеранства, а на юге Германии сохранились прочные позиции католицизма.

Все эти факторы способствовали нарастанию противоречий в развитии немецких земель, замедлению процессов обновления социальной структуры общества и формирования национального самосознания. Тем не менее, в немецком обществе на протяжении XVIII в. началось складывание уникальной, исключительно богатой по своему интеллектуальному и духовному потенциалу, культурной традиции. При отсутствии политического единства Германии немецкое Просвещение все же превратилось в единое течение общественной мысли и сыграло огромную роль в формировании немецкой нации, а творчество его крупнейших представителей — И. Канта и И.Г. Гердера — перешагнуло границы эпохи и оставило заметный след в европейской духовной жизни уже XIX столетия.

У истоков немецкого просветительского движения стояли так называемые пиетисты — религиозные реформаторы последней трети XVII в., призывавшие к преодолению догматизма лютеранской церкви и возвращению к идеалам истинной веры как процесса внутреннего личностного переживания каждого человека. Лидерам пиетистов Ф.Я. Шпенеру (1635 - 1705), А.Г. Франке (1663 - 1727), Г. Арнольду (1666 - 1714) принадлежала инициатива реформы образования, в задачи которой входило создание сети внесловных учебных заведений с равноправным преподаванием религиозных и светских наук. Постепенно движение пиетизма утратило свой просветительский пафос, но под его влиянием в немецкой интеллектуальной среде сложилось устойчивое внимание к проблемам разума и веры, общественной морали и нравственной ответственности личности, внутренней духовной жизни человека.

Для раннего этапа просветительского движения в Германии была характерна умеренная критика общественных нравов

и социальных порядков. В среде академических ученых распространялись представления об идеалах «общей пользы», торжества Разума, преобразования общества на началах Истины. В эти годы Э. Вейгель (1625 - 1699), Г. Вагнер (1655 - ок. 1720), Э.В. фон Чирнхауз (1651 - 1708) заложили основы научно-критического направления в немецком Просвещении, ориентированного на нравственное осмысление и философское обоснование естественно-научной картины мира. Рассматривая науку как основное средство совершенствования общества, просветители «академического» периода стремились к формированию философско-научного сообщества в Германии, распространению знаний в «просвещенных кругах». Вейгель и Чирнхауз вместе с Лейбницем стали инициаторами создания Берлинской Академии наук.

Родоначальником немецкого «зрелого» Просвещения стал Самуэль Пуфендорф (1632 - 1694). Его творчество положило начало юридическому направлению немецкой просветительской мысли. В основу историко-правовых трудов Пуфендорфа «Введение во всеобщую юриспруденцию», «О праве природы и народов», «О статусе естественного человека» и др. был положен естественно-научный метод Декарта — взгляд на мир как на гигантский, искусно сконструированный механизм, подлежащий строго научному познанию, основанному на принципах дедукции. Пуфендорф полагал, что мироздание основывается на двух «классах» вещей — естественных и моральных. Моральные явления создаются разумом и волей человека, но основываются на восприятии вполне материальных, естественных. Понимание этого принципа открывает путь для упорядочивания духовного опыта людей, привнесения «гармонии и красоты в человеческую жизнь».

Отстаивая изначальную «естественность» любого человеческого опыта, Пуфендорф полагал, что и в основе социального порядка, правовых установлений, государственности лежит естественное разделение людей по их стремлениям, мотивам, поведению. Взаимная заинтересованность заставляет сограждан прийти к общественному договору (*compactum*) об общей пользе. Понимание же общей пользы ведет к оформлению «постановления» (*decretum*) — заключению договора о границах возможного поведения. Первый договор, по мнению Пуфендорфа, создает гражданское сообщество, авторой — государственно-правовую систему. В основе первого лежит раз-

умное тяготение людей к стабильному порядку вещей, в основе второго — разумное понимание опасностей общежития, страх перед тиранией зла. Как следствие, Пуфендорф видел назначение государства в обеспечении спокойствия и стабильности, а наиболее совершенной формой правления называл абсолютную монархию.

Единственным ограничением суверенитета монарха Пуфендорф считал право народа требовать от власти выполнения «основных законов», соответствующих естественному порядку человеческих отношений. Нормы эти, по мнению Пуфендорфа, очевидны и универсальны — они проистекают из потребности жить вместе с себе подобными во имя собственной пользы и пользы своих близких. Это естественное право является основанием для подлинного равенства людей — «оно заключается в том, что люди, находящиеся в естественном состоянии, имеют равное право и равную власть на то, чтобы сохранять себя, поступая по собственному усмотрению и сообразуясь со здравым смыслом». Сохранению естественного права, по мнению Пуфендорфа, способствует неотчуждаемая естественная свобода — свобода вероисповедания, право собственности и т.п. Предписания закона, посягающие на естественные права и свободы человека, и являются основанием для осуждения государя.

В подобном ключе идеи естественно-правовой теории развивал и декан юридического факультета университета в Галле Христиан Томазий (1655-1728). В своих сочинениях он критиковал деспотический княжеский абсолютизм и ортодоксальную церковь, отстаивал свободу слова и научных исследований. Идеал «просвещенной монархии» Томазий видел в заботе о благе подданных, сохранении прочного мира в государстве, пресечении несправедливостей. Подобно многим немецким просветителям, он считал залогом проведения такой политики не только нравственный императив монарха, но и строгое следование законам со стороны всех подданных. Томазий рассматривал три естественных побудительных мотива поведения человека — честность, достоинство и справедливость. Честность выражается, по мнению Томазия, формулой «делай себе то, что ты хочешь, чтобы и другие делали тебе», достоинство — «делай другим то, что ты хочешь, чтобы тебе делали другие». Оба эти мотива формируются в сфере морали и являются предметом свободного выбора человека. Справедливость

же («не делай другим того, чего ты не хочешь, чтобы другие делали тебе») реализуется в сфере права, т. е. подразумевает выполнение обязанностей и достигается с помощью принуждения. На основе подобных рассуждений Томазий делал вывод о том, что любые нормы человеческих взаимоотношений и все права человека (в том числе естественные) должны иметь своим источником государственное законодательство.

Одной из самых заметных фигур в общественной жизни Германии первой половины XVIII в. был Христиан Вольф (1679—1754). В своих сочинениях «Разумные мысли об общественной жизни людей», «Естественное право, разработанное по научному методу», «Установления права природы и народов» Вольф сформулировал основы так называемой «практической философии», созвучной идеям Лейбница о предустановленной цели развития мира и совершенстве как высшем принципе мироустройства. В воззрениях Вольфа в полной мере нашли отражение все исходные установки просветительской идеологии — вера в безграничные возможности человеческого разума, независимость мышления и его логическая доказательность, стремление к общему благу путем просвещения и нравственного оздоровления общества. В то же время «практическая философия» Вольфа стала выражением государственных настроений, присущих немецким просветителям.

Вольф полагал, что понять подлинные стремления человека можно лишь на основе анализа деятельной стороны его существования, а не его внутреннего духовного мира. Естественным законом человеческого поведения является стремление к счастью, к улучшению условий существования, что находит свое отражение в стремлении к обладанию многими правами. Но реализация этих прав в обществе возможна лишь на основе выполнения взаимных обязанностей. «Нет права без нравственной обязанности, которая ему предшествует, в которой оно коренится и из которой оно проистекает, — писал Вольф. — Есть врожденные человеческие права, потому что есть врожденные человеческие обязанности». Сущность общественного договора Вольф усматривал именно в желании людей достичь правомерного сочетания прав и обязанностей как основы личного и общественного благополучия. Провозглашая себя верховным правителем, народ возводит естественное право каждого человека в категорию всеобщих гражданских обязанностей. Но для сохранения и упрочения созданного гражданского порядка он

стремится передать власть государю. Вольф считал, что подобный характер формирования государственности обуславливает самую широкую ответственность монарха, включая попечительство об экономическом процветании народа, о воспитании и просвещении подданных, и пресечении любых фактов тирании. Не покушаясь на естественную свободу людей — то есть стремление жить счастливо и справедливо, государство, по мнению Вольфа, во имя общего блага имеет право на самую жесткую опеку своих подданных, вплоть до ограничения свободы передвижений, прикрепления к роду деятельности, преследования атеистических убеждений, ограничения с помощью цензуры «опасного вольнодумства».

В 40-60-е гг. XVIII в. в немецком Просвещении сложилась влиятельная вольфианская школа, представители которой Г.Б. Бильфингер, Л.Ф. Тюммиг, И. Хр. Готтшед, Ф. Хр. Баумейстер, А.Г. Баумгартен, Б.Г. Брокес, Г.Ф. Мейер развивали постулаты естественно-правовой теории в духе радикальных государственно-естественных идей. В их воззрениях просвещенный монарх представлялся сосредоточением Разума и аутентичным отражением естественного права. Государство рассматривалось, тем самым, как единственно истинное выражение общественного блага и нравственности. Особенностью творчества многих представителей вольфианской школы стал также отход от строго юридической канвы философствования, стремление к литературно-публицистической деятельности, активному участию в культурной жизни страны. Германия переживала тогда бум общественного интереса к университетской жизни. При дворах немецких монархов складывались творческие объединения музыкантов, композиторов, художников и артистов. Громадную роль в распространении просветительских идей играла периодическая печать. Во второй половине XVIII в. в Германии насчитывалось уже более 250 периодических изданий, крупнейшими из которых являлись «Литературная газета» и газета «Гамбургский корреспондент».

В условиях культурного подъема второй половины XVIII в. в Германии сложилось движение творческой интеллигенции «Буря и натиск» (*Sturm und Drang*). В отличие от позиции многих просветителей, «шрюрмеры» подвергали радикальной критике существующие политические и социальные порядки, отвергали культ рассудочного мышления, решительно выступали за духовную свободу личности, уважение к достоинству

и сочувствие к страданиям человека. Толчок к формированию движения «Буря и натиск» дало издание в 1772 г. драмы «Эмилия Галотти» Готхольда Эфраима Лессинга (1729-1781), а эссе Лессинга «Воспитание рода человеческого», написанное в 1777 г. и опубликованное в 1780 г., стало настоящим манифестом «шрюрмеров». Лессинг призывал к возрождению народных традиций немецкой поэзии и песенного творчества, утверждению национального духа в драматургии. Придавая большое значение религиозному духовному опыту, он считал крайнем опасным господство догматических вероучений. Лессинг утверждал, что религиозная история человечества представляет собой пролог великой эпохи торжества универсального общечеловеческого гуманизма.

Восторженное отношение к памятникам старинной поэзии, создание поэтических произведений в манере народной песни стали характерной чертой творчества многих представителей движения «Бури и натиска». Но основным побудительным мотивом их обращения к народным традициям была борьба против искусственности художественного языка, стремление к отражению драматизма и динамики переживаемой эпохи, интерес к человеку деятельному, живущему сильными страстями и порывами. Эти черты блестяще проявились в творчестве Иоганна Вольфганга Гете (1749-1832) и Фридриха Шиллера (1759-1805).

Большую роль в идеологическом оформлении движения «Буря и натиск» сыграл публицист и религиозный деятель Иоганн Готфрид Гердер (1744-1803). В своих первых произведениях Гердер во многом следовал идеям Лессинга, в дальнейшем испытал немалое влияние философии Канта, но в историю немецкого Просвещения вошел прежде всего как создатель оригинальной историософской концепции («Идеи к философии истории человечества», 1791). Гердер подчеркнул стремление избегать нарочито научного и строго логичного стиля раскрытия своих идей. Его сочинения были полны тех интеллектуальных импровизаций и вдохновенных открытий, которые снискали для Гердера славу одного из самых известных пасторов-проповедников.

Гердер видел в истории исполнение Божьего Промысла и важнейшее откровение Бога. Единственной целью человеческого бытия он считал прогресс «человека и человечности», Движение к всеобщей гармонии и гуманности (*Humanität*),

стирающей конфессиональные, этнические, культурные границы. Гердер полагал, что в основе этого развития лежит естественно присущая человеку любовь к ближнему и стремление к взаимности. Но раскрытие естественных начал человеческой природы происходит, по мнению Гердера, в рамках уникальных народных культур. Именно свободный «дух народа» возвышает индивида до подлинного торжества духовных ценностей, преодолевает узость и формальность рассудочных, рациональных категорий. Отталкиваясь от этой идеи, Гердер призывал к познанию самобытной внутренней духовной жизни каждого народа и доказывал равную значимость всех культур для прогресса человечества.

Наряду с философско-литературным движением «шюрермеров», в рамках позднего немецкого Просвещения сохранилось и более политизированное течение, унаследовавшее реформаторские идеи вольфианцев. Его лидеры — книгоиздатель Кристоф Фридрих Николаи (1733-1819), основатель геттингенской исторической школы Август Людвиг Шлёцер (1735-1809), радикальный мыслитель и общественный деятель Георг Фостер (1754-1794), писатель Моисей Мендельсон (1729-1786), выступали с широкой программой общественных преобразований, в том числе реформы судопроизводства, государственной службы, начального образования, системы землепользования. Важной чертой мировоззрения многих просветителей этого периода стал космополитизм. Неслучайно, что большим влиянием в этих кругах пользовались такие фигуры как основатель масонского ордена иллюминаторов Адам Вейсгаупт (1748-1830) и горячий сторонник французских революционных космополитов барон Адольф фон Книгге (1752-1796). Орден иллюминатов, насчитывавший в Германии в 1780-х гг. более 2 тыс. членов, установил под влиянием Книгге тесные связи с франкмасонским движением. Его целями были провозглашены борьба с суевением и невежеством, распространение просвещения и нравственности, а в конечном счете — замена христианства деизмом, а монархического правления республиканским.

Своеобразный итог истории немецкой просветительской мысли подвел Иммануил Кант (1724-1804). Отправной точкой его философских размышлений стала идея активного, «практического» разума, способного быть основой для целостного миропонимания. При этом Кант фактически отверг распро-

страненную в XVIII в. теорию «разумного эгоизма» как основы морали и общественного порядка. Подчеркивая значимость свободы духовного опыта, он выступал и против государственных идей немецких просветителей. Путь к моральному и интеллектуальному освобождению человека Кант видел прежде всего в обосновании возможности «истинного знания», преодолевающего крайности рационализма и эмпиризма, дающего разумное обоснование высочайших порывов человеческого духа, господствующего в обществе «нравственного императива». Тем самым, Кант сумел соединить ключевые мировоззренческие идеи Просвещения с научной программой классической философии XIX в. и открыть новый этап в развитии европейской интеллектуальной традиции.

Научные открытия XVIII в.

«Век Просвещения» ознаменовался новыми открытиями практически в самых разных отраслях знания и дальнейшим развитием научной картины мира. Именно в этот период были сформулированы частные законы механики, получил развитие математический аппарат при описании физических явлений, сделаны фундаментальные открытия в химии и астрономии и т.д. Ученые эпохи Просвещения отличались необычайной широтой взглядов и энциклопедическими познаниями в самых разных областях.

Научное познание в XVIII в. базировалось на прочном фундаменте метафизики. В основе метафизического подхода лежал принцип познаваемости окружающего мира, воспринимаемого в виде некой неизменно и объективно существующей целостности. Итоги научных исследований были ориентированы на получение точного результата, а механизм достижения Цели подчинялся строгим логическим законам и выражался в четких определениях, формулах и постулатах. В пределах метафизической картины мира материя, заключенная в четкие пространственно-временные границы, признавалась существующей объективно и независимо от человеческого сознания. Олицетворением метафизического подхода являлась классическая механика Ньютона, принципы которой использовались не только в физике, но и при объяснении любых природных явлений. Ведущим способом познания был признан экспери-

мент, что давало толчок к развитию прежде всего точных и естественных наук. Поэтому именно естествознание, и особенно механика, достигли в XVIII в. наибольшего прогресса.

В 1736 г. была впервые опубликована программная работа выдающегося немецкого ученого Леонарда Эйлера (1707-1783) «Механика, или наука о движении, аналитически представленная», положившая начало превращению механики из «геометрической» науки, как тогда говорили, в науку аналитическую. С именем Эйлера было связано и развитие математики. В последние годы жизни, проведенные в России, Эйлером было опубликовано около 180 работ по дифференциальным уравнениям, вариационному исчислению, рядам, теории чисел. Предложенное им изложение математики на длительный период стало хрестоматийным. Известны также работы Эйлера, посвященные проблемам астрономии и морского дела — прежде всего, теории равновесия и движения плавающих тел.

Аналитическую интерпретацию механики предложил и французский ученый Жан Лерон Д'Аламбер (1717-1783), участник знаменитой «Энциклопедии». Он, наряду с Д. Дидро, был руководителем этого издания и редактировал в нем статьи по математике. В своем основном труде — «Трактате по динамике» — он выдвинул так называемый «принцип Д'Аламбера», главная идея которого заключалась в том, что любое динамическое равновесие системы можно описать, заменив приложенные к ней реальные силы на эквивалентные, не нарушив имеющегося соотношения. Д'Аламбер также внес большой вклад в развитие астрономии, выполнив расчеты прецессии равноденствий (движения точек равноденствия вдоль экватора) и нутации земной оси (колебаний указанной оси с периодом в 18 лет).

На особую высоту поднял механику французский ученый Жозеф Луи Лагранж (1736-1813), превративший ее в общую науку о движении тел. Основную задачу «аналитической механики» он видел в выведении общих формул, на основании которых можно было бы решать частные задачи. Результаты исследований Лагранжа в изучении движения небесных тел (Луны и Юпитера) были дважды удостоены премии Парижской Академии наук.

«Век Просвещения» ознаменовался необычным взлетом интереса к природе. Использование понятия «естественного» как ключевой философской категории дало дополнительный

импульс научному анализу различных физических процессов. В частности, в XVIII в. началось интенсивное изучение тепловых явлений. Учеными-естествоиспытателями разных стран — Габриэлем Даниэлем Фаренгейтом (1686-1736), Фершо де Реомюром (1683-1757), Андерсом Цельсием (1701-1744) — были предложены варианты температурных шкал, которые используются и сегодня. До середины XVIII в. понятия «температура» и «теплота» являлись практически синонимичными. Впервые различия между ними были проведены академиком Петербургской Академии наук Георгом Вильгельмом Рихманом (1711-1753) и английским ученым Джозефом Блэком (1728-1799), которые независимо друг от друга опытным путем доказали, что термометр не измеряет количество тепла. Первую же единицу измерения тепла (или «теплорода», как его тогда называли) ввел шведский академик И.К. Вильке (1732-1796). Эта единица соответствовала изменению температуры единицы веса воды на 1 градус по шкале Цельсия.

На основании исследований Вильке выдающимся французским ученым Антуаном Лораном Лавуазье (1743-1794) был сконструирован прибор для измерения количества тепла. Лавуазье же принадлежал ряд открытий, произведших подлинную революцию в химии. Вместо ряда разрозненных рецептов, в том числе и алхимических, Лавуазье разработал стройную теорию, объяснявшую суть химических явлений и позволявшую делать научные прогнозы. Лавуазье вел новую номенклатуру химических элементов, разделив их на три категории: кислот, оснований и солей. После открытия Дж. Пристли в 1774 г. кислорода Лавуазье выдвинул кислородную теорию горения, которая пришла на смену устаревшей «теории флогистона», ранее предложенной И. Бехером (1635-1682) и Г.Э. Шталем (1660-1734) и объяснявшей качество горения тех или иных веществ количеством содержащегося в них особого вещества — флогистона. Лавуазье установил, что процессы горения, гниения и дыхания являются результатом окисления. Он же исследовал химический состав воды и ряда других химических соединений. Наконец, именно Лавуазье сформулировал один из фундаментальных принципов естествознания — закон сохранения массы — и разработал современную номенклатуру химических элементов.

Важным направлением в развитии физики XVIII в. стало Исследование природы электричества. Голландский естество-

испытатель Мушенброк (1692 - 1761) и немецкий каноник Юрген фон Клейст провели ряд опытов, в результате которых фактически был создан прообраз диэлектрического конденсатора — так называемая «лейденская банка», с которой долгое время работали многие ученые-физики. Семь лет своей жизни (с 1747 по 1754) изучению природы электричества посвятил американский просветитель Б. Франклин. Одним из результатов его научных занятий стало изобретение громоотвода. Г.В. Рихман, работая с т.н. «громовой машиной» собственной конструкции, сконструировал первый прибор для количественных измерений электрических величин — «электрический указатель» (электрометр). А опыты итальянских ученых Луиджи Гальвани (1737 - 1798) и Алессандро Вольты (1745 - 1827) привели к созданию в 1800 г. первого в истории источника постоянного тока — «вольтовых столбов», позднее названных в честь одного из своих создателей гальваническими элементами. Уже в конце XVIII в. было положено начало научной теории электричества. В 1785 г. Шаль Огюстен Кулон открыл закон взаимодействия электрических зарядов, а Леонард Эйлер и Симон Пуассон (1781 - 1840) разработали теорию потенциала и распространили ее на электрические и магнитные явления.

Значительный шаг вперед в XVIII в. сделала биология. Длительный период накопления эмпирических данных завершился созданием первой в истории искусственной классификации растений и животных. Шведский ученый-натуралист Карл Линней (1707 - 1778) в своем труде «Система природы» предложил разделить всех представителей флоры и фауны на классы, отряды, роды, виды и вариации. В животном мире он выделил 6 классов, а в растительном — 24. Ему же принадлежит и утвердившаяся в науке бинарная (двойная) система обозначения растений и животных. Именно в рамках этой системы современный человек получил название «*Homo Sapiens** — «Человек разумный».

Линней проделал огромную и чрезвычайно полезную для дальнейшего развития биологии работу, которая, однако, не выходила за пределы метафизического метода мышления, поскольку в предложенной им классификации не было идеи развития. Шведский исследователь считал все живое божественным творением, не изменяющимся с течением времени.

Еще один крупнейший биолог XVIII в. Ж. Бюффон (1707 - 1788) в 36-томной «Естественной истории» одним из первых

в развернутой форме изложил концепцию трансформизма, которая говорила об ограниченной изменчивости видов под влиянием окружающей среды и о происхождении видов. Различные варианты этой концепции получили широкое распространение с середины XVIII в.

Таким образом, естественно-научные открытия «века Просвещения» фактически остановились на пороге диалектического понимания законов природы. Принципиальный прорыв в этом направлении был сделан во второй половине XVIII в. лишь в астрономии. Первым, кто попытался отказаться от идеи Божественного промысла в развитии Вселенной стал немецкий философ И. Кант. Он утверждал, что понять настоящее состояние природных систем возможно, лишь зная историю их эволюции.

Космогоническая теория происхождения и развития Вселенной Канта стала крупнейшим достижением в области астрономии со времен Коперника, противоречившим господствовавшим в науке механистическим представлениям о природе. Несмотря на утверждение Канта о том, что он опирался на классическую механику Ньютона, на самом деле в основу его концепции была положена идея развития и многообразия материи. В опубликованной Кантом в 1755 г. «Всеобщей естественной истории и теории неба», в которой в астрономию вводилось понятие «системы» для описания возникновения и движения небесных тел, мир представал живым и находящимся в состоянии постоянного изменения. Кант выдвинул т.н. небулярную теорию возникновения Солнечной системы (лат. *•nebula** — «туман»), объяснявшую процесс ее зарождения действием сил притяжения, в результате которого когда-то из бесконечной и бесформенной туманной массы возникли скопления частиц. Из этих вечно движущихся сгустков материи впоследствии образовались звезды и планеты, движущиеся по кругу и одновременно вращающиеся вокруг собственной оси. Причем, Кант утверждал, что число существующих планет гораздо больше, чем было известно астрономам XVIII в.

Теоретическую основу классической астрономии XVIII столетия до возникновения кантовской космогонической концепции, составляло представление об объективном и не зависящем от человека существовании Вселенной, которая вечна во времени и бесконечна в пространстве. Считалось, что во Вселенной существует множество миров, подобных Солнечной системе

и имеющих некую неизменную структуру, стабильность которой определяется постоянством сил всемирного тяготения. Со времен Канта в астрономии постепенно формируется новая фундаментальная методологическая установка о том, что Вселенная имеет свою историю, а ее современное состояние является результатом длительной эволюции. Однако, при этом сохранялось прежнее представление о постоянстве факторов, влияющих на развитие космических тел, например, притяжения и отталкивания, и о неизменности трехмерного пространства, трактуемого в рамках «евклидовой геометрии».

Для астрономии XVIII в. были характерны общенаучные гносеологические установки материалистического эмпиризма, с той лишь разницей, что критерием познания выступал не итог эксперимента, а результат наблюдения. Поскольку при проведении астрономических исследований отсутствовала свобода выбора обстоятельств наблюдения, то изначально принимались в расчет возможные поправки на плотность земной атмосферы, время его проведения и т.п. С помощью законов ньютоновской механики объяснялись все явления и процессы, происходящие на Земле и за ее пределами.

Значительным достижением астрономии этого века стало описание самостоятельного движения звезд, сделанное Э. Галлеем (1656-1742) в 1718 г. После создания В. Гершелем (1738-1822) мощного телескопа (с диаметром зеркал в 1,5 м) был осуществлен ряд открытий, которые расширили границы человеческих представлений о пространстве Вселенной. Были на практике выявлены новые типы космических объектов — туманности, самые далекие из которых оказались крупными скоплениями звезд, названных галактиками. Гершель открыл свыше 2,5 тысяч новых туманностей и обнаружил определенные закономерности в их возникновении и развитии: тенденцию к сближению, стремление располагаться в виде компактных скоплений и более крупных протяженных пластов. Он установил существование двойных и кратных звезд как физических систем, и первым отметил различие в распределении энергии в звездных спектрах в зависимости от их света и др. Благодаря этим открытиям Гершель фактически стал основателем новой внегалактической астрономии. Гершелю принадлежал и ряд крупных открытий в Солнечной системе. В частности, он обнаружил, что она постоянно движется по направлению к созвездию Геркулеса. И, в подтверждение вы-

сказанного Кантом предположения о том, что человечеству известны далеко не все планеты Солнечной системы и Вселенной в целом, Гершель еще при жизни философа открыл Уран и несколько его спутников, а также описал период вращения колец Сатурна.

Художественная культура эпохи Просвещения

Развитие художественной культуры XVIII в. представляет собой сложную картину сменявших и дополнявших друг друга стилей, пестрого многообразия жанров, радикальной смены эстетических категорий и духовных ценностей. «Эпоха барокко» уходила в прошлое. Искусство, подчиненное культуре драматизма, мощи, нарочитой красочности и грандиозных пространственных масштабов, сменялось художественным воплощением естественности человеческого бытия, торжества разума и морали, пафосом революционной, преобразующей роли творчества. Во всех сферах искусства торжествовало светское начало. В зодчестве преобладающим стало гражданское строительство, в изобразительном искусстве появились новые жанры — пейзаж, натюрморт, портрет, бытовая живопись, революционные изменения произошли в музыке.

Все менее жесткой становилось стилевая преемственность художественного творчества. Хронологические рамки распространения ведущих художественных направлений XVIII в. — позднего барокко, рококо, сентиментализма, неоклассицизма, реализма — не совпадали как в разных видах искусства, так и в различных странах. Например, в литературе период барокко завершился еще в XVII в., а в музыке и живописи барочные традиции еще долго сохраняли свои позиции. Классицизм, напротив, нашел наиболее яркое воплощение в литературе XVIII в. и, в меньшей степени, в живописи и архитектуре. XVIII век стал периодом активного развития национальных художественных школ, ведущее место среди которых заняла французская. Расцвет переживали также английская, германская, австрийская, Польская, чешская, венецианская, а к концу века наметился значительный прогресс испанской и американской национальных школ в изобразительном искусстве.

Философские искания XVIII в. придали совершенно особый статус эстетике — из пассивного отражения господствующих

мировоззренческих концепций эстетика постепенно превращается в самостоятельную сферу человеческого познания, в стройную систему рациональных категорий. Изысканная чувственность, утонченность художественного вкуса уступают место в художественном сознании эпохи ясным, четким и одновременно возвышенным, идеализированным образам. Основатель школы немецкой эстетики Александр Готлиб Баумгартен (1714 - 1762) утверждал, что «красота — это совершенство явления». Стремление искусства к совершенству, к поиску идеала как гармоничного внутреннего единства в окружающем многообразии явлений и хаосе чувств стало характерной приметой времени.

Новое отношение к человеку, представление о нем как «разумном и естественном» существе породило у художников и писателей XVIII в. интерес к интимной духовной жизни отдельной личности. Благодаря этому европейское искусство не утратило и ту утонченную изысканность, которая формировалась еще в эпоху позднего Ренессанса. Выражением этой тенденции стало формирование так называемого камерного искусства — искусства аристократических гостиных, салонов, будуаров. Ведущим стилем этого направления было искусство рококо.

Рококо (фр. «гососо» — «вычурный», «причудливый») — один из т.н. «королевских стилей», зародился во Франции в последний период правления Людовика XIV и достиг расцвета при Людовике XV. Характерно происхождение его названия: слово «рококо» возникло как ироничный перифраз популярного в декоративном искусстве конца XVII в. понятия «рокайль», означавшего стилистику искусственных гротов, схожих по своей странной, причудливой форме с раковинами. Эстетика рококо стала нарочитым вызовом симметричному, точно копирующему формы естественного орнамента искусству Ренессанса. В отличие от барокко, новый стиль не обладал динамичной порывистостью и пафосным величием. Искусство рококо, раскрепощающее чувственность, обращало внимание на частную, интимную жизнь человека, стало воплощением «галантного века». Оно основывалось на художественной философии «эротического маньеризма» (по выражению Ж.-Л. Давида). Унаследовав изящную куртуазность французских трубадуров, художники рококо отказались от идеала возвышенной, недоступной красоты и создали культ пикантного, сладострастного, легкомысленного чувства. Эсте-

тика рококо рождалась сочетанием жизнелюбия и пессимизма, радости и тоски, упоения новизной и предчувствием гибели. «Счастливый миг» стал девизом этого искусства.

Наибольшее распространение рококо получил в декоративном искусстве, в том числе в оформлении интерьеров. Характерным признаком подобного декора стало нарочитое использование причудливых орнаментов при сохранении внешней строгости построек. Интерьер приобретает необычайную живописность. Его излюбленными мотивами становятся зыбкая прозрачность зеркал, интимность горящих свеч, миниатюрность многочисленных «bagatelle» (фр. — «безделица», «безделушка»). Цветовая гамма декора решалась преимущественно в бледных, приглушенных тонах. При этом нежные, естественные краски получали такие названия, среди которых «цвет живота только что постригшейся монахини» или «цвет бедра испуганной нимфы» казались отнюдь не самыми фривольными. Эстетизация эротики сочеталась с модой на восточную экзотику. Наряду с китайским фарфором становятся популярными лаковые панно, украшающие стены или искусно вмонтированные в мебель, картины, шелковые ткани с изображениями сцен из китайской жизни. Использование ярких красок и причудливых орнаментов «под Восток» создавало атмосферу праздника и сообщало зрителю ощущение легкости и изменчивости бытия. В области прикладного искусства и оформления интерьеров наибольших успехов добились такие французские мастера, как Жиль-Мари Оппенор (1672 - 1742) и Жюст-Орель Мейсонье (1693 - 1750). Ведущими французскими архитекторами рококо первой половины XVIII в. были Робер де Котт (1656 - 1735), Жан Куртон (1671 - 1739), Жермен Боффран (1667 - 1754) и Эммануэль Эре де Корни (1705 - 1763).

Эстетика рококо с присущими ей легкостью и грацией ярко отразилась в изобразительном искусстве. Излюбленными темами творчества художников этой эпохи стали любовная игра, идиллические картины «пастушеской» жизни, интимная красота «нежного возраста». Характерным представителем рококо во французской скульптуре был Жан-Батист Лемуан (1704 - 1778). Его композиции отличали легкость, изящество и динамичность форм. Известны были и работы Лемуана в качестве декоратора (интерьеры отеля Субиз). Его кисти принадлежат множество картин и декоративных панно на религиозные и мифологические сюжеты.

Особую роль в становлении французской живописи рококо сыграл Жан Антуан Ватто (1684 - 1721). Его многогранное искусство было наполнено тонким лиризмом и глубиной интимных переживаний. Излюбленными сюжетами мастера стали образы персонажей итальянской комедии и «галантные празднества» (сценки с модно одетыми дамами и изящными кавалерами на фоне природы). Характерно, что почти все картины Ватто были небольшого размера — это стало типичной чертой живописи рококо. Полнота сюжетного замысла сочеталась в его полотнах с ярким декоративным эффектом, возникающим благодаря сложному рисунку круглящихся линий, образованных фигурами персонажей и листвой деревьев.

Характерным представителем живописи рококо являлся директор французской Королевской Академии живописи и скульптуры, «первый живописец короля» Франсуа Буше (1703 - 1770). В своих произведениях Буше обращался к самым разным сюжетам — от пастушеской идиллии до картин на религиозные и мифологические темы. Неизменным оставалось стремление мастера к передаче чувственной утонченности, куртуазной эротичности своих персонажей. Буше был известен и как создатель блестящей серии гравюр с изображениями уличных сенок и иллюстрациями к модным литературным произведениям. Еще более фривольным по тематике и декоративным по стилистике было творчество Жана Оноре Фрагонара (1732 - 1806). В отличие от Буше, Фрагонар более свободно использовал цветовую гамму и отказался от четких контуров. Это придавало его полотнам особую легкость, воздушность. Если заказчиками Буше были высшие сановники королевского двора и фаворитки монарха, то Фрагонар работал преимущественно для частных лиц и большинство его произведений представляли собой небольшие картины на интимные сюжеты.

В Англии, Испании и Италии искусство рококо не получило большого распространения. Начало XVIII в. здесь было сопряжено с последним взлетом барочной культуры. В Германии образцами архитектуры позднего барокко служат произведения долгое время работавшего здесь французского архитектора Франсуа Кювилье (1695 - 1768), одного из крупнейших зодчих Южной Германии Иоганна Бальтасара Неймана (1687 - 1753), представителей дрезденского барокко Маттеуса Даниеля Пепельмана (1662 - 1736) и Георга Вера (1666 - 1738), создателя

знаменитого протестантского собора Фрауэнкирхе. При дворе Фридриха II работал и создатель резиденции прусских королей — дворца Сан-Сусси — Георг Венцеслаус фон Кнобельсдорф (1699 - 1753). Крупнейшим мастером барокко начала XVIII в. также являлся архитектор и скульптор Андреас Шлютер (1660 - 1714), в пластических произведениях которого отразились общеевропейские тенденции развития монументальной скульптуры.

Английская архитектура барокко первой половины XVIII столетия была представлена творчеством Джона Ванброу (1666 - 1726), которого иногда называют «самым барочным мастером Англии», а также Джеймса Гиббса (1682 - 1754). Эти архитекторы строили в основном загородные дворцы. Характерной чертой творчества Ванброу стало использование элементов готического стиля. Замки, построенные по его проекту (Хорвард, 1699 - 1726; Бленим 1705 - 1724) отличала невиданная для Англии сложность и грандиозность ансамблей. В первой половине XVIII в. в Англии впервые появились и обширные парковые композиции, в дальнейшем получившие распространение по всей Европе. Заметную роль в их разработке сыграл Уильям Кент (1684 - 1748). Устройство английского парка должно было создавать атмосферу девственной нетронутости природы, что противоречило принципам «регулярного» паркового искусства, но отвечало столь распространенному в эпоху Просвещения культу естественности.

Синтез эстетических принципов барокко и рококо стал основой для формирования «венцианской школы» (т.н. венецианское сеттеченто: от ит. «settecento» — «семисотые годы»). Крупнейшими художниками, работавшими в стиле венецианской школы, были Себастьян Риччи (1659 - 1734), Алессандро Маньяско (1667 - 1749), Джованни Баттиста Пьяцетта (1682 - 1754). Они были известны прежде всего картинами на библейские сюжеты и жанровыми композициями бытовой тематики. Наивысшего расцвета венецианская живопись XVIII в. достигла в творчестве последнего представителя барокко в европейском искусстве Джованни Баттиста Тьеполо (1696 - 1770), владевшего разнообразными приемами письма и работавшего в самых разных живописных жанрах — от офорта до фрески. Его кисти принадлежат гигантские церковные и светские росписи многих церквей и дворцов Венеции, Удины, Бергамо, епископской резиденции в Вюрцбурге, плафона Тронного зала

королевского дворца в Мадриде и др. Своеобразным достижением венецианской станковой живописи XVIII в. стала ведута (городской архитектурный пейзаж), в жанре которой наибольшего успеха добился Антонио Канале (по прозвищу Каналетто) (1697 - 1768). Крупнейшим венецианским мастером портрета был Витторе Гисланди (1655 - 1743), в творчестве которого переплетались черты барокко, рококо и раннего классицизма.

В итальянской архитектуре XVIII в., как и в монументальном строительстве других европейских стран, осуществлялся постепенный переход от барокко к классицизму. В начале столетия в Италии работали достаточно крупные архитекторы своего времени Филиппе Ювара (1685 - 1735), Луиджи Ванвители (1700 - 1773) и др., однако многие из них стремились покинуть страну в условиях усиливавшихся экономических трудностей. Во второй половине XVIII в. в Италии уже не строилось значительных архитектурных сооружений.

XVIII столетие было отмечено необычайным взлетом музыкального и театрального искусства. К первой половине века относится расцвет творческого гения Иоганна Себастьяна Баха (1685 - 1750), который являлся не только одним из крупнейших композиторов своей эпохи, но и выдающимся музыкальным новатором. Бах завершил и обобщил почти все значительные течения в музыке предшествующего периода и предвосхитил многие черты последующих стилей. Большую часть своей жизни Бах прослужил церковным органистом, и большинство его сочинений были посвящены культовой тематике. В целом, Баху принадлежит около тысячи произведений самых разных музыкальных жанров. Он и по сей день остается непревзойденным мастером полифонии.

Еще один великий немецкий композитор Георг Фридрих Гендель (1685 - 1759), около 50 лет проработавший в Лондоне, только в конце жизни вернулся в Германию. Вершин мастерства он достиг в создании монументальных ораторий, главным образом, на библейские сюжеты. Генделем было написано соприкосновение опер, множество органных концертов, инструментальных сонат и сюит. Он обладал удивительным умением создавать драматический характер в пределах одной арии. Лучшие произведения Генделя редко являлись «чистой» музыкой — в каждом из них был воссоздан индивидуальный характер той или иной ситуации, цельный драматический образ. Гендель достиг и вершин инструментального музыкального искусства.

Одной из музыкальных столиц Европы первой половины XVIII в. являлась Венеция. Здесь работал Антонио Вивальди (ок. 1678 - 1741) — создатель жанра сольного инструментального концерта и знаменитый скрипач-виртуоз. Если творчество Баха достигло пика мировой популярности уже после его смерти, то Вивальди еще при жизни был широко известен за пределами своей родной Венеции. Ему принадлежало более 400 концертов для самых разнообразных инструментальных составов. Музыка Вивальди предвосхитила принципы программного симфонизма, позднее достигшие своего наивысшего воплощения в творчестве Бетховена.

Последними крупными представителями музыки барокко стали венецианские композиторы из семьи Скарлатти. Алессандро Скарлатти (1660 - 1725) был автором вокальных и камерно-инструментальных произведений, в которых сформировался оригинальный стиль итальянской оперы XVIII в. Он заложил основы неаполитанской оперной школы, отличительными чертами которой стали выдвижение на центральное место в опере сольной вокальной арии, четкое разделение оперного речитатива на два вида («сухой» речитатив с аккомпанементом одного клавесина и «аккомпанированный» речитатив с поддержкой всего оркестра), смена темпов музыкального произведения («быстро — медленно — быстро»). Алессандро Скарлатти приобрел известность и как блестящий музыкальный педагог. Его сын Доменико (1685 - 1757) — крупнейший мастер итальянской клавирной музыки. Сонаты Д. Скарлатти являются самым утонченным отражением испанского музыкального стиля, в них с большой живостью запечатлены дух и ритм испанских танцев и гитарной культуры.

Во второй половине XVIII столетия ведущим течением в европейском искусстве становится классицизм (лат. «classicus» — «образцовый»). Толчком для его развития послужили успешные археологические раскопки в середине 50-х гг. в Геркулануме, Помпеях и Стабии, а также выход в свет в 1764 г. нашумевшей книги «История искусства древности» немецкого теоретика культуры Иоганна Иоахима Винкельмана (1717 - 1768). В самых различных жанрах художественного творчества быстро закрепилась мода на античные образцы искусства, ориентация на присущие им гармоничные, строгие Формы, ощущение цельности, завершенности, уравновешенности. В целом, подобные эстетические пристрастия характерны

для обществ, находящихся на стадии поступательного развития, испытывающих потребность в нормативном искусстве, систематичном и рациональном духовном опыте. Черты классицизма встречаются поэтому в самые различные исторические эпохи. Но расцвет классицизма в Европе в XVIII в. имел особую природу. Античные образы как нельзя лучше подходили для символического отражения новых гражданских идеалов, воспетых Просвещением. Само восприятие красоты как объективного, реального качества, не связанного с личностным восприятием, соответствовало нарастающему рационализму общественного сознания, торжеству целесообразности в поведении человека. Художественная философия классицизма емко отразила два ключевых принципа, порожденных модернизацией сознания — четкое, ясное подразделение любого целого на части при их строгом соподчинении и торжество содержания любого явления над внешней формой. Тем самым, классицизм, будучи лишь одним из художественных стилей «эпохи Просвещения», сыграл наибольшую роль в становлении нового типа общественного сознания.

Во французском классицизме XVIII в. господствовало два основных направления — т.н. «стиль Людовика XVI», сохранявший помпезность и торжественность «королевских стилей», и неоклассицизм, подчеркнуто ориентированный на возвращение к «вечным» идеалам античности, «очищение» искусства от маньеризма и «фальшивой» чувственности.

Крупнейшими архитекторами «стиля Людовика XVI» были создатель ансамбля площади Согласия в Париже и здания Малого Трианона в Версале Жак Анж Габриэль (1698 - 1782), автор проекта будущего Пантеона (первоначально — церковь Св. Женевьевы) Жак Жермен Суффло (1713 - 1780). Архитектурный стиль неоклассицизма сформировался уже в 70-80-х гг. XVIII в. Крупнейшими мастерами этого направления были архитекторы Жак Гондуэн (1737 - 1818) и Клод Никола Леду (1736 - 1806). Проекты Гондуэна (Хирургическая школа в Париже) и Леду (солеваренный городок в Шо; заставы Парижа) отличала строгость и простота архитектурного решения. В ярко выраженном рационализме подхода к застройке, характерном для этих архитекторов, воплотился дух грядущей индустриальной эпохи.

Во французской скульптуре и живописи второй половины XVIII в. классицизм также завоевывал прочные позиции. Ра-

боты Жана Батиста Пигалля (1714 - 1785), творчество которого, впрочем, не замыкалось в границах классицизма, позднего Этьена Мориса Фальконе (1716 - 1791) («Медный всадник» в Санкт-Петербурге и др.), а также картины молодого Жака Луи Давида (1748 - 1825), будущего «первого живописца» Наполеона, стали лучшими образцами нового героического стиля. Классицистические тенденции прослеживались и в творчестве таких крупных живописцев второй половины столетия, как Гюбер Робер (1733 - 1808) и Жозеф Мари Вьен (1716 - 1809).

Самыми значительными мастерами классицизма в английской архитектуре второй половины XVIII столетия были шотландцы братья Роберт и Джемс Адамы. Роберт Адам (1728 - 1792) приобрел особую известность не только как архитектор (дворец Кедлстон, ворота Адмиралтейства), но и как популярный дизайнер мебели и предметов прикладного искусства. Его современник Уильям Чемберс прославился в качестве автора крупных построек (дворец Сомерсет в Лондоне) и специалиста в области парковой архитектуры.

В так называемую «георгианскую эпоху» (1714 - 1830) в Англии сложилась национальная школа живописи, крупнейшим представителем которой был Джошуа Рейнолдс (1723 - 1792). Художественный стиль Рейнолдса выбрал лучшие традиции европейской и, прежде всего, фламандской живописи. Он пытался как можно более ярко и многогранно выразить индивидуальность портретируемого. При этом Рейнолдс добивался не просто максимального сходства, а пытался варьировать самые различные художественные принципы — натурализм, реализм, аллегоричность, возвышенность, парадность. Всего Рейнолдс создал более двух тысяч портретов. При его самом активном участии в 1768 г. была открыта Королевская Академия искусств, и Рейнолдс стал ее первым президентом.

Представления Рейнолдса об эстетике художественного творчества полностью соответствовали канонам классицизма. Он призывал безусловно следовать «правилам искусства», в том числе подражать совершенным и безупречным образцам культуры прежних эпох. «Привычка или обычай не могут считаться причиной красоты, — писал Рейнолдс, — но они, несомненно, являются причиной нашей любви к ней». Важнейшим достоинством классического искусства он считал стремление к обобщенному отражению естественных канонов красоты, т. е. углубленную «неизменных, великих и общих идей, присущих

универсальной природе». Такой подход, на его взгляд, позволяет избежать механического подражания природе и, более того, создавать в воображении художника идеалы совершенной красоты, которые он не встречает в реальной жизни. «Совершенствуйте природу с ее же помощью», — призывал Рейнолдс. Ключевую роль в высоком художественном творчестве он отводил не только преемственности художественного опыта, но и подлинному таланту, который сам является врожденным феноменом природы.

Типичным представителем классицизма был крупнейший мастер английской скульптуры XVIII в. Джон Флакман (1755 - 1826). Характерным примером его монументальных работ может служить памятник адмиралу Нельсону в соборе Святого Павла. Заметный след оставил Флакман и в малой пластике. Благодаря его сотрудничеству мировую известность приобрела крупнейшая фаянсовая мануфактура Уэджвуда. Джозайя Уэджвуд (1730 - 1795) сам был известным мастером, экспериментировавшим с разнообразными керамическими массами. Его по праву считают одним из основоположников классицизма в европейской керамике.

В берлинской архитектуре первыми представителями классицизма стали Карл Гонтард (1736 - 1802), в произведениях которого еще ощущалось влияние барокко, а также создатель знаменитых Бранденбургских ворот в прусской столице Карл Готхард Лангханс (1733 - 1808), придерживавшийся более строгих канонов классицистической эстетики. В живописи в стиле классицизма работал один из крупнейших художников XVIII в. саксонец Антон Рафаэль Менгс (1728 - 1779) и искусный мастер гравюры и рисунка уроженец Гданьска, поляк по происхождению, Даниель Николаус Ходовецкий (1726 - 1801). Творчество последнего сыграло важную роль также в развитии реалистических традиций в немецком искусстве. Заметный след в культуре оставила и портретная живопись Германии второй половины XVIII в., представленная произведениями Антона Графа (1736 - 1813) и Ангелики Кауфман (1741 - 1807).

В отличие от барокко и рококо, классицизм достиг заметных высот не только в изобразительном искусстве и архитектуре, но и в литературе, драматургии, музыкально-театральном искусстве. Ярким представителем литературы классицизма являлся Ф.М. Вольтер, попытавшийся применить приемы классицизма для пропаганды просветительских идей. Вольтер

был большим поклонником драматургического творчества Расина, но считал, что любовь занимает неоправданно большое место в произведениях этого мастера. Своей задачей Вольтер поставил создание более «мужественного» искусства — трагедии без любви, насыщенной не столько эмоциями и диалогами, сколько идеями и динамичным действием. Сюжеты для своих произведений Вольтер черпал в основном из истории средневековья, отойдя при этом от основных правил классицизма. Отказался Вольтер и от присущего классицизму четкого разграничения жанров и противопоставления комедии и трагедии. Наиболее отчетливо это воплотилось в семейной драме — одном из излюбленных жанров писателя. Всего Вольтер создал 52 пьесы, включая 21 трагедию, самыми знаменитыми из которых были «Заира» и «Магомет», наполненные антиклерикальным духом и утверждавшие идею веротерпимости. Его перу принадлежало также несколько эпических поэм — «Генриада», воспевавшая подвиги французского короля Генриха IV, «Орлеанская девственница», в шуточной форме повествующая о жизни национальной героини Франции Жанны д'Арк. Однако наиболее ярко литературный талант Вольтера и его социальный просветительский идеал проявился в жанре философской повести («Кандид, или Оптимизм», 1759).

Создателем итальянской национальной трагедии классицизма был Витторио Альфьери (1749 - 1803). К числу выдающихся драматургов второй половины XVIII в. можно отнести и Карло Гоцци (1720 - 1806) — автора знаменитых сказок-фьяб «Турандот», «Любовь к трем апельсинам» и др. Его современник Карло Гольдони (1707 - 1793), осуществивший просветительскую реформу итальянской драматургии и театра, стал создателем национальной комедии с реальными героями, проникнутую передовыми идеями и остроумной критикой пороков феодального общества. Его пьесы («Слуга двух господ», «Трактирщица», «Кьоджинские перепалки» и многие другие) фактически вытеснили со сцены комедию «дель арте», основанную на импровизации и присутствии постоянных персонажей.

Лидером английского литературного классицизма являлся Александр Поп (1688 - 1744). В 1711 г. он издал трактат «Опыты критики» с изложением собственной эстетической концепции. Поп выступал сторонником упорядоченности художественных Форм, а задачу искусства он видел в подчинении стихии чувств природы разумному началу, олицетворяющему гармонию.

И природа, и человек в поэтических произведениях Попа предстают приукрашенными, изображенными в соответствии с эстетикой рационалистического мироощущения. Поэт не допускал жанровых смешений, строго определяя границы каждого жанра в соответствии со строгостью норм классицизма.

Во второй половине XVIII столетия сложилась Венская классическая школа — одно из ведущих направлений музыкального искусства Нового времени. Основателем ее стал Франц Йозеф Гайдн (1732 - 1809), которого часто называют «отцом симфонии». Гайдн создал собственный стиль, универсальный для произведений самых различных жанров — от мессы или кантаты до уличных серенад, сонетов и симфоний. Среди множества технических новаций, приписывавшихся Гайдну, большинство не являлись его открытиями. Однако именно Гайдн сумел первым осмыслить, возвысить и довести до совершенства существовавшие ранее простые инструментальные формы.

Близким другом и единомышленником Гайдна был Вольфганг Амадей Моцарт (1756 - 1791). Моцарт не являлся подлинным новатором, однако сложно найти композитора, который с таким же блеском владел музыкальным языком оперного жанра. Причем, как и большинство представителей венской школы, Моцарт с успехом работал в самых разных жанрах. За 35 лет своей жизни он создал более 20 опер, 50 симфоний и огромное количество произведений других музыкальных жанров. Моцарт был не только выдающимся композитором, но дирижером, виртуозным музыкантом, игравшим на различных музыкальных инструментах. Стиль Моцарта отличался безупречностью и совершенством оркестровых партитур, удивительным эмоциональным богатством, внутренней трагичностью оперных образов в сочетании с их внешней безмятежностью и мажорностью. В творчестве Моцарта тесно переплелись черты самых различных направлений — от позднего барокко и рококо до зарождавшегося романтизма.

Провозвестником музыкального романтизма был Людвиг ван Бетховен (1770 - 1827), в произведениях которого отразился весь пафос эпохи Просвещения. Если творения Моцарта в основном отличала особая грациозная легкость, то музыка Бетховена поражала современников своей мощью и драматическим накалом. В середине жизни Бетховена постигло страшное несчастье — полная глухота. Несмотря на это он продолжал

писать, и многие знаменитые произведения мастера относятся именно к позднему периоду его творчества. Бетховен не был новатором, но его трактовка основных жанров оперного искусства и инструментальной музыки отличалась большой свободой и ярко выраженной стилевой индивидуальностью. Музыка Бетховена открывает богатейший внутренний мир композитора, полный противоречивых эмоций, напряженной работы мысли, победоносного самоутверждения и горьких разочарований. «Он обладает нравом неукротимым, и мир представляется ему ненавистным творением», — писал Гёте о Бетховене.

К венской школе также примыкал немецкий композитор Кристоф Виллибальд Глюк (1714 - 1787). Его творчество стало высшим выражением эстетики классицизма. Именно Глюк сформулировал основные принципы классического оперного искусства: подчинение музыкальной красоты драматической правде, отказ от неосмысленной вокальной виртуозности, всякого рода неорганичных вставок в музыкальное действие, трактовка увертюры как вступления к драме. Лучшие из опер Глюка заняли почетное место в оперном репертуаре ведущих музыкальных театров мира.

Схожие с классицизмом исторические истоки имело и реалистическое искусство, получившее широкое развитие в европейской культуре во второй половине XVIII в. Эстетика реализма тесно связана с критическим, прагматическим мышлением, которое все больше завоевывало место в европейском общественном сознании. Реализм, основанный на образной передаче «правды видимого», становился одним из художественных выражений материалистического миропонимания. Он был обращен к сущности явлений в их «практическом», жизненном воплощении. Но именно эта черта принципиально отличала реалистическое искусство от классицизма. Реализм отрицал академическую нормативность искусства, его оторванность от насущных общественных проблем, замкнутость эстетических канонов. Просветительский реализм XVIII в., в отличие от более поздних этапов в развитии этого стиля, в особой степени был обращен к ярким авторским средствам раскрытия художественных образов. В рамках его нередко использовались гротесковые приемы и иносказания, способные придать произведению наибольшую выразительность и достичь «правды Целого». Все это обеспечивало искусству просветительского Реализма исключительную эмоциональность и образность.

Во французской живописи просветительский реализм достиг апогея в творчестве Жана-Батиста Симеона Шардена (1699 - 1779). Его картины отличали достоверность и внимание к деталям, ставшие визитными карточками данного стиля. Шарден был мастером натюрморта — фактически нового для Франции живописного жанра. Не меньшей виртуозности художник достиг в бытовой живописи, прославлявшей скромную жизнь третьего сословия, а в конце творческого пути — и в жанре портрета. Известным мастером реалистического портрета XVIII в. являлся Морис Кантен де Латур (1704 - 1788), создавший целую серию образов своих выдающихся современников.

Выдающимся представителем реализма второй половины XVIII в. стал французский скульптор Жан Антуан Гудон (1741 - 1828). Он в большом количестве исполнял монументальные и декоративные скульптуры, но основное внимание мастера было поглощено портретом. В этом жанре Гудон достиг больших высот, изображая людей разных возрастов и занятий. Его искусству чужда академическая холодность, а работы исполнены простоты, внимания к психологическим особенностям натуры и осознанием высокой гражданской миссии художника. Резец скульптора увековечил огромное число выдающихся людей того времени — Дидро, Руссо, Вольтера, Мирабо, Вашингтона, Франклина, Джефферсона, Лафайета и многих других.

Лидером британской национальной школы реалистической живописи был Уильям Хогарт (1697 - 1764). Он стал основоположником социально-критического направления в европейском изобразительном искусстве. Многие произведения Хогарта отличались сатирической направленностью, либо просто юмором. Он не столько бичевал, сколько высмеивал пороки общества. В 1753 г. Хогарт опубликовал свою книгу «Анализ красоты», ставшую заметным явлением в истории английской культуры XVIII в. Он ратовал за отказ от морализаторства в искусстве и сочетания сложных эстетических теорий с нравственными принципами и целями. Хогарт заявлял, что стремится предложить универсальный метод художественного творчества, позволяющий за счет пространственных технических решений добиваться изображения максимальной красоты и изящества. Ключевым элементом Хогарт считал «точную волнообразную линию».

контуры которой могут варьироваться от почти прямой до почти круглой конфигурации. По мысли Хогарта, использование этого элемента может позволить добиться гармоничного изображения практических любых предметов или существ. Хогарт обосновал и особую теорию цвета, полагая, что сама природа подсказывает наиболее точный способ передачи всей глубины и сложности цвета. По его мнению, самые прекрасные оттенки природных цветов создаются сочетанием многих слоев вещества, складывающимся в бесконечную сетку тончайших линий. Художник может использовать этот принцип как технический прием.

Художественные принципы просветительского реализма с успехом воплощались в литературном творчестве. Ярким примером принципов реализма выступил Дени Дидро. В своих известных трактатах «Письмо о слепых» и «Письмо о глухих и немых» он ярко выразил идеал реалистического искусства, основанного на отрешении художника от собственных субъективных переживаний и страстей — необходимо «ослепить себя», чтобы по-настоящему видеть, и «стать глухим», чтобы как следует слышать. Дидро создал и несколько собственных литературных произведений, написанных в реалистическом ключе. Показательно, что наиболее глубокие по замыслу работы, в том числе философские повести «Монахиня», «Жак-фаталист», «Племянник Рамо», Дидро принципиально не афишировал и даже не стремился издавать — столь реалистичными и неоднозначными в этическом плане оказались раскрытые им психологические портреты главных героев.

Более ярко выраженную социальную направленность имело творчество Бомарше (1732 - 1799) (настоящее имя Пьер Огюстен Карон). В своих знаменитых комедиях — «Севильском Цирюльнике» и «Женитьбе Фигаро», он воплотил основные принципы нового типа сценического искусства — с яркой общественно-политической направленностью, сатирической трактовкой самых острых и насущных социальных проблем. Благодаря искрометному юмору, блестящим диалогам произведения Бомарше имели потрясающий успех у публики.

Огромную роль в формировании реалистического романа сыграли произведения знаменитого французского писателя и драматурга первой половины XVIII в. Алена Рене Лесажа (1668 - 1747), автора «Истории Жиль Бласа из Сантильяны, а также сочинения Антуана Франсуа Прево д'Экзиля (1697 - 1763),

самым знаменитым из которых стала повесть под названием «История кавалера де Грие и Манон Леско». Признанными образцами просвещенческого реализма являлись также комедии и романы Пьера Карле де Шамблена де Мариво (1688 - 1763), для которых был характерен тонкий анализ противоречивых человеческих чувств, четкость и правдивость в изображении характеров. Одним из крупнейших представителей реализма XVIII в. был писатель предреволюционной эпохи Пьер Шодерло де Лакло (1741 - 1803). Его роман «Опасные связи», в циничной форме изображавший нравы уходящего в прошлое дворянского общества, стал образцом тонкого психологизма реалистического искусства.

Ярким представителем жанра реалистической комедии являлся англо-ирландский драматург и общественный деятель Ричард Бринсли Шеридан (1751 - 1816). Его комедии нравов («Соперники», «Поездка в Скарборо», «Школа злословия») направлены против безнравственности высшего света и ханжества пуританской морали. Пьесы Шеридана отличались остроумием, разнообразием комедийных эффектов (переодевание, случайности, появления героев под вымышленными именами, запутанные любовные перипетии). Огромное значение Шеридан придавал остроте слов, мастерству построения интриги и созданию ярких характеров.

Для становления просветительского реализма в Англии большое значение имела журналистская деятельность Джозефа Аддисона (1672-1719) и Ричарда Стиля (1672-1729). По своим политическим пристрастиям они являлись убежденными сторонниками «Славной революции» 1688 г. Поэтому правоописательные очерки Стиля и Аддисона лишены яркой сатиры, в них присутствует лишь добродушный юмор и легкая ирония. Подобный подход сочетался с эстетической теорией реализма. Так, например, Аддисон считал, что наиболее важным и сильным ощущением являются «первичные радости воображения», вызываемые зрелищем чего-либо яркого или нового в окружающем мире. Он доказывал, что предрасположенность к эстетическому восприятию природы заложена в самом человеке является интуитивным. «Красоты или безобразия в одной части материи не больше, чем в другой ... поэтому то, что сейчас кажется нам отвратительным, могло бы в других условиях показаться приятным», — писал Аддисон.

Отдельную эпоху в развитии английской литературы просветительского реализма составляет творчество Даниэля Дефо (1660 - 1731). С его именем связано становление таких жанров, как приключенческий, биографический, психологический, исторический романы, роман о воспитании, роман-путешествие. Дефо наметил основные линии социального романа, исходя из просветительской концепции об изначально «доброй» природе человека, подверженной воздействию окружающей среды и жизненных обстоятельств. Самым известным произведением Дефо стал роман «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка». В нем в полной мере воплощается просветительская концепция человека-созидателя, обустроивающего мир по законам разума. Впервые в английской литературе развивается тема созидательного труда, который помог Робинзону сохранить человеческие качества. В этом образе автор воплотил просветительские представления о «естественном» человеке и его взаимоотношениях с природой. Но кроме этого, Робинзон — это еще и типичный герой эпохи раннего капитализма, образ человека, в котором неистребимы здравый смысл и деловая хватка. Его религиозность и набожность, свойственные истинному пуританину, сочетаются с практицизмом и деловой хваткой. Передавая моральным рассуждениям, герой Дефо с полным беспристрастием все сопоставляет и взвешивает, записывая в дневник «баланс» положительных и отрицательных моментов своего положения.

Развитие сатирической традиции английского Просвещения было связано с творчеством Джонатана Свифта (1667 - 1745). Свифт обращался к глобальным проблемам общества: критиковал внутреннюю политику Англии, парламентскую систему, колониальные и захватнические войны, выступал против религиозных предрассудков и невежества. Одной из основных тем его творчества является вопрос общественного долга и ответственности перед народом, в противовес воспеванию буржуазного «благоразумия» и частного интереса. Злободневность произведений Свифта сочеталась со стремлением к морализаторству. Свифт продолжал традиции аллегорического изложения, присущие английской литературе. Создаваемые им фантастические образы, удивительные приключения и Путешествия на деле рисуют вполне реальные и узнаваемые картины современного ему мира. Самым известным произ-

ведением Свифта стал роман-антиутопия «Путешествия Гулливера».

Яркими представителями жанра социально-бытового и сатирического романа в английской литературе были Генри Филдинг (1707-1754) и Тобайас Джордж Смоллетт (1721-1771). Полемизуя с многими современниками, Филдинг отстаивал идею синтеза основных жанров, в том числе приключенческого и семейно-бытового романов (по его собственному определению — «эпоса большой дороги» и «эпоса частной жизни»). Свои собственные романы Филдинг определял как «комические эпопеи в прозе». Фабула такого романа легка и забавна, а по протяженности действий, кругу событий и лиц, охватываемых в нем, комический роман превосходит эпическую поэму и трагедию. Источник смешного Филдинг видел в человеческом притворстве, проистекающем от тщеславия и лицемерия, и в распознавании этих черт. Но герои Филдинга не карикатурны, а естественны. В создании характеров, по мнению Филдинга, драматурги действуют как «историки», довольствующиеся копированием природы, или «биографы», занимающиеся широкими обобщениями на основании наблюдений. Себя Филдинг причислял ко второй группе: «Я описываю не людей, а нравы, не индивидуума, а вид».

Несколько иные тенденции были характерны для творчества Тобайаса Джорджа Смоллетта. Свои произведения Смоллетт строил в форме жизнеописаний героев, истории их «приключений», в процессе которых они познают жизнь и людей. Он предпочитал свободную композицию — главы романов, как правило, были не связаны строгим единством сюжета, но подчинены единой задаче: раскрыть «плутовство и эгоизм человека». Смоллетт стремился вызвать у читателя негодование низменными и порочными нравами общества, показать ограниченность человеческого разума при забвении нравственных устоев. Сатира Смоллетта снискала репутацию жесткой, поскольку основывалась на карикатурном, гротесковом изображении самых странных свойств и чудачеств персонажей.

Параллельно с классицизмом и реализмом в европейской культуре XVIII в. развивалось сентименталистское направление. Оно отличалось большой спецификой и по своей художественной философии, и по эстетическим принципам. Ключевой особенностью сентиментализма стало повышенное внимание

к естественному чувственному началу человеческой жизни в противовес разумной, рациональной стороне. Возникновение сентименталистского направления во многом было вызвано растущим неудовлетворением пафосным, высокопарным стилем официального Просвещения. Отказавшись от анализа общественных и социальных противоречий, писатели и художники-сентименталисты обратились к внутреннему миру человека.

В 1725 г. вышла в свет книга итальянского просветителя Джамбаттиста Вико (1668-1744) «Основания новой науки об общей природе наций», представлявшая собой одну из наиболее последовательных попыток отстоять теорию воображения. Главной ошибкой рационалистов Вико считал идею о наделении всех без исключения людей способностью к анализу, которая свойственна, по его мнению, лишь избранным интеллектуалам. Вико утверждал, что основным посылом человеческой деятельности является воображение. Фантазия — это не часть каких-либо отдельных способностей человека, она существует сама по себе и обладает огромной ценностью. Вико доказывал, что способность людей благодаря фантазии обогащать и систематизировать духовный опыт имеет огромное значение в развитии цивилизации. Искусство занимает в этой связи особое место в общественной жизни. Поэт, по мнению Вико, — это выразитель коллективного чувства своего народа, из которого, в свою очередь, берут начало все философские и рациональные учения. В 1746 г. была опубликована книга французского философа-просветителя Кондильяка (1715-1780) «Опыт о происхождении человеческих знаний», созвучная работам Вико.

Важную роль в развитии новой теории искусства сыграл и труд французского аббата Жана Батиста Дюбо (1670-1742) «Критические размышления о поэзии и живописи» (1719). В основе концепции Дюбо лежала не теория воображения, а идея эмоциональности. Основным признаком человеческой природы он считал постоянное движение, в том числе — движение разума, состоящее из естественных потребностей, чувств и ощущений. Искусство, по мысли Дюбо, дает возможность удовлетворить первейшую потребность человека — избежать Куки. Именно благодаря искусству рождается чуждое логике ак называемое «шестое чувство», которые люди часто называют «сентиментальностью». Главный вывод Дюбо сводился к тому, что искусство призвано волновать, трогать зрителя,

доставлять ему наслаждение, и поэтому оно должно быть как можно естественнее. Художественное мастерство играет при этом второстепенную роль. В дальнейшем идеал естественности в искусстве подробно рассматривался в работах Ж.-Ж. Руссо.

В качестве самостоятельного направления сентиментализм впервые оформился в Англии в середине XVIII в. Крупнейшими представителями этого стиля в английской литературе были поэты Джеймс Томсон (1700-1748), Эдвард Юнг (1683-1765), Томас Грей (1746-1771), поэт и прозаик Оливер Голдсмит (1728-1774), романист Лоренс Стерн (1713-1768) и др. Заглавие одного из романов Стерна («Сентиментальное путешествие») и дало наименование данному художественному направлению. Наибольшей популярностью у современников пользовались трагические романы Самюэля Ричардсона (1681-1761), не снискавшие посмертной мировой славы, но многократно переиздававшиеся в Европе XVIII в. Реакцией на рационализм эпохи Просвещения можно объяснить появление в английской литературе т.н. «черного», или готического романа, насыщенного ужасами и сверхъестественными событиями. Классиками этого жанра стали Гораций Уолпол (1717-1797), Анна Радклиф (1764-1823) и Мэтью Грегори Льюис (1775-1818).

Характерными образцами французской сентименталистской литературы стали романы Ж.-Ж. Руссо («Новая Элоиза», «Эмиль, или О воспитании»). Их действие разворачивалось на лоне природы, выступавшей в произведениях философа в неразрывном единстве с миром человеческих чувств. В сентименталистском ключе был написан и роман Бернардена де Сен-Пьера «Поль и Виргиния», где критика цивилизации сочеталась с идеализацией патриархального быта и истинного религиозного чувства.

Радикальное выражение демократические тенденции в сентиментализме нашли отражение в немецком просветительском движении «Буря и натиск». Его главой был выдающийся немецкий писатель, поэт и исследователь природы Иоганн Вольфганг Гете (1749-1832). В 1773 г. увидела свет драма Гете «Гец фон Берлихинген», посвященная событиям Тридцатилетней войны и в художественной форме ставившая перед современниками проблему объединения Германии на началах свободы. В 1774 г. Гете опубликовал вдохновенный и искренний любовный роман «Страдания молодого Вертера», сделав-

пгий автора знаменитым. В 1772 г. вышла книга еще одного идеолога «Бури и натиска» — Г.Э. Лессинга — под названием «Эмилия Галотти». Все эти произведения оказали огромное влияние на формирование новых нравственных ценностей и идей как в Германии, так и за ее пределами. Значителен был вклад Лессинга и в развитие национального драматического театра, а его труды по эстетике и теории изобразительного искусства, наряду с работами Винкельмана, положили начало искусствоведению Нового времени.

К 80-м гг. XVIII в. относится расцвет творчества немецкого поэта, писателя, драматурга и теоретика искусства Просвещения Иоганна Фридриха Шиллера (1759-1805). Отстаивая эстетические принципы классицизма, Шиллер в своих лучших произведениях («Разбойники», «Заговор Фиеско», «Дон Карлос») уже предвосхитил зарождение романтизма в немецкой литературе. Столкновение просветительских идеалов с действительностью придавало произведениям Шиллера атмосферу драматизма; его лирика несла в себе мощный нравственный заряд. В конце жизни Шиллером была выдвинута теория «эстетического воспитания» как способа достижения справедливого общественного устройства, в которой отразились социальные идеалы эпохи Просвещения.

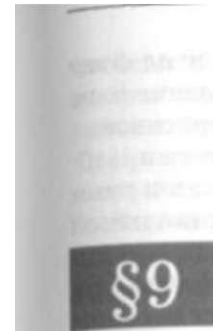
Ярким представителем переходного этапа в истории европейской литературы стал шотландский поэт Роберт Бернсу (1759-1796). Он был редактором уникального издания — «Шотландский музыкальный музей», в состав которого вошли тексты и мелодии самобытной шотландской музыкальной культуры. Многие стихотворные тексты, стилизованные «под старину», принадлежали самому Бернсу.

В английской живописи крупнейшим художником, наиболее близким к сентименталистскому направлению, был Томас Гейнсборо (1727-1788), картины которого отличались самобытностью, лиризмом и тонкой психологической проработкой. Гейнсборо можно назвать подлинным родоначальником английского пейзажа. Найденное им колористическое решение, с использованием преимущественно прохладных тонов, позволило художнику достичь мягкости и гармоничности восприятия образа английской природы, полной призрачных красок. Однако с наибольшей полнотой талант Гейнсборо воплотился в жанре портрета. В своих многочисленных работах он стремился изобразить прежде всего эмоциональное

состояние модели, поэтому часто писал своих героев на фоне природы или в интимной обстановке. Неслучайно Гейнсборо называют создателем своеобразного «портрета настроения», проникнутого элегическими нотами.

Во французском изобразительном искусстве второй половины XVIII в. главой сентименталистской школы становится художник Жан Батист Грез (1725 - 1805), писавший преимущественно жанровые сцены из жизни буржуа. Он находился под явным влиянием руссоистских идей, благодаря чему живопись его была наполнена смесью навязчивого нравоучения и дидактики, но именно это сделало Греза одним из любимцев буржуазии: картины этого художника всегда хорошо продавались. Дидро восхищался его полотнами, подчеркивая значение работ Греза для воспитания молодежи.

Итак, на рубеже XVIII-XIX вв. Просвещение, с его идеями, художественной и интеллектуальной культурой, научными открытиями постепенно сменялась «постпросветительским» периодом. Уже в 70-80-е гг. обозначились первые плоды этой сложной эпохи. Научно-технические изобретения XVIII в. создавали базу для промышленной революции, разительно меняли образ жизни человека. Накопление экспериментальных данных вплотную приблизило европейскую науку к качественному барьеру, связанному с преодолением метафизических представлений о мире и развитием диалектического мышления. Ученые «века Просвещения» положили начало стихийной диалектизации естественных наук — процесса столь значительного, что его иногда называют «третьей научной революцией». Естественно-правовые ценности, идеи политического равноправия и договорного происхождения светской власти, новые принципы государственного устройства определили перспективу дальнейшего развития западных стран. Просветительская культура, поставившая в центр духовной жизни человека, сделала его насущные интересы отправной точкой идеологических конструкций последующего столетия.

Научный прогресс и философско-мировоззренческие искания в XIX в.

«Эпоха торжествующего модерна»

XIX столетие занимает особое место в истории западного общества. Возрождение и Реформация, научно-мировоззренческая революция XVII в. и Просвещение очертили общую траекторию духовной модернизации, определили качественные рубежи этого процесса. Но в полной мере модернистское мировоззрение сформировалось лишь в XIX в. Это стало результатом многочисленных новаций в самых различных областях жизни. Духовная культура модерна (как эпохи, а не художественного стиля) вобрала в себя уникальный синтез

¹ В самом общем смысле «модерном» (фр. «moderne» — от лат. «modernus» — «новый») называются любые явления современной жизни, а модернизацией — любой процесс обновления, изменения. Более узкая трактовка понятия «модерн» распространена в культурологии и искусствоведении в качестве названия художественного стиля, главенствовавшего на рубеже XIX-XX вв. и порожденного синтезом различных эстетических канонов и художественных направлений (флорентинского искусства, неоромантики, неопластицизма, рационального искусства и т.п.). В противовес этому стилю в начале XX в. сформировался широкий спектр художественных направлений, получивших общее название «модернизма», а уже в середине XX в. распространяется производное понятие «постмодернизм», очерчивающее особый характер культурных новаций Новейшего времени. Преемственность «модерна», «модернизма» и «постмодерна» рассматривается в современной науке как не только как парадигмальная эволюция художественного творчества, но и процесс глубинных изменений в ментальных основах и социальной организации западного общества. В этом смысле понятие «модернизация» (т. е. становление «общества модерна») используется для характеристики конкретно-исторического процесса — развития европейского общества в XVI-XIX вв., формирования индустриальной системы с присущими ей экономическими, социальными, политико-правовыми и культурными институтами и типами отношений. «Эпохой модерна», т. е. завершения модернизации и торжества модернистского типа сознания и социальных связей можно считать XIX век.

обновленной научной методологии, философских и идейно-политических теорий, экономических и социологических концепций, эстетических теорий и этических императивов.

Человек XIX столетия утвердился в роли активного преобразователя природы и, что еще более важно, получил в руки мощное орудие для выполнения такой миссии. Уникальный по своим масштабам научно-технический прогресс эпохи промышленной революции и перехода к системе фабрично-заводского производства обеспечил беспрецедентное наращивание экономической мощи ведущих стран Запада. XIX век окончательно соединил логику развития экспериментального научного познания и индустриализации, форсированного развития техногенной производственной системы.

Технический прогресс принес новые формы и скорости преодоления пространства и времени. В сочетании с геополитическими изменениями, вызванными формированием европейских и колониальных империй, это в корне меняло ощущение самого масштаба человеческой деятельности. Земной шар впервые за всю историю человечества стал единой ойкуменой (реально воспринимаемым, познанным и освоенным миром). Мир стал «завершенным», «закрытым». Этот процесс шел под знаком господства Запада. Именно Запад диктовал главные направления мирового развития и правила поведения на международной арене, формировал пути и средства мирового развития, постепенно вовлекая в свою орбиту все новые регионы, страны и народы.

Торжество модернистской модели развития рождало новый взгляд на природу и человеческое общество, основанный на понятиях функциональной предметности. Любые элементы производственной культуры, системы социализации, правовых и политических отношений начинают рассматриваться в контексте их прямых функций, а не «высшего» предназначения или «внутреннего» смысла. Новая система общественного воспроизводства, основанная на приоритете техногенных факторов развития, востребовала и самого человека как носителя суммы определенных качеств и навыков, а не целостную личность. Разнообразные психофизиологические способности и потребности человека оказывались фактически разделены. В общественном сознании произошла утрата представления об органическом единстве человеческой жизни. Правовой и социальный статус человека, его самоощущение, этические

императивы и эстетические представления превращались в общественно востребованные функции и, там самым, приобретали противоестественную формальность. Их интеграция происходила не столько на личностном уровне, сколько в рамках системы общественных институтов.

Формализация духовного мира личности, нарастающая интеллектуализация и рационализация общественного сознания сопровождалась неизбежной ломкой как религиозной, так и метафизической картины мира. Образ мира утрачивал единую основу восприятия и распадался на функционально значимые элементы. Истинность, нормативная правильность и аутентичность (красота) начинают восприниматься как три автономных критерия познания. Тем самым, наука, этика и эстетика постепенно становятся специфическими культурными сферами, замкнутыми в своих целях, методах и категориях. Естественно-научные изыскания, философско-мировоззренческие исследования, развитие социально-политических и правовых теорий, художественное творчество постепенно приобретают ярко выраженную дисциплинарную логику.

Классическая научная парадигма, основанная на представлениях о стабильности, неизменности, точности, линейности, равновесности природных явлений и процессов, оказывается в XIX в. в состоянии нарастающего кризиса. Жесткие рамки механистической «ньютонической картины мира», с присущим ей представлением об абсолютном времени и абсолютном пространстве, вступали в противоречие с потоком новых естественно-научных открытий и все более динамичным, историчным самоощущением европейского человека. Противоречивость метафизического миропонимания дала толчок к складыванию совершенно новой общенаучной парадигмы — неклассической.

Вместе с тем, научная мысль XIX в. унаследовала присущее классической методологии стремление к установлению «точного знания», математический формализм, преобладание эмпирических и дедуктивных методов «восхождения к истине» («от частного к общему», «от факта к обобщению и выводу»). Редукция, т. е. сведение разного рода явлений и процессов к простейшим элементам и строго детерминированным причинно-следственным связям, перестала быть основой общенаучного синтеза. Но она сохранила свою значимость как важнейший метод исследований. Ментальные основы классической методологии были вполне адекватны модернистскому типу обще-

ственного сознания, с характерными для него рационализмом, утилитарностью и формализмом. «Человек модерна» чувствовал себя комфортно в мире, воспринимаемом как созданная и действующая по единому плану система, как безбрежная, но упорядоченная кладовая естественных богатств. Именно классическая наука, открывающая вещи окружающего мира с точки зрения их утилитарной полезности и практической применимости, придающая им роль пассивных объектов активного человеческого познания, пестовала тот дух покорения природы и торжества научно-технического прогресса, который питал духовную культуру XIX в.

Ньютоновский тип мышления провоцировал и своего рода идеологический фундаментализм. Основанная на нем картина мировосприятия предполагала некий естественный порядок, равновесный и логичный в своих закономерных основаниях. Причем, несмотря на стремление к экспериментальному подтверждению теоретических выводов, базовые постулаты картины мира воспринимались как априорные, неоспоримые факты (например, представление о материи как веществе, состоящем из частиц, имеющих массу). Та же логика вела и к формированию представлений о социальном, экономическом, правовом, моральном порядке, столь же закономерном и очевидном в своих важнейших основаниях. В XIX в. европейская общественная мысль обратилась к описанию подобного порядка с помощью немногочисленных, математических точных и непротиворечивых законов, постулируемых также безапелляционно, как факт существования всемирного тяготения в теории самого Ньютона. Именно в такой стилистике формировались классические «метapolитические» концепции — либерализм, марксизм, консерватизм, анархизм.

Глубокая укорененность ньютоновского типа мировосприятия в европейском сознании превратила обновление общенаучной методологии и, в целом, переход от классического к неклассическому типу мышления в исключительно сложный и противоречивый процесс. Важнейшую роль в нем сыграло утверждение принципов эволюционизма и диалектики, позволивших привнести в картину мира идею развития, а вместе с ней — неизбежно нарастающий плюрализм научных теорий и их мировоззренческих выводов. Попытки определить соотношение статики и динамики мироздания, выявить роль познающего субъекта в формировании представлений о законах

природы, дискуссии о «подлинных» основаниях этих законов и их влиянии на человеческое сообщество, плюрализация методов художественного отражения внутреннего мира человека и его представлений об окружающей среде обусловили уникальную интенсивность духовных исканий XIX в.

*Естественно-научные исследования XIX в. —
пределы классической парадигмы*

В XIX в. подавляющее большинство представителей научного сообщества по-прежнему разделяли базовые постулаты метафизической картины мира — принцип объективности окружающего мира, признание того, что совокупность явлений, вещей и процессов расположены в пространственно-временном континууме в устойчивом порядке и проистекают в строгой причинно-следственной логике, вне зависимости от человека и его сознания. Любая вещь рассматривалась как существующая в определенный момент времени и в определенном месте пространства, независимо от других (взаимодействие различных вещей, с этой точки зрения, либо поверхностно и не может существенно изменить их структуру, либо является элементом причинно-следственных связей и может быть реконструировано в «обратном порядке» вплоть до «идеального», «спокойного» состояния каждой вещи). Такая установка позволяла считать окружающий мир принципиально познаваемым. Основой познания признавалось сочетание теоретических и эмпирических методов с решающей ролью эксперимента, призванного установить структуру каждого явления, порядок взаимодействия составляющих его элементов. Полученная информация выражалась через универсальный научный язык — показатели, имеющие количественную меру, а также логические формы — понятия, теории и общую картину мира. Все эти элементы научной информации рассматривались как однозначные, объективные, достаточные для любого уровня обобщения. Структура познания считалась адекватной структуре физического мира, а потому единственно верной и постоянной. Сам же физический мир с его законами представлялся качественно неизменным, состоящим из замкнутых, линейных и обратимых (не зависящих от движения времени) систем.

Новый этап в развитии физической картины мира был связан с исследованиями в двух взаимосвязанных областях — изучением механического действия теплоты (проблем термодинамики) и электромагнитных процессов.

В 1811 г. Французская Академия наук присудила премию Жану-Батисту Жозефу Фурье (1768-1830), официально признав экспериментальные доказательства его теории распространения тепла в твердых телах. Принцип, установленный Фурье, заключался в том, что плотность потока тепла пропорциональна градиенту (мере изменения) температуры. Коэффициент пропорциональности отличался в зависимости от специфики вещества, но сама закономерность была универсальной для любых твердых, жидких и газообразных сред. Закон теплопроводности Фурье, при всей внешней простоте, имел революционное значение. Он показал, что тепловое воздействие преобразовывает вещество, вызывает изменение его внутренних свойств и, тем самым, отражается на всех физико-химических параметрах. С классической же точки зрения механическое, химическое и тепловое воздействия не могут привести к корреляции (взаимосвязи) изменяемых свойств и представляют собой замкнутые, обратимые процессы.

Открытие Фурье дало толчок для переосмысления основ «ньютоновской картины мира» в двух противоположных направлениях. Представители сформировавшегося в первой половине XIX в. позитивистского научно-философского направления во главе с его основателем Огюстом Контом предложили рассматривать силу тяготения и тепло как две автономные и даже антагонистические универсалии физического мира. Тем самым принцип механистического равновесия, являвшийся основой ньютоновской концепции пространства, лишь дополнялся принципом теплового равновесия. Подобный подход органично сочетался с общей идеей позитивистов о необходимости строгого дисциплинарного разделения системы познания и формируемой на ее основе научной картины мира. Сторонники альтернативного подхода попытались использовать идеи теплопроводности и результаты других открытий в сфере передачи энергии для обновления общей (универсальной) физической теории.

Изучению природы теплоты и процесса перехода ее в механическую энергию были посвящены исследования Ю.Р. Майера (1814-1878), Дж. Джоуля (1818-1889), Э.Х. Ленца

(1804-1865) и Г. Гельмгольца (1821-1894). Немецкому врачу Юлиусу Майеру удалось в 1842 г. впервые сформулировать закон сохранения энергии: «Движение, теплота и ... электричество представляют собой явления, которые могут быть сведены к одной силе, которые изменяются друг другом и переходят друг в друга по определенным законам». В 1847 г. английский физик Джеймс Джоуль выдвинул идею «превращения» различных видов энергии — взаимосвязи между выделением и поглощением тепла, электричеством и магнетизмом, химическими и биологическими реакциями, в результате которой качественное изменение «чего-либо» не приводит к его количественному изменению («во Вселенной ничего не растрачивается, ничто не утрачивается»). Эквивалент этих трансформаций Джоуль предложил определять как энергию. Он экспериментально доказал, что при различных физико-химических трансформациях определенной системы ее общая потенциальная энергия может полностью или частично переходить в кинетическую, т. е. энергию механического движения (и наоборот). Это позволило Джоулю рассчитать строгую закономерность выделения теплоты при прохождении электрического тока через проводник. К тем же выводам одновременно пришел и петербургский академик Эмилий Ленц. Математическое обоснование закона сохранения энергии выдвинул немецкий физик и физиолог Герман Гельмгольц.

Обобщенный закон сохранения энергии стал первым аксиоматическим основанием теории термодинамических систем («первое начало термодинамики»). Современники воспринимали его как важное дополнение ньютоновских принципов физики — доказательство того, что «все процессы в природе могут быть сведены к общим правилам и могут быть выведены из этих последних» (Г. Гельмгольц), и что «порядок во Вселенной, при всей своей сложности, работает слаженно и гармонично» (Д. Джоуль). Но взаимодействия и качественные трансформации термодинамических систем уже с трудом редуцировались к механическим процессам. Поиск нового «основополагающего» принципа физической картины мира вызвал активные исследования в области электрических явлений.

Экспериментальные открытия Луиджи Гальвани (1737-1798) и Алессандро Вольта (1745-1827), совершенные в конце XVIII в., открыли путь к изучению электродинамики, т. е. явлений, порожденных постоянным электрическим током,

а не статическими разрядами. Была установлена и взаимосвязь между электрическим током и химическими реакциями. В 1800 г. Вольта сконструировал химическую батарею, ставшую первым искусственным источником электрического тока, а вскоре был открыт электролиз — процесс изменения химических свойств под влиянием электрического тока. Эксперименты датского физика Ханса Кристиана Эрстеда (1777-1851) выявили связь между электричеством и магнетизмом. В 1820 г. он издал трактат «Опыты по воздействию электрического конфликта на магнитную стрелку», где излагались выводы о существовании некоей единой скрытой силы, лежащей в основе всяких взаимодействий. Природу этой силы Эрстед усматривал в электромагнетизме. Спустя два года были опубликованы результаты исследований Томаса Зеебека (1770-1831), доказавшего возможность тепла быть источником электрического тока («термоэлектрический эффект»).

В 20-х гг. XIX в. появляется серия научных трудов французского физика Андре-Мари Ампера (1775-1836), где систематизировались сведения о электродинамических и электростатических явлениях. Ампер сформулировал и закон взаимодействия двух элементов тока (притяжение проводников с одинаково направленными токами и отталкивание проводников с противоположно направленными токами). В 1826 г. немецкий ученый Георг Симон Ом (1789-1854) сформулировал закон изменения напряжения электрического тока вдоль проводящей цепи, т. е. зависимости интенсивности электрического тока от сопротивления проводника. Разработка теории электропроводности (теории электрических цепей) позволила перейти к практическому использованию электричества, источника энергии. Так, уже в 1833 г. в Геттингене была построена первая телеграфная линия, а спустя два года сконструирована и модель телеграфа американца Самуэла Морзе (1791-1872) с двоичным алфавитом.

Открытия Эрстеда и Зеебека, Ампера и Ома сформировали общую концепцию электродинамики, которая органично сочеталась с постулатами первого начала термодинамики. В европейском научном сообществе постепенно закрепилось представление об электромагнетизме как наиболее «глубинном» природном явлении. Тем самым, электродинамика вытеснила механику в качестве основы «ньютонической картины мира». Но основоположники электродинамической теории

рассматривали электрический ток в качестве последовательных мгновенных электромагнитных взаимодействий отдельных частиц вещества. Первые теории термодинамики также основывались на схожих представлениях о «тепловом потоке». Таким образом, в обоих случаях сохранялся корпускулярный подход к пониманию природы физических явлений. Материя рассматривалась как совокупность корпускул — частиц с той или иной массой, объемом, давлением, температурой, взаимодействием которых образует потоки реагирующих веществ. Преодоление этого метафизического принципа было связано с формированием континуальных теорий (теорий континуума, «сплошной среды»). Первым опытом подобного рода стало исследование явлений электромагнитного поля.

Выявить обратную связь магнетизма и электричества, т. е. способность магнитных явлений индуцировать (вызывать) электрический ток, удалось английскому ученому Майклу Фарадею (1791-1867). В 1831 г. он впервые продемонстрировал серию опытов, в ходе которых при движении магнита относительно проводникового контура возникал электрический ток. Попытка объяснить направление получаемого таким образом тока привела Фарадея к открытию «магнитных кривых» — особых линий магнитных сил, взаимодействие с которыми и создает явление электромагнитной индукции. В итоге Фарадей пришел к идее о том, что электромагнетизм порождается не прямым взаимодействием зарядов и частиц вещества, а особым пространством между ними — эфиром, пронизанным «силовыми трубками» (силовыми линиями). Это пространство Фарадей определил как электромагнитное поле.

Выдающийся вклад в развитие теории электромагнитного поля внес шотландец Джеймс Клерк Максвелл (1831-1879). Он не только выразил известные тогда соотношения электродинамики на математическом языке, но и создал систему уравнений («уравнения Максвелла»), описывающих все основные закономерности электромагнитных явлений. Электромагнитное поле Максвелл представлял «частью пространства, которая содержит в себе и окружает тела, находящиеся в электрическом и магнитном состоянии». Он доказал, что изменение такого поля закономерно приводит и к изменениям в силовых линиях. Таким образом, электромагнитные взаимодействия можно рассматривать как импульсы или волны, распространяющиеся в среде. Максвелл создал уравнение для расчета

скорости распространения таких волн («электромагнитного возмущения»). Задача получения электромагнитных волн в широком спектральном диапазоне была решена последовательно Максвелла, и это открытие позволило создать все виды радиосвязи.

Еще одним направлением в развитии континуальных исследований стала волновая теория света, созданная в начале XIX в. Ее основоположником является английский физик Томас Юнг (1773 - 1829). Используя аналогии между световыми и акустическими явлениями, он впервые выдвинул аргументы против господствовавшей тогда корпускулярной теории света. Юнг рассматривал свет как колеблющееся движение частиц особой разновидности материи — эфира. Интерференция (сложение) колебаний света, по его мнению, и объясняет природу окрашивания.

Французский ученый Огюстен Френель (1788 - 1827) придал волной теории света более строгое математическое обоснование, а также выдвинул гипотезу о поперечности колебаний световых волн, т. е. колебаний в плоскости, перпендикулярной направлению их движения. Эта идея позволила объяснить преломление света, его прямолинейное распространение, полное внутреннее отражение и другие оптические явления. Но анализ механических свойств эфира стал при этом еще более проблематичным — поперечные колебания распространяются только в твердых средах, тогда как эфир современники Френеля считали максимально разреженной сферой, «наилегчайшей материей». Выход из этого противоречия был предложен Максвеллом, рассматривавшим световые волны как частное проявление электромагнетизма, а эфир — как полевое, континуальное явление. Экспериментально же волновая теория была полностью подтверждена при изучении движения света в разных средах. Арман Физо (1819 - 1896) в 1849 г. установил скорость света в наземных условиях, а Жан Бернар Фуко (1819 - 1868) в 1853 г. — скорость света в воде.

Новые открытия в области континуального строения пространства требовали обновления математической теории. Первый шаг в этом направлении предпринял немецкий ученый Карл Фридрих Гаусс (1777 - 1855). Он разработал модель математического анализа для пространственных расчетов, допускающих большую долю погрешности (в области астрономии, геодезии, картографии и т.п.). В своих исследованиях

Гаусс использовал принципы дифференциальной геометрии, предназначенной по его же словам «для отображения поверхности с сохранением подобия в бесконечно малых частях». Этот подход не позволял преодолеть жесткую схему евклидовой геометрии, но открывал дорогу для развития теории вероятностного анализа.

О возможности реального построения неевклидовой геометрии первым заявил русский ученый Николай Иванович Лобачевский (1792 - 1856). Концептуальная работа Лобачевского «Начала геометрии» была издана в 1829 г., а спустя три года к схожим выводам пришел и венгерский математик Янош Бolyai (1802 - 1860). Примечательно, что Лобачевский считал возможным использование принципов обеих геометрических систем в зависимости от опыта, т. е. результатов эмпирических наблюдений. Он доказывал, что свойства пространства определяются свойствами материи и ее движения. В такой трактовке неевклидова геометрия становилась важным основанием для развития вероятностных теорий.

В полном виде основания неевклидовой геометрии сформулировал в 1854 г. немецкий математик Бернхард Риман (1826 - 1866). Он уже осмеливался доказывать теоретическую возможность пространства с более чем тремя измерениями — невероятную фантазию с точки зрения классической математики и физики. В работах его коллеги Георга Кантора (1845 - 1918) была соответствующим образом обновлена и теория чисел. Кантор стал создателем принципиально новой области математики — теории множеств, которая включала широкий комплекс новых понятий и парадоксов, связанных с проблемами бесконечности. Большой общественный интерес вызвала попытка английского математика Чарльза Доджсона (1832 - 1898) описать мир неевклидовых пространств и обратимого времени в литературной форме. Под псевдонимом Льюиса Кэрролла он издал сказки «Алиса в стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье», предвосхитившие некоторые физико-математические идеи XX в.

Развитие химической науки в XIX в. сохраняло более традиционную логику и было связано с утверждением атомно-молекулярного учения. Основоположником химической атомистики стал школьный учитель из Манчестера Джон Дальтон (1766 - 1844). Изучая свойства газовых соединений, он выдвинул гипотезу о зависимости свойств вещества от атом-

ной структуры его молекул. Дальтон сформулировал «закон кратных отношений», согласно которому весовые количества вступающих в химическую реакцию веществ находятся между собой в простых кратных отношениях. Это позволило Дальтону создать используемую до сих пор систему обозначений сложных химических веществ как соединений молекул простых химических элементов. Впоследствии шведский ученый Йене Якоб Берцелиус (1779-1848) предложил использовать для обозначений химических элементов одну или две начальные буквы их латинского названия.

Дальнейшие шаги по развитию атомно-молекулярной химической теории были связаны с формулировкой количественных законов. Решающую роль в установлении принципов определения атомных и молекулярных весов сыграли исследования Гей-Люссака (1778-1850) и Амедео Авогадро (1776-1856). Было доказано, что приняв за единицу вес атома определенного элемента, можно в этой системе исчислений определить относительный вес любого вещества. После официального признания этой теории на I Международном конгрессе химиков (1860) была создана международная комиссия, принявшая в качестве такой универсальной единицы 1/12 веса атома изотопа углерода («углеродная единица»).

С созданием атомно-молекулярной теории строения химических веществ возникла возможность систематизации всех известных химических элементов по их весовым свойствам. Первую такую попытку сделал Иоганн Деберейнер (1780-1849), предложивший модель триад — тройных рядов химических элементов с наиболее близкими характеристиками. Однако формальная схожесть свойств не исчерпывала природу химических связей веществ. В начале 60-х гг. петербургскому ученому Александру Михайловичу Бутлерову (1828-1886) удалось доказать, что даже сложные органические соединения представляют собой результат взаимного влияния веществ на атомно-молекулярном уровне. В частности, Бутлеров объяснил на этой основе явление изомерии — соединений, одинаковых по составу и весовым характеристикам, но разных по структуре и характеру молекулярных связей.

Объединить все имеющиеся представления о химической природе веществ в единую периодическую систему элементов удалось Дмитрию Ивановичу Менделееву (1834-1907). В 1871 г. он опубликовал свое изобретение под названием

«Естественная система элементов и применение ее к указанию свойств неоткрытых элементов». Эта модель действительно позволила предсказывать существование в природе еще неизвестных химических элементов и даже с высокой точностью определять их свойства.

Открытия Бутлерова и Менделеева подводили к мысли о том, что атомная структура является чрезвычайно сложной и, вероятно, не первичной в строении веществ. Однако, в целом, химическая наука XIX в. осталась в пределах механистических представлений о свойствах материи. Закономерности соединения химических элементов объяснялись, исходя из идеи тяготения между атомами, т. е. законов ньютоновской физики. Попытки соединить постулаты атомно-молекулярной химии с электромагнитной теорией создавали основу для принципиально нового направления исследований — физико-химического анализа сложных равновесных систем, чье динамическое поведение может быть описано с помощью дифференциальных уравнений (т. е. на континуальной, «сплошной» основе). Но приверженность большинства ученых принципу редукции, стремление к выстраиванию жесткой иерархии уровней пространственной организации материи ограничивали эту возможность. Принципиально важным становилось привнесение в естественно-научную теорию идей развития, эволюции, историзма.

Картина развивающегося мира, имеющего свою историю, была представлена уже в философско-космологической концепции Канта. В 1796 г. французский математик и астроном Пьер Симон Лаплас (1749-1827) высказал гипотезу о формировании Солнечной системы из вращающейся газовой туманности. Лапласу удалось значительно обогатить теоретические постулаты классической астрономии и уточнить расчеты движения планет и их спутников. Однако в целом космологическая теория Лапласа была основана на механистических принципах и даже получила характерное название «небесной механики». Космическая эволюция рассматривалась в ее рамках лишь как исключительно медленное, количественное развитие, не нарушающее стационарность и структурную организацию Вселенной, протекающее в рамках неизменного трехмерного пространства и абсолютного времени, под влиянием сил притяжения и отталкивания.

Более активно теория эволюционизма развивалась в геологии и биологии. Толчком к широкой научной дискуссии

послужило создание теории катастроф. Французский палеонтолог Жорж Кювье (1769 - 1832) обнаружил при проведении строительных работ в Париже останки неизвестных животных и растений. В трактате «Рассуждения о переворотах на поверхности Земли» (1812) он выдвинул гипотезу о том, что каждый период в истории планеты завершается крупными геологическими катастрофами, в ходе которых погибает все живое. Каким образом жизнь возрождается Кювье не объяснял, но доказывал, что различные формы жизни не являются преемственными. Он полагал, что геологические факторы разных эпох принципиально отличаются по своим характеристикам, а периодические катастрофы являются феноменом столь мощным и непредсказуемым, что не могут быть предметом научного анализа. С этой точки зрения, геология может изучать лишь стационарную картину мира, возникшую после той или иной катастрофы, а биология — прогрессирующее развитие животных и растительных форм на каждом из таких отрезков исторического времени. При всей своей спорности и недостаточной аргументированности, теория катастроф внесла важный вклад в развитие европейской естественной науки. В ее рамках едва ли не впервые была сделана попытка осмыслить историческое развитие как смену «больших скачков», т. е. преодолеть идею преемственного, линейного развития.

С иной точки зрения развитие жизни на земле рассматривал французский естествоиспытатель Жан Батист Ламарк (1744 - 1829). В своей книге «Философия зоологии» (1809) он утверждал, что все виды фауны постепенно изменяются под влиянием эволюции внешней среды. Основой для этих изменений являются два фактора — прямое приспособление к среде, достигаемое животными в ходе продолжительных упражнений и смены привычек на устойчивые отличия, а также присущее всем живым существам стремление к совершенствованию, которое приводит к повышению их организации в результате наследования определенных черт. Несмотря на материалистический характер многих аргументов, Ламарк не смог подтвердить свою гипотезу экспериментально и общую направленность развития живой природы соотносил с наличием некоей «Божественной внутренней цели».

С опровержением теории катастроф выступили и ведущие представители геологии. Английский ученый Чарльз Лайель (1797 - 1875), опровергая теорию катастроф, представил убе-

дительные доказательства постепенной эволюции природных условий Земли и доказал, что современные геологические процессы не отличаются принципиально от древних. Именно Лайель предложил термин «палеонтология» для обозначения науки об ископаемых организмах, разделил третичную систему на три отдела, которые назвал плиоценом, миоценом и эоценом.

Предложенный Лайелем «метод актуализации», т. е. изучения прошлых этапов эволюции на основе классификации современных форм, оказал огромное влияние на развитие естественных наук. В геологии он окончательно опроверг теорию катастроф, а в биологии позволил приблизиться к созданию целостной эволюционной теории. Важный шаг на этом пути сделали немецкие ученые Маттиас Якоб Шлейден (1804 - 1881) и Теодор Шванн (1810 - 1882). В 1830 - 1831 гг. они разработали теорию клетки, установив идентичность структуры клетки высших растительных и животных организмов. Тем самым, было доказана общность происхождения и развития всех биологических видов. Шлейден и Шванн выдвинули гипотезу о том, что жизнь начинается с единой клетки, дифференциация и деление которой впоследствии и формируют более сложную структуру организма.

Английский натуралист и писатель Чарльз Роберт Дарвин (1809 — 1882), пытаясь определить объективную основу эволюции биологических форм, выдвинул идею естественного отбора в ходе борьбы за существование. В 1859 г. в книге «Происхождение видов путем естественного отбора, или Сохранение благоприятствуемых пород в борьбе за жизнь» Дарвин пытался показать, что существующие виды растений и животных произошли от более ранних путем естественной борьбы за выживание и наследственного закрепления полезных признаков. В 1868 г. появилась его вторая книга «Изменение домашних животных и культурных растений», а в 1871 г. — самая скандальная — «Происхождение человека и половой отбор», где Дарвин пытался доказать животное происхождение человека.

Идеи Дарвина вызвали невероятные по накалу страстей общественные дискуссии. Теория естественного отбора в корне меняла мироощущение человека и взгляд на его собственную природу. Показательно, что практически одновременно с Дарвиным схожую концепцию разрабатывал Альфред Рассел Уоллес (1823 - 1913). Он обобщил свои взгляды в книге «Вклад

в теорию естественного отбора» (1870), но принципиально отказать от рассмотрения в этом контексте всю эволюцию человечества. Уоллес считал, что этика и духовность не могут являться результатом естественного отбора.

Идеи историзма и эволюционизма, закрепившиеся в геологии и биологии XIX в., вносили существенные коррективы в классическую научную картину мира. Однако их трактовка пока не противоречила принципу редукционизма. Развитие сложных явлений органического и неорганического мира анализировалось прежде всего на первичном уровне — клеточном или ином. Все остальные формы рассматривались как производные, вторичные, обладающие адаптивными, а не интегративными свойствами. Эволюция представлялась как линейный, преемственный процесс, вызванный непрерывным действием детерминирующих факторов и законов, а потому свободный от каких-либо скачков и переворотов, случайностей и альтернатив. Преодоление традиций механистического миропонимания оказалось невозможно без изменения философских, онтологических и гносеологических основ системы познания.

Позитивизм,	«критическая	философия»
и	«младогегельянство»	—
новый	взгляд	на природу познания

Инерционность методологического развития естественных наук в XIX в. была связана с особым пониманием природы научного знания. В рамках классической парадигмы познание трактовалось как обобщение нескольких уровней анализа. Среди них содержательным признавался лишь начальный, основанный на наблюдении и экспериментальном опыте. Все остальные уровни и формы познания рассматривались как вторичные, связанные лишь с переработкой эмпирических данных в ходе разнообразных мыслительных операций — описания, систематизации, сравнения, построения умозаключений и теорий. Тем самым из ряда факторов, формирующих научную картину мира, принципиально исключалась личная позиция субъекта познания. Особенности человеческого мышления, индивидуальные психологические, мировоззренческие, социальные установки рассматривались скорее как причина ошибок и заблуждений. «Никакие принципы науки, — писал

Ламарк, — являющиеся результатом наших суждений, не могут сравниться по достоверности с обуславливающими их тщательными наблюдениями и установленными фактами».

Такое строго онтологическое обоснование научной картины мира рождало скептическое отношение к традиционному стилю философствования, к попыткам определить сущностную причинность природных явлений и процессов. В научном сообществе все большую популярность приобретала идея «позитивного» знания — как совокупности представлений о наблюдаемой и эмпирически познаваемой реальности. Концептуальные основы новой методологии наиболее плодотворно разрабатывались французскими и английскими учеными — представителями той интеллектуальной традиции, которая сыграла ключевую роль в фундаментальных естественно-научных исследованиях XIX в.

Истоки позитивистского мировосприятия можно обнаружить еще в технократических идеях эпохи Френсиса Бэкона, просвещенческом идеале энциклопедистов, экзальтированной реакции европейской интеллектуальной элиты на открытия Ньютона. Позитивизм стал олицетворением наиболее пафосного, но одновременно предельно утилитарного, практического отношения к общественной роли науки. Он унаследовал характерные для классической методологии идеи строгой объективности научного познания, преобладания его онтологических основ, иерархии эмпирических и теоретических методов, жесткого детерминизма и системности научной картины мира. Но главенствующей чертой позитивистской науки стал отказ от традиций метафизического мышления как абстрактного философствования, противопоставление «позитивного», «подлинного» знания любым априорным идеям и отвлеченным рассуждениям.

Первый шаг к формированию классического позитивизма сделал Клод-Анри де Рувруа, граф Сен-Симон (1760 - 1825), известный меценат и политический полемист. В своих трудах он выступал за укрепление «позитивного характера науки», придание ей математической точности и абсолютной объективности. Сен-Симон уделял большое внимание вопросам научного анализа развития общества и выявлению той роли, которую современная наука может сыграть в изменении условий жизни человека. Именно он выдвинул идею трех стадий общественного Развития, где первая — теологическая, соотносилась с господ-

ством мифологии и политеизма, вторая — метафизическая, определялась как монотеистическая, обусловленная прежде всего господством христианства, а третья — позитивистская, рассматривалась с точки зрения рождения единого научного мировоззрения, вытесняющего традиционную религию.

Ученику Сен-Симона Огюсту Конту (1798-1857) удалось на основе «закона трех стадий» сформулировать целостную концепцию, ставшую признанным образцом позитивистской методологии. В своих работах «Курс позитивной философии» (1830-1842) и «Система позитивной политики» (1851-1854) Конт рассматривал теологию, метафизику и позитивизм прежде всего как качественные характеристики человеческого мышления, преобладание которых обуславливает логику развития науки, а вместе с ней и всего общественного порядка.

Теологическая стадия, по мысли Конта, сопряжена с попытками людей объяснить все явления окружающего мира вмешательством сверхъестественных сил. Вера в абсолютную высшую власть сочетается с обожествлением королей и героев, а подлинной основой этого сверхъестественного порядка становится абсолютизация собственно человеческих черт, разнообразных этических установок, иллюзий и страхов. Метафизическая стадия, по Конту, является переходной. Картина мира по-прежнему основывается на абстрактных «сущностях» — «идеях», «силах», «субстанциях». Но с их помощью человек уже совершает попытку вторгнуться в таинство мироздания, добиться абсолютного знания об окружающем мире. В этом пафосном стремлении и заключается фундаментальная ошибка — в поиске «первопричин» сущего человек выходит за пределы своего реального опыта. Как следствие, метафизические теории значительно расширяют пространство мышления, но придают ему внутреннюю противоречивость и противоестественную абстрактность.

Конт считал, что лишь на позитивной стадии люди приближаются к подлинному знанию. Происходит отказ от иллюзорных попыток постичь некие глубинные основания мироздания и высший смысл человеческой жизни. Наука перестает быть сферой удовлетворения любопытства и обращается к изучению только реально познаваемых явлений. Основной задачей становится установление «позитивных» законов природы и общества — «неизменных отношений последовательности и сходства явлений». Тем самым, наука вступает на твердое

основание фактов и сама превращается в «позитивную», т. е. созидательную, способную давать правильные прогнозы развития событий и оказывать реальное воздействие на жизнь общества. В этом качестве она призвана отвечать на вопрос «как», а не «почему».

Отрицая наличие некоего высшего, «сущностного» знания, Конт пришел к мысли о том, наука развивается в рамках достаточно автономных, самостоятельных по своему значению областей. Основанием для их деления выступают особенности самого предмета изучения, которые обуславливают не только выбор методов познания, но и степень абстрактности научного анализа. Конт предложил рассматривать систему познания как стройную дисциплинарную иерархию, основанную на переходе от простого (когда закон формулируется на минимальном конкретном материале и в значительной степени абстрактно) к сложному (когда закон выявляет взаимосвязь многочисленных и разнообразных конкретных явлений и фактов). По этому критерию Конт составил иерархию наук по возрастающей сложности: математика, астрономия, физика, химия, физиология (биология), социальная физика (социология), этика (социальная психология). Конт считал, что современное ему естествознание уже вступило в позитивную стадию, тогда как социальным наукам еще только предстоит совершить этот переход.

Вслед за Сен-Симоном Конт использовал понятие «социальная физика». Но его учитель подразумевал лишь возможность распространения универсальных ньютоновских законов на общественную жизнь. Конт рассматривал «социальную физику», или социологию как особую систему «позитивного» изучения общества. Он предполагал, что недостаточно отразить процесс человеческой жизни в строгой системе детерминирующих факторов. Социология должна иметь ту же практическую цель, что и любая наука — направлять активные действия человека. Для этого Конт принципиально разделил две плоскости социального анализа — сферы «социальной статики» и «социальной динамики». В рамках «статического» анализа должна изучаться структура общества, т. е. порядок взаимодействия тех элементов, которые обеспечивают «общественный консенсус», существование общества как единого организма. «Социальная динамика» выявляет закономерную смену форм «статического» состояния. Конт полагал, в динамика развития общества не определяется никакими высшими целями. Суть

этого процесса усматривал в усложнении самой общественной системы и, одновременно, укреплении ее внутреннего порядка. «Прогресс — это развитие порядка», — утверждал Конт.

Исключив философию из общей иерархии наук, Конт попытался доказать ее особое методологическое значение. Он считал, что «позитивный» метод исследований не может быть изучен вне контекста его применения и в отрыве от реальных результатов познания. Иными словами, метод должен быть всегда соотнесен со спецификой той или иной дисциплины. Но существуют и общенаучные законы познания — принципы логического мышления, рационального, доказательного и практико-ориентированного построения системы научных знаний. «Позитивная» философия призвана изучать эти законы и систематизировать на их основе человеческую умственную деятельность. Конт особо подчеркивал, что результатом позитивного философствования должно стать вытеснение теологического, метафизического и литературного типов мышления. Поэтому философия должна стать важным элементом системы образования, придавая «позитивный» дух общественному сознанию и духовной культуре.

У истоков английского позитивизма стояли Иеремия Бентам (1748-1832) и Джон Стюарт Милль (1806-1873). Их философские концепции получили название утилитаризма. Бентам рассматривал утилитаризм как реализацию базовых и универсальных принципов человеческой мотивации — «полезности» и «удовольствия». В этом качестве утилитаризм трактовался как «позитивная», т. е. единственно реальная и практически значимая основа этики. Признание утилитарной природы человеческого поведения и этики, по мнению Бентама, выявляет умозрительность многих идеологических доктрин и традиционных философских концепций, а также создает условия для построения математически точных законов развития общества.

В концепции Милля утилитаризм приобрел ярко выраженный гносеологический характер. Милль разработал теорию «несовершенной индукции». Он полагал, что ни опора на априорные постулаты и аксиомы (дедукция), ни рассмотрение общего знания как производного от частного («полная», или «совершенная» индукция) не могут быть положены в основание системы научного познания. Милль предложил «позитивный» синтез двух методологических традиций. По его мнению,

универсальным правилом развития знаний может быть лишь движение от частного к общему. Но реализация этого правила требует одного исключения — априорного признания единообразия всех природных законов и процессов. Принцип единообразия имеет много индуктивных доказательств, однако в своем универсальном, общенаучном значении он не доказуем рационально и принимается как изначальное убеждение.

Принцип единообразия природных процессов Милль рассматривал именно в гносеологическом, а не онтологическом смысле. В его представлении, познание основывается на «диспозициональном описании» природы, т. е. воспроизводстве суммы ощущений и впечатлений человеческого разума и формировании на этой основе единой картины мира. Рассуждения о субстанциональности, глубинной внутренней сущности природных явлений и процессов Милль считал далекими от подлинной науки. Это подводило к мысли о том, что формирование знаний может основываться либо на систематизации самих методов научного описания (что, фактически, и предлагал Конт), либо на поиске простейших и наглядных причинно-следственных связей в самой окружающей действительности. В отличие от Конта, Милль всецело ориентировался на принцип каузального анализа, т. е. причинного объяснения чувственно воспринимаемых фактов. Методы такого анализа, по мнению Милля, и являются «позитивными», универсальными.

Таким образом, Милль рассматривал методы индукции не в качестве самодостаточной системы познания, а как основу для перевода научных гипотез в строгие каузальные законы. Но он считал, что познаваемая человеком причинность природных процессов основывается на ассоциативной связи ощущений самого человека. Познать причину того или иного явления в полном, исчерпывающем смысле невозможно. Человек лишь устанавливает определенную совокупность явлений, которые предшествуют изучаемому факту, являются необходимыми и достаточными условиями для него. Причем, в качестве предшествующих и последующих явлений рассматриваются только факты и процессы, четко соотнесенные во времени и пространстве. Речь идет, таким образом, не о сущностной причинности, а о конкретных каузальных связях, выявленных и установленных индуктивным путем. Именно такую каузальность Милль считал основной целью позитивного научного исследования. Познавая на этой основе устойчивую

последовательность явлений, человек приобретает возможность превращать «простые эмпирические законы» в «законы научные», которые «можно использовать для предсказания будущих событий».

Признанным лидером английского позитивизма XIX в. стал Герберт Спенсер (1820 - 1903). В своей фундаментальной работе «Основные начала» (1862) он представил концепцию позитивистского синтеза всех научных дисциплин. Спенсер считал, что на основе индуктивного, эмпирического обобщения возможно перейти от отдельных наук к «знанию наивысшей степени обобщенности», т. е. «синтетической философии». Ее предметом должны стать общие законы, отражающие господство принципа каузальности в природных и общественных процессах. Возможность формулировки таких законов может быть обеспечена лишь «огромным накоплением фактов, классифицированных и упорядоченных таким образом, чтобы облегчить обобщение». Знание же «синтетических законов» позволит, в свою очередь, использовать их в качестве дедуктивной основы развития отдельных научных дисциплин.

В качестве наиболее всеобъемлющего закона Спенсер называл космическую теорию эволюции (теорию прогресса). Эволюцию он определяет как «интеграцию материи и сопутствующее ей рассеивание движения, в процессе которых материя переходит из неопределенной, бессвязной однородности в определенную, связную разнородность, а ее сохраненное движение претерпевает параллельную трансформацию». Подобную эволюцию Спенсер называл «не случайностью, но необходимостью». В основе строгой каузальности эволюционных процессов лежит, по его мнению, универсальный принцип наследования и адаптации. Спенсер полагал, что адаптация к внешней среде, результаты которой закрепляются через механизмы наследования, ведет к дифференциации всех явлений и вещей. Одновременно усиливаются и их взаимные связи. Таким образом, в ходе эволюции возникает упорядоченная Вселенная. Но достижение высшей степени равновесия ее внутренних элементов и их адаптированности друг к другу становится лишь первым шагом к новой стадии рассеивания, т. е. началом очередной стадии эволюции.

Теория стадияльной эволюции, в том числе связанные с нею категории интеграции и дезинтеграции, подвели Спенсера к идее «нарастающей структурности» — усложнения структуры

любой системы по мере все большего разнообразия функциональных взаимосвязей ее элементов. Спенсер полагал, что сочетание структурного и функционального анализа может выявить не только ритмы эволюции, но и инвариантную последовательность развития событий. Тем самым, «синтетическая философия» даст возможность вероятностного предсказания последующих этапов того или иного процесса. Но причинность в такой эволюционной картине определялась как устойчивое постоянство взаимосвязи явлений, а не сущностное объяснение их природы.

Позитивизм сыграл огромную роль в эволюции классической научной методологии. Отрицая догматизм метафизики, позитивисты создали наиболее рациональные и последовательные системы механистического объяснения природных и социальных процессов. Благодаря этому позитивизм стал олицетворением особой модели мышления, особого типа социальной психологии, присущих индустриальному обществу. Позитивистский характер приобрели многие политические и правовые концепции, экономические и социальные теории XIX в.

В ином направлении развивалась немецкая философская мысль XIX в. Впрочем, многие немецкие мыслители этого времени вполне разделяли идеи позитивизма. Примером их последовательного воплощения стала историческая концепция профессора Берлинского университета Леопольда фон Ранке (1795 - 1886), призывавшего «писать историю так, как это было в действительности». «Ранкеанство», основанное на культе строгого источниковедческого анализа, стало образцом позитивистского мышления в гуманитарной науке. В дальнейшем этот метод был систематизирован в трудах еще одного представителя «прусской школы» — И. Дройзена («Основы исторической науки», 1868) и профессора Грейсвильского университета Э. Бернгейма («Учебник исторического метода», 1889). Однако, в целом, в немецкой интеллектуальной традиции XIX в. сформировался совершенно особый подход к решению методологических проблем научного анализа. Основой его стала трансцендентально-критическая философия, Получившая впоследствии название «немецкой классической Философии».

Основоположником «критической философии» стал выпускник и в дальнейшем ведущий преподаватель Кенигсбергского Университета Иммануил Кант (1724 - 1804). В своих сочинени-

ях «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788), «Критика способности суждения» (1790) и других Кант попытался изложить основы особого метода философствования, подтверждающего выводы механистического естествознания о законах природы, но отрицающего их метафизическую абсолютизацию. Творчество Канта уникальным образом соединило черты двух исторических эпох — гуманистический пафос философии Просвещения и напряженные мировоззренческие искания «эпохи модерна».

Кант принципиально отказался от онтологического объяснения природы научного познания. Он признавал решающую роль эмпирического опыта в познании окружающего мира, но считал чувственное восприятие лишь необходимым условием познавательной деятельности. Чувственность, по Канту, это лишь способность к пассивному восприятию явлений окружающего мира, выражающаяся в многообразии ощущений. Для того, чтобы ощущения приобрели предметность, т. е. вышли за пределы эмпирического опыта индивида и приобрели научную значимость, необходима вторая познавательная способность — рассудочная деятельность.

И чувственность, и рассудок, с точки зрения Канта, имеют априорную основу. Чувственные ощущения приобретают упорядоченность благодаря двум априорным, т. е. изначально присущим человеку формам восприятия — представлению о пространстве и времени. Рассудочная деятельность также оперирует априорными понятиями. Кант разделил их на четыре категории: количества (всеобщность, множество, единичность), качества (реальность, отрицание, ограничение), отношения (субстанция, причинность, взаимодействие), модальности (возможность, действительность, необходимость). Эти абстрактные понятия приобретают конкретное содержание благодаря чувственному опыту, а их синтез позволяет человеку конструировать целостный образ окружающего мира. Таким образом, Кант полагал, что процесс познания необходимо включает индивидуальный, эмпирический уровень восприятия, но его результаты всецело определяются трансцендентальными, надиндивидуальными способностями человека, имеющими априорную природу.

Кант принципиально отличал от рассудка разум человека. Согласно его философской концепции, рассудок является спонтанной деятельностью по упорядочиванию ощущений,

и поэтому сам по себе не может предполагать некую цель. Эту функцию и выполняет «чистый разум». В силу разумности человека его познавательная деятельность не останется в пределах опыта, а всегда тяготеет к поиску первопричины окружающих явлений, к абсолютному знанию, объясняющему сущность явлений и всю их совокупность. Разум формулирует подобные цели познавательной деятельности в качестве идей. Так, например, в поиске первопричины окружающих явлений человек приходит к идее упорядоченного мира, космоса, определяя свою собственную сущность он основывается на идее души, а постигая абсолютное начало всего сущего предполагает идею Бога.

Взаимосвязь рассудка и разума Кант определял как трансцендентальную диалектику. Деятельность рассудка может определяться лишь теми целями, которые соответствуют идеям разума. Но рассудок всегда остается в пределах эмпирического опыта, тогда как идеям разума никакие реальные предметы не соответствуют. Таким образом, цель познавательной деятельности в ее абсолютном значении никогда недостижима. В том случае, когда категории рассудка применяются за пределами опыта, возникает диалектическое противоречие — признак нарушения законов мышления.

Кант считал, что представления не только о пространстве и времени, но и о самой материи являются лишь продуктом рассудочной деятельности человека. Человек способен постичь только явления окружающего мира, опосредованные априорными формами чувственности и рассудка. Причины этих явлений — реальные предметы окружающего мира, представляют собой «вещи в себе» и непознаваемы для человека. Пытаясь понять природу материальных явлений, человек конструирует их некую закономерную связь. Поэтому естествознание неизбежно приобретает механистический характер. В мире явлений, упорядоченных априорными категориями рассудка, господствуют причинно-следственные связи и отсутствуют какие-либо цели, кроме каузальной необходимости. Здесь нет ничего неделимого на элементы, а всякое сложное состоит из простого. Но при этом Кант отрицал теорию атомизма. Материя для него — это обобщенный предмет внешних чувств человека, а, следовательно, не совокупность неких частиц, * само движение, оказывающее воздействие на органы чувств. Динамическое понятие материи как силы, наполняющей про-

странство, привело Канта к идее космогенеза — возникновения Вселенной из первоначально разреженной материи в ее простейшем состоянии.

По мнению Канта, человек вполне может постичь законы мира явлений, поскольку бытие природы оказывается относительным и зависимым от трансцендентального «Я». Но подлинные причины этих законов, сокрытые в мире «вещей в себе», остаются непознаваемыми. Исключение составляет лишь деятельность «практического разума». Этим понятием Кант обозначил способность человека соразмерять свои реальные действия с идеями разума без какого-либо внешнего воздействия. В этом случае человек оказывается в совершенно ином мире, где господствует не принцип причинно-следственных связей, а закон свободы — «свободное существо есть цель сама по себе». Но Кант полагал, что подлинная свободная воля и независимость человека распространяются лишь на этический выбор. Нравственный долг, абсолютный и всеобщий в силу самой своей природы, является категорическим императивом деятельности человека. И если в стремлении к удовольствию и счастью человек встает на путь приспособления к внешнему миру, то свободным он может быть лишь следуя категорическому императиву нравственности, повинаясь исключительно внутреннему долгу.

В трудах Иоганна Готлиба Фихте (1762 - 1814) и Фридриха Вильгельма Шеллинга (1775 - 1854) постулаты «критической философии» приобрели еще более радикальную трактовку. Основываясь на представлении о трансцендентальном единстве самосознания, Фихте выдвинул идею полной слитности субъекта и объекта, сознания и действия, «Я» и «Не-Я». Он считал, что подобно тому, как индивидуальное бытие «конструируется» в ходе рефлексии конкретного человека, то и вся бесконечная реальность рождается путем самораскрытия абсолютного «Я». Между индивидуальным и абсолютным «Я» существует динамическая связь. Они соприкасаются те моменты, когда познавательная деятельность человека наталкивается на внешнее препятствие — на некое «Не-Я». Вслед за этим происходит прорыв, трансцендентальное преодоление границ индивидуального бытия и, тем самым, начинается новый этап развертывания познающего «Я».

Субъективный идеализм Фихте не оставляет места представлению о природе, существующей самостоятельно от по-

знающего субъекта. В его концепции мир природы является препятствием, которым «Я» бессознательно ограничивает себя в практических шагах — препятствием, которое существует лишь для его преодоления в бесконечном движении «Я» к самотождеству. Поэтому Фихте признавал диалектическое единство противоположенной не ошибочным противоречием мыслительного действия, а его главенствующей причиной и подлинной основой реальности.

Шеллинг попытался построить в русле «критической философии» уже не только гносеологическую теорию, но и целостную натурфилософскую концепцию. В отличие от Канта, он отрицал механистические принципы естествознания и полагал, что и мир свободы, и мир природы развиваются как бессознательное творчество абсолютного духа. Возникновение природы Шеллинг считал непостижимым для разума актом, когда первоначальное единство и тождество субъекта и объекта распалось, и Абсолют создал свое «Не-Я». Шеллинг считал, что этот процесс не может быть объяснен в рациональных категориях и отражает торжество не разума, а свободной воли.

Распространяя свой диалектический метод на анализ природных процессов, Шеллинг полагал, что всякое природное тело является продуктом взаимодействия противоположно направленных сил. Поэтому развитие природы приобретает характер целенаправленный характер, связанный с преодолением противоречий за счет перехода более высокую стадию организации. Шеллинг предполагал, что основным вектором этого процесса является нарастание субъективности природы. Таким образом, природа выступает и как продукт процесса развития, и как активный субъект деятельности. Следовательно, речь идет о самоорганизующейся природе, которая одновременно и идеальна, и реальна, «целесообразна, не будучи объяснима в своей целесообразности». Подобная позиция получила название объективного идеализма (или в терминологии самого Шеллинга — «трансцендентального идеализма»).

Возможность познания Шеллинг связывал с трансцендентальным единством природы и сознания, которое обуславливает и конкретные формы познавательной активности человека. Это представление об изначальной и конечной тождественности объективного и субъективного позволило ему объявить не научное знание, а искусство, эстетическое творчество в качестве высшего проявления познавательной деятельности. Шел-

линг считал, что рациональная философия, постулирующая некие всеобщие принципы устройства мироздания, является «негативной», отрицающей подлинный смысл природы. Он указывал на необходимость «позитивного» философствования, основанного на представлении о бессознательной, сверхчувствительной воле, как первооснове мирового развития. Культ абсолютной Воли и абсолютного Разума в философской концепции Шеллинга дал толчок для формирования в немецкой интеллектуальной традиции двух совершенно разных направлений, связанных с именами Шопенгауэра и Гегеля.

Артур Шопенгауэр (1788 - 1860) — «франкфуртский затворник», «философ мировой скорби», создатель «трагической диалектики», является одной из наиболее самобытных фигур в немецкой и европейской интеллектуальной элите XIX в. В его произведениях отразилось то пронзительное ощущение условности и бренности бытия, тот нарастающий пессимизм и жесткая самоирония, разочарование в пафосных идеалах и нравственных ценностях, которые станут характерной чертой философствования уже на рубеже XIX-XX вв. — в эпоху «заката Европы».

Шопенгауэр отрицал объективное существование материи. Он считал, что окружающий мир существует лишь в сознании, как видимость, иллюзия, зависящая от познавательных особенностей субъекта. В отличие от Канта, Шопенгауэр отрицал даже существование «вещей в себе». Потусторонней, трансцендентальной сущностью реальности, по его мнению, является Мировая Воля — вездесущая, вневременная, обезличенная и лишённая какой бы то ни было целесообразности. Однако Мировая Воля действует как универсальная движущая сила, творческое начало, порождающее все многообразие явлений и сил. Её произвольность и иррациональность делает условной любую упорядоченность и гармонию бытия. Действие Мировой Воли приводит к торжеству постоянной борьбы и раздвоенности, к жестким столкновениям и противоречиям. В жизни человека — самой совершенной формы объективации Воли, эти драматические коллизии достигают своей вершины. И, чем дальше идет человечество по пути эмоционального и интеллектуального совершенствования, тем острее и трагичнее проявляется в мире людей внутренняя конфликтность Воли.

Шопенгауэр считал, что преодолеть действие Мировой Воли невозможно. Но познание трансцендентальной сущности бытия

дозволяет человеку понять разрушительную и иллюзорную природу собственных порывов, а значит и попытаться самоограничить их. Наука и рациональная философия бессильны в этом смысле — они, по мысли Шопенгауэра, не способны к интуитивному проникновению в сущность вещей и могут лишь упорядочить, теоретически структурировать иллюзорные явления окружающего мира. Интеллект сам является лишь орудием воли. Поэтому путь к познанию открывают те представления, которые в наибольшей степени несут отпечаток волевых усилий, импульсов внутренней, иррациональной мотивации. Интуитивная природа эстетических переживаний делает искусство важнейшим средством такого познания. Шопенгауэр особенно подчеркивал роль поэзии и музыки, которые в наибольшей степени соприкасаются с мистическим миром трансцендентальной Воли, усиливают в человеке иррациональную эмоциональность, преодолевают его эгоистический утилитаризм. Но искусство не может в полной степени решить проблему освобождения от рабского подчинения Воле. Вершиной этого пути становится этика аскетизма и альтруизма.

Представление о противоречивости и динамичности мирового развития стало ключевым и для философской концепции Георга Вильгельма Фридриха Гегеля (1770 - 1831). Однако, в отличие от других представителей «критической философии», Гегель создал последовательно рациональную теорию. Он полагал, что противоположность мышления и бытия существует только в индивидуальном восприятии. По сути же, любой объект познания — это некая «логическая Идея», «Понятие», «чистое определение мысли». Гегель считал, что бытие того или иного объекта возможно лишь как актуализация соответствующей «Идеи», основанная на универсальной силлогистической формуле: «все существующее является индивидуальным, в котором сочетается всеобщее и единичное». Таким образом, «логическая Идея» представляет собой сущность любой вещи, а не результат ее осмысления человеком. Основу же познания составляет не исследование и систематизация отдельных свойств объекта, а усвоение его индивидуальности.

Занимая в вопросах онтологии объективно-идеалистическую позицию, Гегель предполагал, что и вся полнота действительности выражается неким Абсолютным духом, который сам 'Ке является и единственно подлинной реальностью. Высшей

формой развития Абсолюта следует признать абсолютное знание, которое исчерпывающе характеризует сущность бытия. Гегель считал, что самопознание Абсолютного духа, движение к абсолютному знанию и есть бытие Бога. Эта пантеистическая идея была тесно связана с лютеранскими особенностями миропонимания. С точки зрения Гегеля, Бог — это сама существующая реальность и, одновременно, высшая цель всего сущего. Такая мысль подводит к выводу о том, что вся история мира — вначале природного, а затем и человеческого, есть жизнь Бога.

Смысл мировой истории Гегель видел в саморазвитии Абсолютного духа. Основой этого процесса он считал диалектическое развитие конкретных Понятий, или Идей. Любая индивидуальность, по мысли Гегеля, существует как единство и борьба противоположностей — всеобщности и единичности. Поэтому развитие каждой Идеи «есть по существу процесс». Гегель полагал, что этот процесс проходит три универсальные стадии: утверждение идеи (тезис), отрицание этого утверждения (антитезис) и отрицание отрицания, т. е. снятие или преодоление противоречия при формировании нового утверждения (синтез). Таким образом, развитие представляет собой строго логичный и необходимый процесс самодвижения Идеи. Конечная цель такого развития, включающего в единую систему и природу, и человеческое общество — полное самопознание Абсолютного духа, окончательно снимающее все противоречия и создающее абсолютное тождество мышления и бытия.

Концепция Гегеля стала не только вершиной в развитии немецкой «критической философии». Привнесение принципов диалектики в теорию познания, рассмотрение противоречия как закона научного мышления позволили Гегелю выразить важнейшую мировоззренческую идею «эпохи модерна». Для него человеческое познание уже не сталкивалось с границей рационального и трансцендентального. Следуя строгой логике диалектических законов, человек оказывался способен познать саму сущность вещей, проникнуть в актуальное бытие Абсолюта и понять глубинные цели мирового развития. Парадокс противоречия утратил форму потустороннего чуда и превратился в необходимый принцип мышления. Этот вывод всецело соответствовал атмосфере революционных научных изысканий XIX столетия. Философия Гегеля стала блестящим выражением идеи всемогущества человеческого разума

в условиях строго закономерного и целесообразного мирового развития. Но объективно-идеалистическое обоснование этой мировоззренческой позиции вызвало яростную полемику среди последователей Гегеля.

Уже к 40-м гг. XIX вв. сложились два философских течения, получивших красноречивые названия «старогегельянцев» и «младогегельянцев». Представители первого из них — К. Розенкранц (1805-1879), Р. Гайм (1821-1901), К. Фишер (1824-1907) и др., протестовали против каких-либо попыток пересмотра основных положений гегелевской концепции и защищали идеал «чистого философствования», свободного от каких бы то было политических дискуссий. «Старогегельянцы» последовательно критиковали как постулаты трансцендентальной философии последователей Канта и Шопенгауэра, так и «спекулятивные» материалистические трактовки диалектики. Они отстаивали онтологическое значение идеи абсолютного знания, мыслящего и познающего самое себя. Это вело к своеобразному возрождению, а точнее «отрицанию отрицания» принципов метафизического мышления, толчок к которому дал сам Гегель.

Философское течение «младогегельянцев» было, напротив, чрезвычайно разнообразным по своему составу и концептуальным установкам. В нем выделялось ядро, образованное рядом немецких мыслителей в конце 1830-х гг. Отличительными чертами их творчества была яркая публицистичность, радикализм научной позиции, большое внимание к актуальным политическим проблемам. В широком смысле, к «младогегельянам» можно отнести целую плеяду европейских философов, которые, опираясь на идеи Гегеля, пытались придать им яркое мировоззренческое звучание, перенести принципы критического философствования на анализ современного общества. «Младогегельянцы» до предела сократили дистанцию между философией и политикой, философией и теологией, философией и этикой. В гегелевской всеобщей онтологии, выражающей сущность бытия через развертывание логических Идей, «младогегельянцы» увидели реальный инструмент для преобразования общества. Подобный подход, при всей разнице выдвигаемых конкретных постулатов, превратил их течение в знаковое явление интеллектуальной жизни второй трети XIX в., предвещающее бурные научно-мировоззренческие дискуссии рубежа веков.

Наиболее значимыми фигурами среди «младогегельянцев» были Л. Фейербах, М. Штирнер, К. Маркс, С. Кьеркегор. Людвиг Андреас Фейербах (1804 - 1872) выдвинул собственную версию «новой позитивной философии», отвергающей абстрактную идею тождества бытия и мышления. Фейербах доказывал, что основанием философствования может быть лишь «нечто конечное, определенное и действительное». Гегелевскую же идею Абсолюта он считал видоизмененной христианской теологией, которая основывается на бессмысленном определении конечного через бесконечное, определенного через неопределенное.

Фейербах рассматривал мир как органическую целостность, в центре которой находится человек — универсальный и высший предмет философского познания. Уникальность человека заключается в сложном взаимодействии его бытия и мышления, когда «дух при помощи сознания определяет свое тело, будучи уже сам бессознательно определен своим телом». Фейербах полагал, что чувственно-природная телесность человека выполняет в этой взаимосвязи фундаментальная роль — именно она является основанием воли человека, а следовательно служит одновременно и причиной, и следствием человеческого сознания. Но вместе с тем, человек обладает триединой сущностью, неразрывным единством разума, воли и сердца. Торжество этой сущности может преодолеть противостояние материального и трансцендентального, поостороннего и потустороннего и уподобить человека Богу. На основании этой идеи Фейербах делал вывод о начале постхристианской эпохи, когда религия должна смениться философией, а сама философия приобрести черты политики. Сущность человека, мысленно освобожденная от границ индивидуального бытия, превращается в предмет истинной веры и ключ к фундаментальному преобразованию общества.

Идею «человекобожия» развил Макс Штирнер (наст. имя — Иоганн Каспар Шмидт, 1806 - 1856). В своей книге «Единственный и его собственность» (1845) он утверждал, что человечество находится на пороге новой эпохи — третьей после «старого мира» и «нового мира». «Старый мир» — это торжество чувственной истины, выраженной в язычестве. С приходом христианства его сменил «новый мир», где сверхчувственной истинной стал Дух. Каждый человек с рождения испытывает влияние этих двух начал. Его жизнь происходит

в борьбе с окружающим миром, в ходе которой общество навязывает индивиду определенные идеи, принципы, нормы, т. е. институциональные выражения Духа. Штирнер доказывал, что грядущая эпоха готовит торжество подлинного «Я» в человеке. Освободившись от навязанных ограничений материального бытия и от призрачных идей законности, благочестия и нравственности, человек превращается в Единственного — субъекта, не участвующего в истории мира, а заключающего историю в самом себе.

Столь же яркий антропологический мотив был характерен и для философской концепции Карла Маркса (1818 - 1883). Однако, в отличие от большинства младогегельянцев, Маркс остался приверженцем строгой научной системности, присущей гегелевской философии. Он решительно отвергал любые попытки метафизической интерпретации гегелевских идей. Одновременно, Маркс критиковал Гегеля за абстрактность и идеализм его философских воззрений. Сам он был представителем радикального крыла «младогегельянцев», считавших диалектику не только высшим проявлением законов мышления, но и «действительными законами развития природы» (Ф. Энгельс). Это позволяет охарактеризовать философскую концепцию Маркса и его последователей как «диалектический материализм».

Материализм Маркса существенно отличался от воззрений позитивистов. Маркс считал, что любые процессы развития строго детерминированы объективными законами причинности. Но познание их не может быть основано на пассивном восприятии преемственности событий и фактов. По мысли Маркса, в познавательной деятельности человека связь материи и сознания утрачивает строго одностороннюю направленность. Мотивы человека определяются прежде всего чувственной сферой его жизни, но эмпирически воспринимаемый мир, в свою очередь, становится предметом осмысленной преобразующей деятельности человека. Таким образом, познание приобретает характер особого вида общественной практики, преобразующей как самого человека, так и окружающий мир.

Отказываясь от противопоставления гносеологических и онтологических проблем и подчеркивая деятельностную сущность познания, Маркс закреплял принцип историзма в восприятии мира и самого человека. На смену гегелевской Истории Абсолюта пришло представление об историческом значении общественной практики, т. е. активного влияния

субъекта на объект познания. Именно в законах общественной практики Маркс пытался увидеть наиболее полное выражение диалектических принципов развития. Ключевую роль в этом плане приобрело понятие «отчуждения».

Различные интерпретации понятия «отчуждения», как проявления распада сущности человеческой личности, предлагались многими «младогегельянцами». Так, например, Штирнер полагал, что отчуждение является результатом навязывание человеку общественных норм и правил, а деотчуждение, т. е. возрождение сущности человека, возможно благодаря его освобождению от этих коллективных условностей. Фейербах, напротив, говорил о самоотчуждении в результате неверного восприятия человеком собственной сущности, формирования у него неправомерного образа собственного «Я». Деотчуждение трактовалось Фейербахом как прогресс человеческого самопознания.

Маркс считал, что основанием отчуждения является «определение» человеческой деятельности — как духовной, так и материальной. Поэтому отчуждение и деотчуждение представляют собой не форму рефлексии человека, а реальные векторы развития общественных отношений. Концентрированное выражение отчуждения человека приобретает в его трудовой деятельности (как наиболее «опредмеченной»). Маркс полагал, что институт собственности и, в особенности, товарно-денежные отношения закрепляют не только отчуждение результатов труда, но и отчуждение самого человека от других людей. Тем самым, отчуждение деформирует социальную природу человека. В каждую историческую эпоху отчуждение приобретает специфические формы в зависимости от материальных условий деятельности человека. В буржуазном обществе оно достигает своего максимума. Преодолеть тенденцию отчуждения, а вместе с этим и восстановить социальную природу человека, по мысли Маркса, может революционная практика — изменение общественного строя, обусловленное необходимым уровнем развития материальных условий трудовой деятельности.

Идея революционной практики обусловила не только политический пафос марксизма, но и стала основанием его историко-материалистической философии. Маркс критиковал механистический материализм, исходивший из представления о фатальности причинно-следственной связи событий и отвергавший идею свободы воли, свободы выбора. Он считал, что

«О своей воле индивид действительно не может изменить действие объективных законов развития. Деятельность человека определяется прежде всего ее материальными условиями. Но социальная практика способна изменить эти условия. Таким образом, человек является не предметом истории, а ее активным творцом. По мысли Маркса, свобода выбора, в основе которой лежит осознание исторической необходимости, является ключевым фактором творческого преобразования общества, и степень ее возрастает по мере развития условий жизни и деятельности человека. Таким образом, познание само превращается в важнейший элемент социальной практики. «Философы до сих пор только объясняли мир, — писал Маркс, — а дело заключается в том, чтобы его изменить».

Особое место в истории «младогегельянства» занимает датский философ Серен Кьеркегор (1813 - 1855). Несмотря на достаточно активное участие Кьеркегора в полемике против Гегеля и Шеллинга, его творчество долгое время оставалось малоизвестным. Ситуация резко изменилась в начале XX столетия, когда Кьеркегор, уже посмертно, получил славу «отца экзистенциализма».

Кьеркегор считал, что послекантовская немецкая философия неправомерно ушла от решения ключевой проблемы — что есть действительное человеческое существование. Дилемма метафизического или диалектического обобщения картины мира, по его мнению, лишь усугубляет непонимание подлинной сущности человеческой жизни. Этот феномен не может быть познан ни через отождествление бытия и мышления, ни через их иерархическое структурирование. Кьеркегор делал акцент на «единичности» каждой человеческой жизни, ее уникальности и неповторимости, которые не могут являться результатом диалектического синтеза противоположностей.

По мысли Кьеркегора, сущность человека заключается в тех уникальных возможностях, которые обусловлены его духовной, а не материальной природой. И, поскольку проявление этой сущности предельно индивидуальны, то попытки применить к человеку любые видовые, обобщающие характеристики оказываются иллюзорными, «количественными». Кьеркегор доказывал, что «действительности вообще» не существует. Даже такое понятие как Бог не может служить исчерпывающей онтологической характеристикой. Бог, для Кьеркегора, то прежде всего парадокс, вызов, проблема, требующие от

человека сложного и подчас трагического жизненного выбора. Поэтому подлинная действительность человеческой жизни — это состояние неопределенности, господство случая, скрытое видимостью устойчивых внешних условий бытия.

Единичность человеческого существования Кьеркегор характеризовал через понятие «экзистенции» — потока индивидуальных, неповторимых моментов человеческой жизни. Экзистенциальный опыт является постоянным самоопределением человеческого существа, которое позволяет не только осознать собственную сущность, но и «сотворить самого себя», актуализировать собственную духовную природу, а значит и создать собственное действительное бытие.

Понятие экзистенциального выбора в концепции Кьеркегора тесно связано с его «теорией коммуникации». Кьеркегор предполагал, что существует три стадии человеческого существования — эстетическая, этическая и религиозная. Они являются не этапами развития человеческого существа, а тремя потенциально возможными жизненными установками. Эстет является пассивным наблюдателем, ориентированным на внешние проявления окружающей жизни. «Этический человек», напротив, обращен на себя, следует внутреннему нравственному долгу и сквозь призму его воспринимает происходящее вокруг. Религиозность определяется феноменом веры, которая раскрывает человеку истинный смысл существования. Религиозный человек, по мнению Кьеркегора, ощущает связь временного и вечного, понимает всю полноту ответственности за свою собственную жизнь.

Кьеркегор предполагал, что следование определенной жизненной установке не является результатом рационального или интуитивного выбора. В основе каждой из них лежит особая форма самопознания — «отношения к себе самому», тесно связанная с коммуникативным опытом человека. Эстетическая стадия предполагает непосредственную коммуникацию — восприятие информации без рефлексии. Рефлексивная коммуникация связана с осознанием получаемой информации. На основе ее у человека формируется целостная и рациональная картина окружающего мира, определяются этические ориентиры. Но таким путем человек может достичь лишь «объективной истины». Она является результатом констатации окружающей реальности и позволяет позиционировать человека во «внешнем» мире.

Подлинное самопознание возможно, по мысли Кьеркегора, только в случае «двойной рефлексивной коммуникации», или экзистенциальной рефлексии. Человек в этом случае осознает сам факт познания, соотносит его со своим самоощущением и, в результате, постигает то, что означает «быть человеком». Предметом такого познания является само состояние личности, а целью — утверждение собственной жизни как уникальной «единичности», раскрывающей временное в вечном. Так достигается «субъективная истина» — особое экзистенциальное качество самого человека, определяющее его собственное существование, ответственность за свою судьбу, «вовлеченность в самое себя».

В воззрениях Кьеркегора впервые были проявились важнейшие принципы особого стиля философствования, получившего название витализма («философии жизни»). Но заметным явлением в европейской культуре это направление станет лишь с конца XIX в. — на фоне нарастающего духовного кризиса европейского индустриального общества, формирования так называемого «кризисного сознания».

*«Метаполитические» идеологии XIX в.:
социальная философия и политические концепции*

На протяжении XIX в. в странах Запада произошла заметная идеологизация общественной жизни. Этот процесс был порожден обострением противоречий между «старыми» и «новыми» социальными группами, а также нарастанием классовых конфликтов уже в самой индустриальной системе. Усиление общественной роли социально-политической идеологии было тесно связано с демократизацией государственного управления, закреплением конституционной модели правоотношений, распространением республиканских институтов. Постепенное складывание открытой властвующей элиты радикально меняло формы политической коммуникации — повышало значимость общественно-политической публицистики и прессы, способствовало консолидации устойчивых политических группировок и формированию на их основе партий.

В XIX в. существенно изменились и мировоззренческие основы политической идеологии. Завершался распад религиозной и метафизической картины мира, нарастал кризис

связанной с нею этической системы. Элитарные философские концепции не могли заполнить образовавшуюся мировоззренческую нишу. И по мере того, как человеческая жизнь все больше перестраивалась по производственному принципу, а «деловая проза» начинала определять общепринятые мотивы поведения, возрастала роль новых идеологических проектов. Их характерной чертой стало возведение политических принципов в ранг мировоззренческой позиции и, одновременно, сведение духовных, ценностных проблем к вопросам политического выбора и социального противоборства. Рождалась своего рода «политическая религия» — «метаполитическая» идеология, призванная закрепить новую систему ценностных и поведенческих ориентации.

«Метаполитический» стиль мышления формировался в лоне позитивистской методологии и мировосприятия. Позитивизм привнес в политическую жизнь идеи научности, объективизма, утилитарности. Под его влиянием сформировалось стойкое убеждение, что идеологические концепции можно разделить на прогрессивные и реакционные, «исторически верные» и ошибочные. С первой категорией соотносились теории, «научно обоснованные», опирающиеся на анализ закономерных, каузальных в своей основе связей в развитии общества. Со второй — мировоззренческие системы, отрицающие идею социального прогресса и ориентирующиеся на сакральные принципы общественного устройства.

Важнейшим компонентом идеологических концепций позитивистского типа являлся исторический прогноз, основанный на представлениях о закономерном развитии общества. В рамках его обосновывалась идея всеобщего социального и мировоззренческого переворота, детерминированного строгими законами прогресса. В трактовке грядущих перемен различные идеологические направления существенно различались, но единым для них оставалось представление об универсальности принципов общественного развития, второстепенной значимости этнонациональной, конфессиональной, культурной специфики отдельных стран и регионов. Как следствие, идеологии позитивистского типа приобретали ярко выраженный мобилизационный и даже революционный характер. Они утверждали не столько важность той или иной модели политического управления, сколько необходимость торжества определенного образа жизни. Характерный для них пафос исторического

оптимизма порождал крайнюю безапелляционность, бескомпромиссность и жесткость в решении вопроса о социальных издержках общественного прогресса.

В классическом варианте черты идеологии позитивистского типа оказались присущи концепциям либерализма и научного социализма. Они отличались механистическими представлениями о социальном порядке, идеями договорной природы власти и гражданского сообщества, правового формализма и классовой обусловленности государственной организации. Это придавало классическим концепциям либерализма и социализма черты своеобразной «социальной инженерии», учений о целесообразном преобразовании общества с помощью все более «правильного» его устройства.

Доктрины либерализма и социализма отразили мировоззренческие ориентиры ведущих социальных групп индустриального общества. Для них была характерна апелляция к принципу народного суверенитета и идее демократии, как единственно легитимной модели политико-правового устройства. При этом торжество демократии рассматривалось как условие для решения еще более важной задачи — создания подлинно свободного общества. Категория «свободы» приобрела уже не только политический, но и социальный смысл. Свобода трактовалась как безусловное общее благо и залог социальной справедливости, а освобождение — как основной ориентир общественного прогресса. Но понимание природы и источников социальной справедливости, упование на индивидуалистическое или коллективистское начало общественной жизни, связанные с этим модели «освобождения» общества решительно размежевывали либеральную и социалистическую традицию общественной мысли.

Термин «либерализм» впервые был употреблен в 1810 г. в Испании — стране, которая не была ни оплотом, ни родиной, ни даже сколько-нибудь влиятельной или заметной выразительницей либеральных идей. «Либералами» в Испании называли группу делегатов-националистов в испанском парламенте, заседавших в Кадисе. Позднее этот термин вошел в английский и французский, и вслед за ними и почти во все европейские языки. Вместе с тем, многие теоретические положения либеральной доктрины разрабатывались в европейской политической и правовой мысли еще в XVII-XVIII вв. Идеологическая система классического либерализма вобрала

в себе широкий комплекс положений, интегрирующих экономические, социальные, политические, правовые, культурные аспекты модернизации в единую цивилизационную парадигму. Либерализм превратился в мировоззренческий символ индустриального общества и сформировал базовые ориентиры его развития. Ключевые принципы либеральной идеологии были сформулированы уже в период разработки американской конституции 1787 г., а также в годы Великой Французской революции.

Основу либеральной социальной философии составило представление о самоценности автономной личности и, как следствие, о безусловном преобладании индивидуального начала в общественной жизни. Человек, являющийся полноценной личностью уже в силу своего рождения, обладает правом полностью распоряжаться собственной судьбой, самостоятельно избирать ориентиры жизнедеятельности, пути реализации своих желаний и стремлений. Свобода личности как выражение естественных индивидуальных прав и равенство людей в естественном праве каждого на свободу стали ключевыми принципами либерально-демократической ценностной системы. В «Декларации прав человека и гражданина» 1789 г. было провозглашено: «Целью всякого политического объединения является сохранение естественных неотъемлемых прав человека. Эти права суть свобода, собственность, безопасность и сопротивление угнетению».

Категория свободы в классической либеральной традиции воспринималась сквозь призму проблемы освобождения, эмансипации личности в условиях распада феодального общества. Процесс модернизации включал в себя, помимо созидания нового общественного порядка, непримиримую борьбу против устоев предыдущего. Тем самым, складывались основы особого негативного понимания свободы как «свободы от» — от диктата общества, искусственных, навязанных извне ценностей, внешних ограничений. Свобода воспринималась не как средство обеспечения определенного социального устройства, а как самоцель. Образовалась устойчивая психологическая установка на неограниченность преодоления состояния не-свободы, абсолютизацию этой ценностной категории. Символом такой модели общественных отношений стал принцип «laissez faire» («позвольте делать») — представление о том, что социальное творчество освобожденного человека и естественный, нерегла-

ментированный ход общественного развития могут наилучшим образом решить практически все проблемы, стоящие перед человечеством.

Для политической программы классического либерализма были характерны отрицание деспотизма и произвола, борьба за утверждение конституционных норм, парламентского строя, ограничение функций государства в экономической жизни, постепенное расширение списка свобод и прав личности. При этом считалось, что эти изменения должны быть достигнуты эволюционным путем, без давления со стороны «толпы» и даже без ввода всеобщего избирательного права. Идеалом считался строй цензовой демократии, где принцип суверенитета народа являлся скорее общей декларацией, нежели реальным основанием для организации государственной жизни. Провозглашая народ источником власти, либералы рассматривали в качестве суверена скорее корпус избирателей — активных граждан, обладающих необходимым правовым статусом для участия в государственной жизни.

Настороженное отношение либералов к идее всеобщего избирательного права и длительное сохранение цензовых ограничений в соответствующей области конституционного права диктовалось уверенностью в том, что эффективно участвовать в общественной жизни может лишь человек, способный принимать ответственные решения, обладающий в силу своей достаточной образованности необходимой политической грамотностью, в силу оседлости — интегрированный в реальные социальные структуры, в силу устойчивого материального достатка — имеющий конкретные личные интересы и не склонный к опасному для общества радикализму. Однако по мере углубления процесса модернизации, роста уровня жизни и образованности, стабилизации индустриальной социальной структуры былая элитарность либеральной государственности теряла смысл. На протяжении второй половины XIX — первой половины XX в. разворачивался процесс политической эмансипации все новых и новых социальных слоев, непосредственного включения их в общественно-политическую жизнь. В результате серии реформ в странах либеральной конституционной модели было введено всеобщее избирательное право. Но, с точки зрения правовой доктрины и правовой психологии, гражданская элитарность не утратила своего значения. Материальное право участвовать в решении государственных дел с

либеральной точки зрения имеют прежде всего люди, своими достижениями, достатком, образованностью доказывающие личную заинтересованность в защите свободы и независимости человека, его права на самостоятельный выбор.

Социально-исторические и национально-культурные особенности ведущих стран Запада предопределили развитие классического либерализма в двух направлениях. Первое из них было представлено англо-американскими политическими мыслителями, в воззрениях которых особую роль играли идеи контрактной, договорной основы гражданских взаимоотношений, приоритетной роли частной собственности и принципа фритредерства (свободной торговли), конституционализма и либеральной демократии. Достаточно быстро в русле англо-американской либеральной традиции обособилось два крыла — ультралиберальное и реформистское. С их противостоянием будет сопряжено развитие либеральной идеологии уже на рубеже XIX-XX вв. Второе направление классической либеральной традиции сложилось в континентальных странах Западной Европы. Его объединяющим началом послужил протест против любых форм экономического, политического, духовного авторитаризма. При этом, если во Франции и Германии либерализм приобрел преимущественно умеренные и доктринарские формы, то в странах Южной Европы он оказался тесно связан с идеологией национальной консолидации и даже революционным движением.

Развитие английской политической мысли в первой половине XIX в. особенно ярко продемонстрировало связь либерализма с позитивистскими принципами научного мышления. Для английской интеллектуальной элиты этого времени было характерно стремление к формулировке так называемых «железных законов», т. е. абсолютно объективных и универсальных принципов общественного развития. Особенно большой резонанс вызвала попытка Томаса Мальтуса (1766-1834) обосновать «железный закон» народонаселения. Он доказывал, что в естественных условиях народонаселение возрастает в геометрической прогрессии, в то время как производство продуктов питания увеличивается только в арифметической прогрессии. В итоге складывается катастрофическая ситуация, отражающаяся и в социальной, и в политической сфере. Ответственность за нарастающий хаос Мальтус возлагал на трудящиеся массы, которые производят потомство, не сообразуясь со

своими материальными возможностями. Он пропагандировал идею ограничения роста народонаселения путем сокращения государственной помощи бедным семьям.

Мальтусовская теория оказала сильнейшее воздействие на одного из ведущих британских экономистов начала XIX в. Давида Рикардо (1772-1823). В книге «Принципы политической экономии и налогообложения» (1817) он сформулировал «железный» закон заработной платы рабочих. Согласно теории Рикардо, существует жесткое и объективное ограничение роста заработной платы. В случае его превышения неизбежно следует быстрый рост потомства рабочих и превышение предложения на рынке труда по сравнению с реальным спросом на рабочую силу. Неизбежное в таких условиях снижение заработной платы ведет к уменьшению жизненных средств и падению рождаемости до ее «естественного» уровня. На основе этой закономерности Рикардо делал вывод о тщетности борьбы рабочих за увеличение заработной платы или попыток государства каким-либо образом регулировать ее. Единственным рычагом определения уровня заработной платы, по его мнению, может быть только свободный рынок.

Проблема либерализации продовольственного рынка вызвала в Великобритании острую общественную дискуссию. Противники усиления государственного контроля над экономикой объединились в 1839 г. в «Лигу борьбы против хлебных законов». Ее лидерами стали манчестерские предприниматели во главе с Ричардом Кобденом и Джоном Брайтом. Лига сыграла важную роль в оформлении ультралиберального направления английской либеральной политической мысли — «манчестерского либерализма». В 40-х гг. XIX в. на этой идеологической платформе произошло формирование Либеральной партии, в состав которой, помимо виггов и манчестерцев, вошла и группировка тори во главе с Р. Пилем.

«Манчестерский либерализм» стал выражением индивидуалистической этики, перевоплощения идеала духовной свободы в принцип материальной независимости, превращением конкурентной борьбы в основу социальных отношений. Его идеи во многом перекликались с теорией Д. Рикардо, получившего репутацию отца-основателя нового идеологического направления. Манчестерцы считали, что залогом национального процветания и решения социальных проблем может стать лишь Развитие свободной экономики, освобожденной от таможенных

барьеров, государственной регламентации и вмешательства корпоративных сообществ. В частности, они настаивали и на запрете рабочих профсоюзов, как организаций монополистического типа. Манчестерцы призывали к тому, чтобы отношения рабочих и предпринимателей строились лишь на индивидуальных контрактах. Свобода продажи труда, равно как и свобода торговли рассматривалась ими как важнейшая основа «естественной конкуренции».

Новый этап в развитии ультралиберальной идеологии был связан с творчеством лидера английского позитивизма Герберта Спенсера. Его концепция общественного прогресса была частью общей теории эволюции, основанной на идее адаптации развивающихся систем к внешней среде за счет дифференциации и специализации их внутренних элементов. В качестве среды, как фактора эволюции человечества, Спенсер рассматривал и природу (особенности климата, почвы), и естественные, биологические особенности человека. По мере развития общества к этим «внешним факторам» добавляются «внутренние» — скоординированная деятельность многих индивидов, приобретающая со временем устойчивые коллективные формы, а затем и институциональную структуру. Тем самым, естественный порядок дополняется социальным.

Спенсер полагал, что многообразие человеческих мотивов и поступков в сочетании с быстрым ростом численности населения ведут к быстрому усложнению общественной жизни. Как и в любой системе, нарастание внутренней гетерогенности могло бы стать угрозой для общества, если бы не срабатывал универсальный закон естественного отбора. В ходе его из многообразия социальных элементов и культурных черт закрепляются наиболее эффективные с точки зрения устойчивости всей общественной системы и ее адаптированности к внешней среде. Таким образом, естественный отбор становится одновременно основой как поступательного развития общества, так и выживания наиболее приспособленных, дееспособных индивидов.

Впоследствии теория социального развития, основанного на естественном отборе в ходе свободной конкуренции индивидов, получила название социал-дарвинизма (хотя соответствующие идеи Спенсер начал высказывать еще за десять лет до появления известного труда Чарльза Дарвина «Происхождение видов»). В социал-дарвинизме прослеживается явное влияние

цальтусовских идей. Но Спенсер видел в естественном отборе не столько механизм тотальной борьбы всех против всех, в которой выживает сильнейший, сколько модель эволюции единого социального организма, позволяющую добиться эффективной интеграции всех элементов общества и унаследовать устойчивые структурные соотношения между ними. С его точки зрения, лишь на индивидуальном (локальном) уровне преобладающим началом общественной жизни является конкурентная борьба. Системная же эволюция общества происходит по пути гармонизации все более многообразных социальных элементов. Поэтому Спенсер подчеркивал, что наилучшим средством адаптации человека к общественным требованиям является не борьба с себе подобными, а следование определенным образцам поведения.

Спенсер считал, что задачу по выработке общепризнанных норм выполняют общественные институты — семейные, обрядовые, политические, церковные, профессиональные. Под институтами он понимал «надорганические формы деятельности», способные привести в жизнь общества принципы сотрудничества и эффективной координации. Спенсер принципиально отказывался видеть в этих формах результат рациональной и целенаправленной деятельности людей и рассматривал социальные институты как элементы естественного порядка, спонтанно возникающие в ходе эволюции. Их задачи определяются не доминирующими человеческими мотивами, а системными функциями самих институтов, порядком их взаимодействия с другими институтами общества.

Социальная теория Спенсера подводила к выводу о неестественности и неэффективности любого «управляемого» социального порядка, о спонтанности прогресса и невозможности соотносить его результаты с той или иной этической, ценностной или метафизической системой. «Никакое учение и никакая политика не могут ускорить процесс социального развития», — писал Спенсер. Применительно к теории государства он ввел понятие «негативного регулирования» — единственно присущей государству полицейской функции наказания зла, ибо «сам человек может достичь большего, нежели ему способно предложить государство». В подобной трактовке социал-дарвинизм тесно смыкался с принципами манчестерского либерализма и становился важным компонентом идеологии «laissez faire». Однако теория Спенсера впервые

соединяла классические постулаты либерализма с идеей органической эволюции общества, преодолевала жесткий пафос прогрессизма и закрепляла весьма скептическое отношение к рациональности человеческой природы и разумности социального порядка. На рубеже XIX-XX вв. на этой основе начнется синтез ультралиберальной и консервативной идеологии, а в дальнейшем оформление особого направления социально-политической мысли — либертаризма.

В формировании более умеренного течения английской либеральной мысли решающую также роль сыграли теоретики позитивизма — И. Бентам, Д. С. Милль, Д. Остин. В утилитаристской концепции Иеремии Бентама «принцип полезности» рассматривался как единственное «позитивное» основание социальных институтов и традиций. Бентам отмечал, что целесообразность социального поведения отнюдь не противоречит его этическим основаниям. «Под принципом полезности, — писал он, — понимается принцип, одобряющий или не одобряющий любое действие в зависимости от того, увеличивает оно счастье или уменьшает его». При этом, по мнению Бентама, смысл для человека имеет лишь само удовольствие, но не его источник. Его известный афоризм гласил: «При равенстве количества удовольствия канцелярская кнопка ничуть не хуже поэзии».

Сущность человеческого поведения Бентам усматривал в максимизации положительных ощущений за счет увеличения удовольствий и уменьшения боли. Это делает оправданным индивидуальное право на максимальную свободу и суверенитет в пределах общества. Однако Бентам полагал, что эгоизм является значительно менее эффективным основанием для обеспечения собственного счастья, нежели альтруизм. Причина заключается в специфике тесного взаимодействия членов общества, когда конфликтность и несправедливость рано или поздно привносят зло и страдания в жизнь каждого человека. Поэтому наиболее полезным принципом общественной жизни Бентам считал обеспечение «наибольшего блага для наибольшего числа людей». Решающую роль в обеспечении «максимального блага» Бентам отводил государству. В своем последнем фундаментальном труде «Конституционный кодекс» (1830) он подробно проанализировал природу государственных учреждений и выдвинул развернутый проект демократического реформирования всей властной системы. В экономических вопросах Бентам оставался приверженцем принципа «laissez

faire», но выступал и за проведение социальных реформ в пользу среднего класса.

Джон Стюарт Милль привнес в социально-политическую концепцию утилитаризма идеи строгой причинности и историзма. Он жестко критиковал саму идею каких-либо «врожденных» или априорных идей, «морального чувства» или самодостаточных чувственных ощущений. Для Милля культурный опыт человечества представлял собой прежде всего систему упорядочивания многообразных ощущений и знаний. Но Милль отказывался видеть в системности движущую силу исторической эволюции. «Прогресс содержит в себе Порядок, но Порядок не содержит в себе Прогресс», — писал он. Подлинной основой развития общества Милль считал свободное стремление человека к собственному счастью, независимость и защищенность индивида от навязанных целей и норм. В трактате «О свободе» (1859) Милль ярко обосновал самоценность и неограниченность прав на свободу слова, печати, манифестаций. Подобно многим либералам он выступал и в поддержку неограниченного характера частной собственности.

Отстаивая суверенность индивидуальных прав индивида в духовной и экономической сфере, Милль не считал общество лишь совокупностью индивидов. Он доказывал, что социальный порядок связан с объединением различных категорий людей в группы, чьи классовые интересы оказывают важнейшее влияние на политическую жизнь и деятельность государства. Поэтому оптимальный общественный порядок, по мнению Милля, должен быть связан не с выбором той или иной политической программы, а с обеспечением широкого представительства различных классов в государственной системе власти. Милль признавал, что не все социальные группы в равной степени готовы к такой роли. Но он считал, что демократизация избирательного права в интересах среднего класса и развитие профсоюзного движения рабочих могут существенно изменить сам характер общественных отношений — открыть путь согласованию социальных интересов и обеспечению на этой основе «равных прав каждого человека на средства к достижению счастья».

С деятельностью Джона Остина (1790 - 1859) связано возникновение юридического направления английского позитивизма. Разделяя многие идеи утилитаристов и выступая Рим сторонником экономической концепции «laissez faire»,

Остин выдвинул совершенно иную государственно-правовую концепцию. Он считал, что, говоря о «праве в собственном смысле», не следует соотносить его ни с историческим развитием общества, ни с моральными принципами. «Позитивное», т. е. «подлинное» право для Остина — это нормативные правила, установленные суверенной властью и гарантированные государственными санкциями. Отмечая важную роль народа в политической жизни, Остин не разделял идею народного суверенитета и в качестве суверена рассматривал только саму государственную власть. Выбор формы правления, по его мнению, должен определяться исключительно функциональными задачами — формированием стабильной и эффективной власти, способной обеспечить устойчивым правопорядок. Неотъемлемой частью этой системы Остин считал и судебную власть.

В США зарождение либеральной традиции было тесно связано с развитием национально-освободительного движения и процессом конституционного строительства. Как следствие, американский либерализм изначально приобрел черты не столько социальной философии, сколько прагматичной политической программы. Лидеры федералистов Александр Гамильтон (1757-1804), Джон Адамс (1735-1826), Джеймс Мэдисон (1751-1836) разделяли идеи классического либерализма, с присущими ему элитарностью и утилитаризмом. В начале XIX в. на этой идеологической платформе произошла консолидация партии вигов. Политические воззрения ее лидера и блестящего оратора Генри Клея получили название «американской системы». Клей отстаивал идеи либерального конституционализма и цензовой демократии, сочетания фри-тредерской политики на внутреннем рынке с внешнеэкономическим протекционизмом, «твердого индивидуализма» в сфере общественной морали и национальной идеологии.

Основу демократического направления американской либеральной мысли составили воззрения Бенджамина Франклина (1706-1790), Томаса Пейна (1737-1809), Томаса Джефферсона (1743-1826). В XIX в. их идеи получили развитие в программных установках Демократической партии. Ключевую роль в их разработку сыграли юрист Эндрю Джексон (1767-1845), занимавший пост президент в 1829-1837 гг., и историк Джордж Банкрофт (1800-1891). Они разработали концепцию «чистой демократии», впоследствии получившую название «джексо-

явской». Демократия рассматривалась в ней как полномасштабная реализация принципа народного самоуправления. Коллективная воля народа, отраженная в его политическом выборе и национальном самосознании, считалась демократами главенствующим фактором общественной жизни. Расширение индивидуальных прав тесно увязывалось с обеспечением реального равенства в возможностях их использования. Джексон считал возможным даже говорить о разумном ограничении свобод. «Отдельные люди должны пожертвовать часть свобод для сохранения ее в целом», — заявил он в инаугурационной речи. В то же время в социально-экономической сфере американские демократы по-прежнему исходили из принципа «laissez faire». В вопросах государственно-политического управления они занимали столь же радикальную антиэтатистскую позицию, как и федералисты. Символом ее стали знаменитая формула Томаса Пейна: «Правительство в лучшем случае — это необходимое зло, поэтому общество должно требовать от него минимального вмешательства в свои дела».

Континентально-европейская либеральная традиция формировалась в совершенно иных условиях, нежели англо-американская. Ключевое значение приобрел тот факт, что в этих странах столкновение Старого Порядка и новых общественных сил носило антагонистический характер. Относительная прочность традиционных политико-правовых и социальных структур, укорененность патриархальной этики отсрочили и осложнили процесс модернизации общества. И поэтому последняя волна буржуазных революций происходила здесь уже в XIX в., на фоне завершения промышленного переворота и формирования нового комплекса классовых противоречий. В условиях сложного переплетения политических и социальных конфликтов, на фоне радикальной ломки политического пространства и поляризации общественного сознания либеральная общественная мысль приобретала теоретизированный, Доктринерский характер. На протяжении почти всего столетия европейский классический либерализм выполнял функцию не столько прагматичной политической программы, сколько мировоззренческого, духовного ориентира.

Становление французской либеральной традиции происходило в эпоху Великой революции конца XVIII в. Ее концептуальные основы отразили органическое единство и одновременно фатальное столкновение идей «свободы» и «равенства».

Революционный террор, триумф и поражение бонапартизма, реакционная волна в годы Реставрации оттеснили либеральную мысль на периферию политической жизни страны. Первое постреволюционное поколение французских либералов столкнулось с необходимостью целостного, концептуального обоснования своих воззрений.

Классические постулаты французского либерализма нашли наиболее полное отражение в работах публициста Бенжамена Констан (1767 - 1830). Его концепция основывалась на «негативной» трактовке свободы, как проявления независимости и суверенитета личности, безусловных прав каждого человека на защиту от произвола и любого давления. «Свобода означает право каждого индивида подчиняться только законам, — писал Констан, — Свобода означает также право каждого выражать свое мнение, выбирать себе профессию, обладать собственностью, менять свое место жительства без получения на это какого-либо разрешения». Констан считал важным проявлением гражданской свободы «право каждого индивида влиять на управление государством — либо посредством выбора должностных лиц, либо посредством внесения протестов, петиций и требований». Однако он отрицал концепцию «общественного договора» руссоистов и доказывал, что идея народовластия и любые формы всеобщего голосования служат деспотизму государства или толпы.

Идеалом Констан была элитарная республика или конституционная монархия, где главенствовал бы слой независимых, материально обеспеченных и образованных граждан. Наиболее совершенным государственным устройством Констан считал «пятизвенную» систему разделения властей — жесткое конституционное закрепление компетенции королевской власти (как гаранта национального единства и верховного арбитра), органов исполнительной и судебной власти, а также двух ветвей представительной власти — постоянной палаты, основанной на наследственных правах элиты, и «нижней палаты», избираемой гражданами в ходе прямых, цензовых выборов. Кроме того, Констан отмечал особую важность муниципальных органов для обеспечения последовательной децентрализации государственной власти.

Французская либеральная мысль эпохи Реставрации была представлена небольшой, но влиятельной группой сторонников конституционной монархии. Ее участники — П. Руайе-Коллар,

ф. Гизо, Ш. Ремюза, Л.-В. де Бройль, К. Жордан, получили прозвище доктринеров за пристрастие к наукообразной форме изложения своих речей. Своей основной задачей они считали примирение старой и новой Франции, поиск эффективного синтеза идей конституционализма и роялизма. «Я хотел доказать, — вспоминал Франсуа Гизо, — что усилия, употребленные нашим временем к установлению в государстве политической свободы и ее гарантий, не заключали в себе ничего нового... Я хотел, служа интересам современного общества, пробудить в нем справедливость и сочувствие к нашим нравам, к тому старинному французскому обществу, которое на протяжении пятнадцати столетий трудолюбиво и славно собирало для нас доставшееся нам наследство цивилизации».

Либералы-доктринеры разработали умеренную политическую программу, основанную на идеях цензовой избирательной модели, демократической реорганизации армии, закреплении свободы печати и независимости суда присяжных, введения в департаментах местного самоуправления. Общей целью государственной политики они считали обеспечение «справедливости в социальном порядке и свободы в порядке политическом; соблюдение личных прав всех граждан и эффективное вмешательство всей нации в управление государством; справедливое общество и свободное правительство» (Ф. Гизо). При этом «справедливость» понималась только как установление равенства граждан перед законом. Предполагалось, что юридическое равенство является таким же природным, как и социальное неравенство, отражающее различие способностей и талантов отдельных людей. Гизо называл социальное неравенство результатом естественного вознаграждения за личные заслуги и труд, а потому «одной из самых могущественных причин, которые притягивают людей друг к другу, делают их необходимыми друг для друга, и, таким образом, формируют общество».

После Июльской революции 1830 г. в русле французской Умеренно-либеральной традиции сложилась доктрина орлеанизма (по названию политического лагеря орлеанистов — сторонников короля Луи Филиппа Орлеанского). Орлеанизм стал ярко выраженной идеологией «новой аристократии» — ноблей, представителей финансовой и деловой элиты страны. Девизом орлеанистов были понятия «свобода» и «порядок». Свобода рассматривалась ими прежде всего как характери-

стика политической и духовной жизни общества. Торжество орлеанизма привело к формированию в обществе уникальной атмосферы философских, религиозных, мировоззренческих дискуссий. Но в социальном плане орлеанизм прочно ассоциировался с победой «партии собственности», торжеством элитарных принципов общественной жизни. «Порядок» означал для орлеанистов отказ от крайностей революционного радикализма и ультрароялизма, защищенность от бунтарства толпы и политических притязаний родовой аристократии. Многие черты орлеанизма были возрождены уже в конце XIX в. политическим режимом Третьей республики.

Особое место в истории французской либеральной мысли XIX в. занимает Алексис де Токвиль (1805 - 1859). В отличие от орлеанистов, он считал невозможным сочетание исторических традиций Франции и плодов Великой революции. В своих трудах «О демократии в Америке» (1835) и «Старый порядок и революция» (1857) Токвиль представил развернутый анализ процесса политической модернизации. Одним из первых среди либеральных мыслителей он обратил внимание на конструктивное значение демократизации общественной жизни. Токвиль считал, что демократия уже не означает тождество анархии и экстремизма революционной толпы. По мере разрушения сословного порядка и глубоких изменений в общественном сознании происходит создание совершенно новой системы властных отношений, основанной на гражданском равноправии и все более широком представительстве народных интересов. Токвиль называл этот процесс «демократическим переворотом», глобальной революцией без революционного насилия. Но он с тревогой сетовал на опасности грядущего демократического порядка, видел в нем угрозу для духовной свободы и независимости личности. Токвиль предсказывал рождение совершенно нового типа деспотии — «именем народного большинства».

В Германии возникновение социальной базы либерального мировоззрения было затруднено в связи с политической раздробленностью страны и неравномерной динамикой экономической модернизации. В то же время бурное развитие немецкой культуры в первой половине XIX в., взлет позднего немецкого Просвещения и мощного интеллектуального течения трансцендентально-критической философии создали уникальные условия для формирования самобытной прогрессистской идеологии

и глубокого осмысления ключевых проблем либерализма. Первый шаг в этом направлении сделал Иммануил Кант, в трудах которого категория «свободы» стала одной из центральных.

Кант рассматривал свободу человека прежде всего как основание морального выбора, следование «категорическому императиву» нравственного долга. Он предложил разъяснение «закона нравственной свободы» через две формулы: «поступай так, чтобы максима твоего поступка могла стать всеобщим законом» и «поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству». При этом, источником нравственной свободы Кант считал «практический разум» и жестко отделял сферу морали от всего мира действительности — природной и социальной. Тем самым, категория свободы оказывалась связана исключительно с этическим самоопределением, внутренней волей человека.

В контексте кантовской идеалистической философии такое субъективистское решение проблемы свободы было вполне логичным. Но в социальном плане оно позволяло делать совершенно противоположные выводы. Рассматривая действие «закона нравственной свободы» в качестве проявления индивидуалистического волевого начала, можно было доказывать все более полное обособление личности от общества. Если же под «категорическим императивом» понимать универсальные и надличностные по своему характеру нормы, то можно было прийти к выводу о движении общества к все более прочному единству на основе такой «предписывающей нравственности». В трудах Канта не предлагается однозначное решение этой дилеммы. Более того, в поздних работах Кант четко различает понятия внутреннего, нравственного и внешнего, общественного долга («моральности» и «легальности»). Если мораль основывается на внутренних побуждениях «практического разума», то общественное поведение человека определяется правом, т. е. принуждением со стороны общества.

Кант считал, что мораль и право могут быть взаимосвязаны, если выполнение человеком нравственных и юридических обязанностей совпадает во внешних результатах. В этом случае общественное принуждение оказывается не обязательным, а сфера права превращается в новое поприще «категорического императива». Подобная идея и стала основой кантовской Концепции государства. В решении вопроса о происхождении

государства Кант придерживался теории общественного договора, но в весьма оригинальной трактовке. Он полагал, что свои практические потребности люди наилучшим образом реализуют в естественно-правовом состоянии. Гражданский союз заключается именно тогда, когда люди начинают следовать нравственному долгу. Таким образом, государство появляется в силу закона разума, как чистое отражение идеи единства. И задачей государственной власти является не обеспечение счастья людей, а гарантирование возможности для индивида следовать «категорическому императиву» нравственной свободы.

Этическая концепция государства обусловила и специфическое решение Кантом проблемы народного суверенитета. Он считал, что основанием государственной жизни является гражданская свобода — «право не повиноваться никакому другому закону, кроме того, на который гражданин дал согласие». Но Кант отрицал непосредственное народовластие. Он предполагал лишь главенствующую роль гражданского сообщества в конституционном оформлении государства и видел в ней скорее нравственный выбор, а не формально-юридическое решение. В остальном Кант предпочитал говорить о суверенитете самой власти и, прежде всего, о прочности и ключевой значимости правовой основы государства, о закреплении ее с помощью системы разделения властей. Эти воззрения Канта стали одной из ранних вариаций концепции правового государства.

Для дальнейшего развития идеи правового государства важное значение имело обособление двух направлений в Позднем немецком Просвещении, связанное с деятельностью В. фон Гумбольдта и И. Гердера. Работы антрополога и лингвиста Вильгельма фон Гумбольдта (1767-1835) дали толчок для формирования немецкого варианта классической либеральной идеологии. Подобно Канту, Гумбольдт считал, что государство не призвано обеспечивать счастье граждан. Но он не усматривал в политической власти или праве какой-либо нравственной ценности. Гумбольдт рассматривал государство как «подчиненное средство, в пользу которого нельзя жертвовать истинной целью — человеком». Предназначение публичной власти и закона он видел во всемерной защите свободы человека, но подчеркивал, что естественные права индивида и институты гражданского общества решают эту задачу лучше, чем самое совершенное государство. Индивидуальность Гумбольдт считал ключевым фактором общественной жизни, а выражающее ее

естественное право — более значимым, нежели установленные государством «положительные» законы.

Среди последователей либеральных идей Гумбольдта было немного ярких идеологов. Большинство из них — в том числе Карл фон Роттек (1775-1840) и Карл-Теодор Велькер (1790-1869), являлись участниками оппозиционного движения интеллигенции в Юго-Западной Германии, не сыгравшего значительной роли в судьбе страны. Более заметный след оставило национально-историческое направление немецкой общественной мысли первой половины XIX в., толчок к формированию которого дали воззрения ученика и оппонента Канта Иоганна Готфрида Гердера (1744-1803).

Гердер был одним из немногих европейских просветителей, отрицавших европоцентристскую теорию общественного процесса. Он считал, что общественное развитие носит органический характер, обусловленный заложенным в душе и природе человека стремлением к гуманности. При этом влияние культурно-географической среды и исторических традиций придает каждому народу свою уникальную специфику. Гердер с большим недоверием относился к идее упорядочивающей роли государственной власти, но не придавал большого значения и общественной роли индивидуалистического начала. Основным продуктом и субъектом истории он считал нации — языковые, культурные общности, олицетворением которых являются особые ценностно-мировоззренческие системы, своего рода «народный дух».

Представление о культурно-историческом единстве нации стало ключевым для мировоззрения романтизма, превратившегося в первой половине XIX в. в ведущее движение немецкой интеллектуальной элиты. Идея «народного духа» оказала большое влияние на исторические взгляды Фридриха Шиллера (1759-1805) и Иоганна Гете (1749-1832), позднее — на философско-публицистическое творчество композитора Рихарда Вагнера (1813-1883). Среди крупнейших философов Германии идеи прогрессистского национализма особенно ярко проявились в творчестве Иоганна Фихте. Он не разделял этическую концепцию государства и права. Фихте полагал, что в основе общественной жизни лежат разумные взаимоотношения людей, стремящихся к личной свободе. Разум предопределяет и Движение людей к государственному объединению. Встав на этот путь, гражданское сообщество превращается, по мысли Фихте, в своего рода коллективную личность — нацию, стремя-

щуюся как и отдельный индивид к свободе и самореализации. По мере исторического развития государство также приобретает ярко выраженный национальный характер. Это означает, что государство утрачивает самоценность и становится средством для решения главной задачи нации — «сохранять свою специфику и самостоятельность, передавать в себе это по традиции, действуя с такой серьезностью, будто от нее одной зависит святость человечества».

В ином ключе теория национальной государственности была разработана представителями «исторической школы права» — профессором из Геттингена Густавом Гуго (1764 - 1844), преподавателями Берлинского университета Фридрихом Карлом Савиньи (1779 - 1861) и Фридрихом Пухтой (1798 - 1846). В их трудах утверждалась идея исторической самобытности права, нравственности, языка, культуры каждого народа, которая являлась результатом развертывания изначальной сущности нации, а не рационального соглашения или борьбы за свободу. На этой основе родоначальник «исторической школы» Г. Гуго решительно отверг понятие естественных прав индивида, как прирожденных и не обусловленных принадлежностью к определенному сообществу, а также теорию договорного происхождения государства.

Ф.К. Савиньи и Ф. Пухта окончательно сформулировали представление о «национальном духе» как источнике органического развития государственности и права. Под «национальным духом» они понимали необъяснимый в рациональных категориях и неразложимый на составные элементы феномен, имеющий конкретно-историческое происхождение. Проявлением же «национального духа» они считали «общее убеждение» народа, «одинаковое чувство внутренней необходимости» того или иного выбора, которое с течением времени закрепляется в культурных традициях, нравственных и правовых нормах. Представители «исторической школы» полагали, что существуют и общечеловеческие стремления. Но их конкретное выражение можно найти лишь в исторической жизни конкретных народов, в органической преемственности национального развития. Органический принцип Савиньи и Пухта трактовали как «совпадение стадий и ритмов развития с ходом эволюции жизни», как тесную взаимосвязь всех сторон общественного бытия и сознания — «членов живого организма, ветвей целостной культуры».

Обосновывая органический характер общественного развития, представители «исторической школы права» доказывали неразрывную связь нравственности и позитивного права, историческую обусловленность любой существующей формы государственности. На первый взгляд, такая позиция полностью противоречила либеральной идее прогресса. Однако органическая теория не была и охранительным учением. Она исходила из отрицания как всякого участия рациональной воли человека в истории общества, так и идеи сакральности, богоданности власти. Органическая теория утверждала идею преемственного развития общества, в котором любая государственная форма была лишь пассивным отражением «народного духа». Благодаря подобным установкам «историческая школа права» оказалась на пересечении основных метаполитических концепций, и ее наследие было политически востребовано уже позднее, в совершенно иной общественной обстановке.

Столь же неоднозначную политическую трактовку получила в дальнейшем и гегелевская философия. Сам Гегель подробно изложил свое видение проблем государственности в целом ряде работ, в том числе концептуальном труде «Философия права» (1820). Он рассматривал развитие человечества как часть диалектического движения Абсолютного духа к самопостижению, к полному тождеству бытия и мышления, о грядущее завершение истории Гегель считал окончательным освобождением духа — достижением абсолютной свободы разумной воли, когда все существующее, содеянное окажется разумным, т. е. действительным. С этой точки зрения, и любая промежуточная стадия диалектического развития могла быть истолкована как воплощение свободы — достижение истинности того или иного понятия с его осуществлением, настоящим бытием.

Историю социума Гегель рассматривал как стадию объективации Абсолютного духа, обнаружения его «во внешней реальности». В рамках этой стадии он выделял три формы реализации свободы — абстрактное право, мораль и нравственность. Каждая из них, в свою очередь, предполагает три ступени конкретизации соответствующей формы, ее все более разумного воплощения. Смену этих этапов развития Гегель трактовал как «снятие» — диалектический переход к более высокому состоянию при упразднении недостатков предыдущего и усвоении его позитивных сторон.

Под абстрактным правом Гегель понимал правоспособность абстрактной личности, сводимую, по существу, лишь к праву быть собой. Изначальным выражением этого права Гегель считал право частной собственности. Его защищенность может обеспечить реальную свободу такой абстрактной личности. Следующая необходимая степень конкретизации достигнутой свободы предполагает переход индивидов-собственников к договорным отношениям, а «снятие» этой второй формы абсолютного права заключается уже в установлении универсальных критериев преступления, не зависящих от договора конкретных лиц.

Следующую триаду форм реализации свободы Гегель характеризовал как развитие морали. В этой сфере субъектом является свободный индивид, уже имеющий неограниченную возможность соразмерять в своем поведении рациональные мотивы и действительные поступки. Первой ступенью воплощения свободы здесь является «снятие» предыдущей — установление границ умысла и вины в сознательном нарушении права. Это, в свою очередь, становится основанием для определения разумной основы намерения и блага. Переход к третьей форме морального существования заключается в постижении добра и совести, что в свою очередь делает неизбежным «снятие» самой индивидуальной морали в процессе определения границ общественной нравственности.

В учении о нравственности Гегель изложил свое представление о той стадии развития, когда действительными становятся не индивидуальные мотивы и поступки, а формы общественного поведения — то есть происходит синтез права и морали. Триаду форм воплощения свободы на этой стадии представляют семья, гражданское общество и государство. Семью Гегель представлял как высшую реализацию моральных норм поведения индивида и самый примитивный пример примирения личной свободы с благом окружающих. Гражданское общество уже представляет собой сферу тесной взаимосвязи и взаимообусловленности частных и общественных интересов. Поскольку уравновешивание частных интересов здесь достигается стихийно, а общественный интерес носит договорной характер, то гражданская свобода неизбежно провоцирует немало противоречий и конфликтов. Эту проблему, по мнению Гегеля, может решить лишь переход к высшей форме нравственного существования под эгидой государства.

Именно правовое государство, по мнению Гегеля, есть высшая форма объективации Абсолютного духа, «шествие Бога в мире». Государственные образования, не соответствующие такой характеристике, Гегель считал существующими, но не действительными, а потому не заслуживающими внимания. Действительное разумное государство предполагает последовательную реализацию идеи свободы, в том числе обеспечение личной независимости и равенства людей перед законом, разделение властей и конституционное закрепление их компетенции, свободу печати и слова. Однако подлинной задачей государства, по мнению Гегеля, является не обособление индивида в его абстрактных правах и моральной мотивации, а достижение органической свободы — диалектического тождества всеобщего и особенного в человеке. Для этого государство с помощью права «снимает» абстрактность индивида, но «удерживает» в личности конкретные черты разумной воли (иными словами, исключает из сферы гражданского общества стихийность и произвольность правоотношений, придает праву «разумный характер»). Поскольку в основе этого «снятия» лежит органическое соподчинение абстрактного частного начала в человеке разумному и нравственному общественному началу, то Гегель считал его не уничтожением, а подлинным освобождением индивидуальности.

Уникальная философско-правовая концепция Гегеля оказалась в различных своих аспектах созвучна и либеральной, и этатистской, и даже консервативной идеологии. Еще большее значение имело утверждение гегельянства как особого стиля мышления, основанного на позитивном восприятии "противоречий общественного развития, на представлении о человеке как активном субъекте исторического процесса, чей труд и творчество являются реальной основой преобразования и усовершенствования мира. В этом отношении гегельянство стало одним из наиболее ярких источников прогрессистской идеологии эпохи модерна. Гегелевский идеал поэтапного преодоления различия между реальностью и идеей оказал огромное влияние на складывание теории социализма. Не менее важным источником социалистической идеологии стал и классический позитивизм.

Истоки социалистического мировоззрения можно усматривать в утопическом идеале общества, основанного на принципах социальной справедливости. Подобные идеи высказывали

мыслители самых разных эпох — от Томаса Мора и Томмазо Кампанеллы до Жана Мелье и Морелли. В XIX в. нарастающая мощь индустриальной культуры, ломка традиционных этических традиций и норм социального взаимодействия, изменения в системе социализации человека, вызванные распространением наемного труда и урбанизацией, придали новый импульс для утопических размышлений о грядущем «золотом веке» человечества. Но под влиянием позитивистского типа мышления они приобрели ярко выраженную «научную» форму, были соотнесены с анализом объективных закономерностей общественного развития.

Понятие «социалистический» (фр. «socialisme», лат. «socialis» — «общественный») впервые было использовано в 1834 г. в публикациях британского журнала «Cooperative Magazin*». Но родоначальником нового типа идеологии считается классик позитивизма Сен-Симон. В рамках его концепции трех стадий общественного развития доказывалась неизбежность формирования общества, основанного на «разумных основаниях». Сен-Симон утверждал, что «прогресс человечества дошел до того, чтобы наиболее важные рассуждения о политике должны быть непосредственно выведены из познаний, приобретенных в высших науках и в области физики». При этом речь не шла о технократической утопии. Сен-Симон видел в ньютоновской физике важнейшее подтверждение идеи социальной солидарности как части закона «всеобщего тяготения». Преобладание в общественном сознании научного мировоззрения он считал необходимым и достаточным условием для переустройства общества на принципах «социальной физики».

Сен-Симон полагал, что рациональный общественный строй основывается на создании всеобщей ассоциации людей с обязательным производственным трудом, равными возможностями для применения способностей и справедливым распределением благ. Призывая к отстранению от власти представителей непроизводительных классов (феодалов и «посредствующих» — юристов, военных, землевладельцев-рантье и пр.), Сен-Симон не поддерживал и идею демократии. «Суверенитет не состоит в выражении совершенно произвольных мнений, возведенных в закон человеческими массами, — писал он, — суверенитет сводится к принципу, вытекающему из самой природы вещей, и людям остается только признать справедливость такого принципа и декларировать его необходимость».

Итак, воззрения Сен-Симона противоречиво сочетали крайний скептицизм в отношении ко всем существующим государственным формам с верой в создание «разумной» политической системы, абсолютно авторитетной в силу своей «научности» и социальной справедливости. Ученик Сен-Симона Огюст Конт попытался более последовательно соединить идеи солидаризма и этатизма. Он полагал, что «социальная целостность» изначально основывается на альтруистических чувствах, сосуществующих в людях с эгоистическими. По мере развития общества все большую солидаризирующую роль начинают играть идеи, воплощенные в социальных институтах. Тем самым, «общество, в противоположность отдельным лицам, становится самостоятельной силой, которая ограничивает действие физиологических законов». В конечном счете прогресс должен привести к тому, чтобы человек научился видеть «достоинство — в подчинении, счастье — в послушании и свободу — в самопожертвовании». Конт считал, что это означало бы не подавление индивида, а торжество в общественном сознании «позитивных» идей солидарности.

Укрепление социального порядка, по мысли Конта, неизбежно сопровождается усилением «сознательного и систематического контроля государства». В особой степени это характерно для эпохи «индустриализма», когда государственно-политическое влияние распространяется даже на науку и искусство. Конт видел в этом часть «всеобщей революцией человеческого сознания» — превращения человеческого разума, вооруженного «позитивной наукой», в подлинно активную и творческую силу. Но столь радикальный этатизм оказался неприемлем для сторонников социалистической идеи, усматривавших основу будущего общества в лучших проявлениях самой человеческой природы.

Важную роль в складывании социалистической традиции сыграл французский критик и сатирик Франсуа Мари Шарль Фурье (1772 - 1837). Вслед за Сен-Симоном он считал основой общественных отношений «всемирный закон тяготения и притяжения». Фурье доказывал, что приведение многообразных человеческих страстей в гармоничное единство создаст подлинно счастливый «социетарный мир». Но в тот исторический момент, когда появились все условия для формирования нового социального порядка, цивилизация пошла по иному пути развития — свободная конкуренция привела к торговой анархии и

диктату крупных капиталистов, к борьбе каждого против всех. Фурье не видел в государстве силу, способную изменить эту ситуацию. Он считал, что основой общественной жизни должны стать фаланги — своего рода производственно-потребительские общины, сохраняющие частную собственность и неравенство доходов, но обеспечивающие справедливое распределение благ и уничтожение классовых антагонизмов. Фурье подчеркивал, что ассоциативный строй должен быть основан на полной гражданской свободе индивида и не может предполагать сильную государственную власть.

Показательным примером идей утопического социализма стали воззрения английского промышленника Роберта Оуэна (1771 - 1857). Он полагал, что система социальных отношений определяется преобладающим в обществе типом человеческой мотивации, который, в свою очередь, связан с влиянием на индивида внешней среды. Оуэн утверждал, что торжество рыночной стихии утверждает в человеке дух неравенства, безнравственности и алчности, тогда как целенаправленное воспитание в людях коллективистского начала способно радикально изменить и само общество. Первым шагом к «моральной революции» он считал создание «гуманного фабричного законодательства» и развитие системы общественного образования. Оуэн также надеялся, что при помощи состоятельных людей трудящиеся смогут создавать «поселки общности» — коммуны с системой коллективного труда и воспитания подрастающего поколения, общей собственностью и полным равноправием.

Коммунистическая идея, основанная на эгалитарных идеалах, оказалась популярна среди представителей радикального крыла социалистов. Первыми теоретиками утопического коммунизма стали Этьен Кабэ (1788 - 1856), Теодор Дезами (1803 - 1850), Вильгельм Вейтлинг (1808 - 1871). Кабэ в ярком литературном стиле описал утопический идеал коммунистического общества в книге «Путешествие в Икарию». В этой вымышленной стране были уничтожены главные, по мнению Кабэ, пороки человечества — неравенство имуществ, индивидуальная собственность и деньги. Целью коммунистического строя было провозглашено «сделать народ в меру возможности счастливым, начиная необходимым, продолжая полезным и кончая приятным». Кабэ считал, что воплощение коммунистических принципов будет сочетаться с укреплением государственности, основанной на конституционной власти

народных собраний, системе народного представительства и выборности правительства. В «Путешествии в Икарию» он описал систему государственной регламентации всех сфер жизни — от потребления продуктов и времени сна до выбора одежды и книг для чтения.

В программном памфлете «Мое коммунистическое кредо» (1840) Кабэ утверждал, что идеалы равенства и коллективизма восторжествуют во всем мире благодаря результатам государственных реформ, растянутых на многие десятилетия. Некоторые из идеологов утопического социализма, вслед за Оуэном, выражали надежду на добрую волю меценатов, политиков и даже иерархов церкви. Но постепенно все большее распространение приобретала идея социальной революции — широкого политического движения масс, которое увенчалось бы радикальным изменением общественного строя.

К 1840-м гг. в европейских странах сложилось широкое течение общественной мысли, получившее название революционной демократии. Идеологические ориентиры его представителей были достаточно разнообразны и варьировались от социализма до умеренного национализма. Классические формы революционно-демократического движения приобрело во Франции. Его программу сформулировала группа публицистов и общественных деятелей во главе с Ледрю Ролленом, объединившаяся вокруг газеты «Реформа». Революционные демократы выступали за создание демократической республики, основанной на всеобщем избирательном праве, и проведение социальных реформ, которые бы облегчили положение народных масс.

Большую популярность приобрели социально-политические идеи французского историка Луи Блана (1811 - 1882). В работе «Организация труда» (1840) он предлагал при помощи государства создать общественные мастерские, которые могли бы за счет своих экономических преимуществ вытеснить частнособственнические предприятия. Эта промышленная реформа, по мысли Блана, послужит прологом «глубокой моральной революции» и откроет путь к построению справедливого общества. Именно Луи Блан использовал знаменитый афоризм «От каждого — по способности, каждому — по потребности» для формулировки принципа социалистического общежития.

Радикальное крыло революционно-демократического движения образовал¹ сторонники немедленного проведения поли-

тических и даже вооруженных акций против существующего социального порядка. Огюст Бланки (1805-1881) пропагандировал идею «революционной организации» народных масс, а также использование заговорщицкой тактики для провоцирования вооруженного восстания. Выступление решительной группы революционеров рассматривалось его сторонниками как возможность насильственной смены политического строя и создания революционной диктатуры.

В особом ключе социалистическую идею развили Карл Маркс (1818-1883) и Фридрих Энгельс (1820-1895). Разработанная ими концепция исторического материализма основывалась на представлении о неразрывной связи природного и социального начал в мотивации человеческого поведения. В отличие от либералов, основоположники марксизма полагали, что природное различие людей и их естественный эгоизм обуславливают социальную общность, а не «войну всех против всех». Причина заключается в невозможности индивидуально решить проблему удовлетворения своих материальных потребностей. В процессе материального производства и обмена индивиды не только вступают в соответствующие отношения, но и «дополняют друг друга, нуждаются друг в друге, ... выходят за пределы своей собственной потребности» (К. Маркс). Таким образом, производство материальных благ представляет собой единство материальных и духовных процессов, в ходе которых производятся не только блага, но и сам человек. Общественный характер этого процесса и обуславливает социальную сущность человека, столь же естественную, как и природная. Индивид получает возможность физического существования и формируется как личность лишь в условиях социального взаимодействия с другими людьми, и это придает индивидуальности истинную «тотальность человеческого проявления жизни».

Доказывая «родовую», коллективную сущность человека, Маркс и Энгельс считали социализм не одной из возможных форм общественного существования, а изначально, единственно подлинной основой социальности как таковой. Однако последовательная реализация социалистических принципов была невозможна на протяжении всей предшествующей истории человечества — сказывалось объективное противоречие естественной взаимосвязи индивидов, которая по словам Маркса, изначально «выступает как продукт нужды и эгоизма,

т. е. непосредственный продукт деятельного осуществления индивидами своего собственного бытия». Подобная общественная связь превращается в отчуждение индивида, а социальность приобретает надличностные институциональные формы. И, чем прочнее оказывается система общественного взаимодействия, основанного на отчуждении человека, тем все более изолированными, индифферентными друг другу являются люди. Ключевой задачей марксизма стало выявление тех закономерностей общественного развития, которые могут прервать историю «отчужденного человека».

С точки зрения исторического материализма, история человечества отражает прежде всего изменения в условиях общественного производства. «История, — писали Маркс и Энгельс в "Немецкой идеологии", — есть не что иное, как последовательная смена отдельных поколений, каждое из которых использует материалы, капиталы, производительные силы, переданные ему всеми предшествующими поколениями; в силу этого данное поколение, с одной стороны, продолжает унаследованную деятельность при совершенно изменившихся условиях, а с другой — видоизменяет старые условия посредством совершенно измененной деятельности». Подобная преемственность обуславливает прогресс общества, в основе которого лежит совершенствование производственных сил.

Понятие «производительные силы» было введено в науку английскими экономистами как характеристика необходимого в процессе производства сочетания рабочей силы и орудий труда. Маркс акцентировал в этом понятии ключевую роль самого человека, рассматривая технику, как объективацию человеческих способностей и мотивов. Такой подход позволил сделать вывод о неразрывной связи уровня развития производительных сил и тех общественных (производственных) отношений, которые возникают между работниками вследствие технического, технологического и профессионального разделения труда. Системное сочетание производительных сил и производственных отношений Маркс назвал способом производства. Производственные отношения выступают в этом случае как «экономический базис» всей системы общественных отношений, определяющий характер остальных «надстроечных» институтов. «Экономическая структура общества каждой данной эпохи, — писал Энгельс, — образует ту реальную основу, которой и объясняется в конечном счете вся над-

стройка, состоящая из правовых и политических учреждений, равно как и из религиозных, философских и иных воззрений каждого данного исторического периода».

Вывод о системообразующей роли базисных отношений позволил Марксу рассматривать исторически конкретные общества как особые способы производства. Для обозначения экономической структуры таких обществ он использовал понятие «формация», которое в дальнейшем приобрело и более широкую трактовку — как исторической эпохи, связанной с преобладанием определенного способа производства. При некоторой двойственности и даже противоречивости формационной концепции, именно в ней был наиболее последовательно реализован принцип историзма. «Производственные отношения в своей совокупности образуют то, что называют общественными отношениями, обществом, и притом образуют общество, находящееся на определенной ступени исторического развития, общество с своеобразным отличительным характером, — писал Маркс. — Античное общество, феодальное общество, буржуазное общество представляют собой такие совокупности производственных отношений, из которых каждая вместе с тем знаменует собой особую ступень в историческом развитии человечества».

Основу исторического развития Маркс и Энгельс видели в прогрессе производительных сил. Но под этим понимался не только и не столько технический прогресс, сколько развитие самого человека. Маркс заявлял, что история «тем больше становится историей человечества, чем больше растут производительные силы людей, а следовательно, и их общественные отношения». Он доказывал, что развитие производительных сил и производственных отношений объективно носит противоречивый характер, и закономерные конфликты между новым, более высоким уровнем производительных сил и старыми, изжившими себя общественными отношениями производства, приводят к периодической смене исторических эпох. Но, одновременно, Маркс и Энгельс усматривали и особую преемственную логику всемирно-исторического развития.

В некоторых ранних работах Маркс пытался различить два типа формаций — первичную, или архаичную формацию, связанную с общинным укладом, и вторичные, основанные на рабстве и крепостничестве. Энгельс также разграничивал доклассовое и классовое общества, используя для обозначения

последнего более распространенное понятие «цивилизации». Преемственное развитие этих общественных систем Маркс и Энгельс рассматривали как воплощение различных типов социальности. Доклассовая стадия всемирно-исторического развития была сопряжена, по их убеждению, с преобладанием «естественно сложившейся коллективности» — общины, которая стала первичной субстанцией для возникновения как социального пространства, так и человеческой индивидуальности.

Под влиянием развития частной собственности и закрепления практики эксплуатации человека человеком община деформировалась и распадалась. Однако Маркс полагал, что ни рабовладение, ни крепостная зависимость не могли полностью уничтожить ту социальную общность, которая возникла еще при племенном строе. В недрах добуржуазного строя социальные связи сохраняют тесную связь с индивидуальностью их участников. Маркс называл их «индивидуально-личностными», «локальными связями, основанными на самом тесном кровном родстве или на отношениях господства и подчинения». Торжество товарно-денежных отношений создает принципиально новый тип социальных отношений — обезличенных. Отчуждение человека достигает в этих условиях своего пика. Если в добуржуазном обществе различие индивидов становилось причиной их социальной интеграции (племенной, полисной, корпоративной и пр.), то теперь социальная связь опосредуется меновым эквивалентом и, тем самым, сама по себе отчуждается от человека. Индивид приобретает личную независимость, но становится зависим от вещного богатства и его универсального выражения — денег.

На манер гегелевской диалектической триады Маркс предсказывал неизбежное «снятие» этой ложной формы социальности и переход человечества к третьему типу общественного бытия — возрождению личностной природы общественных отношений, но уже не ограниченной рамками локальных коллективов. Идеал будущего общества, предполагающий «индивидуальность, основанную на универсальном развитии индивидов и на превращении их коллективной, общественной производительности в общественное достояние», Маркс и Энгельс называли коммунизмом.

Исходя из представления о диалектической взаимосвязи Производительных сил и производственных отношений, Маркс

и Энгельс считали ключевым фактором перехода от одной стадии общественного развития к другой антагонистический конфликт ведущих классовых групп населения. Энгельс писал по этому поводу: «Маркс впервые открыл великий закон движения истории, закон, по которому всякая историческая борьба — совершается ли она в политической, религиозной, философской или какой-либо иной идеологической области — в действительности является только более или менее ясным выражением борьбы общественных классов». Идея классовой борьбы, как основы социального прогресса, была распространена марксистами на анализ всех сторон общественной жизни. В частности, и государство, и право рассматривались ими как организованное систематическое насилие одного класса над другим. Это положение позволяло сделать вывод о насильственном характере революций, знаменующих смену формаций, и о диктатуре класса-гегемона, созидającego новое общество.

Революционным классом современной эпохи Маркс и Энгельс считали пролетариат. Именно рабочие, лишенные собственности и вовлеченные в систему максимально обезличенного, обобществленного труда, рассматривались ими как потенциальные носители «универсальной индивидуальности», способные уничтожить классовые, сословные, национальные, религиозные границы. Пролетарская революция должна была стать закономерным итогом развития буржуазного общества, порождающего «своего могильщика». При этом, Маркс и Энгельс предполагали, что завоевание пролетариатом политической власти и создание его классовой диктатуры должно быть результатом наивысшего развития производительных сил в условиях капитализма, а следовательно не может иметь характера национальной революции в отдельно взятой стране.

Идея мировой пролетарской революции, как пролога перехода человечества к коммунистической формации, была развернуто представлена уже в 1848 г. в работе Маркса и Энгельса «Манифест коммунистической партии». В дальнейшем она стала основой программных установок Международного товарищества рабочих (I Интернационала), созданного в Лондоне в 1864 г. Эта организация просуществовала до 1870-х гг. и окончательно была распущена в 1876 г. При всей локальности масштабов своей деятельности, I Интернационал сыграл огромную роль в популяризации идей марксизма.

Характерно, что Маркс и Энгельс не стремились форсировать политическую активность своих сторонников. Идея коммунистического общества так и не была раскрыта в их работах в качестве программы конкретных общественных преобразований. Предполагалось, что коммунизм будет представлять собой высокоорганизованный и планомерно развивающийся «союз свободных людей», лишенных классовых противоречий и обеспечивающий социальную справедливость. Реальные же контуры коммунистического общественного устройства, в том числе политико-правовой организации, системы производства и распределения, должны быть сформированы лишь будущей общественной практикой. Такой подход, безусловно корректный в научном отношении, вызвал нарастающий конфликт марксистов с другими течениями рабочего движения. Две полярные позиции в этой полемике образовали представители лассальянства и анархизма.

Немецкий адвокат Фердинанд Лассаль (1825 - 1864), автор книг по проблемам философии, права, экономики, незадолго до своей гибели на дуэли был избран президентом Всеобщего германского рабочего союза. Поддерживая многие положения экономической теории Маркса, Лассаль совершенно по-иному трактовал задачи рабочего движения и перспективы развития капиталистического общества. Его историческая концепция представляла собой яркое свидетельство внутреннего родства либеральной и марксистской традиций, основанных на прогрессистской идеологии и культе рационализма. Лассаль считал историю «совершающимся с внутренней необходимостью непрерывным процессом развития разума и свободы». В государстве он видел институт, способный придать историческому процессу особую динамику, но лишь в том случае, если политическая власть будет отражать интересы прогрессивных общественных классов.

Лассаль доказывал, что именно рабочие являются той решающей силой, которая может защитить общественные интересы и уничтожить современную государственность, служащую лишь социальному эгоизму буржуазии. Но, в отличие от марксистов, он считал, что будущее за «народным государством», а не классовой диктатурой пролетариата. Лассаль подразумевал под «народным государством» прежде всего нравственный союз свободных людей, где разум станет основой права. Существование «народного государства» и даже его создание не

экономической эксплуатации, борьба за справедливые условия труда и предпринимательства.

К идеологической концепции анархо-федерализма достаточно тесно примыкают воззрения анархо-коммунистов. Их духовный лидер Петр Алексеевич Кропоткин (1842 - 1921) в статье, написанной для «Британской энциклопедии», сформулировал общее понятие анархизма: «Это наименование, данное принципу или теории жизни и поведения, согласно которому подразумевается общество без правительства, гармония в таком обществе достигается не подчинением закону или повиновением какой-либо власти, а путем свободных соглашений, заключенных между различными группами, территориальными или профессиональными, основанными как ради производства и потребления, так и для удовлетворения безграничных потребностей и желаний цивилизованных существ».

Спецификой взглядов самого Кропоткина и его последователь стала более жесткая политическая пропаганда, стремление к развертыванию народного революционного движения и немедленному уничтожению государственной власти, выступающей как средоточие зла и источник порабощения личности. Анархо-коммунисты считали, что любые реформы обречены на провал, поскольку осуществляются государством и на деле приводят к противоположным результатам. В их интерпретации, анархия противопоставлялась не только классовому буржуазному государству, но и принципам политической демократии, парламентаризму и многопартийности. Кропоткин доказывал, что представительное правление само по себе является угрозой личности, поскольку власть большинства оказывается не менее репрессивной, чем господство меньшинства. Идеалом анархо-коммунистов была революционная стихия, в минимальной степени подтвержденная влиянию организующего рационального начала.

Разнообразным революционным и реформаторским идеологическим концепциям, сложившимся в XIX в., противостоял консерватизм. Эта идейно-политическая доктрина отражала негативную реакцию элитарных социальных групп феодального общества на политические, социальные, экономические аспекты процесса модернизации. В то же время консерватизм представлял собой нечто большее, нежели антиреволюционную политическую программу. Он стал целостной мировоз-

зренческой системой, особым стилем мышления, восприятия окружающего мира.

Первоосновой консервативной идеологии можно считать традиционализм — специфическую сторону общественного сознания, связанную с естественным стремлением человека стабилизировать, сохранить, укрепить существующий социальный порядок как привычную среду обитания. Ценности традиционализма являлись важнейшей мировоззренческой характеристикой доиндустриальных обществ. Они проявлялись в качестве доминирующих умонастроений, стиля поведения, коммуникативной культуры и по своей природе не требовали какого-либо иного обоснования, кроме самой веры в постоянство и конечное совершенство мироздания. Но с появлением прогрессистских идеологических теорий, активизацией революционно-демократического движения возникли предпосылки для перерастания традиционализма в такую же целостную, рационально аргументируемую идейно-политическую доктрину.

Родоначальником консервативной идеологии считается английский мыслитель Эдмунд Берк (1729 - 1797), автор нашумевшего памфлета «Размышления о революции во Франции» (1790). В более развернутой форме постулаты классического, или охранительного консерватизма, были сформулированы английским поэтом и публицистом Сэмюэлем Тейлором Колриджем (1772 - 1834), французскими писателями и общественными деятелями Жозефом де Местром (1753 - 1821) и Луи-Габриелем-Амбруазом де Бональдом (1754 - 1840). Лейтмотивом их воззрений стал протест против индивидуалистических и эгалитарных ценностей, морального релятивизма, материалистических и прагматичных трактовок общественного прогресса. Консерваторы критиковали рационализм как формальный стиль мышления, «количественную» систему представлений о мире и обществе. «Механическому» восприятию действительности, культу логики и рационализма, экономическому детерминизму консерватизм противопоставлял идеал познания, основанного на целостном восприятии жизни, признании ценности интуитивного опыта человека, сохранении мистического значения религиозной веры.

Консервативная идеология базировалась на особом рода социальном пессимизме — отказе видеть в человеческом разуме феномен, способный рационально осмыслить все стороны

бытия, познать смысл сущего, сознательно сконструировать и реализовать принципиально новый общественный механизм. По представлению консерваторов, развитие общества является естественным и стихийным процессом. Социальное творчество заключается не в радикальной ломке общественного порядка во имя рационально избираемых глобальных целей, а в решении ситуативных, текущих задач путем проб и ошибок, накопления позитивного опыта, поиска баланса между прагматичной политикой и традиционными ценностями. Консервативная политическая мысль исходила из идеи избранности властвующей элиты, ее уникальных социально-психологических качеств, позволяющих нести бремя ответственности за судьбы общества. Причем речь шла не столько об интеллектуальных способностях людей, находящихся у кормила власти, сколько об их моральных качествах, «добродетели», верности традициям, готовности опереться на результаты многовекового развития институтов и форм экономической, политической, социальной организации общества.

Сэмюэль Колридж в своих работах особо подчеркивал роль церкви в обществе. «Библия — лучший наставник в политическом искусстве и предвидении» — этими словами он начал свой памфлет «Руководство для политического деятеля» (1816). Колридж считал государство «нравственной общностью и органическим целым» и в преемственности духовных традиций видел залог социальной справедливости и общественного порядка. Подчинение либеральному принципу «laissez faire», на его взгляд, превращает общество в «саморегулирующуюся экономическую машину», которая подавляет личность и является причиной многочисленных социальных бедствий. Не менее серьезной угрозой Колридж считал эгалитарные притязания толпы, стремящейся к разрушению веками складывавшихся сословных границ. Иерархия сословных «состояний», по мнению Колриджа, является наилучшим средством для справедливого распределения жизненных благ, нравственного воспитания и защиты безопасности людей.

Консервативную трактовку концепции органического строения общества наиболее плодотворно развивал с своих трудов Жозеф де Местр. Он считал, что залогом общественного благоденствия является нравственно-политическое единство. Но оно не может быть достигнуто искусственно, с помощью насилия или в ходе демократической борьбы. Подлинное единство обще-

ства несет на себе след божественного проведения и черпает мощь в прошлом. Де Местр подчеркивал, что не достаточно добиться гражданского примирения нации. Каждый народ представляет собой единство миллиардов людей, которые жили на протяжении всей его истории и будут жить в будущем, это «союз всех умерших, ныне живущих и еще не родившихся». С этой точки зрения, демократическое государство угрожает не только организованным насилием большинства над меньшинством, но и забвением интересов сотен других поколений. Де Местр считал, что единственной формой государства, которая гарантирует единство и историческую преемственность общества, является наследственная абсолютная монархия. Власть монарха должна быть столь же неограниченна и неделима, как и суверенитет самого государства. При этом де Местр отмечал, что абсолютизм является лишь символом единства общества и защитой от узурпации власти различными социальными группами. В практической политике монарх может делегировать часть функций другим органам государства и обязан прислушиваться к мнению аристократии — хранительницы национального духа и традиций.

В публицистических работах виконта де Бональда получили отражение наиболее радикальные идеи охранительного консерватизма. В своей политической теории де Бональд опирался на почерпнутый из христианской теологии закон троичности любого природного или социального явления — триединства причины, орудия и следствия. Так, человека образует триединство души, разума и тела, общество — триада власти, служения и подданства. В семье этим началам соответствуют муж, жена и дети, а в государстве — монарх, дворянство и народ. Де Бональд считал, что в каждой такой триаде власть ограничена лишь тем, что сам господин подвластен более высокому авторитету. Власть отца в семье ограничена его обязанностями перед государем, а власть короля ограничена ответственностью перед Богом. Де Бональд категорично отрицал любые изменения в такой системе общественных отношений и называл даже самые умеренные реформы посягательством на Божественный миропорядок. Подобные ультрароялистские идеи получили достаточно широкое распространение в странах Европы после завершения эпопеи революционных и наполеоновских войн. Однако уже с середины XIX в. консерватизм начал приобретать более умеренный и социально ориентированный характер.

*Романтизм и реализм
в художественной философии XIX в.*

Радикальное обновление образа жизни и стиля мышления европейского человека, произошедшее в XIX столетии, напряженные философско-мировоззренческие искания и пафос идейно-политического противостояния нашли отражение в сфере художественного творчества. «Эпоха революций» не только потрясла основы политической и социальной организации общества, но и подготовила глубинный перелом в восприятии природы художественного творчества, самой роли искусства в жизни общества. Торжество человека «деятельного» и целерационального, способного на осознанное изменение своей жизни и призванного усовершенствовать общественный порядок, превращалось из абстрактного идеала в социальную реальность. Вслед за этим неизбежно должна была смениться и философско-риторическая стилистика культуры, характерная для эпохи Просвещения. Слово, художественный образ, нравственно-эстетический идеал становились все более реальным инструментом преобразования действительности. Культура утрачивала роль хранилища вневременных традиций и художественных образов, превращалась в поле глубоко личностных и, одновременно, социально значимых мировоззренческих исканий, утверждения нового видения мира и человека.

Все более заметное размежевание науки, этики и эстетики придавало искусству характер специфической «надстройки» в системе общественного сознания — принципиально значимой, но вторичной, зависимой от восприятия основ научной картины мира и классовых социально-этических категорий. В XIX в. произошел окончательный распад единого в своей основе нравственно-эстетического сознания, которое являлось важнейшей характеристикой традиционной культуры и религиозной картины мира. Художественное творчество приобретает в этот период характер «духовного производства» в системе рационального самосознания человека, но, одновременно, все более отрывается от собственного предмета познания — органической целостности самого человеческого существа. Это противоречие и предопределило формирование двух главенствующих художественных стилей эпохи — романтизма и реализма, каждое из которых опиралось на собственную систему обоснования мировоззренческих истин и этических ценностей.

Для художественной философии романтизма отправной точкой стала субъективная идеализация духовного мира человека, для реалистического искусства — максимизация его «естественных», «природных», «реальных» оснований.

В качестве художественного стиля романтизм сформировался на рубеже XVIII-XIX вв. Своим названием он обязан немецкому литератору и критику Фридриху Шлегелю (1772 - 1829), сформулировавшему антитезу «романтизма» и «классицизма». Романтическое искусство, с этой точки зрения, сопряжено с раскрытием необычного, возвышенного и таинственного в самой повседневности, тогда как классицизм — с выдвиганием высоких и благородных идеалов, заведомо далеких от реальности. Однако реальность была лишь отправной точкой творческих исканий романтиков, той «завесой обыденности», за которой они обнаруживали подлинно богатый и многогранный мир. Художественная философия романтизма основывалась на восприятии человеческой жизни как явления более масштабного и многогранного, нежели доступная обычному взору действительность. Это обуславливало напряженное внимание романтиков к духовным возможностям личности, к способности человека в своем творчестве, в эмоциональном порыве, в страстях и крайнем напряжении сил преодолевать порог обыденности, «обычности» и открывать в себе тотальность проявлений жизни. «Мы мечтаем о путешествии во вселенную, но разве не заключена вселенная внутри нас? — писал современник Шлегеля Новалис. — Мы не знаем глубин нашего духа. Именно туда ведет истинный путь...».

Сосредотачивая внимание на «подлинно человеческом», романтизм неизбежно подчеркивал противоречивость самой природы человека, ее величественность и беспомощность, подверженность взлетам и падениям, зависимость от императива разума и от иррациональной жизненной силы. Способность преодолеть это противоречие романтики видели в интуитивном прозрении, творческом взлете, готовности к риску и нравственному подвигу. Художественная философия романтизма неразрывно соединяла героику с духом новаторства и фактически противопоставляла «подлинное» творчество культу разума и Целесообразности.

Придавая особое значение личностному началу, романтизм рассматривал его как самодостаточное явление. В качестве столь же уникального субъекта в романтической традиции

выступает и нация. Романтики отказывались от сугубо рациональной трактовки природы национальных сообществ и рассматривали нации в качестве исторически сложившихся, уникальных образований, обладавших собственной духовной сущностью. Историзм в этом случае тесно смыкался с психологизацией общественных явлений, символизмом и метафоричностью их трактовки. Таким образом, романтизм переносил на восприятие общества в целом и национальных культур в частности, те же принципы иррационализма, с помощью которых преодолевал просветительский взгляд на человека. Мир людей утрачивал в романтическом представлении свою простоту, единообразие, разумность, подчинялся стихии борьбы, господству парадоксов.

Художественные искания романтиков были связаны с попытками осмыслить человеческую природу, мир, время, пространство сквозь призму глубоко интимных и, одновременно, исключительно ярких и мощных проявлений духовного опыта. Романтизм возвел на пьедестал истории Великую Личность, в которой кристаллизуется феномен человеческого гения, возвышенного духа, стихия чувственных порывов и смутных, таинственных ощущений сопричастности к высшей, «настоящей» естественности бытия. Однако в действительности подобный образ являлся лишь рефлексией незавершенного, внутренне противоречивого сознания «эпохи модерна». Романтики остро переживали утрату культурной целостности, монументальности и стиля. Романтический «герой» самоутверждался во всех мыслимых проявлениях — от немотивированных капризов в манерах и одежде до социального анархизма и богоборчества. А лейтмотивом этих исканий, в конечном счете, оказывалось понимание принципиальной ограниченности любых нормативных представлений о мире и человеке, их неизбежного конфликта с «непосредственными», «подлинными» способами видения реальности, с самовосприятием и самовыражением человека.

Во внутреннем конфликте романтического «героя» емко отразилась эволюция самой художественной философии романтизма. Для раннего романтизма, получившего развитие на рубеже XVIII-XIX вв. почти во всех странах Европы, было в наибольшей степени характерно стремление соединить картину мира и нравственно-эстетический идеал художника. Первое поколение романтиков сформировало культ творче-

ского прозрения, интуитивного прорыва в «подлинную реальность», не усматривая противоречия между человеческим самоутверждением и «внешним», социальным воплощением духовного идеала. Именно в этот период Фридрих Шлегель призывал, чтобы «прогрессивная универсальная поэзия» стала философией и «с обеих сторон разрушала границы поэзии и философии». Идея синтеза поэзии и философии была знаковой для романтизма — она открывала путь к тотальной поэтизации самой действительности, к снятию границы между понятийным и воображаемым, между философией и теологией. Социальный пафос подобного подхода отразил в своей концепции «прекрасной души» еще Иоганн Фридрих Шиллер (1759-1805) — «наивная», т. е. иррациональная поэзия открывает путь к гармонии разума и воображения, а потому сама по себе становится важнейшим средством воспитания человека и изменения общества.

В 20-30-е гг. XIX в. искусство романтизма приобрело ярко выраженную стилевую специфику. Его характерной чертой стал яркий, эмоционально насыщенный, сложный по используемым формам художественный язык. Ключевую роль играла и содержательная, концептуальная сторона произведений. Выступая против просветительского универсализма, романтизм отстаивал идеал независимого творчества, духовной свободы, права личности на самоутверждение. Идеальная сторона романтических образов постепенно становилась самодовлеющей. «Искусство не есть изображение реальной действительности, а искание идеальной правды», — афористично утверждала Жорж Санд. Но уже в 1840-х гг. подобная установка приобрела особый смысл. Художественная философия романтизма оказалась в этот период под влиянием пессимистических настроений. Идеалистическая поэтика романтиков все больше сочеталась с нотками трагической безысходности, пониманием непреодолимости противоречий бытия. Романтизм необратимо «утрачивал стиль», превращался в символ «мировой скорби», социальной меланхолии, ностальгии по прекрасному прошлому, бессилия «бунтующего одиночества». Но именно в этом качестве поздний романтизм оказался созвучен многим философским и этическим теориям рубежа XIX-XX вв. — эпохи «Заката Европы».

Жанровое и национальное многообразие искусства романтизма было тесно связано с принципиальными установками на

преодоление жестких традиций классицизма и свободу художника в реализации творческого замысла. Романтики выступали против резкого разделения трагического и комического в искусстве, против классических единств, строгих правил в отборе лексики и построении сюжета. Романтические произведения отличались особой эмоциональностью, неожиданным сопоставлением трагического и комического, парадоксальным сочетанием разнородных деталей, скрепленных единым лирическим чувством. Литература и драматургическое искусство наиболее ярко отразили эту стилевую специфику.

Во французской литературе традиции романтизма были заложены Л. Ж. де Сталь и Ф. Р. де Шатобрианом. Имя Луизы Жермены де Сталь (1766 - 1817) стало широко известно европейской публике благодаря публикации ее «Писем о произведениях и личности Жан-Жака Руссо» (1788), а также особым взглядам этой эмансипированной женщины на многие вопросы современности. Именно де Сталь активно поддерживала использование термина «романтизм», предложенного братьями Шлегелями. В романах «Дельфина» (1802) и «Коринна, или Италия» (1807) де Сталь создала яркие образы романтических героинь, отстаивающих свободу личности. В творчестве Франсуа Рене де Шатобриана (1768 - 1848) романтические мотивы тесно переплетались с идеями охранительного консерватизма. В повестях «Атала» (1801) и «Рене» (1802) Шатобриан развил тему отрешенности героя от бунтующего общества, нравственной дезориентации и опустошения. В трактате «Гений христианства» (1802) и в мемуарах «Замогильные записки» (опубликованных в 1848 - 1850 гг.) Шатобриан отстаивал идеалы христианского смирения и подвижничества, как спасительной опоры в условиях разочарования просветительским вольнодумством. Особую неприязнь писателя вызывал революционный террор и стихия бунтующей толпы.

Расцвет французской романтической литературы был связан с творчеством А. де Ламартина, А. де Виньи, А. де Мюссе, А. Дюма, В. Гюго, Жорж Санд (Авроры Дюпен-Дюдеван). В произведениях Альфонса де Ламартина (1790 - 1869), Альфреда де Виньи (1797 - 1863) и Альфреда де Мюссе (1810 - 1857) преобладали традиционные для многих романтиков мотивы одиночества гордой личности, трагического конфликта духовного мира героя с внешними обстоятельствами, христианского смирения и чувственного меланхолизма. Де Ламартин стяжал

славу одного из величайших поэтов XIX столетия — его произведения обладали уникальной звучностью и певучей мелодикой. Де Виньи стал известен как основатель французской исторической драмы.

Необыкновенную популярность исторической романистики принесло творчество Александра Дюма-отца (1802 - 1870). Внешняя близость его многих произведений к жанру «бульварного романа» обманчива. Дюма удалось сформировать особый стиль историко-романтического повествования, где сюжет подчинен «культу мгновения», где герой лишен прошлого и будущего, а его предприимчивость, отвага, готовность к жертвам и подвигам соотнесены лишь с конкретной ситуацией. «Эстетика мгновения» разрушала привычную трактовку конфликта, представление о его политических, религиозных или социальных основаниях. Тем самым, утверждался особый стиль жизни «здесь и сейчас», основанный на осознании полноты и уникальности каждого мгновения.

Своего рода манифестом романтического принципа истории стала вышедшая в 1823 г. статья тогда еще совсем молодого писателя Виктора Гюго (1802 - 1885), посвященная творчеству английского романиста Вальтера Скотта. Спустя четыре года Гюго сам создал историческую пьесу «Кромвель», в предисловии к которой были отражены концептуальные взгляды писателя. Гюго считал принципиально важным добиваться сочетания исторической достоверности сюжета, живости, яркости характеров и сцен с очевидным нравственным подтекстом произведения. Универсальным литературным жанром он считал драму, поскольку любая эпоха предполагает конфликтность как источник всякого развития. По мысли Гюго, задачами романтической драмы является показ человека в единстве его характера, дарований, верований, страстей и вкусов, равно как и изображение конкретных исторических эпох с присущими им нравами, законами, обычаями, мудростью и суевериями. Все это придает драматургии «чувство исторической перспективы», неразрывно связанное с нравственным пафосом и этическими уроками истории. «Драма должна быть концентрирующим зеркалом», — писал Гюго. Его теория гротеска, основанная на контрастном показе возвышенного и низменного в человеке и обществе, возникла как антитеза классицистской теории возвышенного. Ярким примером реализации этого художественного метода стал исторический роман

Гюго «Собор Парижской Богоматери» (1831), а также роман «Отверженные» (1862), задуманный как эпопея угнетенных, отверженных законом и лицемерным обществом людей.

Родоначальником английской литературной школы романтизма стал гравер и художник Уильям Блейк (1757-1827). Для современников он был известен в качестве издателя «иллюминированных книг» — отпечатанных в цвете с гравированных медных досок или раскрашенных акварелью по одноцветным печатным контурам. Первый поэтический сборник Блейка — «Песни невинности» (1789) был задуман как своего рода эксперимент. Блейк пытался доказать, что текст и декорирующий рисунок, составляющие единое целое в смысловом отношении, могут и гравироваться вместе. В дальнейшем Блейк создал несколько лирико-философских и социально-утопических поэм. В этих произведениях он попытался сформулировать базовые принципы «нового» искусства, призванного прийти на смену классицизму. Блейк считал, что «поэтический гений» сродни «духу пророчества», поскольку лежит в основе любых религиозных или философских систем. Поэтика создает внутреннее единство духовного опыта всего человечества, и «поэтический гений» поэтому предполагает дар предвидения, открытия глубинной сущности жизни. Искусство не способно передать в своих формах всю глубину этого «духовного видения», но может отразить саму жизнь в ее движении, контрастности, противоречивости, показать в малом и повседневном всеобщее и бесконечное. Блейк утверждал в связи с этим, что подлинно прекрасное раскрывается не в гармоничной упорядоченности, а в буйстве эмоций, творческих порывах, страстной напряженности образов и их символической насыщенности.

В рамках английской традиции романтизма сложились три направления — «лейкисты» (поэты «озерной школы»), «революционные романтики» и «лондонские романтики». В группу поэтов-«лейкистов» входили Уильям Водсворт (1770-1850), Сэмюэль Кольридж (1772-1834) и Роберт Саути (1774-1843), жившие на севере страны, в Кемберленде — краю озер (отсюда и название «озерная школа»). Рубежным событием в их творчестве стало издание в 1798 г. «Лирических баллад» Водсворта и Колриджа. «Главным предметом поэзии является истина, не частная и ограниченная, а общая и действенная, — утверждал Водсворт, — не та истина, которая основывается на восприятии внешнего мира, а та, что оживает в душе под влиянием

вдохновения, истина, утверждающая самое себя... Поэзия — начало и конец всех исканий истины, она также бессмертна, как душа человека». Водсворт с особой теплотой относился к теме природы и сельской жизни «простых людей». Он считал, что именно эта повседневная и обыденная жизнь, сливаясь с естественной красотой природы, наиболее точно выявляет действительные человеческие страсти, «жизнь сердца». Необходимым условием поэзии Водсворт называл не только наблюдение и описание, но и чувствительность, размышление, воображение, фантазию, вымысел, оценку. Воображение, по его мнению, призвано возбуждать и поддерживать вечное в человеческой природе, оно раскрывает и выражает внутренние свойства человека.

Сэмюэль Тейлор Колридж пережил в молодости увлечение идеями «вольнодумства» и стал известен как яркий политический публицист. Однако с годами он разочаровался в действительности гражданской свободы. В своем литературном творчестве Колридж претворял романтический идеал духовного единения с природой как единственного основания подлинной свободы человека. Роберт Саути познакомился с Колриджем в 1794 г., когда оба увлекались идеей создания идеальной общины Пантисократии в Пенсильвании. В произведениях Саути выразительно проявились свойственные романтикам внимание к человеческим эмоциям, поэтическое отражение таинственности сверхъестественных сил, мистическое представление о воле случая в человеческой жизни.

Лидерами «революционных романтиков» были Джордж Гордон Байрон (1788-1824) и Перси Биши Шелли (1792-1822). Байрон является самой яркой фигурой английского романтизма. В его поэме «Паломничество Чайльд Гарольда» был изображен подлинный герой романтической литературы — мечтатель, порывающий с лицемерным обществом и подвергающий напряженному анализу свои чувства. Все внимание героя поглощено его внутренними переживаниями, и в своих многочисленных странствиях он оказывается лишь в роли пассивного созерцателя. Байрон принципиально не пытался оттенить равнодушие и тоску своего героя. Настроения Чайльд Гарольда не имели ситуативных причин — это мироощущение Человека, живущего в период общей смуты, нарастающей Деградации нравственных ценностей. Трагическое состояние **ира кажется и герою, и самому поэту непостижимым. Ито-

гом размышлений становится мысль о роковой высшей силе, карающей людей.

Стилистика «Чайльд Гарольда» проявилась и в цикле «восточных поэм» Байрона — «Гяур», «Абидосская невеста», «Корсар», «Лара» (1813-1814). Главной темой этих произведений стала борьба героя-одиночки с несправедливостью мира и его любовь к прекрасной преданной женщине, финалом же — трагический конфликт героя с обществом, гибель или изгнание. Характерной чертой авторского стиля Байрона была подчеркнута фрагментарная композиция произведений, подчиненность сюжетной линии импульсивным, порывистым действиям героя, а также пространственные лирические отступления самого автора. Иные художественные средства Байрон использовал при создании философских драм, основанных на библейском сюжете — «Каин» (1821) и «Земля и небо» (1822). Это мистерии, возвращающие читателя к стилистике средневекового народного театра, и, одновременно, попытка синтеза романтического сюжета с «условностями классицистской драмы» (как утверждал сам Байрон в предисловиях к обоим произведениям). Еще более необычное жанровое решение Байрон использовал при создании романа в стихах «Дон Жуан» — уникального по сочетанию черт просветительского романа, эпической поэмы, трагической драмы и романтической лирики. Байрону удалось переосмыслить традиционный образ Дон Жуана, заимствованный из старинных испанских легенд, и показать человека, находящегося в состоянии «воспитания чувств». Под стать этой сюжетной линии была избрана и форма произведения — роман в стихах, с характерной свободой авторского присутствия и читательского восприятия, разомкнутой незавершенной сюжетной фабулой.

Единомысленником и личным другом Байрона был Перси Биши Шелли. Первым значительным произведением Шелли стала поэма «Королева» (1813) — оптимистический трактат в стихах, излагающий взгляды автора на причины социальных бедствий и пути их устранения. Шелли обличал общество, основанное на тяжелом подневольном труде, губящее таланты и убивающее творческую энергию безвестных Мильтонов, Катонов и Ньютонов. Бог предстает в поэме как тиран, отправляющий недовольных в ад. Земной и небесный владыки живут в полном согласии и направляют свои действия против человечества. Отрицай идею христианского Бога, Шелли обратился

к принципу пантеизма. Тему бунтарства, борьбы с тиранией поэт продолжил в работах «Освобожденный Прометей», «Лаон и Цитна», «Ченчи» (1819-1822).

Эстетические взгляды Шелли наиболее полно были выражены в трактате «Защита поэзии» (1821). Сущность поэтического творчества он видел в постижении истинного и прекрасного. Под прекрасным же Шелли подразумевал то, что находится в движении, в развитии к высокому идеалу. Основной задачей поэта он называет предвосхищение будущего. Поэт, по мысли Шелли, это пророк, который видит будущее в настоящем, и законодатель, утверждающий взгляд на истину. «Поэзия — это центр и вся сфера познания, — писал Шелли, — это то, что объемлет все науки, и то, чем всякая наука должна проверяться. Это одновременно корень и цветок всех иных видов мышления».

Лидером лондонской школы романтизма был Джон Ките (1795-1821) — блестящий поэт-лирик, посвящавший свои произведения темам любви, красоты, искусства. Вместе с другими представителями лондонской школы — Хэзлиттом, Лэммом, Хантом, он пытался соединить эстетическую теорию «лейкистов» с более жесткой социальной и политической позицией. В то же время поэзия «лондонцев» не отличалась тем духом бунтарства, который олицетворял творчество Байрона и Шелли. Одной из основных тем творчества Китса стал поиск и утверждение первозданной красоты. Он видел источник красоты в реальном мире, а средством его раскрытия считал поэтическое воображение. Разрыв между мечтой и действительностью Ките трактовал как противоречие между идеалом красоты и обыденным миром.

Помимо романтической поэзии в первой трети XIX в. в Великобритании сформировалось и самобытное направление исторической романистики. Его ведущим представителем был Вальтер Скотт (1771-1832), известный коллекционер памятников шотландского фольклора, баллад и народных песен. С 1805 г. Скотт начал публиковать и поэмы своего сочинения — «Песнь последнего менестреля», «Мармион», «Два озера», «Рокби», «Видение дона Родерика», «Властитель островов». Европейскую известность он приобрел как автор исторических романов. Перу Скотта принадлежат 28 таких произведений, большинство из которых вошли в состав «шотландского» и «английского» циклов. Непременным условием

создания романа Скотт считал максимальной исторической точностью. Он пытался воспроизвести мельчайшие детали быта прошлых эпох, костюмов, обычаев. Нередко изображались вполне реальные исторические события. В то же время Скотт строил сюжеты своих произведений свободно, обогащая их множеством вымышленных событий и действующих лиц.

Родоначальниками немецкого романтизма стали братья Шлегели — Август Вильгельм и Фридрих Вильгельм. Фридрих Вильгельм Шлегель (1772-1829) изложил принципы романтической эстетики в трактате «Фрагменты». Он писал о «прогрессивной универсальной поэзии», которая вбирает в себя все, что хоть в малейшей степени обладает поэтикой — от поцелуя влюбленных до всеобъемлющей эстетической системы. «Универсальность», по Шлегелю, означает способность романтического поэта постигать мир в его целостности и многогранности, видеть одно и то же явление под разными углами зрения. Романтический универсализм, в отличие от просветительского, выражал подчеркнуто субъективное отношение к окружающему миру. «Образ эпохи» порождается индивидуальностью художника-творца, предоставляя ему широкую свободу поэтической рефлексии.

Шлегель заимствовал у Фихте понятие принципов бесконечной «деятельности» и «рефлексии». Рефлексия бесконечна, а каждая ее ступень, в свою очередь, может стать предметом рефлексии. Таким образом, «Я» не может быть исчерпано никакой рефлексией. Отталкиваясь от этого вывода, Шлегель сформулировал свою теорию иронии. Ирония, по его мнению, утверждает незавершенность, бесконечное развитие, раскрытие новых возможностей в человеке, искусстве, природе и обществе. Ироничное отношение к действительности предполагает непереносимое соотношение своих впечатлений с движением, динамикой самой жизни — незыблемое вчера, сегодня рассыпается в прах, а казавшееся абсолютным становится относительным. Иронию Шлегель считал принципиально важной характеристикой творческого процесса. Продуктивная напряженность творчества возникает из «невозможности и необходимости исчерпывающего высказывания». Ирония же — это художественная форма «указания на бесконечность», снятия ограниченных и застывших точек зрения.

Ироничность художника объясняет и неизбежную фрагментарность в изображении мира. Фрагмент, по мнению

Шлегеля, есть нечто оторванное от целого, нечто принципиально неокончательное. Поэтому художник должен гордиться незавершенностью своего творения как залогом дальнейшей импровизации, нравственного поиска. Отстаивая принцип художественной фрагментарности, Шлегель обосновывал и принципиально важную для романтизма идею «открытости» всех видов искусства, их способности переходить друг в друга, сливаться и смешиваться. Ведущим жанром современной эпохи он считал роман, в наибольшей степени отвечающий требованию универсальности, способный стать «энциклопедией всей духовной жизни гениального индивидуума».

Август Вильгельм Шлегель менее известен своими концептуальными разработками, но именно он стал основателем первого в Германии литературного кружка романтиков — при университете в городе Иена, где Август читал лекции по истории литературы. Два участника группы «иенских романтиков» — поэт и прозаик Новалис и драматург Людвиг Тик, сыграли ключевую роль в формировании литературного течения немецкого романтизма.

Новалис (Фридрих фон Гарденберг, 1772-1802) заложил традицию радикального противопоставления духовного мира и реальной действительности как двух полюсов человеческого бытия. Он отстаивал идеал интуитивного творчества, видя в нем единственный способ преодоления этой незримой, но фатальной грани. «Поэт воистину творит в беспомощности, оттого все в нем мыслимо, — утверждал Новалис. — Он представляет собой в самом действительном смысле тождество субъекта и объекта, души и внешнего мира. Отсюда смысл бесконечности прекрасной поэмы — вечность. Чувство поэзии в близком родстве с чувством пророческим и с религиозным». Незавершенный роман Новалиса «Генрих фон Офтердинген» (1802) стал первым программным художественным произведением немецких романтиков. После смерти автора его опубликовал Друг Новалиса Людвиг Тик (1773-1853), который в своем творчестве проделал эволюцию от просветительского романа к психологически насыщенной и возвышенной романтической Дrame. Тик умело сочетал занимательность сюжета с глубоким нравственным подтекстом.

На волне патриотических настроений, вызванных эпопеей Наполеоновских войн, в Германии возникло течение зрелого Романтизма. Оно получило название гейдельбергского, по-

скольку было основано студентами Гейдельбергского университета Клеменсом Брентано (1778 - 1842) и Людвигом Ахимом фон Арнимом (1781 - 1831). Началом их литературного творчества стала авторская обработка и публикация народных поэтических произведений, вошедших в сборник «Волшебный рог мальчика» (1806 - 1808). Впоследствии народная тема, в ее историко-романтическом, иррациональном толковании, становится ключевым отличием творчества «гейдельбергских романтиков». Огромную роль в популяризации народного творчества сыграли знаменитые сказочники братья Якоб (1785 - 1863) и Вильгельм (1786 - 1859) Гриммы. Своего пика эта линия в развитии немецкого романтизма достигла в творчестве Эрнста Теодора Амадея Гофмана (1776 - 1822).

Уникальность таланта Гофмана — поэта, писателя, музыканта, художника — является характерным явлением для мира немецких романтиков, где яркая индивидуальность преобладала над приверженностью традициям и школам. Центральной для его творческой концепции стала идея «двоемирия» — расщепления природного мира, общества и самого человека на противоборствующие начала. Нередко Гофман использовал такую сюжетную линию, как раздвоение персонажей — возникновение двойника символизировало разорванность человеческого сознания, неискоренимое противостояние и сложное переплетение добра и зла («Золотой горшок», «Крошка Цахес», «Повелитель блох», «Житейские воззрения Кота Мурра»). Игра авторского воображения, использование многогранных и необычных художественных образов, тонкая ирония позволяли Гофману создавать в своих произведениях уникальный фантастический мир, где реальность выявляла всю свою иррациональную, таинственную сущность. В то же время Гофман не переоценивал мировоззренческое значение романтического искусства. «Цель искусства вообще, — писал он, — доставлять человеку приятное развлечение и отвращать его от более серьезных или, вернее, единственно подходящих ему занятий, которые обеспечивают ему хлеб и почет в государстве».

Особую роль в истории немецкой литературы XIX в. сыграл Генрих Фон Клейст (1777 - 1811). Его произведения были почти неизвестны современникам, но именно в творчестве Клейста наиболее полно отразились классические черты художественной философии романтизма. Клейст находился под большим влиянием философских идей Канта и пытался эмоционально.

образно выразить их мировоззренческий пафос. Трагизм бытия клейстовских героев обусловлен их стремлением к утверждению абсолюта, их неистовой верой в возможности человеческого духа и в высшее предназначение человека, восприятием личности как меры всех вещей, неподвластной обыденности. Вера в абсолют, бескомпромиссное следование некоей нравственной максиме в столкновении с внешним миром, с силами произвола и беззакония, обрекают героя на острый внутренний конфликт и, нередко, на нравственную деградацию. Клейст разделял пафос исканий справедливости, однако в его произведениях была ярко продемонстрирована фатальная роль одержимости любыми идеалами, превращающей человека в самое страшное и опасное существо.

Литературная традиция романтизма оказала большое влияние на развитие европейского театрального искусства. Драматургия Ж. де Сталь и В. Гюго, А. Дюма и Э. Гофмана, Л. Тика и Г. Клейста привнесла в театральную жизнь высочайший накал чувственности, нравственный пафос, лишенный классической патетики, яркое и многогранное по художественным формам отражение конфликта человека и общества. В начале XIX в. складываются мощные национальные актерские школы, ведущие представители которых — Э. Рашель, Ф. Леметр, П. Бокаж — во Франции; И. Флекк, Л. Девриент, К. Зейдльман — в Германии; Э. Кин, У. Макреди, Г. Игвинг — в Великобритании — внесли большой вклад в становление эстетики сценического искусства романтизма. При этом французская актерская школа сохраняла очевидную преемственность с театральными традициями классицизма. Не случайно, что именно во Франции родился и романтический стиль балетного искусства, с характерными для него символическими формами — прыжковой техникой, техникой «танца на пальцах» (танец на пуантах). Стилистика английской актерской школы в меньшей степени соответствовала канонам академического искусства. Показателен в этом отношении пример актерского мастерства Эдмунда Кина (1787 - 1833). Его манера игры — с особой динамичностью, подвижностью, бурными проявлениями темперамента и использованием всех возможностей Мощного от природы голоса актера, наполнила новым смыслом Классический шекспировский репертуар. По отзыву СТ. Кол-Риджа, видеть Кина на сцене было равносильно «чтению Шекспира при вспышках молнии».

Чувственная эстетика романтизма с особой силой проявилась в музыкальном искусстве. В первой половине XIX в. в европейских странах сформировалась целая плеяда блестящих композиторов. Огромный вклад в развитие художественной философии романтизма внес Рихард Вагнер (1813 - 1883), один из родоначальников вокально-симфонического жанра. «Необузданным, изначальным, беспредельным чувствам, которые передают инструменты, нужно противопоставить ясные, определенные ощущения человеческого сердца, которые передает человеческий голос, — писал Вагнер. — Присоединение этого второго элемента окажет благотворное и смягчающее воздействие на борьбу изначальных чувств, введет их поток в определенное общее русло, а человеческое сердце, восприняв эти изначальные ощущения, станет шире и сильнее и обретет способность осознать в себе божественную сущность».

Поэтика художественного творчества, по мысли Вагнера, рождается под влиянием двух начал — мужского и женского. С мужским Вагнер ассоциировал поэтический образ, а с женским — мелодию. Их сочетание, когда «бесконечная музыкальная глубина начинает воплощать в себе поэтическую образность», создает высшую гармонию творчества. Отражением такой гармонии Вагнер считал музыкальную драму, не сводимую ни к искусству слова, ни к музыкальному звучанию, представляющую собой «вертикальный разряд музыкальной глубины, просветленный и освещенный образами поэзии».

Вагнер резко критиковал классическое оперное искусство, считая его «лживым изяществом». Но корни деградации культуры он видел во влиянии христианской эстетики — «лицемерного и сознательно унижающего человека мировоззрения», которое «не могло никоим образом дать жизнь истинному живому искусству». Вагнер считал, что искусство — это «радость быть самим собой, жить и ощущать себя членом общества». В качестве подлинного источника творческого вдохновения он воспевал миф — как «обобщенную человечность», «начало и конец истории». В работах «Произведение искусства будущего», «Музыка будущего», «Опера и драма» Вагнер анализировал мировоззренческие и эстетические основы мифологии, приходя к выводу об отражении в мифе «истинной естественности» человека, той сущности, которая проявляется в человеке «везде и всегда».

Поиск «обобщенной человечности», по словам самого Вагнера, привел его к «преданиям немецкой старины», на-

родным истокам немецкой культуры. Историко-мифологическая тематика объединила лучшие произведения композитора — «Летучий голландец» (1841), «Тристан и Изольда» (1859), «Нюрнбергские мастерзингеры» (1867), «Парсифаль» (1882); тетралогии «Кольцо Нибелунга» — «Золото Рейна», «Валькирия», «Зигфрид», «Гибель богов» (1854 - 1874). Вагнер считал, что историческая монументальность и высокая духовность являются особенностью именно немецкой национальной культуры. «Немцу необходимо не только чувствовать музыку, но и мыслить, — писал он. — Он отрицает ее как усладу одних только чувств, он требует услады духа». В дальнейшем сочетание яркого историзма с воспеванием «народного духа» и «исконных традиций» стало знаковым для художественной философии немецкого романтизма.

Яркими представителями немецкого романтического музыкального искусства являлись Эрнст Теодор Амадей Гофман (1776 - 1822), Роберт Александр Шуман (1810 - 1856), Карл Мария фон Вебер (1786 - 1826). Гофман, снискавший славу своим литературным творчеством, стал и одним из первых музыкальных критиков, отстаивавших принципы романтизма. В течение нескольких лет он с успехом занимал пост театрального капельмейстера и даже создал собственное концептуальное музыкальное произведение — оперу «Ундина» (1814). Фантастические мотивы, характерные для творчества Гофмана, оказали большое влияние на авторский стиль Роберта Шумана, создателя программных фортепианных и лирико-драматических циклов («Бабочки», «Карнавал», «Фантастические пьесы», «Крейслериана», «Любовь поэта», «Круг песен», «Любовь и жизнь женщины»). В области немецкой художественной песни Шуман являлся наследником Франца Шуберта, а его фортепианное творчество оказалось беспрецедентным в мировой музыке. Фортепианная партия песен использовалась Шуманом не только для аккомпанемента вокальной партии, но и как самостоятельная вариация, вдохновенная импровизация на общую поэтическую тему. Тем самым складывался уникальный поэтико-музыкальный ряд, с особой силой и искренностью выражающий мир чувств и романтических образов. Автором виртуозных концертных пьес для фортепиано был и Карл фон Вебер. Европейская слава пришла к нему после премьеры оперы «Вольный стрелок» (1821) — признанного образца романтического музыкального искусства, а также создания опер «Эврианта» (1823) и «Оберон» (1826).

Романтическое направление в музыкальном искусстве Франции представлено прежде всего творчеством композитора и дирижера Гектора Берлиоза (1803-1869), создавшего «Фантастическую симфонию» (1830), «Траурно-триумфальную симфонию» (1840), «Реквием» (1837), драматическую симфонию «Ромео и Джульетта». Берлиоз был ярким новатором в области музыкальной формы, гармонии, инструментовки. Он стремился к театрализации симфонического жанра, протестовому заострению образов в сочетании с монументальностью вокально-инструментального стиля. Свое собственное творчество Берлиоз называл в автобиографических записках «Тридцатилетней войной против профессоров, рутинеров и глухих к музыке». Он стремился активно пропагандировать новые принципы симфонизма, исполняя свои произведения по всей Европе, часто вставая за дирижерский пульт. Берлиоз был музыкальным обозревателем влиятельной газеты «Журналь де деба». Его перу принадлежат программный «Трактат о современной инструментовке и оркестровке» (1855), очерк об искусстве дирижирования — «Дирижер оркестра», сборник новелл «Вечера с оркестром» (1853).

Большую роль в развитии французского музыкального театра сыграл Даниэль Франсуа Эспри Обер (1782-1871) — один из основоположников жанров «комической оперы» и «большой оперы». Оберу принадлежат оперы «Немая из Порточи» (1828), «Фра Дьяволо» (1830), «Бронзовый конь» (1835), «Черное домино» (1837) и «Бриллианты короны» (1841). При создании некоторых из них Обер сотрудничал с известным французским драматургом и либреттистом Э. Скрибом. Отличительной особенностью постановок Обера стало использование нового освещения и технических эффектов. Это позволяло с особой выразительностью представлять жанровые сцены, ранее характерные для бульварных театров.

За пределами Германии и Франции наибольший вклад в развитие романтического направления в музыкальном искусстве внесли венгерский композитор Ф. Лист, польский композитор и пианист Ф. Шопен, итальянцы Дж. Россини, В. Беллини и Г. Доницетти.

Венгерский композитор и пианист Ференц Лист (1811-1886) был виртуозом «малых форм» концертной музыки. Его смелое новаторство в области гармонии не только обогатило романтический стиль, но и во многом предвосхитило разви-

тие музыкального языка уже на рубеже XIX-XX вв. Мечты Листа о политональной и атональной «музыке будущего» были близки к вагнеровским идеям. Подобно Вагнеру, Лист был приверженцем идеи синтеза всех искусств как высшей формы художественного выражения.

Фридерик Шопен (1810-1849), долгое время живший во Франции, также практически не работал в оперно-симфоническом жанре. Но его многочисленные фортепианные пьесы — мазурки, полонезы, баллады, ноктюрны, этюды, скерцо, вальсы — ярко продемонстрировали огромный новаторский потенциал музыки романизма. Шопен привнес в западную музыку славянские ладовые и интонационные элементы. Особенно большой успех у парижской публики имели «польские» произведения Шопена — мазурки и полонезы.

Итальянские композиторы-романтики работали преимущественно в жанре оперы. Джоаккино Россини (1792-1868) получил большую известность на родине уже после постановок двух своих первых произведений — «Танкред» и «Итальянка в Алжире» (1813). В 1815 г. Россини представил на суд публики оперу «Севильский цирюльник». Премьера завершилась полным провалом, но именно это произведение обессмертило имя композитора. В дальнейшем Россини с успехом ставил свои оперы на итальянской и французской сцене. Многие из них — «Отелло», «Золушка», «Семирамида», «Вильгельм Телль», стали признанными образцами романтического искусства. По вдохновенной мелодике и яркой лирической выразительности им не уступали лучшие произведения Винченцо Беллини (1801-1835) и Гаэтано Доницетти (1797-1848). Оба композитора были чрезвычайно плодовиты, хотя их творческая судьба складывалась также очень непросто.

Особенностью итальянской театрально-музыкальной культуры начала XIX в. была огромная популярность балета. Сохраняя элементы классической техники, итальянские балетмейстеры Г. Джои и С. Вигано добились привнесения в спектакли романтической экспрессии, динамики. В 1813 г. при миланском оперном театре «Ла Скала» была создана балетная Школа, ставшая наиболее известной в Европе.

Характерный для романтического искусства национальный колорит отразился и в развитии живописи. Основателями Французской школы романтической живописи были Теодор Йсерико (1791-1824) и Фердинанд Виктор Эжен Делакруа

(1798-1863). В противоположность классическим традициям школы Ж.Л. Давида, Жерико пропагандировал идеал живописи, свободной в формах изображения действительности. Его полотна «Плот Медузы» (1819) и «Скачки Дерби в Эпсоме» (1822) вызвали большой резонанс среди художников и публики своей смелой антиклассической направленностью. Еще более живым и драматичным художественным языком отличалось творчество Делакруа. Внутренняя напряженность, динамизм и экспрессивность его произведений сочетались с пафосом революционной героики и свободомыслия. Картина Делакруа «Свобода на баррикадах» (1830) стала настоящим символом идеалов свободы и независимости. Творческая фантазия, страстный темперамент художника выразились в исторических композициях («Взятие крестоносцами Константинополя», 1840; «Похищение Ребекки», 1841), иллюстрациях к произведениям У. Шекспира и И. В. Гете. В творчестве Делакруа проявилось и увлечение французских художников восточными мотивами, возникшее после египетского похода Наполеона — «Смерть Сарданапала», 1827; «Греция на развалинах Миссолунги», 1826; «Алжирские женщины», 1833-1834).

С романтической школой было связано творчество и других французских художников-новаторов начала XIX в., в том числе блестящего портретиста и автора исторических полотен Поля Делароша (1797-1856), пейзажиста Поля Гюе (1804-1869). Наиболее примечательные особенности стиля французских художников-романтиков — насыщенный колорит, динамичность и реалистичность композиции в сочетании с контрастом света и тени, теплых и холодных тонов, предвосхитили некоторые эффекты живописи импрессионистов.

Немецкая школа живописи романтизма отличалась не столько новаторством в технике исполнения, сколько подчеркнутым психологизмом, чувственностью, философским подтекстом. Уже в творчестве Асмуса Якоба Карстенса (1754-1798) проявилась характерное для немецких романтиков пренебрежение к академической технике и стилевым традициям. Идеи Карстенса были развиты молодыми художниками из кружка «новонемцев» — Юлиусом Шнорром фон Карольсфельдом (1794-1872), Людвигом Рихтером (1803-1884), Бонавентурой Генелли (1798-1868). Благодаря их творчеству в немецком изобразительном искусстве укрепилось значение графики, гравюрной литографии, станковой монументальной живописи.

«Новонемцы» стремились сочетать техническую простоту с ярко выраженным поэтическим чувством. Для многих их полотен были характерны религиозно-мистические мотивы, обращение к таинственным средневековым легендам и сказаниям. В ином направлении традиции немецкого романтизма развивал Каспар Давид Фридрих (1774-1840). Отличительной чертой его творчества стала реалистичная передача картин природы («Пейзаж с мужской фигурой у изгороди», «Горный пейзаж», «Крест на горе»). Однако ключевую роль в восприятии этих полотен приобретал их философский и символический подтекст — обостренное чувство единства и противостояния человека и природы, тема угнетающего безмолвия окружающего мира, как символа отторжения человека.

Характерной чертой английской живописи романтизма было широкое использование художниками элементов классицистской и реалистической техники, а также новаторство в поисках новых форм передачи зрительных ощущений. Джон Констебл (1776-1837) стал основателем романтической традиции в английской пейзажной живописи. В своих полотнах он стремился отобразить английскую природу с максимальной точностью и достоверностью. Пейзажи, выставленные Констеблом во французском Салоне 1824 г., Стендаль назвал «зеркалом, передающим природу». Констебл писал пейзажи с натуры, пытаясь отобразить естественное ощущение целостной световоздушной среды. Такая стилистика в некоторых чертах предвосхищает метод французской школы импрессионистов. С живописью романтизма творчество Констебла сближало стремление отразить живое, одухотворенное начало природного мира, тонкий психологизм зарисовок различных времен года («Телега для сена», 1821; «Нареке Стур», 1822; «Хлебное поле», 1826; «Видна собор в Солсбери с реки», 1829).

Традиции Констебла были развиты в творчестве Джозефа Мэллорда Уильяма Тернера (1775-1851). Он прошел длительный творческий путь от полотен в духе классического пейзажа голландской школы XVIII в. до создания настоящих поэтических симфоний, превращающих свет и воздух в зрительно воспринимаемую стихию («Дождь, пар и скорость», «Заход солнца», «Замок у залива», «Баттермир с радугой»). Подобно более поздним исканиям французских импрессионистов, Тернера очень занимала научная теория цвета, в том числе концепция преломления белого цвета в призме на спектральные

цвета. Он пытался сочетать новаторскую технику с композиционными традициями академической живописи. Примерно в той же манере работал и Фредерик Лейтон (1830 - 1896), получивший известность как создатель академических полотен на античные темы («Одалиска», «Геркулес, спасающий Альцесту», «Клитемнестра», «Елена Троянская»). Особую известность получила его картина огромных размеров «Дафнефория», изображавшая праздник в честь Аполлона в древних Фивах. Сочетание стилистики классицизма и реализма стало характерной чертой творчества двух ведущих английских портретистов начала XIX в. — Томаса Лоренса (1769 - 1830) и Джорджа Доу (1781-1829).

Синтез традиций английской классической портретистики с жанром романтической исторической живописи ярко представлен в творчестве Бенямина-Роберта Гайдона (1786 - 1846), автора полотен «Выход Спасителя в Иерусалим», «Воскрешение Лазаря», «Нерон любит пожаром Рима», «Изгнание Аристида». В той же стилистике работали Фредерик Уокер (1840 - 1875) и Уильям Аллан (1782 - 1850). Героика романтизма отразилась в творчестве Чарльза-Роберта Лесли (1794 - 1859), в том числе в его полотнах «Смерть Рютленда», «Саула у фендорской волшебницы», «Катерина и капуцины». Лучшим произведением Чарльза Лендсира (1799 - 1879) стала его героическая картина «Кромвель в Несби в 1645 г.». Одновременно Лендсир был известен и как блестящий жанровый живописец, автор реалистических бытовых композиций («Завтрак в горах», «Горепастуха», «Спящаяищейка», «Служанка и сорока», «Погонщик волов» и др.). Определенную специфику приобрело становление романтического направления в архитектуре, скульптуре и декоративном искусстве. Стремление к сочетанию реалистических и фантастических форм, нарочитое использование декоративных элементов интерьера, отказ от прагматичных и пропорциональных конструкторских решений — все эти важные с точки зрения эстетики романтизма решения оказались недостаточны для формирования какого-либо самобытного, оригинального течения. Увлечение романтическими идеями дало толчок для возрождения художественных образов прежних эпох в рамках неоготического, неороманского, необарочного стилей.

Наиболее плодотворно архитектура романтизма развивалась в Англии. Ее ведущим представителем являлся Джон Нэш

(1752 - 1835). Первоначально Нэш работал в Уэльсе, но благодаря покровительству принца-регента (впоследствии короля Георга IV) стал ведущим лондонским архитектором. В 1811 г. Нэш выиграл конкурс проектов парка на окраине Лондона и улицы, которая бы связывала его с Вестминстером. Так были созданы знаменитая Риджентс-Стрит и Риджентс-парк, в котором среди традиционного «английского парка» размещались жилые дома («Террасные дворцы»). В последующие годы Нэш разработал градостроительную концепцию, которая охватывала территорию от Молла на юге до Риджентс-парка на севере. Нэшу также принадлежал план реконструкции Бэкингемского дворца. Характерными чертами его стиля стало использование для оформления зданий ионического (древнегреческого) ордера, а также восточных мотивов.

Признанным лидером неоготики в Англии стал Чарльз Бэрри (1795 - 1860), получивший известность после создания проекта клуба «Тревеллерз» в Лондоне (1829 - 1832). Этот проект был попыткой вернуться к палладианскому стилю с характерными для него колоннами и пилястрами большого ордера. Здание клуба «Реформ», построенное Бэрри, было вариацией на тему римского палаццо, с помещениями, расположенными вокруг центрального открытого двора. В 1830-1840-х гг. Бэрри стал ведущим лондонским архитектором и начал строительство нескольких официальных зданий, призванных создать особый стиль столицы. Главные постройки Бэрри этого периода — Королевский хирургический колледж (1835), Казначейство (1846 - 1847) и Пентонвильская тюрьма (1840). Вершиной же творчества Бэрри стал ансамбль британского парламента с башнями Виктории и Часовой («Big Ben»), созданный им вместе с О. Пьюджином. Строительство началось в 1837 г. и было завершено уже после кончины Бэрри. В этом проекте Бэрри соединил регулярность и симметричность планировки, свойственных классицизму, с принципами, присущими перпендикулярной готике. В ансамбль была включена и средневековая капелла Генриха VII.

Французская архитектура романтизма в наибольшей степени отразила идею исторической преемственности. Благодаря трудам Эрика-Давида (1755 - 1839) даже само понятие «романтизм» оказалось неразрывно связано с идеей возрождения национально-исторических особенностей архитектуры. Реставрационные работы Жака Феликса Дюбана (1797 - 1870)

и Жана Батиста Лассю (1807-1857) в Нотр-Дам и в Сент-Шапель в Париже способствовали распространению «моды на готику». Концептуальные принципы неоготического искусства сформулировал известный теоретик архитектуры и историк-медиевист Э. Вьолле-ле-Дюк (1814-1879). Его последователь Поль Абади-младший (1812-1884) создал в стиле неороманских церквей блестящий архитектурный ансамбль Сакре-Кер (церковь Сердце Христова) на Монмартре. В мастерской Вьолле-ле-Дюк работал в молодости и Жан Луи Шарль Гарнье (1825-1898) — родоначальник французской архитектуры необарокко. Его наиболее известной работой стало богато украшенное и помпезное здание Гранд-Опера в Париже (1861-1875). Тот же стилиевой синтез являлся основой и для развития французской скульптуры романтизма. Ведущими представителями этого направления являлись Э. Мендрон (1801-1884), О. Прио (1810-1870), Р. Юд (1784-1855), П. Д'Анжер (1789-1856), А. Бари (1795-1875).

Менее оригинальным оказалось творчество немецких архитекторов-романтиков — Фридриха фон Гертнера (1792-1847), построившего триумфальную арку в Мюнхене, Иозефа Даниеля Ольмюллера (1791-1839), создателя замка Гогеншвангау и Луговой церкви близ Мюнхена (1831-1839). В романтической стилистике работали также архитекторы из Бадена Генрих Гюбш (1795-1863) и Фридрих Эйзенлор (1805-1854), берлинский архитектор Август Золлер (1805-1853). Готфрид Земпер (1803-1879), создавший несколько программных архитектурных ансамблей в Дрездене, отразил принципы романтизма в своей книге «Стиль». Это произведение получило общеевропейскую известность. Ведущим немецким скульптором, работавшим в стиле романтизма, был Макс Виднман (1812-1895).

Альтернативным направлением в развитии европейской культуры XIX в. стал реализм. Именно в таком смысле термин «реализм» был впервые использован французским литературным критиком Жаном Шанфлери в начале 1850-х гг. В отличие от романтизма, который во многом был порожден социально-психологическими последствиями «эпохи революций», реалистическое искусство отражало более глубинные и преемственные процессы в развитии общественного сознания. Формирование художественной философии реализма было тесно связано с утверждением ментальных основ индустриального общества, ломкой религиозной картины мира, торжеством

стиля мышления, основанного на категориях рационализма, формальной логики, утилитарности, «здорового смысла».

Искусство реализма по своей сути отвечало тем же мировоззренческим целям, что и позитивистская наука — преодолению этической нормативности и личностного субъективизма в системе познания, стремлению к «правдивому», объективному описанию действительности. В основе художественного мышления представителей реализма лежало представление о глубокой закономерности «хода вещей», о строгой причинно-следственной обусловленности всех явлений и фактов. Тем самым реализм принципиально отвергал романтическое восприятие конфликта добра и зла как столкновения вневременных начал нравственного и безнравственного. На смену возвышенным, героико-поэтическим сюжетам романтизма пришло напряженное внимание к условиям труда и быта людей, их образа и стиля жизни. В этом проявлялась общая для реализма и позитивизма установка на признание приоритетной роли среды в формировании развитии жизни, в том числе социальной среды как решающего фактора в жизни человека.

Не отказываясь от принципа историзма, представители реалистического направления в художественной культуре свели его к выявлению цепи объективных причин произошедшего, к «исторически правдивому отображению современности». В таком восприятии история утрачивала ореол таинственности и фатальности, превращалась один из элементов «позитивной» картины современного мира.

Реалистическое искусство сформировало новый тип героя — человека, не склонного к мечтательности и сентиментальности, жесткого и даже циничного в своем отношении к жизни. В центре внимания оказывались не внутренние переживания героя, а та цепь событий, в которые он оказывался вовлечен. Именно эта «подлинность» внешних условий придавала герою черты реального человека, вовлеченного в конфликты, ищущего свою «правду» и борющегося за нее. Как правило, для представителей реалистического искусства был интересен уже вполне сложившийся человек, не нуждающийся в «воспитании чувств». Нравственный выбор такого героя сопряжен не с попытками понять нечто глубинное в себе и в самой жизни, а с выбором линии поведения в обществе, с реакциями на окружающую среду. Поэтому, персонажи реалистических произведений — это четко очерченные социальные типы, чьи реакции и действия

могут носить черты индивидуальности, но в целом соотносятся с вполне конкретным социальным амплуа.

Типизация человеческих характеров и судеб, социальных ситуаций и процессов стала основой творческого метода реализма. Этим способом реалисты пытались показать наиболее существенные проявления бытия, отобразить жизнь в ее объективно обусловленных формах. Как следствие и эстетика, и художественный язык реализма основывалась на выборе наиболее простых, очевидных, четких форм и приемов. Изменилась сама система диалога художника и зрителя. На смену яркому авторскому субъективизму романтиков пришло внешне нейтральное отношение художника к своим героям. Задача смыслового анализа художественного образа возлагалась теперь скорее на читателя и зрителя. Художник, предлагавший в своем произведении лишь «зеркало действительности», оказывался не вправе дополнять его собственными оценками и мировоззренческими выводами. Однако, ограничивая свободу самовыражения художника, реализм отнюдь не стремился к свободе зрительского прочтения. Его важнейшим принципом стало нерасторжимое единство эстетической формы и социального содержания, «движения чувства и мысли». Благодаря такой установке реалистическое искусство не только заметно интеллектуализировалось, но и приобретало ярко выраженный идеологический характер.

Специфика художественной философии реализма предопределила меньшее, по сравнению с романтизмом, жанровое разнообразие. Наиболее плодотворно принципы реализма были воплощены в литературе и живописи.

Во Франции первую попытку концептуального обоснования реалистического метода в литературе сделал Фредерик Стендаль (Анри Мари Бейль, 1783 - 1842). Правда, собственное творчество Стендаль все еще называл романтическим, а новации в литературе связывал с актуализацией жанра трагедии. «Отныне не нужно писать трагедии для нас, рассуждающих, серьезных и немного завистливых людей», — писал он. В трагедии Стендаль видел жанр, способный наиболее полно отразить реалии современной жизни и причины нравственного падения. «Займись изучением людей, — рассуждал Стендаль, — проследи, ценой каких усилий им удалось стать подобными глупцами, в какой мере в этом благородном стремлении им способствовали обстоятельства, и что для этого они сделали сами. Найди

путь, который можно было бы избрать на их месте, дабы избегнуть внедрившихся в их ум и сердце привычек».

Стремление увидеть в человеке большее, чем индивидуальную судьбу, отразить в характере персонажей движение «социальной материи» позволило Стендалю сравнивать свои произведения с зеркалом, которое «проносят по большой дороге». Излюбленными героями писателя стали энергичные, сильные духом и страстные люди, способные бросить вызов низменному и пошлomu обществу («Арманс», 1827; «Красное и черное», 1831, «Люсьен Левен», 1836). Стендаль неизменно подчеркивал, что «отважный разум» он считает важнейшей добродетелью современности, и красота не существует вне этой добродетели.

Вершиной французской реалистической литературы стало творчество Оноре де Бальзака (1799 - 1850). Широкую известность ему принесла публикация уже первых произведений из художественно-публицистических циклов «Этюды о нравах» (1833-1837) и «Философские этюды» (1835-1837). В этих работах Бальзак впервые поставил перед собой глобальную задачу не только отобразить социальную историю Франции, но и выявить причины и следствия охвативших общество болезней, найти «лекарство» от социального недуга. Впрочем, на деле его первые этюды вобрали лишь причудливую смесь модных тогда материалистических и мистических учений, теорий физиогномики и магнетизма, католической и консервативной риторики. Бальзак пытался развить концепцию мысли как некоей «эфирной субстанции», или «флюида», который состоит из воли и чувства. Он полагал, что человек, проецируя мысль на окружающий мир, придает ей жизненную энергию, импульс, способный нести разрушение или стать созидательной силой. В качестве философской основы для анализа общества подобные принципы оказались не очень эффективны. Но размышления о разуме и страстях как «социальном двигателе всех событий» подтолкнули писателя к еще более глобальному замыслу создания «истории нравов».

Бальзак доказывал, что предмет художественного анализа в сущности весьма прост — это «мужчины, женщины и вещи», где под «вещами» подразумеваются «материальные воплощения мыслей». Пытаясь отразить всю палитру реально существующих и господствующих в обществе отношений, Бальзак создал грандиозную эпопею «Человеческая комедия»,

состоящую из 90 романов и рассказов (наиболее известные из них — «Шагреновая кожа», 1831; «Гобсек», 1835; «Отец Горио», 1838; «Утраченные иллюзии», 1843; «Блеск и нищета куртизанок», 1847). «Мой труд, — писал Бальзак, — имеет свою географию, так же как и свою генеалогию, свои семьи, свои местности, обстановку, действующих лиц и факты, также он имеет свой гербовник, свое дворянство и буржуазию, своих ремесленников и крестьян, политиков и денди, свою армию, словом весь мир».

В «Человеческой комедии» Бальзака блестяще отразилась смена исторического мышления, характерная для реализма. Движение истории сосредоточилось в судьбах конкретных людей, а его пространством стало реально существующее современное общество. При этом Бальзак видел суть истории именно в «человеческих делах», в личных взаимоотношениях. В центре многих его произведений оказывались семьи и даже семейные династии, олицетворяющие связь времен и представляющие собой своего рода «кодексы нравов». Ту же цель преследовало и использование «сквозных персонажей» — лицо, игравшее ведущую роль в одном из романов, затем возникает в других, раскрываясь с новой стороны и в иных обстоятельствах.

Стремясь расшифровать движения человеческой души, Бальзак полностью отказался от схематичного изображения своих героев. Даже отрицательные образы он наделял особой значительностью, цельностью, силой страстей и воли. Но яркий психологизм сочетался в произведениях Бальзака с подчеркнутым вниманием к социальной среде и, в особенности, к материальному «фону» и «облику» персонажей. Среди героев Бальзака немало людьми, охваченными навязчивой идеей или какой-либо страстью. И практически всегда за этими порывами скрывались финансовые интриги и спекуляции, стяжательство и карьеризм, мнительность и безжалостность «высшего общества».

Яркий психологизм, как отражение историко-социальной и личностной обусловленности характеров и судеб героев, стал в дальнейшем ключевой чертой французской литературы реализма. Эта особенность отразилась в творчестве Г. Флобера и П. Мериме. Гюстав Флобер (1821 - 1880) снискал славу одного из создателей социально-психологического романа. Уже первый из его опубликованных романов — «Госпожа Бовари» (1857), стал шедевром реалистической литературы. В отличие

от Стендаля и Бальзака, Флобер не видел в чувствах лишь проявление движения мысли. В своих персонажах он стремился раскрывать прежде всего мир эмоций, сжигающее влияние страстей. Человеческие мотивы Флобер рассматривал как неразсторжимое единство физиологии, эмоций и разума. Подчеркнуто натуралистичная эстетика сочеталась в его творческой концепции с тщательной работой над текстом — продуманным структурированием и неизменным поиском «правильного слова» («*mot juste*») — яркой и лаконичной формулы раскрытия характеров и обстоятельств. Роман Флобера «Воспитание чувств» (1859) стал переломным для развития французской литературы. В нем излагалось видение истории всего поколения середины XIX в., воспитанного на пафосных идеалах романтизма и пережившего их крах, прошедшего жестокую школу утверждения нового общества и не нашедшего в себе смелость понять подлинный смысл происходящего.

Те же пессимистические нотки в сочетании с иронией и даже некоторым цинизмом были характерны для творчества Проспера Мериме (1803 - 1870). Романтические мифы оказываются в его произведениях нелепыми и смешными при столкновении с безжалостной реальностью. Характерно, что Мериме почти избегал жанра романистики и прославился прежде всего как автор новелл. «Одноцентровая» структура этих произведений, не предполагающая последовательного и расширяющегося развития сюжета, идеально подходила для изменившихся творческих задач реализма — на смену детализированному и развернутому описанию общества приходила жесткая и нелицеприятная критика его социальных правил, обличающий пафос и циничный сарказм. Подобная стилистика позволила охарактеризовать художественную философию позднего реализма как «критический реализм».

Определенную специфику приобрели художественные формы английского реалистического романа XIX в. Впитав достижения просветительской романистики, дух позитивизма и традиции протестантской культуры, он оказался не столь подвержен психологическим и эстетическим художественным опытам. Интеллектуализация английской реалистической литературы предопределила ее особенно острую социальную направленность, критический, но одновременно и менее идеологизированный характер. Бесспорными лидерами английской школы Реалистического романа стали Ч. Диккенс и У. Теккерей.

Чарлз Диккенс (1812 - 1870) еще в молодости стал известен как автор юмористических очерков из лондонской жизни и удивительно точных по содержанию парламентских отчетов (в нарушение закона, запрещавшего репортерам вести записи во время дебатов, он стенографировал выступления депутатов на своих манжетах). В 1836 г. Диккенс в сотрудничестве с известным художником-карикатуристом Сеймуром опубликовал сатирический цикл «Посмертные записки Пиквикского клуба». Показывая бытовые сцены из жизни различных слоев английского общества, он блестяще использовал разнообразные художественные формы — от грубого фарса и сатиры до романтического юмора. В более жестком стиле, Диккенс создал свое первое крупное произведение — роман «Приключения Оливера Твиста» (1838). Нарочито сочетая реализм и сатиру, он изобразил два мира — рабочий дом, управляемый бессердечными надзирателями и лживыми попечителями, и лондонское «дно», мир воров и проституток.

Тема социальных противоречий и несправедливости стала центральной для многих произведений Диккенса — «Жизнь и приключения Николаса Никльби» (1839), «Лавка древностей» (1841), «Домби и сын» (1848), «Дэвид Копперфилд» (1850), «Холодный дом» (1853), «Тяжелые времена» (1854), «Рождественские рассказы» (1845) и др. Диккенс пытается реалистично показать растлевающее влияние алчности и корыстолюбия, гибель романтических мечтаний, гротеск искусственных ценностей и придуманных идеалов. Читатель видел, что мир простых и честных людей, наивных и бескорыстных — это утопический островок среди океана лжи, бесчеловечности и зла, царящих вокруг. В английской литературе сложилось даже понятие «диккенсовские мотивы»: улицы большого и холодного города, суды и тюрьмы, продажные политики и честолюбивые снобы.

Уильям Теккерей (1811 - 1863) начал карьеру писателя в малых литературных жанрах. Он с успехом публиковал сатирические очерки и повести, в том числе пародии на салонные романы и романы «ньюгентской школы», в которых преступный мир изображался в романтическом ореоле. В насмешку над романтической идеализацией средневековья Теккерей опубликовал в 1850 г. свой вариант окончания «Айвенго» — «Ребекка и Ровена». Впрочем, сам Теккерей увлеченно занимался историей XVIII в. и даже читал публичные лекции об этой эпохе.

Его перу принадлежат исторические романы «Карьера Бари Линдона» (1844), «История Генри Эсмонда» (1852) и «Виргинцы» (1857). Широкую известность Теккерей приобрел после того, как в 1847 - 1848 гг. ежемесячными выпусками началось издание его романа «Ярмарка тщеславия. Роман без героя». Теккерей назвал «ярмаркой тщеславия» аристократическое общество XIX в., рисуя целую галерею дельцов и чиновников, членов парламента и дипломатов. В 1850-х гг. Теккерей создал еще несколько крупных произведений в жанре критического реализма — «Пенденнис» (1850), «Ньюкомы» (1855), «Приключения Филиппа» (1862).

Во второй половине XIX в. сформировалась целая плеяда английских писателей, работавших в жанре критического реализма. Известный литературный критик Ральф Фокс охарактеризовал это течение как «манифест английского гения, провозгласивший, что в буржуазном обществе жить по-человечески невозможно». Наиболее заметной фигурой среди представителей позднего критического реализма являлся Джордж Мередит (1828 - 1909). В своем первом романе «Испытание Ричарда Феврела» (1859) он изобразил конфликт между представителями викторианской Англии и новым, молодым поколением, которое не желает подчиняться ханжеским правилам. В ряде романов Мередит ставил и проблему женской эмансипации («Сандра Беллони», 1864; «Виттория», 1867). Вопреки классическим традициям реализма он избегал панорамного изображения действительности и делал акцент на психологическом анализе поведения персонажей. Проза Мередита стала символом интеллектуальной утонченности, метафоричности. Он обогатил искусство романа приемами драматизации повествования, новой формой диалога, близкого к диалогу в драматургии, создал предпосылки для развития драматического, психологического и интеллектуального романа начала XX в.

Сэмюэл Батлер (1835 - 1902) стал продолжателем сатирического жанра в реалистической литературе. В традициях Свифта Батлер создал сатирико-фантастический роман «Едгин» (1872), в котором анаграмма слова «нигде» (nowhere) подчеркивали несообразность отношений, изображенных в книге, и реальной Действительности. Роман был построен как рассказ англичанина Хиггса о пребывании в стране, где все противоречит здравому смыслу. Особенно жесткой критике писатель подверг лицемерная мораль буржуазной семьи и ханжество церкви.

Лучшая книга Батлера — роман «Путь всякой плоти» (1903), была опубликована уже после смерти писателя. В ней в ярких сатирических тонах описывается частный быт викторианской Англии, атмосфера религиозного ханжества и жестокости.

Сообразным итогом развития английского критического реализма стали произведения Томаса Гарди (1840 - 1928). Свои взгляды на литературу он изложил в статьях «Полезное чтение художественной литературы» (1888) и «Искренность в английской литературе» (1890). Гарди считал, что роль романа возросла по сравнению с другими литературными жанрами. Именно романист, а не драматург или поэт, призван в своем творчестве отразить всю сложность и остроту противоречий современного общества. Гарди решительно критиковал отказ от изображения особенно острых социальных проблем в угоду пуританской морали. По его мнению, романист должен изображать жизнь во всем ее многообразии, страстности, неоднозначности. Высшим жанром литературы Гарди называл роман-трагедию. Он считал важным правильное, «геометрическое» построение фабулы таких произведений, построение интриги, связанной со сменой ощущений высшего счастья и трагического несчастья.

Менее плодотворным оказалось развитие реалистической литературы в Германии. Становление немецкого реализма было тесно связано с расцветом политической публицистики в 1830 - 1840 - х гг. Но уже к середине века, на фоне поражения революционно-демократического движения и нарастания консервативных тенденций в общественной жизни страны, реалистическая литература Германии оказалась под воздействием пессимистических настроений, чувства невозвратимой утраты былого. Это сближало немецкий реализм с романтическими традициями и, одновременно, предвосхищало формирование литературы символизма и декаданса конца XIX в.

Особое место в немецкой реалистической литературе принадлежит прозаику и поэту Теодору Шторму (1817 - 1888). Тонкая, изящная по художественным формам проза Шторма, свободная политической и религиозной проблематики, была обращена к фигуре реального человека с его чувствами и переживаниями, обидами и радостями. В этих социально-психологических зарисовках Шторм предложил своеобразное сентиментальное «просветление» убогой мещанской жизни, обычно вызывавшей жесткое осуждение писателей-реалистов.

Интерес к внутренней жизни человека, к ее потаенным глубинам, стал важнейшей чертой немецкого реалистического романа. Проза Теодора Фонтане (1819 - 1898) была посвящена характеристике «хорошего общества» и тех социальных проблем, которые скрываются за его блестящим внешним фасадом. Но главный интерес писателя был обращен к личности отдельного человека. На примерах конкретных судеб Фонтане пытался поставить проблему исчезновения старых форм жизни, старой морали, старой системы отношений в семье. Он показывал рождение «двойной морали» в современном обществе, находящемся на переломной стадии своего развития. Тема самоопределения личности, ее права на собственную жизнь в противостоянии окружающей действительности стала центральной для творчества Вильгельма Раабе (1831 - 1910). Раабе создал яркий образ чудака, оригинала, «странной личности», которая может существовать, только обособляясь от общества и преодолевая невзгоды с помощью юмора.

В изобразительном искусстве, создающем картину реально зримых форм предметного мира, традиции реализма существовали в самые различные исторические эпохи. Отличительной особенностью реалистической живописи и скульптуры XIX в. стало обращение к повседневной жизни людей, сюжетам, лишенным какой-либо религиозной или мифологической мотивировки. Среди художников-реалистов XIX в. появляются яркие личности, способные в своем творчестве отразить важнейшие мировоззренческие принципы нового искусства, подойти к зрелым по форме и содержанию художественным обобщениям.

Для творчества большинства художников-реалистов были характерны попытки найти новые художественные формы для адекватного отображения окружающей действительности. В XIX в. произошел новый подъем интереса к графике, в том числе выполняемой в сатирическом жанре. Благодаря английскому влиянию была возрождена техника выполнения гравюры на дереве, а из Германии пришла мода на литографии. В живописи прозаический бытовой жанр начинает постепенно вытеснять поэтически возвышенные жанровые формы. Но наиболее плодотворными оказались творческие поиски в жанре пейзажной живописи.

Во Франции в 1830 - е гг. сложилось целое направление реалистической живописи, получившее название Барбизонской Школы (деревушка Барбизон близ Фонтенбло была тогда из-

любленным местом поездок парижских художников). Основателем этого направления стал Теодор Руссо (1812-1867), а его наиболее известными последователями — Жюль Дюпре (1812-1889), Нарсис Диас де ла Пенья (1809-1876), Франсуа Добиньи (1817-1878). Барбизонцы первыми начали экспериментировать с различными формами передачи света и воздуха. Этот метод они рассматривали как основу создания «истинного пейзажа», приближенного к обычному зрительному восприятию природы. На полотнах барбизонцев пейзаж приобретал несколько стилизованные формы, подчиняясь определенному «естественному» мотиву — передаче «атмосферных настроений» бури или затишья, эстетики утренних или вечерних зорь, поэтики леса или поля, очарования небольших уголков природы. Природа как бы одухотворялась человеческими чувствами, но не утрачивала присущий реалистическому пейзажу простой и естественный колорит.

С барбизонцами тесно сотрудничали и многие французские художники-реалисты. «Патриарх» этого направления Камилл Коро (1796-1875) внес огромный вклад в разработку новой тональной техники. Его метод предполагал использование одного и того же цвета в нескольких переходящих друг в друга тонах. Это позволяло наиболее естественно передавать восприятие света и атмосферных явлений. Констан Труайон (1810-1865) и Шарль Эмиль Жак (1813-1894) привнесли в пейзажную живопись сельскую тему с жизнерадостным, оптимистическим показом крестьянского труда, нежным колоритом сельской природы. Наиболее выдающимся художником, работавшим в такой стилистике, стал Жан Франсуа Милле (1814-1875). В своих картинах «Сеятель» (1849), «Сидящая крестьянка» (1849), «Отдыхающие», «Сборщицы колосьев» (1857) он поэтизировал самую обычную, прозаическую крестьянскую работу. Милле был убежден, что «истинную человечность» и «великую поэзию» можно передать, только изображая людей труда. Характерной чертой композиции его произведений была простота жестов, непринужденность поз, замедленность движений.

Большой вклад в развитие художественных традиций реализма внесли крупнейшие английские художники первой трети XIX в. Джон Констебл, Джозеф Тернер, Тома Лоренс, Джордж Доу. Их творчество было ориентировано на сочетание реалистической техники с академическими традициями построения композиций и романтической поэтикой произведе-

ний. Альтернативу академическому направлению английской живописи составило движение художников-прерафаэлитов. «Братство прерафаэлитов» было организовано в 1848 г. группой молодых художников во главе с Холменом Хантом (1827-1910), Данте Габриелем Россетти (1828-1882) и Джоном Эвереттом Миллесом (1829-1896).

Поводом к созданию «братства» стало знакомство будущих прерафаэлитов с фресками Кампосанто в Пизе (XIV в.). Потрясенные безупречностью и непосредственностью изображения, они сделали вывод о том, что развитие живописи, начиная с появления Рафаэля, пошло по пути искажения естественной эстетики. Фактически речь шла о протесте против канонов академического жанрового искусства. Члены «Братства прерафаэлитов» видели свою задачу не только в возрождении максимально правдивой и натуралистичной живописи, но и в воплощении подлинного идеала красоты — как символа тайн мироздания и глубин человеческого духа. Стремясь к синтезу искусств, прерафаэлиты уже в первом номере своего журнала «Джерм» («Росток», 1850) провозгласили принцип единства искусств, тесную связь между живописью и поэзией.

Теоретической основой прерафаэлизма стали труды искусствоведа Джона Рескина (1819-1900). Рескин сам был искусным рисовальщиком, с успехом изображая готическую архитектуру, а также талантливым поэтом. В 1843-1847 гг. он опубликовал концептуальный пятитомный труд «Современные художники», где формулировал два базовых принципа прерафаэлизма: «правда природы» и приближение к природе. Подразумевалось, что прерафаэлиты детально выписывали на своих полотнах травинки, листья, насекомых — все, что оставалось незначительным в живописи «высокого стиля». Миллес привнес эту стилистику в портретную живопись. Многие работы прерафаэлитов были посвящены библейским и мифологическим сюжетам. Для Россетти был наиболее интересен средневековый колорит, символические мотивы.

К творческим принципам прерафаэлитов были близки Форд Медокс Браун (1821-1893) и Эдвард Берн-Джонс (1833-1898), а также один из первых признанных дизайнеров Уильям Моррис (1834-1896). Именно Моррис в 1865 г. основал движение «Искусства и ремесла», в деятельности которого принимали участие многие выдающиеся деятели того времени. Творчество художников, относящихся к движению прерафаэлитов

или близких к нему, было связано с общим направлением позднего романтизма — одним из наиболее влиятельных в рамках стиля «модерн». Характерной чертой в этом плане был отказ прерафаэлитов от постановки острых проблем своего времени — общественных, политических, религиозных, пренебрежение строгими жанровыми канонами, подчеркнутое внимание к сюжетным линиям своих произведений.

Особняком в истории реалистической живописи стоит творчество испанского художника и гравера Франсиско Хосе Гойи (1746 - 1828). Его полотна отличались страстной эмоциональностью, фантазией, остротой социальных характеристик и гражданским пафосом. Знаменитой стала серия из более чем 80 офортов Гойи (выполняемых в особой технике гравюр) под названием «Капричос». В символической и одновременно очень узнаваемой форме художник представил в ней мир чудовищ и уродов, выражающий человеческие суеверия, невежество, тупость и жестокость. Социальный гротеск стал характерной чертой и многих крупных произведений Гойи. В своих полотнах он впервые обратился и к изображению актуальных современных событий испанской истории («Раненый каменщик», 1791; «Семья короля Карла IV», 1800; «Бедствия войны», 1810; «Восстание 2 мая 1808 года в Мадриде» и «Расстрел повстанцев в ночь на 3 мая 1808 года», 1814). Гойя отличался и новаторским подходом к технике письма. Сияющие яркие цвета в его живописи и драматические эффекты светотени в графике повлияли на развитие импрессионизма во Франции, в том числе на творчество Клода Моне и Огюста Ренуара.

Утверждение художественной философии реализма оказало влияние и на развитие музыкально-театральной культуры. В драматургии традиции классицизма были окончательно преодолены в последней четверти XIX в. Большую роль в этом сыграло движение «свободных театров», инициатором которого стала французская труппа Антуана. В самой Франции поколебать монополию «Комеди Франсез» было достаточно сложно, и уже вскоре эстафету новаторства в театральных постановках подхватили лондонские «Независимый театр», «Театр Нового века», «Общество литературного театра», театр «Олд вик». Их репертуар составляли пьесы современных авторов, в том числе Б. Шоу, Д. Голсуорси, Г. Ибсена. В 1869 г. была отменена монополия придворных театров в Германии. Вслед за этим последовал период коммерциализации театрально-

го искусства с заметным снижением художественного уровня постановок. Лишь с открытием в 1883 г. Немецкого театра, а в 1889 г. — Свободного театра, на берлинской сцене закрепился репертуар реалистической драматургии. В Австрии реалистическая драма составила основу репертуара «Бург-театра», возглавляемого в 1870 - 1880 - х гг. Г. Лаубе.

Демократическое новаторство в ритмике и оркестровке стало ключевым проявлением реалистических тенденций в музыкальном искусстве. В профессиональную музыку все шире включалась народная песенная мелодика. Огромную популярность приобретали «легкие жанры» и, прежде всего, оперетта. Родоначальником оперетты стал композитор Жак Оффенбах (1819 - 1880). В течение семи лет (1848 - 1855) он был музыкальным руководителем театра «Комеди Франсез», а в 1855 г. открыл собственный театр — «Буфф-Паризьен». В течение следующей четверти века Оффенбах показал более 90 своих произведений, наиболее популярными из которых стали именно оперетты — «Орфей в аду» (1858), «Прекрасная Елена» (1864), «Парижская жизнь» (1866), «Великая герцогиня Герольштейнская» (1867), «Перикола» (1868), «Разбойники» (1869). Опера Оффенбаха «Сказки Гофмана» (1880) была поставлена уже после смерти композитора и выдержала только в течение одного года 101 представление.

Музыка Оффенбаха была легко узнаваема по игриво-пикантной мелодике, придававшей особую остроту сатирическим и пародийным сюжетам оперетт. Традиции такой музыкальной культуры были развиты во второй половине XIX в. венской музыкальной школой. Ее ведущими представителями стали Ф. Зуппе (1819 - 1895), И. Штраус-сын (1825 - 1899), К. Миллер (1842 - 1899). Особенно плодовитым и ярким было творчество Иоганна Штрауса-сына, создавшего почти 500 произведений в самых различных музыкальных жанрах. Вальс Штрауса «На прекрасном голубом Дунае» (1867) стал неофициальным гимном Вены, а оперетты «Летучая мышь» (1874) и «Цыганский барон» (1885) предвосхитили гений Имре Кальмана (1882 - 1953).

Торжество реалистического направления в итальянском оперном искусстве связано с творчеством Д. Верди и Д. Пуччини. Джузеппе Верди (1813 - 1901) начинал свою карьеру с достаточно скромных опытов в жанре комической и героико-романтической оперы. Огромное количество его ранних произведений воспринимались публикой как легковесная

«ремесленная» музыка. Лишь в начале 1850-х гг. под впечатлением от длительной поездки во Францию Верди создал три выдающихся произведения — оперы «Риголетто» (1851), «Трубадур» (1853) и «Травиата» (1853). В них проявились знаковые для музыкального реализма формы — создание более живых, захватывающих мелодий, свободное использование дуэтов и других ансамблей в рамках единого музыкального произведения, отказ от очевидного контраста между речитативом и арией. Подобный художественный язык позволял в рамках музыкальной оперы более ярко выразить социальную проблематику, конфликт характеров, палитру чувств и поступков персонажей. Верди добивался полного слияния музыки с драматическим действием. Его более поздние произведения — «Аида» (1870), «Отелло» (1886), «Фальстаф» (1892), стали признанными шедеврами оперного реализма.

Еще один итальянский оперный композитор — Джакомо Пуччини обратил на себя внимание уникальным умением сочетать глубокий драматизм своих произведений с лирической, утонченной чувственностью, подчеркнуто реалистические и даже жестокие ситуации с юмором и сентиментальностью. Пуччини прекрасно владел средствами оркестра, с особым талантом использовал непринужденные речитативы. Европейскую известность композитор приобрел уже после премьеры его поздних и наиболее сложных творений — опер «Тоска» (1900) и «Мадам Баттерфлай» (1901). Напряженная драматургия подобных произведений вызвала к жизни новые принципы вокального и сценического исполнения: драматическую выразительность пения, актерское мастерство певца, историческую точность декораций и костюмов. Замечательными представителями итальянской вокальной школы бельканто в этот период были певицы А. Патти, Дж. Паста, И. Колбран, певцы М. Баттистини и Ф. Галли.

Во французском музыкальном искусстве сложился особый жанр «лирической оперы». В «большой оперы» он отличался более интимной тематикой и сюжетами, заимствованными из классической литературы. Немало лирических опер создавались на экзотические восточные сюжеты. С реалистическим искусством лирические оперы объединяло стремление композиторов к точной и правдоподобной передаче широкой гаммы человеческих чувств и переживаний. Музыкальный язык этих опер был демократичен и даже близок к городскому музыкальному фольклору.

Вершиной реализма в оперном искусстве Франции стало творчество Жоржа Бизе (1838 - 1875). В операх «Искатели жемчуга» (1863), «Пертская красавица» (1866), «Джамиле» (1871), «Кармен» (1874) ярко его отразился авторский стиль — национальный музыкальный колорит, драматический накал сюжета, отточенность музыкальных форм. Подобно многим композиторам-реалистам, Бизе уделял первостепенное внимание либретто своих произведений.

Признанными мастерами реалистической музыкального искусства были также французские композиторы Камиль Сен-Санс (1835-1921) и Шарль Гуно (1818-1893). Сен-Санс создал четыре симфонические поэмы, в том числе знаменитые «Пляску смерти» и «Прялку Омфалы» (1871 - 1876), несколько концертов для фортепиано с оркестром. Опера Сен-Санса «Самсон и Далила» (1877) была признана образцом национальных французских традиций. Из многочисленных произведений Гуно наибольшую славу снискали оперы «Фауст» (1860) и «Ромео и Джульетта» (1867). Благодаря им Гуно стал известен как мастер «музыкального эпизода» — живых, ярких, поэтичных фрагментов, каждый из которых мог рассматриваться как небольшая музыкальная тема. Гуно с успехом работал в жанре религиозной музыки («Ave Maria*») и в камерных жанрах — он был автором нескольких очаровательных песен и двух симфоний.

В Англии развитие музыкального оперного искусства происходило под большим влиянием французской и итальянской школ. Лишь после открытия в 1856 г. Королевской английской оперы в обществе заметно возросло внимание к национальной музыкальной культуре. Начался период, получивший впоследствии название «английского музыкального Возрождения». Наиболее ярким проявлением этой тенденции стало творчество Артура Салливена (1842 - 1900). Его большое и разнообразное наследие включает более 250 хоров, романсы, баллады, оратории, кантаты, инструментальные сочинения, а также симфонию и оперу («Айвенго», 1891). В соавторстве с драматургом-сатириком У. Гилбертом Салливен написал 14 оперетт, в том числе «Пираты Пензаса», «Микадо», «Феспис», получив славу родоначальника английской национальной оперетты. В 1881 г. импресарио Р. Д'Ойли Карт построил даже специальный театр «Савой» для постановки произведений Гилберта и Салливена (отсюда название — «савойские оперы»).

ИП1Я
jji U

«Закат Европы»: социально-мировоззренческий кризис западного общества на рубеже XIX—XX вв.

Истоки «кризисного сознания»

В конце XIX — начале XX в. западное общество оказалось в условиях нарастающего системного кризиса. Благодаря перу Освальда Шпенглера эта эпоха получила хлесткое название «заката Европы». Летопись нескольких десятилетий на рубеже веков соединила в себе историю уникальных достижений индустриальной цивилизации и фатального обострения мировоззренческих, социально-психологических, политических противоречий. Эти события завершили Новую историю и стали толчком к началу коренного обновления западного общества — Новейшей истории, охватившей почти все XX столетие.

Эпоха империализма принесла с собой невиданный рост экономического могущества человечества. Колоссальными темпами росло производство, увеличивался оборот торговли. Мировое пространство оказалось объединено тысячами километров железных дорог. В самых различных областях науки и техники были совершены важнейших открытия и изобретения, разительно изменившие материальные основы жизнедеятельности человека. В ведущих странах Запада выросший уровень жизни постепенно превращал потребительские модели в особую систему жизненных стимулов и приоритетов.

Известный английский экономист Джон Кейнс так описывал картину этого «благоденствия»: «Сидя за утренней чашкой чая, житель Лондона мог заказать по телефону разнообразнейшие продукты всего земного шара и через несколько часов получить их в своей квартире. Он мог попробовать счастье в нескольких частях света сразу, вложив свои капиталы в эксплуатацию их естественных богатств, и без всяких усилий получать свою часть прибыли. Он мог воспользоваться удобными средствами транспорта, чтобы отправиться в любую страну, и, сделав запас

драгоценного металла, ехать в чужие края, не зная их языка, религии и обычаев. Но важнее всего, что подобный порядок вещей казался ему нормальным и обеспеченным навсегда; он признавал возможность изменений лишь в смысле усовершенствования, а политические планы милитаризма и империализма, расовые и культурные соревнования были для него не более как развлечение, преподносимое в утренней газете».

Однако триумф индустриальной системы одновременно оказался прологом к ее глубокому кризису. Монополизация и формирование массового производства, не обеспеченного платежеспособным спросом, крайне обостряли экономические противоречия и подрывали основы самой рыночной модели. Финансовая, торговая и колониальная экспансия крупнейших держав не только создавала единое мировое пространство, но и придавала международным отношениям конфликтный характер. После серии локальных империалистических войн мир оказался на пороге глобального военно-политического кризиса. Не менее сложные процессы происходили в мировоззренческой сфере.

Человечество вступало в новое столетие в роли триумфатора, увлекаемое иллюзией «окончательной» победы над природой, ощущением собственной необыкновенной мощи, уверенностью в своих силах, чувством превосходства над предыдущими поколениями. Но эта эйфория скрывала все более очевидную ограниченность одномерных идеалов прогресса, несоразмерность растущих технических возможностей человека и его психологических, нравственных потенций. В массовом сознании рубежа XIX—XX вв. окончательно восторжествовал пафос «фаустовского гения» — торжества человека над мощью природы и стихией случая. Воспетый на страницах романов Жюль Верна и Джэка Лондона, Редьярда Киплинга и Генри Хаггарда идеал раскрепощенной, независимой личности, обладающей правом на свободный поступок, приобретал все более явные черты «портрета эпохи». Но именно этот порыв окончательно разрушал великую мечту Нового времени — мечту о совершенстве человеческой природы, гуманности Разума, духовном и социальном величии «*Ното sapiens**».

Стремительное нарастание противоречий в экономической, правовой, политической, культурной сферах имело единые истоки — невозможность формирования целостной и стабильной общественной модели на принципах утилитарного

рационализма и индивидуализма. Представление о том, что социальное творчество свободной личности и естественный, нерегламентированный ход общественного развития могут наилучшим образом решить любые проблемы человечества, вера в самодостаточность индивида, в безусловную ценность материального и политико-правового прогресса, тотальную эффективность принципа «laissez faire» сыграли свою позитивную историческую роль в «эпоху революций». Однако, вытесняя иные основы общественной этики и поведенческой мотивации человека, эти принципы провоцировали распад самого социального пространства западного общества.

Модернизация не только освободила человека от религиозных и сословно-корпоративных «оков». Она нанесла мощный удар по всей традиционной системе институтов и отношений, обеспечивавших духовную и социальную предметность человеческой жизни. Идея прогресса оказалась ловушкой. Слепая вера в будущее превращала реальность в «промежуточное», условное состояние, а прошлое — в темный временной провал, лишенный какого-либо самостоятельного значения. Отказавшись от себя вчерашнего, человек лишился пространства для осмысления всей жизни в целом, смысла своего существования. Вся система общественных оценок, мировоззренческих стимулов, моральных устоев оказывалась под сомнением. Перестав видеть в себе творение Бога, человек беспешочно объявил творцом окружающего мира самого себя. Но эта попытка привела не столько к утверждению «подлинно человеческого» в индивиде, сколько к утрате того «надчеловеческого», что пестовало духовный мир личности на протяжении многих столетий.

Индивидуалистическая социальная философия, прагматизм и деловитость, возведенные в ранг общечеловеческих ценностей, деформировали сам психологический строй личности. Ключевыми ориентирами жизнедеятельности становились независимость, эффективность, благосостояние. Новая система требовала от человека знаний, а не рассуждений, умелых действий, а не понимания смысла происходящего, передачи и восприятия информации, а не общения. Деловитость становилась непременным атрибутом успешности. В итоге, разрушив традиционное общество, новая цивилизация не столько обособила индивидуума, сколько поместила его в систему обезличенных, но чрезвычайно жестких связей. Ее основу составила

индустриальная машина, превращающая человека в своего рода механизм с определенными производственными и потребительскими функциями. Внешне спонтанная, хаотичная рыночная стихия складывалась в монолитный, нависающий над человеком «молох», регламентирующий стандарты поведения, стиль межличностного общения, образ мышления. Общество, провозгласившее приоритетной ценностью интересы личности, пришло в своем развитии к отрицанию ее самобытности, к формализации личности. «Человек достиг возможности физического полета при полнейшей духовной привязанности к земле» (А.М. Ладыженский).

Торжество абстрактно-рационального самосознания, функциональной целесообразности и утилитарности в поведении человека, отказ от нормативной, «предписывающей» этики вели не только к распаду прежней ценностной иерархии. Утрата веры в наличие некоей завершенной и идеальной гармонии бытия провоцировала отказ от самой идеи нравственного долга, императивности этических норм. Определение нравственного смысла поступка превращалось в проблему, требующую индивидуального решения и предполагающую индивидуальную ответственность. В результате складывались предпосылки для формирования в обществе двух противоположных социально-психологических полюсов. На одном из них рождался «человек массы». Его мировосприятие основывалось на противоестественном сочетании индивидуального скептицизма и коллективных стереотипов. Испытывая острое недоверие к окружающему миру, но не имея духовных сил для формирования собственной мировоззренческой позиции, «человек массы» находил спасение в иллюзорном стремлении к «нормальности», «универсальности» своей жизни. «Масса, расчлененная и растворенная в системе, — писал Карл Ясперс, — это бытие без существования. Она хочет быть ведомой, хотя стремится выглядеть ведущей, она хочет казаться свободной, а не быть ею, она возвеличивает среднее и обычное в качество общечеловеческого, а недоступное именуется далеким от жизни».

Альтернативный тип социального поведения был связан с отказом от подчинения системе, но не с вызовом ей. Человек, не желавший оставаться в роли «винтика» огромной общественной машины, стремившийся победить «молох», должен был в каждом поступке, мысли, чувстве доказывать свою состоятельность, правильность собственного выбора, раз за

разом «выстраивать себя», выверять свое отношение к меняющемуся миру. Тем самым, избегая растворения в «массе», человек неизбежно принимал правила системы, превращался в ее неотъемлемый, «ведущий» элемент. Немногие бунтари, избегавшие подобной участи, были «вынуждены искать свой жизненный путь зигзагами, испытывать постоянные потери, чтобы увидеть в конце концов, что можно начать все сначала, если бы на это оставалось время» (К. Ясперс).

Острое ощущение надвигающейся нравственной катастрофы, попытка осмысления природы происходящих событий сплотило блестящую плеяду европейских мыслителей и представителей творческой интеллигенции. В произведениях Ницше и Достоевского, Манхейма и Швейцера, Ясперса и Шпенглера отразилось нарастающее беспокойство европейского сознания, «кризис европейского пессимизма» — разочарование в духовных основах индустриального общества, осознание ограниченности идеалов Нового времени. Запад стоял на пороге сложной цивилизационной трансформации. Суть ее объективно заключалась в «социализации» общественного устройства, отказе от радикального техницизма, возрождении духовной природы личности, укреплении ее социальных связей. Все XX столетие будет охвачено этим процессом преодоления индустриального генотипа современной западной цивилизации, поиска новых — «постиндустриальных», «постмодернистских» — форм, экономических, правовых, политических, социальных взаимоотношений. В сфере научных и философских изысканий эта эпоха привела к закреплению так называемой «неклассической» парадигмы, сменившейся уже к концу XX в. на «постнеклассическую».

*Формирование основ неклассической
научной методологии*

В сфере естественно-научных исследований на рубеже XIX-XX вв. были сделаны решающие шаги к формированию научной методологии нового типа — неклассической. Переломное значение имела разработка второго начала термодинамики. Еще в 1852 г. Уильям Томсон, лорд Кельвин (1824-1907) выдвинул гипотезу о том, что закон сохранения и превращения энергии не исчерпывает характеристику термодинамических

процессов. Томсон считал, что универсальной тенденцией является деградация механической энергии, т. е. ее «рассеивание», переход в энергию неупорядоченных процессов (прежде всего, в тепло открытых, неравновесных систем). На этой основе Томсон доказывал невозможность вечного двигателя.

В 1865 г. свою трактовку второго закона термодинамики предложил Рудольф Юлиус Эмануэль (Клаузиус, 1822-1888). В прямом прочтении она звучала следующим образом: «Теплота не может переходить сама собой от более холодного тела к более теплomu». Клаузиус подразумевал, что в открытых системах или системах, взаимодействующих с внешней средой, теплота необратимо рассеивается. Для анализа этого процесса он ввел понятие «энтропии» — функции энергетического состояния системы. Энтропия остается неизменной в условиях обратимых и равновесных процессов, т. е. в идеальных системах, которые никаким образом не взаимодействуют со средой. В действительности же любые системы несут необратимые потери внутренней энергии (например, переходящей в механическую работу), а следовательно их энтропия неизменно и необратимо возрастает. Клаузиус также предположил, что процесс возрастания энтропии можно рассматривать как самопроизвольную эволюцию систем. Итогом этой эволюции является абсолютно равновесное состояние, означающее «тепловую смерть», т. е. окончательное рассеивание внутренней энергии данной системы.

Теория Клаузиуса вызвала острые дискуссии, но долгое время не находила поддержки в научном сообществе. Клаузиус фактически противопоставил законы механической динамики и обновленные принципы термодинамики. Из его теории следовало, что тепловое (энергетическое) движение частиц является необратимым, тогда как «ньютоновская картина мира» исходила из идеи обратимости любого движения. Согласно второму закону термодинамики, любая система развивалась в направлении распада, деградации, перерождения в новое качество, тогда как все миропонимание Нового времени строилось на идее активного теплового, силового, энергетического обмена как фундаментальной основы сохранения и стабилизации материи. В особенности же современников Клаузиуса смущал вывод о «тепловой смерти» Вселенной, который закономерно следовал из второго закона термодинамики при рассмотрении Вселенной как одной из закрытых, конечных систем. Преодолеть скептицизм оппонентов и доказать реальность явления

энтропии можно было только представив молекулярную модель необратимых процессов. Эту задачу попытался решить в 70-х гг. XIX в. австрийский физик Людвиг Больцман (1844 - 1906).

Больцман разрабатывал молекулярно-кинетическую теорию газов, в рамках которой взаимная превращаемость теплоты и работы рассматривалась в качестве явления, сопровождающего движение молекул. Было очевидно, что каждое макроскопическое состояние газообразной системы (суммарная характеристика объема, давления, температуры) может быть достигнуто множеством микросостояний. Не имея возможности вывести строгую закономерность, Больцман предложил использовать для анализа таких ситуаций теорию вероятности, т. е. брать за основу математические зависимости между случайными величинами и состояниями. Такие зависимости можно было рассматривать как «статистические» законы — вероятностные, а не детерминированные по своему характеру. Больцман предложил считать второе начало термодинамики вероятностным, а не детерминированным законом. В этом случае энтропию можно было определить как логарифм вероятности энергетического состояния системы. Возрастание энтропии рассматривалось уже не как линейный, строго направленный процесс, а в качестве перехода энергии из наименее вероятной формы в наиболее вероятную.

Доказательство Больцманом вероятностного характера второго начала термодинамики заложило основы принципиально новой методологии естественно-научного анализа — статистической. Однако абсолютное большинство ученых того времени еще не было готово признать реальность необратимых процессов, подчиняющихся не только детерминированным закономерностям, но и случайным факторам. Лишь в конце XX в., уже в лоне новой — постнеклассической научной методологии были приняты шаги по формированию на основе вероятностных принципов целостной теории саморазвития мира (синергетики).

Несмотря на скептическую реакцию современников, исследования Больцмана вызвали растущий интерес к вероятностной теории. Настоящий бум переживала в эти годы математическая наука. Представители петербургской математической школы (П.Л. Чебышев, А.М. Ляпунов, А.А. Марков) в начале 1900-х гг. создали комплексную теорию дифференциальных уравнений как систему «исчисления вероятностей». В ее рамках были впервые разработаны принципы анализа случайных

явлений как взаимосвязанных, обладающих собственной логикой («цепей»). Дальнейшее развитие получили исследования Г. Кантора в области теории множеств. В 80-х гг. XIX в. на этой основе возникла новая отрасль математики — теория функций действительного переменного (обосновывающая понятия функции, производной, интеграла, основные операции анализа и пр.). Немецкий математик Феликс Клейн (1849 - 1925) и его французский коллега Жюль Анри Пуанкаре (1854 - 1912) разработали математический аппарат для неевклидовой геометрии Лобачевского.

Важный шаг по разработке принципов статистической (вероятностной) физики сделали немецкие физики, исследовавшие волновые явления. Само существование электромагнитных волн, теоретически описанных Максвеллом, и возможность измерения их частоты окончательно доказал Генрих Герц (1857 - 1894). После серии экспериментов в 1886 - 1889 гг. он преобразовал уравнения электродинамики, придав им симметричную форму, из которой обнаруживалась связь между электрическими и магнитными явлениями. В 1900 г. Макс Планк (1858 - 1947) выдвинул гипотезу о квантовом характере излучения. Он считал, что излучение энергии происходит непрерывно, а «порциями» — квантами. Экспериментально было доказано, что энергия кванта пропорциональна частоте колебания.

Первоначально Планк не противопоставлял свои выводы принципам классической физики и считал кванты особым проявлением электромагнитного поля, а не физической реальностью. Но в 1905 г. Альберт Эйнштейн (1879 - 1955) сформулировал гипотезу о том, что световое излучение представляет собой поток квантов, обладающих одновременно и волновыми, и корпускулярными свойствами. Такие кванты Эйнштейн предложил называть фотонами. По его мнению, фотоны появляются при излучении и исчезают при поглощении энергии, т. е. существуют в жестких временных границах и характеризуются как импульс.

Фотонная теория света позволила объяснить открытый Герцем в 1886 г. фотоэлектрический эффект — выбивание электронов из металла световыми лучами, явления радиоактивного излучения и распада, изучавшиеся с 1896 г. Анри Беккерелем (1852 - 1908), Пьером Кюри (1859 - 1906) и Марией Складовской-Кюри (1867 - 1934), особенности испускания

«Х-лучей» (способных проходить сквозь светонепроницаемые тела), открытых в 1895 г. Вильгельмом Рентгеном и названных впоследствии его именем.

В 1907 г. Эйнштейн распространил идеи квантовой теории на физические процессы, не связанные с излучением. Рассмотрев тепловые колебания атомов в твердом теле, он объяснил уменьшение теплоемкости твердых тел при понижении температуры. На этой основе Вальтер Нернст (1864 - 1941) доказал свою теорему, сформулированную в 1906 г. как третий закон термодинамики. Она гласила, что при стремлении температуры фиксированной системы к абсолютному нулю энтропия также стремится к нулю (иначе говоря, конечная последовательность термодинамических процессов не может привести к достижению температуры, равной абсолютному нулю). Окончательно постулаты квантовой физики были признаны научным сообществом в начале 1920-х гг. после экспериментальных работ американского физика Артура Комптона (1892 - 1962).

Появление гипотезы о корпускулярно-волновых свойствах квантов, в сочетании с уже доказанной периодичностью химических свойств элементов, вызвало повышенный интерес ученых к проблемам строения материи. Первым шагом по формированию физико-химической концепции сложного строения вещества стало открытие отрицательно заряженной микрочастицы — электрона (как предложил называть «атом электричества» английский физик Дж. Стоней). Исследования по этой проблематике начали Уильям Гитторф (1844 - 1915), Уильям Крукс (1832 - 1919) и Жак Перрен (1870 - 1942). В конце 1890-х гг. английский физик Джозеф Томсон (1856 - 1940) разработал первую электронную модель атома. Он предположил, что атом напоминает своего рода «пудинг с изюмом», где положительный энергетический заряд распределен в большой сфере, а отрицательно заряженные электроны представляют редкие «вкрапления». Эта идея оказалась ошибочной, но сама электронная теория была подтверждена как опытным путем, так и математически. На этой основе голландский физик Хендрик Лоренц (1853 - 1928) завершил формирование комплексной теории элементарных частиц.

Новую модель атома разработал в 1911 г. Эрнст Резерфорд (1871 - 1937). После серии опытов по прохождению заряженных элементарных частиц через пластики металлов он предположил, что атом напоминает планетарную систему — вокруг

малого положительно заряженного ядра движутся по своим «орбитам» отрицательные электроны. Коллега Резерфорда, Фредерик Содди (1877 - 1956), обнаружил, что элементы с разной массой, но одинаковой энергией ядра обладают схожими химическими свойствами и занимают одну и ту же «клетку» в периодической системе. Такие вещества Содди предложил называть изотопами (от греч. *iso* — «одинаковый» и *topos* — «место»). Уже в 1920-х гг. новые исследования показали, что и само ядро атома включает две разновидности элементарных частиц — протоны и нейтроны. Число положительно заряженных протонов, равное числу электронов, обеспечивает нейтральный заряд всего атома и указывает на место вещества в периодической системе, а разница в количестве нейтронов (нейтрально заряженных частиц) объясняет происхождение изотопов.

Планетарная модель атома имела существенный недостаток с точки зрения классического электромагнетизма — ускоренно движущиеся электроны должны выделять, а значит и устойчиво утрачивать энергию. Выход из этого противоречия предложил датский физик Нильс Бор (1885 - 1962), выдвинувший в 1913 г. гипотезу о том, что устойчивое орбитальное движение электрона обеспечивается взаимодействием положительного и отрицательного зарядов и не приводит к излучению энергии. Излучение энергии имеет место лишь в том случае, когда вся система переходит из одного стационарного состояния в другое. Причем частота излучения тогда будет зависеть также не от движения каждого электрона, а от общего количества энергии, излучаемого при переходе.

Распространение квантовых принципов на механику и электродинамику, возможность формирования на этой основе целостной физической картины мира вызвали сомнения у многих ученых. К числу скептиков присоединились тогда и Макс Планк, и Альберт Эйнштейн. Инициатива в разработке квантовой (нерелятивистской) механики перешла к молодым ученым — В. Паули (1900 - 1958), В. Гайзенбергу (1901 - 1976), В. Фоку (1898 - 1974), П. Дираку (1902 - 1984), Д. Уленбеку (1900 - 1974), С. Гаудсмиту (1902 - 1979). Большинству из них едва исполнилось по 20-25 лет, из-за чего их исследования нередко называли «крестовым походом детей». Возглавили этот «поход» представители более старшего поколения — Эрвин Шредингер (1887 - 1961) и Луи де Бройль (1892 - 1987). Им удалось сформулировать систему доказательств квантового

характера не только светового излучения, но и элементарных частиц самой материи. Из этой теории следовало, что любая частица обладает как корпускулярными свойствами (энергией и импульсом), так и волновыми (частотой и длиной волны). Поэтому невозможно точно зафиксировать координаты и траекторию частицы (это означало бы пренебрежение волновыми характеристиками), равно как нельзя использовать классические методы полевых расчетов, не пренебрегая информацией о материальном характере «поведения» частицы.

Квантовая теория преодолевала, таким образом, уверенность в обязательной наглядности, очевидности, строгой логичности изучаемых явлений. Мир элементарных частиц казался скорее виртуальным, призрачным, нежели реальным. Любая попытка дать исчерпывающее объяснение его законов неизбежно приводила к противоречию, а описание взаимодействия элементарных частиц могло быть составлено лишь на основе вероятностных принципов. В результате создание теории квантовой механики значительно ускорило формирование неклассической общенаучной методологии. Базовые постулаты квантовой физики (в первую очередь сформулированные Н. Бомом принципы дополненности и соответствия) приобрели философское значение.

В обобщенном виде принцип дополненности гласил, что любое сложное явление может быть полно описано лишь при применении не менее чем двух взаимоисключающих понятий. Такие понятия отражают сущностные свойства изучаемого явления, хотя и являются антиподами по отношению друг другу (например, функция и структура, волна и корпускула и т.п.). Таким образом, принцип дополненности обосновывал необходимость синтеза различных характеристик сложных явлений, а также самих методов научного познания.

Принцип соответствия рассматривал ту же проблему в ином ракурсе — каждая новая научная теория может быть признана истинной только в том случае, если она не противоречит достоверно установленным предыдущим теориям. Исходя из этого принципа, научное познание основывалось не только на синтезе методов, но и на преемственном накоплении «достоверных» знаний. Подобная установка преодолевала дисциплинарные традиции позитивизма, но сохраняла позитивистскую трактовку сущности научного знания — как комплекса точно установленной, «зафиксированной» информации.

Реализация принципов дополненности и соответствия в построении научной картины мира наталкивалась на противоречие между классическими и неклассическими закономерностями. Эта проблема решалась квантовой физикой на основе вероятностного принципа. Любой постулат должен был изначально формулироваться с помощью принципов классической механики. Если из него следовали многообразные и даже противоречащие друг другу выводы, то итоговая характеристика движения определялась как наиболее вероятностное состояние. Таким образом, неклассические закономерности рассматривались как предельные, особые проявления классических.

Иной вариант анализа сложных явлений мира был разработан в теории релятивистской механики (лат. «relativus» — «относительный»). Первые шаги к формированию теории относительности были предприняты еще в конце XIX в. Польский физик Мариан Смолуховский (1872 - 1917) выдвинул идею флуктуации, т. е. временных колебаний термодинамических систем, делающих явления обратимости и необратимости относительными, зависимыми от времени и условий наблюдений. Американский ученый Джозайя Гиббс (1839 - 1903) рассматривал релятивистскую механику как «теорию ансамблей», т. е. мысленную совокупность систем, не находящихся в строго определенном взаимодействии. Свойства такого «ансамбля» оказывались относительны в зависимости от произвольного выбора сосуществующих компонентов. Проблемам релятивистской динамики были посвящены многие работы М. Планка. В окончательном виде принципы релятивистской механики были сформулированы А. Эйнштейном (в 1905 г. как специальная, а в 1916 г. — как общая теория относительности).

Специальная теория относительности исходила из двух классических постулатов: во-первых, в любых инерциальных, т. е. движущихся прямолинейно и без ускорения, системах все физические процессы протекают одинаково, во-вторых, скорость света в вакууме не зависит от движения источника или наблюдателя, т. е. она предельна и одинакова во всех инерциальных системах. Однако было отвергнуто фундаментальное допущение ньютоновской физики — представление об абсолютной одновременности событий, т. е. абсолютной природе времени и пространства. Эйнштейн был убежден, что ускоренное движение наблюдаемой системы, равно как и амого наблюдателя вносит существенные коррективы в вос-

приятие времени, длины и массы тел. События, синхронные с точки зрения одного наблюдателя, не являются одновременными для второго наблюдателя, движущегося относительно первого. Следовательно, само понятие одновременности является лишь относительным. Длина одного и того же объекта с точки зрения движущегося и неподвижного наблюдателей также будет различной. Масса объекта является относительной величиной, поскольку с точки зрения ускоренного движения представляет собой меру инерционности, а значит возрастает по мере увеличения скорости.

Все эти относительные закономерности можно обнаружить при приближении к скорости света. На малых скоростях релятивистская механика переходит в классическую и вполне согласуется с постулатами «ньютоновской картины мира». Таким образом, идеи Эйнштейна отнюдь не «отменяли» основы классической физики. Но они закрепляли совершенно новое представление о единстве пространства и времени. Пространство перестало восприниматься как «кладовая» для материи, а евклидова геометрия приобрела своего рода новую ось координат — четвертую, временную.

Исходя из специальной теории относительности, Эйнштейн сформулировал закон пропорциональности массы и энергии. По его мнению, на микроуровне проявляется прямая зависимость массы составляющих атом частей и энергии, необходимой для их удержания. Атомная энергия, таким образом, представляет собой массу ядра атома, перешедшую в энергетическое состояние. Это открытие объединило законы сохранения массы и энергии, рассматривавшиеся раньше автономно, и стало основой для развития ядерной физики.

Еще более важные следствия имела разработка общей теории относительности, которая распространялась на системы с произвольным, а не прямолинейным движением. Еще в 1911 г. Эйнштейн высказал гипотезу о том, что свет обладает инерцией и должен испытывать гравитационное воздействие. Таким образом, световые лучи, испускаемые звездами и проходящие вблизи Солнца, должны изгибаться у его поверхности. Значит, само пространство является неоднородным, и его геометрическая структура зависит от распределения масс, от вещества и поля. Эта гипотеза, подтвержденная астрономическими наблюдениями, на новом уровне обосновывала понятие неевклидовой геометрии об «искривленном пространстве», точнее изменении

геометрических свойств четырехмерного «пространства-времени» вокруг тел, образующих гравитационное поле.

Теория относительности дала толчок для формирования смежной научной отрасли — астрофизики. Сам Эйнштейн по-прежнему считал Вселенную конечной и стационарной. Однако он рассматривал эти характеристики не в качестве пространственных, а отражающих наличие во Вселенной конечного количества материальных объектов. В начале 1920-х гг. советский физик А.А. Фридман (1888 - 1925) выдвинул гипотезу о расширяющейся Вселенной — едином пространственно-временном континууме с изменяющимся во времени радиусом кривизны. Использование новейшей оптической техники и достижений физико-математической теории позволило перейти к изучению энергетических свойств небесных светил. Американскими астрономами в начале XX в. была разработана классификация спектральных типов звезд и доказана эволюционная преемственность в развитии звездных систем. Было также установлено, что расстояния между галактиками постепенно увеличиваются, то есть Вселенная расширяется как в евклидовом, так и неевклидовом пространстве. Стало возможным теоретически вычислить «возраст» Вселенной с некоего момента ее создания (примерно 13 млрд лет). Окончательно версия о расширяющейся нестационарной Вселенной была закреплена в середине XX в. в теории «большого взрыва» Г.А. Гамова (1904 - 1968).

Идея эволюционизма, восторжествовавшая в космологии, оказалась и в центре внимания ведущих представителей геологической, биологической, медико-психологической наук. Предметом геологии окончательно было признано не только строение земной коры, но и ее историческое развитие. Австрийский геолог Эдуард Гюсс (1883 - 1909) обобщил в своем фундаментальном труде «Лик Земли» представления об эволюции земного рельефа. Расширение методов естественно-научных исследований привело к образованию целого спектра специальных научных дисциплин, изучающих пространственные и физические закономерности планетарного строения (геофизика, стратиграфия, минералогия, сейсмология, климатология, океанология, почвоведение).

Дарвиновские идеи естественной эволюции живого мира завоевывали на рубеже XIX-XX вв. все большее признание. Важную роль в их популяризации сыграли труды немецкого естествоиспытателя Эрнста Геккеля (1834 - 1919) и англий-

ского биолога Томаса Хаксли (1825 - 1895). Русский ученый В.О. Ковалевский (1842 - 1883) сформировал основы эволюционной концепции палеонтологии. Его брат А.О. Ковалевский (1840 - 1901) и еще один известный русский исследователь И.И. Мечников (1845 - 1916) стали основоположниками эволюционной эмбриологии и гистологии (науки о тканях).

Изучение строения клеток и, в частности, обнаружение структурных элементов клеточного ядра — хромосом, позволило подойти к исследованию самого механизма наследственности и изменчивости организмов. У истоков этой научной дисциплины — генетики, стоял чешский натуралист Грегор Йоганн Мендель (1822 - 1884). Однако его идеи не нашли поддержки у современников. Лишь в начале XX в. работы бельгийского биолога Э. Ван Бенедена (1846 - 1910), американских ученых У. Саттона (1876 - 1916) и Т.Х. Моргана (1866 - 1945), датского ботаника В.Л. Йогансена (1857 - 1927) сформировали целостное представление о геномном строении хромосом и генотипе как наследственной основе организмов.

Настоящая революция произошла в исследованиях эволюционной природы физиологических и психологических явлений. И.М. Сеченов (1829 - 1905) создал детерминистскую теорию функций нервной системы, доказывая зависимость развития любых организмов от условий внешней среды. На этой основе И.П. Павлов (1849 - 1936) разработал теорию условных рефлексов, объясняющую роль нервной системы в эволюции животных. Экспериментальные разработки французского физиолога Этьена Маррея (1830 - 1904), итальянского биолога Луиджи Лючиани (1840 - 1919), английского физиолога Чарлза Шеррингтона (1857 - 1952), австрийского врача Карла Ландштейнера (1868 - 1943) позволили значительно пополнить сведения о функциях различных органов высших организмов и физиологических основах их деятельности. В 1902 г. английские физиологи Эрнест Старлинг (1866 - 1927) и Уильям Бейлисс (1860 - 1924) создали теорию о веществах, регулирующих физиологические процессы на химическом уровне — гормонах. Русский физиолог В.Я. Данилевский (1852 - 1939) разработал основы теории энергоемкости продуктов питания, а французский исследователь Луи Пастер (1822 - 1895) успешно исследовал практику использования полезных микроорганизмов в пищевой промышленности. Впоследствии Пастер изучал и микроорганизмы, являющиеся возбудителями болезней. На

основе этих работ сложилось учение об иммунитете — наследственной защитной реакции организмов.

Успехи лабораторных исследований физиологических реакций и наследственных качеств высших организмов заставили иначе взглянуть на задачи и методы психологической науки. Классическое представление о «феноменологической» природе человеческого духа, принципиально «неизмеряемого», в отличие от физических функций и строения человеческого организма, ушло в прошлое. Возобладало стремление понять природу ощущений и чувственных проявлений, исходя из детерминистской дилеммы «стимул — реакция». «Отцом новой психологии» стал немецкий исследователь Вильгельм Вундт (1832 - 1920).

Вундт основал в 1879 г. в Лейпциге первую в мире лабораторию экспериментальной психологии. В своих исследованиях он исходил из убеждения, что психология — это сугубо естественно-научная наука, изучающая «сенсорную мозаику» сознания. В то же время Вундт считал ощущения, чувства, эмоции лишь простейшими элементами сознания. Высшие чувственные и интеллектуальные процессы — воображение, волю, мотивацию, он относил к явлениям иного порядка, порожденным «психологией народов». Народ Вундт рассматривал в качестве сообщества, объединенного духовной культурой (языком, мифами, нравами) и особого типа взаимодействиями — «душевными энергиями» людей. На этой культурно-психологической основе формируется «душа народа» — «духовный коммунитет», который не может быть объяснен из единичного сознания, «а покоится на духовном взаимодействии многих».

Психологическая концепция Вундта позволила объединить достижения экспериментальной психологии с методами эволюционно-генетического анализа. Она предполагала изучение психологических явлений и культурных кодов (речи, мифов, символов, обычаев) как феноменов, взаимосвязанных и исторических по своей природе. Схожие идеи высказывались в конце XIX — начале XX в. многими немецкими и российскими исследователями. Широкое распространение теория психолого-органической общности получила в начале XX в. в Великобритании, где под руководством Бронеслава Малиновского (1884 - 1942) сформировалась школа функционализма. Ее концепция основывалась на анализе этнических культур как систем взаимосвязанных элементов и частей, которые находятся в сложном структурно-функциональном взаимо-

действию и претерпевают эволюционное развитие, подобно любому биологическому организму.

Родоначальниками методологии изучения индивидуальных психологических явлений стали З. Фрейд и К.Г. Юнг. Теория психоанализа австрийского врача Зигмунда Фрейда (1856–1939) была основана на «концепции бессознательного». Она предполагала наличие глубинных мотивов поведения человека, порожденных эмоциональной привязанностью к окружению и не имеющих прямого отражения в сознании. Фрейдистская трактовка механизмов мотивации оказалась достаточно специфичной, поскольку ориентировалась прежде всего на выявление деформации изначальных естественных побуждений личности, их «вытеснения» из «поверхностного слоя душевного аппарата». Но сама идея расшифровки бессознательно зафиксированных поведенческих кодов стала ключом к пониманию не только «аномалий» индивидуального поведения, но и новому взгляду на саму природу человеческих реакций. Идеи Фрейда приобрели огромную популярность. Уже в 1908 г. был созван 1-й Международный конгресс психоаналитиков, а в 1911 г. было основано Нью-Йоркское психоаналитическое общество.

Швейцарский психиатр Карл Густав Юнг (1875–1961) разработал альтернативную теорию аналитической психологии. Ее основу составила концепция коллективного бессознательного как «важного составляющего ментального устройства, создающего жизненные силы в построении человеческого образа». Юнг рассматривал сферу бессознательного как систему позитивного взаимодействия индивидуальных и коллективных душевных проявлений. Процесс индивидуализации человеческого духа он считал результатом не подавления изначальных естественных побуждений, а, напротив, усвоения индивидом коллективного ментального опыта («архетипов»), в основе которого лежат недетерминированные разумом психологические механизмы копирования, отождествления, прямого бессознательного интегрирования в ментальную среду.

Создание квантовой физики и теории относительности, новейшие концепции эволюционизма, разработка основ генетики и психоанализа оказали огромное воздействие на общественное сознание и научную мысль начала XX в. На смену представлениям о простоте и наглядности мироздания пришла убежденность в наличии скрытых, внутренних механизмов бытия. Но при этом сложность, нелинейность и даже

внешняя противоречивость природных процессов не воспринимались как доказательство их «несовершенства». «Основой всей научной работы служит убеждение, что мир представляет собой упорядоченную и познаваемую сущность, — писал Эйнштейн. — Это убеждение зиждется на религиозном чувстве. Мое религиозное чувство — это почтительное восхищение тем порядком, который царит в небольшой части реальности, доступной нашему слабому разуму».

Таким образом, неклассическая научная картина мира отнюдь не преодолевала прежнее представление о гармонии бытия, но наполняла его ощущением неисчерпаемого многообразия. Причинность событий стала рассматриваться не только с точки зрения простейших механико-динамических связей, но и статистических, вероятностных законов. Категории движения, развития, эволюции становились ключевыми в объяснении законов природы, а само научное мышление приобретало диалектический характер.

Неклассическая методология предполагала особую логику познания. Вывод от относительности результатов наблюдения, о недостижимости абсолютно точной и строго логичной научной картины мира, релятивности любых сложных понятий и решений заставлял пересмотреть прежнее представление о роли субъекта в процессе познания. Естественно-научные открытия начала XX в. доказали неразрывную связь исследователя и изучаемого им объекта, зависимость результатов познания от методов их достижения и, как следствие, необходимость включения в картину мира характеристик самого познающего субъекта, его концептуальных и методологических установок, исследовательской мотивации и активности.

В классической науке теоретическое знание рассматривалось как результат индуктивного обобщения опыта, позволяющий судить об объективных законах мироздания. Синтез основных теоретических положений открывал путь к формированию целостной картины мира. Новая исследовательская парадигма, напротив, исходила из идеи синтеза методов познания, а не его результатов. Объектом исследования становились конкретные явления и процессы, воспринимаемые во всей своей сложности и нелинейности. Это требовало не только отбора адекватных средств анализа, но и формирования интегративных исследовательских схем. Не случайно, что утверждение неклассической Методологии вызвало стремительное развитие межпредметных

исследований — биохимических, астрофизических, химико-физических, экономическо-географических, социально-экономических, историко-психологических.

Убеждение в том, что познающий субъект является неотъемлемой частью изучаемого им мира рождало новый тип рациональности. Исчезала прежняя онтологическая грань между естественно-научными и гуманитарными дисциплинами — в рамках новой исследовательской парадигмы человек, даже познавая мир неживой природы, неизбежно «встречал самого себя» (В. Гейзенберг). Это рождало острую философскую проблему — на какой основе можно выявить объективные основы миропорядка, если из процесса познания невозможно исключить субъективный элемент? Накопление упорядоченной, экспериментально установленной информации более не могло рассматриваться как достаточная основа развития картины мира. «Из голый эмпирии не может процветать познание», — утверждал Эйнштейн. Для прорыва в глубинные тайны природы оказалась остро необходима сила человеческого воображения, способность к формированию гипотетического знания, к интуитивному суждению, не основанному на строгой доказательной логике. В этом качестве неклассическая научная методология заставляла пересмотреть и многие философские аксиомы.

*Сциентизм и витализм —
дискурсы неклассической философии*

Становления неклассической философии было тесно сопряжено с радикальным изменением научной картины мира, закреплением идеи относительности познания. Не менее важную роль сыграло и стрессовое состояние европейского общества на рубеже XIX-XX вв., нарастание настроений разочарования, нигилизма, нервного возбуждения и агрессивности. Эта атмосфера придала философским исканиям уникальную актуальность, поставила перед интеллектуальной элитой задачу превращения философии из теоритизированного «введения во все науки» в ценностно-ориентированную, мировоззренческую парадигму. Идеи позитивизма и трансцендентально-критической философии, гегелевская диалектика и философско-антропологические изыскания «младогегельянцев» — все это многообразие философских конструкций, сложившихся в

XIX в., составило достаточный методологический и понятийный инструментарий для подобного поиска.

Первоосновой для разработки многих неклассических философских концепций стала критика механистического эмпиризма и позитивизма. Но сам идеал «позитивного знания» — свободного от метафизической абстрактности и идеалистической субъективности, оставался характерной чертой западного стиля мышления. В массовом создании сохранялся образ упорядоченного, закономерного мироздания. Природа рассматривалась при этом как поприще активной деятельности человека, направленной на удовлетворение его собственных потребностей. Установка на строгую объективность познания лишь подчеркивала утилитарный подход к общественной роли науки — как важнейшего орудия покорения природного мира. Именно в этом качестве наука выходила за рамки обыденного опыта и непосредственных потребностей производства, приобретала ориентацию на фундаментальность и системность исследований.

Восприятие науки как основы прогресса человечества и сосредоточения его важнейших достижений, а знания — как средства активного преобразования природы и общества, установка на строгую научность познания как залог творческой способности человека преобразовывать природный мир, стали основой сциентизма (от лат. *scientia* — знание, наука) — важнейшей культурно-мировоззренческой характеристики индустриального общества. Характерные для сциентистского мышления черты ярко отразились в формировании ньютоновской картины мира, а затем и в позитивистской научной традиции. Особую интерпретацию принципы сциентизма получили в концепциях эмпириокритицизма и диалектического материализма, составивших два влиятельных течения неклассической философской мысли.

Общей чертой эмпириокритицизма и диалектического материализма стало преодоление прямолинейного онтологического мышления — уверенности в полной зависимости человеческого познания от специфики его объекта. Вслед за победой неклассических естественно-научных теорий в сциентистскую философию пришло убеждение в значимости не только эмпирического наблюдения и опыта, но и их инструментария, средств и условий познавательной деятельности. Идея относительной истинности научного знания оказалась тесно связана с представлениями об активной роли познающего субъекта, который воспринимался теперь как часть познаваемой природы, а не сторонний

наблюдатель. В неклассической сциентистской философии изменилось представление и о самой онтологической базе научных исследований. Развитие квантовой физики, термодинамики, органической химии, неевклидовой математики показали, что познание мира природы лежит через освоение сложных систем с многоуровневой внутренней организацией, наличием автономных внутренних подсистем, нелинейным характером взаимодействия с внешней средой. Эмпириокритицизм и диалектический материализм предложили два разных варианта философской интерпретации познания этой «сложной реальности».

Родоначальником эмпириокритицизма, или «второго позитивизма», стал швейцарский философ Рихард Авенариус (1843 - 1896), а наиболее полно постулаты этой философской системы были раскрыты в трудах австрийского физика и философа Эрнста Маха (1838 - 1916). Их концепция основывалась на критике «чистого опыта», не связанного с эмпирическим анализом. Эмпириокритики полагали, что субъект и объект познания функционально противопоставлены, но принадлежат одной среде — миру чувственных ощущений, или, по терминологии Маха, «элементов». Мах подчеркивал, что «элементы» не являются ни физическими, ни психологическими явлениями, поскольку представляют собой форму приспособления организма к среде. Как следствие, любые явления окружающего мира, в том числе и сама материя, не могут быть постоянными и безотносительными.

Прикладная наука, с точки зрения эмпириокритицизма, связана прежде всего с описанием явлений объективной реальности. Причем, результат исследования может быть верен только в соотношении с тем конкретным эмпирическим материалом, который послужил для него основой. Научная же теория выполняет роль обобщения, выявляя «константы в естественных явлениях». Мах призывал принципиально разделять в ее составе два компонента — теоретические понятия, основанные на реальных эмпирических данных, и «интеллектуальные средства, которыми мы пользуемся для постановки мира на сцене нашего мышления». Первый из них носит описательный характер, а второй — философский, смысловой. Мах полагал, что органической связи между этими двумя компонентами не существует. Эмпирический анализ и связанные с ним теоретические понятия постоянно совершенствуются, создавая все более новые, но преемственные между

собой научные системы. Философский же компонент просто отвергается время от времени как «несостоятельный» и заменяется новым, более соответствующим здравому смыслу и логике. Он носит характер гипотезы и призван служить скорее для мотивации дальнейшего научного поиска.

Истолкование науки как описательной схемы, лишь классифицирующей эмпирические данные, вызвала нарастающую критику со стороны сторонников философии диалектического материализма. При этом, марксизм в конце XIX в. развивался скорее как политическая идеология, нежели философская концепция. Ведущими теоретиками «второго поколения» марксистов стали лидеры европейской социал-демократии Антонио Лабриола (1843 - 1904), Поль Лафарг (1842 - 1911), Франц Меринг (1846 - 1919), Карл Каутский (1854 - 1938), Георгий Плеханов (1857 - 1918). Большую роль в консолидации этого течения в последние годы своей жизни сыграл соратник Маркса Фридрих Энгельс (1820 - 1895). Теоретические разработки «второго поколения» идеологов марксизма были связаны с систематизацией и обобщением идей исторического материализма, их популяризацией в условиях складывания организованного рабочего движения. Вслед за Энгельсом, Меринг, Плеханов, Каутский обратились к самым различным вопросам истории, этики, эстетики, религии, не получившим широкой трактовки в трудах Маркса.

Ключевым отличием марксизма от других сциентистских теорий оставался диалектический метод. Однако в его интерпретации уже наметились существенные разночтения. Часть последователей Маркса видела в его идеях прежде всего «переворачивание» гегелевской диалектики, постановку философских проблем «с головы на ноги» — на «твердое основание» материализма. В такой версии марксизм приобретал позитивистскую направленность и достаточно тесно смыкался с теорией эмпириокритицизма. Альтернативная трактовка марксизма основывалась на восприятии его прежде всего как научного метода, раскрывающего роль диалектических противоречий, совпадения логического и исторического в процессе прогрессивного развития. Яркий сторонник такого подхода А. Лабриола вообще отрицал принцип материалистического детерминизма.

В условиях нарастающих разногласий в интерпретации классического марксизма попытки формирования в его русле целостной мировоззренческой концепции наталкивались на

очевидное противоречие. Унаследованная от гегельянства идея единства исторического и логического могла быть развита как в направлении строго упорядоченной, освобожденной от «мешающих случайностей» теории прогресса, так и в качестве основы для социального анализа, обращенного на выявление актуальных противоречий и вариативных тенденций общественного развития. Причем, в любой из этих интерпретаций идеи исторического материализма приобретали ярко выраженный политизированный характер. Все ведущие идеологи «третьего поколения» марксизма — Эдуард Бернштейн (1850-1932), Владимир Ульянов (Ленин) (1870-1924), Роза Люксембург (1871-1919), Рудольф Гильфердинг (1877-1941), Лев Троцкий (1879-1940), Отто Бауэр (1881-1938), стали лидерами активных политических партий и движений.

Особое направление сциентистских философских исканий сложилось среди последователей идей Канта из т.н. Марбургской школы. Философы Герман Коген (1842-1918), Пауль Натторп (1854-1924), Эрнст Кассирер (1874-1945) выдвинули призыв — «Вернуться к Канту!», выступая против вульгаризированного материализма и ставя задачу осмысления революционных естественно-научных открытий рубежа веков. Марбургские неокантианцы создали чисто гносеологическую концепцию, отказавшись от кантовского понятия «вещи-в-себе». Они считали, что единственным источником познания является «чистая мысль», само мышление, основанное на априорных понятиях и логических закономерностях. «В многообразии и изменчивости явлений природы мышление обладает относительно твердыми опорными точками только потому, что само их утверждает», — утверждал Э. Кассирер.

Представители Марбургской школы доказывали, что в основе «предметного познания» лежит превращение «нечто» в «объект» путем интеллектуального разграничения и фиксации тех или иных связей и элементов внутри равномерного восприятия эмпирического опыта. Таким образом, подлинным основанием познания становится не явление внешнего мира, а некая внутренняя проблема мышления, разрешение которой требует категориального синтеза. Это своего рода импульс для научного мышления, не имеющий никаких необходимых внешних оснований. Поэтому познание приобретает характер бесконечного поиска внутреннего единства картины мира, а наука является самодостаточной и саморазвивающейся

системой. Неокантианство, в трактовке Марбургской школы, стало одним из наиболее ярких примеров сциентистского философствования, представления о науке как высшей объективно-упорядочивающей форме человеческой культуры.

Иную интерпретацию приобрели идеи Канта в работах представителей Баденской школы — Вильгельма Виндельбанда (1848-1915) и Генриха Риккерта (1863-1936). Они полагали, что целью философии является не обоснование общенаучной методологии, а решение «мировой проблемы» — осмысления мировоззренческих основ человеческой жизни. С точки зрения баденских неокантианцев, ни материализм, ни идеализм не могут решить подобную задачу. Позитивизм и диалектический материализм растворяют «Я» в цепи причинно-следственных фактов объективного мира и лишают духовную культуру самостоятельного смысла. Идеалистическая же философия трактует культуру как самодостаточную реальность, либо утверждает представление о некоем абсолютном духе, непознаваемом по своей сути и лишенном какой-либо ценностной ориентации.

Представители Баденской школы считали, что мировоззренческие ценности имеют трансцендентальный характер и представляют собой внеисторическое и вневременное явление. Они не имеют отношения к каким-либо объективным предметам и актуализируются при осмыслении положения «Я» в мире. Виндельбанд доказывал, что средствами человеческого познания невозможно постичь «священную тайну» перехода «трансцендентального долженствования» в рациональную мотивацию поведения человека. Но процесс воздействия и усвоения общезначимых ценностей можно обнаружить в истории культуры, которая и является воплощением трансцендентального. Наука же, опирающаяся на универсальные логические принципы, не может рассматриваться в качестве эталона познавательной деятельности.

Важную роль в неокантианской концепции Баденской школы играла идея двух методологических систем — «наук о природе» и «наук о духе». Первые из них определялись как «номотетические», основанные на формулировании общих закономерностей, выражающих внешнюю схожесть явлений. Вторые — «идеографические», рассматривались как описание единичных, неповторимых явлений. Связующим звеном процесса познания назывался сам познающий субъект, избирающий тот или иной метод исходя из психологических законов

ассоциации или представлений о предмете анализа, сформированных в той или иной культурной традиции. Таким образом, баденские неокантианцы полагали, что вся гносеологическая система основана на априорных ценностях, определяющих мотивацию человека. Общей задачей современной философии, с их точки зрения, становится упрощение картины мира, необходимое для нормативного самоопределения человека. Констатация же научной истинности или ложности остается, в конечном счете, лишь основанием для ценностных суждений.

К проблематике философии культуры тяготело и неогегельянство. Это течение также переживало пик своего развития на рубеже XIX–XX вв. В трудах большинства его представителей диалектический метод Гегеля трактовался как феноменологический, характеризующий «феноменологию Духа». При этом определение Абсолютного Духа существенно разнилось. Британские неогегельянцы Френсис Брэдли (1846–1924), Джон Мак-Таггарт (1866–1925), Робин Коллингвуд (1889–1943) рассматривали феномен Абсолютного духа с точки зрения реализации человеческого опыта познания. Сама личность трактовалась как социальное существо, интегрированное в определенную культурную среду и обладающее, благодаря этому, априорными идеями и представлениями. Становление личности, равно как и процесс познания, рассматривались как процесс самореализации нравственного «Я». С этой точки зрения, Абсолютный дух представляет собой высшую форму индивидуальности, в которой противоречия иллюзорной эмпирической действительности сменяются гармоничным единством мышления, чувства и воли.

Ведущий итальянский неогегельянец Бенедетто Кроче (1866–1952) также отрицал универсальное значение идеи диалектического противоречия. Он считал, что диалектика выражает внутренний ритм саморазвертывания духа и основывается на различии понятий, а не их противоречии. Взаимодействие трех начал — истины, добра и красоты составляет круговое историческое движение духа, в котором нет высших и низших ступеней. Действие человека определяется преобладанием одного из этих начал, а также практической целесообразностью. Поэтому в области общественной практики циклы господства экономических (целесообразных) мотивов сменяются периодами этической исканий. В духовной сфере эстетические приоритеты периодически уступают место

формально-логическим. По мнению Кроче, познание этого алгоритма только на основе интуиции, позволяющей «объективировать впечатления».

Кроче доказывал, что поскольку именно априорная интуитивная мыслительная деятельность формирует мотивацию субъектов, то мыслительный акт и является основанием бытия. Еще один авторитетный итальянский неогегельянец Джованни Джентиле (1875–1944) сформулировал эту идею в более жесткой форме — как «чистый акт», не оставляющий различия между практической деятельностью и теорией, как движение «мыслящей мысли», или «трансцендентального Я». Джентиле считал, что вся реальность — как индивидуальное существование, так и социальная действительность, есть воплощение этой трансцендентальной субъективности, которая актуализируется в противопоставлении с материальной реальностью и поэтому находится в постоянном развитии. Подобная позиция в дальнейшем превратила Джентиле в одного из идеологов итальянского фашизма.

Полемика между неокантианцами и неогегельянами выявила всю остроту проблемы соотношения материальных и духовных факторов общественного развития, формально-логических и иррациональных начал сознания, его индивидуальных и всеобщих форм. Радикальным выражением субъективистского направления философии конца XIX–XX вв. стала «философия жизни» — широкий спектр концепций и теорий, единых в принципиальном противопоставлении феномена жизни и закономерностей развития неживой природы, в критике механистических и вульгарно-эмпирических объяснений природы духовных явлений.

Идея витализма (от лат. «vita» — «жизнь») зародилась в европейской философии значительно раньше. Достаточно полно она была сформулирована уже в трудах Луи Дюма (1765–1813), который выдвинул гипотезу о наличии некоей «жизненной силы», недоступной для механистического и химического анализа. Но лишь в конце XIX в. частная биологическая теория витализма уступила место целостной философской концепции, основанной на «жизненном» объяснении ключевых проблем онтологии и гносеологии. Понятие «жизни» рассматривалось как отражение первичной реальности, предваряющей разделение бытия и сознания. «Жизнь» трактовалась как непрерывный органический процесс, который может быть понят только исходя из его

глубинного и иррационального смысла. Поэтому виталистская философия принципиально отвергала любые формы сциентизма и научному познанию противопоставляла интуитивные, образно-символические способы постижения истины. В любых своих интерпретациях «философия жизни» рассматривалась как ценностно-ориентированная, призванная преодолеть утилитарно-прикладное назначение познавательной активности и выразить «вечные, как сама жизнь» свойства человеческой природы.

Важную роль в становлении «философии жизни» сыграл Фридрих Ницше (1844-1900), снискавший славу самого неоднозначного и загадочного мыслителя XIX в. В основе воззрений Ницше находилось учение имморализма — попытка обосновать смысл и ценность человеческой жизни «по ту сторону добра и зла», т. е. за пределами существующей системы нравственных норм. Нигилизм Ницше по отношению к современному обществу основывался на радикальной критике всех «метафизических концепций» — от рассудочного прагматизма до христианской этики. Ницше полагал, что любые устойчивые внеличностные категории, в том числе такие, как «бытие», «истина», «цель», «добро», «зло», являются иллюзорными. Они создаются людьми в попытках обосновать собственные идеи и мотивы. Единственным реальным бытием, т. е. основанием всего сущего, по мнению Ницше, является сама жизнь.

Понятие «жизнь» Ницше рассматривал в качестве характеристики мирового процесса — универсального и устойчивого в своих основах, но предельно индивидуального и динамичного в каждом конкретном выражении. «Мир жизни един, целостен, вечен, — писал он, — что не означает его стабильности, а напротив, предполагает вечное течение, становление, возвращение». Ницше решительно отвергал традиционный для христианского мировоззрения дуализм души и тела. Он полагал, что тело «не есть вещь», равно как и духовное начало не может быть понято в качестве бестелесной сущности. Лишь глубокое единство телесного и духовного, по мнению Ницше, придает жизни подлинную радость, оптимизм и высшую мудрость.

Ключевым проявлением жизненных сил Ницше считал «волю к власти» — непреодолимое и единственно истинное тяготение каждого существа к самоутверждению, самореализации. В человеке «воля к власти» проявляется прежде всего в совокупности аффектов, неконтролируемых настроений, жажды борьбы и победы. В то же время человек стремится истолковать

свою волю и навязать ее окружающим в виде рациональных норм и правил, в том числе этического свойства. Здесь проявляется двоякая сущность человеческого мышления. Вслед за Шеллингом, Ницше использовал для ее обозначения дилемму «аполлоновского» и «дионисийского» начал — «аполлоновское» символизирует стремление человека придать жизни стройный, целенаправленный характер; «дионисийское», напротив, связано с инстинктивными порывами, чувственностью и страстью. Ницше предрекал появление «сверхчеловека», способного совместить эти начала и стать подлинным творцом самого себя, преодолевающим ложные принципы общественной морали и достигающим истинной свободы.

Выработка гносеологических принципов «философии жизни» была связана с деятельностью французского философа А. Бергсона и немецкого мыслителя В. Дильтея. Анри Бергсон (1859-1941) в своей теории интуитивизма попытался преодолеть жесткое разделение эмпирических и теоретических методов познания. По его мнению, психологическая деятельность человека является тем началом, которое объединяет материю и дух, а следовательно отражает сущность феномена жизни.

Концепция Бергсона основывалась на многомерной модели сознания. Предполагалось, что человек обладает двумя основными познавательными способностями — интеллектом и инстинктом. Бергсон считал, что интеллектуальная деятельность возможна благодаря мозгу — чисто механическому орудию познания, служащему для опосредованной связи с миром. Рассудок позволяет человеку формировать упорядоченное, логичное представление об окружающей реальности и на основе этих интеллектуальных схем выходить далеко за рамки своего индивидуального бытия. Инстинкт — это биологически обусловленная форма сознания, действующая иррационально, стихийно. Сфера инстинкта жестко ограничена рамками индивидуального физического бытия, но действие его безошибочно, поскольку порождено самими глубинами жизни. Целостность сознания, по мнению Бергсона, достигается благодаря интуиции, которая является единственным способом постижения самой жизни — явления непрерывного, изменчивого, бесконечного, постоянно творящего самое себя.

Бергсон утверждал, что интуиция это «одновременно и общее, и внутреннее видение результатов анализа», позволяющее приобретать «непосредственный жизненный контакт»

с реальностью. В этом качестве интуиция играет важнейшую роль и в рациональном мировосприятии. По мнению Бергсона, истинность научного познания всецело зависит от правильности постановки проблемы. Рационально сформулированная задача научного поиска может иметь положительное решение только в том случае, если этому решению соответствует действительная реальность. Таким образом, научное познание в основе своей является гипотетическим допущением. Интуиция же позволяет определить правильную постановку проблемы, т. е. сделать «открытие». Поэтому, она является подлинной основой творчества и открывает путь к познанию уникального, неповторимого и динамичного.

Интуитивизм Бергсона не претендовал на статус комплексной гносеологической теории. Он представлял собой скорее априорный принцип, подчеркивающий значимость немеханистического объяснения духовной природы человека. Ключевой задачей оставалось философское осмысление опыта непосредственного, «изначального» восприятия реальности человеком. Важнейший шаг в этом направлении сделал основатель герменевтики Вильгельм Дильтей (1833-1911).

Дильтей считал фундаментальной ошибкой противопоставление объекта и субъекта философского познания. «Главный импульс моей философской мысли, — писал он, — желание понять жизнь из нее самой». Как и другие философы-виталисты, Дильтей рассматривал жизнь как всеобъемлющую, неисчерпаемую творческую ипостась духа. При этом он подчеркивал историчность феномена жизни и его трансцендентальное выражение в человеческом сознании и психике. Духовный мир человека, по мнению Дильтея, представляет собой часть культурно-исторической реальности и в этом качестве выходит за пределы индивидуального бытия. Таким образом, объектом «наук о духе» является не внешнее явление, а та реальность, которая воплощена в самом познающем субъекте. Это и открывает путь для проникновения в сущность феномена жизни, превращая «науку о духе» в самопознание человека.

В качестве основы своей гносеологической концепции Дильтей рассматривал три категории: «переживание», «выражение» и «понимание». «Переживание», или «внутренний опыт», рассматривается как психологическая интеграция всех проявлений духовной жизни, внутреннее творчество сознания, «возникающее из живой связи человеческой души». «Выраже-

ние» — это внешнее воплощение духовной жизни вербальными и материальными средствами, своего рода «стиль жизни». Последняя часть триады — «понимание» — трактуется Дильтеем как истолкование внутреннего духовного содержания этих внешних проявлений жизни. «Понимание» раскрывает глубинную взаимосвязь витальных явлений и поэтому становится универсальным ключом к познанию «живого единства личности, внешнего мира, индивидов вне нас, их жизни во времени, их взаимодействия». В процессе понимания этих форм объективации духовного мира индивид познает и самого себя. «Условие такой возможности состоит в том, что в проявлении чужой индивидуальности не может выступать ничего такого, чего не было бы в познающем субъекте», — писал Дильтей.

Для обозначения «понимания» Дильтей использовал термин «герменевтика», который в средневековой теологии обозначал методику изучения священных текстов. Немецкий религиозный философ Фридрих Эрнст Шлейермахер (1768-1834) воссоздал теорию герменевтики как искусства интерпретации исторических текстов. Он сформулировал и понятие «герменевтического круга», когда раскрытие смысла текста возможно только исходя из трактовки его отдельных частей, а понимание каждой части исходит из представления об общей смысловой ориентации текста. Дильтей рассматривал герменевтику как метод, позволяющий преодолеть одностороннюю психологизацию «понимания» и тесно связать его с анализом объективных форм выражения духовной жизни. С другой стороны, он подчеркивал, что герменевтика не является формально-логическим методом познания, а предполагает «чувствование», «вживание» в материал анализа, раскрытие в нем трансцендентальных проявлений «полноты жизни».

Дильтей полагал, что на основе герменевтической методологии может сложиться философская «наука о духе», направленная на изучение иррациональных и историчных явлений человеческой природы. Подобно неокантианцам, он считал исследование духовного мира человека и естественно-научный анализ двумя принципиально различными сферами познания. Иной подход предложил основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль (1859-1938). В своих работах Гуссерль еще более последовательно, чем Дильтей, критиковал психологизм многих виталистских концепций и призывал вернуться к «строгой научности» философии.

По мнению Гуссерля, человеческое мышление объективно в своей основе, и поиск истины предполагает освобождение от его субъективных элементов. «Мы постигаем истину не как эмпирическое содержание, которое обнаруживается и исчезает в потоке психологических переживаний», — утверждал он. В то же время Гуссерль полагал, что и сциентистский метод естественных наук не решает проблему познания, поскольку обращен к миру созерцающего эмпирического опыта и несет на себе ту же печать субъективизма. Он считал, что познание состоит в постижении самого смысла явлений, их «чистых сущностей», которые заключаются не в самостоятельном бытии, а в значимости явления для воспринимающего субъекта.

Гуссерль доказывал, что человеческое сознание является «предметно направленным», т.е. имеет некую изначальную, природную установку на восприятие сущности предметов и явлений. Поэтому в бесконечном и непрерывном потоке переживаний, который составляет сознание, можно выделить феномены — относительно самостоятельные и целостные единицы, придающие восприятию тех или иных предметов смысловую направленность. Благодаря им человек никогда не сталкивается с тем или иным явлением «впервые». В сознании содержится своего рода горизонт мировосприятия, который Гуссерль называет «жизненным миром». Его основу составляют феноменологические данности, которые дополняются разнообразными исторически и психологически обусловленными установками. «Жизненный мир», как проявление трансцендентальной субъективности, и обуславливает изначальную предметность человеческого сознания, лишь дополняемую в дальнейшем актуальным эмпирическим и психологическим опытом индивида. Гуссерль предполагал, что изучение феноменологических сущностей «жизненного мира» открывает путь к «чистому сознанию», т.е. познанию глубинного смысла человеческого мировосприятия.

Формирование концептуальных основ феноменологии и герменевтики было тесно связано с развитием «философии жизни», а в методологическом плане эти течения оказались даже более продуктивными, чем идеи витализма. В них ярко отразились важнейшие черты неклассической философии — восприятие духовного мира человека в неразрывной связи с его бытием, выстраивание траектории познания от феномена индивидуальной жизни к ее сущностным и универсальным характеристикам, синтез индивидуализирующих и генерализирующих методов.

От поиска некоего «теневого образа реальности» (В. Виндельбанд) был совершен решительный переход к переосмыслению самих основ бытия, как укорененного в культуре и исторических традициях, формах коммуникации и рефлексии.

Итак, неклассическая философия не отвергала системность и фундаментальность предшествующих философских течений, но преодолевала жесткую полярность онтологических и гносеологических проблем. В центре внимания оказалась природа человеческого мировосприятия, воли, интуиции, творчества. Не претендуя на выстраивание целостного и завершенного образа мира, неклассическая философия предложила прежде всего особый путь к пониманию глубинного смысла феномена жизни. Это сопровождалось жесткой критикой формально-логического и механистического мышления, подчеркнутым вниманием к интуитивным способам познания и иррациональным формам выражения мысли. Неклассическая философия, даже в наиболее сциентистских проявлениях, приобретала ярко выраженный «очеловеченный», мировоззренческий характер. В условиях нарастающего ценностного кризиса европейского общества эта гуманитарная парадигма философских исследований неизбежно получала и сугубо идеологическое воплощение.

Общественно-политическая идеология в эпоху «Заката Европы»

Быстрое изменение социального облика западного общества на рубеже XIX–XX вв., в том числе все более глубокая интеграция всех слоев общества в капиталистическую производственную систему, закрепление нового баланса городского и сельского населения в результате широкой урбанизации, секуляризация массового сознания и принципиальное обновление научной картины мира сформировали предпосылки радикальной перестройки идеологического пространства. «Метаполитические» концепции либерализма, социализма, консерватизма, обладавшие ярко выраженными чертами классовой идеологии, оказались на пути сложной трансформации и взаимного синтеза. И, если необратимое поражение охранительного консерватизма было связано с почти полной утратой им социальной базы и крахом традиционного патриархального миропонимания, то кризис классического либерализма отра-

жал уже закономерности развития нового, индустриального общества.

По мере углубления процесса модернизации и формирования целостной общественной системы индустриального типа либерализм превращался из революционной духовной парадигмы в реальный принцип социальных взаимоотношений. Прежняя негативная, разрушающая трактовка свободы вступила в противоречие с новой консолидирующей функцией либеральной идеологии. К тому же радикальная «манчестерская» версия либерализма сама по себе обладала немалыми противоречиями. Общество, развивавшееся под флагом все большего освобождения личности от коллективных ценностей и обязанностей, неизбежно оказывалось перед угрозой атомизации, разобщения, утраты социальной целостности. Жесткое противопоставление личности и общества, свободы и государственной воли, индивидуального поступка и общественного закона подрывало конструктивную роль политической идеологии и права. К тому же, для все большего числа людей социальное пространство, подчиненное принципу «laissez-faire», ассоциировалось уже не с «системой равных возможностей», а с ужесточающейся эксплуатацией и классовым неравенством. Все это создавало предпосылки для переосмысления важнейших ценностных ориентации либеральной идеологии и утверждения ее новой, более социализированной версии.

Попытки пересмотра классических принципов либерализма предпринимались уже во второй половине XIX в. Первый шаг в этом направлении был сделан в Великобритании. Отдельные черты социального либерализма прослеживаются уже в трудах И. Бентама и Д.С. Милля. В третьей четверти XIX в. Уильям Гладстон (1809-1898) объединил в Либеральной партии сторонников идеи проведения широкого круга реформ в интересах «среднего класса» (налоговой, избирательной, образования, профдвижения). Либералам Гладстона противостояли виги — приверженцы классической версии либерализма, сплотившиеся вокруг фритредерской идеи (программы обеспечения неограниченной свободы торговли и предпринимательства). Политическое влияние вигов быстро падало, однако раскол Либеральной партии в 1886 г. временно притормозил дальнейшую эволюцию английского либерализма. Партию покинули тогда сторонники Джозефа Чемберлена (1836-1914), который выступил с идеей укрепления британской унитарной государственности и образовал собственное движение юнионистов.

В дальнейшем Чемберлен сыграл важную роль в формировании социальной версии консервативной идеологии.

Проблема отношения к государству, вызвавшая кризис английского либерального движения, была принципиально важной для эволюции либеральной идеологии. Давняя традиция «демонизации» государства-Левиафана противоречила позитивному восприятию потенциала социальных реформ, гарантом и инициатором которых должна была выступить именно государственная власть. Большую роль в формировании новой либеральной теории государства сыграли немецкие юристы конца XIX в. Лоренц Штейн (1815-1890) разработал концепцию конституционной монархии — как правового и социально ответственного государства, призванного проводить реформы в интересах низших слоев населения. Он полагал, что удовлетворение естественного стремления индивидов к защите своих прав и укреплению своей собственности возможно лишь на основе общенационального политического курса и укрепления законодательной основы общественной жизни.

В более жестком варианте «либерально-государственнические» идеи развил Рудольф фон Иеринг (1818-1892). Он утверждал, что «государство есть организация социального принуждения», и право представляет собой результат политической борьбы. Вместе с тем, по мнению Иеринга, развитому государству выгодно ограничивать себя конституционным правопорядком, подчиняться закону. Это является необходимым условием свободной экономической деятельности индивидов и политической стабильности общества — главных источников прогресса и благоденствия. В том же ключе была построена и «дуалистическая теория государства» Георга Еллинека (1851-1911). Он полагал, что сущность государственности отражается в социологических и юридических категориях. В социологическом плане государство представляет собой «единство оседлых людей», объединенных волевыми отношениями властвования. Государство позволяет объединить множество индивидуальных сознаний в стремлении к удовлетворению наиболее важных, приоритетных мотивов и целей человеческого поведения. Средством для этого выступает вторая ипостась государства — юридическая. Еллинек считал, что в этом качестве государство представляет собой «снабженную первоначальной властью корпорацию или юридическую личность оседлого народа».

Австрийский юрист Людвиг Гумплович (1838-1909) разработал социологическую теорию государства, во многом созвучную идеям Иеринга и Еллинека. Гумплович считал государство и публичное право явлениями не противостоящими гражданскому обществу, а порожденными им, тесно связанными со всей совокупностью социальных, этнических, религиозных, культурных связей. При этом, государственное развитие в наибольшей степени отражает конфликтность человеческих взаимоотношений, стремление властвовать и подавлять. Сама государственность, по мнению Гумпловича, рождается в ходе подчинения сильными группами населения более слабых групп. Но, являясь «естественно выросшей организацией господства, призванной поддерживать определенный правовой порядок», государство становится и наиболее эффективным выражением борьбы человека за свои права. Со временем оно утрачивает насильственную основу и превращается в стабильную систему правоотношений, закрепляющих естественный баланс групповых и индивидуальных интересов.

Помимо утверждения позитивного отношения к государству, большую роль в обновлении либеральной идеологии сыграла ее демократизация. Ярким выражением этой тенденции стало американское прогрессистское движение рубежа XIX-XX вв. Лейтмотивом прогрессизма была антимонополистическая критика, идея возврата к системе «честной конкуренции», преодоления элитарных тенденций в развитии государственной жизни. Прогрессисты апеллировали к идеям Джефферсона, Франклина, Пейна, к традициям «джексоновской демократии» и политическому наследию А. Линкольна. Социальную базу этого движения составляли преимущественно фермеры и наемные рабочие, но среди идеологов прогрессизма было немало видных представителей интеллигенции. Политическим лидером движения стал представитель радикального крыла Республиканской партии Роберт Лафоллет (1855-1924), занявший в 1900 г. пост губернатора Висконсина, а с 1906 г. избранный от этого штата в Сенат.

В преддверии президентских выборов 1912 г. сторонники Лафоллета создали Национальную прогрессивную республиканскую лигу. Именно от этой партии предпочел баллотироваться на выборах и президент Теодор Рузвельт. Однако его поражение в избирательной дуэли в демократом Вудро Вильсоном наглядно показало противоречивость прогрессист-

ской идеологии и ее уязвимость по сравнению с обновленным либерализмом. Прогрессисты оставались принципиальными противниками как государственного вмешательства в социально-экономическую сферу, так и тотального господства принципа «laissez-faire». Не менее жестко они выступали против любых интерпретаций социалистической идеи, в том числе марксизма. Тем самым прогрессизм оказался не способен выработать какой-либо позитивный социальный проект и остался на уровне пафосной и морализаторской критики. Либеральное движение к этому времени выработало более серьезную идеологическую платформу, пришедшую на смену классической парадигме — социальный либерализм.

Стержень новой идеологической концепции составила особая трактовка основополагающих либеральных ценностей — свободы и равенства. Сторонниками социального либерализма была отвергнута негативная трактовка свободы, как «свободы от». На смену ей пришло понимание позитивного смысла свободы, как основы не только индивидуального, но и общественного бытия. Новое поколение либералов было уверено в том, что борьба за свободу подразумевает не столько разрушение, сколько созидание и преемственное развитие справедливого социального порядка. Под таким порядком подразумевалось общество, которое способно гарантировать свободу, как позитивную «свободу для», т. е. всеобщее и безусловное право каждого быть свободным. Следовательно общество призвано обеспечить каждому своему члену необходимые условия для пользования этим правом — гарантированный минимум жизненных средств, позволяющий реализовать собственные способности и таланты, занять достойное место в общественной иерархии и получить адекватное вознаграждение за общественно полезный труд.

Новое поколение либералов стало более позитивно относиться к идее социальной справедливости. В концепции социального либерализма сохранилось крайне отрицательное отношение к уравнительному эгалитарным принципам и представление о важнейшей значимости индивидуальной инициативы и ответственности. Однако ее сторонники считали, что индивид не является самодостаточным феноменом, и общественное развитие невозможно без эффективной системы социального взаимодействия. Переосмыслению подверглась даже трактовка природы частной собственности — цитадель индивидуалистического

мировоззрения. На смену представлению о том, что наличие собственности отражает исключительно личную успешность, востребованность и конкурентоспособность индивида, пришло понимание роли всего общества в охране собственности и эффективном функционировании любых ее форм. Это вело к осознанию права государства, как представителя общественных интересов, на вмешательство в сферу собственнических отношений для обеспечения консенсуса между отдельными социальными группами, в том числе между работодателями и наемными работниками, производителями и потребителями.

Идеология социального либерализма не отрицала поляриность классовой структуры индустриального общества, однако ориентировалась на достижение гармонии в отношениях классов и групп на основе их взаимозаинтересованности и сотрудничества. Большая роль отводилась государственным реформам в экономической и социальной сфере, в том числе антимонополистическому регулированию (ограничению наиболее жестких форм монополизма), расширению сферы рабочего законодательства, социального страхования. Оригинальным примером новой политической философии стали широкие общественные дискуссии по вопросам «табакокурения», употребления спиртных напитков — впервые подобные «личные» проблемы начали восприниматься как сфера общегосударственной политики. В 1919 г. в США «сухой закон» был даже введен в качестве поправки к конституции, а в Норвегии этот вопрос решался на общенациональном референдуме. Тогда же в качестве предмета государственной политики стали рассматриваться проблемы экологии, в том числе создания национальных парков, охраны фауны.

К началу XX в. социальный либерализм уже сложился как целостная идеологическая концепция и даже особый стиль политического мышления. Однако превращение либерализма из революционной в социал-реформистскую идеологию, закрепление его новой формы в рамках существующего партийно-политического спектра и системы электоральных связей носило сложный и противоречивый характер. Партии, ориентировавшиеся на принципы социального либерализма, после короткого взлета популярности на рубеже XIX-XX вв. в дальнейшем оказались в состоянии сложной организационной и идеологической перестройки. Вплоть до «великой депрессии» 1930-х гг. и триумфа кейнсианской экономической теории со-

циальный либерализм оставался скорее духовным символом, ориентиром идеологического поиска, нежели конкретной политической программой.

В этой ситуации ведущая роль в разработке и распространении идей социального либерализма по-прежнему принадлежала кругам интеллектуальной элиты. Так, в США идеи либерального реформизма отстаивали социолог Л. Уорд и экономист Р. Илай, журналист Г. Кроули и историк Ч. Бирд, юрист Л. Брандейс и политолог У. Уэйл. В становлении английского социального либерализма большую роль сыграли многие представители фабианского общества, в частности, известные литераторы Б. Шоу и Г. Уэллс, лидер теософского движения А. Безант (возглавивший его после смерти Е.П. Блаватской). К идеям социального либерализма склонялось и феминистское движение, набиравшее силу в европейских странах накануне Первой мировой войны. В центре идеологической доктрины феминизма начала XX в. были вопросы социальной эмансипации женщин — расширения их участия в системе представительной демократии, доступа к высшему и среднему образованию, профессиям высокого социального статуса. Наиболее организованные формы феминизм получил в это время в Великобритании и США, где уже в конце XIX в. существовало активное движение суфражисток (от англ. «suffrage» — избирательное право). В предвоенные годы начали проводиться национальные и международные конгрессы феминистского движения.

Важную роль в распространении идей либерального реформизма сыграло масонское движение, переживавшее в начале XX в. новый подъем. Число зарегистрированных лож достигало тогда 26 тыс., а численность адептов превысила 1.670 тыс. Идеи солидарности, нравственного совершенствования, свободы духовного поиска, терпимости, составлявшие основу традиционной масонской доктрины, были чрезвычайно созвучны духу социального либерализма. В рядах масонского движения оказались многие представители интеллигенции, политических и предпринимательских кругов, разделявшие веру в саму возможность примирения индивидуального и общественного начала, справедливого переустройства общества. Масонство превратилось в своего рода неформальную общественно-политическую элиту, генерирующую особую духовную атмосферу и позволяющую преодолеть инерционность традиционных партийных программных установок. В то же время единая масонская политическая

доктрина так и не сложилась. Разными оставались и масштабы национальных движений. Если в США и Франции масонство стало чрезвычайно широким явлением, охватывало значительную часть политического истеблишмента и было ориентировано на радикальные прогрессистские идеи, то в Великобритании и Германии масонские ложи сохраняли подчеркнуто традиционалистские позиции, приверженность к ритуальной деятельности, негативно относились к политизации движения.

Помимо неизбежных проблем, связанных с перестройкой партийно-политического спектра и корректировкой электро-нальных связей, распространение новой либеральной идеологии было затруднено из-за нарастающих противоречий в динамике модернизации различных стран и регионов Европы. В странах «первого эшелона», где модернизация носила эволюционный, естественный характер, этот процесс шел более успешно. В США идеи социального реформизма укрепились как одно из господствующих направлений общественно-политической идеологии уже в начале XX в. Сторонниками новой версии либеральных ценностей были американские президенты Теодор Рузвельт и Вудро Вильсон. В Великобритании распространение идеологии и практики социального либерализма в начале XX в. было связано с деятельностью лидера либеральной партии Девида Ллойд Джорджа.

Во Франции этот процесс получил специфическую окраску — сказались традиционно большая роль государственной бюрократии в развитии общества. Для французских либералов государство так и не стало ненавистным «Левиафаном», а потому утверждение идеи социального реформизма не потребовало существенной ломки политического мышления. К началу XX в. во Франции сложилось широкое политическое течение республиканизма, объединившее партии и группировки самого разного толка. Их объединила поддержка идей конституционализма, демократизации общественно-политической жизни, антиклерикализма в сочетании с либеральными принципами экономической политики. В других странах «первого эшелона» — Бельгии, Нидерландах, Швеции, формирование новой либеральной парадигмы происходило также под влиянием исторических традиций, на базе синтеза с монархическими государственно-правовыми формами, развитием христианского политического движения. Но такая специфика не нарушала общие принципиальные установки, «генотип» социального либерализма.

Иначе складывалась ситуация в странах «второго эшелона», где разворачивались процессы ускоренной, искусственно инициируемой «сверху» модернизации. Государству здесь была необходима идеология, способная легитимировать проекты форсированного индустриального развития, ответить на «вызов» модернизации. Однако прямое восприятие опыта либеральных реформ, опора на принципы классического либерализма были неприемлемы для правящей дворянско-монархической элиты — непосредственного инициатора проводимых преобразований. Не соответствовал либеральный проект и особенностям политической культуры общества, специфике массового сознания. Образовавшаяся идеологическая ниша была заполнена либеральным консерватизмом. Эта умеренно-реформистская концепция не подвергала сомнению общую целесообразность модернизации, однако существенно ограничивала ее характер и задачу. С точки зрения либерального консерватизма, реформаторство может носить лишь прагматичный, ситуативный характер, тогда как приоритет национальных, культурных, религиозных ценностей является бесспорным. Любые реформы рассматривались в контексте исторически избранного пути нации, своеобразия национальной государственности, религиозно-конфессиональной системы ценностей. Конечной целью реформ считалось благо государства, а не интересы гражданина.

Признавая важность радикального общественного переустройства, либерально-консервативная идеология избегала понятия «прогресс», принципиально не противопоставляя прошлое и будущее. Она опиралась на идею поступательного исторического развития. Это позволило либеральному консерватизму превратиться в уникальную мобилизующую концепцию, сочетающую реформизм с охранительными функциями. Кредо этой политической программы емко выразил русский правовед Борис Чичерин: «Либеральные меры и сильная власть». При этом порядок оказывался превыше свободы. В отличие от либерализма, в том числе и социального, для которого ограничение свободы индивидуума определяется в конечном счете приоритетом прав других людей и ответственностью общества перед ними, либеральный консерватизм ориентировался на развитие общества как единого организма. Подобная установка предопределила тесное сближение либерального консерватизма с националистической идеологией.

Идея нации не входила в традиционный идеологический арсенал консерватизма. Представление о нациях, как социальных общностях, имеющих договорной характер, было важным элементом прогрессивной идеологии XVII-XIX вв. Но под влиянием «ситуации вызова», угрозы разрушения исторически сложившейся преемственности в развитии социальных институтов, нравственных и религиозных основ общественной жизни сложилась совершенно иная трактовка сущности этнонациональных связей. Либерально-консервативная идеология трактовала нацию как хранительницу традиций и накопленного опыта, единый организм, имеющий общие цели, преобладающие над интересами отдельной личности. Национальная идея в подобной интерпретации стала мощным аргументом в поддержку нового политического курса. Она позволила либерально-консервативным реформаторам уйти от жесткого этатизма, чрезмерного преувеличения значимости «государственного интереса» и, в значительной степени, преодолеть духовную поляризацию общества в условиях крупномасштабных, форсированных реформ.

Пропаганда идей органической солидарности и национального единства дополнялись в идеологическом арсенале либерального консерватизма новой элитарной концепцией государственной власти. «Теория элит» была призвана сменить традиционный верифицированный монархизм, основанный на идее божественного происхождения монархической власти и высшем божественном суверенитете. Родоначальниками ее были представители итальянской и немецкой политической науки Гаэтано Моска (1858-1941), Вильфредо Парето (1848-1923), Макс Вебер (1864-1920), Роберт Михельс (1876-1936). Лейтмотивом разрабатываемой ими концепции стало представление о делении любого общества на управляемое большинство и управляющее меньшинство («политический класс» — Г. Моска), о естественности политического насилия, легитимированного традициями, харизмой властвующих лиц или рациональной правовой системой. С этой точки зрения, даже демократия является системой элитарного властвования, но с особым механизмом формирования элиты и осуществления ею своих полномочий. Последовательная же реализация принципа народовластия может лишь создать предпосылки для распада государственного механизма, для торжества интересов толпы.

В соответствии с «теорией элит», демократия, понимаемая как непосредственное народовластие, является отвлеченной

идеей, несовместимой с подлинным предназначением власти. Она переносит лейтмотив политической жизни с поиска эффективных механизмов обеспечения реальных потребностей всего народа на совершенствование форм волеизъявления большинства, не готового к ответственности за свои решения. Тем самым последовательная демократия становится основой для политического произвола и нелегитимного насилия. Подобная угроза, а также целый ряд новых особенностей государственной жизни (рост требований к профессионализму политиков, быстрая бюрократизация, изменение текущих целей государственного управления в условиях крупномасштабных реформ, идеологизация государства) вели к еще большему усилению роли властвующей элиты («железный закон олигархии» — Р. Михельс).

Идеология либерального консерватизма оказалась широко востребована в странах «второго эшелона» в условиях форсированного индустриального рывка на рубеже XIX-XX вв. Синтез традиционных ценностей ориентации и либеральных реформизма позволял выработать сценарий естественной интеграции этих стран в ход мирового развития, не ставя под сомнение их национальную самобытность и значимость. В духе либерального консерватизма успешно действовали известные реформаторы — германский канцлер Б. фон Бюлов, итальянский премьер-министр Дж. Джолитти, председатель российского Совета министров С.Ю. Витте. Однако в дальнейшем, по мере решения непосредственных задач ускоренной модернизации, все более очевидным становилось размежевание либерально-консервативного лагеря.

Издержки ускоренных реформ создавали в обществе негативную социально-психологическую атмосферу. И чем глубже и эффективнее была ломка традиционных социальных институтов, тем большее отторжение встречал либеральный компонент государственного реформизма. Тем самым создавались условия для образования совершенно особой разновидности политической идеологии, разрывавшей малейшую связь с либеральным общественным проектом, но еще более радикальной в вопросах общественного строительства. Такой «революционный консерватизм» получил широкое распространение в Германии и Италии уже в начале XX в. Второй вариант эволюции либерально-консервативного реформизма был, напротив, связан с более последовательным восприятием элементов либерально-демократической доктрины. По терми-

нологии, получившей распространение во Франции, такую идеологию можно назвать республиканской.

Причиной большого влияния республиканизма в самой Франции, стране не относившейся ко «второму эшелону», была специфика социальной структуры общества. Преобладающие в ней средние слои стали питательной почвой для внедрения демократических идей, противопоставляемых по своему духу как жесткому «англосаксонскому» либерализму, так и олигархической элитарности. Сказались и особенности так называемой «католической политической культуры» — со свойственными ей высокой степенью эмоциональности, экспансивности, большой ролью коллективных политических символов, идеологических постулатов. Несмотря на непримиримый конфликт с роялизмом и католическим клерикализмом, французское республиканское движение унаследовало эту политическую стилистику и соединило ее с идеей Нации-Республики — особого гражданского сообщества с территориальной, государственно-правовой, культурной общностью, «общей волей», единым суверенитетом.

Эволюция консервативной мысли на рубеже XIX-XX вв. была связана не только с либерально-консервативным синтезом. Еще одной реформистской концепцией стал социальный консерватизм. Характерными чертами этой идеологии были ярко выраженный этатизм, представление о патерналистской роли государства, об активной социальной политике как наиболее эффективной основе общественного благополучия. Социальные консерваторы придавали особое значение идеям национального единения, имперского величия государства, но отрицали абсолютистскую концепцию монархической власти и приоритетную значимость сословного деления общества. Многие черты сближали социальный консерватизм с либерально-консервативным этатизмом. Но между этими концепциями существовало и принципиальное отличие. Социальный консерватизм не был порождением «ситуации вызова» и компромиссом со стороны правящей элиты. Он отражал более глубокие и естественные изменения в традиционной политической культуре и стал своего рода «правопреемником» классического охранительного консерватизма. Характерно, что наиболее яркие концепции подобного толка были созданы в Великобритании и Германии — странах с совершенно разной политической ситуацией и динамикой общественного развития.

Родоначальником идеологии социального консерватизма в Великобритании является Бенджамин Дизраэли (1804-1881), автор трактата «Защита английской конституции» и многих других трудов. Он сыграл большую роль в возрождении британского консерватизма после партийного кризиса 30-х гг. XIX в. Дизраэли разработал идеологические принципы «торийской демократии» — концепции классовой гармонии, основанной на приоритете общенациональных, или «народных» интересов и ценностей. Он считал, что торжество либерализма привело к расколу англичан на две «нации» — богатых и бедных. Однако этот антагонизм является ложным, поскольку основой национального бытия являются веками складывавшиеся традиции, «английский путь делания дел», здравый смысл и уважение к английской конституции. Дизраэли призывал к возрождению национального единства, в том числе с помощью патерналистской поддержки беднейших слоев со стороны богатых, укрепления арбитражной роли королевской власти в рамках государства, усиления общественной роли церкви. В 1872 г. Дизраэли сформулировал три идеологических приоритета своей программы: патриотизм, империализм, социальный реформизм. В дальнейшем развитие британского социального консерватизма было особенно тесно связано с империалистической идеологией, которая вобрала в себя и ультрапатриотическую риторику, и идеи социального патернализма. Влиятельным идеологом британского империализма стал Джозеф Чемберлен, начинавший свою политическую карьеру в рядах либеральной партии, а в 1890-х гг. уже превратившийся в одного из лидеров тори.

Приверженцем идеи имперского национального единства был и Отто фон Бисмарк (1815-1898). Он последовательно проводил политику централизации государственной власти и освобождения ее от влияния любых внесударственных институтов. Бисмарк считал, что не только политические партии, но даже церковь не вправе оказывать какое-либо давление на правительство. Но он не был и сторонником абсолютизма. «В качестве идеала, — писал Бисмарк, — мне всегда представлялась монархическая власть, которая контролировалась бы независимым сословным или профессиональным представительством от страны в той степени, в какой это необходимо, чтобы ни монарх, ни парламент не могли изменить существующее правовое состояние односторонне». При этом Бисмарк полагал,

что решающее слово в отстаивании государственных интересов должно оставаться именно за правительством, действующим как «вопреки случайным голосованиям большинства», так и «вопреки влияниям двора и камарильи».

Бисмарк превыше всего ценил единство государства, видя в нем залог благоденствия всей нации. Это предопределило его циничное отношение к политической идеологии как таковой. «Я придаю, — говорил Бисмарк в рейхстаге, — второстепенное значение тому, какова сама конституция, либеральна ли она, реакционна или же консервативна; все это для меня на втором плане... Бывают времена когда нужен либеральный режим, бывают времена, когда необходима диктатура; все изменяется, в этом мире нет ничего вечного...». Государственный интерес Бисмарк рассматривал как надклассовый и внесловный, отражающий, в первую очередь, патриотические чаяния народа, но связанный и с реальными социальными нуждами всех слоев населения. Последовательно создавая на основе многочисленных немецких государств мощную Германскую империю, Бисмарк придавал первостепенное значение обоим этим задачам. Стремление сплотить нацию «во всеобщем гневе» стало лейтмотивом его внешнеполитических действий. В объединенной «железом и кровью» Германии пышно расцвели националистические, имперские, пангерманские настроения. С другой стороны, Германская империя превратилась при Бисмарке в подлинно социальное государство, где в сферу правительственной политики вошли вопросы не только фабрично-заводского законодательства, но и социального обеспечения, здравоохранения, страхования, образования, культуры.

При всей своей специфике, либерально-консервативный и социально-консервативный реформизм представляли собой достаточно близкие по политическим задачам доктрины. В совершенно ином ключе развивалась еще одна разновидность консервативной идеологии, в основу которой легли не идеалы исторической самобытности и социальной солидарности, а наиболее жесткий вариант либеральных ценностей. Появление подобного типа консервативной мысли стало возможно только к началу XX в., когда в ведущих странах Запада, и прежде всего в США, либеральный порядок рассматривался как уже реализованный социальный проект. Возникла возможность отстаивать принцип «laissez-faire» не только как отражение неких естественных человеческих взаимоотноше-

ний, но и в качестве национальной традиции, преемственной основы «порядка и стабильности». При всей внешней противоречивости, подобный синтез консервативного мышления и ультралиберальных ценностей оказался очень эффективной идеологической концепцией, отвечающей классовым интересам предпринимательской элиты.

Первым шагом на пути формирования нового типа консервативной идеологии стала разработка теории социал-дарвинизма. В основу ее легли воззрения Герберта Спенсера, тесно связанные с доктриной «манчестерского либерализма». На рубеже XIX-XX вв. идеи социал-дарвинизма были развиты многими представителями американской интеллектуальной, политической и деловой элиты. Американские предприниматели Д. Хилл, Д. Херст, Э. Карнеги, Д. Рокфеллер использовали идеи социал-дарвинизма для борьбы против антитрестовского законодательства. Активную поддержку нашел социал-дарвинизм и среди экономистов неоклассической школы, а также социологов и историков.

Лидером американского социал-дарвинизма был профессор Йельского университета Уильям Грэм Самнер (1840-1910). Он подвергал сомнению целесообразность не только революций, но и любых социальных реформ, как нарушающих «естественный ход» развития общества. Самнер считал, что история представляет собой естественный отбор, жестокую борьбу за выживание. Любые общественные институты, законы и нормы могут быть использованы в этой борьбе. Но опасно пытаться применить их вопреки сущности человеческих взаимоотношений. Самнер доказывал, что тем самым будет нарушено хрупкое равновесие, установленное в ходе борьбы «всех против всех». Реформы оказываются направлены в пользу слабых и неудачливых, что снижает достигнутый в ходе естественного отбора высокий уровень жизнеспособности всего общества. С другой стороны, регулирующая роль государства все равно будет использована в групповых или индивидуальных интересах, что лишь исказит естественные условия конкуренции.

Отстаивая естественность принципа «laissez-faire», Самнер не видел в нем торжество абсолютного индивидуализма. Он полагал, что в ходе истории происходит социализация человеческого общества, его структурное, институциональное оформление. Самнер, в частности, писал о важной роли обычаев и нравов как неформальных факторов консолидации

социальных групп. Индивид воспринимает «свою» группу как олицетворение наиболее верных правил жизнедеятельности, а «чужую» — как их искажение. Таким образом, по мнению Самнера, степень сплоченности каждой социальной группы пропорциональна враждебности по отношению к «чужим». Поэтому принципиально важно не только закрепление категорий индивидуальной успешности, трудолюбия, предприимчивости в качестве коллективных ценностей, но и придание им национального, этноцентричного характера.

В XX в. ультралиберальная идеология консервативного толка получила название либертаризма. Ее наиболее ярким выражением стала социально-экономическая теория неавстрийской школы Л. фон Хайека и Л. фон Мизеса.

В развитии социалистической идеологии рубеж XIX–XX вв. также стал периодом активных творческих исканий, непримиримых дискуссий и все более очевидного внутреннего раскола. Образование социал-демократических партий в большинстве стран Европы придало новым импульс для распространения идеи марксизма. В 1889 г. на Парижском конгрессе было объявлено о создании II Интернационала. Партии, вошедшие в его состав, активно боролись за ввод всеобщего избирательного права, расширение рабочего законодательства, 8-часовой рабочий день, выступали в защиту трудовых прав женщин. Идеологической платформой Интернационала оставались идеи революционного марксизма. Лидеры европейской социал-демократии тех лет Рудольф Гильфердинг, Георгий Плеханов, Карл Каутский, Эдуард Бернштейн, Поль Лафарг творчески развили в своих трудах многие положения марксизма, превратили его в целостную философскую концепцию. Окончательно сформировалась марксистская экономическая и юридическая наука, марксистский взгляд на историю и социальную психологию, национальные и религиозные отношения, этические и эстетические проблемы. Марксизм получил признание не только как выражение определенного мировоззрения, но и особый метод научного познания мира. Но в качестве социально-политической идеологии наследие Маркса оказалось весьма противоречиво.

Революционная доктрина классического марксизма опиралась на строгую логику общественного анализа. Маркс и Энгельс полагали, что по мере развития капиталистической формации возникнут объективные предпосылки перехода политической власти к пролетариату, как наиболее многочислен-

ному классу, играющему главную роль в процессе производства общественных благ. Мировая пролетарская революция станет концом истории эксплуатации человека человеком и откроет эпоху коммунистического строительства. Коммунистическое пролетарское интернациональное единство рассматривалось в качестве основы социальной справедливости, обеспечения интересов каждого благодаря усилиям и труду всех. Таким образом, коммунистическая формация жестко противопоставлялась капиталистическому обществу, где конфликт труда и капитала, столкновение интересов пролетариата и буржуазии носили антагонистический, непримиримый характер.

Новые тенденции в развитии капиталистического общества на рубеже XIX–XX в. создали предпосылки для пересмотра важнейших положений марксистской теории. На смену пролетариям — классу, «которому нечего было терять, кроме своих цепей», постепенно приходили квалифицированные рабочие, чей труд получал все более справедливое вознаграждение, а роль в общественной системе становилась заметной и влиятельной. Появились и привилегированные группы наемных работников, особенно в непромышленной сфере (управленцы, менеджеры, работники сферы услуг). Новая организация капиталистического производства создавала основу для все более эффективного взаимодействия представителей разных классовых групп в рамках единого экономического пространства. Одновременно укреплялась и конституционно-правовая основа государственности, происходила демократизация политической жизни, расширялись категории избирателей. Все это предопределило появление не революционной, а социал-реформистской концепции марксизма.

Основателем марксистского социал-реформизма стал Эдуард Бернштейн (1850–1932). В 1899 г. он опубликовал работу «Социальные проблемы», где впервые обосновывалась идея широкого переосмысления марксистской теории. Бернштейн считал что политической задачей рабочего движения является не подготовка к коммунистической революции, а борьба за дальнейшую социализацию существующего общественного порядка. Внедрение в рыночную экономику принципов социальной справедливости (изменение длительности рабочего дня, величины заработной платы, рост социальных гарантий и т.п.) и солидарности (развитие рабочих ассоциаций, кооперативного движения, профсоюзного движения) рассматривалось

Бернштейном как преодоление самого классового характера капиталистического общества.

Неотъемлемой частью таких реформ должна была стать последовательная демократизация политической жизни. Бернштейн полагал, что диктатура пролетариата является мифом, так как неизбежно породит диктатуру «клубных ораторов», поддерживаемую исключительно насилием. Демократия, по его мнению, является единственно приемлемой для большинства населения формой правления, при условии действительно равного доступа в рычагам власти, исключения любых форм элитарности и привилегированности, приоритета права над политическим насилием. Таким образом, задачей социал-демократических партий становится не вовлечение рабочих в радикальные политические действия, а выход рабочего класса из самого пролетарского состояния, формирование экономической организации пролетариата, позитивных стимулов его социальной деятельности, повышение культурного уровня. Рабочие партии должны бороться за лидирующие позиции в рамках парламентской системы, а не вопреки нее, использовать достигнутое влияние для совершенствования всего общественного устройства, а не для закрепления привилегий отдельного класса.

Большинство лидеров II Интернационала отрицательно отнеслись к попыткам «ревизии» марксизма. Однако идеи Бернштейна быстро завоевывали популярность. Этому способствовала и явная политизация социал-демократического движения. Представители нового поколения лидеров марксизма — В. Ульянов-Ленин, Р. Люксембург, О. Бауэр, К. Реннер, Л. Мартов, Р. Макдональд, столкнулись с совершенно особыми задачами. Большинство из них являлись уже не только идеологами международного рабочего движения, но создателями влиятельных национальных партий, претендующих на приход к власти. Поэтому им предстояло дополнить теоретический анализ новейших тенденций общественного развития конкретной политической программой, учитывающей специфику отдельных стран, особенности политической ситуации в них, задачи партийного строительства.

Для социал-демократов Франции, Великобритании, Нидерландов, Бельгии, Швеции — стран, отличающихся стабильным социальным развитием, реформистская теория Бернштейна стала приобретать чисто практический смысл. Лидеры этих партий все больше ориентировались на растущий слой «ра-

бочей аристократии», наиболее организованный и способный выдвигать позитивные политические требования. «Казус Мильерана» (включение члена французской социалистической партии Александра Мильерана в 1899 г. в состав республиканского правительства Р. Вальдека-Руссо) впервые показал, что рабочие партии могут быть интегрированы в либерально-демократическую политическую систему. Активная парламентская работа, опыт участия в правительственных кабинетах, ответственность бремени государственной власти, необходимость консолидации разнородных политических сил для решения проблем общенационального значения, растущий потенциал классового партнерства в условиях «социализации» либеральной идеологии — все это стремительно меняло политическую психологию руководства западной социал-демократии.

Противоположный фланг рабочего движения образовали противники оппортунизма («соглашательства» с буржуазией). Идеологи революционного марксизма Владимир Ульянов-Ленин, Роза Люксембург, Марсель Кашен считали, что современный этап развития общества не ослабляет, а, напротив, обостряет классовую борьбу. Поэтому переход к социализму может носить лишь революционный характер, а произойдет пролетарская революция не в самых развитых странах, а там, где противоречия капитализма приобретут наибольшую остроту («слабых звеньях» в «цепи» мирового капитализма, по выражению Ульянова-Ленина). Окончательный раскол международного рабочего движения произошел уже в годы Первой мировой войны, а революция 1917 г. в России стала последним толчком к формированию двух противоборствующих течений марксистской мысли — большевизма и социал-демократии.

Эпоха «заката Европы» стала толчком для возникновения целой группы течений общественной мысли, противостоящих классическим «левым» и «правым» доктринам в качестве идеологий «третьего пути». Следует учесть, что первоначально, еще с конца XVIII в., «левый» политический лагерь образовали партии революционно-либерального толка, а «правый» — консерваторы. В дальнейшем, «левыми» считались идеологические доктрины прогрессистского типа, а «правыми» — охранительного. К началу XX в. инициатива в «левом» лагере перешла к рабочим партиям, ориентированным на более радикальные общественные изменения. Либеральные и либерально-консервативные партии с этого времени оказались «правыми». Поли-

тический спектр (расположение партий на политической арене «слева направо») стал отражать степень радикальности предлагаемых форм и методов общественного прогресса. Однако, идеологии «третьего пути», возникшие на рубеже XIX–XX вв., не являлись «умеренными» или центристскими. По образному выражению русского философа Семена Франка, идея «третьего пути» рождалась «по ту сторону правого и левого».

Главным бедствием современной цивилизации сторонники нового типа идеологии считали отчуждение человеческой личности. В этом обвинялся как прогрессизм (и либеральный, и марксистский), так и охранительный консерватизм. Основным источником отчуждения называлась формализация социальных отношений, разрушение естественной самобытности и органической целостности человеческой личности. Прежде всего, критике подлежал марксистский классовый подход, превращавший человека в безликую фигуру, чей общественный статус определяется стандартным набором социально-экономических характеристик. Не меньшую тревогу вызвала либеральная концепция гражданского общества и правового государства, где индивид рассматривался как носитель неких универсальных естественных прав, внеличностных по своему характеру. Что касается доктрины охранительного консерватизма, то она вообще принципиально отрицала личностный фактор общественной жизни.

Сторонники идеологий «третьего пути» выдвигали идеал общества, основанного на принципах солидарности и способного гарантировать индивиду «подлинную», или «качественную» свободу. Это могло быть достигнуто всемерным усилением роли органических корпоративных групп — социальных сообществ, объединенных «реальными» интересами. В таком качестве рассматривались национальные и народные общности, конфессиональные (религиозные) группы, производственные и территориальные коллективы, семья. Подразумевалось, что органические корпоративные сообщества не являются договорными по своему характеру. Принадлежность к ним не может быть результатом рационального и целесообразного выбора человека. Напротив, рождаясь в определенной семейной, общинной, религиозной, этнической среде, индивид становится личностью именно благодаря ее влиянию. Таким образом, в рамках органических корпоративных сообществ невозможно противопоставление индивидуального и общего интереса. Солидарность их членов

не провоцирует внутреннюю борьбу и не может рассматриваться как насилие над личностью. Преобладание органического принципа взаимоотношений в рамках всей общественной системы позволяет преодолеть любые формы отчуждения человека.

Идеология органической солидарности основывалась на виталистской системе миропонимания. Она отрицала абсолютизацию рационального, материалистического познания природы и человека. В противовес технократическому и механистическому общественному сознанию выдвигалась идея иррационального, интуитивного понимания глубинных основ жизни, представление о приоритетной значимости нематериальных факторов общественной и индивидуальной жизни. Сама личность рассматривалась прежде всего как духовный феномен. Поэтому в проектах преобразования общества ключевая роль отводилась не экономическому или политическому, а духовному строительству, совершенствованию самого человека, социальному творчеству, порожденному интуитивным стремлением к естественным формам человеческих отношений. Подобная установка предопределила изначальный антиэтатизм органической, корпоративной идеологии. Осуждению подвергалась не только существующая государственная организация, но и само стремление решать проблемы человеческого общежития корректировкой политического курса. Как следствие, идее «третьего пути» изначальным образом оказались созвучны не столько политические движения, сколько разнообразные общественные и интеллектуальные течения. Наиболее значимыми среди них стали социально-христианская доктрина, солидаризм, фелькишское движение и анархо-синдикализм.

К концу XIX в. обе основные ветви западного христианства — католицизм и протестантизм, оказались перед необходимостью серьезной корректировки своих общественно-политических концепций. И, если протестантизм относительно легко адаптировался к изменившемуся социальному порядку, то католическая общественная мысль оказалась в очень сложном положении. Уже в эпоху буржуазных революций клерикально-монархические круги стали оплотом реакции. Секуляризация массового сознания, быстрое становление светских институтов гражданского общества, утверждение идеи суверенности государственной власти, в том числе республиканской, вступали в диссонанс с важнейшими постулатами католической доктрины. Церковь столкнулась с постепенным

вытеснением ее в сферу частной человеческой жизни. Она теряла свои позиции в системе общественного воспитания, была вынуждена мириться с расцветом материалистической философии и утилитарной этики. Все это привело в XIX в. к усилению взаимосвязи католицизма с наиболее жесткими формами охранительного консерватизма.

В период понтификата папы Пия IX (1846-1878) ортодоксальные настроения в католических кругах достигли своего пика. В 1870-1878 гг. состоялся I Ватиканский собор, посвященный обсуждению позиции церкви в новых условиях. 24 апреля 1870 г. собор принял первую догматическую конституцию (*Dei Filius*) о католической вере. В ней, в духе решений Тридентского собора, было сформулировано аутентичное учение о вере, Боге, о божественном откровении. В решениях собора подверглись резкому осуждению атеизм, материализм, пантеизм, рационализм. Собор принял также догмат о непогрешимости папы. Впервые прямое влияние Святого престола распространилось даже на сферы теологических исследований. Возобладал принцип «*Roma locuta, causa finita*» («Рим высказался, дело решено»).

Несмотря на полное преобладание клерикализма в официальной позиции католической церкви, среди католических мыслителей уже в середине XIX в. начали распространяться идеи реформирования общественной доктрины церкви. Наиболее ярким их примером были воззрения французского аббата, известного публициста Фелисите Ламенне (1782-1854). В своих ранних работах Ламенне достаточно резко выступал в защиту принципа легитимизма и рассматривал революцию как худшее проявление человеческих страстей и самонадеянности. Однако в дальнейшем он утвердился во мнении, что не только революционная диктатура, но и монархический деспотизм попирают естественные права человека и божественную сущность власти. Ламенне считал, что принцип свободы в его наиболее чистом выражении включает в себе христианство. Стремление к свободе представляет собой важнейшее свойство каждого человека, но оно не должно быть выражено в узурпации власти или накоплении собственности. Поэтому, разрушительное для человеческой души значение имеют и либерализм, толкающий людей на путь ложного освобождения, и контрреволюционный монархизм, препятствующий самому их стремлению к свободе. «Мир должен обновиться через католицизм, действующий в атмосфере свободы», — писал Ламенне.

Ламенне критиковал попытки втянуть католическую церковь в политическую борьбу в тех или иных странах. Он считал, что церковь должна сплотиться вокруг Святого престола и сохранить нейтралитет в борьбе народов и монархов. Миссия церкви — сугубо моральная, и выполнение ее способно создать подлинно свободное общество, где права человека будут обеспечиваться не насилем над другими людьми, а социальной солидарностью, свободой совести и расцветом образования. В более поздних работах Ламенне выдвигал также идею народного представительства, доказывая, что общество уже преодолело потребность в опеке и способно «само давать себе власть».

Полемика Ламенне с официальной позицией католической церкви стала первым шагом к формированию концепции политического католицизма. Сущность ее заключалась в отрицании противоречия между правами и обязанностями христианина и правами и обязанностями гражданина. Эта сугубо политическая идея была следствием переосмысления одной из наиболее сложных для христианских мыслителей проблемы — о соотношении телесной и душевной сущности человека. Сохраняя уверенность в глубоком отличии материальных и духовных факторов жизни, сторонники политического католицизма отказывались от их противопоставления и доказывали единство высших целей человеческого существования. Это заставляло пересмотреть отношение к многим социальным и политическим институтам, а также более четко определить взаимосвязь самой церкви с гражданским обществом.

Рубежным этапом в переосмыслении общественной роли католической церкви стал понтификат папы Льва XIII (1878-1903). В это время реформаторские идеи впервые получили отражение в официальной позиции Святого престола и были освящены авторитетом понтифика. Лев XIII выступил принципиальным сторонником политического католицизма — как движения за широкую общественно-политическую эмансипацию католиков. Сохраняя неоднозначное отношение к демократии, папа решительно поддержал создание «католического представительства» в гражданском обществе, в том числе католических профсоюзов, цехов, общественных организаций и пр. В его первых энцикликах утверждалось позитивное отношение церкви к правовому государству, отказ от клерикализма, попыток христианизации политической жизни общества. С другой стороны, Лев XIII неизменно подчеркивал, что христианство

обладает глубоким социальным смыслом и способно дать ответ на самые злободневные вопросы современности.

Самой знаменитой энцикликой Льва XIII стало послание «*Regum noyatum** («О новых вещах», 1891). В нем впервые было заявлено о новом отношении Святого престола к социальному вопросу. Наряду с призывами к христианскому милосердию и благотворительности, Лев XIII изложил свою позицию по проблемам классовой борьбы, собственности, положению рабочего класса, войны и мира. Жесткой критике он подверг рабочее революционное движение, пафос классовой борьбы, насаждаемый марксизмом. В то же время в энциклике осуждалась и система экономической эксплуатации, разрушающая моральный облик человека, проповедующая нигилизм, безверие и агрессивность. В «*Regum novatum*» предлагались новые ориентиры общественного развития, переводящие традиционные ценности христианской любви к ближнему в ранг главенствующих социальных принципов. Верующие, и прежде всего рабочие, призывались к последовательному внедрению идей солидарности и взаимопомощи в повседневную жизнь, моральному очищению общества, настойчивому отстаиванию своих прав, минуя крайности политической борьбы. В энциклике «*Graves de communi** («Тяжкие всех», 1901) Лев XIII еще более настойчиво подчеркнул неполитический характер христианско-социального учения, рассматривая его как внеклассовую идеологию, направленную на изменение самих устоев современного общества.

Реформаторская деятельность Льва XIII дала толчок для становления новой идеологической доктрины — социального католицизма. Однако этот процесс встречал большое сопротивление среди клира. Во время понтификата Пия X (1903-1914) в официальной позиции Ватикана произошел консервативный «откат». Лишь в 1920-х гг. идеи социального католицизма в сочетании с идеологией корпоративизма окончательно возобладали в католической церкви. А уже после Второй мировой войны на основе синтеза христианского солидаризма и либерально-демократических идей сложилась концепция христианской демократии.

На рубеже XIX-XX вв. идеи солидаризма начали все шире распространяться и среди представителей других христианских конфессий. Англиканские священники Чарльз Кингли (1819-1875) и Фридрих Морис (1805-1872) широко пропагандировали необходимость активного участия церкви

в защите социальных прав трудящихся, а также поддержки реформаторского курса государства. Заметным явлением стал американский социальный евангелизм. В его основу легли идеи «социального спасения» — сочетание традиционной протестантской трактовки догмата о спасении с понятием социальной ответственности человека и церкви. «Царство Божие включает всю социальную жизнь человека, — утверждал ведущий идеолог социального евангелизма У. Раушенбуш. — Его цель не спасение человеческих атомов, а спасение социального организма, не вознесение индивидов на небо, но превращение земной жизни в небесную гармонию».

Помимо христианского социального учения солидаризм развивался и как сугубо светская теория. Во Франции еще в 1839 г. был опубликован трактат Пьера Леру «О человечестве» — первая попытка систематизировать представления о взаимной солидарности как универсальном социальном феномене. Позднее Огюст Конт уделил немалое внимание проблеме солидарности в своих философских и социологических исследованиях. В начале XX в. в трудах Леона Буржуа, Шарля Жида, Леона Дюги солидаризм уже предстал целостной социальной доктриной, противопоставляемой классическому либерализму и марксистскому социализму.

Французские солидаристы отталкивались от идеи «естественной солидарности», понимая под ней «взаимную зависимость всех частей одного и того же организма», универсальную для любых форм жизни. Чем более сложным, дифференцированным является организм, тем более интенсивной, но одновременно и конфликтной становится взаимосвязь его внутренних элементов. С этой точки зрения, современное общество, с характерными для него высокой степенью разделения труда, идеологическим плюрализмом, разнообразием политических и государственно-правовых моделей, создает предпосылки для губительного нарастания социальных конфликтов, но предоставляет возможности и для развития высших форм солидаризма. Общность различных интересов позволяет людям создавать те или иные ассоциации, синдикаты, кооперативные организации и пр. Это формы естественной солидарности, своего рода «вспомоществование». Однако зачастую они противоречат принципам социальной справедливости, поскольку защищают интересы отдельных групп в ущерб иным. Поэтому естественная солидарность должна быть дополнена этическим императи-

вом, «социальным моральным долгом» человека по отношению к обществу. При необходимости, «недостаток совести» должен быть восполнен действием закона. Французские солидаристы особенно подчеркивали растущую роль современного государства, призванного служить «органическому закону общественной жизни» (Л. Дюги), требовать от индивида правовой дисциплины, укреплять социальную солидарность членов общества и обеспечивать им минимум средств существования.

Если в идеологии французского солидаризма особую значимость имели экономические и правовые проблемы, то немецкий, австрийский и русский солидаризм оказался тесно связан с этико-религиозными вопросами, а также поисками «национальной идеи». Огромным интеллектуальным и духовным потенциалом обладал русский солидаризм начала XX в., развивавший нравственные традиции православия, идеи соборности. Его представители — Н. Лосский, С. Франк, И. Ильин, являлись крупнейшими философами своего времени. Немецкий солидаризм по своему происхождению был тесно связан с социально-христианской доктриной, но отличался большей политизацией. М. Шпанн, Э. Штадлер, А. Штегервальд стали основателями солидаристского течения в католической партии Центра. В 1918 г. эта группа образовала автономную организацию «Объединение за национальную и социальную Солидарность», трансформировавшуюся спустя год в «Объединение за свободную от партий политику». В дальнейшем немецкий солидаризм эволюционировал к идеям национально-социальной диктатуры и оказался связан с зарождением тоталитарного движения.

Процесс оформления солидаристских идеологических концепций приобрел определенную специфику в тех странах «второго эшелона», где процесс модернизации осложнялся необходимостью этнической эмансипации, интеграции различных этно-национальных групп в открытое гражданское общество. Издержки ускоренных реформ, ломка традиционных общественных институтов и морально-нравственных категорий провоцировали здесь обостренное внимание к поискам «истинно национального» пути развития. В России и Германии эта тенденция сочеталась с особенностями имперского сознания, расцветом панславистской и пангерманской идеологий. Результатом причудливого идейного синтеза стали так называемые народнические движения (немецкий аналог термина «народничество» — «volkisch», «фелькиш»).

В рамках народнической идеологии понятие «народ» трактовалось как особая органическая общность, единый социальный организм, обладающий собственной душой, характером, волей, судьбой. Подразумевалось, что именно народ — неделимый на автономные единицы носитель коллективного разума, морали, веры, обладает правом определять пути общественного развития, выступает связующим звеном между прошлым и будущим. Народничество в России и «фелькиш» в Германии выходили за рамки обычной политической идеологии. Они составили особый пласт национальной культуры, образовали целостные мировоззренческие системы, отражающие специфичный строй мышления, социально-психологический комплекс, сформированный на базе этнического самосознания.

Радикальная критика буржуазного образа жизни, как ложного и чуждого национальным традициям, сочеталась в народнических концепциях с выдвижением нового социального проекта, основанного на демократических и социалистических (коллективистских) началах, идеалистических представлениях о единстве «крови и почвы». И, если русское народничество в первую очередь являлось «почвеннической» идеологией, то фелькишское движение отличалось особенно обостренным национальным чувством, переходящим в антисемитские, расистские идеи. «Социализм» фелькишских группировок носил подчеркнуто «немецкий» характер, претендовал на возрождение «истинно немецкого образа жизни» как в нравственном, психологическом, так и в расово-биологическом, генетическом отношении. Фелькишское движение активно поддерживало пангерманские идеи и выступало за укрепление имперской государственности. Оба эти аспекта обладали для «фелькиш» высшим, сакральным смыслом, рассматривались как путь к реальному «соучастию» («*anteilnahme*») народа-организма в политике, способ решения национальных задач общими усилиями. В начале XX в. в русле фелькишской идеологии сложилась и особая расовая теория, оказавшая большое влияние на зарождение нацизма.

В романских странах Европы народническая идеология не получила продуктивного развития. Однако именно здесь сформировалась еще одна специфическая разновидность корпоративной идеологии — анархо-синдикализм. С классическим анархизмом его объединяла мечта о самоуправляющемся обществе и представление о том, что основой общественного прогресса является «революционное творчество» масс, не

стесненное рамками партийной дисциплины и рациональными программными установками. С другой стороны, анархо-синдикализм был тесно связан с синдикалистской идеологией.

Революционный синдикализм возник в конце XX в. в рамках рабочего профсоюзного движения как альтернатива влиянию социал-реформистских социалистических партий. Организации подобного толка представляли собой межотраслевые рабочие объединения, координирующие забастовочную борьбу за улучшение условий труда, пропагандистскую и агитационную деятельность, помощь безработным и жертвам производственного травматизма, просветительскую работу среди рабочих. Синдикалисты считали свою деятельность революционной, поскольку принципиально отказывались от идеи классового сотрудничества. Производственные профессиональные ассоциации они рассматривали как систему социальной самоорганизации рабочих, которая в будущем будет способна выполнять самые широкие регулирующие и контролирующие общественные функции. Именно эта идея привела в синдикалистские организации многих анархистов, сторонников самоуправленческого, безгосударственного общества. В отличие от профсоюзных лидеров, отрицавших связь синдикализма с какой-либо идеологией и политическими задачами, анархисты привнесли яркий идейный пафос и стремление к политической активности.

Уже в начале XX в. в синдикалистском движении образовалось два крыла. Первое из них стало основой мощных профсоюзных организаций, борющихся за экономические права рабочих и укрепление парламентской демократии (ВКТ во Франции, САК в Швеции, тред-юнионы в англосаксонских странах и др.). Второе оказалось под влиянием идей анархизма, действуя под лозунгом «От парламентаризма к синдикализму, к самоорганизующемуся обществу».

Важную роль в формировании идеологии анархо-синдикализма сыграл Жорж Сорель (1847-1922). В книге «Размышления о насилии» (1908) он теоретически обобщил популярную среди анархистов и представителей других радикальных движений идею «прямого действия». Сорель доказывал, что принципиальную значимость имеют только акции, не обремененные рациональными целями, не направленные на конкретные, утилитарные результаты, а имеющие нравственный характер, создающие в обществе особую моральную атмосферу. При этом сама этика наделялась им мобилизующими функциями. По мнению Со-

реля, морально поступает тот, кто не пытается приспособиться к существующему порядку. Подлинный смысл имеет только уничтожение неизлечимо больного общества, и только иррациональная воля способна породить действие, реально меняющее мир. Любые иные формы политической активности Сорель называл замаскированной формой классового сотрудничества, в конечном счете сводимой к торгу и спекуляциям.

Анализируя особенности общественного сознания современной эпохи, Сорель разработал оригинальную теорию «политического мифа». Он считал, что кризис буржуазного общества возвращает иррациональным факторам истинную значимость. Поэтому новейшие идеологические доктрины все больше опираются не на рациональные постулаты, а на систему политической мифологии, обращаются к чувствам, эмоциям человека. Их эффективность зависит не от доказательности и аргументированности, а от способности увлечь массу, ослепить ее яркими идеями, чувственно воспринимаемыми образами.

Анархо-синдикалисты пропагандировали самые различные формы протеста — стачки, демонстрации, бойкот, саботаж. Но в основе каждой из них видели прежде всего эмоциональный взрыв угнетенной массы, ее творческую, непостижимую для разума жизненную активность. Особое значение придавалось насилию. Индивидуальный террор, взрывы в людных местах рассматривались как возможность «встряхнуть» общество, бросить вызов «ложным» гуманистическим ценностям, сковывающим жизненные силы масс, и дезорганизовать демократический строй, «лишающий народ воли». Динамит стал символом политической борьбы. В 1880-1914 гг. жертвами террористических действий стали президенты США Горфильд и Мак-Кинли, французский президент Карню, премьер-министр Испании Антонио Канова, императрица Австрии Елизавета, итальянский король Умберто.

Распространение идеологических концепций «третьего пути» стало ярким свидетельством мировоззренческого кризиса, охватившего западное общество на рубеже XIX-XX вв. В радикальной трактовке они становились символом социального протеста, превращались в требование тотальной нравственной революции, немедленного и радикального переустройства общества на принципах корпоративизма и солидаризма. По названию итальянского корпоративно-националистического движения подобная идеология получила название фашизма (ит.

«fascio» — «пучок»; в соответствии с эмблемой крестьянских повстанческих отрядов конца XIX в., члены которых пучком стеблей символизировали свое единство). Наиболее широко идеи фашизма распространились в странах «второго эшелона», где противоречия модернизации были отягощены ее ускоренным характером. При этом в классическом варианте фашизм сформировался только в католических странах — Италии, Австрии, Испании, Португалии, где были популярны солидаристские идеи социального католицизма и анархо-синдикализма. В Германии ранний фашизм был вытеснен другим вариантом тоталитарной идеологии — национал-социализмом, связанным с идеями расового превосходства. Русский фашизм сложился уже после революции 1917 г. в эмигрантских кругах. В самой же России тоталитарным движением стал большевизм.

Художественная культура конца XIX в.: у истоков модернизма

Эпоха «Заката Европы» принесла с собой разрушение привычных эстетических канонов, представлений о природе художественного, о соотношении искусства и жизни. Попытки найти принципиально новые формы творческого самовыражения, преодолеть «нормальность» пространственного и смыслового восприятия окружающей действительности во многом были связаны с утверждением неклассической научной картины мира, распространением идей относительности пространства и времени. Происходило преодоление мировоззренческой установки на универсальность порядка вещей, фундаментальность и безусловную объективность Истины, отказ от представлений о наличии какого-либо единого источника смысла вещей — Бога, Природы или Разума.

Это «расколдовывание мира» (М. Вебер) вело к радикальному изменению всей системы общественных коммуникаций, обеспечивающих преемственность духовного опыта и основы самоидентификации индивидов. Важнейшая потребность людей в соотношении своего «Я» и коллективного «МЫ», самоопределении в ментальном пространстве общества и системе социальных взаимодействий приобретала парадоксальную направленность. Перед лицом рушащихся «горизонтов мироздания», испытывая ощущение «утраты материи», человек обретал чувство уверенно-

сти, пытаясь приобщиться к будущему и бросая вызов не только прошлому, но и настоящему. Тем самым начала складываться уникальная модернистская духовная традиция, основанная на признании самоценности любого вида новаторства.

Становление художественной философии модернизма, основанной на принципах безусловной творческой свободы, происходило на протяжении нескольких десятилетий и завершилось к началу XX в. Изменение предметно-изобразительной основы искусства привело, прежде всего, к бурному обновлению форм живописи, скульптуры, архитектуры. Литература, театральное и музыкальное искусство, напротив, временно утратили ту динамику, которая была присуща их развитию в период расцвета романтизма и критического реализма. Размытыми оказались и жанровые, стилевые рамки творчества. Полемичность и экспериментальность нового искусства препятствовали складыванию целостных школ и направлений. Разработка новых эстетических критериев и художественных принципов стала прежде всего прерогативой ярких индивидуальностей, решавшихся бросить вызов вкусам общества.

Знаковым явлением в развитии европейской художественной философии стало формирование уникального течения — импрессионизма («impressionnisme» от фр. «impression* — «впечатление»). Сам термин «импрессионисты» в ироническом смысле впервые использовал репортер Луи Леруа, когда 15 апреля 1874 г. несколько молодых французских художников попытались в знак протеста против засилья салонного искусства провести собственную «независимую» выставку. Лидером этой группы был Клод Моне, пропагандировавший идею переориентации живописи на отображение субъективных переживаний света, цвета и пространства. Картину с символическим названием «Впечатление. Восход солнца», выполненную в новой манере, Моне представил уже на первой выставке импрессионистов.

Несмотря на значительный общественный резонанс, первые художественные опыты импрессионистов не были новаторством в абсолютном смысле. Художники барбизонской школы и близкие к течению прерафаэлитов пейзажисты внесли немалый вклад в разработку новой техники передачи пространства и естественного освещения. Большое влияние на участников группы импрессионистов оказал французский художник и график Эдуар Мане (1832 - 1883). Еще в молодости он заявляло о своем стремлении добиться естественного изображения «насто-

ящего дневного света» и «писать жизнь в разное время такой, какая она есть». В 1863 г. Мане создал программную картину «Завтрак на траве». От внимания многочисленных критиков, упрекавших художника в аморальности (он изобразил одетых мужчин рядом с обнаженной женщиной), ускользнуло главное — Мане удалось создать полотно, действительно наполненное светом, передающее благодаря уникальной цветовой гамме чувство полноты жизни. В той же стилистике Мане создал впоследствии картины «Олимпия» (1863), «Флейтист» (1866), «Вечер» (1874), «Нана» (1877) и другие.

В 1866 г. вокруг Мане сложилась группа молодых художников, куда входили будущие импрессионисты — Клод Моне (1840-1926), Камилл Писсарро (1830-1903), Эдгар Дега (1834-1917), Пьер Огюст Ренуар (1841-1919), а также А. Сислей, Б. Моризо, А. Гийомен. Все они любили собираться в кафе на улице Батиньоль, из-за чего последователей Мане называли также «батиньольской школой». Постепенно в их творчестве начали проявляться совершенно новые, оригинальные черты. Ироничное прозвище «импрессионисты» оказалось вполне точной характеристикой. Представители нового стиля отказывались от восприятия художественной культуры как средства познания или средства подражания, копирования природы. Они считали, что искусство художника заключается в том, чтобы воссоздать эстетику мгновенного, мимолетного впечатления.

Импрессионисты попытались преодолеть традиционную иерархию жанров и классические каноны изобразительной техники (трехплановость пространства, разделение изображаемых объектов на главные и второстепенные, композиционное размещение «главных» в центре картины). Их творческий метод предполагал отказ от статичного изображения и передачу изменчивости, подвижности окружающего мира. Это достигалось с помощью техники разложения тонов, необычного сочетания красок, игры цветовых рефлексов.

Импрессионизм первым из художественных течений начал опираться на новейшие достижения физики света. В это время было уже хорошо известно, что та или иная цветовая тональность создается вибрацией света на поверхности предметов в зависимости от наклона лучей. Поскольку смешанные тона в природе отсутствуют, то движение воздушных масс лишь образует определенное сочетание семи красок спектра, которые искусственно составляет человеческое зрение. Техника импрессионистов пред-

полагала не смешение этих основных цветов спектра (с созданием темных «земляных» красок), а нанесение на поверхность холста отдельных мазков разного цвета. Их сочетание позволяло «растворять» в зрительном восприятии контуры изображаемых предметов, приближаясь к эффекту свето-воздушной среды. Помимо использования особой техники, импрессионисты придавали большое значение и реальным зрительным впечатлениям, непосредственному наблюдению за разнообразными явлениями природы. Большинство импрессионистов стремились активно работать на пленэре (на открытом воздухе).

Специфика художественного метода импрессионизма не предполагала формирование какого-либо устойчивого набора правил и принципов творчества. Подчеркнутое стремление к отражению особенностей индивидуального восприятия окружающего мира предполагало большую творческую свободу художников и значимость их собственного стиля. Клод Моне стал известен как создатель программных, знаковых произведений в жанре пейзажа. Он наиболее плодотворно разрабатывал технику разложения тонов, благодаря чему его картины полностью утрачивали «предметность». Взгляд зрителя воспринимал не отдельные детали, а все полотно целиком, в динамике единой цветовой гаммы. Реализуя свой знаменитый лозунг «Пейзаж — это мгновенное впечатление», Моне создавал серии картин, где один и тот же предмет был запечатлен в условиях разного освещения («Стогасена», «Тополя», «Руанский собор», «Лондонский туман», «Кувшинки»).

Для картин Камилл Писсарро была характерна более сдержанная цветовая гамма. Но именно Писсарро внес наибольший вклад в преодоление традиций зрительного восприятия — ассоциаций тех или иных предметов с определенным цветом. Интерес к оптическим эффектам привел его к созданию цикла причудливых городских пейзажей («Бульвар Монмартр», «Оперный проезд в Париже»). Огюст Ренуар, напротив, любил создавать жанровые полотна, где представлял яркие портретные зарисовки женщин и детей, с естественной живостью воссоздавал суету городских улиц или оживленность праздников («Купанье на Сене», «Мулен дела Галет», «Танец в Бужеваляе», «У моря»).

Оригинальным было творчество Эдгара Дега, не интересовавшегося нюансами цветовых решений и не стремившегося к передаче визуальных впечатлений. Он был единственным среди импрессионистов принципиальным противником пленэра

и совершенно по особому понимал натуралистичность искусства. Дега разработал собственную стилистику изображения действительности как «оставленного кадра» — с подчеркнутым четким рисунком, передающим динамику движения или мимики. Не случайно, что наиболее яркими произведениями Дега стали картины, посвященные балетному искусству и изображающие обнаженную женскую натуру («Танцкласс», «Репетиция балета на сцене», «Голубые танцовщицы», «Обнаженная, расчесывающая волосы»).

Разнообразие творческих приемов стало важнейшей чертой искусства импрессионизма, стремившегося к отражению действительности в ее самом непосредственном выражении — в образах субъективного переживания и восприятия самого художника. Импрессионистское восприятие мира — это открытие внутренней гармонии в обыденной повседневности, постижение особой, утонченной красоты, сконцентрированной в кратком мгновении, в мимолетном впечатлении от увиденного. Импрессионизм подчеркивал способность человека видеть мир непосредственно, интуитивно, без каких-либо попыток аналитического, рационально-критического обобщения. В творчестве импрессионистов открывался мир, как яркая, светлая, красочная реальность, не лишенная драматизма, но не втягивающая человека в цепь социальных проблем, конфликтов и коллизий. Само время и пространство воспринималось импрессионистами как категории относительные, зависимые от человеческих настроений и способности воспринимать мир тем или иным образом. Не случайно, что стремление импрессионистов к передаче мимолетных впечатлений отнюдь не означало торжество спонтанности, стихийности творчества. В основе их стиля лежала глубоко осмысленная и тщательно отшлифованная художественная техника, которая удивительным образом сочеталась с индивидуальными настроениями и эстетическими предпочтениями. Все это придавало импрессионизму характер не столько отдельного художественного направления, сколько особого мировоззрения.

Особенности импрессионистской художественной философии проявились и в других видах искусства. Революционным по своему значению стало творчество французского скульптора Огюста Родена (1840-1917). Его работы обладали особой пластикой, получившей впоследствии название «роденовской». Движения человеческого тела, естественные и свободные

положения фигур служили для Родена средством передачи безгранично широкого спектра эмоций, отражения внутренней жизни человека. При помощи энергичной живописной лепки и светотеневых эффектов Роден придавал скульптурной форме особую подвижность, чувственную экспрессию. Со стилем импрессионистов его работы роднила их эскизность, намеренная незавершенность. Но лучшие скульптуры Родена одновременно обладали и подлинным драматизмом замысла, стремлением к философским обобщениям («Бронзовый век», 1876; «Граждане Кале», 1888; «Врата ада», 1880; «Ева. Мимолетная любовь», 1886; «Мыслитель», 1888).

Большое влияние импрессионизм оказал на развитие французского музыкального искусства. Основателем музыкального импрессионизма считается Клод Дебюсси (1862-1918). Его произведения отличались особой поэтичностью, подчеркнутым вниманием к деталям музыкальной композиции, тяготением к изысканности и утонченности. Дебюсси обогатил современный музыкальный язык применением средневековых церковных ладов, традиций пентатоники (бесполутоновой звуковой системы, содержащей пять звуков), создал оригинальное инструментальное письмо. В опере Дебюсси «Пеллеас и Мелизанда» (1902), его программной инструментальной музыке, в том числе импровизационных прелюдиях, ноктюрнах и фортепианных пьесах, отразились характерные для импрессионизма черты — отказ от монументальной целостности художественного образа, стремление к передаче эмоциональных, быстро сменяющихся настроений.

Оптимизм и радостное ощущение жизни наполняли творчество еще одного французского композитора-импрессиониста Мориса Равеля (1875-1937). В отличие от Дебюсси, Равель больше тяготел к традициям классической музыки, четко выраженной форме произведений. Его больше интересовали тембровые возможности инструментов, нежели колорит, создаваемый средствами гармонии. С особой виртуозностью Равель использовал специфику фортепианной музыки, а также художественные особенности оркестра. При этом Равель написал всего одно концертное симфоническое произведение («Испанскую рапсодия», 1907), а все остальные партитуры, кроме двух фортепианных концертов, предназначались для театра. Знаменитое «Болеро» Равеля стало идеальным воплощением чувственности восточного танца.

В литературе импрессионизм не сложился в качестве отдельного направления. Но в творчестве многих писателей и поэтов второй половины XIX в. проявлялась созвучная ему стилиевая специфика — тонкие психологические наблюдения и описания с применением живописных средств, стремление к передаче чувственных впечатлений, «эстетики мгновения». Французские писатели братья Гонкуры — Эдмон Луи Антуан (1822-1896) и Жюль Альфред Юо (1830-1870), попытались обосновать на этой основе художественные принципы «нового реализма». Они утверждали, что «документальной основой романа должна быть сама жизнь». Но в отличие от писателей-реалистов, Гонкуры не стремились к социальным обобщениям и раскрытию мировоззренческих проблем. Их интересовало изображение психологического подтекста человеческих отношений, чувственных переживаний и вызывавших их жизненных коллизий.

Гонкуры считали, что важнейшим достоинством художника и писателя является умение понять внутренний мир отдельного человека или целого общества той или иной эпохи по внешним знакам их жизни, обыденным, бытовым мелочам. Характерно, что на литературном поприще Гонкуры дебютировали в качестве авторов исторических этюдов о XVIII в., где совершенно не ставили какие-либо философские и мировоззренческие вопросы, но детально анализировали привычки и вкусы людей, всю «внешнюю сторону жизни». Романистику они рассматривали также как своего рода историописание, отражение истории «как она могла бы быть» (Э. Гонкур). Гонкуры подчеркивали, что при показе современной общественной жизни следует открывать ее «sur le vrai, le vif, le saignant» («по правде, по жизни, по кровотечению»). Они мало интересовались самими человеческими страстями, и герои их произведений не были людьми примечательными и сильными. Раскрывая свои наблюдения душевной жизни современного общества, Гонкуры чаще изображали натуры слабые и зависимые, а потому достигали необычной натуралистичности, «бесцеремонности» в показе самых неприглядных общественных нравов. Это снискало для них славу не только приверженцев художественных принципов импрессионизма, но и одних из основателей натуралистической школы.

История импрессионизма оказалась недолгой. Французские художники, принадлежавшие к этому течению, провели всего восемь выставок. Последняя из них состоялась в 1886 г. Однако, импрессионизм исчерпал себя не в качестве миро-

воззренческой системы, а скорее как художественный метод. Абсолютизация зрительного подхода к изобразительному искусству сложно сочеталась с внутренней чувственностью, непосредственностью импрессионистского восприятия мира. Уже в конце XIX в. в рамках живописи сложились новые течения, унаследовавшие технику импрессионизма, но основанные на иных принципах художественной философии — неоимпрессионизм и постимпрессионизм.

Основателем неоимпрессионизма стал французский художник Жорж Пьер Сера (1859-1891). Он разработал т.н. метод «дивизионизма» — технику живописи, основанную на предельно точном разложении сложных тонов на чистые цвета. Сера стремился преодолеть «беспорядочность» творчества и создать «научный импрессионизм», где бы цвет был подчинен строгой методической системе. Он использовал три тональные пары, в каждой из которых был основной и дополняющий цвет (красный-зеленый, синий-оранжевый, желтый-фиолетовый). При этом краска наносилась маленькими мазками чистых цветов в виде точек или квадратов. Подобная техника придавала изображению особую контрастность и яркость. Сера с успехом использовал ее, работая в жанре пейзажа («Купание в Аньере», 1884; «Воскресная прогулка на острове Гранд-Жатт», 1886 и др.). Его последователи Поль Синьяк (1863-1935), Анри Эдмон Кросс (1856-1910), Максимилиан Люс (1858-1941) создали немало полотен в жанре городского и «промышленного» пейзажа.

Понятие «неоимпрессионизм» оказалось распространено и за пределами Франции. Таким образом стали называть художников, которые пытались поддержать новаторские идеи своих французских коллег, хотя и приносили в импрессионистскую технику немало новых черт. Наибольшую известность среди «европейских» неоимпрессионистов получили шведский живописец и график А. Цорн (1860-1920), немецкие живописцы М. Слефогт (1868-1932), В. Лейбл (1844-1900) и М. Либерманн (1847-1935). Вскоре творческие искания художников привели к формированию и постимпрессионизма.

Художественным течением, в полном значении этого термина, постимпрессионизм так и не стал. К нему причисляли художников, каждый из которых был яркой индивидуальностью — В. Ван Гог, П. Гогена, П. Сезанна, А. де Тулуз-Лотрека. При значительной специфике своих эстетических и творческих

концепций все они восприняли от импрессионистов стремление к ярким и образным цветовым решениям, новаторские способы пространственной и световой организации полотен, отказ от условностей академического стиля. Оригинальность в технике дополнялась в творчестве постимпрессионистов попытками достичь философского, мировоззренческого обобщения своих художественных образов, предложить синтез живописных, декоративно-стилизующих и формальных методов. Эта очевидная тяга к возрождению «стиля» в сочетании с полным отсутствием единой эстетической концепции позволила впоследствии охарактеризовать постимпрессионизм как кризисное, но исключительно важное явление в истории европейского искусства. Сложной и даже трагической оказалась личная судьба многих постимпрессионистов. Всепоглощающая потребность самовыражения истощала моральные и физические силы, а новаторское творчество зачастую не находило отклика в общества.

Голландский художник Винсент Ван Гог (1853-1890) разработал уникальную версию дивизионистской техники, ставшую предтечей художественного стиля экспрессионизма. Он стремился к полному синтезу рисунка и цвета, отказываясь от упорядоченного нанесения мазков и используя сложное сочетание вертикальных черточек и сплошных пятен, точек и запятых. «Подлинный рисунок есть моделирование цветом», — говорил Ван Гог. При этом большинство его картин отличалось необыкновенной экспрессией, сменой настроений и ракурсов в рамках одного и того же полотна. Ван Гог любил использовать особенно яркий колорит, предпочитая желтую, мажорную гамму от нежно-лимонной до звонко-оранжевой. Работа на грани душевных возможностей подорвала психические и физическое здоровье художника. Пребывая в постоянном состоянии сильнейшего эмоционального напряжения, Ван Гог вел одинокий образ жизни, нередко питался только хлебом и кофе, злоупотреблял спиртными напитками. Во время встречи с Полем Гогеном в октябре 1888 г., потеряв способность контролировать себя, он набросился на собеседника, а затем отрезал себе ухо. Незадолго перед смертью Ван Гог добровольно поселился в психиатрической лечебнице в Сен-Реми.

Французский художник Эжен Анри Поль Гоген (1848-1903), друг и оппонент Ван Гога, в молодости сделал неплохую коммерческую карьеру, но увлечение живописью стоило ему состояния и семьи. Эстетика творчества Гогена питалась идеалами уеди-

ненной жизни в гармонии с природой. Вершиной его раннего творчества стал «бретонский цикл» — работы, созданные под впечатлением суровой красоты этой местности и сцен из жизни крестьян. В 1891 г. Гоген предпринял путешествие на остров Таити, оказавшееся переломным для развития его эстетической концепции. В дальнейшем он создал цикл «экзотических» картин с ярко выраженной декоративностью, линейным контуром, большими участками чистого цвета, нарочито упрощенными, но яркими образами («Следящий Дух мертвого», 1892; «Таитянские пасторали», 1893; «Откуда мы? Кто мы? Куда мы идем?», 1898). Все эти черты были развиты в дальнейшем в рамках особого направления изобразительного искусства — синтетизма. Жизнь самого Гогена закончилась трагически. Вернувшись в Париж из-за болезни и нищеты, Гоген пытался покончить с собой и последние годы провел в одиночестве и отчаянии.

Огромное творческое наследие оставил французский живописец, рисовальщик и литограф Анри де Тулуз-Лотрек (1864-1901). Он происходил из старинной аристократической семьи, но с двадцати лет жил в Париже, целиком окунувшись в богемную и фееричную жизнь Монмартра. Тулуз-Лотрек создал множество цветных рисунков, посвященных цирку, рисунки и литографии с изображениями велосипедистов, жокеев и других спортсменов, портреты выдающихся актеров и актрис, знаменитые серии картин на темы, связанные с кабаре и танцалами (в т.ч. знаменитую «Мулен Руж»), парижскими публичными домами и жизнью их обитательниц. Тулуз-Лотрек одним из первых серьезно занялся жанром рекламного плаката, создавая целые циклы театральных афиш. Техника, в которой работал Тулуз-Лотрек — смещение масштабов, выразительная до гротеска линия контура, удлиненные фигуры, использование декоративных возможностей линии и цвета, во многом предвосхищали формирование стиля «ар нуво» («нового искусства»).

Большое влияние на развитие искусства XX в. оказал и Поль Сезанн (1839-1906). Долгое время он работал вместе с импрессионистами, официально входил в их группу и участвовал в нескольких выставках. Художественный стиль Сезанна в эти годы был близок к работам Писсарро. Но уже в своих ранних работах Сезанн пытался сочетать импрессионистскую яркую палитру с жесткой структурностью рисунка. Впоследствии он пришел к выводу о неправомерности жесткого противопоставления традиций академизма и новых направлений изобразительного

искусства. Отказавшись от нарочитого новаторства, Сезанн начал развивать идею возвращения к классицизму на основе синтеза академических правил построения композиции и современных знаний о закономерностях зрительного восприятия. В своих поздних работах Сезанн стремился к особой точности рисунка и передаче трехмерной структуры предметов и пространства. Избегая нарочитого натурализма, он пытался найти особое сочетание контура, композиционного плана и цветовой гаммы, которые могли бы создать полную иллюзию глубины пространства, передать при помощи градаций цвета тончайшие пространственные изменения на плоскости и в перспективе. Особняком в творчестве Сезанна стоит цикл пейзажей («Дорога в Понтуазе», «Гора Сент-Виктуар», «Берега Марны»). В этих работах наиболее явно проявился характерный для творческой манеры художника «дефект зрения» — нарушение законов линейной перспективы и придание пространству сферичности. Художественный метод Сезанна с присущей ему геометричностью и оригинальными пространственными решениями оказался созвучен более позднему стилю кубизма. Но среди современников подобные работы вызвали небольшой интерес. К концу жизни Сезанн был почти забыт парижским обществом.

Эволюция импрессионизма и его более поздних форм была показательной для художественной философии конца XIX в. Ограниченность классицизма, с его преклонением перед монументальностью стиля, и нарочитая интеллектуализация реализма, сопровождаемая острой социальной критикой, создавали основу для возрождения художественных принципов романтизма. Художники отказывались видеть в искусстве лишь пассивное зеркало реальности и стремились к поэтизации, эстетизации окружающего мира. К этому мотиву добавлялось и обостренное ощущение торжества над природой, пестуемое всей европейской культурой XIX в. Познание мира превращалось в его покорение, проникновение в его законы и тайны. При этом человек не столько приобщался к подлинному таинству мироздания, сколько «очеловечивал» свое жизненное пространство, распространял на него собственные ощущения, эмоции — и, как следствие, узнавал в художественном отражении мира самого себя. В такой ситуации появлялась возможность некоторым образом «упростить» художественный язык, перейти от тотального, исчерпывающего описания действительности к концентрации красоты и смысла

в немногих, ярких и глубоких образах. Подобное «упрощение» на деле оказывалось ложным, поскольку привносило в творчество бурное новаторство, авторскую самобытность, все более сложный индивидуальный психологический подтекст. «Высокое» искусство становилось уделом посвященных, а его художественный язык приобретал характер символизма.

Символическое мышление является чертой духовной культуры самых разных эпох. В значительной степени оно было присуще и романтизму. Но во второй половине XIX в. символизм превращается в самодостаточный художественный метод. Если романтики использовали символизм как способ выявления той неведомой субстанции, которая организует, упорядочивает, гармонизирует мир, то искусство символизма второй половины XIX в. утратило мистический оттенок. Символ стал восприниматься как элемент художественного языка, а не отражение непостижимой, вечной, абсолютной связи эмпирического и метафизического миров. Как следствие, символизм не воссоздавал то чувство восхищения и удивления «подлинной» реальностью, которое было свойственно для романтизма. Но ему не было присущ и мотив грусти, тоски от столкновения с жестокой и несправедливой обыденностью. Символизм превращался в «искусство ради искусства», в предтечу эпохи декаданса — мировоззренческого кризиса европейского искусства на рубеже XIX–XX вв.

Основоположником символизма, сыгравшим решающую роль в переосмыслении традиций романтического искусства, стал французский поэт Шарль Пьер Бодлер (1821–1867). В двух литературно-искусствоведческих сборниках — «Романтическое искусство» и «Эстетические редкости», он изложил свои взгляды на развитие современной художественной культуры. В духе идей французского позитивизма Бодлер выступил за признание уникальности предмета и метода художественного познания. Если наука, по его мнению, ориентирована на поиск истины и использует для этого сугубо интеллектуальные средства, то искусство не имеет иного предмета, кроме его самого. Поэтому художник должен не анализировать или копировать природу, а истолковывать ее наиболее выразительным языком, использовать «чувствование», а не разумение. Бодлер жестко критиковал «философствующих» поэтов и писателей, привносящих в свое творчество далекую от задач искусства полемику. В то же время он полагал, что художественное творчество своими методами

решает важнейшие мировоззренческие задачи. «Недалеко то время, — писал он, — когда станет понятным, что литература, которая отказывается братски шагать плечом к плечу с наукой и философией, и убийственна, и самоубийственна».

Бодлер считал, что предстоит возвращение искусства к своим истокам — отказу от излишней детализации, сосредоточению на возвышенном, истинном. «Воображение создало мир, — писал он, — воображение царствует в безграничных владениях истины, тогда как правдоподобие занимает лишь небольшую часть ее владений». Бодлер отмечал, что побудительной силой к творчеству является ненасытная жажда познания всего, что находится за пределами зримого и очевидного. Поэтому приоритетное значение имеет душевное состояние художника, его темперамент, иррациональная интуиция и предвидение. Жанровые условности и каноны тех или иных стилей, напротив, не играют существенной роли. Исходя из этого убеждения, Бодлер популяризировал идею слияния искусств, которую называл теорией соответствий. Понятие «соответствий» было разработано еще в средневековье и предполагало, что художественное мышление может опираться не на категории торжественности и подобия, а на ощущение трансцендентальной связи явлений. Тем самым не столько формы художественного языка, сколько само художественное мышление рассматривалось как символическое.

В 1880-х гг. во Франции сложилась уже целая группа поэтов-символистов. Их лидерами были Поль Верлен (1844-1896), Стефан Малларме (1842-1898), Артю Рембо (1854-1891). В 1886 г. Жан Мореас опубликовал на страницах «Фигаро» программный «Манифест символизма», где подробно излагалось творческое кредо этого направления.

Несмотря на вполне позитивную художественную концепцию, лирика ведущих поэтов-символистов была проникнута настроениями грусти и пессимизма. Эта черта явственно проявилась еще в творчестве Шарля Бодлера, наиболее известный поэтический сборник которого назывался «Цветы зла» (1852, 1868) и был построен на гротесковых контрастах трагического с прекрасным, отвратительного с утилитарным. В сборниках Поля Варлена «Галантные празднества» (1869), «Романсы без слов» (1874). «Мудрость» (1881) отражался интимный мир чувств и переживаний, диссонанс искреннего восхищения перед одухотворенностью природы и ужаса городской жизни, соседства показной роскошью и беспросветной нищеты. Артю

Рембо в своих стихах и прозе («Сквозь ад», 1873; «Озарения», 1886) откровенно шокировал читателей резкими сюжетными контрастами, столкновением возвышенного и вульгарного, дерзким эпатажем общества. Для большинства поэтов-символистов был характерен особый литературный стиль, основанный на усложненном синтаксисе, своего рода «разорванности» мыслей. Разработанный ими «свободный стих» (верлибр) был широко использован уже в XX в.

Символизм получил распространение и в других странах: в Германии — в творчестве Стефана Георге (1868-1933), в Австрии — Гуго Гофманстала (1874-1923) и Райнера Марии Рильке (1875-1926), в Бельгии — Мориса Метерлинка (1862-1949), Жоржа Роденбаха (1855-1898), в Англии — Уильяма Батлера Йейтса (1865-1939). Йейтс стал одним из наиболее известных теоретиков символизма. Он, в частности, предложил разделять поэтические символы на две группы — эмоциональные и интеллектуальные, подразумевая под последними идеями, смешанными с эмоциями. Среди немецкоязычных сторонников символизма выделяется творчество Райнера Рильке, прошедшего сложный путь от импрессионизма («Часослов», 1905) к философской символике («Новые стихотворения», 1908), а позднее — к «новой вещности», стилю т. н. предметной образности («Дуинезские элегии», 1923).

Литературные эксперименты символистов не были лишь проявлением новаторства. По сути, символическое искусство было ориентировано на формирование особой знаковой системы, способной пробудить внутреннее ощущение реальности у самого зрителя или читателя. Символизм рассматривался как попытка проникновения в глубины человеческого миропонимания, интуитивного понимания истины и красоты. В этом отношении он приближался к художественной философии импрессионизма. Не случайно, что с Верленом, Рембо и другими поэтами-символистами близко дружили художники-дивизионисты Сера, Писсарро и Синьяк. Сложилась и самостоятельное течение символизма в живописи. Его представителями во Франции были Г. Моро (1826-1898), О. Редон (1840-1916), П. Пюви де Шаванн (1824-1898), в Германии — М. Клингер (1857-1920), Ф. фон Штук (1863-1928), в Швейцарии — А. Бёклин (1827-1901), Ф. Ходлер (1853-1918).

В своем высшем выражении символизм предполагал гармоничный синтез поэтических и живописных форм, логики и

интуиции, настроений и впечатлений, т. е. активный подсознательный диалог художника и зрителя. Эта особенность обусловила огромное влияние символизма на театральное творчество. Сторонники символизма призывали к созданию синтетического театрального стиля, способного использовать всю палитру художественных средств — от нового актерского образа-символа до особого сценического интерьера и музыкального сопровождения. В эти годы были возрождены традиции театра марионеток, театра-буф, средневековых мистерий и мираклей.

В тесной связи с литературно-театральной традицией символизма формировалось течение неоромантики. Оно в большей степени унаследовало черты, присущие романтизму начала XIX в. Представители неоромантики — английские писатели Роберт Луис Стивенсон (1850-1894), Артур Конан Дойл (1859-1930), Редьярд Киплинг (1865-1936), немецкая писательница Рикарда Хух (1864-1947), французы Жюль Верн (1828-1905) и Анатоль Франс (Анатоль Тибо, 1844-1924), возрождали культ сильной, яркой личности, поэтику приключений и дальних странствий. Мир сильных, «настоящих» человеческих страстей, таинственных событий и чудесных приключений они противопоставляли современному обществу, запутавшемуся в своих проблемах и противоречиях. Этот художественный метод был связан с попытками осмыслить человеческую природу, мир, время, пространство сквозь призму глубоко интимного духовного опыта и, одновременно, исключительно ярких и мощных проявлений душевных сил.

Специфическим проявлением неоромантического направления стало бурное развитие жанра приключенческой литературы. Показательным был пример Р. Стивенсона, пытавшегося работать сразу в трех жанрах — приключенческого, драматического и психологического романов. Его наиболее известные произведения строились на исторических или «морских» сюжетах, обладали захватывающей интригой и яркой эмоциональной окраской («Похищенный», 1886; «Катриона», 1893; «Черная стрела», 1888; «Остров сокровищ», 1883; «В Южных морях», 1890). В повести «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда» (1886) Стивенсон использовал фантастический жанр для описания раздвоения личности и постановки вопроса о соотношении добра и зла в человеке.

Преемником Стивенсона в развитии приключенческого жанра стал Генри Райдер Хаггард (1856-1925). В 1880-

1890-х гг. он опубликовал целую серию романов, созданных в историческом и «колониальном» жанрах («Дочь Монтесумы», «Прекрасная Маргарет», «Хозяйка Блоксхолма», «Перстень царицы Савской», «Дитя бури», «Клеопатра», «Копи царя Соломона» и др.). Исторические сюжеты и экстремальные условия колониальных экспедиций рассматривались Хаггардом как идеальные условия, позволяющие показать людей во всем величии их талантов и достоинств, равно как и самых худших чертах, порождавших преступления и злодеяния. «И тогда оживает перед читателями давно умершее прошлое, явится во блеске, прорвавшимся сквозь мрак тысячелетий, и даст ему возможность прикоснуться к забытым тайнам», — писал Хаггард.

Признанным корифеем приключенческого и фантастического жанров был французский писатель Жюль Верн. Публикация его произведений вызвала настоящий фурор среди читателей («Пять недель на воздушном шаре», 1863; «Вокруг света в восемьдесят дней», 1873; «Путешествие к центру Земли», 1864; «С Земли на Луну», 1865; «20 000 лье под водой», 1870). Характерно, что в отличие от многих неоромантиков, Жюль Верн не стремился увлечь читателя авантюрной фабулой или необычным антуражем исторического сюжета. В своих произведениях он выразил весь пафос торжества человека над природой, грандиозную победу научного гения и, что еще более показательно, инженерной мысли. Центральный персонаж романа «Таинственный остров» (1875) — инженер Сайрес Смит, мог бы рассматриваться как подлинный «герой времени».

Та же идея поединка человека и природы, но выраженная в совершенно иной художественной форме, стала центральной в творчестве Р. Киплинга. В его «анималистских» рассказах — «Первая книга джунглей» (1894), «Вторая книга джунглей» (1895), «Просто сказки для маленьких детей» (1902), перед читателями предстал во всем своем величии и естественности мир дикой, непокоренной природы и, одновременно, фигура человека, способного бросить ей вызов. С конца 1880-х гг. в произведениях Киплинга усилились патриотические и милитаристские настроения. В годы англо-бурской войны он работал военным корреспондентом и сблизился с самыми радикальными идеологами колониализма А. Милнером, Л.С. Джеймсоном и С. Родсом. Подобные воззрения создали для писателя устойчивую репутацию идеолога «цивилизационной миссии белого человека».

Артур Конан Дойль, более всего известный как автор цикла рассказов о частном сыщике Шерлоке Холмсе и его товарище докторе Ватсоне, стал одним из родоначальников нового жанра романистики — детективного. В таких произведениях проявилась важнейшая особенность литературы конца XIX в. — образное, символическое восприятие интеллектуального начала в человеческой жизни, не сопряженное с постановкой сложных нравственных или социальных проблем. Характерно, что простая и строгая по форме фабула детективного рассказа, равно как и жанр приключенческого или фантастического романа позволяли привлечь внимание читателей, не принадлежащих к элитарным кругам общества и не обладающих высоким образовательным уровнем. Таким образом, неоромантика дала толчок к формированию первых образцов «массовой литературы». Элитарным направлением неоромантической литературы стал эстетизм.

Крупнейшим представителем и идеологом литературы эстетизма стал английский писатель Оскар Уайльд (1854-1900). Его эстетические и этические взгляды представляли собой причудливую смесь нищезанятия и культа возвышенной красоты. Красота воспринималась Уайльдом как высшая и абсолютная ценность, явление, существующее вне морали и нравственности. Он утверждал, что «искусство — зеркало, отражающее того, кто в него смотрится, а вовсе не жизнь». В этом смысле настоящее искусство, по мнению Уайльда, всегда являлось искусством лжи.

Уайльд доказывал, что отказ от признания приоритета эстетики над этикой, поиски некоей «жизненной правды», ставшие целью для представителей реализма, ведут к упадку искусства. Причина заключается в том, что искусство отнюдь не является пассивным отражением жизни. «Жизнь подражает Искусству в гораздо большей степени, нежели Искусство — Жизни», — писал Уайльд, — а Природа в неменьшей мере, чем Жизнь, есть лишь подражание Искусству». Уайльд парадоксально, но по своему логично утверждал, что именно Тургенев сам создал русских нигилистов, а лондонский туман открыли французские художники-импрессионисты. Но художник, по мнению Уайльда, не должен ставить перед собой цель нравственного воспитания общества или увлечения людей к тем или иным целям и задачам. Единственным подлинным смыслом искусства является воспевание красоты и наслаждения. В этом смысле,

не существует безыдейного или аморального искусства, нет книг нравственных или безнравственных — есть лишь книги, написанные плохо или хорошо, картины, способные или не способные доставить эстетическое удовольствие.

Эстетическая концепция Уайльда, его стремление к утонченным художественным формам особенно ярко проявились в поэтических произведениях (сборник «Стихотворения», 1881; стихотворная трагедия «Герцогиня Падуанская», 1883) и сказках («Счастливый принц», 1888; «Гранатовый домик», 1891). Уайльд был автором остроумных комедий «Веер леди Уиндермир» (1892), «Женщина, не стоящая внимания» (1893), «Идеальный муж» (1895), «Как важно быть серьезным» (1895), драматической поэмы «Баллада Реддингтонской тюрьмы» (1898). Особое место в творчестве Уайльда занимает роман «Портрет Дориана Грея» (1891).

Возникновение художественных направлений с ярко выраженной эстетствующей позицией вызвало формирование и альтернативной концепции творчества — натурализма. Принято считать, что первым шагом на пути складывания этого стиля стала выставка картин французского живописца Гюстава Курбе в начале 50-х гг. XIX в. Курбе и его единомышленники провозгласили своей единственной целью «изучение природы» и «тщательное подражание природе». Непримируемая война была объявлена художественному воображению, интеллектуализации и эстетизации искусства. «Природа как она есть, даже немая, нечистая — вот что его влекло, — писал тогда один из современников современник о Курбе. — Ничто не отталкивало его, если в этом была истина, даже порок». Но творчество самого Курбе фактически не выходило за рамки реалистического искусства. Ввод понятия «натурализм» в начале 50-х гг. XIX в. литературным критиком Ж. Шанфлери также был связан с противопоставлением реалистической и романтической литературы. В окончательном своем варианте натурализм сформировался лишь в последней трети XIX в., когда в созданной символистами художественной среде возникает идея использовать саму повседневную реальность как своего рода символ, идею. Объектом натурализма становится человеческий характер в его обусловленности физиологической природой и бытовой средой.

Одним из ведущих писателей и теоретиков натурализма был француз Эмиль Золя (1840-1902). Концептуальные идеи натурализма были изложены в его работах «Экспериментальный

роман» (1880), «Натурализм в театре» (1881), «Романисты-натуралисты» (1881). Золя отвергал авторский субъективизм и призывал отказаться от любых художественных обобщений. «Для меня более всего важно быть чистым натуралистом, чистым физиологом, — писал он. — Я не хочу решать, какой должен быть строй человеческой жизни, не хочу быть политиком, философом, моралистом. Я удовольствуюсь ролью ученого, буду изображать действительность, ища при этом ее внутренние, скрытые основания. К тому же выводов у нас не будет».

В 1868 г. Золя приступил к созданию двадцатитомной серии «Ругон-Маккары», которая стала вершиной его творчества. Характерный подзаголовок цикла: «Биологическая и общественная история одной семьи в эпоху Второй империи» подчеркивал авторский замысел — показать неразрывную связь наследственности и социальной судьбы людей. В последних романах серии интерес Золя к проблемам наследственности уступает место детальному описанию жизненных коллизий героев. При этом характерно, что писатель нарочито отказывался от построения увлекательной и драматической фабулы. Золя полагал, что чем банальнее сюжет, тем типичнее и достовернее художественное повествование. Драматичность действия он заменял пространными и детальными описаниями социальной среды, которые зачастую мало соотносились с динамикой сюжета и превращались в самостоятельные литературные зарисовки.

Основателем немецкой традиции натурализма стал писатель и драматург Герхарт Гауптман (1862-1946). В цикле «семейных драм» («Перед восходом солнца», 1889; «Роза Бернд», 1903; «Перед заходом солнца», 1932), символистской драматической сказке «Потонувший колокол», исторической трагедии «Флориан Гейер» (1896) он показал неодолимость биологических инстинктов человека, моральную и физическую деградацию семей, внезапно меняющих уклад жизни под влиянием экономического успеха, конфликт традиционной этики с прагматизмом молодого поколения. Трагедии и комедии Гауптмана («Ткачи», 1892; «Бобровая шуба», 1893; «Ганнеле», 1893; «Потонувший колокол», 1896; «Возчик Геншель», 1898) внесли огромный вклад в развитие т.н. «новой драмы».

Жанр «новой драмы» сформировался в рамках реалистического и натуралистического направлений, но уже к концу XIX в. стал воплощать и черты религиозно-мистического варианта символизма. Наиболее характерным примером подоб-

ного синтеза стало творчество норвежского писателя Генрика Ибсена (1828-1906). Его перу принадлежат философско-символические драматические поэмы «Бранд» (1866) и «Пер Гюнт» (1867), острокритические социальные реалистические драмы «Кукольный дом» («Нора», 1879), «Привидения» (1881), «Враг народа» (1882). Уделяя большое внимание социальной проблематике, Ибсен акцентировал мировоззренческий и даже философский смысл описываемых событий. Уникальное мастерство писателя позволяло избежать эклектики при сочетании натуралистических описаний с символическими социальными образами, неоромантических мотивов в стиле норвежских саг и баллад с этико-психологическим подтекстом.

Ярким последователем Ибсена стал шведский писатель Август Стриндберг (1849-1912). В его пьесах также прослеживается сложное сочетание черт романтизма, реализма и символизма. Самыми известными произведениями Стриндберга стали исторические драмы «Местер Улоф» (1872-1877), «Густав Ваза» и «Эрик XIV» (1899), роман «Красная комната» (1879), натуралистические или лирические драмы «Отец» (1887), «Фрекен Жюли» (1888), «Путь в Дамаск» (1898-1904), «Соната призраков» (1907). Несмотря на жанровое разнообразие, драматургия Стриндберга неизменно ориентировалась на философско-символическое восприятие. Отказываясь от иррационализма при построении сюжетов, Стриндберг рассматривал его как важнейший элемент художественного языка, как основу диалога художника и зрителя.

В английской литературе утверждение натурализма натолкнулось на сопротивление строгой морали викторианского общества. Лишь в некоторых произведениях Дж. Элиот (1819-1880), Джорджа Гиссинга (1857-1903), Джорджа Мура (1852-1933), Артура Моррисона (1863-1945) можно проследить влияние идей натурализма, побуждавшее писателей определять судьбу героев роковым стечением обстоятельств, понимаемых как неумолимый диктат среды, в котором проявляется действие некой абстрактной, слепой, иррациональной силы.

Особняком стоит творчество английского драматурга Джорджа Бернарда Шоу (1856-1950), начавшего свою карьеру театральным критиком и ярким популяризатором художественных идей Ибсена. В 1891 г. Шоу даже написал книгу «Квинтэссенция ибсенизма», в которой проанализировал особенности «новой драмы». Свой собственный стиль Шоу

назвал «интеллектуальной драмой». В основе его пьес лежали не интрига или действие, а остроумный словесный поединок героев. Подобное театральное действие будоражило сознание зрителей, заставляло их размышлять и смеяться над нелепостью существующих нравов. Неслучайно, что первый цикл драматургических произведений Шоу был объединен названием «Неприятные пьесы». Второй цикл получил название «Приятные пьесы» — здесь акцент был перенесен на комические сюжеты, построение изощренной любовной интриги. В позднем творчестве Шоу усилились социальные мотивы, появились элементы буффонады и фарса.

Идеи натурализма оказали влияние на развитие музыкального искусства. В качестве протеста против традиций академической музыки и одновременно эстетствующего музыкального импрессионизма зародилось движение неопрimitивизма. Его сторонники стремились отразить «варварские» полуфантастические действия, сопровождаемые мощью оркестровых и гармонических комплексов, прямолинейностью ритма, нарочитой упрощенностью и огрубленностью образной сферы. Их музыка была наполнена первозданной стихийностью, динамичностью волевых порывов. Грубые диссонансы и «ужасно» резкие тембровые комбинации считались образцом «варварских» ритмов, якобы восходящих своими корнями к фольклорной архаике. Подобная стилистика сближала неопрimitивизм с художественными принципами экспрессионизма начала XX в.

Еще одним направлением натуралистического музыкального искусства стал оперный веризм (лат. «vero» — «истинный», «правдивый»). Стиль веристской школы определялся стремлением к предельной сценической достоверности, точному подражанию звуковой «натуре». Вместо традиционных стихотворных либретто предпочиталось чтение прозаических текстов в сочетании с мелодизированным, интонационно гибким речитативом. В Италии понятие «веризм» было распространено и на литературу. Это течение возникло под влиянием французского натурализма и опиралось на творчество Г. Флобера, Э. Золя и Г. Мопассана. Ведущими представителями итальянского веризма были Дж. Верга и Л. Капуана.

Своеобразным итогом развития художественной культуры в XIX в. стало формирование стиля «модерн», вобравшего в себя черты символизма и натурализма, неоромантизма и неоклассицизма. Несмотря на то, что модерн в качестве са-

мостоятельного стиля сложился только в архитектуре, в нем воплотились ключевые эстетические принципы всего изобразительного искусства конца столетия, а художественная философия модерна стала одним из наиболее ярких символов эпохи «заката Европы».

Прообразом конструкторских решений в духе модерна стала проектировка и строительство в 1850-1860-х гг. нового типа публичных зданий — торговых залов, железнодорожных станций, выставочных павильонов и галерей. Поворотным моментом стала победа работы Джозефа Пэкстона (1803-1865) на конкурсе проектов павильона Англии для лондонской Всемирной выставки 1851 г. Предложенная им конструкция из металла и стекла была собрана всего за четыре месяца в Гайд-парке и получила название Хрустального дворца. Под впечатлением от этой постройки Роберт Смерк (1780-1867) использовал принцип перекрытия большого пространства стеклом при строительстве читального зала Британского музея (1851-1852).

Проекты Пэкстона и Смерка во многом предвосхитили зарождение в начале XX в. архитектурного стиля конструктивизма, а технологии, использованные при их реализации, почти не использовались еще в течение нескольких десятилетий. Лишь в 1880-х гг. функционалистское («рациональное») направление архитектуры стало доминирующим. Его характерной особенностью была нарочитая утилитарно-бытовая целесообразность пространственных решений, использование урбанистических мотивов — простых архитектурных форм, сочетающих горизонтальные и вертикальные линии, металлического каркаса, создающего большие внутренние пространства, остекленных поверхностей фасадов, большого количества окон и светильников.

Ярким выражением «рациональной» архитектурной эстетики стали проекты, разработанные представителями шотландской «школы Глазго» («Glasgow School»). Ее лидеру, Чарлзу Макинтошу (1868-1928), принадлежит новаторство во внедрении новейших строительных и отделочных материалов, создании огромных оконных проемов с железобетонными переплетами. Макинтош первым начал использовать контраст плавных криволинейных контуров ограды и вертикального членения фасада. Большой успехнискало и еще одно изобретение архитекторов из «школы Глазго» — интерьер «чайных комнат» (небольших ресторанчиков, подобных венским и парижским кафе), выполненный в стиле промышленного

дизайна. Именно для одного из таких заведений Макинтош создал свой знаменитый стул с высокой спинкой.

Новый толчок развитие архитектуры модерна получило в 1890-х гг., когда бельгийский архитектор Виктор Орта (1861-1947) начал использовать новейшие технические и конструкционные возможности для создания зданий с изогнутыми линиями контура. Этот метод позволял преодолеть строгую симметрию и добиться свободного распределения внешних элементов декора, а также внутреннего пространства помещений. Большой вклад в популяризацию подобной техники внес французский архитектор Гектор Жермен Гимар (1867-1942), прославившийся как создатель наземных входов первых станций парижского метро. Именно с творчеством Гимара связано закрепление важнейшей черты модерна — создание целостных композиционных проектов (* от фундамента до дверных ручек), комплексное использование всех доступных материалов, в том числе металла, стекла, дерева, керамики, ткани. Архитектурное искусство в стиле Гимара оказывалось неразрывно связано с дизайнерским.

Стремление архитекторов шире использовать потенциал стилизованного декора было связано с нарочитой рационализацией технико-конструктивных средств архитектурного искусства, нарастанием в нем утилитарных мотивов. Английский художник-дизайнер Уильям Моррис (1834-1896) еще в 1861 г. создал первое крупное предприятие по производству декоративной мебели, скульптуры, ковров, обоев, изразцов. Большинство таких предметов создавались вручную и были настоящими произведениями искусства. Спустя два десятилетия в Лондоне последователями Морриса была создана художественная студия «Гильдия века» («Century Guild»). Ее ведущие представители — А. Макмардо, С. Имейджей, У. Крэйн, популяризовали идею возрождения художественных ремесел, сочетания современных архитектурных форм с высокохудожественными дизайнерскими решениями в области декора.

В 1881 г. в Брюсселе О. Маусом начал издавался журнал «Современное искусство» («L'Art Moaegne»). На его страницах впервые появился и термин «новое искусство» («L'Art Nouveau»). В 1894 г. антиквар из Гамбурга С. Бинг открыл в Париже магазин «Дом нового искусства» («Maison de l'Art Nouveau»). С этого времени начинается настоящая мода на изделия, выполненные в «новом стиле», а само понятие «модерн»

стало распространяться на все творческие поиски, связанные с формированием нового «большого стиля».

Во французском, бельгийском и голландском изобразительном искусстве в качестве характеристики «стиля модерн» закрепилось понятие «Ар Нуво». Характерной чертой его приверженцев стало нарочитое использование «флореальных» мотивов — витиеватых контуров в стиле растений и цветов. Сам термин «флореальное искусство» (лат. «florealis» — «растительный») впервые использовал в 1894 г. бельгийский художник и архитектор А. ван де Велде. Орнаментальная эстетика рассматривалась им как залог естественности дизайна, приближения к природной простоте и изяществу. Ван де Велде призывал использовать флореальные мотивы для создания целостных композиций — от живописи и графики до проектирования зданий, оформления интерьера, мебели, светильников, посуды, декоративных панно, книжных переплетов и даже одежды. В стиле флореального искусства с успехом работали французские художники-декораторы Э. Галле, Р. Лалика, Л. Тиффани, П. Боннар. Эмиль Галле (1846-1904) создал оригинальную технику эмалевой росписи «лунный свет», основанную на включении в стеклянную массу золотой и серебряной фольги, а также создания ваз из многослойного стекла. Рене Лалик (1860-1945) стал известен как основатель «элегантного стиля» в ювелирном искусстве — использования разнообразных драгоценных камней в сочетании со цветным стеклом, эмалью и глазурью. Большое влияние на эстетику французского и бельгийского флореального искусства оказали восточные и, прежде всего, японские традиции.

Австро-немецкое искусство «стиля модерн» первоначально имело схожую специфику. В Германии «новый стиль» стал известен как «югендштиль» («молодой стиль»). Его родоначальником был мюнхенский художник О. Эккман, начавший использовать для оформления мебели, книг, ткани орнаментные мотивы, напоминающие извилистые стебли. Его последователи, объединившиеся вокруг журнала «Югенд» («Jugend»), активно выступали против традиций академического искусства. В 1897 г. ими было создано и свое художественное объединение — «Сецессон» (нем. secession — отделение, уход). Уже к концу века «Сецессон» превратился в широкое движение молодых австрийских и немецких художников, объединявшее десятки организаций. Его идеологом стал Густав Климт

(1862-1918), известный своими художественными опытами по созданию живописного орнамента в стилистике мозаики, с многочисленными мелкими квадратами, кругами и прямоугольниками. На этой основе уже в 1903 г. австрийские художники Й. Хоффман и К. Мозер создали особое направление позднего модерна. Возглавляемое ими художественное объединение «Венские мастерские» пропагандировало «освобождение» архитектуры и дизайна от нарочитого декора и создание «чистого стиля», основанного на использовании правильных геометрических фигур и прямых линий.

Наряду с флореальным и функционалистским направлениями, большую роль в становлении искусства модерна сыграла неоготика. Здания, стилизованные под средневековые формы, создавались уже в середине XIX в. Идея возрождения готических традиций впервые стала популярной во Франции, где активно разрабатывались проекты реконструкции архитектурных памятников. В 1848-1849 гг. немецкий инженер Ф. фон Шмидт провел реконструкцию башен Кельнского собора, также поставив перед собой цель придать ему «подлинно готический вид». Вскоре его английский коллега Уильям Баттерфилд попытался разработать обновленный вариант готического стиля. В 1849-1852 гг. он руководил строительством здания церкви Всех Святых на Маргарет-стрит. Кладка фасада из красных кирпичей с прослойками из черного камня в сочетании с роскошным интерьером, в оформлении которого Баттерфилд использовал разноцветный мрамор, золото и серебро, стали признанным образцом т.н. «высокой викторианской готики».

В конце XIX в., благодаря английской архитектурной школе, неоготика приобрела новые формы. Ключевой задачей становится строительство не помпезных культовых зданий, а стилизованных «под старину» коттеджей для нового среднего класса. В основе популярных проектов, разработанных Норманом Шоу (1831-1912), лежало соединение рациональности и удобства планировки с чертами, присущими усадебной архитектуре XV-XVI вв. («староанглийский стиль»). Иные решения были использованы Филиппом Уэббом (1831-1915) при разработке проектов домов для состоятельных представителей творческой интеллигенции. В основе его планировки лежал принцип логической обусловленности каждой детали. Простота внешнего вида (облицовка красным кирпичом и черепичная крыша) составили основу т.н. «английского рационального стиля».

Особый вариант национально-романтической интерпретации архитектуры модерна был создан в Испании. Признанным лидером этого направления стал Антонио Гауди (1852-1926). В его проектах сочетались элементы традиционной каталонской готики, испанских национальных стилей мудехар и платереск. Вершиной творчества Гауди стала постройка в Барселоне собора Саграда Фамилия («Святое семейство»). В этом здании не было ни одного прямого угла, а элементы декора плавно переходили в скульптурные изображения, живопись и мозаику. В итоге Гауди создал уникальную архитектурную фантазмагорию, состоящую из причудливых существ, фигурок людей и животных, усеянных цветами и деревьями из камня, окрашенных керамических черепков и кусков стекла, стеклянных шаров, заполненных окрашенным песком.

Нарочитая эклектика используемых художественных форм стала наиболее примечательной чертой искусства модерна. С удивительной восприимчивостью модерн впитывал элементы неоклассического и неоготического искусства, «флореальные» и геометрические формы, конструктивистские и орнаменталистские решения, эстетические категории сентиментализма и рационализма, компоненты элитарной и массовой культуры. Неизбежным результатом становилась яркая стилизация творчества. При отсутствии какой-либо универсальной творческой концепции, фундаментального художественного языка, укорененного в массовом сознании данной эпохи, искусство оказывалось подчинено самому поиску «нового стиля», попыткам создать целостный художественный образ на основе синтеза разнообразных элементов. «Стильность» произведения приобретала самоценность и превращалась в основной критерий творчества художника. Но именно эта искусственная стилизация подрывала сам смысл художественного синтеза, провоцировала нарастание нигилистических настроений среди представителей художественной элиты. Искусство, заменяющее философию и религию, начинает рассматриваться не в качестве высшего взлета человеческого гения, а как симптом всеобщего упадка культуры — декаданса.

Понятие «декаданс» (фр. «decadence» от лат. «decadentia» — «упадок») впервые прозвучало в сонете французского символиста П. Верлена, посвященном упадку Римской империи. В дальнейшем оно стало самым емким выражением настроений «fin de siècle» («конца века») — парадоксальной смеси

торжествующего пафоса прогресса и непреодолимого ощущения приближающейся катастрофы, праздничного возбуждения и унылого пессимизма, ожидания грядущих перемен, решительного обновления всех сторон жизни и, одновременно, психологического надлома, нарастания неуверенности и беспокойства. «Жаль уходящего века, — писал тогда русский публицист Михаил Меньшиков, — на нем лежала печать величия; жаль особенно потому, что в конце столетия чувствовалось некоторое увядание, упадок тона, еще недавно столь нервного, непобедимого. Жизнь еще всюду кипит с бешеным одушевлением, но уже чувствуются признаки усталости; как будто первая свежесть духа уже исчерпана, как будто становится скучно жить на свете или, по крайней мере, безрадостно. Искусство перегорает в изысканности декаданса, вычерпывая свою чувственность до дна. Как-то сразу оборвалась гирлянда талантов, нет более великих композиторов, романистов, поэтов, художников...».

Декадентство выразило всю неоднозначность духовного кризиса европейского общества на рубеже XIX–XX вв. Его художественная философия сочетала черты натурализма и утонченной, изысканной манерности, творческого эксперимента и духовной апатии, пессимизма. Стремление преодолеть упрощенность и поверхностность привычной картины мира придавало художественным исканиям все более искусственные, нарочито абстрактные формы, а желание приблизить искусство «к жизни» вырождалось в циничную эстетизацию самых низменных и безобразных человеческих проявлений. Попытки противостоять нарастающей утилитарности массовой культуры сочетались с разобщенностью творческой элиты и трагическим одиночеством ее наиболее ярких представителей. Декадентское искусство стало символом нравственного релятивизма, разочарования в осмысленности, исторической значимости культурных традиций, их способности аккумулировать нравственный и социальный опыт человечества.

Для современников декаданс казался странным, болезненным и упадочным явлением. Но он являлся закономерным и исторически важным этапом в развитии европейской культуры. «Стиль модерн», впитавший в себя всю эклектику, пафос и трагизм декаданса, оказался предвестником многих тенденций в развитии искусства XX в. и, прежде всего, широкого спектра модернистских художественных течений. Само понятие «модернизм» закрепилось как суммарная характеристика

«современного» искусства — преемника «нового» искусства модерна. Характерно, что уже в 1917 г. в книге немецкого историка Р. Паннвица «Кризис европейской культуры» появилось и производное понятие — «постмодернизм». С помощью его Паннвиц пытался определить новейшие тенденции в развитии культуры, прерывающие традиции декадентства и нигилизма. Но в дальнейшем такая смысловая интерпретация оказалась распространена именно на модернизм, а переход к постмодерну стал характеристикой развития художественной культуры уже второй половины XX в.

Ключевым отличием модернизма от традиций «стиля модерн» стал отказ от самих поисков «большого стиля». В своем новаторском пафосе модернизм принципиально разрывал связь с традициями, устоявшимися эстетическими и этическими принципами, ориентировался на разрушение, «расщепление» художественной целостности мира. Этот «бунт» сопровождался неожиданно быстрым преодолением декадентского нигилизма и торжеством оптимистических настроений в творческой элите. В модернистской художественной среде возникает новое понимание картины мира, в которой дуалистичность субъекта и объекта сменяется признанием единства жизни, творчества и искусства. Тем самым мир получает новое онтологическое толкование — каждое произведение искусства и судьба каждого художника становится символом открытия мира. Основой творчества признается не кропотливый поиск наиболее верных художественных средств, а интуитивно вспыхнувшее прозрение. Как отмечал В.С. Соловьев, «модернизм возвеличивал художника и поэта до уровня жреца и пророка, владеющих религиозными идеями и сознательно управляющих ее земными воплощениями».

При обостренном чувстве свободы творчества и необычайно широком стилевом разнообразии, в развитии модернизма прослеживалась и вполне определенная логика. Его протестный пафос был наиболее глубоко раскрыт в авангардистских течениях футуризма, абстрактивизма, сюрреализма, эстетические концепции которых стали «пощечиной общественному вкусу». Поэты-футуристы Ф. Маринетти и Г. Аполлинер, художники У. Боччони, К. Карра, Л. Руссоло пытались передать дух грядущей эпохи, тотального отрицания прошлого и настоящего. Бегство от реальности в мир грез и фантазий, в параллельные миры подсознания предлагали сюрреалисты А. Бретон, М. Эрнст, С. Дали, И. Танги. Абстрагирование, отвлечение от

реальных контуров и форм окружающего мира составило основу эстетики абстрактивизма. Его представители — В. Вorrингер, В. Кандинский, Т. Ван Дусбург, видели в гармонизации форм, линий, цветовых пятен возможность спровоцировать у зрителя определенное эмоциональное сопереживание, индивидуальные чувственные реакции.

Становление фовизма, кубизма и экспрессионизма было связано с дальнейшей разработкой новых принципов наглядности искусства, а потому в большей степени основывалось на наследии «стиля модерн». Стиливым отличием творчества фовистов А. Матисса, А. Марке, М. Вламинка, Ж. Пюи было использование необычайно ярких и даже агрессивных цветовых решений. Экспрессионизм, крупнейшими представителями которого были Э. Хеккель, Э.А. Кирхнер, К. Шмидт-Ротлуфф, М. Пехштейн, характеризовался эмоциональной остротой, нарочитой контрастностью и колоритностью цвета. Кубисты П. Пикассо, Ж. Брак, Х. Грис стремились передать в своих произведениях динамику взаимодействия сложных и простых пространственных форм.

Помимо непосредственного влияния на многие направления модернистского искусства, «стиль модерн» дал толчок и для развития перспективных форм «массовой культуры». Он предвосхитил формирование функционалистской эстетики, основанной на рациональном синтезе разнообразных художественных форм. Важные для модерна декоративные формы искусства постепенно трансформировались в технологичную систему дизайна. Это новое культурное явление отражало не только рождение особой, «технической» эстетики, но и преодоление прежнего противостояния «высокого искусства» и «низкой» бытовой культуры.

Дизайн возвращал художественное начало в предметный мир человека, возрождал творчество как неотъемлемый элемент повседневности. Он представлял собой искусство, принципиально освобожденное от любой идеологии и философии. Но потенциал дизайна, как особого направления художественного творчества, был гораздо шире. Эстетика дизайна предполагала распространение чувственно-эмоциональной природы человека на принципы проектирования бытовой и технико-технологической среды обитания. Поэтому предметная функциональность, воплощенная в культуре дизайна, оказывалась неразрывно сопряжена с творческой позицией художника, открыта для новых творческих замыслов. В своем высшем выражении этот принцип гуманизации предметной среды будет воплощен уже в начале XXI в. — в культуре хай-тека.